Бабье царство. Возвращение…

Хроники Бета-мира - 11

Анатоль Нат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вся наша жизнь крутится вокруг женщин. так почему бы и нет:-)

- Анатоль Нат
  - Глава 1. Дела делишки…
  - Глава 2. Дела Срединной Империи
  - Глава 3. Советник возвращается
  - Глава 4. Металлолом
  - Глава 5. Половодье
  - Глава 6. Конец лета
  - Глава 7. Подведение итогов…
  - Глава 8. Пора, друзья, пора…

Анатоль Нат
Бабье царство. Возвращение…
(Хроники Бета-мира — 11)

Глава 1. Дела делишки…

Женская логика…

Обратно домой с заводов Белла не торопилась. Если до того, к Марку на Стекольный завод её неудержимо гнала какая-то внутренняя нервозность, словно она забыла там что-то важное, то на обратном пути она вдруг обрела внутреннюю цельность, уверенность в себе и удивительное спокойствие, вплоть до полного равнодушия. Ей всё стало окончательно ясно. Всё что её тревожило в странном предложении Куницы обрело кристальную ясность и понимание. И чётко просматривался единственно возможный выход из создавшегося положения.

Им опять придётся сверхнапрячься.

— «Подобная тенденция становится уже чем-то вроде дурной привычки, — мрачно шутила Белла сама с собой на обратной дороге. — И если её не сломать…».

Что произойдёт если не переломить сложившуюся уже тенденцию её жизни в этом городе, Белла не могла чётко сформулировать. Так, витало что-то краем сознания, не формируясь в чёткий образ, не более того. Но что эту тенденцию нельзя было пускать на самотёк, для неё стало уже совершенно очевидно. Они снова возвращались к тому от чего казалось бы уже успешно избавились.

Избыв одного «куратора», в лице Головы со Старостой, к ним на шею стремительно пытался пристроиться другой, Куница. Не такой наглый и прямолинейный, щедрый, в определённой им самим мере, но оттого не менее целеустремлённый, стремящийся тихой сапой подмять успешную чужую компанию под себя и встроить их в свою систему интересов.

И такую тенденцию следовало ломать. Безжалостно и решительно. Потому как ни под кого подстраиваться Белла не собиралась. И ни себе, ни кому другому из своих ближних Белла бы этого не позволила. Поэтому подобные поползновения следовало ломать немедленно и со всей возможной жёсткостью, не оглядываясь на последствия, дабы раз и навсегда отвадить подобных любителей до чужого «сладкого».

Обратная дорога заняла у Беллы полных пять дней. Она никуда не торопилась. Дела, ожидавшие её в городе, могли и подождать. И что характерно, действительно подождут. И день, и два, и, если понадобится, то и неделю. Без неё всё равно ничего не решится. Потому она никуда больше не спешила,

задержавшись сначала на литейном, а потом проведя ещё парочку весьма насыщенных дней в мастерских у братьев Трошиных. И теперь откровенно наслаждалась обратной дорогой, слепящим весенним солнцем, близостью подступающей весны и картиной буквально на глазах оживающего после суровой зимы леса.

Особенно это было заметно на открытых участках дороги, где солнце уже вовсю жарило, местами догола обнажив чёрную землю и густо сыпанув по бугоркам первыми весёлыми подснежниками. И Белла вынуждена была признать себе, что давно уже не была столь счастлива и столь близка к природе, и давно уже не получала такого искреннего чувственного наслаждения от простой поездки по просыпающемуся весеннему лесу, как в этот раз.

Когда ранним утром открытый возок с нею, детьми, нянькой и следующими сзади двумя десятками охраны въезжал в Южные городские ворота, на губах её блуждала мечтательная, неопределённая улыбка, навеянная приятной поездкой. Чем невольно вызвала нешуточное напряжение у воротных стражей. Такой мечтательной, с блуждающим взглядом и рассеянной её давно уже в городе не видели, а всё непонятное, особенно связанное со столь неординарной юной особой, немедленно доводилось до сведения городских властей.

Этим же утром, ещё до полудня она была банке на своём рабочем месте, привычно заняв своё любимое кресло в углу рабочего кабинета Маши. Детей, чтоб не отвлекали, разместили во внутренних помещениях банка в игровой детской комнате, подальше от глаз посторонних. И жизнь снова вошла в своё привычное деловое русло.

И, наверное, самым привычным в ней стала теперь для Беллы фигура Маши, склонившаяся над какими-то документами, которые та внимательно читала.

Деловые люди.

Всё утро первого рабочего дня по возвращению Беллы из поездки на заводы, Маша просидела за своим рабочим столом, с интересом вчитываясь в проект нового договора, подготовленный за время отсутствия Беллы Куницей и лишь этим утром доставленный ей с курьером. Сама Белла в этот момент сидела напротив и предавалась каким-то созерцательно мечтательным раздумьям, внимательно рассматривая что-то любопытное на недавно чисто побеленном потолке.

Кончив читать, Маша некоторое время наблюдала за

подругой и не дождавшись когда та хотя бы пошелохнётся, первая нарушила тишину.

— Нашла там что-то интересное, — подколола она Беллу.

— Прикидываю, откуда вдруг взялась такая бурная, деловая активность Куницы, что он нам буквально продыху не даёт своими новыми деловыми предложениями.

Сначала предлагает переработать полтора миллиона пудов зерна, мотивируя это повышенной для него выгодой от продажи именно нами произведённого спирта, потом предлагает новую партию зерна, ещё большую. На тех же, что и в первый раз условиях. А теперь, я так понимаю по твоему периодическому хмыканью и заинтересованному виду, ещё что-то интересное подсовывает.

Ну, прям добрый любящий дядюшка, заботящийся о благополучии любимых племянниц. Нет, что-то здесь не так.

— Смеёшься? — изумилась Маша. — Миллион пудов элитного зерна в закрома родины, да плюс к тому три лимона сто шестьдесят пять тысяч злотых за бутылки, выдуть которые Марковым мастерам на раз плюнуть…

Запнувшись, Маша несколько опамятовалась. И как-то нехотя смущённо призналась, под насмешливым взглядом сузившихся глаз Беллы.

— Ладно, — поморщилась она, — можешь ничего не говорить. Не на раз плюнуть, согласна. Поработать придётся. И серьёзно придётся поработать, если хотим отхватить такой куш. Двести тысяч бутылей — это вам не комар начихал. Но, согласись, и цена хорошая. Три лимона золотом с копейками. За такие деньги можно покорячиться.

И вот это всё, по-твоему — «что-то не так»?

— Я вот всё думаю. А не дёшево ли Куница собирается нас купить? — не отвечая Маше, проговорила Белла. — Может с него более реальных денег потребовать, да побольше? Чем чёрт не шутит, вдруг даст.

— Сдурела!? Клиента потерять хочешь? — мгновенно взвилась Маша. — Нет! Ты меня не слышишь. Определённо, поездка к Марку дурно сказалась на твоих умственных способностях, — сердито завертелась она на стуле. — Потребовать можно, да получить — вряд ли. Денег в городе, считай что, ни у кого, кроме как у нас нет. И Куница здесь не исключение. В городе царит сплошной бартер. Даже Голова, у которого весьма нехилая торговлишка с Приморьем, и тот за все операции в городе предпочитает расплачиваться «борзыми щенками».

Одни мы со своим приморским золотом на общем фоне

выглядим белыми воронами, платим за всё наличкой. Но и у нас тоже дела идут не шибко весело. Зима, торговлишки с Приморьем считай что, никакой. Притока золота — тоже практически нет. Так, тощий ручеёк для поддержки штанов. Живём исключительно за счёт старых жировых запасов. И на этом фоне предложение Куницы для нас воистину царское. Столько зерна, да ещё и деньги.

А уж для нас то, зерно — очень серьёзная причина зубами схватиться на данный договор. Своего то зерна у нас как не было, так и нет. И будет ещё не скоро, если вообще когда-либо будет, с нашим-то подходом к собственному посевному клину. А тут — такая удача. Такое предложение! Считай, на несколько лет вперёд будем обеспечены прекрасными кормами для ящеров и посевным зерном. При известной, конечно, экономии, пусть впроголодь, но на пару лет нам этого зерна хватит.

Надо будет лишь поставить надёжные элеваторы и сохранить в закромах Родины, чтоб ничё не пропало. Так что, хочешь не хочешь, а Куница нас считай что спас.

— Вот это-то и странно, — задумчиво буркнула Белла. — С чего бы такая благотворительность. Для местных подобное поведение совершенно не характерно. Лесовики! А тут — благодетель, иначе не скажешь.

— Не ёрничай, — поморщилась Маша. — Да, он нас просчитал и сделал нам шикарное предложение, от которого мы не можем отказаться. Не можем и не будем! Ну и что?!

Ну и что, что он нас просчитал и хочет на нас заработать? Ему нужен спирт и он нашёл пути решения своей проблемы. А нам надо решать СВОЮ проблему.

У нас на шее почти девять тысяч взрослых мужских особей подгорных людоедов висит! Целый легион, считай что, который так и не удалось сформировать нашим заинтересованным имперцам. И который они постарались быстренько сбыть со своих рук обратно нам на шею, скинув с себя такую докуку. И если б не первый договор с тем же Куницей, в лагерях наших шахтёров и Марковых землекопов царил бы сейчас натуральный голод, и ящеры как и прежде жрали б сами себя. Или, что вернее за нас бы принялись. И шахты б встали! Все!

Не забывай. У нас почти три тысячи шахтёров. Было!

Было и теперь заново есть! Два на золотом и один на угольном рудниках; одна тыща — на медных копях; две с половиной — землекопы у Марка; ещё что-то около двух — на ловах у амазонок, занимаются подлёдным ловом. И тысячи полторы — заняты в горах: на работах в Тупике и на строительстве там дороги. Девять тысяч! Девять тысяч взрослых

мужских особей! И все как один хотят жрать! А как жрут они — сама знаешь.

— У тебя что-то не ладное с арифметикой, подруга, — насмешливо перебила её Белла. — Ты забыла посчитать те две тысячи «зомби», что копали подземелья под Литейным. Те самые твои любезные «Закрома Родины».

— Разве? А это не землекопы Марка? — удивилась Маша. — Мне раньше казалось, что это его ящеры.

— Ну, — передёрнула плечиком Белла. — В определённом смысле, так и есть. Особенно учитывая, что возню в подземельях тоже можно рассматривать как земляные работы. И то, что они теперь перебрались в лагерь ящеров рядом со стекольным заводом Марка, подтверждает это. Тут ты, пожалуй что, права. Тем более что и сам Марк числит их как бы по своему ведомству, взяв над ними негласный контроль.

— Что ж, сделаем его гласным, — Маша решительно рубанула воздух рукой.

С этого дня официально считаем, что на Марка теперь работает шесть тысяч подгорных людоедов. И пусть он за них отвечает. Две с половиной — это его нынешние ящеры, полторы — те, что ныне в горах, строят дорогу, и две тыщи этих твоих «зомби».

Одиннадцать тысяч? — в недоумении замерла Маша. — Ужас. Откуда? Совсем недавно их было всего пара тысяч на золотой шахте и мы еле-еле справлялись с охраной. А тут…

— Ты опять плохо посчитала, — флегматично, на едва уловимой грани издёвки, опять перебила её Белла. — А члены их семей? Так называемые иждивенцы? Многие из них тоже принимают самое активное участие в нашем производстве. Женские особи довольно активны в плане чего бы покопать, да и многие подростки, из числа тех что постарше, тоже на нас работают. И на шахтах, и на всяких прочих подсобных работах.

Вывоз угля из забоя — полностью на их плечах. Все вспомогательные работы — полностью в их ведении. Так что, их тоже нельзя исключать из подсчётов трудящихся, на которых следует распространять взрослые нормы питания.

— Детский труд запрещён, — растерянно пробормотала Маша.

— Ты ещё про свой КЗОТ вспомни. Тот, что на Земле остался, — сухо оборвала её Белла. — И женский, и детский труд весьма активно используется всеми. Всеми, заруби себе это на носу! И нами в том числе. В любом труде нет ничего плохого, если только он не превращается в кабальный.

Так что можешь смело добавить к одиннадцати ещё тысяч

двадцать пять новых рабочих, из расчёта по два, три «иждивенца» на одну взрослую мужскую особь. Так сказать, члены их семей.

— Откуда у них семьи? — совсем растерялась Маша. — Не было же. Мы же…

— Набежали, — сухо оборвала совсем растерявшуюся Машу Белла. — Тишком. Пока мы их громили на границе, те что выжили лесами просочились обратно, поближе к кухне, как обычно говорят старые солдаты. И когда ослабла охрана лагерей, в связи с переводом пленных на вольные хлеба и их отказу от людоедства. тихой сапой пристроились на тёплые места. Эти ящеры вообще какое-то недоразумение, — сердито проворчала Белла. — Хотя да, их можно понять. Зимой в лесу голод, а у нас кормят. И кормят довольно неплохо, особенно в последнее время. Вот и лезут за колючую проволоку, чтоб с голодухи не подохнуть.

У нас какая-никакая а жизнь, а там, в разорённых деревнях, голод и смерть. Вот они и потянулись, кто — на равнину, к соплеменникам, а кто тишком в наши лагеря пленных. А твой Корней этот момент прошляпил.

Охранял от того чтоб не сбежали, а что сами полезут за колючую проволоку — не подумал. Теперь их оттуда пушкой не выбьешь. Да и зачем, работают же. Пусть не так производительно, как взрослые особи, но всё же, всё же… Свою часть подсобных работ они выполняют полностью. Так что…

— Хорошо, — Машу явственно передёрнуло. — Но всё равно это ничего не меняет.

Если считать, что для нормального жизненного цикла обычного человека желательно иметь тонну зерна на нос… Это данные ещё с Земли, — сухо пояснила Маша на изумлённый взгляд Беллы. — Ну, там, откормить курей, свиней, коровке зерна в кормушку подсыпать, лошади овса, а то и пшенички, и так далее, то на одну взрослую рабочую особь звероящера можно смело принимать порядка двух тонн зерна в год… Хотя бы двух тонн, — особо, с упором на вес, подчеркнула Маша. — Женщ…, — оборвала она сама себя. — Для женских особей и мальцов, тут уж перебьются — не более чем по половине. Тонна на нос — и хватит.

То есть на год нам надо на взрослые особи — двадцать две тысячи тонн, и на иждивенцев — ещё двадцать пять тысяч тонн зерна. Итого — сорок семь.

Ужас, — едва слышно прошептала она. — Мы никак не укладываемся в норматив. Даже с зерном по второму договору. Боже! Это же кабала! Любой нас теперь спеленает, а мы и пукнуть не сможем. Ой-й! — схватилась она за голову. — Откуда что взялось. Только что ничего ведь не было и нате вам, приплыли

девочки.

— Кормушка, говоришь. Ну да, — мрачно ухмыльнулась Белла. — Особенно учитывая то, что подсобного хозяйства у ящеров нет. Как-то не успели завести, — с издёвкой уточнила она. — Того самого, куда надо подсыпать зерна в кормушку. Ни кур нет, ни коровок, ни кроликов у них тоже нет, — ядовито рассмеялась она. — Как-то не совмещаются ящеры с курами.

— Ну и что, — хмурая Маша раздражённо передёрнула плечами. — Подумаешь. Жили впроголодь ящеры до нас, и дальше также жить будут. Нам то что. В конце концов, хотят жрать — пусть рыбку с амазонками на паях ловят. Если они амазонкам не мешают, то мне лично той рыбы не жалко. Её в озёрах как грязи.

— Если ты к тому, чтоб сократить количество особей в трудовых лагерях, то такое отношение приведёт к отвлечению взрослых рабочих особей от работы на шахтах, — невольно похолодел голос у Беллы. — Упадёт добыча руды и угля и мы в итоге потеряем много больше.

— А вот если нам надо чтоб они все ударно трудились, — победоносно ухмыльнулась Маша, — выдавая на гора нужный НАМ результат, то надо соглашаться и на второй, и на этот, последний, третий договор, — постучала она пальчиком по бумагам у себя на столе.

Так что, Беллочка, нравится — не нравится, а придётся договор подписывать. И в том виде что нам предлагают. Не до жиру.

Глубоко задумавшись, Маша какое-то время рассеянно барабанила пальчиками по раскиданным по столу каким-то листкам.

— А вот со стеклом…, не знаю, — совсем уж тихо проговорила она. — Надеюсь, что все наши домыслы это всё же досужие домыслы, а не правда. Очень на то надеюсь.

— Надеешься, но, тем не менее, ничего не предприняла чтоб разобраться. Пустила всё на самотёк. Даже результатами моей поездки на завод к Марку не поинтересовалась, — Белла с задумчиво-отрешённым видом также рассеянно барабанила пальчиками по подлокотнику кресла. — За всё время с моего возвращения, ни одного вопроса не задала. Если у нас и дальше будет такой подход…, — кольнула она Машу построжавшим взглядом.

— Я тебе вот что скажу, подруга, — с невозмутимым видом Маша отложила в сторону листки, что только что взяла со стола. — У тебя своя доля работы, а у меня — своя, — слегка хлопнула она ладонью по столу. — И вот здесь, в моей доле, —

постучала она коротко обрезанным ноготком по листам. — Чёрным по белому, грамотным русским языком всё ясно и чётко изложено.

Посмотрев на свои собственноручно этим утром коротко остриженные ногти, она ещё более погрустнела.

— Вот где наше благополучие на ближайшие годы, — не отводя взгляда от собственноручно изуродованных ногтей, уныло констатировала она. — Вот! Новый договор, предложенный Куницей, — резким движением руки Маша грубо отстранила от себя все листки на столе.

Чёрт, — едва слышно сквозь зубы чертыхнулась она. — Нормальный маникюр не у кого сделать. Нахрена тогда так работать.

Замолчав, Маша с едва скрываемым раздражением несколько долгих мгновений внимательно наблюдала за реакцией Беллы. Дождавшись, когда в её глазах вспыхнет лениво-вальяжный интерес, с понимающей усмешкой на губах сухо продолжила.

— Докладываю. Сей хитроумный крендель предлагает нам не размениваться на мелочёвку: полтора миллиона пудов, два миллиона пудов. Он предлагает сразу заключить один большой договор на переработку для него тридцати восьми миллионов пудов зерна. Частями. В котором этот, на два миллиона пудов, войдёт как первая часть. По первоначальной договорённости.

То есть: нам девятнадцать миллионов пудов — за работу, а его девятнадцать — в переработку на спирт.

Как тебе? А?! Сто тысяч тонн зернового спирта! Мужик явно не мелочится.

— Сто так сто, — безразлично пожала плечами Белла.

Стоп! — резко встрепенулась она. — Как сто? Какие сто? Сто тонн??!!! И ты всё утро молчала!?

— Сто тысяч тонн, — с непередаваемо самодовольным выражением на лице подчеркнула с коротеньким смешком Маша. — Представляешь! Он предлагает нам произвести для него из давальческого сырья сто тысяч тонн зернового спирта! И всё на тех же условиях. Пятьдесят на пятьдесят.

Как тебе? Гарантированное развитие и полная трёхсменная загрузка всем нашим трём спиртовым заводам минимум на год. И полное обеспечение кормом наших ящеров на все ближайшие годы.

— И ты считаешь, что мы справимся? Наличными силами? — неподдельно изумилась Белла. — Сто тысяч тонн спирта?! За год?! Немыслимо!

— За два, — поспешно поправилась Маша, понимая что со сроками что-то явно на так. — Тут в договоре есть оговорка, что

он не против разумного увеличения сроков.

— С первой то партией еле управились, — рассердилась Белла. — Чуть ли не все допустимые сроки сорвали. Люди работали в три смены и то до конца ещё не рассчитались. Как со второй партией справимся, я сама ещё плохо представляю. И никто не представляет! Люди в шоке от свалившегося им на голову ТАКОГО объёма. А ты, судя по твоему самодовольному виду, серьёзно рассматриваешь уже новый договор? На сто тысяч тонн?! Когда его будем выполнять!? Кто!? Какими силами?! Где?!

Сто тысяч тонн! — схватилась она за голову.

— Фигня, — отмахнулась Маша. — Что-нибудь да придумаем. Если даже наличных мощностей окажется недостаточно, поставим пару, тройку дополнительных ректификационных колонн и слепим на скорую руку ещё два-три амбара под закваску.

— Чего? — изумлённо глянула на неё Белла.

— А уж нанять на работу ещё пару сотен местных аборигенов — вовсе не проблема, — пренебрежительно фыркнула Маша. — Посули аборигенам двойной, а то и тройной заработок, и они мигом позабудут про все свои мини заводики, от которых ничего кроме головной боли не имеют, и мухой переметнутся к нам. И про недоверие своё тут же забудут. За такие-то деньги? Пфе, — фыркнула она.

Не забывай, в сроках мы не ограничены, — с важным видом подчеркнула она, подняв вверх указательный палец. — Прорвёмся!

Я долго думала, — задумчиво подняла она глаза к потолку. — А Степной ведь был прав, мелкие хозяева уже вдосталь наелись своей самостоятельности и теперь только рады будут избавиться от обузы в виде малорентабельного производства, устроившись к нему на работу. А мы тогда сможем наши же прежде заводики обратно скупить. Теперь уже по дешёвке.

— Когда это он такое говорил? — изумилась Белла.

— Не говорил, так скажет, — небрежно отмахнулась Маша. — Не о том речь. У нас сразу же возникает другая проблема. А куда нам девать столько зерна? Триста тысяч тонн одного только «пьяного» зерна! Плюс — триста тысяч отборного посевного. Где нам всё это хранить? У нас же нет ни одного достаточно крупного элеватора, кроме как у Степного на Рожайке. Ну и того, что ещё только строится ни шатко, ни валко в Хрусталях.

А нужно — ого-го сколько. Шестьсот тысяч тонн, — снова мечтательно, несколько заторможено повторила она. — Тридцать восемь миллионов пудов, — благоговейно прошептала она. —

Ужас!

Пока что особых проблем с сохранностью нет, поскольку практически всё переработанное зерно сразу же уходит в желудки оголодавших ящеров. Успевай только подвозить.

Шахтёры, Марковы землекопы, дорожные строители, прочая шушера. Все понемногу отъедаются, — принялась Маша перечислять, загибая пальцы. — Плюс наши, городские ящеры подсуетились. Но эти так, по мелочи. Для них «пьяное зерно» это так, скорее экзотика, чем настоящий корм. Тем более что наши, городские, так не бедствуют.

Но с такими объемами…, — задумчиво помахала она перед лицом взятым со стола каким-то листиком. — С такими объёмами нам никаких пещер Райской долины под склады не хватит. Про бочки, я уж вообще помолчу. Чё делать? — рассеянно уставилась она в пустоту перед собой.

Застыв соляной статуей, Маша какое-то время рассеянно глядела на лист с расчётами.

— Благодетель, — медленно покачала она головой. — Истинный благодетель. Не знаю куда ему столько спирта, но все наши проблемы с подгорными он точно решит, — едва слышно прошептала она с благоговейными нотками в голосе..

— Благодетель…, — едва слышно, эхом откликнулась следом Белла, не сводя с Маши похолодевшего непонятно с чего взгляда. — Значит, говоришь облагодетельствовал, мил друг. Ну всё, — вдруг как-то сразу подобралась Белла, — мне надоело слушать весь этот бред,

А теперь слушай сюда, подруга, — баронесса крайне неприятно улыбнулась, глядя на удивлённо посмотревшую на неё Машу. — Давно хотела тебя спросить, да всё как-то момента подходящего не было. Не подскажешь? Откуда у тебя взялась цифра в двести одиннадцать тысяч четвертных бутылей для разлива Куницына спирта. Это — по второму договору, — пояснила она на непонимающий взгляд Маши. — По тому, который ты только что так легко включила в новый, ещё больший, так толком ни в чём и не разобравшись.

Скажи ка Маша, как ты собралась разливать тридцать две тысячи тонн спирта в двести одиннадцать тысяч двести штук четвертных бутылей, ёмкостью в три литра?

— Что?

— То, — ещё более захолодела лицом Белла. — Столько спирта физически не влезет в заявленное тобой число бутылей. Ты что, хочешь нас подставить под обвинение в подлоге? В преднамеренном обмане клиента? В жульничестве?! На виселицу захотелось, подруга?

Глядя в широко распахнутые изумлённые глаза Маши, Белла ещё более надавила на психику.

— Ты что, хочешь ославить нас как лжецов? Хочешь нас поставить в полную зависимость от благорасположения Куницы? Закабалить нас хочешь?

— Ты чего?! — внезапно прорезался возмущённый голосок потрясённой Маши. — Сбрендила? Какой обман? Каких лжецов? Какая кабала? Ты в своём уме?

— Я-то в своём. А вот ты в чьём?

Чем твоя пустая башка думала, мешая местную и земную десятеричную системы в одну кучу.

— Что-о-о?

— То! Дура!

— Сама дура!

— Нет, ты дура!

Грохот распахнувшейся настежь двери тамбура и ворвавшаяся в кабинет встревоженная Дашка на миг прервали ругань, когда стоящие друг напротив друга две злые растрёпанные женщины, уперев кулаки в бёдра с яростью орали друг на друга. Разом повернувшись к входной двери обе женщины непонимающе глядели на растерянное лицо секретарши.

— Во-о-н!! — бешеный крик двух разъярённых женщин мигом вымел Дашку обратно в приёмную.

С грохотом захлопнувшаяся дверь разом оборвала все звуки. На долгие тяжёлые минуты в комнате установилось тягостное тягучее молчание.

— А теперь скажи. Только спокойно и без криков. При чём здесь эти дурацкие названные тобой системы и при чём здесь какая-то кабала? К чему это ты тут виселицу приплела?

Спокойная, мертвенно бледная Маша, стараясь не смотреть на Беллу, преувеличенно аккуратно села обратно в своё кресло и принялась старательно разбирать разбросанные по всему столу бумаги.

— Это не я придумала, — ещё более тихо отозвалась Белла, вернувшись в своё кресло и также стараясь не смотреть в сторону Маши. — Это возможный сценарий развития наших отношений с Куницей в случае заключения этого кабального договора. Мы вполне реально чуть было не попали в самую натуральную кабалу до конца своих дней. И виновата в этом была бы ты.

— Объяснись.

— Объясниться? — старательно сдерживаясь, чтобы снова не сорваться, медленно и осторожно начала Белла. — Пожалуйста.

Намного помолчав, Белла начал говорить тихим, невыразительным голосом.

— Первым делом, всё таки скажи. Откуда ты взяла количество четвертных бутылей числом двести одиннадцать тысяч?

— Пять тысяч двести восемьдесят тонн спирта, которые мы должны получить из доли Куницы в миллион пудов зерна, делим на двадцать пять литров, объём одной четвертной бутыли. На выходе получаем ровным счётом двести одиннадцать тысяч двести четвертных бутылей. Арифметика — самая простая.

— Прекрасно, — тихо проговорила Белла, глядя прямо в глаза Маше. — Что и требовалось доказать. Ты великолепный арифметик. Дважды два сложить можешь. Нет слов.

А теперь возьми те же пять тысяч двести восемьдесят тонн спирта и подели их на три литра. Сколько у тебя получится бутылей?

— Зачем?

— Подели, — неприятно улыбнулась Белла. — Не хочешь? Тогда я сама для тебя поделю. И у меня получится ровным счётом один миллион семьсот шестьдесят тысяч бутылей.

Второй вопрос. За сколько четвертных бутылей обещался заплатить Куница? Не отвечай, — оборвала она Машу. — Сама знаю — за двести одиннадцать тысяч.

Третий вопрос. А кто заплатит нам за остальные полтора миллиона четвертных бутылей?

— Не улавливаю ход твоих витиеватых мыслей.

— Зри в корень, как говорит мой муж.

Белла, как-то сразу вдруг сникла, и уже усталым, тусклым голосом проговорила, тяжело откинувшись на спинку кресла.

— Ты спрашивала, при чём здесь местная и твоя земная десятеричная системы? Отвечаю.

В нашей системе мер и весов. В нашей, — ядовитым голосом выделила она, глядя Маше прямо в глаза. — Четверть — это четвёртая часть от ведра, объёмом в двенадцать литров. Так что четверть — это три литра, а не двадцать пять, как ты привычно для себя посчитала. Четверть не от ста, а от двенадцати.

Двадцать пять литров здесь — корчага.

По мере её рассказа лицо Маши медленно наливалось нехорошей, синюшной белизной. До неё постепенно начинало доходить какой ямы им просто чудом удалось избежать.

— Было хоть одно упоминание в нашем договоре с Куницей о корчагах? — замолчала на несколько мгновений Белла. — Нет! Не отвечай! — резко оборвала она попытавшуюся что-то сказать Машу. — Мы вместе с тобой вели тот разговор и ни разу это слово не было произнесено. Я прекрасно этот момент помню.

А раз нет, то согласно условиям договора, весь спирт мы

должны будем поставить в четвертных бутылях. Весь! В четвертных бутылях! Из которых Куница оплачивает только двести одиннадцать тысяч двести штук! А вот остальные полтора миллиона штук он НЕ ОПЛАЧИВАЕТ. Об их оплате не было разговора вообще. Остальные полтора миллиона МЫ ЕМУ ДАРИМ!

Дарим, Маша, дарим! Об оплате остальных бутылей в договоре не было сказано ни единого слова. Зато очень много говорилось о поставках спирта в четвертных бутылях. Сложи два и два и у тебя получится ответ. Полтора миллиона бутылей мы ему просто дарим! Просто так!

Но и это не проблема. Хрен бы с ним. Проблема в том, что на настоящий момент мы физически произвести такое количество не можем. Да и никто в этом городе подобного подвига совершить не может. Это — абсурд.

Не сдержав раздражения, Белла с силой хлопнула себя по коленям.

Какое-то время в комнате стояло напряженное молчание, первым которое нарушила Маша.

— Не проблема, — раздался в тишине едва слышный бесцветный голос. — Договор ещё не подписан. Нам вообще предлагается новый договор. И никто не мешает нам уточнить условия договора, передоговорившись с Куницей на новых условиях, Ну и что, что четвертная бутыль это три литра, а не двадцать пять, — едва слышно проговорила она. — Ну и что!

Схватившись пальцами за ворот сорочки, она судорожно, рывком попыталась освободить воротник. Вырванные с корнем пуговицы веером раскатились по ковру, устилавшему пол кабинета.

— Чёрт! Кого я обманываю. За два миллиона трёхлитровых бутылок нам хотят заплатить копейки, — потрясённо проговорила она. — Из-за простой оговорки. Меньше двух золотых за вечную, неубиваемую бутыль? Меньше девяти кило зерна за одну бутыль! Господи, да что же это такое, — в отчаянии пробормотала она. — Грабят. Средь бела дня, грабят. И кто? Благодетель. Сука!

Да простая литруха из обычного мутного стекла местных стеклодувов на базаре стоит больше, чем эта его цена, — как-то разом сникнув, едва слышно прошептала Маша. — И ведь не отвертишься. Придется теперь юлить и выворачиваться. Слово то сказано

Что делать будем? — вдруг мгновенно собравшись, сухо проговорила она, глядя в глаза Беллы ясным, яростно горящим взглядом.

— Что раньше делали, то и дальше будем, — безмятежно пожала та плечами.

— А что мы раньше делали? — Маша на миг растерялась, выбитая из колеи спокойным, деловым тоном Беллы.

— Кто что. Марк готовит площадку под новый цех и проверяет наличие на складах нужных присадок в потребном количестве. И параллельно же начинает заготовку нового сырья для массового производства бутылок.

Братья Трошины — заняты разработкой автоматической или полуавтоматической линии по производству четвертных бутылей. Они ещё не решили, — безмятежно глядя ей прямо в глаза, невинно похлопала глазами Белла.

Куница же хочет четвертную бутыль? Он её получит. Ту самую, четвертную, на три литра.

Но от оплётки из лозы придётся ему отказаться, слишком это затянет изготовление всей партии. Да и ни к чему она. Никакой практической пользы она не несёт. Так что, перебьётся.

Как впрочем, придётся отказаться и от утяжеляющей вставки из чугуна. Я пока ехала обратно в город, подсчитала, сколько нам потребуется выкинуть на ветер драгоценного чугуна, если мы будем делать эти глупые вставки.

Даже если взять по сто грамм на каждую бутыль, то на миллион семисот тысяч бутылей уйдёт сто семьдесят тонн чугуна. Дурь откровенная. Даром, то есть без оплаты, мы подарим какому-то Кунице почти двести тонн прекрасного металла.

Думаешь, он нас поблагодарит? В лучшем случае посмеётся над нашей глупостью, соберёт чугун из расплава стекла и скажет: «Спасибо, девочки, за подарок». А то и вовсе ничего не скажет, а просто назовёт двумя молодыми глупыми дурами.

Да мой муж меня прибьёт, как только узнает что мы на полном серьёзе рассматривали подобную ересь. Не ересь — дичайшую дурь!

Нет, — сердито качнула она головой. — Придётся Марку разрабатывать свою мечту — композитную бутыль из двух составляющих, как он и хотел. Верхний слой — напыление, или, там, тонкий слой из броневого стекла — для прочности, другая, внутренняя часть, для тяжести, — из обычного.

Расплавив такую бутыль они хрен там что получат, а не броневое стекло. И никто не придерётся. Бутыль то броневая, не бьётся.

Думаю, он справится. По крайней мере, обещал к концу недели справиться, — тихо добавила Белла. — Он давно уже работает над этой идеей. Ещё когда стали подбирать металл для баллонов с газом для компрессоров, он озадачился идеей

заменить металл на стекло.

Кое-что тогда у него получилось, да пришлось бросить, потому как из Приморья привезли Лёшке какие-то хитрые присадки и у них пошла хорошая сталь. Как раз такая что им была нужна.

А совсем недавно он снова вернулся к данной тематике.

Упорный мужик, — на миг задумавшаяся Белла одобрительно качнула головой.

Как под Сатино от попадания пули в баллон взорвался броневик и погиб весь экипаж, он снова озадачился заменить металл на броневое стекло. Так что продукт у него практически на выходе.

Но в любом случае придётся подождать недельку, другую, пока ребята из мастерских вместе с Марком детально не проработают сей вопрос. Возможно ли нам в обозримые сроки создать композитную бутыль и возможна ли у нас разработка, и установка автоматической линии выдува бутылок? И во что это нам в итоге выльется. И если да — говорим дальше с Куницей. Нет — извини, подвинься. Пусть ищет других, более технически продвинутых. А мы уж так и быть, со своими ящерами перебьёмся существующими пищевыми цепочками. Пусть и дальше личинками короедов из-под коры сухостоя питаются, или друг другом, раз они вообще жрут эту гадость.

— И обязательно будем передоговариваться на большую сумму, — внезапно прорезался сердитый голосок у Маши. — Меньше двух золотых! Обещал по пятнадцать, так пусть теперь платит. Пусть за все бутылки заплатит! И никуда он не денется, — зловеще ухмыльнулась Маша. — Некуда ему деваться.

Пропавший было после недавнего нервного всплеска, лихорадочный румянец постепенно возвращался на её щёки, и она уже чувствовала себя более уверенно, чем буквально минуту тому назад.

— Спирт ему нужен, ядрён батон! А нигде кроме как у нас он его не получит. Столько спирта, да столь высокого качества, да ещё так быстро, ни у кого в городе он не получит. Две печати! — с гордостью Маша невольно подбоченилась, приняв гордый независимый вид. — Твоя и моя. Ни у кого такого нет. Свои заводы! Три! Ни у кого нет таких производительных ректификационных колонн как у нас! И столько!

Попробует поискать других? Да Бога ради! Их нет, других то! Всё мелко и разрознено, а на такой большой объём ему самому придётся организовывать новое большое производство. А тут всё на блюдечке и с голубой каёмочкой. И бутыль, и броневое стекло плюс, что немаловажно.

Мы же с тобой вычислили. Кунице важен не сам спирт, а броневое стекло, которое надеются извлечь из переплавки бутылей. Кунице некуда от нас деваться!

— Нет, Маша, — вдруг резко охладила её Белла, мигом согнав с лица Маши улыбку. — Ты ошибаешься. Это не ему, это нам некуда деваться. И ты сама только что это говорила. Вспомни. И Куница это понимает, прекрасно будучи осведомлён о ситуации с нашими пленными ящерами, и с тем, что у нас на шахтах совсем недавно царил настоящий голод. А если самим себе не лукавить, то так оно на самом деле и есть. Без его хлеба у нас опять будет голод. Недаром же он тут же подготовил третий договор на ещё большую сумму, ещё даже не подписав второй. Он торопится. Вопрос — куда? Или — почему? Или — зачем?

С самого начала он всё время торопится. Не успели закончить с одним договором, подсовывает второй. Не подписали ещё второй — подсовывает третий. Вопрос — почему? — Сомнение явственно проступило на её лице, заставив замереть в своём кресле.

— Ну и что? — пожала плечами Маша, в раздражении не замечая реакции подруги. — Ну, торопится, ну и что. Бог с ним. Нам же лучше.

Но в одном ты безусловно права, — пробормотала она. — Деваться нам действительно некуда. Потому как с ящерами у нас проблема. Как, впрочем, проблема и с самим договором, — задумчиво пробормотала она. — И заключить невыгодно, и разорвать нельзя.

— Хотя, почему нельзя? Льзя! — медленно распрямилась Маша, наливаясь праведным гневом. — Эта сделка подложная и это всем видно невооружённым взглядом. И мы не будем её заключать. По крайней мере на прежних условиях, — тут же поспешила поправиться она. — А ещё лучше — заставим Куницу подписать новый договор на наших условиях, без этой смехотворной цены за бутылку. Меньше двух золотых! — возмущённо воскликнула она.

— Ну да, заставишь его, как же, — сердито покосилась на воодушевившуюся подругу Белла. — А ты подумала о том, что стоит только Кунице пустить слушок, какие договора мы заключаем, как все деловые люди Края тут же от нас отвернутся, поняв, что на таких несерьёзных людей положиться нельзя. И пойдёт гулять худая молва о компании землян, допускающей детские промахи. Конечно, все сразу всё поймут, что вышло недоразумение, посмеются и тут же забудут. Но осадочек то останется. И всё достигнутое нашей компанией влияние рассыплется как карточный домик.

Нервный тик едва заметно дёрнул правую щеку Маши. Слова Беллы били, что называется, не в бровь, а в глаз. И не такие «детские промахи», как сказала Белла, «не прощало» местное деловое сообщество своим конкурентам. А уж такая подстава долго будет со смаком вспоминаться, раз за разом ставя их обеих в дурацкое положение. И о серьёзных деньгах, как и о серьёзных заказах можно будет надолго, если не навсегда забыть.

— Постой, — встрепенулась Белла.

Резко выпрямившись в кресле, она застыла, словно проглотив аршин, растерянно глядя на Машу.

— А ведь ему совсем не обязательно хватать нас за руку ПОСЛЕ подписания договора. Ему достаточно и того что он УЖЕ может пустить такой слушок. Вот, мол, имел дело с девчонками и они вот так глупо прокололись. Ха-ха.

Ему, в отличие от нас поверят на слово, что такое БЫЛО ВОЗМОЖНО. Кунице хватит и этого. Как впрочем и нам, — поскучнела она.

Или — нет, даже не так, — вяло, словно бы нехотя пробормотала она. — Придёт не один, а с другом, а лучше с двумя, чтоб была парочка независимых свидетелей, обосновав их присутствие какой-нибудь, ну очень насущной необходимостью. Что-то типа: «Вот мои компаньоны по этому делу, познакомьтесь. Я без них никуда». И всё такое прочее.

И при них со смехом признается, что четвертная бутыль это три литра, а не двадцать пять, как тут Маша насчитала. Как оно выходило из пересчёта заказанного им литража спирта на озвученное Марьей Корнеевой количество бутылей. И мы все дружно вместе посмеёмся над такой несуразицей, понимая что потребные два миллиона бутылей — совершенно неподъёмный объём работ ни для кого. По крайней мере в оговоренные сроки. Лет за десять — может быть, но в оговоренные сроки — ни в жисть.

Вот это и будет ловушка. У него свидетели, что мы лохи. И дальше уже он может диктовать свои условия с позиции силы, выкручивая нам руки.

Значит, наши действия. Сначала разбираемся можем ли мы произвести столько бутылок. А для этого — затягиваем переговоры.

Я завтра же отправлюсь обратно на завод к Марку и там на месте обговорю все нюансы. И не вернусь в город, пока не буду твёрдо уверена что у нас есть и бутыль, и автоматическая линия по их выдуву. И мы полностью со всех сторон прикрыты.

А вот потом, — подпустила она в свой голос зловещих ноток. — Потом, делаем морду ящиком и обещаем всё что угодно.

А насчёт бутылок? Ничего на знаю! Мы с самого начала так и думали, что поставляем ему не двести одиннадцать тысяч бутылок, а два миллиона. А двести одиннадцать тысяч — это так, первая пробная партия. Остальное, мол, потом. Что пять миллионов злотых — это так, что-то типа аванса. И было бы хорошо их сразу получить, вперёд.

Мол, мы ТАК думали. И что ждём от него скорейшего авансирования всей партии бутылей и готовы немедленно приступить к производству. Пусть подготавливает сумму в…, — запнулась она растерянно глядя на бумажку у себя в руках, — двадцать шесть с половиной миллиардов злотых, — прошептала она потрясённо, словно только что до неё дошла чудовищность суммы платежа.

Невероятно. Бред! Он столько не заплатит, — медленно покачала она головой. — Никто столько не заплатит. Это ясно без всяких переговоров. Значит…. Чтоб не выглядеть лохушками, переигрываем.

Опять делаем морду ящиком и как бы идя ему навстречу, соглашаемся на оплату двух миллионов бутылок в размере первоначальной суммы. Той, что он должен был нам выплатить за двести одиннадцать тысяч бутылей. Логично? Логично.

То есть плати те самые пять миллионов злотых. И уже исходя из этой суммы и будем всё в дальнейшем планировать.

Вряд ли из него удастся выдавить больше, а нам как раз её хватит на запуск нового цеха. Да ещё, глядишь, что-то и на пожрать останется.

А потом, в подтверждение своих слов, что бутыли реально так дёшево и стоят, ещё дополнительно выкидываем на рынок любому желающему один, а то и два миллиона бутылок по грошовой цене. И тем окончательно выбиваем почву у него из-под ног, подтверждая НАШУ деловую репутацию. И дураком тогда выглядит он, а не мы. И свидетели то у нас, а не у него.

Вот тут мы его и ур-роем, — мстительно предвкушающе радостно потерла она ладони.

И цена той бутыли должна быть действительно, не два золотых, что так тебя возмутило, а сущие медяшки. Три-четыре медных монетки за четвертную бутыль, не больше.

При массовом производстве такое возможно, — сердито махнула она на Машу рукой, отсекая все возражения. — Я уже с Марком как-то сей вопрос прорабатывала и поняла, что будь у нас массовый заказ на бутылки — давно бы наладили поточную линию. Но, пока заказчика нет, нет и линии, — с усмешкой развела Белла руками. — Ну, а раз он уже есть…

— Минуточку, — остановила разошедшуюся Беллу Маша. —

Минуточку!

Ты знаешь, что тут внезапно пришло мне в голову? Если остальную часть спирта он не планирует получить в бутылях, если он знает, что в реальные сроки произвести такое дикое количество бутылей — невозможно, то как тогда ему должен был поставляться остальной спирт? Те самые четыре с половиной тысячи тонн спирта, что должны были бы быть разлиты в те полтора миллиона неучтённых бутылей?

— А вот это — очень интересный вопрос, — задумчиво пробормотала Белла. — Вопрос, ответа на который у меня пока нет. Единственно…, — задумалась она. — Единственно, что сразу приходит на ум — он собирается поставлять спирт в бочках. Как и первую партию. И лишь первую часть в бутылях.

— Но тогда не будет соблюдено качество. Чистоты не будет, — удивилась Маша. — Спирт же натянет в себя из древесины чёрте чего, и если и будет на что пригоден, так исключительно на питьё, а не для химически чистого производства. Вот там — это пойдёт на ура. А в пороховом производстве — сомневаюсь, — пожала она плечами. — Хотя, я, конечно, не специалист.

— Вот именно, не специалист, — раздражённо развела Белла руками. — Откуда мы знаем куда и кому пойдёт этот наш спирт. Ничего ведь не сказано. Так чего попусту гадать?

Пока же, по моему мнению, все наши предварительные расчёты верны. Вот и давай исходить из этого.

— Ну что, решили?

— Ну…, — замялась Маша. — Вроде бы как других мыслей нет. Так что, в первом приближении — принимается. Только вот, — замялась она. — А ты уверена в своих расчётах? Точно? Не получится ли опять, как в прошлый раз. Что-то недоучли, чего-то недосчитали, где-то промахнулись.

— В нашем интересном положении нельзя быть ни в чём полностью уверенным, — заледеневшим голосом жёстко обрезала Белла. — Пока что, всё это мои персональные домыслы, подкреплённые кое-какими расчётами на коленке. И так ли это, покажет время.

Конечно, в таком большом деле считать ещё и считать, слишком много неявных и неизвестных величин всплывает. Но пока что всё вроде сходится. Но, проверяем ещё раз, досконально

Итак, что мы имеем.

— О, блин, — поморщилась Маша. — Опять! А покороче нельзя? Без этого, повторного пересчёта. Сама говоришь, вечер на дворе.

Глянув на подругу, Маша заметила ледяной взгляд, мельком

брошенный в её сторону.

Поняв что та от неё не отстанет, Маша постаралась внутренне собраться. По такому поведению Беллы чётко можно было понять, что та знает нечто, пока неизвестное ей. Потому следовало для начала хотя бы её выслушать.

— Рассказывай, — хмуро потребовала она от подруги. — Рассказывай всё и желательно по существу и поподробнее. Чего я не знаю?

— Поподробнее не получится, — скупо изобразила улыбку Белла. — Потому как вечер на дворе а мы с тобой так и не продвинулись к решению главного вопроса. Откуда у Куницы зерно?

— Чего? — удивленно воззрилась на подругу Маша. — Зерно? Откуда у Куницы зерно? Ну ты даёшь, подруга! — обречённо пробормотала она.

— Вопрос на засыпку. Тебе, лично, — холодный, буквально ледяной голос Беллы мгновенно вверг Машу в ступор.

Изумлённо повернувшись к подруге, она растерянно смотрела на Беллу, не понимая, отчего та опять недовольна. Вроде бы всё нормально, разобрались во всём, и даже наметили кое-какие приятные выходы. И тут нате вам: «Здрасьте, девочки».

— Ты, Маша, не задумывалась? Откуда наш Куница, Глава не такого уж и большого пограничного клана возьмёт столько зерна? — резким холодным тоном повторила вопрос Белла.

— Нет. Не задумывалась! И думать даже не хочу, — вдруг с чётко проявившимися в голосе враждебными нотками, сердито огрызнулась Маша.

— Ты только на миг представь себе эту цифру, — понимающе усмехнулась Белла. — тридцать восемь миллионов пудов зерна! Шестьсот тысяч тонн! Откуда он его столько возьмёт? Это же, беря среднюю урожайность пшеницы по местным условиям за сто центнеров с десятины, получаем шестьдесят тысяч десятин пахотной земли!

— Хм, — оживилась скисшая было Маша. — А ведь это же чуть больше того клина, что имеет в обработке Голова из земель Васятки. У того — сорок тысяч десятин, а Куница собрался обработать шестьдесят…

Это же сколько хлеба то имеет наш Голова с Васятки? — рассеянно-задумчиво пробормотала она. — Ого?

— Речь не о Косом, — рассердилась Белла. — Не отвлекайся!

Так вот. Насколько мне известно, у клана Куницы нет столько пашни, чтоб можно было вырастить столько пудов зерна.

Даже учитывая высокую урожайность местных чернозёмов, у него нет столько пашни, чтоб вырастить ТАКОЙ урожай. Да и

людей на обработку ТАКОГО пахотного клина у него тоже нет.

Тогда возникает вопрос. Вопрос на засыпку. На что он рассчитывает, если обманывать нас он не собирается?

Шестьдесят тысяч десятин пахотной земли! Это же — огромная территория, под стать какому-нибудь баронству там, в дельте Лонгары, держать которую под контролем не всякий крупный город сможет. И уж тем более не какой-то мелкий лесной клан, пусть даже и такой сильный как у Куницы. Это же сколько людей надо ему задействовать. Задействовать и проконтролировать, чтоб удержать за собой столько земли. Откуда у него такие силы? Ведь совсем недавно он у нас чуть ли не в ногах валялся, жалуясь что ему некем заткнуть дыры на границе и приходится продавать чуть ли не последнюю рубашку, чтоб на вырученные деньги снарядить ещё одну пару бойцов. А тут?!

— Или он не один?

— Белла, как вы невнимательны, — с тяжёлым вздохом обречённо покачала Маша головой. — А в нашем нынешнем довольно щекотливом положении нельзя быть столь невнимательной.

— Поясни, — захолодела лицом Белла.

— Нет проблем.

Во-первых, конечно он не один. Это и козе понятно. Никто такое большое дело один не потянет.

А во-вторых. Тебе знакома история с Васяткиными землями?

— Ну.

— Баранку гну, — рассердилась Маша. — Значит, не знакома или знакома сугубо поверхностно. А раз так, то знай, как обрабатываются бывшие Васяткины земли. И как собирается с них урожай.

С помощью наёмных выездных бригад! Вот как! За кланом лишь охрана и вывоз урожая.

Кстати! Помнишь, были у нас возчики, что как-то первое время доставляли наши грузы из Приморья через Тупик, потом в город? Мы их потом прогнали, потому как зарвались.

Не помнишь, — махнула она рукой. — Ладно, не суть важно. Так вот. Они-то как раз и подрядились потом, когда мы создали свою транспортную компанию, возить в пограничье грузы Голове со товарищи. Зерно и прочее, всё что ему необходимо. Так что с доставкой у того — нет проблем. А вот у Куницы — есть. Ему тогда нечем было занять тех возчиков, вот Голова их и перехватил.

Теперь у Куницы много хлеба, а с доставкой проблема. Вот он и ищет решение.

А хлеб что, — пожала она плечами. — Вырастить — не проблема. Работают то привлечённые сезонные рабочие. Чу-жи-е! Те самые выездные наёмные бригады, составленные из пришлых.

Вот тебе и ответ.

Кунице совсем не обязательно иметь в своей собственности требуемый пахотный клин. Ему совсем не надо никого контролировать. Он наверняка собирается использовать ту самую практику, что широко используется всеми местными кланами. И тем же Головой на Васяткиных землях, и тем же Старостой — на ряде других участков. И ещё кучей другой Старшины на прочих пустых землях.

Пустой земли кругом полно, а людей на её обработку не хватает. Бегут люди отсюда, особенно из приграничной зоны, где постоянные набеги с той стороны. Ящер выживает с насиженных мест.

Так что в этом вопросе вообще, ни он, ни кто-либо другой никем и ничем не ограничены. Любой может распахать столько целинной и залежной земли, сколько захочет. А если кто и захватит чужие необрабатываемые на данный момент участки, хозяева таких участков как правило будут лишь благодарны. Небольшое откупное и обе стороны взаимно довольны.

Это мы с Васяткиными землями хай подняли, требуя вернуть всё. Всё! даже то, что не принадлежало первоначально Васятке. Вот нас с нашей жадностью и послали. А другие бы только рукой махнули и связываться не стали, или бы удовлетворились небольшими откупными. Ведь всё равно же сам обрабатывать не можешь, так чего вести себя как собака на сене.

Причём я тебе больше скажу. Как правило, именно такие земли и обрабатываются на границе.

С теми же кто ещё остался, мелкими независимыми хуторянами, Кунице достаточно просто договориться на закупки зерна нового урожая. Ну, знаешь же эту практику, когда ещё весной у хозяев выкупается будущий осенний урожай, что стимулирует тех максимально увеличивать запашку.

Таким образом, не привлекая ресурсы клана, Куница может свободно получить ещё дополнительно сколько-то там пудов зерна. Сколько именно, точно сейчас не скажу, это надо справки наводить и подсчётами заниматься. Но что Куница знает что делает, у меня сомнений нет ни малейших. У них у всех здесь давно всё схвачено и перехвачено.

Причем, зачастую тут даже деньги не фигурируют. Небольшая услуга заинтересованной стороне и сто, двести, а то и тысяча пахотных десятин великолепных чернозёмов на время меняет своего хозяина.

— И с сезонными рабочими проблем нет. Масса безработных с низовий готовы наняться за сущую по местным меркам мелочь, — пожала Маша плечами. — Профессиональные сезонные батраки, нанимающиеся к старым кланам на период пахоты и сбора урожая — обычное здесь дело.

Не знала о такой практике? — насмешливо задрала бровь домиком Маша. — Теперь, знаешь, — покровительственно улыбнулась она.

Кланы обеспечивают защиту на период сезонных работ, а пришлые сезонные рабочие обеспечивают будущее благополучие здешнего клана. И все довольны.

Потому как в низовьях Левобережья Лонгары, особенно в устье, там где расположены многолюдные устьевые княжества, дефицит как раз свободной земли и избыток свободных рабочих рук. И где оплата труда чуть ли не вдвое, а то и втрое ниже, чем при обычном найме в пограничной зоне. Там свободных рабочих рук полно.

По осени отсюда в те края целые хлебные караваны отправляются. И все довольны.

Кроме центральных Территориальных властей Левобережья, которым кормить и тем самым поддерживать на плаву враждебные нам княжества — острый нож. Но они ничего поделать не могут, потому как пограничная зона постепенно обезлюживается, и скоро там вообще никого кроме сезонных рабочих не встретишь. А значит, скоро ящер спокойно, без всякой войны заселит тот край, и никто ему и мяу не скажет.

Поэтому на сложившуюся практику кланов привлекать сезонных рабочих и смотрят все сквозь пальцы. Подобная практика всем выгодна.

Вот так то.

Но тех, кто не желает видеть на своих родовых землях чужих, и стремится хоть что-то исправить, такое положение не устраивает. Отсюда и весь тот бум на трактора, что так удивлял и Сидора, и всех остальных наших. Даже я сама поначалу не сразу разобралась откуда тут ноги растут. Почему вдруг так остро в городе встал вопрос весенней вспашки земель. И куда вдруг столько потребовалось техники.

Эти люди стремятся повысить привлекательность пограничных земель. Чтоб люди отсюда не бежали, а возвращались. И чтоб выгода от жизни здесь перевешивала риски оного.

Белла задумчиво смотрела на Машу, словно оценивая про себя то, что та сказала.

— Да тебя просто заслушаешься, речистая ты наша, — тихо

проговорила Белла. — И я б с тобой полностью согласилась, если б не один весьма существенный момент.

Вот чем ты объяснишь внезапный, взрывной рост объёмов по третьему договору? Только ли насущной необходимостью получения дополнительного дохода для закупки оружия? — флегматично полюбопытствовала Белла, глядя на задумавшуюся Машу.

А вот я, могу тебе объяснить.

Выборы.

— Что выборы? — удивлённо посмотрела Маша на Беллу. — Причём здесь какие-то выборы?

— Не какие-то выборы, не вообще выборы, не в частности выборы, а выборы в Городской Совет Старого Ключа этой осенью, — медленно, веско проговорила Белла. — Выборы, о которых ещё никому ничего не объявлено, но что понимающие люди чувствуют «верхним» чутьём, как хорошие охотничьи собаки. Вот как наш Куница. Который ничего не чувствует, а совершенно точно знает, что они будут. И к ним готовится.

Если только не собирается сам принимать в них участие в главной роли, — тихо буркнула она, отворачиваясь и рассеянно барабаня пальчиками по подлокотнику своего кресла.

Так вот, касательно земли… Понимаешь, Маша, — замялась она. — Не в обиду тебе будет сказано, но за столько лет жизни здесь ты так толком и не разобралась в местном социуме. Первое и самое главное. Местное общество довольно консервативно. Надеюсь, это-то ты не будешь отрицать.

И среди местных принято, что если у тебя есть своя земля, а ты её не обрабатываешь, пусть даже она находится в самой опасной, пограничной зоне, то в глазах местного общества ты выглядишь довольно…, — снова замялась Белла, не зная как чётче выразить свои мысли. — Как бы это сказать… тебе попонятливей. Выглядишь довольно убого, — всё же нашла Белла довольно корявое определение. — Как неполноценный. И голос твой, формально пусть и посчитанный, реально учитываться никем не будет, как голос какого-то босяка или пустого человечишки, или труса. Вроде бы он и есть, а реально его нет. Вроде как сурка в поле, как ты рассказывала.

Что он там говорит, думает, мечтает — никому такой человек здесь не интересен. Он — пустышка.

Недаром же все те, кто не обрабатывает приграничные земли, давно уже покинули этот край. Им нет места в местном обществе. Их выжили.

Вот потому-то в этом году многие и озаботились вспашкой залежной землицы на равнине, особенно на пустующих

прилегающих к границе землях. А если кто и не озаботился ещё, то в самом ближайшем времени начнёт активно суетиться.

Накануне выборов ты должен показать всем что ты чего-то стоишь. Что ты смелый, ответственный человек, не боящийся трудностей. Что на тебя можно положиться. И что твой голос обязан быть учтён во время выборов.

И кланы, именно пограничные кланы, как самая заинтересованная сторона, всячески поддерживают подобный подход. Потому как для них — сколько десятин засеяно — столько у клановой старшины и реальных, учитываемых голосов на выборах. Не считая, конечно, собственно зерна, как источника дохода.

А Куница — представитель как раз этих пограничных кланов.

Вот отсюда и следует ожидать значительного увеличения площадей пашни, а следовательно и товарного зерна именно в год выборов. В этот год! Об этом ещё широко не известно, но, поверь мне, это так. Я в таких вещах не ошибаюсь, выборы будут назначены на эту осень. Никто, ничего ещё никому не объявлял, но все это уже чувствуют.

И уверенность, с которой Куница предлагает нам в переработку не существующее в настоящий момент зерно, и так много — ярчайшее тому подтверждение. Он как раз уверен и в себе, и в своих возможностях.

Хотя…, — пожала она плечами. — В любой момент всё может радикально перемениться. Возникнет внезапная угроза со стороны равнинных людоедов и выборы снова отложат на неопределённый долгий срок, как не раз уже было.

Не забывай, что другая часть кланов, условно назовём её торговая, в лице таких своих ярких представителей как Голова и Староста, никак не заинтересована в их проведении, понимая что им это грозит реальной сменой власти.

— Блин! — вдруг выругалась Маша. — Всё понятно, — тяжело вздохнула она. — Куница со своими пограничниками будет давить на то, чтоб выборы были, а Голова — на то, чтоб их не было. И победит тот, у кого…, — внезапно запнулась она.

— Правильно. У кого больше золота! — одновременно проговорили обе женщины, синхронно наставив друг на друга указательные пальцы.

— Значит, борьба за голоса избирателей уже началась и аванса в пять миллионов злотых нам не видать как собственных ушей.

— Что это значит? — задумалась Маша, мельком глянув на точно так же задумавшуюся Беллу.

— Что у Куницы есть уже договорённость с людьми на

покупку зерна, — пробормотала в ответ Белла. — Которым он пообещал заплатить много больше, чем зерно реально сейчас стоит на местных рынках. А имея такой доход от продажи спирта, он может не мелочиться, и вдвое, и втрое превысив закупочные цены наобещать людям с три короба.

И выборы у него в кармане.

И никто ему и слова поперёк не скажет. Никто даже не заикнётся, что это прямой подкуп избирателя. Всё открыто и законно. Потому как это его право — платить столько, сколько хочет.

Одна проблема, причём, довольно серьёзная. С людьми он сможет расплатиться лишь продав спирт. Но этот момент, учитывая его репутацию и что он всегда платит по своим долгам, в глазах местных — малозначим.

— Следующий Голова — Куница! — одновременно воскликнули обе женщины.

— Если только Косой не перебьёт его своим золотом, которого у него не в пример больше. И если Куница действительно СМОЖЕТ заплатить, — буркнула Маша.

Если ему не помешают. Например, перехватив караван с золотом на обратном пути. Те же амазонки, которым золото необходимо на войну с ящерами. Или те же ящеры, которым оно же необходимо на войну с амазонками.

Стоит только стукнуть и тем, и другим, что ожидается «золотой» караван, как возврат золота станет для Куницы серьёзной проблемой. В отличие от Головы, торгующего через перевал Басанрог и у которого там всё схвачено.

Добавь сюда же срок возврата основной массы золота — зима, уже после выборов.

Поэтому Куница просто вынужден обещать своим избирателя оплату потом, после выборов, а вот Голова — может заплатить сейчас. И за кого проголосуют?

К тому ж. У кого изначально больше золота? У земледельческого клана, который не вылазит из боевых схваток на границе? Или у того, кто занят исключительно торговлей с богатым Западом и не менее богатейшим Приморьем? И кто для своих нужд может привлечь весь административный ресурс города?

Куница в этом плане проигрывает Голове по всем показателям.

Оттого он так и озаботился вспашкой новых земель и наращиванием капитала.

Куница обречён, — мрачно буркнула Маша.

— Если мы ему не поможем, да, — меланхолично

проговорила Белла. — Хотя сам он, видимо так не считает.

Вопрос — чем мы ему можем помочь. Ответ — тем, что дадим ему золото.

— Сбрендила?! — изумилась Маша. — Он же не вернёт! И нет у него ничего такого, что было бы нам интересно. Да и не так у нас самих много того золота, чтоб раздаривать его направо и налево. Самим не хватает.

— А мы не своё золото ему дадим. Мы дадим ему его золото.

— Поясни, — замотала Маша головой. — Что-то я не успеваю за извивами твоей мысли.

— Чем раньше у Куницы появится золото, тем больше вероятность того что он эти выборы выиграет. И не просто выиграет, но ещё потом и рассчитается по долгам.

А нам надо чтоб он выборы выиграл. Потому как подход Куницы к нашей компании мне нравится больше, чем подход Головы. Хоть и тот и другой сволочи те ещё, оба.

Поэтому мы предложим ему ход, благодаря которому он задолго, ещё до начала выборов получит на руки колоссальные средства, а следовательно и преимущество. И сможет давать людям не голословные обещания светлого будущего, потом, а подкрепит свои обещания полновесным золотом, сейчас. Одно дело когда ты говоришь что в будущем будет хорошо. И совсем другое когда ты УЖЕ это подтвердил делами.

Разговоры — ночь — полночь.

До упора прикрученное колёсико фитиля бензиновой лампы давало скудный, едва различимый огонёк, еле-еле освещавший куцый уголок кухонной чугунной плиты, на котором стояла.

— «Надо бы переставить, не дай Бог, заденешь, разобьётся», — рассеянно отметила для себя Белла, и тут же забыла о неосторожно оставленной на углу лампе.

После возвращения домой из банка у неё не было минутки свободной, чтоб обдумать там произошедшее. Домашние дела закрутили, дети, да и надо было время, чтоб всё постепенно само улеглось в голове.

Она знала за собой это свойство. Вроде бы ни о чём не думаешь, занимаясь самыми обыденными вещами, а мысли подспудно вертятся, и в какой-то момент выдают на гора совершенно неожиданный итоговый результат. Зачастую не тот, который ждёшь и на который рассчитываешь, но зато всегда и с завидной регулярностью.

Надо было лишь поймать этот момент озарения и закрепить в

сознании, а то потом за рядовой бытовухой можно было чего и упустить.

Так что сейчас Изабелла сидела здесь, глухой ночью на своей кухне, в одиночестве, разогнав всех домашних спать, и думала. А точнее, ждала когда проклюнется то, что будет итоговым решением по сегодняшнему разговору с Машей в банке. Поскольку понимала. Не всё из обговоренного у них там, в Машином кабинете, было окончательно. Чего-то не хватало. И вполне возможно — самого главного.

— Не спится?

— Не спится.

— Чего так?

— Знаете, профессор, мне кажется я чего-то упустила.

— Если кажется, значит так и есть. Мы с тобой, Белла, относимся к тому редкому типу людей, что никогда не обманывают сами себя. Чего нельзя сказать о Машке.

Тяжело вздохнув, профессор с кряхтеньем опустился на деревянную табуретку с противоположного от Беллы конца кухонного стола.

— Рассказывай, — тихо попросил он. — Ничего не обещаю, но может быть на что-то натолкну. На мысль какую-нибудь дельную или просто на желание послать всё лесом и отправиться спать. Одно из двух, — улыбнулся он.

Что у тебя с ней происходит? Уже даже до меня дошли слухи, как вы с Машкой сегодня пол дня собачились в банке. Вы так на Дашку секретаршу орали, что наверное весь город теперь гудит, обсуждая что там у вас произошло, — слабо улыбнулся он.

— Да не у меня с ней, — вяло отмахнулась Белла. — У нас с ней всё нормально. Обычная деловая обстановка.

Посмотрев на насмешливо задранную бровь старого профессора, Белла тяжело вздохнула и с обречённым видом неторопясь выложила ему всё, что они обсуждали с Машей в её кабинете.

Вот, значит как, — спустя продолжительное время после окончания её рассказа, отозвался наконец-то профессор. — Значит, скинули один хомут, как нам на шею старательно пристраивают другой. Пытаются впихнуть нас в новую сферу влияния.

Раньше нас курировал Голова, теперь, значит — Куница. Но в главном ничего не меняется. Мы обязаны петь и плясать под чужую дуду. И в этом главная интрига этих договоров. Привязать нас к новому центру власти.

И обставляется это всякими завлекательными штучками, вроде полной занятости наших простаивающих спиртовых

заводов и спасения практически всего нашего водочного дела. Плюс к тому — голод и шахтёры, шахтёры и голод.

Что ж, умно, — медленно пожевал он губами. — Весьма умно. Гораздо умнее прежнего головинского подхода. Я бы даже сказал, отлично, великолепно. И главное, нам деваться то действительно некуда. Действительно, без Куницыного хлеба у нас на шахтах опять будет голод. И опять катастрофически упадёт добыча руды и угля. Так что, самое первое, что по его предложению можно сказать, навязываемый нам договор, несмотря ни на что, придётся подписывать.

А вот на каких условиях это произойдёт, вот тут следует пободаться. Глядишь, чего и отожмём, для себя важного.

Давай, попробуем разобраться. Как нам с наименьшими потерями выбраться из этой ловушки, да ещё желательно и с прибытком?

Первое. Что Кунице надо?

— Спирт, — пожала Белла плечами. — Ещё…

— Не-е-е-т, — перебил её профессор. — Неверно. Кунице нужна победа на выборах. Вот что ему надо. А спирт — это средство для достижения победы. И даже не спирт, а золото, которое он получит после продажи спирта.

— Вот вокруг этого и давай крутить.

— Я не буду касаться того как он попытается вас прижать с этой Машиной оговоркой. Думаю, ты на правильном пути. Запустив поточную линию по выдуву бутылок, ты тем самым и нос ему утрёшь, и о себе заявишь, как об ответственном человеке на которого можно положиться. И, следовательно, вырвешься из-под его влияния, камня на камне не оставив от его попыток выставить вас глупцами.

С этим всё ясно и что делать ты знаешь. А вот на счёт золота — не всё так очевидно.

Ты правильно отметила момент, что для победы, золото надо иметь ДО выборов, а не после. Потом — это не то. Потом можно ничего и не получить. Тем более от проигравшего. Так что все люди естественным образом стремятся получить дивиденды ДО какого-либо дела, а не когда-нибудь в светлом будущем.

И что вот в этом плане можем мы ему предложить?

— Ничего, — пожала Белла плечами. — Предлагать своё золото — глупо. Это и Маша отметила. А что ещё — ума не приложу. Чувствую что есть тут что-то, а что — никак не ухвачу мысль за хвост.

Оттого и сижу здесь одна, заполночь, думу думаю. Бессонница одолела, — пожаловалась она.

— Неверно, — тихо отозвался профессор. — Есть у нас то, что

надо Кунице ещё больше чем спирт и даже золото.

— Что?

— Монитор. Наш строящийся на озёрах монитор. То, о чём он до сих пор ни словом ни обмолвился, но о чём, уж поверь мне, обязательно подумал. Недаром он так настойчив с этими договорами. И именно с нами, а не с кем иным.

— А причём здесь монитор?

— Притом, что только в этом случае Куница может быть абсолютно уверен в том, что отправив свой спирт в низовья, он, во-первых, его туда довезёт, а во-вторых, получит обратно своё золото. Уж очень много будет по дороге сластён, желающих добраться до сладкого, — пробормотал профессор. — Начиная от амазонок, ящеров и кончая тем же Головой, прекрасно понимающим чем оно ему грозит. Поэтому Голова лично приложит все силы, чтоб золото не добралось до адресата.

— Ладно, — задумчиво пробормотала Белла. — С этим разобрались. Тогда ещё один важный вопрос, который не нашёл у нас никакого ответа. Хотя, честно сказать, я его в разговоре с Машей и не поднимала.

Почему Куница так легко сдал нам покупателя? Почему он так легко сдал посторонним важнейшую торговую информацию, хранить которую ото всех в тайне должен был кровь из носу. А нам вот так просто взял и сказал кому и куда будет поставляться спирт. Да ещё в таких просто чудовищных объёмах.

Это же надо быть полным кретином, что ТАК проболтаться! А он не кретин.

Он что, не понимал, что любая информация имеет свойство распространяться самым необъяснимым и неконтролируемым способом? Понимал. И к чему это приведёт — не знал? Знал. Так почему…

— Думаю, ты и сама уже всё поняла, — помолчав, отозвался профессор. — Ни на какой Южный материк никто ничего не повезёт. По крайней мере не в год выборов, и не он сам лично. Да ещё так далеко. Другие — может быть. Но не он.

Во-вторых, ему элементарно не на чем, поскольку у его клана, не забывай, нет морских судов. Речные — есть, морских — нет. Поэтому, единственное, что он может реально сделать, это на клановых лодьях доставить заказанный спирт в низовья Лонгары. И уже там, перегрузить на морские суда покупателя.

А в-третьих, никто его просто на Южный материк не пустит. Это же элементарно. Думаешь, пиндосам нужны лишние глаза и уши у себя дома? — усмехнулся профессор. — Эта его сказочка о доставке спита по диким необжитым землям другого континента…. Пфе!

Реально же конечный пункт назначения нашего спирта — где-то в береговых морских государствах на Западе или даже в самих устьевых княжествах. Но реальнее всего — где-то в Береговом Союзе или Герцогстве. Только в тех богатых торговых государствах есть достаточно денег чтоб оплатить такое количество дорогущего спирта. Да ещё и броневые бутыли до кучи. Это же миллионы и миллионы злотых.

А то глядишь, как бы он и самих князей Подгорных не стал бы снабжать нашим спиртом, — профессор задумчиво пожевал губами, словно пробуя произнесённую им ересь на вкус. — А что? Для такого человека, крупного оптового купца — вполне реальный ход. Деньги — не пахнут. Так что, думаю, лишь в самом крайнем случае, наш спирт окажется на Южном материке. Он, Белла, нужен в другом месте. Там, на Западе.

— Насчёт Подгорных князей — это ты, старый, что-то уж через чур, — сердито буркнула Белла. — Не такой уж Куница дурак снабжать стратегическим сырьём собственных врагов. А вот твои догадки насчёт Берегового Союза и Герцогства вполне имеют место быть. Союз и Герцогство — далеко от Левобережных земель, интересы у правящих там торговцев иные, чем у Подгорных князей. Так что, поставки туда спирта будут в самый раз. Подальше от наших земель, нам поспокойнее. И пусть дальше грызутся между собой.

И в этом Куница ничем не отличается от любого другого купца из местной Старшины.

Там его конечный пункт назначения, там, — пробормотала Белла. — Там, там, в пороховых мануфактурах Западного побережья. А не у неких мифических мериканов, которых никто реально и в глаза не видел. Советник мой недаром всё это время ел свой хлеб, торча днём и ночью в портах Берегового Союза и всячески ублажая местную аристократию и торговцев.

Досадливо поморщившись, Белла с тяжёлым вздохом нехотя призналась.

— Сбор и сортировка стратегически важной информации — вот была его главная задача в этой поездке, в которой он торчит уже чуть ли не полгода. А никакой не прокатный стан или что-либо ещё. Стан — это было так, прикрытие, отвлекающий манёвр. Удачный ход, способный прикрыть ото всех его истинный интерес. Отсюда и такой его провал по поставкам.

На самом деле он искал союзников в нашей борьбе за баронство Вехи, а не занимался делом, за которым его туда послали. Ну и параллельно собирал информацию.

Союзников, не нашёл, — мрачно констатировала Белла. — Информации накопал море. Важнейшей информации!

Ценнейшей! В частности по тому, кому и чего там остро необходимо. И вот спирт, хороший высококачественный зерновой спирт — сейчас крайне востребованный на Западе продукт. Там идёт сплошное перевооружение. И местным воякам словно воздух необходим порох.

Порох, профессор, порох, — тихо проговорила Белла. — То что стремительно входит в жизнь. То самое, о чём мы с вами не раз уже говорили. И то, что мы никак не можем для себя отработать — производство качественных порохов. И на этом чужом празднике жизни нам уготована роль…

— Правильно мыслишь, — согласно кивнул профессор. — Нам уготована роль поставщика дешёвого высококачественного сырья. Причём, скорее дешёвого, чем качественного.

Так что если у тебя хоть на минуту возникла мысль оседлать этот экспресс — забудь. На чужом празднике жизни нам места нет. Если только в прихожей возле вешалки. Потому как здесь на месте, я так понимаю, нас и на пушечный выстрел к зерну не подпустят. Раз на кону такие ставки… Власть и золото!..

— Правильно, — согласно кивнула в ответ Белла. — Власть и золото. Такой лакомый кусок никто из рук своих не выпустит. А нам, если сунемся на местный зерновой рынок, хорошенько дадут по сусалам и накрутят хвоста. Точно также как и то, что ни Куница, ни Голова, ни кто-либо другой из местной Старшины конкурентов на рынке торговли зерновым спиртом не потерпят. Производить — сколько угодно. Продавать — фигушки.

Была у меня мысль договориться с Куницей на парочку бригад для того чтобы поднять наши залежные участки, доставшихся нам по закладным. Но… Была, да сплыла, — задумчиво пробормотала она. — И площади участков там небольшие, много зерна не получишь, и участки все разрозненные, мелкими клочками. Да и Куница не дурак, на подобное не пойдёт, не будет ростить себе конкурента. А уж про место в городском Совете, я вообще помолчу. Нам там ничего не светит.

Ну а если сунемся — быстро познакомимся со звериным оскалом капитализма.

— Нужен другой источник сырья для производства спирта, — хмуро буркнула она. — Противовес, не зерно. Но где ж его взять, — рассеянно пробормотала она.

Глубоко задумавшись, Белла повернулась к плите, рассеянно глядя на слабый огонёк горящей лампы и машинально выбивая чечётку пальчиками по столешнице.

— Послушайте, профессор, — вдруг нацелила она на того указательный палец. — А зачем нам зерно? Вы же сами когда-то

говорили, что спирт, при желании, можно гнать даже из табуретки. Правда, технический, не зерновой.

Желание такое есть, так за чем дело стало?

Какого хрена мы не участвуем в том празднике жизни, что разворачивается сейчас на Западе? Почему мы не зальём их дешёвым техническим спиртом, раз он им так нужен?

И цистерны у нас свои есть, специальные, — прищурила глаза Белла. — Пока ещё в стадии окончательной доводки, но можно считать что есть. Вернее — будут, точно скоро будут, Нормальные трёхтонные стеклянные цистерны из крепкого стекла под любую жидкость. На крепких осях, с фанерным каркасом и прочным защитным кожухом из чёрной негорючей фанеры. Используй, хоть под кислоту, хоть под спирт, хоть под всё что угодно. Всё есть, и цистерны, и фургоны с лошадьми под них, и люди, чтоб сформировать обоз. И свой представитель есть там на месте — мой Советник.

И на конкретного потребителя у нас тоже есть свой выход. Если, конечно, хоть на миг поверить моему Советнику.

— Правильно говорят, — тихо проговорил профессор. — Никогда не складывай все яйца в одну корзину. И в этом плане будет хорошо, если мы воспользуемся любезной помощью некоего Потапа Буряка, того самого, оставившего нам великолепное наследие после закрытия лесопильной мельницы — горы опилок. Монблан опилок! С которым мы до сего дня не знали что и делать. А теперь должны радоваться до усрачки.

Перегоним опилки на спирт и будем в шоколаде. А потом и остальные мельницы в округе потрясём на предмет отдать нам даром или самовывозом их опилки, с которыми никто не знает что делать. Гореть — не горят, годами тлея. Гнить — не гниют, слишком смолы в них много. Вот они и копятся, копятся, копятся. А народ уже трясётся от страха. Ждут, что не сегодня, так завтра медведи придут и возьмут их за шиворот, и запретят все работы, фактически оставив без средств к существованию.

Не-е-е-т, — профессор медленно покачал перед своим носом корявым, сожжённым кислотой пальцем. — Мы не можем конкурировать ни с Куницей, ни с кем-либо другим на рынке зернового спирта. Мы можем и обязаны это сделать по всем остальным позициям. О которых тот же Куница с Головой не имеют ни малейшего представления. И о которых мы никого извещать естественно не будем.

И пусть дальше всё идёт своим чередом. Мухи отдельно, котлеты отдельно. Пусть все думают, что он нас купил, купил с потрохами. А сами в это время через твоего Советника в обход всех местных поставщиков, и в первую очередь и Куницы, и

Головы, договоримся о поставках на Запад технических спиртов, самых разных и в любых объёмах. И наладим своё производство бутылок. Не зависимое ни от кого. И поставлять будем чистейший спирт без всяких примесей в герметично закрытых стеклянных бутылках.

Вот это — действительно будет прорыв. Прорыв в независимость, в будущее. К большим, очень большим деньгам.

Встав со своего места, Белла молча прошла к кухонной плите и потрогала стоящий на конфорке закопченный жестяной чайник.

— Тёплый ещё, — задумчиво пробормотала она. — Хотите чаю, профессор, — повернулась она к нему. — Если хотите, могу подогреть на керогазе кипяточку и воспользуемся старой заваркой. Лимонник, когда настоится — чудо как хорош.

— С удовольствием, — буквально расцвёл профессор. — Из ваших рук, Белла, и яду стакан я приму, не то что любимого лимонника. Уж он-то нам сейчас отнюдь не помешает. Следует ещё кое-что обговорить, что буквально напрашивается.

— Что? — не поворачиваясь, Белла долила воды в чайник и аккуратно сунув спичку в щель керогаза, запалила огонёк.

— Может, вы мне сами скажите? — ухмыльнулся профессор. — Давайте проверим вашу сообразительность.

— Баржи, — улыбнулась, не оборачиваясь Белла. — Наливные баржи, которые можно перетащить волокушами с озёр в Ключёвку и далее куда надо. И которые дадут нам тот ресурс, которым мы прижмём Куницу.

— А поконкретней? — уже с откровенной улыбкой восхищения смотрел на неё профессор. — Немножечко поконкретней.

— У нас есть на озёрах наши самоходные наливные баржи, — бросила на него лукавый взгляд Белла. — Которые раньше мы использовали для перевозки нефти и которые после закрытия нашего нефтеперерабатывающего завода на озёрах не знаем куда теперь и деть. И которые, при определённой доработке и очистки от следов нефтепродуктов, вполне возможно использовать для перевозки в устье Лонгары Куницыного спирта.

Если перевозят одну жидкость, то почему нельзя другую? Не так ли, — с улыбкой повернулась она обратно к профессору.

Сейчас чай будет. Такой, какой вы любите, с мёдом.

С довольным видом профессор откинулся на спинку стула и прикрыв глаза, с хрустом сладостно потянулся.

— Хорошо, — прошептал он. — Люблю лимонник с мёдом. Бодрит и мозги прочищает не хуже какого-нибудь женьшеня. А мозги нам сейчас, край как необходимы.

Итак! — резко качнулся он назад, мгновенно переходя к

деловой активности. — Значит, время! Мы даём Кунице другой невосполнимый ресурс, которого никто кроме нас, ему дать не может. Время!

Отлично!

И?

— И потребуем от него помощи в строительстве собственных лодий для торговли на реке.

— Зачем? — немного растерялся профессор. — У нас же есть свои баржи. Причём, некоторые из них — самоходные, на дизелях, получше парусных. Зачем нам какие-то лодьи?

— Затем, что у него есть настоящие мастера корабелы, а у нас их нет, — жёстко отрезала Белла. — Затем, что наши самоходные баржи прекрасно плавают по узким озёрным протокам, обдирая борта, а по озёрной глади пробираются тишком, в безветренную погоду и исключительно прижимаясь близко к берегу. Малейшее волнение на воде и команда стремится укрыться где-нибудь в камышах, в затишном месте, боясь опрокидывания.

Если у нас за прошедший год на озёрах никто не утоп, это ещё ничего не значит. Сами же матросы и капитаны ходовые качества барж оценивают как крайне низкие. Корыта, вёрткие плохо управляемые корыта, пригодные исключительно для плаваний по узким, извилистым рекам, где о серьёзном речном волнении не идёт и речи.

Стоит лишь такому судну попасть на простор Лонгары — никто не знает как они себя там поведут. Ни тот монитор, ни наши наливные баржи.

Удивительно! — придя в необычную ярость, Белла в сильнейшем раздражении грохнула чайником по чугунному навершию плиты. — Столько времени бьёмся, а воз и ныне там. Вот что значит руки кривые, а морды сухопутные. И о-о-очень активная «помощь» крайне заинтересованных товарищей. Заинтересованных в том, чтоб мы никуда не рыпались и так и сидели на берегу, не смея выбраться на просторы Великой реки.

— Осторожно ты, плиту расколешь, — всполошился профессор.

— Расколю, новую куплю, — огрызнулась Белла, тем не менее аккуратно приподняв чайник и посмотрев всё ли в порядке.

Тем не менее, мы можем предложить Кунице сплавить покупателю его спирт уже сейчас. В том что есть, — хмуро продолжила она свой монолог. — Уже с первым половодьем. А если немного напрячься и использовать уже существующие наработки и его мастеров, то, думаю, можно из нашей фанеры сделать что-нибудь более достойное, чем то убоище, что у нас по

озёрам плавает.

— Ходит, — машинально поправил её профессор. — Моряки говорят — ходит, а не плавает. Плавает, как известно, нечто другое, не к столу будет сказанное.

— Я ни разу не морячка, — огрызнулась сердитая Белла. — И у меня баржа плавает, а не ходит. И если использовать вашу терминологию, профессор, то я выражаюсь абсолютно правильно!

— И Куница пойдёт на этот договор, — жёстко добавила она. — Потому как для него сейчас главное время. Время, когда он за свой спирт получит своё золото. Сейчас? За несколько месяцев до вероятного срока начала выборов? Или потом, после выборов — когда оно уже практически той нужной ему роли не сыграет.

У кого раньше окажется больше денег, тот реально и выиграет выборы, — жёстким холодным голосом, резко проговорила она. — И я думаю, выбор очевиден.

— А монитор…, — буркнула злая Белла, подняв на профессора горящий яростью взгляд, — Наш новейший самоходный дизельный монитор с новенькими дальнобойными ста миллиметровым орудиями и парочкой семидесяти шести миллиметровых по бокам, с несколькими пулемётными башенками, о котором в городе ходят самые несуразные слухи, который ещё только строится, будет призом Куницы в конце, когда всё кончится.

— Что? — растерялся профессор.

— Мы его продадим, — холодно проговорила Белла. — Потому что нам он не нужен. Мы не в силах содержать большой военный корабль, в котором только экипаж, занятый непосредственно обслуживанием корабля и не занятый производительным трудом, составляет двадцать человек. Причём двадцать — не считая обслуги, групп охраны и обеспечения, которые тоже ничего не производят, а лишь потребляют. Для нас подобная роскошь — слишком накладно. А вот для клана Куницы будет в самый раз.

Вот пусть он его у нас и купит. Сначала проверит в деле, а потом купит. А мы ему будем исправно поставлять спирт по его заказам и снаряды к его пушкам. И соляру к его двигателям. Пусть этот монитор его торговые караваны и охраняет. В низовья — спирт, вверх по реке — золото, или товары.

— Боюсь, такой подход к безопасности нашего клана многим не понравится, — похолодевшим сразу голосом проговорил профессор. — И в первую очередь твоему мужу, Сидору. Про Димона, я вообще помолчу. Он своих пушек не пожалел на это, как ты его называешь, корыто, а ты так легко собираешься

расстаться с общим достоянием.

— А мы себе построим лучше, — вдруг хитро улыбнулась Белла. — Используем полученный опыт и наработки, мастеров Куницы и построим вдвое мощней и втрое лучше. А это корыто… Ведь на самом деле это действительно корыто, с какой стороны ни посмотри, пусть забирает себе. У нас должно быть самое лучшее, самое передовое, самое красивое. А по этим показателям монитор не дотягивает даже до среднего уровня.

Он был плох ещё на стадии проектирования, и с того момента ничуть не улучшился. Плавает — как корыто, — брезгливо поморщилась она. — Да и… какой-то он… некрасивый, — совершенно вдруг смутившись, едва слышно проговорила Белла.

— Главный критерий, — неопределённо как-то вздохнул профессор. — По крайней мере, для женщины. Можно сказать — убийственный.

— Пусть он стремится первым наложить свою лапу на нашу редкость, — Белла, бросив короткий взгляд на профессора, вдруг как-то неприятно улыбнулась. — И на монитор, и на его орудия. На те самые установленные на мониторе два сто миллиметровых пневматических орудия, испытания которых якобы закончились «провалом». Провалом, в который, похоже никто ни на йоту не поверил. По крайней мере, Куница — точно не поверил.

Пусть Куница, не вкладывая в дело ни монетки, превращается в крупнейшего в регионе поставщика на Запад зернового спирта. Пусть у него расчёт на чужой строящийся монитор, что тот своими дальнобойными пушками будет держать в страхе ящеров на равнине и амазонок на реке. А он спокойно отсеется, соберёт и переработает свой новый урожай, а потом всё продаст и будет с кучей золота. Да ещё и главой большого города. Пусть у него расчёт на наши пушки. Пусть.

О господи, — внезапно схватилась Белла за голову. — Ещё ничего нет, всё только в стадии разработки, а местная Старшина уже планируют использование в своих целях наши изобретений и нас самих впридачу, на закуску.

Но, какой тонкий политик. И какое разительное отличие от прежнего. Не надо ничего отбирать, как это раньше делал глюпий Голова со товарищи. Надо просто заставить работать на себя, как на свой личный интерес. И всё.

И у него почти получилось.

Почти, — зловеще добавила Белла, зло прищурив холодные, полыхнувшие ненавистью глаза.

Не учёл он одного. Мы станем монополистами по производству стеклянных бутылок и не далее чем через месяц

разорим всех стеклодувов в Ключёвском крае. Одна наша бутыль будет обходиться нам в сущую мелочь, в две, три медяшки. И ни один местный ремесленник не выдержит такой с нами конкуренции.

Мы их всех потом соберём у Марка на заводе и заставим работать на себя.

И за это благодарить они должны будут Куницу.

На его деньги, с его помощью мы станем монополистами во всём Крае и будем диктовать всем СВОИ цены. С лихвой вернув все вложенные в этот проект деньги.

Вот что МЫ получим от этого договора. Что получит он — надо посмотреть. Но что бронебойного стекла ему не видать как своих ушей — факт. Композитная бутыль при расплаве если что и даст переработчикам, так обычное стекло, выделить из которого бронебойную фракцию или какие-то особые добавки, невозможно.

Таким образом, думая что вовлекает нас в свою сферу влияния, фактически Куница своим зерном и миллионами безмерно усилит нас. Этого он пока не понимает, а когда поймёт, поздно будет. У нас будет свой спирт и свой действующий завод по производству дешёвых стеклянных бутылок. И у нас будет масса гарантированных покупателей на свою продукцию. Никак не связанных с Куницей. Так что МЫ ничем не будем от Куницы зависеть.

Нас опять старательно пытаются впихнуть в чью-либо сферу влияния. Раньше нас курировал Голова, теперь — на освободившееся место стремится пристроить своё седалище Куница.

— А Ведун так с неё и не слезал, — лениво зевнул профессор. — Клещ, тот ещё.

— Была бы шея, хомут найдётся, — обречённо проговорила Белла. Весь её энтузиазм на какой-то момент потух. — Да-а-а, — грустно заметила она, — в главном ничего не меняется. Нас обяжут петь под чужую дуду. Не так, так эдак. И в этом главная интрига всех этих договоров. Привязать нас к новому центру власти.

Новый Глава города — Куница. Он нас вовлёк в свою орбиту и заставил работать на себя. Ему главный ценный приз.

Мы, прям, как переходящий кубок. Кто в городе Голова — тому и приз. А чтоб не рыпались на сторону, в какой-нибудь очередной Каменск-Польский, кинули сахарную косточку, крупный заказ. Умно, ничего не скажешь.

Договором на год подвяжут нас к нему по работам. А потом снова и снова это будет повторяться. Тем или иным способом.

А потом можно отобрать и сам завод… Если забудем, с чьих

рук кормимся.

— Ну, это — вряд ли, — снова лениво вступил в разговор профессор. — Кунице этого не надо. Да и не понимает он в том процессе ничего. А вот то, что он ничего не понимает — это-то как раз он понимает прекрасно. Лаской и таской получить можно больше, чем одной таской.

— Однако есть и приятные соображения на сей счёт, — лукаво глянула на него Белла. — Думается мне, сам Куница ещё не понимает, что фактически именно он, не мы, а он, именно он будет крутиться на НАШЕЙ орбите.

Мы раскрутимся на его золото. Новый стекольный завод и бутылки по 2 медяшки за штуку. Да, это ничто, мизер! Смехотворная цена для ценнейшего по своим качествам продукта. И тут мы в лидерах. За его счёт!

Надо только выбить из него обещанное золото и можно приступать к массовому производству.

— А зачем? — скептически глянул на неё профессор. — Кому нужны наши бутылки, кроме всё того же Куницы с его спиртом? Переиграет завтра Куница. Не нужен ему окажется спирт в бутылях. И что? Что дальше?

— Дормидонт, — улыбнулась Белла. — Дормидонт с сыновьями и его вином.

— Упс, — тихо пробормотал профессор. — Слона то я и не приметил.

— А за Дормидонтом и все остальные, кому нужна стеклянная бутылка, следом подтянутся. А таких — немало. В первую очередь, кабатчики. При такой дешевизне бутылей они могут поставлять потребителю вино и пиво не в бочках, крайне неудобной в потреблении тарой, а уже разлитое по бутылкам. Разлитое и опечатанное, как это ты сам рассказывал делают у вас на Земле.

Так что, проф, — Белла зловеще улыбнулась. — Иногда бывает очень полезно ездить по дальним заводам инспектировать производство на месте. Советую и тебе это время от времени делать. Времени в пути много и разные умные мысли приходят в голову.

В частности, — улыбнулась она. — Почему у Марка в цеху рядом стояли две бутыли. Одна на три литра, а другая на двадцать пять. И почему одну он называл четверть, а другую — корчага. Но сам Марк постоянно путался, и ту, и другую называя почему-то одинаково — четверть.

Стоило только задать себе правильный вопрос и тут же вспомнились все оговорки и недомолвки Куницы. И всё встало на свои места.

Не поехала бы, — посмотрела она профессору прямо в глаза. — Так бы и влетели со всей дури в простейшую ловушку. Пусть её никто специально на нас не расставлял, но ведь была же, — вдруг с внезапно прорезавшейся горечью в голосе проговорила Белла. — Была, — тихо повторила она. — И мы в неё чуть не вляпались.

— Зато вляпались в другую неприятность, — эхом отозвался профессор. — Когда Димон узнает, что братья Трошины с Лёхой, Фомой Аквинским и всей их бандой неугомонных экспериментаторов все его драгоценные моторчики, трубочки и прочую редкость, над которыми он тряся как Кощей над златом, вбухали в дурацкую линию по выдуву каких-то не менее дурацких бутылок, он нас убьёт. Тебя и меня, и Машу за компанию. Медленно, и со вкусом.

— Зуб даю, — вдруг озорно подмигнув Белле, профессор звонко щёлкнула ногтем себя по левому клыку.

Весёлый громкий хохот разнёсся по комнате.

— Всё-всё-всё, — тут же поспешно оборвал он смех, испуганно вжав голову в плечи. — Разбудим твоих грудничков, мало не покажется никому.

Всё, спать иду, — сладко зевнул он, устало прикрыв глаза рукой. — Чего и вам желаю, мамаша.

Спать-спать-спать.

Познавательная поездка.

Большего позора для себя Куница не мог и представить. Как только от стыда не сгорел. Так подставиться! Так подставиться! Не просчитать двух каких-то молоденьких соплюшек, которые ему в дочери годятся. Не просчитать, когда они сами же, в глаза ему прямо сказали, что тщательно подготовятся к заключению договора.

Так подставиться! Так подставиться!

Теперь насмешливые взгляды его товарищей, казалось, всю жизнь будут жечь ему спину, как только он мысленно представлял себе картину их прошлой встречи с этими двумя волчицами.

Иначе теперь Куница боялся уже и называть этих двух молодых стерв: Машку и Белку.

Стервы! Волчицы! Две молодые зубастые волчицы, связываться с которыми или пытаться их обмануть — себе дороже.

Ну какой же он оказался дурак! Ведь всё же так хорошо

начиналось.

А теперь у каких-то двух сопливых девчонок оказался столь убийственный на него компромат. Так мордой в грязь сунуть… Так сунуть! Стыд то какой.

— Стёпа, не отвлекайся!

Дружеский хлопок по спине заставил Куницу на миг отвлечься от чёрных мыслей. Покосившись на довольные рожи развлекающихся друзей, стоящих сбоку, Куница лишь тяжело вздохнул. Игнату с Третьяком хорошо. Они то как раз поразвлеклись от души, в собственное удовольствие. А судя по их довольным глазам, всё, теперь подначками и дурацкими шутками на грани фола он обеспечен на ближайшую пару лет. Так подставиться, так подставиться!

В памяти услужливо всплыла так и стоящая перед глазами немая сцена, которую он хотел бы забыть навсегда. Залитый слепящим полуденным солнцем кабинет Управляющей банка «Жемчужный» Марьи Корнеевой, её рабочий стол, заваленный стопками аккуратно сложенной бумаги, куча тубусов для пергаментов на соседнем столе, и довольная физиономия этой… этой… второй… С-сучки…, вольготно развалившейся в своём кресле в углу кабинета. И длинный ряд сверкающих на солнце чисто вымытыми боками бутылок, самых разных форм, размеров и цветов, аккуратно выставленных рядами на стоящем в углу кабинета просторном низком столе.

Незаметный до того низкий столик в углу, заставленный бутылками и прикрытый ранее куском какого-то плотного серого полотна, сейчас, на солнце, смотрелся просто сногсшибательно, словно что-то нереальное.

И эта, молодая волчица баронесса, сидящая рядом в своём кресле и с глумливой, мерзкой ухмылкой на точёных губах, указывающая на стол своей изящной ручкой. Поубивал бы, стерву. Раз пять. А потом ещё… раз шесть…

Хоть бы встала, малявка, когда ТАКИЕ гости пришли. Никакого уважения к клиенту. Да ладно, к клиенту, хотя бы к возрасту старше её человека выказала бы уважение. Хоть малое! Нет. Дождёшься от ТАКОЙ.

Ну, зараза. Погоди у меня. Ещё не вечер.

— Здравствуйте, Степан Игнатьевич, — были первые слова, услышанные им в тот чёрный день в том кабинете из её уст.

Ему бы в тот момент не пялиться выпучив глаза на бутылки, а задуматься. Откуда эта соплюшка знает не только его имя, но ещё и отчество, которое в городе знали считанные единицы, перечислить которых хватило бы пальцев одной руки?

Задуматься бы ему в тот момент над этим простым

житейским вопросом. «Откуда эта стерва знает его имя и отчество, неизвестное большинству даже горожан?» И тут же остановиться. Нет. Куницу несло на волне эйфории и всеми возможными коготками он с разбегу намертво вляпался в… это дерьмо!

Ещё бы. Ему только что на совете пограничных кланов официально предложили стать кандидатом на пост нового Головы Старого Ключа от их пограничного округа. И в том состоянии непонятной эйфории и некоторой растерянности, что он тогда пребывал, он как тетерев на току, ничего вокруг себя не видел.

Тетерев, никак не иначе. Одно слово — птица! Хорошо хоть, что не курица.

— «И не петух», — мрачно подумал он, вспомнив, с кем данная птица ассоциировалась у этих землян. Будь они трижды неладны.

Его прокол с четвертными бутылями был чудовищен. Желая поймать девчонок на крючок, он сам незаметно увлёкся и легко угодил в расставленные сети.

Куница не обольщался, ЭТИ ничего не забудут. ЭТИ — ничего не простят. Потому как прекрасно поняли в какую ловушку чуть было не угодили сами. А ему ума не хватило вовремя этот момент просечь и свести всё к шутке. И как бы они сейчас не списывали всё на простую ошибку, ничего забыто не будет, ни ими, ни им. И он, именно он, он, а не они, поневоле оказался в вечных должниках этой пары. И остаётся надеяться лишь на их порядочность, что произошедшее в той комнате никогда не просочится наружу. Потому как в своих друзьях Куница был уверен на все сто, а уверенность, что дамочки будут молчать, давало ему понимание того, что тем тоже совершенно не выгодна огласка произошедшего казуса.

Как он первоначально остановил свой взгляд на этих двух соплюшках, так теперь и эти девчонки сделали ставку на него. И сделав раз выбор, будут жёстко придерживаться раз данного слова. А слову дворянки, тем паче поречной ведьмы, пусть и не инициированной, следовало верить. Никогда такого не было чтоб те его нарушали. Сами этого не делали, и другим того не позволяли.

Так что и сомнений в том что и Машка, довольно бестолковая бабёнка, надо сказать, жена весьма толкового вояки Корнея, того что из низовий, также будет молчать, у него не было ни малейших.

И вроде бы как всё было нормально, и обо всём договорились, и проблем ни с какой стороны как бы не предвиделось. Но! Но-но-но.

— «Чёртово предложение, — в очередной раз пришла в голову всё та же раздражающая своим постоянством мысль. — Проклятое предложение двух хитроумных особ.

— И ведь не откажешься теперь, слишком уж завлекательно.

Нет, ну вот кто сказал про баб: „Волос — долог, ум — короток“? Нет, это был воистину полный дурак. И если уж к кому и относилось, то уж никак ни к этим двум пройдошистым бабёнкам. Это же надо умудриться придумать такую штуку. Затеять обмен старого семенного зерна стратегических запасов кланов, на зерно будущего урожая. Прям счас, не дожидаясь даже посевной. По принципу два на один. Два пуда будущего урожая в обмен на один пуд старого. Но только сейчас, когда им крайне нужно зерно, а не тогда, когда у всех его будет полно. Два к одному.

„И как такая простая, очевидная мысль не пришла мне самому в голову раньше, — в который уже раз корил себя Куница. — Ведь с такими доходами что ожидаются нами от продажи спирта, он мог бы позволить себе и вдвое большую уступку, лишь бы получить доступ к зерну сейчас, а не будущей осенью“.

„Не догадался! Сам не догадался, а теперь приходится уступать пальму первенства девицам. Ему — укор. Потому как идея привлечь к делам клана компанию этих недавно поселившихся в городе землян и примкнувшую к ним баронессу, была его.

Ведь раньше все пограничные кланы предпочитали с землянами не связываться, переуступая это „почётное“ право горожанам из Старого Ключа“. И лишь крайне редко вступали с ними в какие-либо отношения.

„Доуступались! — мрачно думал Куница. — Доуступались до того, что теперь все в городе, да и по всему Ключёвскому Краю, уже привычно считают, что новые появившиеся в городе люди, особенно из числа землян, должны курироваться исключительно городскими торговыми кланами. А собственно пограничные кланы и кланы земледельцев с равнины как бы здесь ни при чём“.

Вот и выходило, что все приносимые землянами новинки проплывали мимо носа гордецов. Идиотизм, чистой воды идиотизм и недомыслие.

„А сколько несомненной пользы, как оказалось, можно с тех же землян поиметь, и не сосчитать. Один этот монитор, что обещан ему после успешного проведения операции со спиртом, и что сейчас так вальяжно покачивается на стылой, серой водице Сытного озера, один он чего стоит“.

Куница невольно поморщился, вспомнив, чего на самом деле

будет стоить ему тот монитор, и на миг ему стало дурно. Что существует столько денег, раньше он знал лишь теоретически. Теперь же — придётся платить.

Два кормовых ста миллиметровых ствола орудий кормовой орудийной башни монитора смотрели прямо ему в лицо, заставляя невольно ёжиться. Неприятное чувство, словно заглянул в глаза смерти. Не подавая вида, что ему неприятен вид направленных на него стволов орудий, Куница постарался незаметно для всех сместиться чуть в сторону, якобы привлечённый видом самоходной наливной баржи, покачивающейся на воде залива рядом с монитором.

Хотя, на что там было смотреть. Дизайнерское и инженерное убожество, как говорят сами же земляне. Абсолютно невыразительное, плоское, зализанное со всех сторон чёрное корыто, больше напоминающее разрезанный вдоль оси бидон из-под молока, с торчащими на носу и корме двумя несуразными пнями орудийных башен. И ещё одна, самая большая, пулемётная, точно посередине. Уё…ще! Нет слов — натуральное уё…ще.

Единственно что, действительно очень крепкое.

Но таких уродцев, слава Богу, у компании больше нет. Один лишь этот, что затерялся до весны в этом озёрном затоне. Хотя, как можно затеряться такому чёрному чудовищу посреди ослепительно белого простора, непонятно. Вот же он. Хотя, подойти то к нему действительно страшно. А уж оставить без присмотра — ещё страшнее. Вдруг кто позарится? Да вот хотя бы на торчащие из наглухо закрытых башен стволы орудий. Отпилит кто ножовкой выступающую за бойницы часть ствола, и что? Ага! Нет больше монитора.

С другой стороны, без снарядов, да без заряжающего компрессора — много ли угрозы с тех орудий. Кусок ни на что не годного железа, не более того. Разве что в переплавку.

Тут да, тут можно хорошую выгоду поиметь. Слышал тут Куница краем уха разговоры знакомых клановых кузнецов, что эта компания землян самым возмутительным образом использует для изготовления своих новых пушек уж слишком хороший металл. Настоящий, оружейный металл, с какими-то хитрыми, редкими и дорогущими добавками, что везут им откуда-то из Загорья. И горько сетовали кузнецы тогда, что такая хорошая сталь да таким неумехам досталась.

— „Видели б те кузнецы как эти неумехи палят из своих пневматических пушек, отлитых из той чудо-стали, иные б речи вели“, — мрачно подумал Куница.

Подозревал он компанию землян в попытке обмануть

окружающих что у них плохие орудия. Крепко подозревал, да выводов не сделал. Правильных выводов.

Теперь бы не хлопал глупо глазами, глядя как эти два чудовища из носовой башни монитора с негромким шипением раз за разом изрыгаются из своего нутра чудовищными снарядами. Да не простыми металлическими болванками, а фугасными, настоящими фугасами, подымающими в воздух клочья армированного хворостом льда в местах попаданий.

Да, меткости ещё этим молодым артиллеристам пока не хватало. Учиться им ещё было и учиться. Да только невооруженным глазом сразу видно было, что не новички стоят там, не новички. И теперь, если эта самая Изабелла де Вехтор не врёт, на обучении орудийных расчётов правильной стрельбе они экономить не будут. На носу открытие навигации, и артиллеристам необходимо восстановление утраченных за долгую зиму навыков.

И следует сказать, что навыки восстанавливаются довольно быстро. Уже с десятого снаряда столбы взрывов стали уверенно кучковаться вкруг установленных на льду мишеней.

Похоже, добрая практика была у этих парней прежде, раз так быстро были восстановлены утраченные навыки. А судя по точности и уверенности, с которой последние снаряды накрывали мишени, практики прежде им было ни занимать.

Куница поймал себя на мысли что в происходящем есть что-то неправильное. Что? Что подспудно тревожит его, вызывая невольно внутреннее раздражение.

— „И это не та глупая история, что произошла в банке, — пришло чёткое понимание.

Что-то вокруг, в этом заливе было такое, что выпадало из привычной жизни. И не просто выпадает, а буквально вопило! Не так! Что-то не так!

— Что?“

Равнодушно скользнув рассеянным взглядом по усеянной мелкими обломками битого льда стылой воде огромной полыньи, Куница ненадолго задержал его на вызвавших этим утром такой бурный интерес фигурах.

— „Ублюдки, — машинально, беззвучно выматерился он про себя. — Хотя, нет, чего это я. Ублюдки как раз у нас дома, на моём участке границы. А это-то — старые подгорные, коренные ещё не изменённые имперцами ящеры. Которые, похоже, на сегодняшний день только здесь ещё и остались. Последние бандерлоги, так сказать. А в остальных частях пограничья давно уже ликвидированы

— От, жизнь, — невольно развеселился он. — Погранцы —

охранители вымирающей популяции собственных врагов“.

Кунице вдруг стало странно весело. Вот же действительно, каким боком жизнь повернулась. Никогда бы не думал, что будет рад видеть рожи подгорных людоедов. НАСТОЯЩИХ подгорных людоедов, а не тех уб…», — резко оборвал он сам себя, поняв, что последнее время стал слишком много материться. А вот это — точно было нехорошо.

Пусть и про себя, пусть молча, но всё равно он матерился. А это — нехорошо.

На мелкой серой ряби расчищенного ото льда участка залива тихо колыхалась на воде несуразная туша недостроенного корпуса чёрного чудовища, слабо шевелящаяся после каждого выстрела. И торчащие из неё несуразно длинные стволы пневматических ста миллиметровых орудий, направленные куда-то в сторону озера уже не вызывали в душе Куницы того раздражения, что присутствовало там ещё этим утром. Он уже понял, что надо делать. И понял, что несуразное казалось бы предложение этих двух девиц стоит того, чтоб его хотя бы рассмотреть. А рассмотрев, возможно даже и принять.

— «Зря, зря я хотел посмеяться тогда над девчонками, — мысленно укорил он сам себя. — Зря и друзей тогда пригласил с собой, чтоб вместе посмеяться над глупыми соплюшками. Я посмеяться хотел, а они — вишь, чего удумали. Боевой монитор в сопровождение своему торговому каравану предлагают! С возможностью последующего выкупа. Правда, цену вломили, страшно даже представить. Чуть ли не под миллион за одно лишь это корыто. А всякая там дополнительная оснастка: снаряды, пульки к пулемётам, бензин для компрессоров и танковых двигателей и прочая самая необходимая мелочь, это уже отдельно.

— И всё равно. Есть в их предложении толк, есть. Если такую же эффективность стрельбы продемонстрируют и остальные экипажи, с этих их, как их там называют — „наливных барж“, то толк, думаю, от предложения девчонок будет. Не сунутся амазонки к такой силище. А, значит, и на их поборах можно серьёзно сэкономить. С какой стороны ни посмотри, а есть выгода в их предложении. Есть!»

Куница резко оборвал повернувшие куда-то не туда мысли и попытался сосредоточиться на том, что подспудно тревожило его всё это утро.

Что? Что же его тревожило? Что тут вокруг было ТАКОГО, что вдруг вызвало в нём вот это смутно беспокоящее ощущение творящейся вокруг неправильности и подспудного чувства раздражения?

Монитор? Нет. С ним всё ясно. Считай что решено — будем договариваться.

Тогда что?

Что Марк, старый дружища Марк использовал своих прославившихся уже по всему Краю подгорных ящеров на подготовке полыньи для демонстраций этого чудовища? Что за неделю подготовки демонстрации их руками с помощью обычных ручных пил и детских саночков расчистил от зимнего льда такую огромную часть залива, позволившую этой компании продемонстрировать всю эффективность этих их так называемых «наливных барж» и монитора? Да нет, ерунда это.

Что? Что же тогда его беспокоит?

— Слышь, Маш, — повернулся он к банкирше. — А правда, что вы сдаёте своих пленных в найм на сторону? Да ещё с этого и хорошие деньги имеете?

— Правда, — поморщилась Маша. — И ты туда ж, — обречённо вздохнула она. — Ну что ж. Если тебе надо, заказывай. Тебе мы, так уж и быть, по блату первому очередь уступим. Но только до весны. После, извини, своих планов полно. И не больше сотни, — мрачно посмотрела она на клановщика. — И кормежка за твой счёт.

Приплясывающая на холоде её изящная, несмотря на двое родов фигурка, затянутая в дорогущий, нагольный полушубок, неизбывную мечту его жены, чуть было не вызвало на лице Куницы насмешливо ехидной ухмылки. Вот ведь дурочка. Приехала на показ речного монитора, в Богом забытый угол на берегу залива, в снег, на продуваемый всеми ветрами берег, и не надела тёплой обувки. Нацепила на ноги хромированные изящные сапожки. Вместо валенок! И форсит. Перед кем?

Вот же бабы дуры. Поморозит ноги, свалится с температурой. Кто тогда выполнять будет все эти их громогласные и завлекательные предложения?

Одна Белка? Так та молодая дура не лучше, — неодобрительно покосился он на неподвижно стоящую рядом с первой и вторую фигурку.

О! Такая же! Правда, почему-то не пляшет. Но тоже в сапожках вместо валенок.

И этой весна в голову стукнула!

Боятся что валенки промокнут? А галоши на что? Не модно?

— «Совсем эти землянки наших баб развратили, — вдруг вспыхнуло в груди глухое раздражение. — Так, глядишь, и моя фифа скоро форсить будет в холодных хромовых сапожках, вместо тёплых валенок.

Ё-п-р-ть! А ведь моя старшенькая уже пару раз мявкнула, что

и ей бы не помешал точно такой же вот подарок на весенний праздник, чтоб перед парнями пофорсить. Сапожки ей! Калоши ей новые, а не хромовые сапожки».

«Пусть недельку теперь поспит на животе, с поротой задницей, любительница моды. Иш! С кого вздумала дурной пример брать! С Машки!»

«Всё, всё, всё, — постарался мысленно оборвать он мысли не к месту. — Возвращаемся к тому, с чего начали. Что странного в происходящем?»

Куда прёшь! — рявкнул он на чуть было не задевшего его своим возком со льдом пронёсшегося мимо ящера. — Не видишь!

Морда зубатая, — тут же сбавил он тон, краем глаза заметив КАК зыркнул в его сторону ящер.

— «Ну его, — подумал Куница. — Из охраны — никого. И ЭТИ кругом, без привязи».

Всё-таки было что-то неправильное в том, что компания землян использовала в своих целях бывших подгорных людоедов. Не говоря уж о том, как она их использовала — без охраны. Пусть была от них польза, и несомненная, но, всё равно — это всё неправильно. Хороший ящер — мёртвый ящер.

— «Стоп! — мысленно остановил он себя. — Что только что пришло мне в голову? „Хороший ящер — мёртвый ящер“.»

— «Вот! — чуть было не подпрыгнул он от радости. — Ящеры! Несуразица в них!»

— А Косой, да рябой тоже пользовались вашими услугами?

— Чего? — недоумённо глянула на него Маша. — Боюсь, я тебя не понимаю. Какими услугами?

— Ну, этими, — замялся Куница.

— Какими этими? — вдруг захолодела лицом Маша. — Выражайся яснее.

— Пленных давали им на работы? — наконец-то поспешно сформулировал вопрос Куница. Под жёстким взглядом Маши он вдруг почему-то почувствовал себя неуютно. — Голова со Старостой брали у вас пленных на какие-либо работы для себя?

— А-а-а, — как-то странно нехорошо покосилась на него Маша. — Что? Тоже надо пруд под карпиков в усадьбе выкопать? Тоже решил заняться ландшафтным дизайном у себя дома?

Никак твоя Сашка уговорила таки тебя выкопать ей декоративный прудик у вас в садку? Ладно, рассмотрим ваше предложение, господин Куница, — расплылась в улыбке Маша. — Для такого благого дела, поддержать девчонку, мы так уж и быть, выделим вам пару землекопов. Так сказать, по блату. А Сашке, передашь привет и скажешь, что если ещё чего надо, то пусть сама подходит. Сделаем.

— Этих, — небрежно кивнула она в сторону залива. — Этих у нас много. И никакой промёрзший грунт их не остановит. А сейчас они вообще без дела маются. Зима.

Вспомнив в каком пребывает положении сейчас его старшая дочь Саша, что та лежит на печи дома кверху поротой задницей, Куница поскучнел. Лучше бы сейчас этой молодухе было не знать, что он вожжами выпорол свою дочь. «Поучил», так сказать.

Как бы такое вот «поучение», не вылилось бы сейчас в настоящий скандал. Не ко времени. Хорошо что эти две молодухи ничего не знают, а то могли бы и его самого выпороть прямо вот здесь, на берегу этого залива. С этих станет.

Покосившись на отвлёкшуюся в сторону Машу, Куница постарался не возвращаться больше к данной теме. Эти две шалавы могли и не такое учудить. С них станется. А охрана, как назло, застряла где-то на берегу, охраняя внешний периметр. Мол, тут всё под контролем, спокойно.

— «Да какое тут спокойно, — чуть не выругался он вслух. — Ящеры без привязи свободно вокруг ходят. Лёд из полыньи таскают куда-то в сторону, продолжая расчищать от него залив. Набросятся — кто остановит. Машка? Эта…»

Смотрю, вы решительно взялись за дело, — кивнул он в сторону залива. — Такими темпами со своими ящерами вы за пару дней полностью освободите залив ото льда.

Может солнышка лучше подождать? Ещё месяц, другой и оно само тут всё растает.

— Если мы с вами договоримся, — улыбнулась уголком губ Маша, — то нам уже сейчас нужна свободная вода в заливе, чтоб восстановить у команд барж утраченные за зиму навыки. А там, на реках возле заводов, куда мы их потом перетащим, нет места для этого.

Тут же, — кивнула она в сторону озера. — Натуральный полигон. Стреляй, не хочу. И расчищать ничего не надо. На десятки вёрст вокруг ровная белизна. И всё видно. Кто, как и куда стреляет, — уже широко, не скрываясь расплылась она в весёлой улыбке. — Корней давно хотел сюда перебраться, потренировать своих парней. А то там стрельнешь, а куда попал — поди разбери за стеной леса. А вырубать поляну под стрельбище — нет ни сил, ни времени.

— Да, сложно там у него, — понимающе покивал Куница. — Как, последнее время не шалят?

— После того как выдавили с озёр и с предгорий — нет. Словно отрезало. Разбрелись по равнине, пристроились где кто сумел, и считай что подгорных людоедов больше нет. Всё, кончились.

— «Вот! — щёлкнуло что-то в голове клановщика. — Вот оно! Это — не те ящеры. Эти ящеры — не то, что у меня дома. Там — другие! И давно уже другие. Лет этак пять последних — точно. Там — новая популяция, здесь — остатки старой».

Вот что меня здесь оказывается тревожит, — едва слышно пробормотал он.

— Что? — повернулась к нему Маша.

— Ничего, ничего, — качнул головой Куница. — Это я так, о своём. Не обращай внимания.

Покосившись на него Маша молча повернулась обратно, смотреть как от причала отходила очередная самоходная баржа и занимала место возле буйка, готовясь к очередным стрельбам.

Как ни старалась Маша не сорваться, но едва сдерживала внутреннее раздражение. Всё вокруг её раздражало. Что она тут делает? Какого рожна припёрлась на эти дурацкие стрельбы, словно некому этот дурацкий процесс проконтролировать. Она ведь не Белла, с её рыцарским воспитанием, чтоб ей нравились все эти военные игрища. Её дело — деньги и всё что с ними связано. А не эти дурацкие развлечения из глухо пукающих железяк.

— «Чтоб они все тут провалились. Под лёд, — мрачно пошутила про себя Маша. — Боже, как же холодно».

Она ужасно мёрзла в своих красивых хромовых сапожках на берегу засыпанного снегом залива, пусть даже и на толстой зимней подошве. И оттого злилась ещё больше, понимая что сглупила. Не хватало только подхватить насморк и свалиться с температурой. Белка тогда её точно прибьёт. Столько дел, а она заболела.

Сколько раз Белла говорила ей, что надо закаляться. Но вечером, подходя к тазу с холодной водой, чтоб на ночь вымыть ледяной водой ноги, Маша каждый раз приходила у ужас, совершенно не понимая подругу. Как можно было так над собой издеваться? Ведь она женщина, а не солдафон какой-то. И ей совсем не обязательно иметь железное здоровье, как к тому стремится эта дурочка.

Нет, такое «закаливание» точно было не для неё. А Белла? А Белла пусть делает всё что захочет. У неё своя голова. Маша не собиралась тупо копировать поведение подруги.

— «Вот только надо было всё же одеть валенки, — пришла досадная мысль. — И кожаные, пропитанные воском калоши. Нечего форсить, подражая этой хладостойкой воительнице. В конце концов она любит тепло и ничего плохого в том нет. Всё, решено. С этого дна — никаких больше глупостей».

— Значит, говорите что ваши ящеры копают пруды для

Головы и прочих.

— Что? — вернулась Маша в реальность.

— Говорю, ваши ящеры копают пруды, — повторил Куница.

— А-а-а, копают. Хорошо копают, быстро. И что?

— Значит, он хорошо с ними знаком.

На удивлённый непонимающий взгляд Маши в его сторону Куница уже не отреагировал, думая о чём-то своём.

— «Проклятье, вот откуда такая уверенность Сильвестра, что все разговоры о новой популяции подгорных и об их угрозе для города пустой звук. Я пять лет последних не видел ни одного представителя старой популяции, а он никого кроме этой старой популяции вообще оказывается не видел. Он просто не знает что они есть, принимая одних за других. Внешне же, если точно не знать и внимательно не присматриваться — не различишь.

И что? Что это значит?

А значит это лень и несообразительность. Совершенно недопустимые вещи для руководителя пограничного города», — рассердился на самого себя Куница.

Все его страхи и неуверенность, вся его нерешительность словно озёрной волной были смыты захлестнувшей его злостью. Он, дурак, делает всё для родного города, никуда не лезет, ни в какие политические интриги не суётся, ни в какие союзы и объединения не вступает. Даже на выборы себя на место нового Главы города не дал ещё окончательного согласия. Лишь собственной кровью защищает рубежи человеческих земель. И более ничего!

Даже как-то помог тому же Косому в приобретении новых земель в пограничье и наращивании его богатства, и богатства его клана, лишь бы было спокойствие у него за спиной. А этот самодовольный болван даже не соизволил продрать собственные глаза на творящееся вокруг.

«Ящеров нет! Нет никакой новой популяции! Чего ты беспокоишься! Никакой войны не будет! Какие два года! Это всё пустые слухи!». Вот дословные слова этого идиота.

Да вот же они, кретин! Вот — старая популяция! Та самая, из которой он уже несколько лет на своём участке границы не видел ни одной особи. Никого!

Там — на границе — только новые! Только помесь! Только ублюдки!

И там грядёт война.

А здесь? Здесь всё по старому! Тишь да гладь, да лени благодать. Потому-то он ничего и не видит.

НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ!

Всё встало на свои места. Последние сомнения и

неуверенность пропали. Больше он не будет так упорно отказываться от настойчивых предложений соратников выдвинуться на пост Главы Старого Ключа при очередных выборах. Всё. С этого дня всё будет иначе. Он даст своё согласие. А значит — выборам быть. Его клан был последним, кто ещё противился их проведению, и с его согласием ничто уже больше не сможет остановить стронувшуюся лавину. Даже возможная война! Ничто их проведение не остановит.

И даже если Косой со своими клевретами попробуют — ничего у них не получится. У пограничных кланов хватит влияния в Территориальном Совете, чтоб опять на неопределённое время не отменять и эти, пусть даже ещё окончательно и не утверждённые выборы. Всё! Он будет новым Главой! Он так хочет — и так будет!

И Куница в тот момент ничуть в том не сомневался, потому как всё за что он брался, всегда заканчивалось победой. Натура у него была такая — победитель.

— «Вот потому-то и Сильвестр так всегда юлой вкруг меня и ходил, ублажая, — самодовольно подумал он. — Знал что я сильней его, потому и старался тихо и ненавязчиво с пути убрать, подсовывая всякие важные и ответственные дела. Типа последнего — охрана государственной границы. Всё, хватит. С этого дня начинаем новую жизнь».

Однако сразу начать новую жизнь к неудовольствию клановщика, не получилось. Сперва пришлось пройти сквозь длительную тягомотину окончания испытаний и подписания грандиозного количества всяческих бумажек, от одного вида которых Куницу чуть было не стошнило. И грандиозной пьянкой в конце.

Вот любят же земляне обставляться всякой ерундой, особенно бумажками, в надежде предусмотреть любой возможный случай. А уж погулять… М-да, словно всю жизнь только этим и занимаются…

«Ну да Бог с ними, — мысленно махнул на всё рукой Куница и стремительно, чтоб не затягивать, подмахнул все подсунутые бумаги.

Даже вникать ни во что особо не стал, понимая что ничего лишнего бабёнки эти не подсунут, побоятся. Бумаги бумагами, а правда, правдой. И если он посчитает что его обманули, то никакая бумага, никакой суд его не остановит, даже Божий. И хорошо, что обе девицы прекрасно это понимают. Меньше будет потом проблем.

Куница торопился домой. Нельзя было надолго оставлять границу. Тем более в такое тревожное время, когда сегодня в

полдень он дал окончательное согласие своим соратникам на участие в выборах, и гонец с известием о том уже понёсся предупредить всех заинтересованных лиц.

Теперь на счету была каждая минутка.

Даже на устроенную девицами по своему обычаю грандиозную пьянку в честь заключения столь выгодного союза решил не оставаться. Взял, так сказать, „сухим пайком“, ящичек специально для него тщательно упакованных в тонкий войлок поллитровых изящных бутылочек элитного когнака, чтоб дома и самому было что выпить, и чтоб домашних своих было чем побаловать.

При мысли о доме, по спине главы клана пробежала маленькая холодная струйка, словно в спину ему повеяло ледяным ветерком. Последнее пожелание этой баронессы передавать привет своей старшей дочери, вызвало в душе клановщика нешуточное беспокойство. Уж слишком внимательно смотрела та ему в глаза, словно на что-то намекая.

— „Всё! — решил он для себя. — С поркой молодых задниц, даже если они столь родные, завязываем. А то узнают — ничего этих двух баб не остановит, даже возможный разрыв отношений. А эти две безбашенные бестии точно пойдут на такое, если вожжа под хвост попадёт, точно. А оно мне надо? Нет! Всё. Завязываем.

А хромовые сапожки на тонкой подошве я всё же покупать дочке зимой не буду. Здоровье дитяти дороже“.

Утро Старшины..

Четверг — не самый приятный и удобный день, как ни посмотри. И то, что они с Сильвестр Андреичем с утра прочно застряли на своих рабочих местах в Управе, занимаясь самой разнообразной текучкой, Силе Савельичу удовольствия не доставляло ничуть. Голове то что, тот с утра был бухой и делами практически не занимался, привычно свалив все дела на товарища. А вот товарищу…

Впрочем, товарищ ничего против не имел. Власть определялась делами, а не положением и не самомнением. И если твой „старший“ товарищ этого не понимает, то это проблема самого товарища, но никак не его, не Силы.

— Ведьма вернулась.

— И чего?

— Савелий, ты слышал, что я тебе сказал? Поречная Ведьма вернулась! Изабелла де Вехтор вернулась в город. Несколько дней её в городе не было, а тут снова вернулась. И это в который уже раз. Что не первый, совершенно точно, — невнятно пробормотал Староста.

— Да и хрен бы с ней. Тебе то что. Не всё равно куда она ездила?

— Блин, тогда я ничего не понимаю. Тебе что, всё равно?

— Чего уж тут непонятного, — тяжело вздохнул Голова, подымая опущенную на руки голову. — Идиотизм. Вы все прям с ума посходили с этой ведьмой. И то она, и это… тоже она. Прям, вездесущая какая-то особа, — криво усмехнулся он. — Но если даже и так, то что. Баба с четырьмя детьми по определению должна мотаться туда-сюда и не сидеть тихо на одном месте. Если, конечно, она хочет хоть как-то прокормить своих детей. И не только одной кружкой колодезной воды с кусочком хлеба. Сидор то её, сбежал от бабы в Приморье. Не выдержал видимо её гиперактивности и сбежал.

Поняв, что только что ляпнул довольно пошлую двусмысленность, Голова негромко довольно заржал.

— Ну и правильно сделал.

А насчёт этих ваших постоянных воплей по поводу её ведовства… Пф-ф-ф! — расфыркался насмешливо Голова. — Неужели непонятно, что никакая она не ведьма, а так себе, соплюшка неучёная, вреда от которой нет и можно не опасаться.

Кто её учил? — вдруг воткнул он свой пронзительный взгляд прямо в глаза Старосты. — Никто! — словно припечатал он

его. — Мать погибла когда она была ещё в несознательном возрасте. А тёток и бабок рядом не было. Воспитывал её друг семьи, её нынешний Советник. Так что премудростям женского ведовства обучить её было некому. А потому и возможностей своих она или почти не знает, или толком не может ими воспользоваться. А потому для нас и не опасна.

Сила, Сила, — осуждающе покачал он головой. — Ты то уж должен в таких вещах разбираться. Все её умения — это так, фуфло.

Другое хуже, — снова тяжело вздохнул он. — Умная она. А умная и решительная баба пострашнее иного мужика будет. Вроде нашего Сидора, — едва слышно проговорил он, — который был и сплыл.

Вот что плохо. Прозевали мы муженька её, прозевали. Вышел Сидор, а заодно и вся их компания из-под нашего влияния. Вышли, — задумчиво констатировал он. — А жаль. Многое можно было б с ними сделать. Интересные ребята. Да, боюсь, уж ничего у нас с ними больше не получится. Слишком уж они против нас теперь настроены.

— Ну, — хмыкнул в ответ Сила. — Надо признать, мы к тому хорошо так приложили руку. Теперь Куница пожинает плоды наших трудов. Сволочь, — вдруг тихо со злостью выругался он.

Тут сорока на хвосте принесла, сколько он снял золота со своего спирта, что получил прошлым летом с этих землян. Знал бы, сам давно бы поставил себе пару, таких как у Степного ректификационных колонн. И торговал бы спиртом вместо зерна. Доходность — тысячи процентов, по сравнению с обычной хлеботорговлей.

— Кто тебе мешает, — равнодушно отозвался Голова. — Не сделал раньше, сделай сейчас. Тем более что спирт ныне действительно в цене, в особенности зерновой.

Потянувшись, он поднялся из своего кресла и прошёл к окну кабинета. На улице вовсю звенела капель, и ярко жарило весеннее солнце. Особенно это было заметно здесь, на солнечной стороне здания.

В который уже раз Голова серьёзно пожалел, что его рабочий кабинет находится на солнечной южной стороне, а не на противоположной, северной. Всё же, любил он тепло. Но, после того как бывшее мутное стекло местного производства в рассохшихся старых рамах поменяли на прозрачнейшее марковское с завода сидоровской компании, да ещё в двойных, хорошо подогнанных и промазанных переплётах, находиться в кабинете в такие вот солнечные дни стало совершенно невозможно. А почему не озаботились устройством форточек, он

искренне не понимал. Вроде бы вещь очевидная. Но, видать не додумали. Теперь духота и жара в комнате стояли страшные.

— Дело это знакомое и давно всем хорошо известное, — флегматично пробормотал он. — Делай! Кто тебе мешает?

Уткнувшись лбом в приятно тёплое, нагревшееся на солнце стекло, он несколько долгих мгновений тупо смотрел на пустынную в этот обеденный час городскую площадь.

— „Последнее время эта поза становится для меня привычной, — с усмешкой мысленно констатировал он. — Скоро только и буду делать, что стоять так вот возле окна и тупо пялиться в пустоту“.

Что? — повернулся он к товарищу, поняв, что выпал из разговора и не слышал последнего, что тот говорил.

— Спрашиваю, ты давно видел нашего геодезиста?

— О» Редько? — удивлённо глянул на друга Голова. — Нашего геодезиста…, — задумался он.

— Не помню, — растерялся Голова. — Признаться, давненько что-то не видал. А что?

Голова на какое-то время впал в ступор, усиленно вспоминая где и когда он в последний раз мог видеть их геодезиста, или хотя бы слышать что-либо связанное с ним. Не придя ни к какому определённому выводу, медленно поднял на Силу Савельича слегка ошарашенный, недоумевающий взгляд.

— Ты знаешь, нет, не припоминаю ничего. Что-то давненько я мужика не видел, аж странно как-то. Видать, занят Иван где-то. Может опять наш беспокойный барон нашего Ванечку куда-то подвязал, на дело какое-то своё.

— Занят, — отрезал Сила. — До конца времён теперь занят. Про нашего Ванечку можешь навеки забыть, — совсем уж мрачно проговорил он. — Сгинул наш главный геодезист где-то в горах на юге, на каких-то работах у барона. Говорят, в пещерах Мокрой кишки взрывом завалило вместе со всей его бригадой изыскателей, — мрачно уточнил он под удивлённым взглядом Головы. — Странно, что ты этого не знал. Чай, не чужой нам человек. Был, — совсем уже тихо закончил он.

Помолчав, Голова глухо откликнулся.

— Не знал, что Ивана завалило где-то в горах. Признаться, слышал что-то такое краем уха. Да, честно скажу, не поверил. Не в первый раз подобный слух про него распускают. И каждый раз он оказывался ложным. Думал, опять бабы небылицы языками своими мелят. То он у них вдруг оказывается какой-то дворянин, чуть ли не барон, какой-то Ианн де О?Ред, или как-то ещё. То ещё нечто подобное придумают. То…, — вдруг запнулся Голова. — Это правда? — напряжённо посмотрел он на своего друга.

— Правда, — мрачно кивнул Сила. — Как и то, что он действительно дворянин и не из самого захудалого рода, между прочим. Хотя внешне, особенно судя по повадкам, не сказал бы.

Рабочие передали, что с ним там работали. Передавали, что какой-то конфликт у него с бароном нашим вышел перед тем. Не поделили они что-то. То ли тот не доплатил ему какую-то сумму, то ли вообще отказался платить, то ли ещё что, уже по их дворянской части. Дело тёмное. Но кончилось тем, что барон наш уехал. Сначала обратно в город, потом сразу куда-то в своё Приморье. А нашего геодезиста, со всей его изыскательской группой, потом, случайно завалило насмерть в пещере.

Как бы случайно, — Староста многозначительно посмотрел в глаза Голове. — Да так, что даже целых тел не нашли для опознания. Все всмятку, одна кровавая юшка да фарш с переломанными костями. Ничего и никого не разберёшь. Месиво. Только по сапогам и кое-каким личным вещам и признали.

— Растёт наш барон, — задумчивый голос Головы, сломал, установившуюся было тишину в комнате. — Растёт стервец. Строителей уже убирает.

Хотел бы я знать, что они там ему такого понастроили и чем таким помешали, что барону потребовалось руки марать.

— Не замечаешь параллелей? — вдруг неожиданно совсем тихо спросил Сила.

— С чем? — от неожиданности растерялся Голова.

— Не с чем, а с кем, — так же тихо отозвался Сила. — С Потапом Буряком, бывшим нашим товарищем и бывшим хозяином бывшей сидоровой лесопильной мельнички. Бывшим ранее одним из самых активных членов нашего Совета. Которого теперь не видно и не слышно.

Тебе не кажется, что и там, и там слишком много странных параллелей просматривается?

— Нет, — осторожно начал Голова. — Не кажется. Но если ты имеешь что сказать — говори. А не тащи кота, сам знаешь за что, накручивая таинственность.

— Тут и накручивать нечего, — буркнул Сила, отводя взгляд. — Тем более яйца коту. Как только Потап сказал, он сам собирается отдать мельничку обратно старому хозяину, я попытался перекупить её у него. Так тот ни в какую. Понёс бред какой-то вообще непонятно о чём. Потом просто замолчал. И все разговоры на эту тему разом обрывал. Словно боялся чего. А потом и вовсе отдал мельницу обратно барону. Даром!

Ты можешь себе представить, чтобы наш Потап чего-то ранее боялся? Или чтобы вернул то что он уже считал своим?

Вот и я нет, — мрачно кивнул он головой, в ответ на

задумчивый взгляд Головы. — А Потап явно боится. Вопрос, чего. Или кого, — внимательно посмотрел он прямо в глаза Голове. — Надо будет осторожно так поспрошать мужика. Глядишь, чего и сболтнёт, интересного.

Не люблю я загадок. А их последнее время что-то слишком много у нас в городе развелось. И по какой-то странной причине, все они тем или иным боком завязаны на нашу небезынтересную компанию. И что-то мне это категорически последнее время не нравится, — флегматично констатировал Сила.

По-моему, наших друзей надо немного окоротить. Зарвались, — флегматично откликнулся Голова, отворачиваясь.

— Зарвался наш барон, — улыбнулся одними губами Сила, не глядя на него. — Си-и-ильно зарвался. Действительно, не мешало б окоротить сокола нашего межозёрного. И вот ещё что мне в нём не нравится. Слишком много всяких босяков вокруг их компании крутится. Борзеть народ начал, не слушаются так как прежде. И в том несомненная вина нашего близкого «друга».

— Что у нас есть на нашего «дорогого дворянского друга»? — медленно и величественно, словно орудийная башня линкора с главным калибром Голова снова повернулся к Силе. — Помнится, он здорово прокололся с трактирами и собственной спиртоводочной гильдией. Сильно прокололся. И похоже, забыл о том. Забыл какие давал обещания Совету и что собирался для города сделать. Может, напомнить ему о его невыполненных обязательствах. Навести порядок, например, в делах с производством палёной водки, — неприятно улыбнулся Голова. — Очистить реку от топляка…

Про реку я пока не говорю, опустим сей момент, Бог с ней. А вот с во-о-одкой… Ведь, не справился же. Не справился. Палёнкой как торговали, так до сих пор и торгуют в городе кое-где по трактирам. Пусть по мелочи и не везде, но торгуют же. А надо чтоб не торговали. И надо отвечать по своим обязательствам. Тем более, данным публично.

Всё должно быть строго по правилу: не можешь — поможем, не хочешь — заставим…

В коне концов, если до сих пор не поступало новых жалоб от жителей, то ведь можно их и организовать…

Выборы осенью, — хмуро бросил он, отворачиваясь обратно к окну. — На городском сходе Старшины окончательно решено, что этой осенью будут выборы. По настоянию Территориального Совета признано ошибочным столь долгое затягивание с перевыборами и настоятельно рекомендовано их проведение в ближайшее время.

Допрыгались, — едва слышно прокомментировал его слова

Сила. — Не обошлось тут без Ведуна. Не так, так этак толкает нашего барона во власть. Прям на канате тащит.

Не здорово будет, если у него окажутся голоса выборщиков, — глухо отозвался Голова. — А Сидор наш с такими своими нынешними замашками точно во власть полезет. И не так как прежде. Не с подачи Ведуна и под его покровительством. Сам! Теперь действовать барон будет напрямую, грубо манипулируя своими достижениями. А достижения у него есть.

И будет хорошо, если в городе многие будут им недовольны. Потому как, согласен, не смотря на все их разногласия, Ведун втихую будет барона поддерживать. А для нас это очень, очень плохо. Нет у нас контакта с Иваном. Разошлись мы с ним встречными курсами, давно разошлись. Слишком уж мы разные.

Решение проблем с недомоганием.

Этим утром Белла встала вся какая-то разбитая и чем-то недовольная. Чем именно, она даже не хотела и думать, прекрасно отдавая себе отчёт, что если только остановит внимание на этих своих мыслях, они её могут далеко завести. Потому как что её так раздражает и чем именно она недовольна, Белла понимала прекрасно. Потому и старалась сразу скрыть и подавить в себе подобные мысли, чтоб деятельная её натура не завела б куда-нибудь не туда.

— Ты что такая бука сегодня с утра?

Повернувшись в сторону входной двери, Белла без удивления заметила стоящую в дверях Машу.

— И тебе тоже, доброго утра, — мрачно поприветствовала она подругу. — Чего так рано заявилась? Могли б и в банке встретиться, — проворчала она недовольно, отворачиваясь обратно к столу и пригубляя чашку с утренним кофе. — Аль невтерпёж языки почесать?

— Понятно, — донёсся ехидный смешок от двери. — Недотрах налицо.

Уверенно пройдя на середину комнаты, Маша решительно опустилась на стул, словно собиралась остаться здесь навсегда.

— Есть тема поговорить, — положила она на стоящий рядом стул свёрнутый плотно небольшой рулон, обёрнутый некрашеной мешковиной.

— Ну, — не поворачивая головы, недовольно буркнула Белла.

Настроение было устойчиво паршивое, а после слов Маши окончательно рухнуло куда-то вниз. Тем более что её слова попали, что называется, не в бровь, а в глаз. Видать подобное

состояние для Машки явно было не в диковинку, раз она так сходу схватила самую суть. Только вот для Изабеллы показывать на людях такое своё состояние было стыдно. Отчего она мгновенно пришла в ещё большее раздражение.

Есть такое расхожее выражение: «Накурено так, что хоть топор вешай». И если бы атмосферу, царящую сейчас в комнате оценивать с этой точки зрения, то повесить здесь в воздухе можно было целого слона. Разве что, табачного дыма не было.

Тем более что и повода для веселья у них обеих не было. Все планы полетели в тартарары. Произошедшее накануне, при подписании договора с Куницей, иначе, чем полный крах нельзя было и расценить.

Нет, конечно, со стороны глядя на достигнутые договорённости, всё выглядело просто отлично. Исключительно удачная сделка, на годы и годы вперёд полностью закрывающая практически все прорехи компании землян по всем узким местам. Но!

Но если оценивать сделку не с точки зрения текущих интересов компании, а с расчётом на перспективу, крушение всех надежд было полное. Катастрофа!

Бледная, какая-то сама не своя, Маша, сидела на своём любимом месте возле камина, и с каким-то пришибленным, растерянно-виноватым видом искоса посматривала на подругу, нервно бессмысленно теребя пальцами подол юбки.

— Ну не молчи ты так, — наконец не выдержала она, легонько хлопнув ладонью по подлокотнику. — Ну скажи хоть слово. Ну хоть как-то отреагируй. Ну обругай меня, в конце то концов.

— За что?

Сухой, какой-то казённо-официальный голос Изабеллы, словно пыльным мешком ударил по совсем поникшей голове Маши, ещё больше ссутулив её виноватую фигуру.

— Я виновата, — тихим безцветным голосом проговорила Маша.

— Нет. Никто не виноват, кроме меня самой, — сухо отозвалась Белла. — С самого начала было понятно, что так и будет. Это был мой просчёт и моя ошибка. Нельзя желаемое выдавать за действительное. Наивно думать что клан, готовящийся к судьбоносным для себя выборам, к борьбе за ВЛАСТЬ, будет ТАК разбрасываться деньгами. Три миллиона злотых на ветер! На какой-то спирт! Бред.

— Но они могли бы заплатить хотя бы пару сотен тысяч нам за те бутылки, что мы им всё же, поставим.

— Зачем, — рассеянно отозвалась Белла. — Двести тысяч

тоже деньги. И немалые. И как оказалось, столько бутылок им не нужно. Да и зачем с трудом, напрягаясь платить тем, чего у тебя мало, когда можешь легко заплатить тем, чего у тебя полно. Что они и сделали, потребовав от нас принять плату зерном, приберегая живые деньги на выборы.

Любой на их месте поступил бы так же. За что же тогда тебя винить? — подняла она на Машу холодный, горящий лихорадочным блеском взгляд.

Не-е-ет, — медленно протянула она. — Это моя вина, что не просчитала ситуацию правильно и заранее не подготовила домашние заготовки. Вот что бывает, когда этот, как ты его называешь недотрах, застилает мозги и заставляет очертя голову бросаться в авантюры.

— И что? — вдруг повысила голос Маша. — Теперь отказаться от своего естества? Отказаться от того что мы женщины!? — взбеленилась она. — Ни за что!

— Пусть лучше я потеряю сотню таких клиентов как этот Куница, но делать я всё равно буду по-своему!

— После драки кулаками не машут, — рассеянно отозвалась Белла. — Раньше надо было проявлять принципиальность, перед Куницей, а не здесь и не сейчас, и не передо мной. Когда подписывала договор, тогда надо было быть такой вот несгибаемой. А теперь то что. Договор подписан — надо исполнять. Потому как жизнь одним днём не ограничивается. И это зерно действительно с нетерпением ждут на шахтах. И мы обязаны были сделать то, что сделали. Всё, дело сделано.

Что, кстати, и правильно, — едва слышно буркнула она ещё что-то себе под нос, что Маша в растерянности не расслышала.

Растерянно посмотрев на подругу, Маша снова замерла в кресле, крепко обхватив себя за плечи руками. На какое-то время в комнате снова установилось тяжёлое молчание, нарушаемое лишь тихим тиканьем больших напольных часов, недавно установленных в гостиной.

— Что делать будем? — расстроенным голосом поинтересовалась она спустя какое-то время.

— Сухари сушить.

— Угу, уже прогресс, — вяло оживилась Маша. — Уже шутки пошли, значит, не всё ещё потеряно. Пациент жить будет. Говори! — поудобней угнездилась она в кресле. — Что делать дальше будем?

— Сухари сушить.

— Я серьёзно.

— И я, более чем, — глухо отозвалась Белла.

Ты точно всё проверила? — подняла она на Машу тяжёлый,

давящий взгляд. — Есть у нас свободные деньги на что-нибудь ещё? Или вляпались так, что и голову поднять невозможно.

— Точнее некуда, — нехотя отозвалась та, отводя глаза. — Людей у нас свободных нет, ни человечка, что, впрочем, ты и сама знаешь. Все плотно заняты. И с этим заказом Куницы так вообще труба полная. И раньше чем через полгода нет ни малейшей возможности кого-либо высвободить под какой-либо новый проект. Если только прямо сейчас не зарубить идею создания поточной линии по производству бутылей. Но всё равно, у нас нет потребных для того двухсот тысяч. У нас даже половины от нужной суммы свободной нет.

Это только Куница может расплачиваться со всеми зерном несуществующего ещё урожая и при том прекрасно себя чувствовать. Мы же обязаны платить своим людям здесь и сейчас, золотом или серебром, или даже медью, но никак не бартером и никак не потом. Иначе мы подорвём с таким трудом заработанное доверие к себе и вылетим в трубу. Да и нет у нас ничего, чем можно было бы расплачиваться, кроме всё того же золота. Про работу в долг я даже не заикаюсь, пошлют.

Смотреть на Беллу, видеть, как та мается, видеть, как рушатся все мечты её подруги, было очень тяжело. И ещё тяжелее было осознавать, что ничего сделать было невозможно. Все свои ресурсы они выгребли до дна.

Это был тупик.

— Тупик, — едва слышно откликнулась Маша на собственные мысли. — Но почему?! Почему он сократил заказ бутылей до пятисот штук?

— Всё просто, — рассеянно отозвалась Белла. — Мы же с тобой это уже обсуждали и не раз, но, напомню. Чтоб провести точный спектральный или какой любой другой анализ применённых в бутылях материалов, требуется только одно, человеческая голова. Голова и ничего более.

Выходит, что такая голова у них есть. Раньше, похоже, не было, а теперь видимо появилась.

А учитывая востребованность мозгов и знаний землян в этом мире, где за ними по всем континентам развёрнута натуральная загонная охота, так оно вполне может быть.

Вот тебе и ответ. Покупателю Куницы нужен образец для анализа и не более того. И, видимо, партию именно в пятьсот штук четвертных бутылей они сочли вполне для того достаточной и не привлекающей внимания.

Пятьсот бутылей — это обычная норма производства для обычной стекольной мастерской в какой-то более-менее приемлемый срок.

Сама посуди. Для любого ремесленника в этом мире, пятьсот бутылей — очень выгодный заказ и никаких подозрений не вызовет. Это для нас он ничто, особенно с учётом уже строящейся автоматической линии по производству бутылок. А вот для любого местного ремесленника в любом из поречных городов — это самая настоящая мечта. Удача! Это очень, очень много по местным меркам. И мастер, получивший такой заказ ни о чём думать не будет, кроме как побыстрей выполнить договор и получить свои денежки.

— Семь с половиной тысяч, — поморщилась Белла. — Всё, что мы получим. Не густо.

— На такие деньги поточную линию точно не построишь. Как без неё не сделаешь и композитную бутыль, — едва слышно буркнула она себе под нос. — Влипли.

— Знаешь что, — вдруг перебила подругу Маша. — А не поставишь ли ты чайник? Что-то горяченького чутка захотелось, — вдруг тихо рассмеялась она, с участием глядя на подругу. — Пёс с ней с той линией, покажу ка я тебе средство лечения твоей хандры.

— Ты? — изумилась Белла. — Ты? — растерянно пробормотала она, с изумлением глядя на Машу. — Ты!

— Но-но-но-но! — мгновенно возмутилась Машка, отшатываясь от весьма характерного изумлённого взгляда Беллы. — Чайник ставь! — рявкнула она, рассердившись. — Покажу тебе что можно сделать. Без того о чём ты подумала, — сердито прорычала она на изумлённую Беллу. — Маньячка.

Ну, мне долго ждать?

— А чего ждать, — растерянно отозвалась, окончательно выбитая из колеи Белла. — Вон он, на кухне, на плите стоит, паром исходит. Сейчас профессор придёт чай пить. Вот он его и дожидается. Тот любит крутой кипяток чтоб был. Вот чайник для него и пыхтит всё утро, пока не выкипит, если тот задерживается.

— Кто тут вспоминал меня всуе?

— Профессор, — расплылась в радостной улыбке Маша. — Вас то мне и надо. Пойдёмте на кухню, поможете.

— А ты останься! — ткнула она в Беллу указательным пальцем. — Для тебя это будет сюрприз.

Через полчаса какой-то непонятной возни на кухне, Маша с профессором появились в дверях кухни перед истомившейся ожиданием Беллой, с таинственными улыбками на лице и пряча за спиной что-то громоздкое, что прикрытым мешковиной боком всё же слегка выпирало из-за их спин.

— Вуаля!

Ловко извлечённый из-за спины какой-то предмет под

мешковиной был торжественно продемонстрирован истомившейся Белле.

— Что? — недоумевающая Белла непонимающе смотрела на что-то круглое, что с трудом держали перед собой в воздухе профессор с Машей.

— Вуаля, дубль два, — замешкавшаяся Маша всё же сдёрнула покрывало с того что было под ним.

— Что? — ещё более непонимающе переспросила Белла. — Что это такое?

— Воздушный шар! — торжественно провозгласила Маша. — Воздушный шар, накачанный паром из чайника.

— Точно такие же шары можно нагнетать подогретым воздухом из газовой горелки и свободно летать по воздуху.

Даёшь Лёшке на завод заявку. А сделать нашим парням такую горелку — раз плюнуть. Горючий газ у нас есть свой. Остался от нефтепереработки. Пропитать растительным каучуком шёлковую ткань, чтоб не пропускала воздух — тоже пара пустяков. Каучука у нас — полно. Ткани той в продаже — полно. Я узнавала. Плати только деньги и через месяц будет. Сколько скажешь — столько и привезут, хоть на один шар, хоть на десять. Только гони бабки и всё тебе будет.

— А зачем? — непонимающе уставилась на подругу Белла. — Зачем нам шар?

Я в воздух совершенно не горю желанием подниматься. Эка невидаль, — поморщилась она. — Если хотела сделать сюрприз, то для начала тебе не мешало бы знать, что воздушные шары вещь всем хорошо известная. Раньше, ещё когда мы жили в своём замке, подобные полёты на шарах нам часто устраивали заезжие клоуны. То есть циркачи, — мгновенно поправилась она, заметив лёгкую тень, пробежавшую по лицу Маши. — Они то и предлагали за деньги подняться в воздух.

Извини, Маша, — сердито отвернулась она, — но я своё отлетала. Раз и навсегда налеталась за один раз и больше что-то не тянет. Как вспомню оборвавшийся канат этих придурков, что привязывал шар к земле, и как меня понесло вверх, так сразу дурно становится.

Хорошо что у отца лучники хорошие оказались. Мигом нашпиговали шар стрелами, он и сдулся. Как я тогда грохнулась об землю, — покачала она головой. — Уй! До сих пор страшно вспомнить. Полгода потом переломы залечивала. И вообще еле жива осталась.

Так что убери подальше от меня эту гадость и больше не показывай, — сердито махнула она рукой на Машку.

— Фигня! — ухмыльнулась та. — Ты ничего не поняла. Это я

тебе показываю не воздушный шар, а принцип. Принцип полёта на аппаратах тяжелее воздуха.

Поясняю, — пристроилась она рядом с подругой за столом.

Шар, как выполнивший своё предназначение ненужный предмет, она небрежно отбросила в сторону. Не удерживая больше никем, он медленно поднялся к потолку и там застыл, слегка покачиваясь на лёгком сквозняке, тянущимся со стороны полуоткрытой входной двери.

Заметив непорядок, Маша решительно встала и захлопнула дверь

— Вот так-то лучше будет, — непонятно как-то проговорила она, возвращаясь обратно.

Слушай сюда, подруга, — плюхнулась она на стул за обеденным столом.

Профессор, — тут же повернулась Маша к сидящему рядом старичку. — Ну, вы всё поняли. Мы с вами обо всём договорились.

Дождавшись молчаливого ответного кивка от занятого утренним завтраком профессора, она снова повернулась к Белле.

— Итак, продолжаем разговор.

Ты своего Сидора хочешь видеть чаще? — замерла она, словно удав уставившись в зрачки Беллы.

— Ну? — неопределённо как-то отозвалась та.

— Не ну, а хочешь или нет?

— Ну хочу.

— А без ну!

— Хочу! — рявкнула на неё рассерженная Изабелла, которой уже порядком надоели и неурочный утренний Машкин визит, и вечные эти её недомолвки. — Хочу! И что?

— Так это можно легко сделать, — ухмыльнулась в ответ та, довольная полученным результатом. — Сутки, двое полёта на воздушном шаре и ты на берегу тёплого синего моря. Купаешься и загораешь в собственное удовольствие. Ну и лямур-тужур, абажур, соответственно. Класс!

Правда, — ухмыльнулась она насмешливо. — Вылетит это нам в хорошую копеечку, но сделать можно.

— Как? — тонкие изящные брови Беллы высоко поднялись и на Машу изумлённо глядела теперь совершенно сбитая с толку молодая женщина. — Да он же неуправляем!

— Ди-ри-жабль, — по слогам, медленно проговорила Маша. — Ди-ри-жабль, — ещё тише повторила она. — Сутки, двое, и ты в объятиях супруга.

И близко-близко наклонившись к Белле, едва слышно шепнула она в мгновенно густо покрасневшее ушко.

— И никакого недотраха. Гарантирую.

— А, э, кх-м, — послышался сдавленный кашель из-за стола. — Извините, девочки…

Старый профессор весёлыми смеющимися глазами смотрел на красную, буквально пунцовую от стыда Беллу, и довольный увиденной картиной, повернулся к Маше.

— Маша, это единственная причина по которой ты вспомнила про дирижабль?

— А что? — непонимающе глянула на него Машка. — По-моему, это уважительный повод, чтоб сделать дирижабль. Куда ещё деньги девать, как не на собственное удовольствие. Пусть их пока и нет, так ведь будут же. Не сегодня, завтра будут!

— А безопасность? — возмутился старый профессор. — У нас же нет негорючего безопасного гелия. А водород слишком опасен, чтоб его использовать. Одна зажигательная пуля с земли и прощай молодость.

— Профе-е-ессор, — медленно, тянуче проговорила Маша. — Какая молодость, в вашем то возрасте. Ну нельзя же так тупить. Коль-чу-га! Оденем шёлковый баллон с газом в нашу стеклокольчугу и ни одна зараза его не прострелит. Ни с земли, ни с воздуха. И гондола будет из непробиваемой броневой фанеры, толщиной чтоб пулю держала. Вот вам и вся ваша безопасность. Мотор дизельный сзади поставим, с винтом. А лучше сразу два, для скорости. Они у нас есть, кстати, — ехидно, со значением глянула она на профессора. — Бензин, или соляра — тоже есть. Каучук — есть, тонкая шёлковая ткань — купим. И лети ты куда хош! Хоть в Приморье, к Сидору, хоть на край света.

Зачем нам лодьи, — ухмыльнулась победоносно она. — Зачем нам фургоны! У нас будет ди-ри-жабль!

И если надо что доставить — нет проблем. Подцепил в сеть под днищем гондолы бочки со спиртом, для Куницы, и доставляй их куда ты хош. Дирижабль что угодно увезёт. И сколько угодно!

А! — задорно подбоченилась она. — Какая я? Умная!?

И все проблемы решены, — весело подмигнула она залившейся густой краской Белле.

— Ты же собиралась скоро на заводы? — снова повернулась она к Белле. — Вот и отправляйся прямо сейчас. Заскочи к Марку, поговори. Может он сделать такую сетку, чтоб и пулю держала, и чтоб нетяжёлая была.

— Может, — растерянно отозвалась Белла. — Тут и спрашивать нечего. Мы этот вопрос давно уже с ним проговаривали, ещё когда разрабатывали защитный комплект для воина. Смотря какую пулю или стрелу, или арбалетный болт надо держать, такую кольчугу, или сеть, как ты хочешь, он и сплетёт.

Это — не проблема.

— Вот! — торжествующе подняла вверх указательный палец Маша. — Вот! Считай что дирижабль у нас в кармане.

— А водород где ты возьмёшь? — донёсся сбоку возмущённый вопль профессора. — Что, опять я?

— Ты, — ткнула в его сторону пальцем Маша. — Ты! И не спорь, — повысила она голос. — Счастье товарища важнее всего. А девочка мается, — насела она на старика. — Это тебе, старый пень, ничего не надо. А нам только подавай. И чем больше — тем лучше, — с полным чувством честно исполненного долга Маша с облегчением откинулась на спинку стула.

Вот, — тихо проговорила она. — Вот всё, что я хотела тебе сегодня утром сказать. Сказала.

Неделю шар шила, — тихо проговорила она. — Сама, одна, по ночам. Чтоб даже Корней ничего не заметил и случайно не проболтался.

— Спасибо, конечно, — чуть отошла от Машиного напора Белла. — Только боюсь, мы не потянем одновременно несколько проектов. Монитор с баржами, спирт, да ещё и дирижабль твой. А ещё ведь и проблемы с цехом по поточному производству бутылей никуда не делись. Деньги, на которые мы рассчитывали, мы ведь так и не получили. И не получим уже. И что делать?

— Силён, Куница, — тихо пробормотала она, нервно дёрнув щекой. — Буквально клещами нас за горло взял к стенке прижал. Силён, ничего не скажешь. Знает что нам без его хлеба труба. Пришлось подписывать договор на его условиях.

— На Куницу не отвлекайся, — Маша чуть ли не прямо в лицо ткнула ей пальцем. — Дирижабль — твой! Твой! И не волнуйся, потянем. Пёс с этим пограничником. У нас практически всё есть своё. В крайнем случае, возьмёт один из уже готовых фургонов, и приспособим его снизу под гондолу. Делов то… пфе!

И вообще, чего это я тебя уговариваю. Тебе надо — ты и шевелись. А от меня все отстаньте. Я своё дело чёрное сделала, можно теперь и чайку попить, — решительно пододвинула она к себе пустую чистую чашку.

А хочешь, чтоб было побыстрей — ищи деньги.

— Кстати, список далеко?

— Какой список? — непонимающе глянула на неё Маша.

— На работы, материалы, оборудование по новому цеху производства твоего дерибабля.

Чую, он так нас обдерёт, что иначе его и называть уже не будем.

— А-а-а, — довольно протянула Маша. — Всё ж решила попытаться, — согласно качнула она головой.

— А то хош быстро, выбери время и спокойно съезди к Сидору в гости, как все жёны наших егерей делают, если уж совсем невтерпёж. А лучше — дождись его дома. Приедет — вот тогда и оторвёшься на мужике по полной.

— Ждать не для меня, — едва слышно отозвалась Белла. — Не буду. Раз есть возможность сделать по своему и ни от кого не зависеть, то почему бы не попытаться.

— Ну, так, где твои расчёты?

— Щас!

С тяжёлым обречённым вздохом Маша поднялась со стула, и с тоской посмотрев на остывающий чай в блюдце, обречённо двинулась в прихожую. Пошуршав там чем-то, сразу же появилась обратно.

— Здесь всё, — сухим, казённым голосом проговорила она, протягивая какие-то бумаги. — Будешь проверять?

— Зачем? — шевельнула плечом Белла. — Я тебе верю.

Ну и почерк, ну и почерк. Курица лапой и то лучше пишет. Как твои девочки в бухгалтерии разбираются с твоими каракулями…

Что? — подняла она голову, заметив, что Маша не отвечает. — Что-то сказать хочешь?

— Нет, — медленно покачала Маша головой. — Думаю. А где бы действительно можно было б разжиться двумястами тысячами? У нас в городе не реально. У кого тогда можно попросить?

Слушай, — встрепенулась она. — А чего это всё мы, да мы? Скинь проблему на Сидора. Он мужик, в конце концов, или где. Пусть и он думает? Пусть и он деньги ищет. Хочет трахаться, так пусть пошевеливается.

Да, — ещё больше оживилась Маша, по мере того как высказанная ею мысль всё больше и больше овладевала её сознанием. — Хочет — пусть ищет. А наше дело будет лишь его поддержать!

— Я права? — победоносно развернулась она всем корпусом к Белле.

— Безусловно, — улыбнулась та. — Так и сделаем. Напишу ка я ему письмо с описанием проблемы, и пусть он там параллельно с нами ищет выход. В конце концов, эта проблема не одну меня касается.

— «Ну а пока он будет ТАМ шевелиться, я ЗДЕСЬ подумаю, что и как можно сделать. И если этого не понимает Маша, то это её проблема», — подумала Белла.

Беседы под музыку.

День прибытия корабельных мастеров клана Куницы, на озеро Сытное, где под новые задачи началось поспешное возведение новых судовых верфей компании, отпразднован был необычайно пышно. Здесь все прекрасно понимали ЧТО на самом деле произошло. Был сделан решительный прорыв в ту область, до сего дня, казалось, наглухо для них закрытую. И весь причастный к этому народ решительно был настроен хорошо отпраздновать это дело.

Гуляли на литейном, под крышей одного из недостроенных цехов. Но, главное, там была утеплённая крыша, застеклённые окна с двойными рамами и были большие кирпичные печи, прекрасно обогревавшие просторное помещение. И, что немаловажно, там было много свободного места, где можно было не теснясь и не толкая локтями друг друга с удобством разместиться многочисленным сопровождавшим мастеров воякам и заинтересованным в данном проекте лицам из местных.

Решение отгулять в недостроенном цеху было сугубо вынужденным и без всякой задней мысли, типа того что: «Вот, мол, в городе у вас кризис, денег нет, работы — нет. А у нас — вот, новые цеха строятся и производство активно развивается».

Если у кого и были такие мысли, то они довольно быстро развеялись, стоило лишь один раз глянуть на плотно забитые проезжающим народом трактиры, на огибающей завод объездной дороге, ведущей на Басанрог. Там люди на головах друг у друга ночевали, до чего было тесно. Потому и выбрали недостроенный цех. Светло, просторно и тепло.

А чего ещё надо для веселья молодёжи. Тем более что выпивку и угощение, не скупясь, проставляла принимающая сторона. Поспешно сбитые из неструганых досок столы буквально ломились от доброй закуси и самой разнообразной выпивки.

Ну а раз такое дело, то уже с самого утра сюда потянулся весь заинтересованный народ, который собирался непосредственно участвовать в данном Великом предприятии. А иначе как назвать колоссальный многодельный заказ от одного из самых уважаемых людей города, да ещё и не на один год, на выполнение которого фактически должны были быть брошены чуть ли не все наличные силы компании.

И веселье понеслось.

Особенно отрывались рыбаки Митяя, на которых должна была лечь основная функция последующей доставки груза и его защиты. Понимая всю важность предстоящее дела, молодые совсем парни надулись от важности, словно индюки, что, впрочем не помешало им принять самое активное участие сначала в подготовке, а потом и в проведении мероприятия.

Единственный, кто в этот вечер так и не успел не то чтобы рюмку вина выпить, но даже ни разу не присел за праздничный стол, оказался несчастный Митяй. Его, после встречи делегации сразу же перехватила Изабелла де Вехтор, затащив для начала в выгороженную из общей площади цеха небольшую, изолированную комнатку и, видимо не найдя другого удобного времени, теперь натурально пытала, стараясь вдолбить в мозги молодого парня всё, что тому вскоре надо было делать.

Сидя на каком-то неизвестно откуда оказавшемся здесь колченогом табурете, Митька старательно делал вид что невозмутим и спокоен, и целиком и полностью сосредоточен на выслушивании ценных указаний руководства. А сам всеми силами старался скрыть интерес к тому что происходило за стеной.

Получалось откровенно плохо. Там гремела музыка и матёрые мужики из отряда сопровождения Куницы вместе с молодыми парнями и девчонками с литейного и механического заводов отплясывали гопака. А тут… что-то над ухом звенела своим звонким голоском баронесса, вызывая в душе Митьки всё более растущее раздражение.

Слышно за стенкой было неважнецки, поскольку толстые хорошо проконопаченные брёвна выделенного закутка совсем отвратительно пропускали звук, но периодический рёв толпы и ритмичное подрагивание пола и стен явственно передавали царящую там атмосферу разудалого веселья.

Ноги парня, невольно дёргались, словно сами пытаясь пуститься в пляс, а на губах сидящей напротив Митьки собеседницы наконец-то проклюнулась грустная, всё понимающая улыбка.

— Что, плясать хочется?

— Хочется, — смущённо признался Митька, виновато отводя взгляд. — Очень хочется. Извините, госпожа Изабелла, но последние месяцы я если что и видел, так только эту проклятущую фанеру, снег, мороженные брёвна, опять снег, и вонь химическую нюхал от вонючего клея нашего мастера. Чтоб он скис, трижды! Оба! И тот, и этот. Надоело. Ни книжки почитать, ни пойти куда, ни с парнями, ни с девчонками погулять — ничего. Одна работа, работа, работа, с утра и до вечера. Без выходных и проходных. Работа днём, вечером и ночью. Одно утро свободное, когда умываешься.

Я порой с тоской вспоминаю прежние времена, когда мог позволить себе беззаботно ловить рыбку на Лонгаре и думать лишь о том, как бы, не попасться на глаза Речной Страже амазонок.

И всё! Боже, какие это были спокойные блаженные времена.

Тогда я наивно думал что не бывает большей занятости человека чем при ловле рыбы. Как я ошибался, — скупо улыбнулся парень.

А тут вы ещё, со своей учёбой. С химией этой, с контрольными и зачётами. Я наверное скоро свихнусь.

— Трудно, — понимающе кивнула Изабелла де Вехтор. — Но учёба нужна в первую очередь тебе самому, и лишь потом всем остальным. Вечерняя школа — великое изобретение землян. И не пройдя хотя бы начальный школьный курс общей химии, ты в строительстве лодий из нашей фанеры далеко не продвинешься.

А единственное время для обучения — только вечера. Другого времени нет, Митька. Терпи, в люди выйдешь.

Мы должны понимать как делается фанера и как она себя поведёт в водной среде. Как в речной, так и в морской. Пока что, одна лишь голая теория. Надежда же что сам мастер разберётся в том, что сам же и изобрёл — умерла не родившись. Гений изобретательности — самый отвратительный тип, которого я когда-либо видела. Лодырь и пьяница. И совершенно не желает сам разбираться что же он такое изобрёл. Что это за фанеру такую он хитрую придумал. И что можно с ней ещё другого интересного сделать.

Один раз придумал и собирается всю жизнь стричь купоны, почивая на лаврах. Кажется так говорят земляне в подобных случаях, — задумчиво буркнула она, словно разговаривая сама с собой.

Так что, Митя, крепись, разбираться придётся нам с тобой. Больше — некому. И в первую очередь тебе, как человеку, непосредственно занятому именно этим делом. Строительством речных и морских судов из нашей чёрной пуленепробиваемой фанеры заниматься будешь ты. Ты и твоя Вилья. Она проектирует, ты строишь.

Если ты, конечно, думаешь когда-нибудь выйти на просторы Лонгары, командуя собственной большой торговой лодьёй, а не утлой рыбацкой лодкой в одно гребное весло.

«Господи, — горько подумала Белла. — На кого приходится опираться в таком сложном деле. На пацана безусого, да на молодую девчонку, что больше говорит, чем что-то знает. Самозванцы, иначе и не скажешь. Нет, добром это не кончится».

— Теперь у меня появилась другая мечта, — вдруг смутился Митяй. — Мне хочется выйти на речной простор не во главе большой торговой лодьи, а во главе нашего монитора. Чтоб от меня все сами шарахались во все стороны. И в первую очередь — амазонки.

Ух, я бы этих тварей погонял, — мстительно прищурил он глаза. — Ох уж они бы у меня покрутились.

— И это говорит человек, сам женатый на амазонке. Куда мир катится, — скупо улыбнулась Белла. — Ну, так в чём проблема? — насмешливо задрала она бровь. — Вот он, перед тобой, твой монитор. Что называется на блюдечке с голубой каёмочкой. Владей! Заканчивай испытания, достраивай и вперёд, на простор речной волны.

Или что-то не так? — подозрительно прищурила она глаза. — не так.

Ну ка, сокол ты ясный, выкладывай.

— Всё так, — смутился парень. — Просто мне бы хотелось увидеть море. Хочу в Плёс.

— В Плё-ё-ёс, — грустно протянула Белла. — Мне б самой хотелось бы попасть в тот загадочный Плёс. Да хотелось — не значит мочь, — ещё больше погрустнела она. — И попаду ли я когда-нибудь в те края, одному Богу известно.

— Ну, как же? — удивился Митяй. — Вы же…

— Мы же, — грустно перебила его Белла. — Мы не властны над собой и над своим временем. Столько дел, — качнула она головой. — Столько срочных и неотложных дел.

Ну да ладно, не будем о грустном, — решительно встряхнулась она. — К делу. Итак!

— Твоя задача на ближайшее время…

— Я должен помочь Ленке, то есть Вилье, достроить монитор, — понятливо кивнул парень головой. — Понял! Всё понял, достроим.

А потом можно будет отправиться в Плёс? — поднял он на неё глаза.

— Так! — резко оборвала себя, собравшаяся было сердито напуститься на парня Белла.

Ну не любила она когда её вот так вдруг перебивают, да ещё младшие по положению. Такое дело надо было пресекать сразу.

— Выкладывай, — сухо проговорила она. — В чём дело? При чём здесь Плёс? Утром ещё планы на монитор строил, а вечером вдруг такой откат. Что произошло? Чего это тебя вдруг ТАК резко туда потянуло?

— Не меня, — отвёл глаза в сторону парень, — Кольку нашего, Молчуна. Дашка, его подруга, службу сейчас там должна проходить в охране торговых обозов барона. Вашего мужа то есть. Базируются временно в Плёсе. Письмо недавно оттуда прислала, чтоб не ждал и ни на что не надеялся. Вот Колька и мечется. На стены натурально бросается и в Приморье сам один собрался. А одному туда нельзя, убьют по дороге, к гадалке не ходи. Надо

компанией. Хотя бы человек пять-шесть. А лучше — десять. Да кроме меня и Васьки вашего никто туда сам не рвётся. Калачом не заманишь, без денег то.

Сами понимаете, одно дело, когда свою голову под стрелы подставлять за деньги и совсем другое дело — за какую-то любовь. Да не свою, а чужую.

Митька виновато пожал плечами, словно чувствовал в том какую-то свою личную вину и хотел, но не мог ничего исправить.

— А ты значит, за чужую любовь готов свою голову подставить, — как-то по новому, оценивающе глянула на парня Белла. — Однако, — тихо прошептала она, задумчиво глядя на парня. — Никогда б не поверила, если б своими ушами не услышала.

— Я — нет, — отчаянно замотал Митька головой. — Ни за что! Вы слишком обо мне хорошего мнения. Но меня Ленусик убьёт, если я Кольке не помогу. У нас вся девичья часть компании болеет за Кольку, переживает. Жалеют парня девки.

А мне теперь отдувайся, — вдруг сердито буркнул он, не подымая головы. — Тащись теперь с ним, хрен знает куда.

— Значит, ваша жена, Вилья де Сохо переживает за вашего друга, — внимательно глядя на поникшего парня, глухо констатировала Белла. — Вам это не нравится, но вы всё равно готовы ехать в Приморье, помогать другу разобраться с его невестой.

— Дарья ему не невеста, — отрицательно качнул головой Митяй. — Скорее, друг детства. Но Колька её любит, а та, похоже, его нет. Но мозги ему всё равно крутит. Только вот самому Кольке этого не объяснишь. Пока сам не увидит, пока сам не поймёт, что так оно и есть и нечего ему с ней ловить, так и будет дальше маяться.

А меня Ленка всё пилит и пилит, — сердито буркнул Митька. — Что не помог другу в такой момент. Что бросил на произвол судьбы. И ни каких разумных слов слышать не желает.

— И ты готов прям счас бросить всё и отправиться в далёкое Приморье искать там подругу твоего друга.

— Да не прям сейчас, — рассердился Митяй. — А месяца через два. Когда Лёш…, — вдруг запнулся он в растерянности, с ужасом глядя прямо во внимательные глаза Изабеллы.

— Ну ка, ну ка, — вцепилась та ему в плечо. — Выкладывай. Что у вас тут будет через два месяца? Я так понимаю, не монитор, хоть ты до сего момента лишь о нём только и токовал, как тетерев на токовище.

— Ну ка! Говори! Что у вас здесь происходит?

— Карги, — виновато вжал голову в плечи парень. — На базе

цундапов мы вечерами делаем себе карги. В свободное от основной работы время. Как раз для поездки в Приморье. По всем расчётам готово будет не ранее чем через два месяца. Раньше — никак.

— Карги? Вороны что ли? — непонимающе глянула на него Белла. — Вы что, летать собрались? Ну ка, рассказывай подробнее.

Не обращая больше внимания на царящую кругом грязь и строительный мусор, Белла решительно подобрала юбку и с облегчением примостилась на краешек стола, настроившись на долгое слушание.

— Целый день на ногах, — каким-то странно виноватым голосом призналась она. — Аж ноги гудят с устатку.

А теперь я вас слушаю, Митрий, — жёстким деловым тоном, без тени улыбки холодно проговорила она, словно это был уже другой человек. — Рассказывайте! Что это ещё за карга, что это за птица такая и с чем её едят?

Льдистые голубые глаза глянули казалось в саму душу парня и, втянув голову в плечи, тот обречённо начал свой рассказ.

— В двух словах, карга — это созданная на базе наших цундапов лёгкая и одновременно жёсткая рамочная конструкция с четырьмя ведущими колёсами, обшитая снаружи лёгкой фанерой, троечкой. Грубо говоря — мини броневичок с противопульным бронированием… Экипаж — один, два человека. Водитель и стрелок на пневмопулемёт.

Или — трёх колёсная конструкция, где только один водитель, а рядом, в коляске какой-нибудь багаж. Есть ещё и другой, третий вариант, тоже трёхколёсный, где вместо багажа — курсовой пулемёт со стрелком и запасом патронов.

Нечто взамен наших слишком громоздких броневиков на лошадиной тяге. Такая юркая, невысокая незаметная в степи машинка.

Только бензин жрёт, зараза, — уныло пробормотал Митька, — не напасёшься. И с пневматикой что-то не получается. Компрессор один чуть ли не две трети веса машинки забирает. И стекло лобовое для пулемётчика на солнце слишком уж бликует — никакой скрытности. А скорости — никакие.

Проблемы, одни сплошные проблемы, — тяжело вздохнул парень. — Видать — чуть ли не за версту. Едет — с боку на бок переваливается, еле вытягивая на подъёмах. Какое уж тут Приморье.

А Ленка прохода не даёт. Помоги, да помоги Кольке, чахнет мол парень от любви.

А я что? Господь Бог? Я на воде мастер. А в поле, или в лесу

— чайник, что только и может на свисток пофыркивать. Потому и тянем время, пока Трошинские парни окончательно не доведут карги. А это по всем расчётам месяца два, не меньше.

— А почему карги? Почему какие-то вороны?

— Не знаю, — пожал парень плечами. — Как-то оно само название прилепилось. Пытались сначала называть что-то типа багги, потом ещё как-то. А потом вороной обозвали от злости, не клеилось там в каркасе что-то, да и рессоры весьма характерно поскрипывали. Так с тех пор иначе как карги и не называем.

— А Васька, это?

— Ну-у, это ваш Васька, — виновато глянул на Беллу Митька. — Что с вашим профессором какими-то хитрыми делами тут занят. Он тоже обещал с нами в Приморье рвануть. Говорит, достало его уже всё тут, на волю хочет.

— А не кажется ли тебе, милок…, — голос Беллы похолодел, приобретя вдруг неприятную, пугающую жёсткость.

— Я по его просьбе с вами разговариваю, — тихо проговорил Митька, глядя ей прямо в глаза. — Сам он боится к вам подойти, потому как знает, что откажете. Вот он меня и попросил с вами при случае поговорить, чтоб вы его отпустили с нами. А я что? Я могу и к самому Сидору с тем же вопросом подойти. Мне не трудно.

— Тебе не трудно, — задумчиво пробормотала Белла, глядя на него. — А Васька меня боится. Всё! — решительно поднялась она со стола. — На сегодня всё. Завтра жду тебя рано с утра, пойдём смотреть вашу птицу.

— Ну, а по поводу отпустить…., — на миг задумалась она. — Завтра. Завтра будем решать. И с тобой, и с Васькой. А пока иди, — улыбнулась Белла в спину поднявшемуся с табурета парню. — Иди пляши. Небось жена заждалась, опять ругаться будет.

— Не-е, — чуть обернувшись назад, Митька расплылся в смущённой тихой улыбке. — Она у меня чудо. Только иногда этого чуда бывает слишком много, — буркнул он уже едва слышно от двери.

Захлопнувшаяся за его спиной высокая массивная дверь надёжно отсекла все громкие звуки из цеха, оставив задумавшуюся женщину так и стоять возле пустого стола, рассеянным взглядом глядя в покрытое изморозью наружное окно.

— Приморье, — едва слышно прошептали красиво очерченные губы. — Опять возвращаемся к Приморью.

И опять встаёт вопрос отсутствия денег. Что бы это всё значило?

Хмурое утро.

Если бы взглядом можно было убивать, то Митька-рыбак этим утром сгорел бы синим пламенем, весь, полностью, без остатка, раз пять, а то и раз шесть, настолько явственно читалась на лицах столпившихся возле крыльца гостевого дома мастеров их страстные желания.

Сам виновник утреннего торжества тем не менее чувствовал себя прекрасно, ничуть не чувствуя вины за то что натворил. Видимо не считал что что-то сделал неправильно, раз с самого утра буквально светился довольством и каким-то тихим неземным светом.

— Тьфу на него, — первым не выдержал Лёха, раздражённо переминаясь с ноги на ногу и приплясывая возле крыльца. — Заложил нас, гад, и аж светится. А я даже похмелиться не успел.

— Значит от Вилькии своей добро получил, на это подлое деяние, — хмуро буркнул Фома, приплясывая на лёгком утреннем морозце рядом. — Она у него баба простая. Чёрное — чёрное, белое — белое. И никакого серого между ними. Простая баба, как газета «Гудок».

— Да когда ж она выйдет, — пожаловался он куда-то в стылое пространство вокруг. — Мы тут стоим-стоим, мёрзнем-мёрзнем, а её всё нет и нет. Змэрз вже зовсим, а ии як нэ було, так и нэма. Дэ вона? — разозлился Фома. — Дэ та злюка?

— Дэ-дэ, — сердито передразнил его Лёха. — Спит! В тепле! А мы тут мёрзнем, у неё под окнами, как шавки. Хоть бы в горницу пустила, — раздражённо пробурчал он, хлопая себя руками по бокам, в тщетной попытке чутка согреться и разогнать набившийся под полушубок утренний холодок.

— Ну всё, — сердито притопнул он подмёрзшей ногой в ярко начищенном гуталином сапоге. — Если через пять минут никто нас встречать не выйдет, я отправляюсь обратно в койку, спать. Вчера только легли под утро, а ей вздумалось встречу назначать на самое со сранья. Ну кто так делает!

— Господа, что вы здесь топчетесь?

— Кто? — растерянно повернулась вся толпа на голос. — Изабелла Юрьевна?! Откуда?!

— Так и хочется ответить вашей же присказкой, господа земляне. От верблюда!

— Я уже битых полчаса, с нетерпением жду вас в экспериментальном цеху, брожу там одна, в сопровождении одной лишь любезной Вильи де Сохо, отдувающейся за всех вас, а вас, бездельников, никого там нет! Хорошо что дежурный сообразил и подсказал где вы можете быть. А то бы так и пропало

всё утро. Я — там, вы — тут.

— Там — это где? — враждебным тоном, ничуть не скрываясь проворчал Фома. — Нельзя ли поконкретнее?

— И чего это Вилька оказалась вдруг с вами? — ещё более враждебно бросил он косой взгляд на лыбящегося непонятно с чего Митьку. — У-у-у, предатель.

— Там — это в вашем опытном экспериментальном цеху. Я же уже сказала, — сделала невинные глаза Белла. — Поконкретней — пожалуйста. Я рассматривала ваше новое детище. То что вы обозвали «Карга».

Впечатляет, скажу я вам, впечатляет. Мне понравилось. Но! Как всегда есть куча всяких но!

Грузновата машинка вышла, тяжела на ходу будет. Мощи не хватает, — подпустила она яду в голос, мигом сгоняя с лиц присутствующих довольные улыбки. — Не расслабляйтесь, господа, не расслабляйтесь, — тихо рассмеялась Белла. — То что у вас получилось — хорошо. Но надо лучше. Прототип слишком сырой, чтоб его к чему дельному пристроить.

Так, игрушка для бездельника. А нужна нормальная рабочая машина.

Так что, если есть желание прокатиться на юга, — повернулась она к приплясывающему рядом на морозце Митяю, — придётся поработать. Машинка должна быть легче. И моторчик цундаповский не пойдёт, хиловат. И не забывайте про боезапас. Его должно быть много. Очень много! А это — опять вес. Танковый мотор подошёл бы в самый раз, да жаль места для него там маловато. Да и тяжеловат он для вашей карги.

А на чём можно сэкономить — подскажу. Обратитесь к Марку. У него со дня на день броневые напорные баллоны должны появиться. Лёгкие и давление большое хорошо держат. Вам — самое оно. Пуля попадёт — не взорвётся, как стальной. И колёса. На колёса обратите особое внимание. Не жалейте каучук, смело экспериментируйте. Надо будет, амазонки ещё притащат. Смело делайте дутые шины или что там у вас будет взамен тому чудовищу что пустили на колёса. Обязательно освободитесь от этих ваших чугунных монстров. Корпус из лёгкой фанеры, а колёса из литого чугуна. Да ещё с дырками по кругу, я так понимаю для облегчения. Красота, да бред полный! Даже просто диски колёс сделать из фанеры были бы много лучше. Легче, по крайней мере. Какой дурак это придумал?

— Вы видели, — растерянно пробормотал Лёшка, глядя на Изабеллу совершенно дикими глазами.

— А чем я по-вашему занималась всё утро? — неподдельно изумилась Белла. — Не только видела, но ещё и прокатилась пару

кругов по внутреннему двору на этом вашем чудо-монстре, пока вы спали и мялись потом перед моим крыльцом непонятно зачем, — улыбнулась Белла. — Поэтому про вашу машину знаю практически всё.

— Вообще-то название у неё «Карга», а не машина, — сердито проворчал Фома. — И я теперь знаю в честь кого.

— Спасибо, — улыбнулась в ответ Белла. — Вы мне польстили, сударь. Никто ещё в мою честь не называл свои открытия и тем более не называл целый класс машин моим именем.

— Э, — растерялся Фома. — Я не…

— Я понимаю, — улыбнулась Белла. — Вы нет. А я — да. Поэтому с этого дня официально утверждаю название нового класса машин как карги. Отныне и на века.

И последнее на сегодня. С этого дня можете официально заниматься своей каргой. Финансирование вам на вашу разработку найдём. Тем более что там много то и не надо. И не надо теперь выкраивать по сусекам гайки и дефицитный бензин. И не надо скрываться. Работайте. И через месяц, к началу половодья жду от вас результат.

— Андестенд?

— Я-я, натюрлих, — растерянно буркнул Фома, при всеобщем потрясённом молчании. — Разрешите исполнять, экселенц? А то мы змэрзли тут, як цуцыки, вас, такой неожиданной ожидаючи.

— Исполняйте, — холодно улыбнулась в этот раз Белла.

— А вас, господа Трошины, я попрошу остаться. Вас, Богдан, и вас, Глеб.

Замершая было толпа изобретателей, на миг замерла, словно пытаясь защитить одного из своих членов, потом качнулась как-то неуверенно, и уже через пять минут возле крыльца гостевого дома осталась лишь Изабелла де Вехтор, да оба брата Трошиных.

Пропустив братьев вперёд, Изабелла вместе с обоими братьями молча поднялась на крыльцо и осторожно пробралась в свой рабочий кабинет, боясь разбудить крепко спящих детей.

— Тс-с, — прижала Белла палец к губам, когда Богдан неловко задев стул, чуть было не обрушил на пол кипу бумаг, высящуюся на краю рабочего стола.

— Вкратце поговорим. Только тихо, чтобы детей не побудить. Иначе о делах сразу можно забыть.

Итак. Что у нас по моторам?

Уже через полчаса обстоятельного доклада, она поняла: «Могла бы и не спрашивать». Настроение, только что бывшее просто прекрасным, стремительно рухнуло вниз. По моторам было откровенно плохо. Не хватало станочного парка. А тот что

был — не позволял добиться потребной точности обработки, а следовательно и получить на выходе то что требовалось. И были проблемы с какими-то хитрыми присадками к стали, отчего моторы собственно и выходили такими большими и тяжёлыми.

И не было людей, точнее рабочих, что смогли бы выполнить потребный объём работ.

Куда ни кинь, везде наружу вылазил здоровый, остро заточенный клин.

— Изабелла Юрьевна.

Холоду в голосе одного из братьев позавидовала б, наверное, сама Снежная королева, настолько он казалось мог заморозить всех в этой комнате.

— Тысячи раз уже было вам говорено. И вам, и Сидору, и Димону, и Маше. Всем-всем-всем. Что у нас отвратительный станочный парк. И пока мы полностью его не обновим, не поменяем старое на новое или хотя бы во многом не дополним недостающими станками, нужного качества обработки нам не видать. А следовательно и моторы будут выходить вроде того перетяжелённого убоища, что вы видели на карге.

Не хватает многих нужных присадок. Они дорогие. На них элементарно нет денег. Живых денег, не виртуальных, как говорят земляне, а наличных. Пока денег в достатке не будет — стали хорошей, тоже не будет. И наши моторы будут тяжёлые. Тяжёлые и неэффективные.

И главное. Нам нужно своё моторное производство. А для того нужен обновлённый станочный парк. Его нет. Пока нет, я так понял. Но это пока может тянуться годами. Так что имеем то что имеем.

А снятые с цундапов моторчики, Вы правы, — не тянут. Тут тоже нечего добавить.

Спрашиваете, можно ли облегчить и повысить мощность прям счас? Можно.

Можно! Золотые руки всё сделают. Но для этого придётся снять мастеров с работ по броневикам и по монитору.

И будет таких моторов: раз, два, три. По пальцам одной руки можно пересчитать.

Ну, зачем нам срывать один заказ, чтоб тут же сорвать другой.

По монитору Вы сами знаете, что за приёмщик. Точнее кто, а не что.

Куница Боров. Как только он узнал что монитор в конце концов отойдёт ему, так мухой в цех прибежал проверять как идёт сборка моторов для его ходовой части. И тут же сходу забраковал немецкие бензиновые моторы. Потребовал переделать на

советские дизеля. А там одной переделки только по фанере месяца на полтора.

Пока вы там пляски плясали и песни горланили, мы с ним по трюму ползали и согласовывали переделки.

— А кто вам это позволил?

Холоду в голосе Беллы было не меньше чем у братьёв Трошиных вместе взятых.

— Что?

— Кто вам позволил, пускать чужого человека на режимный объект, всё ему показывать, а потом ещё и что-то с ним согласовывать?

— Ну как же, — растерялся Глеб, переглянувшись с братом. — Мы же вроде как договорились передать им монитор по окончании. Вот мы и подумали…

— Передать — да, переделать — нет, — жёстко отрезала Белла. — И в тексте договора нет ни слова о том что вы его допустите на борт до окончания строительства. Так что, никаких переделок не будет. Он не платит за переделки, но уже хочет получить что-то своё, что-то новое. За наш счёт, естественно.

— Думать даже забудьте! — повысила она голос. — Никаких переделок. Всё строго по проекту. Строго по графику. Шаг вправо, шаг влево — буду расстреливать. Подскок на месте — провокация.

— Вообще-то, в том, что он говорил, есть определённый резон, — подал тихий, жёсткий голос Богдан.

До того молчавший, сейчас он решительно включился в разговор.

— Соляра действительно реально дешевле. И эксплуатация судна будет намного экономней.

— Согласна, — повернулась к нему Белла. — Только у нас нет ни времени, ни денег на эти переделки. А оплачивать ваш дополнительный труд он не будет. Нет у него на это денег. А я не позволю чтоб вы работали бесплатно.

— Значит, конфликт, — флегматично констатировал Глеб.

— Значит, так, — холодно отрезала Белла.

— А как же быть тогда с его мастерами, что придут заканчивать постройку судна.

— Они придут помогать, а не заканчивать. Вы видите разницу между словом помогать и словом заканчивать? На заводе хозяева мы!

— Вот значит как, — тихо проговорил Глеб. — Что ж, правильно. Иначе с такими и нельзя, живо на шею сядут. Хотя, что значит сядут. Куница уже попытался.

— Думаешь, скандал подымет? — повернулся Глеб к брату.

— Подымет, — согласно кивнул тот. — Но денег точно не даст. Наобещает всяких пряников, орденов и медалей, но живых денег не даст. Знаю я его, сталкивался как-то. Тут баронесса, вы в точку попали. А раз денег не даст, то и говорить с ним не о чем. Работаем дальше по своему плану.

— Но всё же, — попытался он снова вернуться к интересующей его теме. — Что насчёт переделок. — Куница оказался опытный речник. И я бы к его советам прислушался. Не счас, так хотя бы потом. Уже ясно, что пока строили, такого напороли, что переделывать точно кое-что придётся.

— Не придётся, — холодно отрезала Белла. — Времени у вас для того нет. Дело у меня для вас будет другое, более важное. — жёстко проговорила Белла.

— И первым делом я у вас спросить хочу. А скажите ка, уважаемые мастера, как вы относитесь к воздухоплаванию?

Ранний визит.

Этим злым утром Куница Боров чувствовал себя как-то странно, и, как-то последнее время удивительно знакомо. Настолько знакомо, аж зубы сводило тупой тянущей болью от бессилия и невозможности что-либо изменить.

Очередная деловая встреча с этими двумя стервами: Машкой, да Белкой чуть было опять не кончилась полным провалом. Но и полученные договорённости мало отличались от него. Не на его условиях всё было договорено, не на его. Пришлось-таки пойти на денежные траты, как ни стремился он того избежать. И потому достигнутое соглашение не могло полностью его устраивать.

Ему пришлось пойти на компромисс. Ему! Кунице! Скажешь кому — засмеют. Потому как любой компромисс — прямой путь к будущему конфликту.

— Чёртовы бабы, — шептали его губы, который уж раз за это длинное, тяжёлое утро. — Чёртова одна баба и чёртова другая. И чёрт меня дёрнул с ними связаться. Чёрт-чёрт-чёрт, — безсильно чертыхался он.

И ничего сделать нельзя. Подписанный до того им же самим договор на поставки спирта каменным жерновом висел на шее. И ничего было не изменить. Как ни крути, а со всех сторон эти бабы были в своём праве.

Не было у него права вмешиваться в то безобразие, что творилось сейчас на компанейских верфях, где руками его же специалистов, но по чужому безграмотному проекту достраивался его же будущий монитор. И только сейчас до него дошло, что

будущий, не значит настоящий. И достраивали его так, как надо было этим двум злым осам, по чистому недоразумению именуемыми бабёнкам, а не так, как надо было бы ему самому.

— Чёрт-чёрт-чёрт! — беззвучно шептали его губы.

Вот и получалось, что его просто поимели.

Никогда ещё Куница не сталкивался ни с чем подобным и не чувствовал себя таким униженным и оплёванным. Обычно деловые люди города всегда шли ему навстречу в случае каких-либо конфликтов или споров. Не в этот раз. Не здесь, не сейчас и не с этими чёртовыми бабами.

Словно очнувшись, Куница недоумённо огляделся по сторонам. Пустынная в этот ранний час банковская площадь, где он замер, стоя возле закрытых за его спиной входных дверей банка, в столь ранний час была удивительно пуста.

— «Чего, спрашивается, торопился? — пришло горькое осознание. — Чуть ли не до рассвета вскочил, желая быть скорее здесь. Примчался сюда ни свет, ни заря. И чего? Утро раннее, а всё из рук валится, словно по ним кто-то со всей дури коромыслом двинул».

Такого провала своих планов, у него в жизни никогда ещё не было.

Мыслями он снова вернулся во вчерашний вечер и всё, чем вчера он закончился, как живое встало перед глазами. Уверенные решительные фигуры двух его клановых мастеров корабелов у него дома: Гурьяна Суходольского и Даниила Берегового. Его надёжная опора в клане во всех начинаниях. Не прислушаться к которым он просто не мог. Злые, словно потревоженные шершни, словно клещами вцепившиеся ему в горло, и с пеной у рта требующие немедленного разрыва с таким трудом заключённых договорённостей с этой компанией.

Разрыва по одной простой, но крайне важной для обоих мастеров причине. То уё…ще, что там на озёрах строилось, не лезло ни в какие ворота, настолько безграмотно и поспешно осуществлялся тот желанный Унице проект орудийного монитора. И что хуже всего, никому из мастеров не позволялось в процесс строительства вмешиваться, отведя знаменитым мастерам корабелам роль мальчиков на побегушках, подай-отнеси.

Которым оставалось лишь утешение, что не всё ещё потеряно, что даже в том виде, в котором монитор задуман был этими олухами, строящийся броненосный корабль, представлял несомненный интерес. Хотя бы даже своими двумя тяжёлыми орудиями, которые эти злые бабёнки всё-таки не решились убрать с носа и кормы, как пригрозили обоим мастерам, если те и

дальше будут вмешиваться в процесс достройки судна и ввода его в строй.

Какой строй? Какой ещё строй! Где они слов то таких умных понахватались, шалавы!

Впрочем, можно было сколько угодно ругаться, дело это не сдвинет ни на йоту. В чём, в чём, а в том, что раз сказав «а», чёртовы бабы в точности сделают как сказано, в буквальном толковании буков договора, он уже успел убедиться. Что навевало самые нехорошие мысли о будущем сотрудничестве. Оставалось либо смириться и идти у них на поводу. Либо?

Либо найти адекватный выход. Который этим утром и привёл его сюда в этот банк.

И таким выходом этим утром Куница видел возможность поторговаться с ними за своих обоих мастеров корабелов.

Вот тут он не сомневался. Тут он мог кое-что выторговать у этих двух слишком деловых девиц. Потому как Куница отчётливо понимал, что именно потребуют от него.

Эта компания землян упорно стремилась построить лично для себя речные торговые суда. Думали сами заняться перевозками, дурачьё. Да кто ж им даст.

Но всё равно они хотели, упорно добиваясь своего. Не смотря ни на что, ни на какие запреты, любым способом построить для себя торговые лодьи. Построить и иметь в собственности, даже идя на открытый конфликт со всей верхушкой города, давно ещё принявшей для себя однозначное решение не допускать чужих до столь лакомых кусков. Потому как никто потом не желал идти на более чем вероятный конфликт с амазонками и поречным дворянством.

Вот вокруг этого и можно было поторговаться.

Да, идти на открытый конфликт со своими он не будет. Не такой уж он дурак, чтобы в год выборов гарантировано лишиться поддержки самых богатых семей города. И столь же гарантировано всё проиграть.

Однако выход есть. Выход, на который многие закроют глаза, даже если когда-нибудь о том и узнают. Надо лишь втихую провернуть это дельце и крайне желательно как можно дальше от Старого Ключа.

Вот туда, куда-нибудь далеко-далеко, можно и дать обоих своих мастеров, на постройку одной, двух лодий. Тем более что и сами мужики совсем не против хорошо подзаработать, пусть и где-то далеко от дома. Особенно когда за хороший труд неплохо платят. А уж в этом Куница уже убедился. На свои прихоти компания землян денег не жалела.

Вот тогда, получив такой жирный кусок, эти две стервы

успокоятся. И так нужный ему монитор со всеми необходимыми переделками будет у него в кармане. Уж в этом-то Куница не сомневался.

Жаль только, надолго придётся расстаться со своими мастерами, на которых у него было множество интересных планов. Что, впрочем, ничуть его не останавливало. Дело важнее.

Все эти соображения и привели его этим утром в такой уже знакомый кабинет управляющей банком «Жемчужный» Марьи Корнеевой, куда теперь он чуть ли не каждое утро ходил, как на работу.

И кто ж знал, что эти бабы бывают такие тупые! И НЕ ЗАХОТЯТ! НЕ ЗАХОТЯТ увидеть дальше собственного носа. Не захотят увидеть очевидной СОБСТВЕННОЙ выгоды, упорно талдыча, что ни о каких переделках не может быть и речи. Что у них СРОКИ! Что монитор им нужен к ОПРЕДЕЛЁННОМУ дню. Что у них есть определённая договорённость с Ведуном, на счёт использования монитора в планах Территориального Совета по набегу на Торфяное Плато.

Но переделать они не прочь. Если он желает чего нового, то, как только выполнят свои договорённости с Ведуном, так сразу прислушаются и к его просьбе. Но все переделки он должен будет оплатить! Да не бартером и не услугами, а живыми деньгами! Живыми!

И сумму выкатили — две с половиной сотни золотом. Тысяч!

Да где он им столько денег то возьмёт? Сдурели! Нет же у него! Нет ни монетки лишней. Иначе стал бы он предлагать им ТАКОЕ. Чуть ли не торговля собственными людьми! При желании легко можно припаять работорговлю. Да узнают его клановщики о таком, вмиг вылетит из глав клана.

Теперь, если он хочет чтобы ничего из происшедшего там не вышло из стен той комнаты, придётся искать деньги. И не когда-нибудь потом, через месяц, а в самом худшем случае завтра. А лучше уже сегодня.

Как хорошо было бы, если б деньги у него были. Отдал — и забыл. Но денег не было. Придётся идти на поклон к старым друзьям. А значит это — новые политические и экономические уступки в будущих финансовых и политических договорённостях.

Хочешь власти — договаривайся. Нет денег — уступай.

Чёртовы бабы!

Как живая, сцена утренних переговоров всплыла перед глазами. Он, сидящий в гостевом кресле возле рабочего стола Маши, расстроенный категорическим отказом на его предложение, и что-то токующих ему обе бабы.

— Уважаемый господин Куница, — тогда, в какой-то момент

достучался до расстроенного сознания клановщика мелодичный женский голос. — А ведь у нас есть выход. Выход к обоюдному нашему удовлетворению.

Вы оплачиваете нам работы и дополнительно сдаёте в аренду обоих своих мастеров.

Соглашайтесь. Соглашайтесь и все будут довольны.

Всего две с половиной сотни тысяч и парочка семейств корабелов. Всего навсего! И ваш долгожданный монитор у вас в кармане. Такой как вам нужно. Со всеми переделками и доделками. Мы даже дополнительной фанеры на вас не пожалеем. Соглашайтесь, господин Куница. Соглашайтесь.

Баронесса Изабелла де Вехтор, замолчав, внимательно смотрела на клановщика, ожидая его реакции. Видимо удовлетворившись тем, что увидела, решительно продолжила.

— Желаете гарантий? Прекрасно. Будут вам гарантии. Давайте заключим с вами новый договор на работу двух ваших мастеров корабелов Суходольского и Берегового в течение этого и двух последующего лет, в местах, где мы им сами укажем. Сразу уточняю. Это важно. Не вы, подчёркиваю, не вы укажите, мы укажем! Там, где надо нам, не вам. В наших интересах, не в ваших.

Если такой расклад вас устроит, то мы пойдём на предлагаемые вашими мастерами переделки монитора. Пойдём, даже не смотря на то, что срок окончательного ввода в эксплуатацию судна в таком случае катастрофически для нас сдвинется, и мы на том понесём значительные потери в виде недополученной прибыли.

Рушатся наши планы. Рушится весь график доставки вашего спирта в низовья и мы не получаем наших денег. Тогда, когда они нам так нужны. Вывод?

Нас это не устраивает, — жёстко отрезала Белла.

Деньги на бочку, здесь и сейчас, и мы соглашаемся на ваши условия.

Но мастеров своих вы нам на два года в любом случае предоставите.

Мы готовы пойти на все ваши условия по переделкам, но только если будут выполнены эти наши условия.

— Вы не понимаете, — холодно, одними губами улыбнулся Куница. — Мастера на вас могут работать везде, где вы только ни пожелаете. Но только не на территории Ключёвского Края. Здесь — исключено.

Помощь в создании этих ваших наливных барж, которые будут перевозить МОЙ спирт? Здесь и сейчас, пока вы работаете на меня по моим заказам? Да сколько угодно. Потом — нет.

Успеют — сделают. Не успеют — не их в том вина.

Никаких работ после окончания нашего договора по вашим персональным лодьям, о чём вы так мечтаете — не бу-дет. Это — исключено.

— Увозите их куда угодно и делайте там что угодно. Никого ЗДЕСЬ это не интересует.

— Устраивает — работаем дальше. Нет — нет.

— «Думаешь я не знаю куда вы их потащите? Ха! О твоём, сучка, персональном городе на берегу южного моря лишь глухой у нас в городе ещё не слышал. Как и то, чем там занят твой муженёк.

Так что бери, бери мастеров. Бери и попытайся там хоть что-нибудь сделать. Пусть они тебе там два года клепают рыболовецкие шаланды и баркасы для каботажного плавания. Ни с них, ни с меня не убудет. Потому как в том гнилом болоте заросшего тростником залива, возле которого стоит этот твой разрушенный замок, если и можно чего построить, то лишь каботажную мелочь. Да и материалы для строительства замучаешься туда таскать. Две тыщи вёрст в один конец — это тебе не кот начихал. И лесов там своих нет. Сушь! Не зря же так неразвито кораблестроение в тех водах. А если что и строится, то исключительно мелочь всякая.

Так что выйдут тебе те судёнышки в такие деньги, что мало не покажется. За десять лет не вернёшь вложенного.

Жаль, конечно, мастеров. У меня на них были свои, довольно серьёзные планы постройки ещё одной такой вот парочки мониторов. Теперь уж по СВОЕМУ проекту! Ну да уж чего теперь, подождём».

«Хотя нет. Стоп. Как это она сказала? Семьи корабельных мастеров Суходольского и Берегового? Отлично! Хочешь соблюдать БУКВУ договора? Будет и тебе буква! Всё как пожелаешь!

Выделяю женатых сыновей в отдельные семьи, и патриархи обоих семейств провозглашают сопливых пацанов мастерами. А я передаю баронессе два семейства корабельных мастеров: „мастера“ Суходольского и „мастера“ Берегового. А тех или этих — как уж получилось.

Тем более что у корабелов в семьях как раз сыновья просятся на выход, в самостоятельное плавание. Вот и поспособствуем парням. А больно шустрая эта девица утрётся. Настоящих МАСТЕРОВ я ей не дам. Пусть повозится с сопляками.

И пусть они строят ей там всё, что та пожелает. А МАСТЕРОВ, настоящих мастеров Гурьяна Суходольского и Даниила Берегового оставляю себе».

— Ау! Степан Игнатич, проснитесь! — пощёлкала пальцами перед лицом задумавшегося клановщика Белла. — И последнее, — движением руки остановила она того.

Словно замёрзнув, она медленно, со значением подняла вверх указательный пальчик.

— Двести пятьдесят тысяч предоплаты! Всё и сразу! — жёстко отрезала Белла. — Иначе, дальнейшего разговора у нас не получится.

— Что?! — ахнул Куница.

Поясню ещё раз, если вы так ещё ничего и не поняли.

Не только у вас проблемы. Проблемы есть и у нас. Очень крупный проект, очень крупные первоначальные вложения. Нужны живые деньги.

Где вы их найдёте, меня не интересует ни в малейшей степени. Если деньги будут, будет и весь дальнейший разговор. Нет — значит нет. И давайте без обид. Не всё мы делаем сами, своими силами, — тихо проговорила она. — В таком новом для всех деле, как клеёная броневая фанера и пневматическое оружие, многое, очень многое из крайне необходимого приходится закупать и завозить издалека. Чуть ли не с того края света. А для этого нужны деньги, живые деньги.

Если вы меня понимаете — соглашайтесь. Нет — значит, не договорились. И нам же будет лучше. Спокойнее.

Чуть прикрыв глаза и откинувшись на спинку удобного кресла, Куница Боров, молча, выслушивал предложение. Но, какова стерва! Придётся соглашаться. Иначе то, что они сейчас у себя понастроят, ему придётся в конечном итоге самому ломать, и потом чуть ли не в пять раз дороже переделывать. И всё равно, материал брать придётся у них же, потому что никто во всём этом мире с той фанерой не работал и её не производил.

И неизвестно ещё что в итоге выйдет. Потому как получить от этих стерв какие-либо материалы для последующей переделки самостоятельно, будет очень и очень затруднительно, даже если они ему сейчас и наобещают с три короба. Уж эти-то две в том безусловно постараются.

Это Куница отчётливо чувствовал всеми своими обострившимися сейчас чувствами.

— Хорошо. Договорились, — еле заметно пошевелился он. — Будут вам и деньги, и мастера. Готовьте договор, и будем подписывать.

— И последнее на сегодня. Каков последний срок?

— Конец мая, начало июня, — сухо проговорила баронесса.

Вздрогнув, Куница грубо, не сдерживаясь, выругался.

— Раньше — никак, — холодно отрезала Белла. Если у неё и

были до этой минуты ещё какие-то сомнения, они тут же исчезли, смытые матерщиной. — Устраивает — работаем. Нет — извини.

— Устраивает, — поморщился злой Куница. — Раз уж не можете раньше, то чего уж там, подождём начала лета, — тяжело вздохнул он.

И последнее. Что от меня ещё требуется.

— Деньги, — пожала Белла плечами. — Деньги, и ничего более. Как только мы их получим, считайте что монитор в вашем кармане.

— Готовьте новый договор, — решительно поднявшись, Куница быстро пошёл к двери. — Как только он будет подписан, деньги вы тотчас получите. Счастливо оставаться, — резко склонил в дверях голову, прощаясь.

Словно очнувшись, Куница обвёл пустынную в столь ранний час банковскую площадь туманным рассеянным взглядом.

— «У Сильвестр Андреича что ли денег занять?» — пришла холодная деловая мысль.

Нет, к Голове за деньгами он не пойдёт. И не потому, что не даст или денег нет. Даст, и деньги у того, в отличие от Куницы, есть. А потому что на хвост сразу упадёт. Придётся чем-то делиться.

А ему сейчас такого не надо. Выборы впереди и он его конкурент. А договариваться с конкурентом перед выборами — не очень хорошо, политически неверно. Поищем других. Желающие всегда найдутся.

* * *

Когда за спиной Куницы захлопнулась последняя дверь тамбура, молча сидевшая всё это время Маша, наконец-то подала голос.

— И что бы это всё значило? Чего он так вцепился в эту фанерную коробку, что готов пойти на любые уступки, лишь бы её заполучить. Двести пятьдесят тысяч золотых на бочку, когда они ему самому кровь из носу нужны. Которых у него, между прочим, на самом деле живых нет. И он чётко понимает, что сумма завышена минимум в три раза. Он что, дурак?

— Прагматик, — сухо отозвалась Белла. — Чистой воды прагматик, который понимает, что лучше поступиться малым, чтобы в конце получить всё.

Что несомненно очень для нас хорошо.

Теперь у нас есть деньги!

Жать только, что так мало, — едва слышно проговорила

она. — Но, уже хоть что-то.

И ещё хотелось бы знать. Что он такого задумал, что так легко согласился?

— Не нравится мне его согласие, — Маша тут же подтвердила самые худшие догадки Беллы. — Как бы не нажили мы своим упорством врага себе в его лице. Не хотелось бы.

— Поживём, увидим, — буркнула Белла.

Настроение было отвратительным. Потому как и она полностью разделяла сомнения своей подруги.

Глава 2. Дела Срединной Империи

Сопки.

Северные морские границы княжества с Империей всегда были безлюдным местом. А уж такие вересковые пустоши на границе Подгорного княжества с Империей ящеров, где на многие сотни вёрст вокруг не было ни единого человечка, так вообще были чуть ли не нормой для этих мест, лишь дальше к западу нарушенные немногочисленными лагерными поселениями, обслуживавшими нужды Торфяного Плато.

Пустынные в это время года, густо покрытые стелющимся кедровым стлаником окружающие залив покатые склоны высоких сопок хорошо защищали залив от холодных северных ветров. Так что, несмотря на штормовую погоду, в заливе было относительно затишно, и спокойные свинцовые воды безымянной бухты навевали даже какое-то спокойствие и умиротворение.

Просто идеальный безлюдный уголок для места встречи будущей Императрицы людской империи с генетиками из службы репродуктивной поддержки молодым семьям столичной академии. Встречи, которую не должен был видеть никто.

Идеальное место. Если б только не те, с кем требовалось встретиться, и кто облюбовал другой её конец. Если б не ящеры, прибывшие первыми и не захватившими лучшее, козырное место. Небольшой галечниковый пляж в восточной части залива, где хватило места лишь для лодьи ящеров и просторного шатра для будущих переговоров, занявшего практически весь небольшой пляж.

И если б княжна не опоздала, задержанная внезапно разбушевавшимся на море штормом, в естественной природе которого она сильно сомневалась, прекрасно, будучи знакома с возможностями имперских магов погодников.

Пришлось княжне ночью швартоваться среди выступавших из воды многочисленных подводных скал, густо усеивавших другую часть бухты и в любую минуту грозивших продавить хлипкий борт её небольшого судёнышка.

Даже в такой мелочи ящеры постарались унизить княжну, показав, кто здесь проситель, а кто хозяин, и кому здесь принимать решение.

И в первую очередь выразилось это в том, что вместо знакомых генетиков на встречу прибыл шеф Службы Имперской Безопасности Сум Га Чиа Ду, тут же заявивший о старой дружбе и

союзнических отношениях меж ними.

Первое утро переговоров встретило незваных гостей сильным северным ветром, мокрой ледяной крошкой в лицо и низкими снеговыми тучами, словно придавившими к земле притулившиеся по разным концам залива две небольшие морские лодьи.

Встреча княжны Лидии Подгорной с её союзником Сум Га Чиа Ду проходила тихо, по-домашнему, вдали от посторонних глаз. И большой походный шатёр из плотного белёного войлока, скрывавший в своём просторном нутре две высокие встречающиеся стороны, немало поспособствовал тому, чтобы никто из прибывших на эту встречу участников, никогда не узнал, о чём там шла речь.

* * *

Давно договоренная встреча с ящерами, здесь, на Торфяном Плато, вызывала в душе Лидии какой-то непонятный, невольный трепет.

— «Слишком многое зависит от сегодняшнего утра и от этой встречи», — поняла княжна, пытаясь проанализировать своё непривычно странное лихорадочное состояние и подавить внезапно охватившее её изматывающее нервное возбуждение.

Нельзя было показывать ящерам свою заинтересованность в конечном итоге. Только, похоже, значение для неё результата сегодняшних переговоров было тем хорошо известно и тайны не представляло. Так что ей можно было не суетиться. Что будет — то будет.

Дадут добро, а что вернее, смогут ли их врачи помочь ей с её проблемами, значит, будет будущее и смысл в её жизни. Нет, откажутся — придётся все совместные с ящерами проекты сворачивать. Потому как в них не будет дальше ни малейшего смысла. Как, впрочем, и в планируемой на весну свадьбе. Которую всеми силами стремится ускорить её дядя, правящий князь, и которую всеми силами стремиться отсрочить или совсем отменить ее, так называемый жених, Генрих фон Гарс.

При мысли о Гарсе губы княжны дрогнули в горькой ухмылке, и она поспешно согнала следы её с лица, чтобы не выдать обуревавших её чувств. Представить себе, ещё совсем недавно, что она получит в его лице лютого, злейшего врага, княжна не могла и вообразить.

Хотя, чему удивляться. Глупо было бы думать, что её похождения на ниве «экстремальных», как говорят некоторые земляне, развлечений останутся тому неизвестными. И что с того,

что большая часть тех с кем она развлекалась, давно и вовремя убранная, сейчас гниёт в земле. Хватит и оставшихся, тех, до кого так и не дотянулись длинные руки княжеской безопасности. И этих хватит, чтоб мно-о-огое поведать заинтересованному лицу, особенно умеющему спрашивать. А Гарс умел. Тут у него не отымешь. Это она ещё по юным совместным годам помнила.

И глядя на поведение того, кто официально считался её женихом, уже сейчас было кристально ясно, что того не оставили без детальной информации «добрые» люди. Насколько детально — неважно. И самой малости из её похождений тому будет довольно.

Вспомнить хотя бы рыцарей на Девичьем поле и ночь накануне. Вытравить бы её из памяти, как не бывшую. Да такое не забывается.

Жаль, не все они там погибли. Кое-кто из мерзавцев выжил и здравствует до сих пор.

Потому сейчас она и обратилась за помощью к ящерам, что последствия подобных развлечений имеют одну, крайне неприятную, но непременную особенность. Особенно для молодых, рано начавших. Бесплодие.

Будь оно всё проклято. Ей нужен наследник. Желательно не один, хотя бы двое, для гарантии надёжности. А кроме ящеров с их кудесниками генетиками, помочь теперь ей не в силах никто. Вот основа крепкой, на годы и годы вперёд привязанности княжны к ящерам, и ко всем их нынешним и будущим совместным проектам. Не будь её, этой привязанности, давно бы уже послала она тех ящеров с их наглыми претензиями на всё более и более увеличивающуюся долю в добыче с Торфяного Плато.

И очень плохо, что те прекрасно это понимают. Так что, приходится смириться и, склонив гордую выю идти на поклон к ублюдкам. И вот как счас, смиренно ждать своей участи, результатов анализов, по которым ей скажут: быть, или не быть. Быть ли ей Императрицей с законным наследником, или, из года в год сталью и потоками крови бороться с мятежами, отстаивая свою власть. А потом, в конце, добровольно передать её чужому человеку, пусть даже и родственной крови. Но всё одно чужому, не родной кровиночке. К примеру, такому, как балбес родной брат.

— Княжна, вы что-то сегодня рано.

Медленно повернув голову, в сторону быстро вошедшего в шатёр ящера, впустившего за собой в согревшийся от походной жаровни шатёр струю холодного воздуха, княжна вежливо кивнула.

— Господин Сум Га? Не чаяла вас встретить ТАК далеко от родных пенатов, — отослала ему вслед свою любезность.

— Служба, — виновато развёл руками в стороны имперец. — Служба Империи вынуждает нас бросить всё и спешить в любой её конец по первому зову. Тем более для встречи с ТАКИМИ людьми.

— Здесь не ваша империя, — едва заметно похолодевшим тоном, машинально огрызнулась княжна.

Этого ящера надо было каждый раз осаживать. Если этого не делать, то Глава имперской службы безопасности, тут же садился на шею. А у княжны было полно своих таких же доброхотов, что с радостью бы устроились на том удобном насесте. И подставлять собственную выю под седалище чужого — было политически неправильно. Да и практически неудобно, какие бы между ними не были приязненные отношения.

Не тот она была человек.

— Не чаяла здесь встретить лично Вас, — ещё более захолодевшим тоном проговорила она.

Рассказывайте. Раз уж вы лично прибыли на встречу со мной в такую Тмутаракань, то значит у Вас БОЛЬШАЯ проблема погнала сюда. Чем могу — помогу.

— Благодарю, — ящер едва наметил кивок головы вниз. — Не будем затягивать встречу протокольными вопросами, перейдём прямо к делу.

Мои личные проблемы оставим в покое, не о них речь, перейдём сразу к вашим. Итак. Первое. Начнём с приятного. Ваша просьба удовлетворена. То, что вы просите — возможно.

Более того. Если вы в будущем пожелаете и дальше продолжить подобное с нами сотрудничество, в данном вопросе, то наша всемерная поддержка Вам обеспечена.

Грубо говоря, сколько сами захотите иметь детей, столько и будет. Ограничений для вас нет.

Но за всё надо платить, как вы понимаете. Вот о размере платы мы с вами и поговорим. Размер ВАШЕЙ платы и определяет МОЁ личное присутствие на этой встрече.

— Сначала пряник, потом кнут, — тихо проговорила княжна. — Что ж, могло быть и хуже. Сначала кнут, а потом опять кнут.

— Зачем же вы так, княжна. Мы же не звери. Мы честные партнёры и ведём себя с вами по-честному. Баш на баш. Мы вам детей, вы нам…, — замолчал он, нагнетая напряжение.

— Ещё больше увеличить долю в добыче с Плато, — с горечью проговорила княжна. — Как же вы меня достали. Ну, до чего же вы жадные.

Хотите большей доли, так работайте, занимайтесь добычей. Занимайтесь восстановлением, очисткой и последующей наладкой и предпродажной подготовкой добытого. Работайте! Делайте тоже, что и я. А то за одно камлание на пару часов вы и так уже отжали половину добычи. Давать больше? Так мне самой тогда будет невыгодно этим заниматься. Зачем тогда всё?

— Очень хорошо, что именно ВЫ затронули тему Плато, — добродушно улыбнулся ящер. — А то я всё думал-думал, и никак не мог решиться. Брать ли с вас лишку, или не брать? А вы меня прямо сейчас подтолкнул к этой мысли. Брать! Обязательно брать! Но, не беспокойтесь, возьмём немного, процентиков два, три, не более. Четыре!

Четыре будет в самый раз. Потому как вы правы. Действительно, надо решительней включаться в добычу и предпродажную подготовку товара. Вложений мизер, а конечный выход увеличивается в разы.

Поэтому, я решил. Всех ящеров теперь, как впрочем, и людей, в том числе и землян, что попадут к нам в руки, особенно из тех, кто идёт потом на утилизацию, — с милой улыбкой уточнил он, — мы будем направлять к Вам. А Вы здесь делайте с ними всё что захотите. Первую партию специалистов, штук сорок, ждите прямо на днях. Можете уже хоть завтра готовиться к их приёму. Будут, будут вам специалисты.

Так что то, что потеряете на процентах, с лихвой восполните количеством нового отремонтированного оборудования. И машин. Поверьте, знаю, знаю я ваши проблемы и что склады на плато забиты разбитой техникой, которую чинить некому, тоже знаю. Знаю и готов помочь. К обоюдной нашей выгоде.

Откинувшись на спинку кресла, ящер некоторое время внимательно смотрел на молчаливую, настороженную княжну.

— Но это не всё, — тихо проговорил он, после продолжительного молчания. — Это так, для разминки. Главное, чем вы заплатите за своих будущих детей, будет…

Замолчав, он некоторое время, минуты две, молча, с любопытством наблюдал за молчаливой, внимательно слушающей его княжной. Удовлетворившись осмотром, с улыбкой продолжил.

— Вы сделаете всё. Повторяю, всё, но чтобы пограничный человеческий город под названием Старый Ключ, что расположен на реке Ключевка, а также и весь тот край, перестал существовать.

— Погодите возмущаться, — решительно остановил он, вскинувшуюся было княжну. — Выслушайте сначала. Это надо Вам, это надо нам. И я предлагаю объединить наши усилия. И ВАМ самым активным образом включиться в этот весьма

занимательный процесс.

— «Империя на марше», — пришло для княжны чёткое понимание происходящего. — «И ребёнок будет один, больше не успею. Соглашаться, рубить сук, на котором сидишь, а вот потянуть…»

Глядя прямо в глаза, сидящего напротив ящера, княжна резко откинулась назад. Левая щека её едва заметно нервно дёрнулась.

— Так, значит. Идти против своих?

— А кто Вам свои, дорогая княжна? Некая Изабелла де Вехтор? Это Ваш враг. Тот, само существование которой, как впрочем, и её теперь уже многочисленных детей, является смертельной угрозой тому, чем вы последнее время только и заняты. Вашей карликовой карманной империи.

Как можно было в одно слово «империя», вложить столько презрения и яду, Лидия не понимала. Но у этой твари получилось.

— Изабелла де Вехтор моя подруга детства и нам нечего делить. Мужиков меж нас никогда не стояло, а если и были ранее какие иные недоразумения, то на сегодняшний день они все разрешены.

Нам нечего делить, — жёстко проговорила она.

Долгую тягучую минуту ящер молчал, со скрытым презрением в глазах, которое, впрочем, легко читалось в его слегка прищуренных глазах, потому как эта тварь и не думала его скрывать, а потом тихим, невозможно наглым тоном начал:

— Ошибаетесь, уважаемая княжна Лидия Подгорная, — тихо проговорил он. — Ошибаетесь.

Баронесса Изабелла де Вехтор имеет определяющие права на власть в своём баронстве. И хоть оно в данный момент и входит ныне составной частью в баронство Гарс, реально это ничего не значит. Прежний союз их настолько был странен, что в любой момент может быть, легко расторгнут по одному лишь заявлению сторон.

Просто по устному заявлению сторон. А это — путь к Большим Проблемам.

Случись такое, и Ваша будущая картонная Империя рассыплется, словно карточный домик.

И это не мои домыслы. Подумайте сами, просмотрите лишний раз документы, поговорите со своим дядей, правящим князем. И если не поймёте сами, то он Вам по полочкам разложит не только то, что я Вам только что сказал, но и многое из того, что недоговорил. В частности то, что, при желании, как прямая живая наследница своего баронства, добровольно вошедшего составной частью в ВАШУ Империю, баронесса имеет точно такие

же права на корону, что и Вы.

Ведь баронесса ни слова прилюдно не сказала против вхождения своего баронства в Срединную Империю. Вы с дядюшкой об этом не задумывались? А зря! Мало ли как в дальнейшем жизнь повернётся. У неё наследники есть. А у Вас — нет. И не будет, если мы с вами сейчас не договоримся.

— Чем же она ВАМ ТАК помешала?

— Мне? — с изумлением ткнул пальцем себе в грудь ящер. — Мне, ничем. А вот те три возрождённых по милости её муженька старых имперских клана — всем.

Их не должно там быть. Их вообще не должно быть. Они — угроза Империи. Они угроза лично мне. Их надо стереть с лица земли. Всех, поголовно. И если это будет сделано вместе с тем городом, что ж, значит такова судьба.

— «И земли ящеров-людоедов прирастут ещё одной огромной территорией, под стать землям моей будущей Империи, — мрачно подумала Лидия. — Что ж, значит, так тому и быть. Сначала решаем одну проблему, следом другую. Работаем последовательно. Не будем забегать вперёд. Будущее зависит от нас. А как оно там дальше повернётся — там и посмотрим».

— И ВЫ, НАМ, в этом поможете, уважаемая княжна, — даже не спросил, а просто констатировал ящер. — Иначе, МОЙ ответ на ВАШУ просьбу будет, нет. И Вы это знаете.

— Как много мне открытий чудных готовит…, — едва слышно пробормотала Лидия, — этот наш союз.

Хорошо, — тихо проговорила она. — Я согласна. Вы правы. Оно стоит того. Срединная Империя стоит головы одной какой-то полузабытой подруги детства.

— А если голов будет несколько, то хуже тоже не будет, — одобрительно улыбнулся ящер. — Не говоря уж о каком-то мало кому известном человеческом городке.

— А теперь, — сгоняя с лица всякое подобие каких-либо эмоций, ледяным тоном начала княжна, — раз мы окончательно договорились, то я хотела бы знать. Что я должна дальше делать? Как вы выполните МОЮ просьбу. Что для этого надо делать мне?

— Ничего, — невинным взглядом посмотрел на неё ящер. — Ровным счётом ни-че-го. Ничего такого, что внешне бы выделялось из привычного вам образа жизни. Живите, как раньше жили. Но только в ближайшие несколько месяцев принимайте определённый комплекс регулярно присылаемых вам препаратов, строго по приведённой в прилагающемся руководстве системе. И ровно через четыре месяца вы сможете зачать ребёнка. Гарантия — сто процентов.

Так что, если хотите чтобы с вопросом рождения наследника

не возникало ни малейших вопросов, перенесите дату своей свадьбы с первого мая на первое сентября. Или, если хотите быть полностью, стопроцентно уверены в конечном результате, на первое октября. Что даже лучше.

Как это будет считаться по вашему календарю — сами определите.

Итак, — ящер протянул княжне небольшой свёрток, аккуратно перевязанный яркой шёлковой ленточкой. — Первая партия препаратов. Принимать строго по назначению врача, — радостно ощерился он страхолюдной улыбкой. — Будут проблемы: потеряете, разобьёте, разольёте — немедленно ставите меня в известность. Немедленно! Тут же будем решать. Как связаться со мной, по ДАННОМУ вопросу, вы знаете.

Рад был ЛИЧНО с Вами познакомиться. Всего хорошего, — попрощался он.

В чисто человеческом жесте ящер протянул руку и, чуть склонив корпус вперёд, аккуратно пожал безвольную ладонь, словно замороженной княжны.

Ценный приз.

Избитое, изломанное тело человека, валяющегося сломанной куклой на куче гнилой соломы, производило неприятное, отталкивающее впечатление. И запах. Застарелый, такой знакомый запах человеческой боли и испражнений. Тяжёлая, давящая аура пыточного каземата.

Впрочем, княжне было не привыкать, а уж подобное — хорошо знакомо. За последние годы насмотрелась, всякого.

Повернувшись, княжна внимательно глянула на невозмутимое лицо брата.

— Он?

— Он, — кивнул тот. — Паша по кличке Ушкуйник. В соседних камерах все из его банды, кто ещё жив остался на момент получения твоего письма. Удивительно живучие твари оказались. Все выжили, что нам в руки попались. То ли тридцать семь, то ли тридцать девять душ. С ним — сорок, — с силой потёр он ладонью затылок, словно пытаясь вспомнить забытое.

Впрочем, Дмитрий откровенно лукавил, или, вернее сказать, старательно набивал себе цену, пытаясь исправить допущенные прежде ошибки и хоть как-то оправдаться в глазах своей сестры. Он прекрасно знал, что в соседних камерах находились все, кто ещё остался в живых из разгромленной княжной банды Паши Ушкуйника. Ровным счётом тридцать семь душ. И даже два ещё

каких-то ящера, прибившихся к ним в лодье работорговцев по дороге сюда.

Ящеров рабов было не жалко, а цифра тогда получалась округлая, для счёта удобная.

И надо сказать, в этот раз у него получалось. Сестра уже не смотрела на него волком, как ранее, готовая в любой момент растерзать на глазах у всех. Не всё, но многое из сегодня увиденного ей откровенно понравилось.

Действительно, по сравнению с прошлым, когда Лидия была здесь последний раз, сразу после того провала, порядку в тюремном форте Змеиного залива, да и вообще по всем прилегающим к заливу сборочным лагерям заметно прибавилось. И больше уже нельзя было встретить праздно шатающиеся по этажам тюремного форта покачивающиеся фигуры пьяных караульных. Или увидеть валяющееся под забором из колючей проволоки какого-нибудь сборочного лагеря невменяемое тело пьяного вусмерть часового.

Конечно, до идеала было ещё далеко. Работы впереди у Дмитрия было много, но и было что показать. И тюремный форт Змеиного залива был в числе передовых. И хотя грязи внутри хватало ещё, взять ту же гнилую солому в этой камере, но прогресс был налицо. За что явно следовало поощрить старания брата.

Следовало, но не было ни малейшего желания. Совершенно! В том виде, что сейчас существовал этот форт, планируемый на макушку лета левобережцами набег, он бы не пережил. Взяли б штурмом в пол пинка. И княжна Лидия Подгорная отчётливо это понимала, почему и сама лично заявилась с инспекционной поездкой так далеко на север. Да ещё в столь неурочное, суровое для этих краёв время, как конец зимы. Дожди ледяные, ветра жуткие, валящие с ног, морось. Шторма бушуют через день. Дрянь, одним словом, а не сезон.

Серое низкое небо с утра давило на голову и очень хотелось разорвать кого-нибудь на куски. Хотелось, да… нельзя было. Новое её положение невесты, новый статус будущей императрицы, статус Первой невесты будущей Империи — всё это не позволяло многое из того что ранее было так привычно. Привычно и легко.

Нельзя было, например, содрать с этого изломанного тела шкуру, пока ещё оно было живо, и выставить всем на обозрение. Особенно тем, кто так старался чтоб она осталась в неприкосновенности. Тем самым левобережцам, из-за тайных происков которых им это лето грозило нешуточными проблемами.

Это серьёзно напрягало и заставляло ещё больше держать себя в руках.

Получалось плохо. Откровенно, плохо. Но… Деваться было некуда. Пока будущая Срединная Империя не встанет на ноги, пока она сама зависела от окружающих, от их мнения и от их мыслей, надо было себя сдерживать из последних сил. И не давать ни малейшего повода для пересудов.

Будущая императрица должна быть вне критики.

На солнце не может быть пятен.

— Когда тело приведут в норму? — суховатым тоном поинтересовалась княжна. — Учти, он нам нужен живой и без изъяна. Никаких плохо замазанных белилами синяков, мешков под глазами, следов побоев, плохой неуверенной походки и прочего. Товарный вид должен быть безупречен.

— У всех?

— Хм. Не знаю. Но готовь на всякий случай всех. А дальше, видно будет. Если спросят — предъявим. Нет — оставим себе, для развлечений. Но думаю, всё же спросят. Если уж этот интересовался, где его товарищи, то и оставшиеся на воле не забудут про тех кто выжил. И наверняка они знают, кто ещё жив.

Не забывай что возможно предательство. Когда на кону такие деньги, возможно всё.

Так что будем считать, что им точно известно их количество, — посмотрела она прямо в глаза брата. — А также их состояние.

Нельзя прокалываться на мелочах, — веско проговорила она едва слышным жёстким голосом. — Лучше мы потом доберём своё. Попозже или на другом. Когда получим на руки выкуп и сможем свободно им распорядиться.

Нельзя рисковать ТАКИМИ деньгами.

— Ты так говоришь, словно абсолютно уверена в получении таких средств. Четыре миллиона! Неслыханно! Уму непостижимо! За герцога столько бы не заплатили, а тут… какой-то…, — поморщился он, бросив брезгливый взгляд на валяющееся на соломе тело.

Я таких средств и в руках то никогда не держал, а ты так свободно назвала цену в четыре миллиона и ни минуты не сомневаешься, что мы их получим.

Откуда такая уверенность?

— Значит, есть откуда, — скупо улыбнулась княжна, отворачиваясь. — И, слава Богу, что это не нищий герцог, навроде моего будущего муженька. Иначе, получили б мы, дырку от бублика.

— А мы не только получим свои миллионы. Мы ещё их

получим в том виде, что надо нам.

Слышь ты! — кончиком юфтевого сапога княжна легонько пнула неподвижное тело. — Не делай вид что не слышишь. Вижу что веки дрожат, значит, в сознании.

Слышь, ты, — снова пнула она тело. — Как там тебя, Паша.

Четыре миллиона за твою шкуру не мало будет? — снова пнула она его кончиком сапога. — За твою шкуру и шкуры твоих подельников? По лимону за десяток? Хватит, или ещё попросить?

Нормально, — с издевательской усмешкой бросила она довольный взгляд на брата.

Павел Иваныч, Павел Иваныч, — подойдя к телу, княжна брезгливо потыкала в тело кончиком изящного сапожка. — Я вижу, что вы не спите. Просыпайтесь, Павел Иванович.

— Тебе бы так спать, сука.

Потревоженное тело со стоном приподнялось и попыталось занять вертикальное положение, тяжело привалившись к стене.

— Ай-яй-яй, — с сочувствием покачала головой княжна. — Как вы неловки, Павел Иваныч, как вы неловки.

— Тебя бы так попинали, не лучше б была. С-сука.

— А вот грубить мне не надо, — осуждающе покачала головой княжна. — Я вам весть радостную принесла, что скоро вас освободят, а вы меня так нелестно самкой собаки обзываете. Нехорошо это, Павел Иванович, нехорошо. За вас скоро выкуп заплатят, и мы вас освободим. Вас и ваших товарищей. Вы же так стремились на волю. Вот и выйдете. Можете радоваться.

Сухой надтреснутый голос тихо рассмеялся.

— Сказки кому другому рассказывай, самка собаки. С Плато выдачи нет.

— Теперь есть. Я подумала и решила. А почему бы и нет. За такие деньги. Четыре миллиона за каких-то сорок человек. Почему нет?

— Деньги мне нужны. Очень нужны. Свадьба у меня скоро, Павел Иваныч. А такого добра вроде вас, у меня полно. И гораздо более послушного, к тому ж. Зачем же мне тогда держать вас у себя, когда за ваши головы можно получить столь хороший навар.

Ни один товар в мире не даёт такой величины чистой прибыли как человек. И в этом сегменте рынка, вы, Павел Иванович, со своими товарищами, на удивление ликвидный товар. Никогда бы не подумала, что можно из такой, казалось бы, мелочи, как полутруп, извлечь ТАКУЮ прибыль.

— Не смешно. Никто такие деньги не платит.

— Ошибаетесь. Оказывается, платят, — с сочувствием глянула на него княжна. — Можете мне поверить, платят.

Ну а нет, — сделала она небрежно снисходительную мину на

лице. — Что ж, не свезло. Вам, не мне.

У меня-то останется ещё возможность немного поразвлечься за ваш счёт, вашей казнью. Посадить вас всех на один насест, на колья. Занимательное доложу вам зрелище — кол в задницу. Удивительно мозги прочищает некоторым товарищам. Особенно таким, как этот ваш самозванный барон.

— Это ты про кого?

— Не делайте вид, что не поняли, — поморщилась княжна. — Вы прекрасно поняли, о ком идёт речь. О вашем товарище, Сидоре де Вехтор и о не менее него известном товарище того, гнусном типе по кличке Димон, получившем недавно вполне ожидаемое погоняло — Счастливчик.

Вот я и посмотрю, каковы они на самом деле счастливчика. Оба! Пойдут ли на то чтоб расстаться с тем, что у меня награбили, или нет.

Вы знаете, Паша, — чуть склонилась она к привалившемуся к стене телу. — А ведь я рада, что так получилось.

Нет, в самом деле. Я действительно рада, что ваш Димон напал на мои лагеря по добыче и ограбил их. Вскрылось такое! И я поняла. Это было Божье провидение. Его руками господь Бог наставил меня на путь истинный.

Нельзя терпеть безобразия. А царившие тогда в лагерях порядки были истинны безобразием. Такое нецелевое использование и так небогатых ресурсов. Такое безобразие!

Я вам честно признаюсь, если бы не ваш Дима, у меня бы ещё не скоро руки дошли до того чтоб навести здесь порядок. Так что, спасибо ему огромное. Выручил, ей Богу, выручил. Вскрыл ТАКИЕ вопиющие факты, что мне прям памятник хочется ему поставить. Рукотворный, — с вдруг прорезавшимися мстительно зловещими нотками в голосе едва слышно прошипела она.

И поставлю, — вдруг с воодушевлением громко воскликнула княжна, резко распрямляясь. — Честное слово, поставлю.

Даже не один, сорок! Сорок колов с нанизанными на них благодетелями, открывшими мне глаза на царящие здесь непорядки.

Так сказать, в знак благодарности.

— Развлекаешься, сука.

Тихий, едва слышный голос прошелестел от стены.

— Нет.

Склонившись снова к тяжело привалившемуся к стене телу, княжна тихо проговорила.

— Нет, Павел Иванович, я не развлекаюсь, а искренне вас благодарю. Пусть и в такой извращённой, непривычной вам форме.

Если б не вы с вашим дурацким желанием поднять восстание в лагерях среди рабов. Идиотизм, — с непередаваемым словами чувством выразила она одним словом всё своё отношение. — Я бы сейчас не имела возможности вернуть всё у меня украденное. Да не просто всё, а с хорошим прибытком.

Так что. То, что этот ваш Димон Счастливчик у меня в прошлом годом украл, в этом году другой ваш товарищ, Сидор де Вехтор, вернёт сторицей. Ровно четыре миллиона золотом — в виде четырёх прекрасных редких изумрудов.

Потрясёт мошну своей жёнушки, и вернёт.

Раньше мне надо было приложить ещё кучу усилий, для того чтобы сначала привести украденное в товарный вид, а потом ещё и продать. А теперь мне ничего этого делать не надо. Я сразу получу свои изумруды.

Я получу много больше, чем выручила бы от простой продажи украденного вашими товарищами.

Раньше мне ещё и длиться надо было с ящерами добытым на плато, а теперь — нет. Все изумруды мои. Потому как я их получу в виде выкупа за вас, Паша, как за своего проданного раба, а не как за проданный товар, найденный на болотах в рамках нашего совместного с ящерами предприятия. И никто мне и слова против не скажет, потому как я в праве своём.

Мне ни с кем делиться не надо.

Мне за такой подарок не ругать, благодарить вас надо, за то, что вы остались, Павел Иваныч, а не ушли с Дмитрием Счастливчиком, как он вам предлагал. И я вам искренне за то благодарна. И с удовольствием отблагодарю, — неприятно улыбнулась она. — Как, в своё время узнаете.

Нет, о здоровье своём можете не беспокоиться, — склонившаяся к телу изящная девичья фигурка стремительно распрямилась. — Никакого ущерба я вам делать не собираюсь. Зачем портить такой дорогой товар. Более того. Вас и ваших товарищей беречь будут, как зеницу ока.

Я вас продам вашим друзьям целенькими и здоровенькими. За очень, очень большие деньги. И они заплатят. За хороший товар они заплатят хорошие деньги. А деньги, как вы знаете, не пахнут, — вдруг резко оборвала она себя.

В конце концов, я собираюсь вас отпустить, и знать вам всю мою внутреннюю кухню совершенно не обязательно.

Прощайте, Павел Иванович. Мы с вами больше никогда не увидимся. К счастью для вас. Иначе в следующий раз я не буду столь милосердна. И в конце концов посажу вас так, как вам о-очень того хочется.

Счастливо оставаться, Павел Иваныч, — помахала она от

двери ручкой.

Дубовая массивная дверь каземата тяжело захлопнулась за их спинами, отсекая царящие там запахи и звуки, и княжна медленно, грациозно повернулась к своему брату.

— Ну? Что скажешь?

— Я потрясён. На пустом месте сделать ТАКИЕ деньги! И не поделиться с ящерами! Невероятно.

— Уверена, что претензий не выкатят?

— Выкатят, — невозмутимо отозвалась Лидия. — Ещё как выкатят. Тем более за изумруды. Небось, им тоже захочется их поиметь. Но как выкатят, так обратно губу и закатят. Ни с кем делиться я не собираюсь. И уж менее всего с этими рептилиями.

— И всё же я не понимаю, — медленно проговорил княжич, не сводя с сестры холодных, прищуренных глаз. — Зачем было откладывать свадьбу? Чтобы продать этого? Раба? У нас что, так мало денег, чтобы вам с Гарсом сыграть самую шикарную на свете свадьбу на свои деньги?

— Не понимаешь, так молчи, — грубо оборвала его княжна. — Но тебе, как брату, поясню. И только один раз. Моя свадьба должна быть такой, чтоб её все запомнили. Чтоб она громом прогремела по всем человеческим землям континента. И дело даже не в свадьбе, а в том, что на ней будет провозглашена Империя! Наша Империя! Срединная!

И будущей императрице нужно быть во всём блеске.

Вот для этого блеска мне и не хватает самой малости, украшенной редчайшими изумрудами Большой Имперской Короны, которая станет символом нашей ИМПЕРИИ! Нашей Срединной Империи!

На Корону Империи нужны самые редкие драгоценности. И ничего ценнее, чем поморские изумруды на настоящий момент в мире нет. А единственным человеком во всём мире кто может мне их предоставить, является наша с тобой подруга детства, Изабелла де Вехтор.

Вот именно поэтому я и затеяла этот размен с её мужем, небезызвестным тебе Сидором Вехтором. Изумруды в обмен на его товарищей.

— Белка? — изумлённо выдохнул княжич. — Наша Белка? Изабелла? Да она же нищая! А барон этот — так он же покупной!?

— Нищая Белка тайно распродаёт по знакомым своё, как оказалось, немалое наследство, которое мы так и не нашли в её замке. И которое она, судя по всему, успела тайно вывезти на Левобережные земли. А перед тем долго ломала комедию перед всеми со своей бедностью на грани нищеты.

Надо признать, у неё неплохо получилось, — скривив губы,

неохотно призналась княжна. — Даже я купилась.

Теперь она, вместе со своим муженьком на вырученные денежки готовится к борьбе за НАШУ Империю. И проредить хорошенько их финансы наша главная задача на текущий момент.

Хотелось бы конечно посерьёзнее потрясти её кошелёк, чтоб она нам компенсировала ВСЕ наши потери, хотя бы по прошлому году, но боюсь, вот это, то, как раз и не получится. Двадцать миллионов, не четыре. И если ещё можно предположить что за какого-то им нужного им раба они отдадут четыре камешка, то предположить что камешков будет двадцать — немыслимо.

Поэтому, давим собственную жадность и берём то, что взять можно, то, что дадут, а не то что хочется.

И если для этого мне надо немного сдвинуть сроки какой-то свадьбы, пусть даже и своей собственной, я на это пойду.

И сама пойду, и других заставлю это сделать, — угрожающе глянула она в глаза брата.

Поэтому я приняла решение о переносе даты свадьбы на перше жовтня. Если ты с этими своими землянами забыл уже что это такое, для особо неграмотных уточняю, — сердито хмыкнула княжна, заметив недоумённую гримасу на лице брата. — День моего венчания — первое октября.

Но это всё лирика. Тебя я спрашивала о другом. Не делай вид что не понял. Почему товар в таком непотребном виде? Я что, не ясно высказалась в своём письме, что товар должен быть в хорошем ухоженном состоянии?

— Самоуправство коменданта тюрьмы, — мгновенно пересохшим горлом едва выдавил из себя княжич. — Тот буянил, а эти сработали как обычно. А меня долго на месте не было, застрял на болотах, готовя тебе на свадьбу подарок. Совсем недавно, как раз перед твоим приездом только и появился. Ещё не успел навести порядок. Виновные будут наказаны.

— Я прослежу, — тихо, со значением посмотрела ему в глаза княжна. — И проверю, все ли виновные наказаны. Если узнаю, что хоть кто-то избежал справедливого наказания, разбираться не стану, что и почему. Сам на кол рядом сядешь.

И резко развернувшись, лёгкой стремительной девичьей походкой быстро пошла в сторону лестницы, ведущей на выход. На застывшего столбом брата внимания не обратила. Ей было всё равно. Кровные узы княжну Подгорную, будущую Императрицу Срединной Империи не волновали ничуть.

И никто, даже самые близкие, не должны были знать истинной причины откладывания её свадьбы на столь долгий срок.

Берег моря.

У моря, у синего моря….
С тобою я рядом с тобою….
И солнце светит лишь для нас с тобой
Целый день… целый день … поёт прибой…

Высокое небо над нами
И чайки кричат над волнами
И солнце светит прямо в правый глаз
Где же, где ж ты, мой водолаз…

Смотрю на залив, и ничуть мне не жаль
Что вновь корабли что-то тащат… отсюда вдаль
Везут корабли мешки золота нам
Пам-пам-пам пара-ра, пара-пам.

Неделя пребывания наследной княжны Подгорного княжества в Змеином заливе подходила к концу, и оставалось последнее. Пройтись по береговым артиллерийским батареям залива и лично осмотреть заготовленные на весну сюрпризы готовящемуся вторжению.

Никакой тайны в том, что какие-то там левобережцы вкупе с прочими охочими до чужого добра людишками планируют на весну-лето сюда набег, для княжны не было. Толковые людишки давно присматривали за всем, что могло бы представлять угрозу для безопасности княжества.

И как только первые слухи о планировании набега просочились наружу, тотчас же известили её об угрозе.

Впрочем, это было закономерно для нищебродов с левого берега Лонгары такое поведение. А уж после того, что она в точности разобралась с состоянием дел на местных сборочно-ремонтных заводах и в добывающих лагерях, иначе и быть не могло.

Только б последний дурак упустил такую прекрасную возможность пощипать мягкое подбрюшье откровенных лохов, как выставили себя перед всеми князья Подгорные.

И княжна решительно сломала эту, за последние годы получившую широкое развитие пагубную тенденцию. Вот с последствиями своих распоряжений она и шла лично ознакомиться в сопровождении своего брата.

Настроение было самое прекрасное. С самого утра всё просто складывалось само собой. Вчерашнее недоразумение с братом

было решительно забыто, и они окончательно помирились. И ничто больше не омрачало родственных чувств.

— Какая красивая песня. Жаль, что слов всех не знаю.

Как у нас обстоят дела с водолазным снаряжением?

— Что?

— Братец, будь внимательней. Я тебя нормальным русским языком спрашиваю. Как! У нас! Обстоят! Дела! С водолазным! Снаряжением?

— Что непонятного я спрашиваю?

— Лид, я не знаю, — Дмитрий Подгорный, княжич подгорного княжества, второй по рангу в ряду претендентов на трон будущей Срединной империи в растерянности смотрел на свою старшую сестру, не понимая чего ей надо. — Что такое водолазное снаряжение?

— Понятно, — флегматично отозвалась сестра. — Проверку на грамотность не прошёл.

Словно холодок смерти коснулся закаменевшей спины княжича, мгновенно введя того в ступор. Сестру он боялся до судорог, оттого сейчас и окоченел.

— Не пугайся, — равнодушно бросила сестра за спину, отворачиваясь. — Во-первых, не такая я уж и страшная, чтоб меня ТАК бояться. А во-вторых, запомни, я не могу бессудно казнить кого-либо. Тем более родственников.

— «Когда это тебя подобные соображения останавливали», — чуть было не ляпнул вслух брат, но вовремя прикусил язык.

Всё же не следовало показывать, что ты кое-что знаешь из семейных тайн. Тогда действительно, можно было и не дожить до коронации сестры, когда ей уже дела не будет до всякой мелочи, вроде претендентов на княжеский престол, которые ныне толкаются где-то там, внизу властной пирамиды. И на то, что кто-то там что-то ком-то говорит, можно будет уже смело не обращать внимания.

— Водолазное снаряжение — это такое специальное оборудование, узкоспециализированное, при помощи которого можно долго находиться под водой.

— А-а-а, — протянул с облегчением Дмитрий. — Так бы сразу и сказала. А то, — запнулся он. — Ты так меня запутала, что я уже нормальных русских слов не понимаю. Понял. Значит, что у нас по водяным пролазам?

Вообще-то они у нас называются по-разному, — попытался он было тут же шутливо оправдаться, но заметив насмешливую полуулыбку Лидии, быстренько закруглился.

— Значит так, — быстрым речитативом поспешно начал он. — Есть, работает. Не сказать, чтоб всё хорошо получалось, но

выход материала с глубин болот резко увеличился. Особенно с открытой, водной части. Теперь мы можем доставать разбитые танки и прочую технику уже в новых местах и с намного больших глубин. И у нас нет больше столь жёсткой привязки к старым колодцам, куда из года в год попадало одно и тож, как раньше.

Теперь мы можем смело предлагать покупателям большую номенклатуру нового товара.

Самоходки немецкие новые появились. Шаг… гаш… штаг…, — замялся княжич. — От, зараза, вечно забываю это немецкое название, — поморщился он. — Язык сломишь.

— Номер то хоть знаешь? — с обречённым вздохом посмотрела на брата княжна.

— Откуда, — виновато пожал плечами Дмитрий. — Только на днях первую подняли, и сам ещё толком не привык к тому, что появилось что-то новенькое.

Ещё появились самолёты. На удивление много. Больше даже чем ожидалось. Правда, восстанавливать сами корпуса мы не стали, знаний пока не хватает, а вот моторы, разной степени сохранности поснимали, и большинство в порядок привели. Даже испытания кое-какие сумели сделать. Сияют — как новенькие и работают — как часы. Так что, можешь гордиться и смело выставлять на продажу. Три штуки уже есть.

И наша настоящая гордость, — расцвёл княжич ещё более широкой улыбкой. — Тягачи. Настоящие мощные тягачи времён Второй мировой войны. Большая часть, конечно советские: «Комсомолец», «Ворошиловец», «Сталинец», всех видов, что был на тот момент, «Коминтерн» какой-то. Есть немного других каких-то малоизвестных марок, о которых даже сами земляне толком ничего не знают.

Немецких, жаль, нет, — с сожалением цокнул он языком. — Не знаю, что там у этих имперских магов в мозгах происходит, но, ни одного немца к нам не попадает. Тягачи, я имею в виду, — тут же поспешно пояснил он на недоумевающий взгляд Лидии.

У меня есть мысль, и я её думаю, — остановился он резко на краю берегового обрыва. — А что бы нам на твою свадьбу не закатить аэрошоу. Представляешь, как бы мы на всё Поречье блеснули.

— Чего? — изумлённо подняла брови Лидия. — Шоу? Воздушное представление?

Не позорься, — поморщилась она. — Кого удивишь сейчас какими-то воздушными шарами. Или ты вздумал акробатов на канате пригласить? Так это вообще — отстой.

— А я говорю не о шарах и не об акробатах, — тихо возразил Дмитрий. — Как ты посмотришь, если мы устроим полёты на

самолётах?

Они у нас есть, — многозначительно посмотрел он ей прямо в глаза. — После того как получили доступ в глубины болот, у нас появились более-менее сохранившиеся корпуса самолётов.

Привести в порядок, при известном желании — можно. Дело незнакомое, трудное, но сделать можно.

А после того как ты сама же отложила день свадьбы на осень, у нас впереди появилось целое лето. Так почему бы и нет? Давай, попробуем.

Первоначально сами у себя обкатаем. А если будет что-то получаться, тогда и объявим во всеуслышание о проведение аэрошоу в честь твоей свадьбы. Вот тогда действительно, громом по всем краям прогремим.

— А летать, кто будет? — грустно посмотрела на него Лидия. — Пушкин? Или поэт Кукушкин? Или ты какого-то смертника нашёл? Из наших, из местных? Или из циркачей с их шарами вздумал кого-то завербовать?

Мой ответ — нет. Не хватало ещё нам самим на собственной свадьбе опозориться. Или чтоб неуправляемый самолёт упал на головы приглашённых гостей.

Вот тогда точно будет нам свадьба на века. Века пройдут, а ТАКОЕ помнить будут.

— Есть выход, — тихо проговорил Дмитрий. — Только без тебя не решаемый.

— Ну?

— Когда со дна болот мы стали поднимать относительно целые корпуса самолётов, а не тот алюминиевый лом, что нам доставался от них раньше, я сразу же озаботился поиском лётчика.

И представь себе, нашёл. У нас же, в рабских бараках. Вольф-Дитрих Вильке, воздушный ас времён второй мировой войны. Живой, как ни удивительно. По его словам сбит весной сорок четвёртого года в Германии, когда она уже терпела поражение и…, — Дмитрий широко нахально ухмыльнулся, — оказался у нас, благополучно приземлившись на парашюте прямо на бараки одного из сборочных лагерей в глубине болот. Года два назад. С тех пор активно сотрудничает с администрацией лагеря, стараясь выслужиться. Но, до сего момента интереса не представлял, потому его, ни к чему и не привлекали.

— Сложный, тем не менее, человек. Несколько раз пытался бежать из-за ссор и конфликтов с администрацией и с охраной. Неудачно. Каждый раз ловили, били, потом опять ставили на работы. Опять пытался бежать. Если б не редкая профессия и умение работать с моторами, давно бы посадили на кол. А так —

нет, сколько ни били, выжил. Живуч, германец зело. К тому ж, берёг на всякий случай. Думаю, случай пришёл.

Я с ним переговорил. На нас поработать он согласен. И дал рыцарское слово больше таких фортелей с побегами не устраивать.

— Что? Он согласен? Он на что-то ещё согласен? Ну-у, ты братец даёшь….

Потрясению Лидии не было пределов. Чтоб договариваться с каким-то рабом, который рад должен быть что его вытащили из рабского барака, а не оставили гнить там заживо? Как всех, имевших несчастье попасть на Торфяное Плато! Нет, с мозгами у братца последнее время явно что-то стряслось.

— Другого пока нет. И будет ли — не знаю, — хмуро бросил Дмитрий. — А этого, если посадить на двухместный самолёт, а то и вообще на какой-нибудь бомбардировщик с большим экипажем, то контролировать его можно.

Особенно, если не оставлять пилоту парашюта.

У всех будут, а у него — нет. Это будет дисциплинировать.

Но лучше всего будет с ним всё же договориться. Пообещать дворянство, женщину, денег. Выпивку, в конце концов. Всё, чего он был лишён последние два года. И он наш.

А чтоб не взбрыкнул в ответственный момент, — тут Дмитрий как-то неприятно улыбнулся. — Есть у меня ещё одно хорошее средство контроля, — прищурил он блеснувшие холодом глаза. — Новинка. Собрали специалисты из лагерных мастерских из всякого болотного хлама. Называется — радиоуправляемая мина.

Крепишь под задницей у лётчика. Предупреждаешь его, предварительно продемонстрировав её возможности, и никуда он не улетит, особенно если ещё и парашют отобрать, для надёжности.

— Вижу, у тебя всё продумано, все мелочи, — остановившись возле края накатывающих на её сапожки волн прибоя, Лидия задумчиво глядела на море. — Какое красивое, серебристое море. Стылое. Тяжёлое. Свинцовое. Жаль, что я не художница.

Так бы стояла тут и стояла. Пока б не замёрзла, — на грани слышимости, одними губами прошептала она.

Хорошо, — решительно кивнула княжна, разворачиваясь к брату. — Договаривайся. Можешь свободно обещать ему всё, что тот пожелает. В разумных пределах, конечно. В конце концов, пока дойдёт до исполнения обещаний, много воды утечёт. А там и посмотрим.

Будет послушен и будет нужен — получит после свадьбы своё дворянство, женщину и деньги. Нет, будет взбрыкивать, кольев у

нас в достатке. Посадим, чохом за всё. И за побеги, и за будущие проблемы.

Но одного мало. Надо хотя бы тройку. Чтоб товар лицом показать надо групповое представление. Глядишь, после того и новый рынок сбыта появится, уже на самолёты.

А то уже надоело торговать одними моторами да вторичным металлом, ломом.

У нас, я так понимаю, этого добра полно? — повернулась она к брату.

— Не так чтоб очень, — поморщился тот. — Но с пару сотен разных моделей восстановить сможем. В болотах этого добра хватает. Раньше особо внимания не привлекали, потому как, сбыт был на одни лишь моторы. А в этом сегменте рынка советские дизеля наиболее востребованы. Покупатель больше ориентировался на дальнейшее их приспособление под трактора и прочее потребительское использование, а не на военные нужды.

— Сейчас же, — пожал он плечами. — Попробуем.

— Не попробуем, — холодом, проступившим в голосе Лидии наверное можно было заморозить всё море перед ними. — Не попробуем, а надо сделать.

Подготовь мне к свадьбе пару, тройку самолётов с лётчиками. Пусть все их умения будут взлёт-посадка, но чтоб были.

Не найдёшь среди рабов, посади за штурвал своих гвардейцев. Но чтоб лётчики к свадьбе были. Время у тебя есть. Инструктор, один, тоже есть.

Воздушный ас, говоришь, — криво ухмыльнулась княжна. — Ну-ну, посмотрим.

В конце концов, хочет получить дворянство — пусть работает. Так ему и передай. Что его будущее благополучие зависит от его учительских способностей.

И на продажу — готовь всё что сможешь. Будет один единственный самолёт — хорошо. Будет сто — совсем прекрасно.

Сколько сможешь, столько и подготовь.

И обязательно! Повторяю в сотый, в тысячный раз. Обязательно подумай насчёт ещё нескольких лётчиков. Готовь пилотов. Их должно быть несколько, не один. Иначе, весь эффект от представления будет смазан.

Получится, там же на свадьбе всё что заготовил, всё и продадим. Глядишь, ещё и свадьба окупится.

— Хорошо, — решительно кивнул княжич. — А теперь, если ты не против, пройдём наконец-то на береговую батарею. Отогреемся, а заодно ты и посмотришь, как мы готовимся к встрече находников. Уверен, тебе понравятся сюрпризы, что мы для них готовим.

Батарея.

Никогда не думала Лидия Подгорная, что просто сидеть на краю расстилающегося далеко к горизонту безбрежного северного моря, может быть так хорошо. Просто сидеть, бездумно глядя вперёд, на стылые свинцовые воды. Просто сидеть на краю обрыва.

Так хорошо ей ещё никогда не было.

— Рассказывай, — с сожалением отвела княжна взгляд от этой красоты. — рассказывай что сделал.

— Про Змеиный залив ты всё знаешь, а вот про береговые батареи вдоль побережья я тебе ещё не докладывал. В двух словах. Ничего хорошего.

— Нет, — смутился он. — Не то чтобы совсем ничего. кое что сделано. И сделано много, но нет самого главного. Нет тех, кто бы стрелял. И не просто стрелял, а ещё бы и попадал.

— Нет артиллеристов у нас, Лида. Как не было, так и нет. В центре, в Змеином заливе я положение более-менее исправил, подтянул здешних оболтусов. А вот до побережья руки не добрались. Да и смысл? Можно сколько угодно их гонять, добиваясь автоматизма заряжания, наведения на цель и имитации выстрела, но именно имитации, потому как самого выстрела нет.

— В артиллерии главное чтоб наводчик попадал куда целил. Потому он у нас и пушкарём называется. А не то что мы дрессируем гвардейцев как обезьян, добиваясь от них скорости и автоматизма. Толку то. пока нет снарядов, пока нет практических стрельб, вся эта мышиная возня — бе-по-лез-на, — тихо, по слогам медленно проговорил княжич.

— Извини, сестра, но это правда. Нам нужны снаряды для практических стрельб. Их нет. Значит, у нас нет артиллерии. Я могу тебе ещё десяток батарей поставить. Могу двадцать рядом с первыми поставить. Могу перекрыть секторами обстрела всё побережье до последнего кустика, но если артиллерист не умеет стрелять, а стреляя не умеет попадать — значит, у нас нет артиллерии.

— Ты можешь, что угодно со мной делать за эту правду, но реальность такова какова она есть.

— В чём проблема со снарядами?

Не оборачиваясь, княжна продолжала сидеть на маленьком, специально для неё взятом на такой случай стульчике, и всё также задумчиво глядела на море.

— Проблема не со снарядами, проблема с тем что они не взрываются. Какой смысл стрелять, если ты не попадаешь. А не попадаешь ты потому что не видишь куда падает снаряд. У наших

артиллеристов не такое зоркое зрение чтоб замечать иголку, упавшую в стог сена. И где в море падает снаряд, просто не видно.

— Стрелять в сторону берега — бессмысленно. Там кругом одни болота. Вода, кругом вода. Нет столько твёрдой земли, чтобы сделать мало-мальски приемлемый по площади полигон.

— Я заберу с собой на Большую землю пару артиллерийских расчётов и погоняю их в окрестностях столицы. Этого хватит?

— Пары нет, не хватит. Если только пару десятков, чтобы хоть как-то прикрыть самые опасные направления. И всё равно этого мало.

Самое главное. Нам нужны снаряды, хорошие снаряды. Снаряды, которые взрываются. А не это гнильё, что мы обычно оставляли для себя, выбирая хорошие на продажу. Оно не стоит и того чтобы с ними даже возились. Половина из них даже не стреляет. Одна латунная гильза и железная болванка на конце.

Лидия, нам нужны снаряды. Иначе трагедия прошлого лета повторится.

— Хорошие снаряды стоят дорого. Ты сам это знаешь. А те что мы добываем из болот, даже новые, только-только после переноса, очень быстро портятся. Поэтому их надо как можно быстрее продать.

Что-то имперские маги там такое чудят, что очень быстро старит порох. Или как это у них там называется, не знаю. Но всё что мы добываем из воды, надо немедленно продавать. Немедленно. Иначе за них не получишь тех денег что мы требуем. И то покупатели недовольны, потому как боеприпасы долго не хранятся.

— И что? — мрачно глянул на неё брат. — Что теперь делать? Раньше ты мне ничего подобного не говорила.

— Раньше я и сама ничего подобного не знала. Знаешь же как с этими союзничками. Пока не прижмёшь, пока за горло не возьмёшь, ни слова правды не выдавишь.

— Ну выдавила, что дальше?

— Следующее камлание только двадцать второго червня. Середина лета, между прочим. А до того дня мы голы и босы. Налетай кто хочет, бери что хош.

— Я договорилась…

— Что? — грубо перебил её Дмитрий.

Потрясённый до глубины души он неверяще смотрел на сестру.

— Я договорилась…

— Ты договорилась?! Ты?! Невероятно. Сорок лет до тебя никому этого не удавалось, а ты договорилась. Что? Вот так,

просто? Взяла и договорилась? И что они потребовали взамен? Душу!?

— Договориться было не просто. Душу не потребовали. Сошлись на четырёх дополнительный процентах и новых специалистах от них к нам. Теперь они вместе с нами будут отбирать и приводить в порядок моторы и иное продаваемое оборудование. Часть остальной техники они также будут ремонтировать здесь. Так что есть смысл подобрать своих людей и подсунуть им в помощники, в качестве обучения и чтоб набирались опыта.

— Опыта? — криво поморщился княжич. — Опыта выносить помойное ведро и прибирать разбросанный повсюду инструмент после работы, много не надо. Этого опыта набираешься быстро. А вот такого чтобы они не просто показали, а ещё и разъяснили что за чем и для чего следует, я от них бы не прочь поднабраться. Только вот жаль, не дают-с. Звери потому как.

— Теперь дадут. Я договорилась. Готовь место под учебные классы и жилые комнаты для размещения специалистов.

Какое-то время княжич потрясённо молчал.

— Ты здесь уже целую неделю и только сейчас это мне говоришь? — выдохнул он.

— Раньше были другие дела. А теперь я получила от них сообщение что транспорт вышел и надо готовиться к встрече.

— Лида, а кого мы будем учить? Здесь же нет никого, кроме охраны и рабов. Охранники — сама знаешь что за контингент. А рабы…, — скрипнул он зубами.

— Учить будем рабов. В кого ещё деньги вкладывать, как не в рабов. Самый благодатный материал. Каждую медную монетку, вложенную в их образование, отработают сторицей. Потому как отрабатывать стоимость обучения будут до конца своей жизни.

Самый благодатный материал, — тихо повторила она, бездумно глядя на свинцовые воды Северного моря. — И самый дешёвый.

Транспорт в пути и будет здесь через два дня. Готовься. Чтоб к их прибытию всё было готово. Сорок человек, десять ящеров. Пять десятков специалистов. Все специалисты экстра класса. У них есть чему поучиться и знаний своих эти скрывать не будут. Давно духовно и физически сломлены и будут отвечать на все вопросы, что ни задашь.

Готовь вопросы, — повернувшись к брату, княжна насмешливо поглядела ему в глаза. — Тебе ответят на ВСЕ вопросы.

— И последнее. Теперь камлания имперских магов будут проводиться каждый месяц, а не раз в год и не в пять лет, как

ранее зачастую бывало. Строго в соответствии с их каким-то, то ли лунным, то ли солнечным календарём. И теперь свежие боеприпасы будут у тебя каждый месяц, как штык. А не раз в год, как раньше было. Но учти. Это не то Большое Камлание, что проводилось на Солнцеворот. Это множество мелких камланий, выход с которых вещественными артефактами много меньше.

Но при подобной практике, пагубное воздействие камланий на сохранность боеприпасов значительно ниже. Так что мы со временем сумеем даже поднабрать снарядов и патронов про запас, чтоб не так зависеть от благорасположения ящеров. Сегодня они добрые и друзья, а завтра — злые и враги.

И лучше на такого союзника иметь в рукаве хорошо заточенный нож и камень за пазухой, чем потом оказаться вдруг не готовым к внезапному нападению.

Как работаю плавильни?

— Что?

— Как? Работают? Плавильни!? Я что? Непонятно говорю? Русский язык для тебя что, второй иностранный?

Или ты плохо слышишь?

— Слышу я хорошо, — сердито буркнул брат. — Только ты так скачешь мыслью, что я за тобой не успеваю.

Плавильни работают в штатном режиме. Нормально. Единственное что им надо, так это уголь. Древесный, каменный, всё равно, лишь бы был и побольше. Металла у нас полно, угля не хватает.

Поставки никто не срывал, — поспешно пояснил он, в ответ на вопросительно поднятую бровь Лидии. — Торговый союз полностью выполняет взятые на себя обязательства по поставкам. Но, было бы больше угля, — многозначительно посмотрел он на сестру, — металла было бы больше. У нас ржавого железа на переплавку горы возле печей валяются, ждут своей очереди.

Как жаль, что у нас в княжестве нет своего угля. Или хотя бы ещё одного поставщика, а лучше, двух.

— Теперь есть. Устьинские князья согласились поставлять нам каменный уголь в обмен на старое оружие. Старое, но в рабочем состоянии. За это они пошли нам навстречу в нашей просьбе.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Ну что, идём смотреть батарею.

— Нет, — решительно поднялась со стульчика княжна. — Насмотрелась на море, налюбовалась пустынным морским пейзажем. Вот это — красиво. — Протянув руку вперёд, она указала на свинцовые валы волн, набегавшие на галечниковый пляж у их ног. — Вот она красота. А смотреть как криво стреляют

куда-то в море твои дуболомы, желания нет ни малейшего.

И вообще. Поживу ка я здесь на берегу последние два дня. Поставлю палатку на мысу, и предамся наглому ничегонеделанию. Имею я в конце концов право. Дождусь транспорта с обещанными специалистами. Проверю, что это такое. Накажу кого попало. И спокойно поеду домой. Пора к свадьбе готовиться, хоть сама же её и отложила чуть ли не на полгода. А всё равно дел хватает.

«Вот же Гарс не нарадуется», — вдруг пришла горькая мысль. — «Словно мифический вампир, сосущий из меня жизненные соки»,

Глава 3. Советник возвращается

Дела начинаются…

Признаться, получив с Басанрогского перевала весть, что в город возвращается Советник баронессы барон фон Дюкс, Голова особого значения той весточке не придал. Подумаешь, какой-то нищий барон, выгнанный из собственного дома, опять тащится обратно к ним в город. Видать, поиздержался на вольных хлебах, вот и возвращается под крылышко своей более удачливой воспитанницы. Наверное, чтоб с голоду не помереть.

Такие люди как барон, были ему в достаточной мере знакомы, и, как Голова был уверен, ни лично для него, ни для его города, угрозы никакой не представляли. Ещё один нищий дворянин, которых, если поскрести шкуры своих же ближайших родственников и знакомых, рядом найдётся трое, а то и четверо на десяток.

Да и жил Советник баронессы тихо и незаметно, не вмешиваясь ни в городскую политику, ни во что. И, как знающие люди ему доносили, даже в политику своего собственного бывшего баронства, и в ту не вмешиваясь. Что, впрочем, ничуть не было странно, в его-то положении. То есть по всем показателям он был типичный барон в изгнании, смирившийся со своей участью.

Да и судьба его воспитанницы, вышедшей замуж за какого-то нищеброда, как раньше, да, впрочем, и теперь, думал Голова, была полное тому подтверждение. Группа нищих дворян, ищущих мирного пристанища на краю людских земель. Где их точно не найдут враги. От которых, те, судя по всему старательно скрывались.

Подарок его снохе редчайшей драгоценности, висюльки в ухо, с ценнейшим, прекрасного качества изумрудом, а следом тут же и второй, на вторую беременность, поколебал было, это его устоявшееся мнение. В самом деле, стал бы нормальный человек, имея в собственности ТАКИЕ драгоценности, жить так, как живёт это семейство Сидора. Под землёй, в полуземлянке! Да фактически без целого штата прислуги, положенного ей по статусу, как богатой дворянке.

Даже у его жены дома прислуги больше, чем у той баронессы.

Ну и кто она после этого? Нищая, конечно!

Хотя кое-какие свободные денежки у баронессы явно водились. Хотя бы по тому судя, как ловко та, буквально за

шиворот вытащила своими капиталами подругу Машку из долговой ямы и не дав пойти нищей по миру.

То же, что доложили Голове с перевала сразу следом за первым сообщением, не лезло ни в какие ворота.

Советник баронессы не просто так возвращался. Пёс с ним, что непонятно откуда. Но он же, ещё тащил следом длиннющий обоз всяческого барахла, включая сюда, и несколько семей вообще ж диковинных для этого края людей. И если наличие такого человека в обозе, как придворный модельер, ещё можно было хоть как-то понять, какими-либо странностями воспитания дворянки, то присутствие там же столичного ювелира из числа придворных правящего дома верхушки Северо-Западного герцогства, не лезло ни в какие ворота.

Такие люди, как доподлинно знал Голова, просто так с насиженного места возле трона не срываются. И если и двигаются куда, то за ТАКИЕ деньги, что говорить о нищете баронессы де Вехтор теперь может, лишь полный идиот.

Идиотом Голова не был. Потому и встречал сейчас баронский обоз лично. Стоя на смотровой площадке южной въездной крепостной башни, он внимательно рассматривал проходящие под ним телеги обоза, и чем дальше, тем больше мрачнел. Все его ранние предположения о беглых дворянах, желавших отсидеться в медвежьем углу в тишине и спокойствии, рушились на глазах.

Рядом привычно стоял друг Сила, по счастью ныне безмолвствующий. И картина происходящего в городе, по крайней мере, в ближайшую пару месяцев, явственно всплыла перед глазами.

— Чёртова ведьма.

— Наконец-то ты оценил её по достоинству.

— Тут и оценивать нечего, — угрюмо буркнул Голова. — Теперь все бабы в городе взбесятся.

— То есть? — непонимающе повернулся к нему Сила.

— Вот тебе и то есть, — угрюмо буркнул Голова. — Этот её Советник в своём обозе притащил ювелира и модельера. Так что теперь все бабы в городе с ума сойдут, бросятся одеваться и обуваться по последней западной моде. А заодно и цацки всякие примутся заказывать. А это не три медяшки десяток, если ты ещё не понял.

Это же, какой бесполезный расход для семейной калиты, — снова выругался расстроенный хозяин города.

Дуры! — с чувством, с полным знанием что говорит, горячо воскликнул Сильвестр Андреич. — Баба же как обезьяна с южных островов. Что пёстренькое увидит, то на себя и нацепит. А ты плати.

Вот, значит, как баронесса решила отомстить. Вздумала добраться до наших кошельков, — мстительно прищурил он глаза, глядя на большие тяжелогружёные возы проходящего сквозь надвратную башню баронского обоза. — Знает, стерва, куда больней всего можно ударить.

Смотри ка, — угрюмо буркнул он. — И возы свои татарские, огромные, притащил следом за собой. Я когда донесение читал, думал, что доносчик ошибся. Ну не может столько добра быть в одном обозе. Оказывается, ошибался я, а не он. Ещё как может.

Это, если я не ошибаюсь, те самые большие нефтяные платформы, которыми Сидор со своей компанией весь нам прибыток загубили, в бытность когда бароны устроили городу блокаду на перевале.

— Они самые, — помрачнев от неприятных воспоминаний, буркнул Сила. — Впрочем, количество добра на возу зависит от количества лошадей, впряжённых в упряжку. И от их качества. Слышал я, что тогда такие вот платформы и до двенадцати метров длиной были, таща просто невероятное количество груза.

— Нефти, — рассеянно поправил его Голова, не отводя взгляда с обоза. — Нефть они тогда возили, нам в пику. И хорошо тогда заработали, перебежав нам дорожку.

Как я его тогда до смерти не прибил, гадёныша, — недоумённо покачал головой Сильвестр Андреич. — Ума не приложу. Как мне только хватило выдержки и терпения. Не понимаю.

Однако, такие здоровые телеги, я вижу в первый раз. Наверное, теперь уже сами бароны стали лепить по образу и подобию Сидоровых.

— Воротный! — склонился Голова над краем площадки. — Живо сюда, с докладом.

Дождавшись когда старший воротный бегом подымится к ним на площадку, а потом ещё и отдышится, кивнул, разрешая докладывать.

— Сто человек с лишком. Э, — замялся он, — Сто двадцать один. Из них один лишь Советник знакомый. Остальные, согласно поданного разъяснения, обычная придворная шушера, что всегда отирается возле богатого дворянина. Лакеи, повара, постельничие всякие. Кузнец с подмастерьем. Но не нормальный, не то что наши, а златокузнец. Тот, что работает по золоту и серебру. Ещё их называют ювелирами. И какой-то непонятный гранильщик. Что это — не имею ни малейшего понятия. А на прямой вопрос барон не ответил. Сказал что не моего ума дело.

Ещё куча какой-то шушеры. Модельер, кожевенник и швец. Гильдейский, серьёзный товарищ, из тех, кого, если надо куда-то

забрать, надо ещё перед тем здоровенный куш занести в ту гильдию. Недешёвый, в общем то.

Тем не менее, он здесь со всем своим семейством десятком своих подмастерьев. Народу чужого — жуть.

Врач ещё имеется. С дипломом какого-то их тамошнего смешного университета. Придворный, сманили с собой, когда покидали последнее пристанище, столичный город Торгового Союза. Зачем, непонятно. У нас же лучше врачи, и Советник это знает. Если только тот сам сюда не сбежал, прослышав про нашу академию. Но воз книг тащит с собой точно, я корешки книг из-под кожаного чехла видел. Толстые и много.

Обоз в сорок телег. Все загружены под завязку. Даже не так. Забиты под завязку. Оси телег аж гнутся от перегруза. И по шестёрке тяжеловозов на каждую телегу.

Сказал, что это не всё. Сзади ещё пара подобных обозов тащится. Будут через неделю, через две.

Кому-то достанется дополнительной работы на конюшне, — довольно ухмыльнулся воротный. — Две с половиной сотни одних только тяжеловозов, не считая конной охраны. И это лишь первая партия

Хе! — ухмыльнулся воротный. — Уходил босяком на одной конной двуколке, с десятком сопляков для сопровождения, а возвращается с целым обозом, стоимостью в немалое состояние. Может, ограбил кого или, хорошо расторговался.

Знать бы ещё чем, — бросил он вниз, на обоз, задумчиво заинтересованный взгляд.

— Что за охрана?

— Наёмники. Устьинская княжеская дружина, чуть ли не в полном составе. Они обычно нанимаются по зиме, кто куда возьмёт, когда их князь распускает свою дружину на зимнее кормление.

— Чудной он у них, этот князь Устьинский, — в восхищении качнул воротный головой. — Распускает, дурак…

— Короче, — сухо оборвал его Голова.

Слушать разглагольствования дилетанта о вещах, в которых тот не разбирался и которые того не касались, было лениво. Как, впрочем, и стоять дальше здесь, на верхней площадке. А с Устьинскими князьями всё было понятно с самого начала. Негласно брало поречное дворянство барона фон Дюкса под свой плотный контроль. Только и всего.

И это уже была далеко не первая ласточка. Стоит лишь вспомнить осеннюю эпопею с поречным рыцарством и чем всё там закончилось. До сих пор аукается, а кое-кого из тех рыцарей, так до конца и не удалось выгнать из города, прижились.

— Точно привёз ещё какие-то станки, — активно жестикулируя, воротный старательно перечислял состав обоза. — Какие, мне не сказал. И в декларации на ввоз, разъяснений указывать тоже не стал, сославшись на дворянский иммунитет, — продолжил дальше нудить воротный. — Трясти мерзавца с иммунитетом я не стал, помня ваш строгий наказ не вмешиваться. Поэтому, что ещё там у него было в возах закопано — не знаю.

Дальше уже Голова его не слушал, привычно отключив слух и сосредоточившись на забродивших в голове мыслях. Что-то во всём этом было не то, что-то странное.

Станки, которыми якобы было занято до половины телег обоза, Голову не интересовали. И так, имел о том полное представление, давеча получив с таможни детальнейший список ввозимого Советником имущества. Никакой угрозы в том, что тот вёз, для него не было. Так, всё по мелочи.

— Ювелир, — тихо проговорил он.

— Что? — разом внимательно посмотрели на него Сила и воротный.

— Зачем ей ювелир?

— Фу, — тяжело выдохнул воздух воротный. — Ну, Сильвестр Андреич. Ну ты и даёшь. Спросил, однако.

Да чтоб было. Чтоб всегда можно было починить старое и сделать новое.

Да какая ж баба не захочет иметь себе персонального ювелира? А уж такая, как наша баронесса — так точно. Молодая, красивая, с гонором. Истинная панянка.

А в городе у нас ювелира нет. Теперь она у нас та-ако-о-е замутит, — с невольно прорвавшимся в голосе искренним восхищением выдохнул воротный.

— Свободен, — ледяным тоном оборвал Голова разговорившегося что-то воротного.

Дождавшись, когда обиженно сопящий воротный покинет смотровую площадку и снизу донесётся его злой голос, за что-то уже распекавший кого-то из своих подчинённых стражей, Голова повернулся к товарищу.

— Он что, много с Советника получил, что так распинается? — раздражённо полюбопытствовал Голова.

— Да нет, — пожал Сила плечами. — Вроде как обычно. А с чего такой вздрюченный? Непонятно. Если только у него есть какой-то свой интерес к тому ювелиру. Что, впрочем, не удивительно. В городе действительно нет ювелира. Ни плохого, ни хорошего.

— Обошла нас баронесса, — ухмыльнулся одобрительно

он. — Обошла.

— А этот…, — Сила склонился чуть над парапетом, вслушиваясь в громкие матерные изыски воротного, доносящиеся даже сюда, вверх. — Этот, как заговорил о ювелирке, так аж глаза вспыхнули. Как бы, не оказался энтузиастом, — тяжело вздохнул Сила. — Тогда всё, можешь быть твёрдо уверен, такого хорошего воротного нам больше не видать. Золото — это такая дрянь, что затягивает. А он с детства тягу к тому имел.

Всё, — угрюмо констатировал Сила. — Потеряли парня. Уйдёт в ученики к ювелиру. Плюнет на всё и уйдёт, вот посмотришь. А жаль, таким послушным был.

— Если тот возьмёт, — безразлично хмыкнул Голова. — Что вряд ли. Круг их узок и страшно далеки они от народа, — вдруг неожиданно в полный голос заржал он.

— Ну что, — поднял Сила взгляд на Голову. — Здесь всё? Возвращаемся в Управу?

— Возвращаемся. Здесь делать больше нечего.

Советник дома.

Замерев на крыльце землянки в позе приветливой радостной хозяйки, встречающей возвращение долгожданного мужа с дежурной улыбкой на лице и скалкой в руке, Белла каким-то образом ещё умудрилась не разбить чего ненужного о голову этого старого идиота.

Послали козла в огород за капустой! А он и привёз оттуда: повара с семейством, камердинера, постельничего… Боже, кого только не привёз сюда этот старый козёл!

Белла чувствовала себя дико! Страшно неудобным диким образом! Так и хотелось вцепиться когтями в рожу этой старой сволочи, этого её … Советника, определение тут следует обязательно опустить, ибо в нём даже запятые являются матерными, … и возить, возить, возить мордой об стол эту… эту… эту С-ВО-ЛО-ЧЬ!

— Ну, здравствуй ещё раз, господин Советник, — холодно кивнула она на приветливый кивок подошедшего поздороваться барона. — Пусть ваши люди располагаются, где укажут. Дежурные помогут. А мы с вами пройдём в гостиную, и там вы мне всё объясните.

Резко повернувшись, она быстро скрылась в доме, не дожидаясь, когда тот двинется следом. Тяжело вздохнув, Советник с обречённым видом послушно шагнул в гостеприимно распахнутую дверь.

— Что происходит? Что, вы, себе, позволяете?

Стоя посреди пустой гостиной, Белла яростно сверлила советника бешеным злым взглядом.

— Уехал, один. С совершенно конкретным заданием, не подразумевавшем ничего подобного тому. И что я тут вижу. Вернулся с целым обозом. И как это понимать?

— Мне Сидор шлёт из Приморья ругательные письма, что заказанного оборудования до сих пор нет, а вы буквально вваливаетесь в город с десятками возов с какой-то гадостью. Машины, станки, бочки с какой-то химией. Люди, непонятные какие-то. И ничего! совершенно ничего из того списка оборудования что был вам заказан.

И куда, прикажите, теперь девать всю эту свору непонятно кого? Места в усадьбе под такой шалман совершенно не предусмотрено. В конце концов, это тихая семейная усадьба. Дом! Это Мой Дом, Советник, а не проходной двор!

Объяснитесь!

— Нас пригласили на свадьбу.

— И что? Для этого что, надо было притащить сюда такой здоровенный гадюшник непонятно чего и непонятно кого?

— Это ещё не всё. Основной груз движется сзади, как и люди. Будут дома дня через три, четыре. Уж слишком обоз перегружен.

— Мило, очень мило. А теперь ещё скажите, что это всё ради той будущей свадьбы и мы с вами вместе порадуемся за будущих жениха и невесту.

— Кто хоть женится, или замуж выходит?

— Ваша подруга детства, княжна Лидия Подгорная выходит замуж.

Застыв каменной статуей, какое-то время Изабелла молча переваривала весть. Медленно отвернувшись, Изабелла, всё так же молча, прошла на кухню и загремела там посудой, доливая воду в стоящий на плите чайник. Долив, с грохотом поставила пустой ковшик на крышку ведра.

— Значит, Лидия всё же выходит замуж, — негромко проговорила она. — И за кого?

— За Генриха фон Гарс, своего давнего жениха и воздыхателя, — уточнил Советник. — Нашего общего хорошего знакомого, ныне действующего герцога нашего баронства.

Всё согласовано и отмены свадьбы не будет. Как в прошлый раз, — тихо добавил Советник. — И одновременно, на свадьбе собираются провозгласить объединение баронства Гарс и Подгорного княжества в единое государство, Срединную Империю. Дети от этого брака, урождённые императоры, законно уже будут владеть всей Срединной Империей. Куда составной

частью войдёт и наше с вами баронство. То есть и нашими землями.

Именно поэтому я не нашёл союзников на нашу борьбу среди веховского дворянства. Ни одного. Они все решили стать частью империи.

— Всё решилось за нас, — тихо проговорила Белла. — А нас, значит, словно в издёвку тоже решили пригласить на торжество. В качестве кого, хотелось бы знать?

— В качестве почётных гостей, — глухо отозвался барон. — Чай, семья наша не последняя будет по знатности в герцогстве Гарс, — словно выплюнул он из себя последнее слово. — Протокольное мероприятие. Присутствие не обязательно, но крайне желательно. Если, конечно, мы не хотим чтобы о нас окончательно забыли.

Приглашают вас и вашего мужа. Ну и, меня, соответственно, в вашей свите. Если таковая у нас найдётся. И с подарками, если на них достанет средств. Ну и со всем, что в таких случаях обычно необходимо. Охрана, фрейлины, дабы таковые найдутся.

Ничего этого у вас сейчас нет. Разве что, кроме охраны, — бросил он косой взгляд за дверь, где в слабом свете горящей под потолком небольшой бензиновой лампе виднелись какие-то две неподвижные фигуры.

Уткнувшись глазами во внимательный взгляд холодных голубых глаз какой-то незнакомой юной девчонки, Советник вдруг невольно поёжился. Кольнувшее холодом чувство опасности внезапно поразило его. Юный облик стоявших за дверью двух незнакомых молодых девиц, если о чём и говорил, то никак уж не о неопытности. Глаза матёрых убийц внимательно, не мигая, наблюдали за ним.

— С охраной, вижу, у вас всё нормально, — хрипло прошептал он, с трудом отводя взгляд. — Чего не скажешь о свите.

— Вам необходима, свита, — вдруг громким ясным голосом жёстко проговорил он. — Немногочисленная, так как вы в изгнании, человек пять, шесть, не более, но свита должна быть, — жёстко повторил он. — И вам необходимы подарки. Много подарков. Дорогих! Чтоб всех поразить. И вам необходимы новые платья. В том, что на вас сейчас надето, показываться в приличном обществе — недопустимо.

Для решения всего этого я и привёз: шорника, повара, модельера, швеца и кучу всякого другого необходимого придворного люда. Все специалисты экстра класса и вылетели нам в немалую денежку.

— А деньги вы взяли естественно из тех, что вам дал муж на

закупку оборудования для своих заводов, — хмыкнула Белла. — Оттого видать и задержались, что поиздержались изрядно. Оттого, видать и с оборудованием для его заводов такая задержка вышла, — кольнула она своего Советника злым внимательным взглядом.

— Не без того, — нехотя сознался Советник. — Не без того, — виновато добавил он.

Но я всё исправил. Перед отъездом я отправил на юг, полностью снаряжённый караван со всем необходимым, согласно его списков. И даже больше. Много больше. Чуть ли не вдвое больше. Друзья помогли достать кое-что редкое, что на сторону вообще не продают и что будет очень приятным сюрпризом для вашего мужа.

Да и по деньгам хорошо там вышло. Вовремя сунутая нужным людям взятка помогла серьёзно скинуть цены. Так что, кое-что даже удалось сэкономить.

Так что, свою часть нашего договора я считаю, что выполнил полностью. И перед ним, и перед вами. Теперь дело за вами. Выполняйте и вы ВАШУ часть НАШЕГО договора.

— Что я должна делать? — холодно проговорила Белла.

— Первого мая мы должны прибыть на свадьбу. Во всём блеске вашей красоты. И поразить окружающих. И напомнить. Всем! Что баронство Вехи есть! Было, есть и будет. Потому что у него есть наследники! И они не испытывают восторгов от того что там происходит.

А дальше, пусть уже каждый додумывает сам, то, что считает правильным. Мы своё дело сделаем. Мы заявим о себе. И чем громче это произойдёт, тем нам с вами лучше. Так что, если есть какие соображения, говорите. Я с радостью вас выслушаю, и если там есть хоть что-то дельное, хоть капля, с удовольствием вас поддержу.

— Вопрос первый, — вдруг неприятно как-то улыбнулась Изабелла. — А не осталось ли у вас после этой вашей поездки каких-либо свободных средств. Глядя на ВАШИ приобретения, сомнительно, конечно, но, тем не менее, спрашиваю ещё раз. Не остались ли у вас, Советник, каких-либо свободных наличных средств? Может, не всё израсходовали из сэкономленного?

Какое-то время в комнате царило напряжённое молчание, нарушаемое лишь звуками жужжания проснувшихся по весне мух.

— Ну да, — недоумённо пожал Советник плечами, непонимающе глядя на баронессу. — Естественно. Не мог же я полагаться исключительно на добрую волю вашего мужа. Тем более в таком тонком деле как золото. Особенно зная его небрежное отношение к деньгам и стремлением вбухать все

наличные средства в какие-то его сомнительные очередные проекты. Эта его дурная идея: «Деньги должны не лежать, деньги должны работать», меня вообще откровенно вводит в ступор. Не довели до конца одно, тут же хватаются за другое. И так каждый раз.

Так что пара сотен с кое-какой мелочью ещё осталась. На шпильки хватит, — лукаво, с намёком посмотрел он на Изабеллу. — Хватит, чтоб оплатить всю эту привезённую мною прислугу. Хватит, да ещё и останется, — с непередаваемо довольной физиономией кивнул он Белле.

— Великолепно, — неверяще глядя на своего Советника, словно на какое-то чудо, тихо проговорила Белла. — То, что надо. Дирижабль у меня в кармане. Ух, теперь полетаем, — предвкушающе радостно потерла она ладони друг о друга.

— Что? — пискнул старик. — Что?

— Деньги на стол! — рявкнула Белла, яростно глядя в глаза своему старому воспитателю и с грохотом стукнув кулаком по столу.

Тонкий звон покатившегося по полу упавшего хрустального резного бокала из небьющегося стекла, чудной мелодией пронёсся по комнате.

Отшатнувшись потрясённо назад, старый Советник изумлённо смотрел на свою воспитанницу. Перед ним был словно другой, чужой человек. Не тот, кого он знал с самого детства, и не тот, кого он оставил здесь менее полугода назад, отправляясь на Запад. Перед ним стояла яростная воительница, готовая идти на всё.

— Узнаю знакомый взгляд Вехторов, — глухо проговорил он. — Чувствую, свадебка у Лидии будет та ещё. Что хоть за дирижабль такой, расскажешь?

Подготовка к свадьбе…

Прибытие в конечный пункт их затянувшегося маршрута Добрыня Марич воспринял с облегчением. Наконец-то можно было заняться делом на которое его пригласили в эту Богом и людьми забытую дыру.

Поэтому переданное ему с посыльным приглашение здешней молодой хозяйки баронессы Изабеллы де Вехтор предоставить ей для предварительного ознакомления все выполненные им ранее работы, чтоб получить представление о стиле в каком он работает, воспринял спокойно. Обычное впрочем, дело.

Прежде чем что-то заказать все владетельные барышни

стремятся предварительно ознакомиться с творчеством приглашённого художника. Поэтому он бестрепетной рукой передал с посыльным резную шкатулку с образцами, дающую полное представление о его стиле и возможностях.

Почему, бестрепетной рукой? Да потому что таких рекламных шкатулок у него было несколько, в точности дублирующих друг друга. И в случае утраты одной из них, ничего непоправимого бы не произошло. Всё утраченное легко восстанавливалось.

В своё время, Добрыня не раз попадался на подобную удочку недобросовестного покупателя, частенько недосчитавшись по возвращению шкатулки многих из представленных там предметов. Не беда. Как правило, хозяева потом горько жалели о случившемся, оплачивая иные поделки по вдвое, а то и десятикратно завышенной цене.

Так что о судьбе шкатулки, и о его ценном содержимом, мастер не беспокоился.

Каково же было его изумление, когда внутри вернувшейся шкатулки не заметил ни малейшей недостачи. Даже мелкие простенькие серёжки оказались на месте, на что обычно оказывалась так падка избалованная прислуга вот такой вот полунищей баронессы.

Последнее было более чем странно, и наводило на самые нехорошие мысли.

Действительность грубо сломала привычные стереотипы мастера.

Визит к баронессе был назначен ему на третье утро по прибытию. Рано на утро, что явно свидетельствовало о царящих здесь деревенских нравах и что та явно торопится.

— «Вот и хорошо, — была первая мысль мастера. — Раз торопится, значит и цену возьмём стоящую. Будет хоть за что тащился в такую даль».

То что он увидел, входя в дом баронессы, полностью подтвердило сложившееся первое впечатление. Нищета! Нищета и убожество. Самая простая домашняя обстановка. И при том огромное желание выделиться, если судить по первоначально озвученному предложению.

— Что ж, — одобрительно кивнул он в ответ на первые приветствия и первые высказанные претензии. — Я понимаю ваши требования. И в том, что вы говорите, главное то, что мои работы Вам понравились. Это главная основа для нашего дальнейшего обоюдовыгодного сотрудничества. Сейчас остаётся лишь обговорить цены и можно приступать.

Надеюсь, материал в потребном количестве у Вас присутствует. Цены на готовые изделия указаны в том листе, что

перед вами. Они немного разнятся с первоначально оговоренными, но тут уж ничего не поделаешь. Слишком далеко вы забрались, уважаемая баронесса. Если всё вас устраивает, готов немедленно приступить к исполнению.

Покровительственный тон и…, взгляд. Пренебрежительный, полный лёгкого презрения взгляд, мельком брошенный мастером на юную баронессу, он постарался скрыть, чтоб не вводить в соблазн молодую дворянку. А то кто их знает, эту шляхту с их гонором. Всякое может быть, коль, что не понравится.

Старый мастер был опытным царедворцем и рисковать не собирался. А собственное мнение? Что ж, своё мнение можно было отложить и на потом. Когда он, сидя за столом трактира «Рыжий кот» у себя дома в столице, будет со смехом рассказывать друзьям как раздел буквально до нитки какую-то провинциальную красотку.

Страшный удар кулака справа в голову, мастер пропустил.

В себя он пришёл уже на полу в луже разлитой вокруг ледяной воды.

— Очнулся?

Перед плывущим, размытым взглядом мастера покачивалась кругами непонятное серое что-то, через которое размытым коричневым пятном проступало сильно загорелое старческое лицо, изрезанное глубокими кривыми морщинами.

— «Ведьма, — пришло чёткое понимание. — Влип».

— Где я?

— Там же. Добавить, чтоб быстрее приходил в себя?

— Не надо. Всё понял.

— Хорошо. В следующий раз не будешь так нагло себя вести перед хозяйкой, не будешь на неё пялиться, и не будешь менять согласованные цены. С тобой договорились один раз о цене, вот и придерживайся договорённости. Здесь таких перемен не любят. И не думай, пидор, что здесь в глуши мы не знаем, сколько стоит самая простая висюлька с рядовым камушком.

— Я не пидор.

— Ты будешь тем, кем я скажу. И столько, сколько я определю. А откроешь ещё раз без разрешения рот, ещё получишь.

Undestand?

— Что?

— Понял, спрашивают?

— Понял.

— Надеюсь, — проворчала старая амазонка, с кряхтением подымая безвольное тело ювелира и с грохотом пристраивая его на мокром стуле.

Отстранившись, она несколько раз несильно хлопнула тыльной стороной ладони по лицу мастера.

— Клиент готов.

Перед плывущим ещё взглядом мастера постепенно выступило из сумрака красивое лицо его юной нанимательницы.

— «Кажется, я чутка ошибся, — флегматично констатировал про себя мастер. — Как бы мне вообще получить то, что обещано. И хорошо бы потом унести отсюда ноги. Живым».

Про семью свою, в тот момент он даже не подумал, прекрасно отдавая себе отчёт, что, если придётся бежать, своих ему придется бросить. И судьбе их в дальнейшем уже не позавидуешь. Обычное, впрочем, дело для той стези придворного ювелира, которую он выбрал ещё в юности.

— «Хорошо, что старшенького выделил, и дома оставил, — пришла холодная трезвая мысль. — Вернусь ли сам — сомнительно. А так, будет кому род наш продолжить».

— Подумали, — донёсся до его плывущего сознания звонкий мелодичный голос. — Вижу что подумали. Очень хорошо. Надеюсь, больше таких подарков мне от вас не будет.

Подняв со стола перед собой какой-то исчерканным свинцовым карандашом листик, молодая баронесса с презрительной брезгливой миной бросила его на стол.

— Вы, конечно, можете считать себя за исключительного мастера. Может так оно и есть, это дело вкуса. Но вопрос цены на то, что вы будете для меня тут делать, согласован был с вами ещё до вашего отъезда сюда. И менять его — не рекомендуется. И так ваши цены, по отношению к средним, задраны минимум процентов на двадцать. Ещё больше их подымать, чуть ли не вдвое, — вот это уже наглость. Поэтому, не обижайтесь, что с вами так грубо обошлись.

— «Интересно, она челюсть мне сломала, или это так, общее онемение?»

— Надеюсь, инцидент исчерпан? — чуть склонив голову к плечу, юная баронесса с интересом глядела в плывущие глаза мастера.

— Исчерпан, — проскрипел тот. — Всё понял. Готов исправиться и немедленно приступить к исполнению.

— Немедленно не надо, — холодно проговорила баронесса. — Придите в себя, оправьтесь. Отдохните после дороги, час, два, три. Сходите в баню, смойте с себя дорожную пыль. А завтра с утречка и приступайте.

— Задачу вам поставит Илона Бережная, что так заботливо помогла вам очнуться.

Скосив глаза в сторону, мастер с тоской посмотрел на

крупные, натруженные ладони той, что подняла его с пола. Сейчас свободно лежавшие на столе, они неудержимо притягивали к себе взгляд.

— На руки не смотри, — хмуро бросила амазонка. — Ещё маникюр, педикюр не сделала. Так что смотреть там, пока что не на что.

— А если думаешь, кто тебя по морде ласково треснул, то обрати внимание на тех кто справа.

— И тех кто слева, — ухмыльнулась понимающе старая амазонка, глядя на изумлённого до ступора мастера.

Молоденькие, совсем юные девчонки равнодушно смотрели на мастера. И лишь теперь, когда он пригляделся, стали заметны те несуразности, на что он не обратил внимания сразу. Стылые холодные глаза матёрых убийц. Опытных, судя по равнодушию на неподвижных лицах. И руки, все в цыпках и трещинах, помороженные на морозе искалеченные женские руки. Глядеть на которые было просто страшно.

— Тут нет никого, кто б до того не провёл пару зим в снежных лесах на границе с ящером. И, главное, выжил при том. И не смотри на их юный вид. Не надо недооценивать нас, — тихо проговорила старая амазонка, медленно, словно в сомнении качнув головой.

— Вторая что, тоже? — с робким сомнением на лице, мастер ткнул пальцем в стоящую слева.

— Пальцем не тычь, дурак, сломают.

Мгновенно сжатый кулак полностью удовлетворил старую стерву. Чувствовалось, что мастер проникся и больше столь грубых ошибок допускать не будет.

— Ну, — старая амазонка повернулась к молчаливо наблюдавшей за мастером баронессе. — Дальше, вы уже сами, Изабелла. И если я вам больше не нужна, то мы с мастером пойдём. Даже предварительный, у нас с ним разговор будет долгий.

Вот уж не думала на старости лет попасть на императорскую свадьбу, — проворчала старая амазонка подымаясь.

Слитное тягучее движение мощного сильного тела на миг заворожило мастера. С трудом оторвав взгляд от крепкой ещё груди «старой» амазонки, мастер судорожно сглотнул. Глядящие на него в упор серые холодные глаза вдруг потемнели, и, скользнувшая по губам понимающая улыбка, ввергла того снова в ступор.

— Пошли уж, любитель сладкого, — одобрительно хлопнула его амазонка по плечу. — И если ты тот, за кого я тебя принимаю, то ты останешься доволен.

Уж это я тебе обещаю, — довольно двусмысленно пообещала та, легонько подталкивая неловкого ювелира ко входной двери.

После их ухода в комнате царило недолго молчание, первым которое нарушали Белла.

— И что, профессор, мне с каждым надо так себя вести, по свински?

— Нет, — повернулся тот к ней. — Только с теми кто не понимает нормального русского языка, с поваром и ещё с одним, с гранильщиком. Остальные — нормальные люди и адекватно оценивают своё положение. Готовы работать на оговоренных условиях. Этих же двух придётся ломать через коленку. Что выйдет — не знаю, но оставлять сейчас в том виде, что их привезли: наглых, уверенных в своём над нами превосходстве — нельзя. Будут проблемы. А проблемы нам ни к чему. Мы не можем себе позволить иметь проблемы. У вас слишком сложное положение. Поэтому, зовём следующего. И позовите в помощь своим амазонкам, пару егерей. Гранильщик со своим подмастерьем, судя по всему, парень непростой будет. Так что, стоит подстраховаться.

* * *

Вечером за просторным столом гостиной сидели Изабелла со своим Советником, Илона, неловко себя чувствующая среди окружавшей её роскоши и ещё один незнакомый нестарый ещё человек. Гранильщик, как тот сам назвал себя для всех, не озвучивая своего родового имени.

Большое расписное фарфоровое блюдо с высокой горкой источающих одуряющий аромат мясных пирожков занимало центральное место на середине слота. Большой вёдерный самовар, разносящий по комнате смолистый аромат дымка, занимал скромное место на углу, исправно наливая булькающий крутой кипяток в подставляемые чашки.

— Признаться, вы меня потрясли, — признался мастер.

Осторожно потрогав наливающийся синевой буквально на глазах огромный, на пол лица синяк, гранильщик с удовольствием отхлебнул горячего чаю.

— Давно так не дрался, — с удовольствием констатировал он, покосившись на амазонку. — Думал, всё, здесь моя и могила будет, в этом Богом забытом пограничном городке. Ан, нет, ещё поскрипим, ещё поработаем.

— Мне б так скрипеть, — мрачно буркнула сидящая справа Илона. — С одного удара чуть руку не сломал.

— Так не сломал же. О чём говорить, — с сожалением цокнул языком гранильщик.

Осторожно баюкая туго перетянутую бинтом покалеченную в драке правую руку, Илона временами угрюмо посматривала на лучащегося довольством гранильщика, словно не видящего сидящую рядом мрачную амазонку.

Всё внимание того было направлено на сидящих напротив баронессу с Советником, перед которыми он словно расстилался, вызывая в душе старой амазонки всё больше растущее чувство раздражения.

— Ну ладно, — буркнула она, подымаясь. — На сегодня, кажись, всё. Когда нужна буду ещё, позовёшь, — мрачно кивнула она Изабелле, направляясь к выходу.

Взявшись за ручку входной двери, обернулась.

— Значит, за мной два десятка девочек. Это уже окончательно.

— Готовьте на всякий случай четыре, — повернулась к ней Белла. — А там видно будет. Если не получится, то лишняя подготовка ещё никому не помешала.

Посмотрев ещё раз внимательно на захлопнувшуюся за амазонкой дверь, Изабелла снова вернулась к разговору за столом.

— Итак, мастер, снова возвращаемся к тому, с чего мы начали. Сколько и какого вам надо материала для того чтоб выполнить то, о чём мы с вами сегодня днём договорились.

Я вас слушаю.

Чуть склонив голову к плечу, Изабелла настроилась на долгий разговор. Похоже, сегодня вечер будет долгий. Обстоятельности, с которой гранильщик подходил к выбору материалов, можно было лишь позавидовать. А въедливость его и желание сразу уточнить малейшие детали обработки, похоже, затянет разговор допоздна.

Впрочем, это — ничего. В крайнем случае, можно будет разбить обсуждение на отдельные части, обсуждая украшения по разным группам участников будущего торжества по отдельности. И вернуться к тому завтра.

А что оно будет, Белла уже не сомневалась. Сегодняшний разговор с привезёнными Советником специалистами окончательно расставил всё по местам.

Визиту — быть! А вот будет ли он таким, как хотелось ей, сейчас за столом и обсуждалось.

Стекло в подарок.

— Что хорошо для Императрицы, не может быть плохо для поречной дворянки.

— Уверена?

— А что не так?

Резко повернувшись, Белла сердито смотрела на старика Марка, со скептически ехидным видом наблюдавшим как та судорожно копается в горах некондиционной посуды, до потолка заставившей эту самую дальнюю и последнюю кладовку.

— Марк, я не говорю про ту паутинную прелесть, что мы подарили Императрице ящеров. О том нет речи. Мне нужен просто фарфор. Или фаянс, но красивый фаянс. И то паутинное стекло, что мы пытались продать в Приморье. Попроще, но симпатичное. А тут я у тебя ничего не вижу. Совсем ничего! Где всё?

— Разлетелось пульками по всему Приморью, — с горечью бросил старый мастер.

То, что ещё осталось, ищи там, у себя под ногами. Что осталось, где-то там по углам рассовано. Я к тебе в эту пыль не полезу. У меня на неё аллергия.

— Да и зачем тебе фарфор, бери действительно фаянс, он ближе к двери стоит, легче достать. Его много. Есть из чего выбрать.

— Марк, мне нужен эксклюзив. У меня куча родственников и нет ни одного подарка.

— Произведения искусств за одну ночь на коленке не делаются. Сама знаешь. И на помойке не ищутся, — усмехнулся в ответ старый мастер. — Предупредила бы заранее, я бы своих мастеров с бытовухи снял и на производство изделий художественной ценности кинул. К твоему приезду что-то да приготовили б.

— А так, как это сделала ты, без предупреждения, ввалилась средь ночи, шум, гам, давай-давай, скорей-скорей. Шмяк одну тарелку об пол. Бряк другую. Так, дела не делаются.

— Что хоть случилось-то, что тебе так срочно понадобилась куча подарков.

— Я еду на свадьбу. И у меня там встреча с кучей родственников.

— Всего то? — изумился Марк. — Тогда чего ты там копаешься? Бери всё подряд, а потом на месте разберёшься, кому что. Смотри только, чтоб цветочки на тарелках по цвету не совпадали, и точно не ошибёшься. Тут всё разное. Даже сами тарелки одна по отношению к другой разные. Двух абсолютно одинаковых нет. Сказано же — брак! А ты всё не верила.

— А почему до сих пор не выбросил?

— Ещё чего. Тут постоянно толпы народу топчутся и что-то себе да выбирают. Одному одно, другому другое. Так по мелочи, по одному, по паре предметов брак постепенно и продаётся. Он же у нас тут по дешёвке идёт. Считай что за десятую часть от продажной цены. Вот народ в двери и ломится.

— Это для меня он брак, а сами люди этого не понимают. Не видят! Не видят красоты! Вот и платят втридорога за откровенную дребедень.

— А если у меня хорошие родственники? Такие, кому не жалко и красоту подарить? Где мне на них набрать подарков?

— Точно не здесь, — устало зевнул старый мастер. — Заказывай и подходи где-то через полгода. Будет тебе эксклюзив, — равнодушно проговорил Марк. — Как раз к тому времени мы заказ Куницы выполним по его броневым иллюминаторам, очередь и освободится. Тогда и твоими родственниками можем заняться.

— Через полгода не надо, — вдруг улыбнулась Белла. — А Куница подождёт, как впрочем, и все остальные. А вот родственники ждать не будут.

— Так что, высвобождай своих мастеров, и готовьте мне предложения. Буду через неделю принимать ваш эксклюзив.

— С Сидором и Куницей сама будешь разбираться. И про Кондрата с его пульками к арбалетам не забудь, — ткнул в её сторону указательным пальцем Марк. — И чтоб на меня ничего потом не валить. Иначе точно обижусь, и тогда одними лишь извинениями уже не отделаешься. Я потребую восстановления художественного цеха и выделения достаточных средств на содержание как минимум пяти мастеров в течение пяти лет.

— Нет, — вдруг необычно посерьёзнела Белла. — Пятью не отделаешься. Не менее дюжины. И с завтрашнего дня чтоб все сидели в отдельном помещении. Финансирование — без ограничений. Творите что хотите, но чтоб результат у меня был уже завтра.

Марк, — медленно, просительно протянула Белла. — У меня свадьба. У меня очень, очень важное лично для меня мероприятие. И мне надо показать товар лицом. Всё что я могу. Там будет очень много важных шишек со всего Поречья. Там будут Подгорные и Устьинские князья. Там будет герцог Северо-Западный. Промышленники из Торгового Союза. И если хочешь прогреметь по всему миру, сделай, пожалуйста, эксклюзив. Такой, чтоб все ахнули. И чтоб ни один не повторился. Ни в чём.

И тарелки в сервизе, должны быть и одного размера, и в один цветочек. Ты меня понял, — ткнула она ему прямо в нос свой пальчик.

И после этого, твой художественный цех будет работать днём и ночью. И снимать штучных мастеров с художественной работы на рядовые поделки вроде пулек к арбалету никто уже не будет. Ты получишь не художественный цех. Ты получишь завод. Это я тебе обещаю.

Тебе это надо? Надо. Работай!

Первого мая свадьба у моей 'заклятой подруги', и до того, надо разорваться, а выпрыгнуть из собственной шкуры.

В общем, ты понял.

Казалось, Белла взглянула в самую суть старого мастера, внимательно поглядев тому в глаза. Каких-то несколько мгновений помолчав, она молча развернулась и быстро вышла из двери кладовки. Старый мастер так и застыл, задумавшись о сказанном. А больше о том, что баронесса ему не сказала, но что открыто, прямым текстом читалось меж строк.

— Похоже, в цех по производству пулек придётся набирать двойной штат, — тяжело вздохнул мастер. — Времена впереди предстоят те ещё…

* * *

Обратно Белла с Марком встретились не через неделю, через две. До того дела так закрутили Беллу, что минутки свободной у той не было, чтоб вырваться. Не говоря уж о двух, трёх свободных днях, для такой дальней поездки, как на стекольный завод.

— Ну, вот и я. Принимайте гостей, — весело поприветствовала Белла Марка, встречавшего его как обычно возле крыльца своего дома.

— Извини, Марк, что так припозднилась, но, поверишь, времени не было свободного к вам заехать. Дела, всё дела. Даже на детей времени уже не хватает, чего уж там говорить о твоём стекле.

Не раздеваясь, она решительно прошла в дом, и широко распахнув двупольную дверь гостиной, застыла на пороге ярко освещённой солнцем комнаты.

— Я так вижу, вы уже подготовились, — сразу перешла она к делу.

Застыв у порога, она замялась, словно не зная с какого боку начать, и чуть поколебавшись, двинулась от двери посолонь.

Пройдя дважды всю комнату по кругу, она остановилась перед группой пожилых мастеров стеклодувов, молча наблюдавших от порога за её перемещениями по комнате, и немного помолчав, негромко произнесла.

— Не пойдёт. Красиво, но не пойдёт. Нет изюминки. Для какой-нибудь Императрицы Ящеров — более чем достаточно. Чтоб прогреметь по всему Поречью — мало. Мало, господа мастера. Мало!

— Ну, так времени было мало, — раздался из толпы чей-то недовольный голос. Всего неделю дали. Что тут сделаешь?

Как при таком малом числе пять уважаемых всеми мастеров вдруг разом превратились в толпу неорганизованных, ругающихся меж собой людей, было непонятно. На что Белла тут же обратила их внимание.

— Плохому танцору яйца мешают, господа, а плохому мастеру времени не хватает. Работайте. А то, что вы тут мне представили, отнесите в ту комнату, откуда меня так любезно в первый раз выгнал наш Марк Иваныч. Там, этому самое место. А мне надо лучше. Лучше и красивей. Так что, работайте. Работайте!

И не прощаясь, Белла решительно раздвинув плечиком недовольно заворчавших мастеров, быстро вышла из дома. Грохот захлопнувшейся входной двери громом прогремел по всему дому, заставив всех вздрогнуть. Глухой стук копыт лошади по недавно выпавшему снегу и скрип полозьев отъезжающей повозки, окончательно их добили, заставив крепкие рабочие фигуры уныло поникнуть.

Глава 4. Металлолом

Покупка металлолома.

Яркая полная луна холодной мартовской ночи, заливала мертвенно белым светом обширный удивительно пустынный и тихий задний двор кузницы Кура Белого, давая контрастные, резкие тени, в свете которых высящиеся кругом груды какого-то железа представляли собой самую натуральную свалка ненужного никому металлолома. И лишь издалека, из кожевенной слободы, доносились сюда слабые звуки весёлой гармошки трёхрядки, весело что-то наяривавшей.

Это собравшиеся там, на посиделки парни и девчата из слободки за ручьём разогревались танцами, готовясь к долгим ночным чудесам этой дивной ночи конца рабочей недели.

Громкий металлический звон нарушил мёртвую тишину двора.

— Тс-с-с, ты кулёма, всех разбудишь.

— Сам ты кулёма. Ты мне ногу отдавил, раззява косолапая, — еле слышный сдавленный шёпот нарушил мёртвую тишину заднего двора. — Глянь. Оно?

— Оно! — радостно повысил голос первый.

Резкий свет прожекторов внезапно со щелчком залил потоками слепящего электрического света двор и ярко высветил замершие посреди куч ржавого металла две невысокие, сгорбившиеся от неожиданности щуплые фигурки.

— Так-так-так-так, — послышался со стороны ближнего сарая громкий насмешливый голос. — Грабим, значит?

— Да ты чего Кур. Какое грабим? Так, мимо шли, в гости зашли. Посмотреть. Нет ли у тебя чего ненужного. Сперва думали сами взглянуть, а потом уж к тебе. Так что, никакого нарушения закона. Чисто деловой визит.

— Так-так-так. Кто тут у нас такой деловой? Ба-а-а! Сам начальник контрразведки! Васечка! Профессорский пестун! Попался!

Громкий весёлый гогот здоровых весёлых мужиков, раздавшихся со всех концов обширного заднего двора, ясно показал, что гостей тут явно ждали.

— Давно тебя ждём-с, давно. Как начал ты шнырять возле моего двора, так я тебя и жду. Извёлся уж весь, дожидаючись.

— А второй кто? Ба-а-а?! Не ожидал. Колька! Молчун. Ты-то как с этим щеглом тут оказался?

— Дело у нас к тебе есть.

— Делами днём занимаются. В горнице, за чашкой чая. А не глубокой ночью, посреди помойки, пойманным на месте преступления.

Быть тебе поротым Колька Молчун. За то, что связался с неподобающей компанией.

— Не думаю, — невозмутимо отозвался Молчун.

— Это кто тут ещё неподобающая компания? — возмутился первый голос. — На себя посмотри, ржавая вонючка. Сначала умойся.

— А ты, Васька, заткнись. С тобой разговор утром будет. А пока посидишь до утра в холодной, подумаешь. Что ты врать будешь утром на вопрос: «Что вы оба тут делали ночью и тайком?»

— Да мы тебе и так скажем, — мрачно проговорил Колька, глядя на подходящую к ним смутно видную сквозь яркий свет огромную фигуру кузнеца. — Сейчас и без всякой холодной.

Нам надо было посмотреть остовы купленных тобой пять лет назад грузовиков, которые ты сначала собирался восстановить, а потом бросил. Вот и захотелось нам узнать. Подойдут ли они нам, или они действительно ржавый мусор, не стоящий усилий?

— А зачем они вам?

— Не твоё дело, — влез в разговор Васька. — Надо.

— Мы у тебя покупать пришли, а не грабить. А перед этим хотели удостовериться, что они у тебя есть и в каком качестве.

— Да вырубите ты эти прожектора! — раздражённо воскликнул он. — Ничего ж не видно, слепит.

— На то и рассчитано, — довольно хохотнул кузнец.

— Вырубай, — махнул он кому-то рукой. — Поймали зайцев, теперь можно и заряд в аккумуляторах сэкономить. Чай, денег стоит.

Упавшая кругом после яркого слепящего света темнота и тишина были словно ватное одеяло, павшее им на головы.

— Ослепнешь, с такими твоими прибамбасами, — сердито проворчал Васька. — Обязательно надо было так развлекаться?

— С тобой иначе нельзя, — отрезал Кур. — Ты шкодник известный. А теперь давай, выкладывай. Зачем пришли?

— Сказали ж тебе, за грузовиками.

— Хватит врать, парни. Будете дальше упираться, ей Богу, посажу в холодную. До утра посидите, утром расскажите. Мне не к спеху, я могу и подождать. А вас наверняка ещё девки в посаде ждут на гулянки. Так что давайте, колитесь.

— Это правда, Кур, — негромким голосом возразил Колька. — Нам действительно нужны старые рамы от двух твоих

грузовиков. От тех, что ты откуда-то давно притащил, и с тех пор они у тебя так и ржавеют на заднем дворе.

— На помойке, — тут же влез со своими комментариями Василий. — А значит, тебе они ни к чему. Продай нам свой металлолом. Тебе они не нужны, а нам с Колькой надо. Мы их почистим, мотор поставим и будем девчат на танцы и на речку купаться катать.

— Моторы часом не те, что приценивались у Ревяки Непея? Слышал, слышал.

— Заложил-таки, гад сутулый, — разозлился Васька. — А говорил: «Никому, никому». Трепло.

— Кому трепло, а кому и друг старый, — развеселился кузнец.

— Значит, мотоциклов вам уже мало, грузовик подавай? Что, места для девок уже не хватает? — гулко расхохотался кузнец

— Хватит ржать. Продай остовы. Мы тебе денег дадим. Много. Пары золотых, думаю, хватит? По золотому за каждый остов.

— Сдурел!? — неподдельно возмутился кузнец. — Да тут одного металла под пару сотен кило будет. Да редуктора целые, все в масле, да вся ходовая практически в сборе. Ставь колёса и езжай. Машина считай что, на ходу. Пару досок на кузов, кабину покрасить и хоть завтра можно на улицы выпускать.

Мне они и сами нужны.

— Ха! Моторов то нет. Нет, и не будет. Двадцать тысяч целковых за пару плёвеньких моторов жаба душила выложить! Так что вся твоя ходовая — фуфло. Цена у него — как у металлолома. Два золотых!

— Сам ты фуфло, Васька. Скажу Ревяке, хрен вам продаст, а не моторы.

— Плевать. Танковые дизеля поставим. Их у нас много.

— Пацан! Что ты понимаешь в технике.

— Да уж поболе твоего. У меня мотоцикл есть, а у тебя нет. Я водить умею, а ты нет. Так что я поболе твоего в технике разбираюсь. По крайней мере, я на своей мотоцикле езжу, а не храню ржавой на помойке. Видал, как мы прошлой субботой с Колькой на наших цундапах рассекали по выпасу возле речки? Учись! Это тебе не по твоим железкам молотком тупо стучать. Тут соображалка нужна. Чуть зазеваешься и ага!

Так что, продай нам свои два ржавых остова и отвали. Два золотых.

— Да что ты всё заладил, — возмутился кузнец. — Два, да два. Две тысячи! За каждый! Две, или отстань, не продам.

— Две тысячи! За каждый?! Тю-ю-ю! — возмутился Васька. —

Сдурел! Пятьсот! За оба!

— За пятьсот я и сам на них моторы поставлю, и денег не пожалею. И сам буду девок на речку купаться катать. Тысяча девятьсот!

— Ты?! Старый ты уже девок катать. Каталка уже небось не подымается. Вон, мозоль трудовой на спине вырастил, горб называется. Да и на пузе пивное брюшко намечается. Давно в зеркало то своё хозяйство разглядывал, кататель? Девки таких горбатых да брюхатых не любят. Да и жена у тебя есть. Узнает, скалкой прибьёт. Девятьсот!

Поджарая мощная фигура кузнеца, столь разительно отличалась от только что перечисленных Васькой недостатков, что у того от возмущения даже дыхание перехватило. Чем немедленно воспользовался Васька, тут же подробно перечислив все несуществующие физические дефекты и пороки, как фигуры кузнеца, так и их будущей покупки. В связи с чем, цена которой теперь никак не могла быть больше ранее озвученной и тут же упала снова… до восьмисот.

Колька Молчун с обречённым вздохом отвернулся. Ну, всё. Это было надолго. Так и придётся теперь торчать посреди этой свалки старого ржавого металла и слушать этих двух увлечённых идиотов, сладостно предающихся любимому делу, болтовне.

А потом, даже если эти двое и придут к какой-то средней цене, то долго ещё будут яростно торговаться, кому доставлять эту рухлядь к Трошиным на завод. А зная «любовь» Кура Белого к братьям, можно было сразу предположить, что свара тут же вспыхнет по новой. И как бы после такого известия, снова не пришлось возвращаться к вопросу цены. А что придётся — можно было не сомневаться. Кур сильно недолюбливал братьев, непонятно за что. И во всём, связанным с ними, вставал непоколебимой стеной, всячески идя тем наперекор.

Профессиональная ревность, со вздохом вынужден был признаться себе Колька. Профессиональная ревность мастеров друг к другу. Особенно острая среди старых знакомых и друзей. Достигающая порой таких диких, чудовищных извращений, что Кольке иной раз страшно становилось до какой же глупости люди доходят порой от ревности.

Впрочем, ему ли судить. Сам такой. До сих пор Дашку не может забыть, хоть та ему ясно сказала, чтоб не надеялся ни на что.

А не надеяться, это как? Нет. Так просто отступиться он не мог. Он поедет и спросит. Правда ли то, что она ему отписала. И если, правда, то…

Дальше мысли Кольки как-то не простирались, словно ножом

отрезанные соображениями по подготовке пробега и как бы лучше и надёжнее всё организовать.

— «Ну вот, дошли до места, куда надо доставить. Что я и говорил. Кур возмутился и потребовал пересмотра цены, потому как этому стервецу Богдану он ничего не продаст. А то, что покупают не для Богдана, а для нас, ему уже и не важно. Для него главное, где будут восстанавливать машины. Всё, теперь начинай всё по новой».

Где-то ещё через полчаса всё той же бессмысленной на взгляд Кольки болтовни, высокие договаривающиеся стороны, похоже, выдохлись.

— Вот что. Слушайте сюда парни, — устало вытер выступивший на лбу пот Кур. — И мне, и вам говорильня эта уже надоела. Рассвет скоро, а мы так и застряли на одном месте, посреди двора. Так что вместо того чтобы и дальше болтать ни о чём, вот что я вам предложу. А давайте ка я вам сам их восстановлю. Оба. Вы только моторы мне дайте, и запчасти оплатите, а всю остальную работу я проделаю сам.

— Встанет вам это, конечно в звонкую монетку. Ну да вы парни оба не бедные, не разоритесь. Но так уж и быть. Драть много с вас я не буду. Мне и самому интересно, что там, в итоге получится. В своё время для того и покупал. И вся оснастка потребная у меня с тех пор осталась. И кабины, снятые, даже с родными стёклами в сарае припрятаны. Так что если вам надо, восстановить можно быстро. Есть из чего.

— Тю-ю-ю, — насмешливо засвистел Васька. — Знаем мы твои расценки. Стоит согласиться, так без штанов нас потом оставишь. Не пойдёт. Мы всё сделаем сами. К тому ж, нам тоже интересно будет их восстановить. А оснастка, всякие карданы там да колёса у нас и своя есть. Не у одного твоего Ревяки в запасниках кое-что имеется. А чего нет — заменим аналогами. Мы вообще собирались использовать твои машины как основу, а сверху присобачить кузов из нашей фанеры. Металлическая кабина это конечно хорошо, но наша чёрная фанера, ни стрелой, ни пулей не пробивается. Так что нам твоя оснастка — без надобности. А кабину свою можешь засунуть подальше, до очередного твоего заскока. Когда захочешь ещё чего восстановить. У тебя, слышал, есть ещё парочка ржавых остовов, догнивающих на хуторе, полуторки, кажется. Вот их и восстанавливай.

— А нам продай остовы от студебекеров. Два. Нам и того хватит. Так уж и быть, утомил ты меня. Согласен на твою цену. Две тыщи за твоё ржавое железо во дворе и штука плюс — на запчасти. Чтоб помочь тебе от старья избавиться. Тебе оно всё

одно без надобности, а нам сгодится. Мало ли чего придётся починить в дороге.

— А вы чего, далеко собрались?

— Не твоё дело, но так уж и быть, скажу, не для передачи.

Подойдя к приятелю, Васька покровительственно приобнял того за плечи, и гордо задрав вверх подбородок, неожиданно выдал.

— Собрались мы с Колькой на юга. На солнышке южном погреться и в море тёплом покупаться. Знаешь, что такое море, Кур? Не знаешь! Вот и мы не знаем. А хочется посмотреть. Да и девчонок знакомых надо повидать, и винограду сладкого покушать. И есть там, говорят ягода такая вкусная, инжир называется. Как раз к тому времени, когда туда доберёмся, созреет. Сладкая-а!

— Ещё говорят, вино там есть, молодое, незрелое. Прелесть неописуемая, говорят что такое. Попробовать хочется. Пока молодые, всего попробовать надо. А то женишься потом, куда от жены подашься. Будешь вот как ты сидеть сиднем дома, да как сыч сторожить задний двор, кабы чё не спёрли.

— Поговори ещё у меня, сыч малолетка.

— Не. Пока молодые, надо попутешествовать. А лучше чем на мотоцикле и не придумаешь. Ветер, воздух, море, солнце!

— Пулемёт, запас пуль и много бензина в цистерне, — мрачно буркнул недовольный Молчун.

Болтун Васька всё же не утерпел, разболтал первому встречному, куда они собираются. И хоть адреса не назвал, умному достаточно. Прибил бы идиота, да жаль, друг. Хорошо, что хоть конечный город ещё не назвал. Не остановил бы, точно бы выболтал.

— Ну да, — согласно кивнул Васька. — Две тыщи вёрст это тебе не шутка. Туда и обратно, как раз на две цистерны с небольшим резервом. Поэтому нам и нужны твои два ржавых остова, которые мы превратим в полноценные бензовозы. Ну что, будем считать, что договорились?

Кольке оставалось лишь бессильно застонать, слушая этого идиота. Всё! Всё первому встречному выболтал. И лишь для того чтобы купить два куска ржавого железа.

— Два, думаю, вам будет мало.

— Чего? — оба парня непонимающе посмотрели на задумавшегося кузнеца.

— Вам нужна летучка.

— Чего?

— Вам нужна третья машина. Ремонтная летучка для мелкого ремонта в походных условиях. Без неё вам никак. Запчасти

сложить некуда. Так что ещё один грузовик вам точно не помешает.

Пожалуй, есть такой у меня. Могу вам уступить на время.

— Ты серьёзно?

— Серьёзней некуда.

— Сколько?

— Сочтёмся, парни.

— Это не разговор, — холодно отрезал Колька. — Никаких сочтёмся. Ты знаешь, кто мы, мы знаем кто ты. Дружбы меж нами нет. Так что ни о каком «сочтёмся», не может быть и речи. Сколько?

— Для вас, как для своих.

— Не крути Кур, выкладывай. Сколько?

— Баш на баш. Моя работа, ваши материалы.

— Не пойдёт. У нас кроме двух моторов к студерам ничего больше нет. Да и те ещё пока не выкуплены. Одна лишь предварительная договорённость по итогам нашего сегодняшнего ночного похода.

— Нет проблем. Я поговорю с Ревякой, и моторы он вам продаст. Я продаю вам всё, что накопил уже к ним на ремонт. Там как раз на две машины будет, плюс запасной ремкомплект.

— И я бесплатно делаю вам ваши студера. И передам в пользование на время вашей поездки ещё одну, ремонтную летучку, ту самую полуторку, которую сам же и восстановлю, за свой счёт. А за это вы мне…, — загадочно замолчал кузнец.

— Не пойдёт, — мрачно оборвал его Колька. — Нам советская полуторка не нужна. Хлипкая больно. Вёрст сто, двести протянет, а потом сдохнет. Замаешься с капремонтом двигателя. Нет, был бы студер, или немец какой — был бы меж нас разговор. Так что подумай сперва, прежде чем предлагать.

— Нет проблем, — тут же согласился с ним кузнец. — Будет тебе студер. Трёхосный устроит?

— Устроит.

— Тогда вы мне…, — снова сделал загадочное лицо кузнец.

— Да, Господи! — взорвался Колька. — Что!? Что мы тебе? Не тяни.

— Поставляете мне свою фанеру ещё на две машины. Нет, на три. Фанера пятёрка, противопульная. Никакой тройки, как ты, Васька недавно пытался впарить Голове на его рыбацкий баркас.

— Так впарил же, — коротко хохотнул Васька.

— А мне не надо. Поставите пятёрочку. Да не эту вашу, новую, а ту, что ещё из старых запасов будет, потолще.

— Так…, — заткнулся Колька, мгновенно получив локтём в бок от приятеля.

— Идет?

— Идёт, — радостно хлопнул по подставленной ладони Васька, тут же торопясь закрепить договор, пока кузнец не передумал. — Будет, будет тебе материал. Весь, что положено.

— Только кабину мы у тебя заберём, — вдруг заговорил Колька.

— О, гляньте, очнулся. А нафига? — Васька удивлённо смотрел на приятеля. — Зачем нам кабина? Мы что, так и будем её таскать из угла в угол. На одной помойке взяли, на другой положили.

— Кабину сделаем из фанеры. Пятёрочки. Чтоб тяжёлая пуля не пробила. Кто их знает этих поморцев, что у них там есть под рукой. А вдруг нарвёмся на засаду, как Сидор под Сатино. Я так не хочу. И стекло надо будет поставить броневое, для надёжности. Я живым хочу добраться до Плёса. А с такими широкими окнами, как на студебекерах, это будет проблемно. Да и в узкую щелку стрелы бывает, залетают.

— М-да, парни. Чувствую, с вами будет интересно.

Заинтересованно оценивающий взгляд кузнеца, хищно глянувшего на них, парни не заметили, увлечённо обсуждая, что ещё следует сразу поменять в старом ржавом остове грузовика.

— Слушайте, парни. А что если мы сделаем не так. Что, если я передам вам не одну летучку, а ещё парочку грузовиков. Хороших, трёхосных. Тех, что думал восстановить для себя, железо и уголь возить, да всё руки как-то не доходили.

— Раз вы собрались на юг, почему бы и мне к вам не присоединиться со своим товаром и своими двумя машинами. Вы будете пузо на солнце греть, а я, так уж и быть, поторгую малька по пути. Вы ведь в Плёс свой собираетесь, я правильно понял? Вот и возьмите меня с собой. Всё компанией надёжней.

— Не, — безапелляционным тоном отрезал Васька. — Ты, Кур, старый и нам мешать будешь. Извини, старина, но ты нам не подходишь по возрасту. С тобой скучно. Ты везде одну лишь выгоду видишь, и нас будешь задерживать со своим товаром.

— Ты не понял, Васечка, — возмутился кузнец. — Обо мне и речи нет. Поедет Сашок, младшенький. А ему в помощь Петька, старший оболтус. Ну и в помощь им пара, другая парней из моих работников, что помоложе: Сагит, Бахтияр и Сом с Генкой.

Я бы и рад сам к вам присоединиться, но, увы. Дела, парни. Дела из дома не отпускают. А вот сыночков я бы послал. Им и свет посмотреть надо, и себя показать, пора уже. Тем более что они и сами с вами рвутся. Все уши мне вашими проблемами прожужжали. Васька то, да Колька сё.

Соглашайтесь, парни. А я вам ту летучку в подарок по

окончании оставлю. Она мне совсем без надобности, а вам, глядишь, ещё и пригодится потом как-нибудь.

— Не врёшь?

— Зуб даю, — щёлкнул себя по переднему клыку кузнец. — Слово моё кремень, как сказал, так и будет. Вот при Кольке обещаю. Как вернётесь, летучка ваша.

— По рукам, — обрадовался Васька. — Тогда завтра с утра мы у тебя.

— Замётано, — махнул рукой кузнец. — Подходите. Мы и договорчик тогда составим, как положено, чтоб вы чего не подумали, чтоб всё было без обману. И с моими двумя оболтусами переговорите окончательно, что и как.

— Ну и я прослежу, чтоб всё было как мы сейчас договорились. Идёт?

— Идёт, — синхронно кивнули головами оба парня. — Тогда, до завтра, мы пошли.

* * *

Когда за проведёнными к задним воротам щуплыми фигурами парней захлопнулась боковая калитка, от густой темноты угла меж боковой стеной высокого сарая и ограждающим свалку тыном отделилась высокая тёмная фигура

— Не слишком ты на них давил? Не заподозрят? — раздался в сомкнувшейся кругом темноте тихий осторожный голос.

— Нормально. Был бы мягче, сразу б насторожились. Я этого Ваську паршивца знаю. Балабол и легко ловится на дешёвую наживку. Знать лишь надо, за какие крючочки дёргать. И батька у него был такой же брандахлыст, и сынок в него точь в точь пошёл.

Колька то, посерьёзней пацан будет, да и тот купился. А так, нормально всё прошло. Парни заглотили наживку.

— Не больно-то и дешёвка, три грузовика собрать без оплаты.

— Кто тебе такую ересь сказал?

— Как кто? Ты! Только что. Здесь на этом самом месте. В разговоре с этими пацанами.

— Ты плохо слушал Вереня. Парни оплатят запчасти. И моторы твои оплатят. А вот столько будут они стоить, мы не обговаривали. И два конца на самую малую детальку, я думаю, меня могут устроить. Тем более что и выбора то у них нет. Я уже не то что по всему городу, со всей округи скупил всё, что можно было.

И дома им никто ничего из своих запасов не даст. Всё что Димон привёз с Правого берега давно уже расписано на годы

вперёд. Я это точно знаю, разведка работает.

— И десять тысяч за ту ржавую рухлядь, что у тебя уже лет пять гниёт в сарае, для них думаю, будет в самый раз. Не зря же они по совету моего младшенького сначала заскочили к тебе, справиться по наличию моторов и не продаёшь ли ты их. И только потом завалились ко мне. Значит, морально уже были готовы платить. И моторов своих у них точно нет. Потому и порядок цен их не пугает, что выбора нет.

Прав ведь я был, согласись. Прав, что пока не будут уверены в возможности ремонта и покупки моторов, ко мне за ходовой с остовом не сунутся. Вот всё и вышло, по-моему. Теперь остаётся лишь дожать парней, и заказы на все валяющиеся по помойкам города старые грузовики у нас с тобой в кармане.

— Всё одно им деваться некуда. Время поджимает.

— А чё было не просто самим всё сделать, а потом просто продать? Им же. Если надо, купили бы. За любые деньги купили бы, раз надо. Тем более что ты сам знаешь, денежки у пацанов водятся. И немалые.

— А надо чтоб не водились, — сердито буркнул кузнец. — Не дело, когда у малолеток в кармане звенит золото. Уважения и почёта к старшим у них тогда не наблюдается.

А сразу большую сумму психологически выложить очень трудно. Тем более такому вот пацану, несмотря даже на то, что она у него есть. А вот так, по мелочи, по чуть-чуть, но регулярно, вытащить можно много больше. Поверь мне, уж я-то знаю, как надо обрабатывать заказчика.

— Воспитанием решил заняться, — гулко расхохотался Вереня. — Зря! Не стоят они того.

— Дурак ты, Ревяка. Был дураком и дурнем помрёшь. Мне выход на Приморье нужен, на торговые маршруты. Да не так, как тут Дюжий с кое-кем из наших общих знакомых не так давно проделали. Которых потом самих пришлось, чуть ли не всем городом бежать вызволять со скал, сидящих там, на манер ласточек, без воды и без пищи.

— Теперь, понял?

— Да понял я, понял. Сам тогда ходил вызволять, да не дошёл. Сидор уже за нас всю грязную работу сделал. Но мне такая их судьба не нужна. Сначала спас, а потом деньгами повязал так, что не вырвешься. Из боёв не вылезают. Дома уж почитай год как не были. Небось, уже мхом и лишайниками обросли в своих лесах да болотах. И конца, края их отработке за те баронские милости я не вижу. Никто из тех, кто ушёл тогда с Дюжим, так до сих пор назад и не вернулся. Ни один. Если б не письма домой, можно было б подумать, что побили мужиков. А

так, нет, вроде как живы. Только вот живы ли? А письмо от их имени написать и даже почерк подделать — много ума не надо. Эти земляне и не на такое способны.

Нет. Мне такой жизни не надо. Лучше уж я с тобой соглашусь на эту твою афёру. Тем более что они её реально оплачивают.

— Десятка, — восхищённо покрутил головой Вереня. — Десятка за кусок ржавого, никому не нужного железа, цена которому две сотни. И то, по о-очень большому блату.

— Два, два куска, — рассердился Кур. — Двадцать тыщ. Два по десять, а не два за десять. Не перепутай, тетеря!

И смотри, молчи, никому не проболтайся, — сердито ругнулся Кур, сильно понизив голос. Восторженное состояние приятеля его сильно раздражало. Как бы чего не напутал.

Учти, узнают, всё насмарку пойдёт. А мне парни эти пока ещё нужны. По крайней мере, пока обратно не вернулись и я не получил детальный отчёт о маршруте.

Зря, думаешь, я им летучку то в конце пообещал, да двоих своих парней в придачу? Вот то-то и оно.

И не забывай, два, два куска ржавого металла. У тебя два мотора, два! Не перепутай! Двадцать тысяч!

Кстати, завтра можешь перетащить один мотор ко мне. Пора начинать. А то времени действительно мало. Очухаются парни, схлынет с Кольки любовная лихорадка, что делать тогда будем. Только идиот или безнадёжно влюблённый, как Колька, может до такого идиотизма додуматься. Проехать к морю, на берег южного океана на трёх старых мотоциклах и двух ржавых гнилых грузовиках.

— Идиотизм.

— Но заметь, — тихо рассмеялся кузнец, — Хорошо оплачиваемый. И с ба-а-альши-и-ими перспективами, — насмешливо протянул кузнец.

Короткая дорога домой

Словно вымершие перед рассветом такие знакомые улицы, сейчас, перед самым рассветом навевали на Ваську тоску. Рядом шёл Колька и сердито сопел. Он злился на Ваську, а тот понимал, что, по большому счёту, Колька имел на то право. Что-то слишком много он последнее время стал брать на себя, не спрашивая мнения товарища и решая сам за обоих.

Теперь, хочешь, не хочешь, а надо было объяснить товарищу свою правоту, или меж них обязательно пробежит чёрная кошка. Если уже не пробежала.

Колька был парень хоть и молчалив, но иногда, особенно под настроение, вот как сейчас, мог так предметно и по существу высказаться, что потом они долго не будут разговаривать друг с другом.

И зная эту особенность товарища, Ваське надо постараться первым перехватить инициативу. А то, в самом деле, обидится, попробуй его потом разговори. Молчун он и есть молчун. Недаром же с детства к нему та кликуха прилипла.

— Ты проболтался!

Васька повеселел. Раз заговорил, всё, лёд тронулся.

— Ты проболтался, и теперь слишком многие знают, что мы действительно собрались ехать. А это опасно, могут помешать.

— Да брось ты, Коль. Кому мы нужны.

— Что брось, что подыми. Раньше все считали, что все разговоры про поездку на юг, это пустая болтовня и на нас не обращали внимания. Теперь всё будет по-другому.

— Теперь из внимания нас не выпустят. И будут мешать.

— Кто? Кто будет мешать?

— Изабелла Юрьевна.

Она и помешает, если дойдёт до неё. А до неё дойдёт, потому как, все девчонки ей всё рассказывают. Именно так Дашку за её длинный язык в своё время и поймали. Что не думала и трепала языком, вот её и вышибли с тёплого места.

— Да брось ты

— Что брось, что подыми.

— А мне к Дашке на юг надо. Кровь из носу надо. Можно сказать, судьба моя там решается. А ты проболтался.

— Да, — взорвался Васька. — Я проболтался. Намеренно проболтался, если так хочешь знать. Потому что хотел нахаляву отремонтировать ту рухлядь.

Потому что без бензовозов нам на юг хода нет. А денег, платить за ремонт — жалко. Потому как свои. Были бы казённые, компании, так хрен бы с ними. А свои жалко. Знал, что Белый купится на поездку, потому так себя и повёл. В расчёте, что тот сам предложит. Не предложил бы сам, тогда я бы ему предложил то же самое, но уже под другим соусом и с другого боку.

Но Кур должен был сделать нам всё бесплатно. Кур купился. И теперь у нас есть шанс. А час назад его не было. Потому как на одном мотоцикле, без бензина, никуда не поедешь.

— Ага, купился. По две цены за каждую свою железяку теперь вымогать будет. Это что, по-твоему, дёшево? — заорал Колька, забыв, что вокруг глухая ночь.

— А ты хотел совсем нахаляву?

Нахаляву мы с тобой уже два месяца с каргами бьёмся, а дело

и ныне там, на нуле. Братья Трошины плотно заняты на мониторах и на дирижабле. Лёха с нами даже не разговаривает, сразу посылает. У него своих дел полно. Фома в нашу сторону и не смотрит, только нос воротит, когда видит. Ещё за прошлое не простил. А никого другого у нас больше нет. И если мы чего не придумаем, о летней поездке в Приморье можно забыть. А следующей зимой я туда уже и сам не поеду. Да и тебе к тому времени станет уже не актуально. Найдёт твоя Дашка себе там нового парня, пока ты тут деньги экономишь.

Ты этого хочешь?

Колька заткнулся. Даже простая мысль о том, что там, в Приморье рядом с Дарьей сейчас кто-то другой, огнём жгла его грудь. О таком даже думать было невозможно. А уж представить себе…

Кровь отхлынула от лица Кольки, и он непроизвольно споткнулся.

— Вот-вот, и я о том же, — сердито буркнул Васятка, покосившись на него. — Чем дольше тянем, тем хуже. Надо спешить. А самим нам такое дело не потянуть. Что ты, что я только на ручки газа мотоциклов и нажимать можем. А как доходит дело до чего серьёзного, до моторов, например, что ты, что я оба тупо смотрим под бак и не можем понять, как оно там всё работает.

Только хвастаемся, что сами перебрали свои мотоциклы. А сказать кому, что это Богдан с Глебом нам всё своими руками сделали, засмеют.

А вот Кур может. И понимает. А сынок его младший Сашка, недалеко от батяни своего ушёл. Во всех железках рубит — не нам чета. Будет у нас мотористом. Так что, не спорь со мной.

Да хрен бы с ним, — раздражённо отмахнулся Колька. — Что Сашка, что Петька, мне без разницы. Пусть хоть оба его здоровых оглоеда нашими мотористами будут, мне не жаль. Лишь бы машины ездили. Только бы драться опять не полезли.

Полезут, вылетят из каравана и никакой отец им не поможет, как нарушающие воинскую дисциплину в походе. Это они тут такие оба борзые, потому как здоровые. А только за ворота города выйдем — законы другие. И командует в походе один вождь. Либо я, либо ты. А не Сашок и не Петька.

— Всё ты правильно говоришь, — тяжело вздохнул Колька. — Да как только подумаю, сколько с нас кузнец сдерёт, так дурно становится. Это ж какие деньги. Только один мотор десятку стоит. А их там два.

Перебрать и поставить на раму — бесплатно. А редуктор, а шасси? А кузов с кабиною? А фанера на всё это. А коробка

передач? Никто ж ничего забесплатно не даст. Плати, плати, плати. Никаких денег не хватит.

Может всё же сами? Всё дешевле выйдет.

— Ну да! Выйдет. Как у Данилы мастера каменный цветок выйдет из одного места, так и у тебя. Годика через два, а то и через три!

А его мастера за пару недель, а то и дней за десять всё сделают.

А деньги что. Денег жалко, конечно. Только для тебя фактор времени определяющь, а не деньги.

В ответ Колька лишь тяжело вздохнул. Хоть и прав был Васька, а денег было всё равно жаль. Они большим трудом доставались. И платить какому-то Верене за мотор десятку — конкретно жаба душила.

Да и не в деньгах дело было. Не хотелось связываться с кузнецом, да ещё и брать его сынков с собою в дорогу. Драчливы были парни и кулаки у них были крепкие.

— «Вот если всё ж поднапрячься, — вдруг размечтался он, — то и самому можно было бы всё сделать».

Только вот самому — это не менее чем через полгода, а то и через год, учитывая собственную плотную занятостью и не богатые знания в технике. А Кур обещал за пару недель сделать. Плюс кабина, кунг, колёса. За месяц управятся. Глядишь, ещё до срока отъезда баронессы на свадьбу её подруги, всё и готово будет.

Вот в суете подготовки к отъезду и они тихо в Приморье свалят. Никто и не заметит.

Что и надо. А то объясняйся с Изабеллой Юрьевной, что да куда. Всю душу вынет. Она такая.

Впереди показался деревянный тын вокруг участка. Потеребив пальцами слегка выпирающий из доски гвоздь, Васятка легко вытащил его из гнезда. Едва слышно скрипнув, толстая широкая плаха легко качнулась, открыв неширокий проход внутрь заднего двора, к конюшням.

— Да тише ты, кулёма, опять нас засыплешь.

— Сам ты кулёма! Это кто это нас засыпал?! Я?!

— Достал ты уже, Васька. Из-за тебя нас замели.

— Что значит, из-за меня. Это ты заорал в полный голос: «Оно!».

— А ты перед этим зазвенел на весь двор.

— Не начал ты бы, орать, ничего бы не было. Посмотрели бы аккуратно и ушли. А утром бы подошли спокойно в кузню и за две, три сотни злотых выкупили бы остовы. И совсем был бы другой разговор.

— А запчасти? А работа? Опять двадцать пять? Только что же говорили. Кто будет машины собирать? Я?! Ты, что ли? Не смеши.

— А хотя бы и я, — тихим сердитым шёпотом возмутился Колька. — Цундап сам собственными руками перебрал. Ну и что, что Богдан помогал. Теперь я и сам могу. Что, думаешь не смогу бензовоз себе сделать? Могу!

Нам надо то всего двести литров на нос. Чтоб с запасом.

— Ага! На каждого! И ещё двести на обратную дорогу. На каждого! Итого — восемьсот. Где ты их повезёшь, если заправок по дороге нет, и не будет.

— А сам цундап столько не потянет. Особенно считая наш вес и вес оружия. А без оружия туда я не сунусь. И тебя не пущу, несмотря на всю твою любовь-морковь.

Потому как это просто самоубийство, одним туда соваться. А уж без оружия, так вообще нет слов, нечего сказать.

— Вот и молчи, заботливый ты наш.

— Ёпрть!

— Что?

— Кто-то спит на моей кровати.

— И на моей, — изумился Васька. — Ну, ни фига себе наглость!

— Эй, ты, — пхнул он кончиком сапога чьё-то спящее тело, скукожившееся под его одеялом, в им лично оборудованном любимом спальном лежбище на сеновале.

Подымайся и проваливай. Хватит спать. Это моя постель. И моё одеяло. И вообще, наш сеновал.

Блин, — тихо выругался он. — Синька, ты что ли?

— Мы это, — донеслось из другого угла.

— Немой? Синька? А вы как здесь оказались?

Колька с Васькой, подняв высоко вверх зажженные потайные лампы, отбрасывающие на заворочавшихся под одеялами две фигуры синие узкие лучи слабого света потайных фонарей, в сильном обалдении недоумённо смотрели на две скорчившиеся от холода фигуры.

— Вы чё, замёрзли, что ли? Чё трясётесь то?

— Холодно. Погаси, — хмурый голос со второго раскинутого на соломе одеяла прервал немую сцену. — Мы это, мы. Я и сеструха моя, Синька. Ночуем мы здесь, вас дожидаючись. Второй день уж пошёл.

— У вас покушать, ничего нет?

— Чего? — Васька в полной растерянности смотрел на худое, до какой-то болезненно странной синевы личико сеструхи Немого. За что та в своё время и получила в их компании прозвище — Синька.

— Вторые сутки не жрамши, — хмуро бросил Немой. — Еле пробрались сюда через охрану усадьбы. А теперь боимся выбраться. Вдруг заметят.

— Не вдруг, а заметили.

Сразу успокаиваясь, Васька повесил фонарь на специально прибитый для того к столбу крыши крючок и с облегчением опустился на солому.

— Вас просто знают, потому и не трогали. Иначе давно б выперли. У нас тут и муха чужая не пролетит, а не то чтоб вы двое незаметно куда пробрались. За Немого говорить не буду, а вот Синька точно б попалась. Как она ходит по лесу — за версту слышно. А против наших зубров из охраны баронессы, нечего и думать. Так что это они вас просто так пропустили.

— Вопрос, почему? Чего они знают такого, что нам неизвестно. Ну ка, Немой, колись? Что у тебя дома произошло? И почему это вы два дня не ели.

— Кстати, — подсел к ним на одеяло Колька. — Вот краюха хлеба. Наши стратегические запасы на крайний случай. И бутылка молока. Для того же.

— Нет у нас дома, — глухо буркнул Немой.

Судорожно вцепившись в круглую буханку, он первым делом оторвал большой кусок с краю и протянул сестре.

— Ешь, — тихо проговорил он. — Только осторожно, смотри не торопись. А то не в то горло попадёт, раскашляешься. Раскашляешься, охрана застукает и отсюда нас выгонит.

— Голова выгнал?

— Сам ушёл. И сеструху с собой забрал. Чтоб только не видеть этой сволочи и греха на душу не взять.

— Вы же нас не выгоните? — неожиданно спросил он. — Мы тут поживём у вас чуток. Денька два, три, пока спина не заживёт. Потом мы жильё то себе найдём. На хуторах где-нибудь пристроимся. Рабочие руки там всегда нужны. А уж хлеб с молоком для Синьки я всяко отработаю.

— Да живи себе, никто тебя не гонит, — растерянно отозвался Колька.

Переглянувшись с точно таким же растерянным Васькой, он пожал плечами.

— Да живи ты, сколько хочешь, нам не жалко, — повторил он. — Охрану мы предупредим, чтоб точно не тронули.

А то хочешь, можно и в землянке устроиться. Там места свободного много, да и точно теплее. Найдём вам с Синькой уютный уголок. А то чего здесь на сене. Здесь место как бы и не для жилья.

— Не, мы лучше здесь, — сразу повеселел Немой. — А то

баронесса ваша, у-у-у, какая серьёзная тётенька. Как зыркнет, так душа в пятки уходит. Так что нет, мы лучше здесь. Тут спокойнее. И к лошадям опять же поближе. А я лошадей люблю. Они добрые, в отличие от Головы.

— А что там у тебя с твоим дядькой то вышло?

Необычно серьёзный Васька, внимательно смотрел на Немого, решительно ожидая от того рассказа.

Помявшись, нехотя Немой заговорил.

— Ударил он Синьку. Сильно ударил. Так что она потом день отлёживалась. Она помои пролила прямо ему на ноги. Споткнулась и пролила. Он её сапогом в бок и ткнул. Как бы походя. Без злобы, как собачонку, что мешается под ногами.

— А она не со зла, не специально, — загорячился Немой. — Ведро слишком тяжёлое для неё было, вот она и споткнулась. А он…

Замолчав, Немой несколько мгновений смотрел перед собой остановившимся взглядом, словно вспоминая тот страшный день.

— А он… он тоже не со зла. Он просто походя пнул, просто убирая с дороги досадную помеху. Он в ней даже человека не видел. Так, помеха под ногами, которую надо просто отпихнуть в сторону.

И отпихнул. Сапогом в бок.

Я это увидел и не выдержал. У Синьки и раньше синяки по всему телу были. Да она молчала. Не говорила откуда. А тут я всё понял. Это Голова её так сапогом каждый раз пихает. Привык уже и даже не замечает что творит.

И тут бы он не заметил бы, пройдя дальше. Да такая злоба меня скрутила. Схватил, что было под рукой и по голове его.

— Сильно врезал?

— Не дали. Телохранители его не дали. Швабру отобрали, а потом на конюшне выпороли. За то, что на хозяина посмел руку поднять. Да так, что я два дня потом встать не мог. А как очухался, ушёл. Синьку забрал и ушёл. Тут у вас решил пока перекантоваться, пока спина не заживёт.

— А то с кровящей спиной, какой из меня работник.

— Так что, парни, если не прогоните, поживём мы у вас с сеструхой, пока спина не заживёт. А потом не хутора подадимся. Там, таким как мы с Синькой, самое место. Денег больших не заработаем, но и от голоду не дадут помереть. Ну а там дальше видно будет. Мир не без добрых людей.

— Врёшь! — хрипло проговорил Васька. — Не мог Голова вот так. Не такой он человек.

— Ну да, не такой, — кривая улыбка исказила худое лицо парня. — Ты-то богатенький. Тебя он облизывал, пока земли твои

из тебя не вытащил. А потом выкинул как кутёнка, чтоб не мешал. С нами то же самое было. Пока земли в пользование ему не отписали, чтоб он ими до моего и Синькиного совершеннолетия мог пользоваться, он нас с Синькой привечал как родных. Как только пергамент на руки получил, так сразу сеструха забыла своё имя, что родители ей дали, и стала Синькой.

— Похоже, сам ты уже обо всём забыл, раз такие разговоры ведёшь. Давно ты у нас не был.

— Не верю.

— Тебе спину показать?

На, смотри!

Резко развернувшись, Немой задрал на голову рубаху. Жутко исполосованная спина парня, кое-как перевязанная кусками какой-то серой неряшливой материи, даже сквозь тряпки кровила. Что хорошо было видно в тусклом свете потайных фонарей.

— Тебе синяки показать? На смотри!

Задранная вверх со спины девичья рубашка показала парням болезненно худую, с выступающими рёбрами и костлявым позвоночником спину, всю исполосованную тонкими белыми шрамами, с правого боку которой желтел успевший уже почти сойти большой продолговатый синяк.

— Полосы это что?

— Оброненный поднос с пирожками и следом вожжи на конюшне, — тихо проговорила девчонка, медленно опуская рубашку. — Кольки тогда месяц не было дома. Он на ловах был. К его приезду успело зарубцеваться. Иначе не знаю, что бы и было. Я промолчала, а он так и не узнал до последнего дня. Как узнал, мы ушли из этого дома.

— Слушайте парни, возьмите нас с собой.

— Куда?

— Две пары удивлённых растерянных глаз непонимающе смотрели на Немого.

— Куда взять? — повторили оба синхронно.

— На юг. Я пулемётчиком могу быть. Сейчас не умею, но научусь. А Синька пульки подносить будет. И кашеварить. Она хорошо кашу готовит.

— И щи, — раздался рядом с ним тоненький голосок. — Я ещё щи умею хорошо готовить. А пока будем собираться, я ещё и борщ научусь. Меня тётя Даша научит. Та, что у вашей тёти Маши в банке работает. Она мне давно рассказала, как это делается, да всё возможности попробовать не было. Меня на кухне лишь к помойному ведру допускали, да грязную посуду мыть. И готовить

ничего не позволяли. У нас повариха ух, какая строгая была.

— Наверное, тоже боялась чего-нибудь напортить, чтоб и её Сильвестр Андреич не бил. Его все в доме боятся. Кроме моего Стёпки. Он один его не боится. Он его ненавидит. Поэтому возьмите нас с собой. Чтоб мы уехали подальше отсюда. А то Стёпка точно Сильвестр Андреича убьёт. А мне бы не хотелось. Тогда Стёпку тоже убьют, и я совсем одна останусь.

— У меня кроме него никого нет. А он этого не понимает. Поэтому, возьмите нас с собой на юг. Может там Стёпка про него забудет.

— Мы там останемся и сюда больше не вернёмся.

Тонкий девчачий голосок замолк и на сеновале надолго установилось тяжёлое молчание, нарушаемое лишь позвякиванием лошадиных удил снизу да звуками, обычно свойственными конюшне.

— У меня и деньги есть. Я могу заплатить.

Сунув руку в карман, Стёпка поспешно достал оттуда горсть какой-то тускло сверкнувшей на свету мелочи.

— Вот, десять серебрушек. Скопил за полгода. Не хватит, так я отработаю. Вы знаете, я работы не чураюсь. Надо, так я и кухонным мужиком могу быть: дрова там заготовить, за костром посмотреть. А надо, так и за пулемётом. Я быстро учусь, вы же знаете.

— Возьмите меня, — вдруг совсем тихо проговорил он. — Иначе я его убью. А ещё точнее, убьют меня. Как вижу его, глаза ненависть застилает. А это нехорошо. Мне отец говорил. Месть должна быть с горячим сердцем и холодной головой. Ни под одно из этих слов я не подпадаю. Сердце — холодное, а голова наоборот — горячая. Мне надо успокоиться. И только тогда я его убью. А пока нет, я не готов. Убьют сначала меня, и я до него уже никогда не доберусь. Он с телохранителями везде ходит. А у тех подготовочка, у-у-у какая.

— Суров ты Стёпка, — медленно проговорил Васька, словно замороженным неторопливо опускаясь на лежащее на соломе одеяло. — Тихий, тихий, а какие страсти рассказываешь. Прям Шекспировские.

— Это что? — пискнула в стороне Синька.

— Это писатель такой, земной, — бросил в её сторону взгляд Васька. — Завтра…. Нет, — запнувшись, Васька бросил короткий взгляд вверх, на сереющее в боковом оконце небо, — уже сегодня. Утром, чуть попозже, притащу из библиотеки баронессы книжку, почитать.

— А я читать не умею, — пискнула малявка. — Нам Сильвестр Андреич не позволял учиться. Говорил что нам и так

хорошо. Нам, мол, сиротам, грамота ни к чему. Нам надо на жизнь зарабатывать, а не глупостями заниматься. И каждый раз, как только Стёпка заводил о том речь, отсылал меня на кухню, а Стёпку на конюшню. Его навоз убирать, а меня помои выносить. Так я и не научилась.

— Как с тобой тяжело, — тяжело вздохнул Васька. — И тарахтишь, и тарахтишь, аж голова уже заболела. Ну что ж, будем учить. У нас тут все грамоту знают. Так что если остаётесь, грамоту придётся учить. У нас тех, кто не знает или не желает учиться, принудительно заставляют.

— И тоже порют, — мрачно уточнил он, почему-то сразу заёрзав на расстеленном поверх сена одеяле, словно у него что-то зачесалось. — Так что у нас не лучше порядки. И на глаза Изабелле Юрьевне вам действительно лучше не попадаться. Заметит, нам с Колькой точно прилетит.

— Что прилетит? — пискнула Синька.

— Спи, малявка, — сердито цыкнул на неё Васька. — Что не надо, то и прилетит. До рассвета время ещё есть, так что спите. Оба. А мы с Молчуном сбегаем пока на кухню. Может там что-то после ужина осталось. Принесём поесть.

Через час на сеновале под крышей посреди широкого красного платка, расстеленного поверх одеяла, стояли два больших судка, парящих один горячей гречневой кашей с мясной подливой, а другой обалденно ароматной ухой, запах от которой, казалось, мгновенно пропитал всё вокруг. Больше куски грубо нарезанного ситного хлеба в беспорядке валялись рядом с судками.

Ни Колька, ни Васька на кушающих приятелей не смотрели. Было стыдно. Как те мели вполне рядовые для них остатки со стола, ясно показывало, что не ели они явно не два дня. И то, с каким восторгом оба они смотрели на принесённые судки, ясно показывало, что такого блюда голодные дети никогда в рот не брали.

— Хватит, — Васька решительно отобрал ложку из рук Синьки. Рядом Колька столь же решительно буквально вырвал ложку из пальцев Молчуна.

— Таким голодным как вы, сразу много нельзя, — мрачно буркнул он. — Пусть сначала то что съели переварится, а потом продолжим. Нельзя вам много и сразу. Заворот кишок будет.

— А пока что, приберу ка я котелки от греха подальше, — поднялся он с одеяла, аккуратно держа недоеденный ужин в руках. — А вы не смотрите, куда прятать буду, — сердито буркнул он, отворачиваясь. — Сказано нельзя, значит нельзя.

— Надо будет к ящерам в академию заскочить. Спросить, как

откармливают после длительной голодовки.

Глянув на брата с сестрой, Колька лишь удивлённо поднял брови. Оба они спали, упав там, где и сидели.

— Понятно, — мрачно буркнул он. — Наша группа увеличилась ещё на две особи. Толку от которых, чуть.

— Что делать будем? — повернулся он к товарищу. — Изабелле Юрьевне показывать их нельзя. Она убьёт Голову. Она убьёт, а нас всех выкинут из города. Что будем делать?

— Заберём обоих с собой, а там посмотрим. Может жажда мести поутихнет у Стёпки и он не будет так жаждать смерти Сильвестр Андреича.

— Не надейся. Немой потому и зовётся немой, что молчит, молчит, а потом делает.

— Надо идти к профессору, сдаваться, — мрачно констатировал он. — Иначе нам из этой западни не выбраться.

— Этих здесь оставим?

— Пусть спят. Только котелки уберём обратно на кухню, а то проснутся, точно всё подъедят. А так нет.

— Я к профессору не пойду, — мрачно проговорил Колька. — У меня ещё контрольная по химии не сделана и он точно спросит почему. А мне и ответить нечего. Лучше иди пока один.

— Трус, — презрительно посмотрел на покрасневшего приятеля Васька. — У меня может быть тоже не сделана, так я же иду.

— Вот и иди, — одобрительно кивнул Колька. — А я возле малых подежурю, кабы они чего не отмочили.

Отчёт.

Долгий обстоятельный рассказ Васьки о судьбе сирот профессор выслушал сидя на стуле в своём кабинете, молча, с прямой спиной, словно проглотив аршин.

Не слова не сказав, встал и так же молча, подошёл к двери. Резко распахнув, он несколько долгих мгновений вслушивался в царящую кругом тишину.

— Показалось, — глухо проговорил он, возвращаясь. Спят все.

— Что? Что это было? — мрачный Васька подозрительно смотрел на профессора. — Мне тоже что-то такое показалось, словно за дверью кто-то тихо прошёл.

— Показалось, — раздражённо проворчал профессор.

У нас всех последнее время определённо развилась паранойя. Уже на шум ветра во дворе реагируем.

— Как скажите, — мрачно буркнул Васька. — Тогда с тем, кто показался, сами потом разбирайтесь. А я пошёл. Мне ещё с ящерами договариваться, чтоб малых посмотрели. Не знаю, сколько они не ели, но ясно, что последний раз давно был. Надо бы их врачу показать. Да и спины бы им посмотреть.

— Куда собрался, — рассердился профессор. — А отчёт?

— Э-э-э, — замялся Вася. — Может, в другой раз?

— Другого раза может и не быть, — сухим казённым тоном отрезал профессор. — Учись сразу отчитываться, чтоб больше к этому вопросу не возвращаться.

— Итак, как прошла операция внедрения?

— На ура, — уныло констатировал Васька. — Никто ничего не понял. Даже Колька. Хотя, был момент, когда мне показалось, что он что-то сообразил. Колька меня убьёт, когда узнает, что я его использовал.

— Рефлексией будешь потом заниматься, — жёстко оборвал нытьё парня профессор. — Давай по существу.

— По существу, — уныло согласился Васька. — Всё было разыграно словно по нотам. Колька страдает, я, как друг его поддерживаю и ищу любые возможности податься на юг. Все остальные старательно подсовывают нам по десятикратно завышенной цене свою ржавую рухлядь с помойки. И в первых рядах естественно Кур Белый, через своего младшенького сынка сливает нам интересующую нас информацию. Как бы между делом.

— И естественно мы с Колькой тут же оказываемся на заднем дворе кузницы Кура, где он хранит ненужное ему имущество. И естественно Кур купился на наше появление у него в кузне и как бы сам в разговоре предложил воссоздать для нас грузовики. Якобы за бесплатно. Но при этом цену на ржавый остов машины завысил раз в пятьдесят, как и на все остальные запчасти, которые он, не сомневайтесь, впарит нам по завышенной цене.

И вылетит теперь нам с Колькой восстановление этих древних одров в весомую монетку, — сердито проворчал Васька. — Можно не сомневаться, Кур своего не упустит.

Может, ну его? — просительно глянул он на профессора.

— Денег жалко, — понимающе хмыкнул профессор.

— Жалко, — поморщился Васька. — Свои ведь, не чужие.

Наплюй. Если всё задуманное выгорит, вдесятеро вернётся. Не выгорит, Изабелла вам потом все ваши потери компенсирует и спишем как на неудачную операцию. А деньги никогда не жалей.

Знаешь, как у нас на родине в своё время говорили умные люди: «Нет того преступления, на которое бы не пошёл капитал ради 300 % прибыли». А тут не триста, тут вся тысяча процентов.

Выгорит наше дело, вернётесь с товаром, все будем в шоколаде. Не вернётесь… лучше бы тебе вернуться, — тихо проговорил он.

Потому как у нас нет выбора. Нам нужна эта кислота, будь она проклята. Иначе нам крышка.

На предложение Кура придётся согласиться, — ещё тише проговорил профессор. — Всё одно деваться нам некуда, иного пути получить грузовики и вывезти из Приморья кислоту мы так и не нашли.

И молчи, — помрачнел ещё больше профессор. — Молчи об истинной цели похода даже во сне. Дойдёт до баронов с перевала, поймут что происходит — вам не жить.

Для всех и для тебя в том числе, это любовное романтическое путешествие друга Кольки к любимой девушке. Затверди это как отче наш. Так что, двойка нам с тобой Васька. Завалили мы зачёт. Слишком открыто говорили, и нас могли услышать. Двойка, нам обоим, Васька, двойка.

* * *

Стиснув кулаки, Белла стояла, прижавшись спиной к двери своей спальни, и закрыв глаза, крепко прижимаясь затылком к полотну. Ногти судорожно стиснутых в кулаки пальцев чуть ли не до крови впились в ладонь, до чего ей в тот момент хотелось выплеснуть на одного конкретного человека свой гнев.

Проснувшись рано, ещё до рассвета, она не стала никого будить и решила тихо пройти на кухню, где в небольшом кухонном леднике с вечера дожидался её кувшин любимого клюквенного морсу. В горле пересохло после вчерашней пересоленной рыбы, и разбудившая её жажда погнала Беллу по хорошо известному адресу.

Она не хотела подслушивать, так получилось. И весь рассказ Васьки профессору она прекрасно расслышала, в ужасе стоя за закрытой дверью его кабинета.

Первым желанием её была пылающая в душе жажда мести. Тут, Стёпка Немой был прав. ТАКОЕ нельзя прощать. Только вот месть может быть разной. И Василий с профессором, и Колька были правы в стремлении оградить её от подобных знаний. Потому что знали её. Такое нельзя ей говорить. Такое она не простит. И она действительно не простит.

Только вот правы они были для прежней Изабеллы. Не для той, что застывшей от потрясения статуей так и простояла всё то время за закрытой дверью, с ужасом слушая негромкий обстоятельный рассказ Василия о Главе города и о судьбе живших

в его семье сирот.

Костьми ляжет, но этому человеку не бывать больше главой города. Ни в эти выборы, ни когда либо ещё.

Теперь она всю жизнь будет разрываться. Потому как сейчас, узнав грязные тайны чужой семьи, она не встанет, не возьмёт саблю и не пойдёт вершить правосудие и справедливость, так как она раньше бы это сделала. Потому как теперь она совсем другой человек и отвечает за всех живущих в её доме. И своей несдержанностью и жаждой мести разрушить чужие налаженные жизни она не имеет права.

Год назад ещё могло такое быть. Тогда она была ещё другим человеком. Да и то, вряд ли. Уже тогда она сильно изменилась. Только вот этого тогда никто не заметил. Как не заметили и сейчас. Что она стала совершенно другим человеком.

Нет, она не забудет то, что сегодня услышала. Нет, сегодня кровь подлеца не прольётся. Потому как мстить можно по-разному. Тут Немой прав. Месть должна быть хорошо приготовленным блюдом.

И ей кажется, что уже сейчас она всё правильно делает для того, чтоб она таковой и дальше оставалась. Ей торопиться уже некуда. Голове, она за всё заплатит. За этого едва знакомого ей парня Стёпку Немого и его малую сестру Синьку, которой и имя то своё родовое забылось из-за одного подлеца. За такое, Голове придётся заплатить.

Рядовая пьянка к нерядовым последствиям…

Рядовые субботние посиделки с друзьями в бане у Головы чуть было кончились не начавшись.

Для Силы Савельича, внимательно слушавшего весёлый рассказ пьяненького уже к этому времени Головы о будущем хождение городских парней на мотоциклах на юг, в степи за Большой камень.

«Великое хождение к морю синему» — как в городе уже умудрились обозвать, сей довольно бессмысленный и опасный автопробег.

И чему там было веселиться, Сила совершенно не понимал. Если только не тому, что тот всю эту историю об автопробеге услыхал от любимой своей снохи, Имры Строгой.

Да та балаболка та ещё, известная была на весь город сплетница. Порой так языком завернёт, что и не сразу поймёшь, где белое, а где уже даже и чёрное. А где совсем: ни то, ни другое, ни третье, а непонятно что.

Тем более что с ядовитым язычком той снохи и так всё было ясно. По крайней мере, Силе Савельичу. Завидовала Имра своим более удачливым товаркам, собравшимся с парнями прокатиться на юг. Страшной завистью завидовала. Ей с дитём дома сидеть, под боком у мужа, а подругам её бывшим, тож, кстати, замужним, интересное путешествие к морю предстоит.

Хотя, если брать кое-кого знакомого из навострившихся на юг девиц, у тех тож были на руках свои дитяти. Которых они брали с собой в дорогу, между прочим. И ничуть не смущались возникающими от того неудобствами. Так что дитё тут было не самое главное. В другом в чём-то, словами не выразимом дело было, что буквально витало в воздухе, а на язык, чтоб объяснить непонятливым, не ложилось

Хотя Сила совершенно молодых не понимал. Какой может быть интерес в том, чтобы тащиться на трещащих и воняющих химической дрянью таратайках две тысячи вёрст в один конец. По пыльным, опасным дорогам, по сорокаградусной жаре, неизвестно куда. Подобное было выше его понимания.

Но если подумать, для молодёжи в том может и самый смак был. Амазонки тем и отличались от остальных баб, что опасность их только больше заводила. Словно маньячек, приманивая к себе какими-то невидимыми глазом флюидами. И по слухам такие чудеса в постели вытворяли с теми, до кого снисходили в своих милостях, что у мужиков, говорят, крышу порой сносило.

По молодости и сам Сила подобных связей не чурался. И сам как-то, с одной такой же вот воинственной подругой вот так же однажды прокатился на юг. Правда, не на машинах, а на лошадях. И если б не смерть подруги в конце, совершенно по-глупому, неизвестно ещё где бы он теперь обретался. Здесь? Или где-нибудь в Амазонии, в качестве мужа не самой бедной хозяйки? Девочка была не просто отвязная, а ещё и хорошего уважаемого рода. Так что, кто знает, чем потом оно могло всё меж них кончиться, не расслабься они в конце.

— Одно не понимаю, — зевнул Сила Савельич.

Время было уже позднее, и основная масса гостей уже постепенно отвалила отдыхать на лавки и уютные диваны по многочисленным уединённым комнаткам в баньке, не забыв прихватить с собой по дороге весёлых, покладистых девиц. А кое-кто из молодых и по паре. Остались лишь самые крепкие. Или те, кому девки молодые были уже ни к чему. Или, пока ни к чему. Он, да ещё пара старых друзей. От которых, впрочем, толку тоже уже никакого не было. Минута другая и пьяные их головы успокоятся до утра в мисках с остатками трапезы. И удивительно трезвый Голова.

Сила вздрогнул. Только сейчас он заметил, что Голова смотрит на него удивительно трезвым холодным, оценивающим взглядом, словно не сам он только что пьяным заплетающимся языком подхихикивал над собственным рассказом.

— Вижу, тебя одного интересный рассказ зацепил, — проговорил тот хриплым после холодного пива басом. — Остальные — дубы с гнилым нутром, спят уже, а ты — старая гвардия. Тебя парой бочонков даже крепкого, вымороженного пива не свалишь.

— Ну что ж, тогда давай с тобой и поговорим?

— Ну.

— Что думаешь?

— О чём?

— Не о чём, а о ком. И не тяни кота за яйца, понял уже, о чём и о ком пойдёт речь.

Что ты думаешь насчёт малолетнего влюблённого идиота и его автопробега? — открыто усмехнулся совсем помрачневший уже Голова, не скрывая своей удивительной трезвости.

Хотя нет, про влюблённого сопляка можешь ничего не говорить. С ним и так всё ясно. А вот что по остальному, мнение твоё меня бы заинтересовало.

Не удивляйся моему на удивление трезвому виду, — проворчал он, видя, что Сила настороженно присматривается к нему, ища на его лице следы долгого сегодняшнего пьянства.

Не удивляйся, — устало повторил он, тяжело проведя рукой по лицу, словно стирая усталость. — Это я перед встречей настоечку одну хитрую принял, чтоб много пить и долго не пьянеть. Совсем не получится, скоро свалюсь, но ещё пару, другую часов буду как огурчик. Потому как посмотреть хотелось, кто как прореагирует.

Прореагировал один ты. И как обычно в точку, сразу отметив важность того что я говорил. Остальные просто уши развесили.

Так что ты думаешь по поводу автопробега?

— Вот поэтому ты и Голова, а остальные из присутствующих здесь, в лучшем случае Старосты. Вот что я думаю.

— Не льсти мне, — буркнул Голова. — Да и себе тож не льсти. Сейчас не время. Говори по делу.

— Если по делу, то мне это не нравится.

— А что такое? — прищурил правый глаз Голова. — Такое романтическое любовное приключение. Путешествие несчастного брошенного влюблённого к морю, к любимой девушке. Что тебе в нём не нравится?

— Кур Белый.

— А что Кур Белый? Он-то здесь причём?

— Он-то может и ни при чём, а вот его мастерская очень даже да. Потому как она добровольно, то есть бесплатно, то есть совершенно бесплатно, — коротко хохотнул Сила, — в лице своего хозяина, того самого Кура Белого, взялась отремонтировать и поставить на ход ту рухлядь, что вот уже добрый десяток лет валялась и гнила у него на заднем дворе. На помойке, проще говоря.

Только вот бесплатность работы того Кура удивительно прилично оплачивается. Только не впрямую, а если сравнить цены, по которым он запчасти и детальки разные для восстановления своей рухляди покупает. Особенно те что раньше покупал, а теперь как бы сам себе продаёт, для восстановления движимой собственности тех двух главных инициаторов того автопробега. Неплохо так устроился. Сначала по дешёвке, за сущие гроши, скупил никому не нужное гнильё, а потом втридорога впарил внезапно появившемуся покупателю то, что тому якобы крайне необходимо.

Раздевает он богатеньких детишек медленно, но верно. А те дураки и рады платить. Сами, никто их силком к тому не тянет. Потому как сопляки и совершенно ещё в делах не соображают. Ну да ничего, Кур их быстро выучит, когда в кармане даже медной монетки на леденец не останется.

Если он заранее детишек не просчитал, то я буду не я, и Кура я не знаю вот уже сорок с лишним лет. Но поскольку знаю я его хорошо, то ничего странного я в таком его поведении не вижу. Полное впечатление, что он как бы заранее знал, что парни придут к нему за его рухлядью. Знал, и подготовился. Хорошо подготовился, надо сказать.

По крайней мере, я слышал о будущем полном восстановлении для пацанов трёх трёхосных грузовиков. А что ещё дальше будет?

— Да плевать мне на твоего хитроумного кузнеца, — тихо проговорил Голова. — Ну, заработал мужик денежку свою малую, так и что. Ну, разденет он молодых дураков до исподнего. Пусть его. Может, что другое скажешь?

— Другое тоже не лучше. Опять возвращаемся к Куру. Грузовики то он почти что восстановил. Осталась вроде как самая малость. И вроде бы как у него ещё что-то подобное намечается.

— Ну-у, — задумчиво протянул Голова. — По моим, более верным данным, там не то что, почти, там фактически конь ещё не валялся. Рамы готовы, да ходовая готова, что бы это ни было. Это же, говорят, будут не грузовики, а так называемые бензовозы. Да не простые, а какие-то модульные, довольно сложные по конструкции, собранные из этой их странной чёрной фанеры,

которая оказывается, не горит, и самой цистерны под бензин, отлитой из цельного куска броневого стекла. Тоже небьющаяся, к слову.

— Объём — две с половиной тонны жидкости, — внимательно, со значением посмотрел он Силе прямо в глаза.

— И что? — прищурил тот глаз.

— Замени цистерну с бензином на тентованый кузов грузовика и получишь чистых две с половиной тонны перевозимого груза.

— И что, — хмыкнул скептически Сила. — У того же самого Сидора большие грузовые фургоны тоже берут по две с лишком тонны груза. А при желании можно и все три.

— Да. Вот только там для обслуживания одного такого фургона требуется пара возчиков, да пара, а лучше две пары дорогущих тяжеловозов.

— А тут Кур Белый, для восстановления порушенной техники, и куча других средств. Пара тысяч золотых на одну машину, а там пара сотен на одного тяжеловоза. Сравни затраты, и что имеем на выходе?

— Бесплатное природное пастбище для лошадей с круглогодично растущей травой, и огромная система обеспечения для правильного функционирования машин. Включая сюда добычу нефти и производство бензина, и прочих запчастей, для поддержания техники в порядке.

Что дешевле? Ответ — лошадь.

— Ну да, — хмыкнул Голова. — Только вот чтобы мне перевезти на лошадях две с половиной тонны груза, требуется содержать огромные табуны породистых лошадей с кучей пастухов. Охранять эти табуны, а потом ещё и кормить отборным зерном. Которое, перед тем ещё вырастить надо и собрать без потерь. А потом ещё и сохранить от хищников всяких. И сена ещё впрок на зиму надо бы накосить. Чтоб та дешёвая лошадушка ни в чём себе отказа не знала. А иначе никаких тонн она не повезёт, силушки потому как не будет.

— А тут один шофёр и всё. Ну, и ещё Белый, со своими железками.

— А ещё бензин, который надо купить, а он не везде есть, — усмехнулся в ответ Сила. — И техобслуживание регулярное, куда там той лошади. Так что неизвестно ещё что в итоге дешевле. Лошадь, или машина.

— На сухих каменистых грунтах Приморья однозначно машина, — сухим казённым голосом проговорил Голова. — Пшеница там не растёт — сушь. Травы там практически тоже нет, летом выгорает. И ты мог бы вспомнить, что там даже лошади

местные мелкие, потому как на таком корму быстро мельчают и силы положенной уже не имеют.

— А ты, значит, серьёзно нацелился на Приморье, — внимательно посмотрел на него Сила. — И куда ж ты теперь денешь свои табуны лошадей, которые только-только умудрился с большим трудом завести, если они для тебя малопригодны?

— Останутся здесь. Здесь по бездорожью им цены нет, — улыбнулся Голова. — Здесь дорог нет, а кормов — полно. Выгони на равнину — и они у тебя сами сыты. И охранять не надо. Уничтожь перед тем двуногих и четвероногих хищников в округе, и спи, отдыхай.

— А Приморье чем тебе интересно?

— Бездонным рынком зерна. Сколько туда не вливай, всё с концами уходит. Народ там плодится как тараканы, а землицы пахотной мало. Вот и дорог наш хлебушек там безмерно. Это здесь он как бы сам собой родится. А там, чтобы пуд пшенички получить, надо два пуда пота перед тем на землю пролить. Потому и покупают они наш хлебушек с ценой не считаясь. А нам в обмен, готовы везти то чего у нас нет. Нефть, горючий камень, каменный уголь который, металлы редкие, которых у нас нет или мало, а там — полно.

Там есть одно, здесь другое. И между ними машина, которую сейчас восстанавливает Кур, с двумя с половиной тоннами груза на борту. Соображаешь?

Там нет рек, по которым можно было бы провести лодью, гружёную зерном или каким другим товаром. Туда без машины соваться нечего.

— Ну, положим каменный уголёк у нас и свой теперь есть. Заскочи к Машке Корнеевой в банк и закажи себе подводу угля. Мало — закажи две. К вечеру привезут. У них свои копи где-то в горах за озёрами и в Северном речном порту свой угольный склад недавно образовался. И довольно дёшев уголёк у них. Я, как раз недавно приценивался.

— Ну, согласен, уголёк у нас теперь и свой есть. Хотя, это как посмотреть. Разный уголёк для разных целей используется, как мне тут недавно знающие люди поведали. Так что не спеши сразу отказываться.

— Я не спешу, я думаю. А где мы машины возьмём? У Кура? Слышал я, он всю старую рухлядь по помойкам скупил, теперь якобы восстанавливает. А на самом деле подмажет, подкрасит и впаривает дуракам сопливым втридорога.

Видел я тут намедни, что он там делает. Руки бы поотрывал мастеру такому.

Или ты что, собрался втридорога у него восстановленные

машины покупать? Так, думаю, он будет не против. Не сомневайся, хорошо он на тебе наживётся. Оно тебе надо?

— Кур не один такой, — пожал плечами Голова. — И не забывай, что у нас есть Кондрат. Свой Кур, а то и почище. Все они такие, кузнецы. И восстановленные им машины, коль склонится к тому, нам всяко встанут дешевле, чем у Кура. Тем более, если кое-кто заранее пошевелился и сделал необходимый запасец всяких разных запчастей.

— И кто это?

— Догадайся с двух раз.

— А если без догадок?

— Если без догадок, то у нас с тобой. Значит у меня и у тебя, — ухмыльнулся с намёком Голова, — кое-что есть.

— А, — нехотя согласно кивнул Сила. — Помню-помню. Потенциально десяток остовов старых машин в приличной сохранности и у нас наберётся. А если пошарить по сусекам — ещё пяток добавить можно. Зря, что ли, мы с тобой пытались когда-то уже этим делом заняться. Лет пять тому. Да что-то не пошло. Как раз из-за того что дорог здесь нет.

— А в Поморье хороших дорог полно, — усмехнулся Голова. — Там куда не поверни — везде дорога. Там, дождь прошёл — в болоте не застрянешь. А тут — ноги по чернозёму разъезжаются.

Вот куда надо было наши усилия сразу направлять, как Кур. А не в наши болота.

Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Ну, так что. Не желаешь заняться грузоперевозками в Приморье? На паях. Половина тебе, половина мне. Остальные все — побоку.

— И Кур? Он был тут недавно, предлагал скооперироваться. Кстати, и остовы машин пытался по дешёвке выкупить.

— Кур в первую очередь. Нам конКУРренты не нужны, — ехидным голосом Голова выделил главное. — Хватит с нас одного барона. Не хватало там ещё кузнецов.

— И что делать надо?

— Надо чтоб они не вернулись.

Замолчав, Голова холодно смотрел прямо в глаза Силе, словно проникая тому в самую душу. Какое-то время помолчав, продолжил, нарушив тяжёлое напряжение, казалось разлившееся по комнате.

— И не говори, что ты не понял.

У тебя же остались старые связи в той части Приморья, куда собираются эти влюблённые сопляки?

— Ну, — сделал вид, что задумался Староста. — В своё время были. Как и в Западной части, — кольнул он быстрым взглядом

невозмутимого Голову. — Если ты понял, о чём я.

Остались ли на востоке? Не могу сказать, не знаю. Справки наводить надо.

— Наводи, — медленно кивнул Голова. — Наводи, дружище. Но так наводи, чтоб не получилось как в прошлый раз, со скальными ласточками. В этот раз осечки быть не должно.

Пора нам самим выходить на новые рынки сбыта нашей пшенички, конкурентов на которых мы не потерпим.

Не одному Кунице искать новые пути, — вдруг коротко хохотнул он. — Мы тоже сам с усам.

«Случайная» встреча.

Стоящее высоко в зените безумно палящее апрельское солнце безжалостно загнало Галину Буян под крышу конюшни в придорожном трактире, куда она привезла на продажу свежую зелень со своих теплиц. Небольшие деньги, но хоть что-то. Других вообще не было. А так, хорошо знакомый трактирщик дал молодой амазонке возможность немного подработать. И на том спасибо. Тем более что заработок этот был хоть и по мелочи, зато постоянный, позволявшей её небольшой семье, хоть как-то держаться на поверхности.

Дела последнее время шли неважно. Разругавшись из-за собственного вздорного характера с баронессой де Вехтор, Галочке вместе с мужем пришлось спешно покинуть компанию, оставшись с малым дитём практически без средств к существованию. И такие вот мелкие подработки позволяли их небольшой семье хоть как-то прилично существовать.

И то лишь благодаря тому, что баронесса пожалела молодую семью и не отобрала данный им когда-то в пользование хутор. А могла бы, как это ни неприятно было признавать.

Быть должной кому-то даже в мелочи, сильно угнетало Галку. Как и то, что та в любой момент могла это сделать. Хоть и были у них на руках все положенные владельцам бумаги, а они с мужем так до сих пор и не выплатили всех затрат компании по обустройству усадьбы. И если не выплатят в ближайший год, лишатся когда-то подаренного. В любой момент Галина со своей семьёй могла вылететь на улицу, лишившись последнего.

И никаких перспектив впереди. Столько, сколько стоит одно только стекло, что пошло на теплицу, единственное, что держала их ещё на плаву, одной только продажей зелени ей в жизни долг не выплатить.

Прислонившись спиной к нагревшейся к полудню щелястой

стенке конюшни, Галочка устало прикрыла глаза. Надо было отдохнуть перед долгой дорогой домой. В дом, который ей дала всё та же баронесса со своим мужем, и которых она «отблагодарила», прилюдно матерно послав, в ответ на какое-то мелкое замечание с её стороны.

Настолько мелкое, что сейчас не могла даже вспомнить, что именно стало причиной ссоры. Причём, знала ведь тогда что неправа, а всё равно не сдержалась.

Расстроенная тогда какими-то своими мелкими обидами, которые тогда казались ей такими важными, она совершенно без причины, по-глупому вдрызг разругалась с баронессой. И та её выгнала. Просто взяла и выгнала, сказав, что свои чувства надо держать в узде и не срывать на посторонних собственное дурное настроение. И самое главное, не надо людям хамить. Тем более начальству.

Только вот она тогда не услышала, что ей говорят, с удовольствием отпустив пару матерков в её сторону.

Тогда ей казалось, что она сильна и независима, что права, что баронесса к ней намеренно придирается. Сейчас, по прошествии долгого времени, она уже так не думала, поняв, какая же она была тогда дура.

Возраст и собственная взбалмошность порой толкает людей на самые настоящие глупости, цену которым понимаешь значительно позже.

О прошлом вспоминать не хотелось. Всё равно ничего не исправить. Сидеть в тени под широким свесом кровли конюшни было хорошо и думать ни о чём не хотелось. А впереди была ещё долгая дорога домой.

— Не застилай мне солнце, — тихо проговорила она, не раскрывая глаз.

— Какое тут солнце, тут тень. Полдень уже давно, а ты битых два часа сидишь под стенкой и никуда не двигаешься. Что-то на тебя это не похоже.

— Имра Строгая, — не раскрывая глаз, с холодной улыбкой на губах медленно проговорила амазонка. — Какими судьбами? И не говори, что ты здесь оказалась проездом, случайно.

— Действительно проездом. И действительно случайно.

Даже с закрытыми глазами было явственно видно, как высокая красивая амазонка в дорогом роскошном платье весело передёрнула плечиком.

— Свёкр послал по делам на хутор. Вот я тебя тут случайно тебя и увидала, сидящую под стенкой. И сразу решила подойти поинтересоваться. А как это идут дела у моей слишком самостоятельной и гордой подруги, сидящей сейчас в стареньком

застиранном платьице под стенкой придорожной конюшни в низкопробном трактире?

— Хочешь в глаз, Имра? — тихо спросила амазонка. — Старое застиранное, с парой заплат платьице не помешает сидящей под стеной придорожной конюшни нищей амазонке дать в глаз старой подруге. Тем более, когда ей этого очень хочется.

— Когда хочется, это хорошо. Это говорит о том, что есть чувства. А чувства — это самое главное, что есть у женщины.

— Чего надо, говори. Или проваливай. От твоей болтовни у меня уже голова болит.

— Если голова болит, это тоже хорошо. Это значит, что она есть. Хуже, когда она не болит.

Внезапно замолчав, стоящая перед сидящей на земле подругой с интересом стала смотреть на неё, явно ожидая реакцию той.

— Ну, хорошо, — наконец не выдержала сидящая. — Будем считать, что ты меня заинтересовала. Хотя сам факт твоего здесь появления и нашей, как бы случайной встречи уже о многом говорит. Значит, я не ошиблась. И вчера действительно видела в этом трактире одну из твоих прихвостней. А значит, и к встрече со мной ты готовилась.

Говори или проваливай. Мне отдохнуть надо перед дальней дорогой. Ещё до дома чуть ли не полдня добираться, да и там дел своих хватает. А завтра всё по новой.

— Вот и я о том же, — покладисто согласилась Имра. — Завтра у тебя всё по новой. Неизменным останется лишь то, что у тебя есть муж. А может ведь и не быть.

— Это угроза?

— Это констатация факта.

Кое-кто крайне недоволен, что кое-кому очень хочется устроить автопробег по сухим и пыльным дорогам Приморья. Я ясно выразилась?

— Значит, это угроза, — флегматично констатировала амазонка.

Она всё также сидела, не открывая глаз, но в позе её что-то неуловимо изменилось, словно это была уже кошка, готовая в любой момент прыгнуть на беззащитную мышку.

— Вот-вот, — хохотнула стоящая перед ней молодуха. — Узнаю старую подругу. Всегда на страже себя и своей семьи.

Муженёк то твой, говорят, связался с компанией сопляков и собрался вместе с Колькой Молчуном и Васькой Профессорским на юга прокатиться. А кое-кому их автопробег, ещё не начавшись, уже поперёк горла встал.

Ещё ничего не сделано, а меры наставления на путь

истинный уже в ход пошли.

Широко распахнутые глаза сидящей под стеной амазонки внимательно смотрели на стоящую перед ней старую знакомую.

— Говори, Имра, или я из тебя палкой сведения выколочу.

— Палкой не выколотишь, — флегматично отозвалась та. — А вот купить, можешь.

Тихий негромкий смех был ей ответом.

— Кто? Я? Не смеши. Я за всю зиму столько не заработала, сколько один твой сапожок, выглядывающий из-под платья, стоит.

— Платят не обязательно деньгами.

— В холуи к тебе не пойду, ты меня знаешь.

— Не надо. Мне, такие как ты, без надобности. С тобою одни проблемы. Лучше сделай так, как я говорю, и мы в расчёте.

— В расчёте за что?

— За то, что я тебя предупредила.

— Хм?! Что вестнику несчастий надо? — неприятно усмехнулась амазонка.

По спине Имры Строгой пробежал явственный холодок опасности.

— О! Сущую малость, — поспешила она тут же сбить пустое наваждение. — Всего-навсего подойти к твоей хорошей знакомой Изабелле де Вехтор и передать ей всё, что я тебе сейчас скажу.

И не говори мне, что не примет. Примет, я знаю. Она неплохо к тебе относится, несмотря на то, что сама же тебя и выгнала за твою наглость и хамство. Но это уже дело прошлое, полузабытое. А вот то, что я тебе сейчас скажу — дело твоего и её будущего.

— И что же тебе надо? Или ты альтруистка?

— Немного. Место в её свите на свадьбу будущей Императрицы Срединной империи.

— Вот оно что. Высоко взлететь хочешь.

— Да уж, хотелось бы.

— И за что же она тебя туда возьмёт?

— За то, что ты ей передашь. Что мой разлюбезный свёкр задумал со своим приятелем Старостой помешать её парням вернуться из автопробега по Приморью.

Весёлая любовная комедия грозит в какой-то момент превратиться в кровавую грязную драму. Где счастливого конца для влюблённых не будет. Где твой муж, собравшийся прокатиться со своими приятелями на юг… Кстати, без тебя, милочка, заметь. Обратно он уже не вернётся. Не предусмотрено некоторыми господами его возвращение. Ни его, ни всех остальных.

Моему дражайшему свёкру не нужны в его светлом будущем конкуренты на его будущих торговых трассах в Приморье. И он

готов сделать всё, дабы таковые там и не появились. А невозврат так нашумевшей в городе компании — самое верное средство чтоб избыть будущих конкурентов.

Сведения абсолютно верные. Подслушала одна из моих девочек, что обычно ублажают гостей свёкра в его регулярных субботних посиделках. В прошлую субботу, таковая встреча и произошла.

Спросишь, почему сама не пошла, а к тебе обратилась? Так это совсем просто. Никто не должен знать о том, что я тебе только что сказала и что я сама заложила собственного родича. А с тобой никто ничего не свяжет. Мухи отдельно, котлеты отдельно. Мы с тобой старые подруги, знакомые ещё по училищу. Случайно встретились на дороге и потрепались ни о чём. В дороге, в которую сам же свёкр меня и отправил. Сам, без моего участия. Так что со мной никто ничего не свяжет. А приглашение баронессы можно выразить как знак внимания семье первого человека города. И свёкру приятно, и мне хорошо. И никто ничего не знает.

Я достаточно ясно выразилась?

— Ну, а я буду тебе обязана, за то, что ты помирила меня с баронессой. И за то, что ты спасла моего мужа.

— Правильно, Галочка, понимаешь, догадливая. За что я искренне тебя уважаю и люблю. Будешь мне обязана.

Невольно проскочившие в голосе Имры едва заметные покровительственные нотки заставили лицо амазонки закаменеть. Впрочем, в полутени полуденного солнца это проскочило незаметно. Да и Имра не обратила на то внимания, будучи всецело сосредоточена на своих словах.

— Если да, то жду от неё ответа не позже чем через неделю, — уже другим, командно приказным тоном заговорила она с амазонкой.

Если ваша баронесса сочтёт таковые сведения достойными внимания, то я надеюсь на получение места в её свите на свадьбу. Мне и четырём моим телохранительницам.

Не ответит — тоже хорошо. Будем считать, что я в ней ошиблась. Получу приглашение — буду считать, что мои слова по достоинству оценены.

Ну, я пошла?

— Иди.

— Счастливо оставаться, — весело рассмеялся звонкий женский голосок над головой сидящей под стеной конюшни амазонки.

Молча проводив взглядом неторопливо ушедшую Имру, Галина долго ещё сидела, о чём-то усиленно думая.

— Тварь, — едва слышно прошептала она одними губами. — Ну, какая же ты тварь, Имра. Думаешь, меня купила? По дешёвке… Ну-ну. А девочек наших под старых мужиков подкладываешь, чтоб знать, что вокруг твоего свёкра творится. А сама чистенькая стоишь в сторонке и наблюдаешь. А потом ещё и рожу на них свою породистую кривишь, гулящие мол.

Что же делать, — едва слышно прошептала она. — Что же делать.

Что делать она уже знала. Теперь и она поедет в Приморье со своим мужем. Нечего ей здесь больше делать. Не её это дело возиться в земле и выращивать редиску и зелень, к столу проезжающих мимо любителей вкусно покушать. Хоть и умела она это, но не её это была стезя.

Надо было идти к баронессе. Не хотелось, а надо. Пускать дело на самотёк, а там как кривая вывезет, было нельзя. Муж у неё был один, и оставаться одной, и дочку оставлять сиротой, да ещё в столь юном возрасте, Галка не желала. Значит, придётся с ним вместе отправляться на юг. Стоять у него на дороге, запрещая отправляться в опасное путешествие, она не будет. Зная его натуру, такого делать категорически нельзя, если она хочет потом счастливо прожить с этим человеком всю свою жизнь. Она едет вместе с ним на юг. А там…

Там и посмотрим, куда кривая вывезет. Ну а пока что, к баронессе.

Такая знакомая просторная комната с высокими потолками в жилой землянке баронессы, как обычно в это время дня была пуста, если не считать за людей замершие за спиной Галины две тонкие девичьи фигурки. Впрочем, Галя не обманывалась хрупкостью их фигур. Не понаслышке знала, на что те способны. Сама же вместе с ними когда-то и тренировалась, а потом и кровавую практику на ящерах вместе с ними проходили, те, кто выжил. Она выжила. Потому сейчас и старалась не делать резких движений, дабы не провоцировать бывших подруг.

— Пусть они выйдут, — хмуро бросила она сидящей за столом баронессе.

Стоять вот так, перед «барыней», с молча держащимися за её спиной охранницами, готовыми в любой момент порвать её, было противно. Но пока что ничего сделать она не могла. Да и не хотелось. Это она пришла просить баронессу, а не та пришла к ней. Потому и стоило засунуть свою гордость поглубже, и постараться хорошо сделать дело, за каким сюда пришла.

И всё равно, несломленная гордость не давала спокойно это принять.

Дождавшись молчаливого кивка баронессы и следом за тем столь же молчаливого удаления из комнаты охраны, амазонка заговорила. Рассказ её был короток, но судя по выражению на лице Изабеллы, совсем не нов для неё и интереса не представлял.

— Ну, это не новость для меня, — суховатым голосом подтвердила та Галкины подозрения. — Постельные игрушки, да и прочий всякий народ не только Имре стучат, как ты, надеюсь, понимаешь. Многие больше любят деньги, чем какую-то нематериальную верность хозяину. Особенно когда тот их за людей не считает. Так что реакцию городских властей в лице Головы и Старосты на планируемый автопробег Кольки Молчуна на юг, можно было бы предвидеть.

— Я тебе даже больше скажу, чем передала Имра. Следующим же утром после баньки в Приморье убыл гонец, готовить горячую встречу для наших парней.

— Что, этого тебе Имра уже не сказала, — покивала она головой, глядя на изумлённо распахнувшиеся глаза Гали. — Видать, не посчитала нужным. Так что, происходящее в доме Головы, мы прекрасно знаем и без её помощи.

— Поэтому и можешь не беспокоиться, что ты что-то Имре должна, за эту нашу встречу. Будем считать, что она обойдётся,

чтоб за такую малость быть ещё чего-то ей должной. В следующий раз, когда захочет что-то сообщить, пусть лучше готовится. И передаёт действительно ценные сведения, а не бабий трёп.

— Тогда я пойду, — мрачно буркнула амазонка, разворачиваясь на выход.

— Я с тобой ещё не закончила.

— Ну?

— Ц-ц-ц! Как была ты наглой грубиянкой, так и осталась, — покачала головой Белла. — Ничто, кажется, исправить тебя не сможет. Ну да я не педагог и тратить собственное время на исправление дефектов твоего воспитания не собираюсь. Поэтому, слушай сюда. Говорю один раз, а потом ты уж сама решай. Повтора не будет.

Мальчики зарвались. Планируемая ими поездка иначе, чем идиотской и названа быть не может. И не надо прикладывать никаких дополнительных усилий, как это стремится сделать Голова с дружком своим, чтобы никто из наших парней оттуда не вернулся. Две тысячи вёрст туда, две тысячи вёрст обратно. По территориям, где проживают воинственные и многочисленные группы самого разного населения. И не самого трусливого, стоит сказать.

— И на чём? На старых, гнилых развалинах, слова доброго не стоящих.

— Поэтому, думаю, некая небольшая помощь нашим парням с моей стороны, лишней не будет. Только вот не хотелось бы мне её афишировать. Иначе парни будут как-то бледно выглядеть. Так что, хорошо, что ты сама пришла, и мне не пришлось за тобой посылать. Так со стороны выглядеть будет естественней.

— Что?

— Что ты, вместе со своим мужем и со своими друзьями и подругами, с которыми ты в своё время вместе покинула нашу компанию, собралась отправиться в Приморье.

— Мы не самоубийцы, — пересохшим вмиг горлом проскрипела Галина. — Нужно оружие, а его у нас нет. Сдали при увольнении.

— Ошибаешься, — одними губами улыбнулась Белла. — Вы не всё сдали. Кое-что из трофейного и «прилипшего» к рукам разными способами, ты, по своей хомячьей натуре, по тайникам заныкала. А теперь, видя прямую угрозу своим мужьям, а ваши мужья обязательно отправятся вместе с вами в этот автопробег, потому как мне не нравится, что парней там, в группу автопробега, набирается всего четверо сопляков и одна девчонка малолетка…

— Ну и где эта моя нычка? — покосилась на баронессу Галя.

— Не перебивай, — осадила та её. — В своё время тебе скажут, где и что ты спрятала.

Так вот. Достав из нычки, как ты её назвала, кое-какие денежные запасы, отложенные тобой на чёрный день, вы отправляетесь вместе с мужьями на юг. В море поплавать, на солнышке позагорать, фруктов южных, здесь не существующих, сладких покушать.

А на сладости, как ты понимаешь, необходимы денежки. Так что небольшое вспомоществование вам не помешает.

— И насколько небольшое вспомоществование нам не помешает?

— Тридцатка в месяц, за каждую рабочую голову. Плюс боевые, кормовые, за ранение и прочая, прочая, прочая. Обычная плата наёмника и их капитана где-нибудь там, на юге. Исходить будем из количества привлечённых тобою человек.

Сколько можешь гарантировать? Включая сюда же и ваших мужей, знать которым о нашей договорённости совсем не обязательно. Должны же быть у жён и свои, женские тайны. Ма-а-аленькие такие.

Выставив перед собой два стиснутых чуть ли не вплотную указательного и большого пальцев, Белла отчётливо показала, насколько они должны быть маленькие. Узость щели, которой практически не было, впечатляла.

— Десяток девчонок точно пойдёт, — медленно, словно размышляя вслух, проговорила Галина. — Плюс мужья. Плюс ещё пять семей — под вопросом. Но думаю, уговорю.

— Думаешь, или уговоришь?

— Уговорю.

— Значит, тридцать душ. Как и предполагалось.

— Держи! — кинула она Гале незаметно появившийся в её руке тяжёлый кошелёк с чем-то глухо звякнувшим. — Здесь четыре тысячи, плата вперёд за три месяца на отряд в тридцать человек. Месяц туда, месяц обратно, и месяц погреться на солнышке, покупаться в море, позагорать.

— Уложитесь быстрей, остаток в премию. Не уложитесь, будем думать. Если причина уважительная — доплата. Профукали свободное время на разные глупости — выбирайтесь, как хотите.

Устраивает — работаем. Не устраивает, деньги возвращаешь, и мы с тобой не виделись. Ваше решение?

— Что с лошадьми?

— Рада, что задаёшь правильные вопросы. Значит, будем считать, что договорились. Лошадей не будет.

— Что?

— Была у меня мысль организовать конно-механизированную группу, да поговорив со знающими людьми, знать о которых тебе не обязательно, отказалась. Слишком разные скорости передвижения. Да и вообще, слишком всё разное, начиная от обеспечения. Слишком большой разброс. Одним движителям надо бензин и машинное масло, другим — сено и зерно. Выбор остановился на машинах. Будем блюсти чистоту эксперимента.

— Тогда как? — распахнула от удивления глаза Галина.

— На машинах.

— На мотоциклах?! Но там же, нет места?

— А вы на своих.

— На каких своих? — насторожилась Галина.

— Как? Разве я тебе не сказала? Странно. Тогда говорю. У тебя на удивление оказалось много денег. Просто удивительно много. Ты оказалась такая запасливая, такая запасливая. Не всё ты растранжирила из той немалой премии, выплаченной тебе за погромы кабаков, торговавших палёной водкой. Большую часть её, ты не профукала, а припрятала. На чёрный день. Да и до того кое что в загашнике было. Да и потом постаралась сохранить денежку, влача чуть и не нищенское существование, лишь бы не разбазарить основной капитал.

День пришёл. Потому-то ты и купила себе и своему мужу для поездки на юг три грузовика.

Нычку, где ты потом, чуть попозже, найдёшь несколько припрятанных остовов кое-какого старья, которое требует серьёзной реставрации, тебе потом тоже укажут. Из двух из них сделаете кунги, с возможностью ночёвок на полтора десятка человек каждый. А один у вас пойдёт под бензовоз. Иначе просто не доедете куда надо. Да и вернуться будет проблематично. Если решим что не хватит, потом ещё найдём что-нибудь из ранее тобой припрятанного.

Учти. Ты вообще девочка запасливая. И у тебя в «нычке», много чего есть. Даже странного, дабы возникнет в том нужда. Не скромничай. Надо что, никогда ни в чём себе не отказывай. Только знать вовремя дай, чтоб пополнить запас или организовать новую нычку.

— А ремонт? Ни я, ни кто-либо из нас, ни ухом, ни рылом… Не говоря уж о том, что никто из нас и водить то машины не умеет.

— С ремонтом сложнее. С этим — беда. Попробуй сама с кем-нибудь из кузнецов договориться о срочном заказе. Например, поговори с Куром Белым. Наши мастера из мастерских заняты все три рабочие смены и времени свободного совсем нет.

Также и с обучением вождению. Ищи сама умельцев. В городе

землян полно, глядишь, кто-нибудь и согласиться подучить вас. Нет — поход откладывается, вплоть до расформирования всей твоей группы. Считай это первой проверкой на соответствие тебя как лидера группы.

— А Кондрат, Стальнов? Что если я к нему обращусь? У него мощная кузня.

— Не очень здорово, — поморщилась Белла. — У нас с ним сложные отношения и не хотелось бы его поддерживать нашей денежкой. Ну да будем считать, что ты — не мы. Тем не менее, попробуй сперва с Куром переговорить. Не получится у того к сроку справиться с работой, договаривайся с кем угодно, хоть с чёртом, хоть с Кондратом. Этот зубами вцепится в такой заказ, тем более что сидит сейчас без работы. Главное, чтоб ко времени отправки всё было готово.

— И не тяни. Кто его знает, что завтра Кольке стукнет в голову. А со стороны всё должно выглядеть естественно. Друзья решили помочь другу, для чего не пожалели и заначки.

Вы должны убыть ещё до моего отъезда. Хотя, это и не обязательно.

Белла на какой-то миг задумалась.

— А что? Может в этом и есть смысл. Меньше подозрений на наш счёт будет. Все знают, что у нас с Кондратом напряжённые отношения, и что мы у него ничего последнее время не заказываем, хотя зачастую со всеми своими объемами работ сами вовремя и не справляемся. Поэтому и тебя с нами не свяжут. Подозревать обязательно будут, но впрямую не свяжут.

— Решено, — несильно хлопнула она ладонью по столу. — Заказывай у Кондрата. Пусть он посоревнуется с Куром. Да и Кур не будет тогда так сильно зарываться, поняв, что и ему есть реальная альтернатива.

— А деньги?

— Деньги тебе передадут одновременно с остовами грузовиков.

И учти. Никто ничего не должен знать о нашем разговоре. Никто! Для всех — мы в стороне. И о моей роли в этом автопробеге знать никто не должен. Понятно?

Дождавшись согласного кивка, продолжила.

Очень хорошо. Тогда идём дальше.

Такой многочисленный отряд, насчитывающий уже чуть ли не под полсотни отправляющийся на юг человек, неизбежно привлечёт к себе внимание. Поэтому вам надо позаботиться об оружии.

Много предложить не могу, потому как, все запасы уже раздёрганы по другим делам, а новое делается крайне медленно.

Людей катастрофически не хватает. Поэтому, выделить могу не более пары пулемётных систем и десяток пневматических винтовок. О мортире даже не думай. Их нет. Их просто нет ни одной.

С бронью проще. У Марка есть серьёзный запас на все случаи жизни. Так что приодеть весь свой отряд в бронь можешь без проблем.

Получить всё это очень просто. Просто явишься с деньгами на завод и за двойную цену, минуя очередь, выкупишь всё потребное вам оружие. Никто и не пикнет, потому что дурных, согласных платить такие деньги, кроме тебя в очереди нет. Не скупись, деньги всё равно вернутся в тот же карман, откуда их и взяли. То же самое проворачиваешь и с броневым стеклом на машины. Не скупясь, платишь две, три цены и опять же без очереди забираешь, как только будет готово. Всё будет тебя ждать.

Ну, — баронесса задумалась, пытаясь вспомнить, всё ли она сказала. — Вроде всё. Что ещё вспомню, потом дополним. Главное ты поняла. Восстановить машины, вооружиться до зубов, скататься на юг, окунуться в море. Покупаться, обсохнуть, оглядеться кругом. Там, на в походе, тебе поставят новую задачу. Её надо будет сделать и благополучно вернуться обратно. Обязательно живым. Потому как мёртвые вы мне здесь не нужны. Живым вернуться и на машинах. Что сломается, притащить обратно на прицепе. Бросать, крайне не рекомендуется не смотря ни на что. На вас и на машины у нас серьёзные планы. Так что, дерзай Галочка. Всё в твоих руках.

— Вопрос, — застыв на месте, Галочка напряжённо глядела на баронессу. — Почему я?

— По многим причинам, — словно ожидая такого вопроса, непринуждённо отозвалась Изабелла. — Первая причина — тебя давно знают в городе. Ты здесь не чужой человек. Вторая. В своё время у тебя было много своих денег. Так что внезапное появление у тебя на руках крупного каптала можно легко объяснить. Нычку, как ты говоришь, вскрыла. Время пришло, ты и вскрыла. Нет прямой привязки к нам.

— Третья причина. Ты в достаточной мере харизматичный человек. Ты безусловный лидер. За тобой пойдут многие. Взять, к примеру, тех амазонок, что после скандала с тобой ушли из нашей компании. Таких немного, но они есть, и они смотрят на тебя и на твои поступки. А люди нам нужны. Тем более самостоятельные независимые личности. И было б неплохо вернуть вас обратно.

— А если я сбегу?

— Беги, — пожала Белла плечами. — Никто тебя не держит, и

за руку ловить не собирается. Полученные тобой деньги спишем как на неудачный эксперимент. Только раз побежав, всю жизнь потом бегать будешь, пока под каким-либо кустом не остановят.

И тебе некуда бежать. Ты никому нигде не нужна. Кроме как мне. Так что, выбор за тобой. Определяйся, чей ты человек.

И последняя причина, почему именно ты. На нас слишком давят. Мы на виду. Мы слишком открыты. Любое наше начинание тут же привлекает внимание и начинается сильное противодействие. Нужна массовость. Нужен вал народного движения в нужном нам направлении, который стронет лавину, которую никому не остановить. И нам сразу станет легче. От нас, пусть и не сразу, отстанут, в попытке заняться другими. В частности, тобой. И ты должна быть и к этому готова.

— Ещё вопрос. Как насчёт того, чтоб выделить мне процентик?

— Какой процентик?

— Ну, я так понимаю, мы организовываем новую торговую компанию с совместным капиталом. Я, — Галина демонстративно вальяжно несколько раз молча, подкинула тяжёлый мешочек с золотом в руке. — И вы, с вашим интересом.

После автопробега останутся машины, с которыми надо что-то делать. А что если сразу подумать об организации транспортной компании? Там, в Приморье.

Основная причина почему машины — сложности с обеспечением зерном лошадей. Овёс и сено там, я слышала, растут в цене как на дрожжах, потому как мало его. А вот нефти и нефтепродуктов там в избытке. Дорогое и всё растущее в цене зерно и дешёвый, всё падающий и падающий в цене бензин.

— Мысль интересная, но лучше вернуться к ней, так сказать, по итогам. Ничего нет невозможного. Но даже для начала разговора должна быть более весомая причина, чем просто желание прокатиться за чужой счёт на юга.

— И пока что даже на процентик ты ничего не наговорила. Всё, свободна.

Резко кивнув, словно у неё судорожно дёрнулась голова, хрипло пробормотав путанное неразборчивое согласие, амазонка быстро вышла из комнаты, не обратив внимания на внимательно проводившие её глаза охраны.

Тихо скрипнувшая боковая дверь впустила в комнату профессора. Пройдя к столу, тот молча опустился на стул.

— Что думаешь?

— Думаю, хватит ли её группе трёх грузовиков? — устало провёл ладонью по лицу профессор. — Пока что у нас расчётных два под перевозку людей и один под бензовоз. Для

гарантированного возврата всей группы, бензовозов должно быть два. Мы с тобой это уже считали. Значит, надо где-то добавить ещё один грузовик.

Знать бы ещё, где его взять, — мрачно проворчал он. — Все помойки подмели, весь хлам по сараям собрали. Где ещё брать — просто не знаю. Но если в городе не найдём, придётся искать по другим городам. И тогда можно засветиться.

И неясно пока, кто у них там будет главный.

— Пока главный у них по всем вопросам Васька, — флегматично отмахнулась от него Белла. — А потом Галочка его подомнёт. Точнее, попробует подмять. Как мужа своего в своё время подмяла под себя, так и этого подомнёт. Или попробует, — ухмыльнулась Белла.

— Молод ещё Васечка выбиваться в командиры, — устало прикрыв глаза, тихо проговорила Белла. — Так что, не беспокойся, этот момент просчитан. Да и Васятке даны строгие указания, чтобы на конфликт не шёл. Пусть учится.

— Меня другое беспокоит. Неконтролируемый рост числа участников автопробега, — нахмурилась она. — Не слишком ли это уже подозрительно выглядит? Как-никак, а уже набирается девять грузовиков, два мотоцикла и две карги.

Задумавшись, Белла стала беззвучно что-то про себя подсчитывать, без звука шевеля губами.

— Два цундапа — это Колька с Васькой, — зевнув, включился в подсчёт и профессор. — Ещё один — Тихон с Рыжиком. Итого — три.

— Что?

— Да-да, — обречённо вздохнул профессор. — С Рыжим нашим придётся на время расстаться. Он их дружок и нужен им для большей безопасности. А Тихон тоже решил податься с парнями на юг. Знаешь же их неразлучную дружбу.

Вот как с Катенькой своей окончательно вдрызг разругался, так к парням на сеновал и подался. Теперь торчит в их сарае днём и ночью. Берлога у него там.

Водить мотоцикл он умеет. Научили на свою голову. Так что осталось подобрать ему лишь кого из парней сопровождающим на пулемёт в коляску, и можно смело отправлять на юг. Всё, парни будут под присмотром серьёзной личности.

— Ну да, на Тихона можно положиться, — вдруг смутилась Белла. — Хоть он и шатун, но это ерунда, это временно. А вот без Рыжика мне никак. На свадьбе без него мне не справиться. Рыжий многое чувствует и без него нам будет трудно. Так что, не спорь, Фокс едет со мной.

Тихону же подберите компанию кого другого из медведей.

Если уж мотоцикл управляется медведем, так пусть их там будет двое. Один за рулём, другой в коляске.

Что, у Тихона нет приятелей среди своих, согласных на мотоцикле покататься?

— Да есть вроде, — задумался профессор. — Бурый, вроде бы как крутился постоянно возле него. Рваное ухо, вроде бы тоже к технике неравнодушен. Правда, габаритами они оба поболе Тихона будут. Но, думаю, это не наша печаль. Главное, чтоб коляска выдержала. Или пусть Тихон сам подберёт себе компаньона.

— Во-от, — довольно протянула Белла. — Решили. Возвращаемся теперь к нашим подсчётам.

Значит, что у нас? Группа Кольки с Васькой. Три грузовика. Две бензовоза и одна летучка, подарок Кура. Плюс три мотоцикла. Люди: Колька, Васька, Митяй, Степан Немой, его сестра малявка и группа егерей с Ягодного. С этими — пока не определились. Звери — Тихон. Один или в компании с товарищем.

Количественно, группа до конца ещё не определена.

Далее. Группа Кура Белого, который нагло упал нам на хвост. Точнее, это он так думает, что упал. Пусть и дальше так думает. Желательно до конца похода.

Три грузовика. Два для перевоза его товара на продажу и один бензовоз.

Группа Галочки. Численно больше всех. Тридцать два человека, включая сюда же и её мужа Андрюху Буяна. Четыре грузовика. Два под перевоз людей и два бензовоза. Из которых одного пока ещё нет.

Итого имеем: Три мотоцикла, две карги и десять грузовиков. Из них пять бензовозов. Двенадцать с половиной тонн бензина. Думаю, хватит, чтоб прокатиться с ветерком туда и обратно.

— Это же весь бензин, что у нас в городе есть, — растерянно пробормотал профессор. — У самих же дома ничего не останется.

Тогда надо уже сейчас чего-то мудрить, чтоб было на чём вылетать тебе на дирижабле. Базы там, промежуточные, что ли, спланировать?

Думайте, мудрите, — рассеянно отозвалась Белла. — Вот вы об этом и подумайте. А я вот над чем подумаю. На такой большой караван мало у них пулемётных каргов. Два, а надо хотя бы четыре. И пушечку бы им.

Которой у нас, к сожалению, нет, — мрачно пояснила она, сердито глянувшему на неё профессору.

Желательно бы им с собой иметь пушечку на самостоятельном ходу, а не на сцепке сзади. Судя по тому, что

мне о тех местах рассказывал мой муж, времени иной раз может и не хватить отцеплять её от тягача. Регулярных армий там нет и боёв по рыцарским правилам, тоже не предвидится.

Поэтому пушечка должна быть на своём собственном ходу, готовая в любой момент открыть огонь. А это ещё одна машина. Одиннадцатый грузовик. Господи, да где ж их нам набрать-то столько.

— Самоходку, что ль? — профессор растерянно смотрел на Беллу, явно не понимая, что тут происходит и как ему реагировать. — Сделать то можно, конечно, но на фига? В кого стрелять то из неё будем?

Ну, дела, — медленно покачал он головой. — Прокатился к любимой девушке один влюблённый дурачок. А следом пол сотни таких же молодых балбесов попёрлась, вооружённые до зубов. И потянулась ниточка за иголочкой. Матерь Божия! До пушек дело уже дошло, — обречённо констатировал он. — Что дальше? Танки на подходе? Самолёты?…

Да-а, в весомую копеечку влетает нам Колькино любовное путешествие.

— Влюблённый Колька — ширма, сама не знающая что её используют. Да и вообще. Оставьте парня в покое. Пусть сам решит свои проблемы с девушкой, а мы будем решать свои. Одно другому не мешает.

А проблем у нас начать и кончить. Одна ваша самоходка чего стоит. Как её сделать, ума не приложу. Все мортиры уже отдали Кунице. Знать бы сразу, отложила бы.

— Моя?! — изумился профессор. — Моя самоходка?!

— А чья же ещё, — лукаво улыбнулась Белла. — Не моя же.

Галочка и Кондрат.

Как Галка и предполагала с самого начала, с Куром вышел облом. И не просто облом, а полный. С первых же слов её, стоило лишь обозначить проблему, лицо Кура как-то странно скуксилось, приняв плаксивое жалкое выражение, и он чуть ли не со слезами на глазах признался, что и рад бы ей помочь, да не может. Физически не может выполнить её заказ. Хочет, очень хочет, но не может.

И сожаление от того, что он не может сделать того чего ему очень хочется, настолько явственно читалось на лице кузнеца, что Галя в какой-то момент даже растерялась, не зная как его утешить. Впрочем, тут же опамятовалась, ядовито заметив, что раньше надо было думать над подобным вопросом. А не разгонять

под благовидным предлогом оптимизации свои лучшие кадры и набирать на их места необученных сопляков из баронского обоза, польстившись на дешевизну. А потом плакаться, когда оказывается, что работы полно, а работать уже некому. Народ по другим тёплым местам уже пристроился.

Вот и пришлось ей притащиться сюда, к дому Кондрата Стальнова, что называется на брюхе, и униженно ждать с раннего утра у порога этой сволочи, пока эта тварь не освободится от своих сверх важных дел, и не выйдет встретиться с ней.

Был бы у неё выбор, ноги бы её здесь не было, возле этого поганого дома, с не менее поганым хозяином. Делает вид, что занят, а сам наверняка сидит в горнице чаи гоняет и из-за занавески тайком за ней наблюдает.

Боже, как Галина ненавидела подобный подлый тип людей. Внешне самой приятной, благообразной наружности, всегда говорящих правильные слова, и гнилых внутри.

Галина физически ощущала тяжёлый давящий взгляд кузнеца, ни секунды не сомневаясь в правильности своих суждений. Гад Кондрат был, тот ещё.

— «Почему был? Есть! Был и есть, гад он, Кондрат Стальнов».

Мрачные мысли ходили чередой, раз, за разом возвращаясь на круг.

Не торопится Кондрат ей навстречу, хотя час уже прошел, как она пришла, и любое самое срочное дело давно можно было бы выполнить. Да и куда ему спешить.

Мысли Галины удивительным образом совпадали с мыслями кузнеца. Тот действительно никуда не торопился, в тайной надежде что та, не дождавшись, сама уйдёт. Кондрат откровенно не желал её видеть, и ему было совершенно неинтересно, зачем та к нему пришла.

С Галиной, по мужу Буян, Кондрат Стальнов хоть и был в достаточной мере знаком, да интереса та для него не представляла. Ни в женском плане, ни как заказчик. Потому как, какой может быть заказчик из молодой, опустившейся до откровенной нищеты амазонки, у которой то и денег нормальных нет, чтоб хоть как-то прилично приодеться. Тем более, когда идёшь наниматься на работу к будущему работодателю.

А что ранний визит Галины связан именно с этим, у Кондрата не было сомнений. Будучи прекрасно осведомлён обо всех людях в городе, как о возможных потенциальных клиентах, эту амазонку он в данном качестве вообще не рассматривал, считая откровенной шалавой, не способной удержать в своих покрытых цыпками ручках жалкой медяшки.

Кондрат прекрасно знал ещё по прошлому с ней знакомству,

что были, были у той в своё время деньги. Хорошие, большие деньги. Были да сплыли. Как-то внезапно разом кончились, вместе с разгульной на широкую ногу жизнью. Собственно после того он Галочку в городе больше и не видел, лишь потом, спустя несколько лет случайно с удивлением узнав в изгоняемой из города скандальной личности, громившей со своим дружком по заказу Сидора торгующие палёнкой кабаки, свою давнюю знакомую.

И теперь она вот уже час терпеливо ждала его у порога, ожидая, когда он её примет.

Встречаться категорически не хотелось. Но и тянуть больше было уже совсем неприлично. Надо было что-то решать.

— Чего явилась?

Невольно вздрогнув, Галя подняла, прикемарившую было голову. Разомлев на жарком весеннем солнце, она с удивлением обнаружила, что скоро уже полдень. Солнце стояло уже в зените, а она всё топталась у порога этого козла. Да ещё тот так по хамски к ней обратился.

— Давно в хавальник не получал, козёл?

— О? Так-то ты разговариваешь со своим будущим работодателем? — удивился Кондрат

— А у тебя что, работа для меня есть?

— Для тебя — нет.

— Так чего ж ты козёл, хавальник свой разеваешь.

Заткнись! — рявкнула она на кузнеца. — По делу пришла.

— О, как?! Как была ты Галка хамка, так и осталась. Говори чего надо и проваливай. Без тебя дел полно.

— Мне можешь не врать. Нет у тебя никаких дел. Слышь?

— Что? — насторожился кузнец.

— Слышь звон?

— Нет.

— То-то и оно. А быть должон.

— Может, тебе пора уже уходить?

— Мне пора переходить к делу, а я с тобой лясы точу.

Ты заработать хочешь?

— Это ты что ли работу мне дашь? Хе. Что, гвоздей тебе на каблук наковать, что ли? Чтоб как лошади, на твои разбитые сапоги подковы цеплять можно было.

— Ну, всё, ты меня достал.

Ты помнишь, что мне должен?

— Я никогда и не забывал.

— Отлично. Тогда я пришла за долгом.

— Что, прям счас?

— А чего тянуть. Мне за моё молчание подойдут те два

грузовика, что стоят у тебя во-о-он в тех двух дальних больших сараях под красной черепичной крышей.

— Разнюхала.

— Да уж, подготовилась. Ну, так как, забираю?

— Сдурела! Настоящий немецкий Mersedes-Benz L 4500 A — всеколёсный, 4х4! Чуть ли не полностью в сборе! Две штуки! Отдать!? За просто так?! Щаз!

Разъярённой кошкой Галка буквально вцепилась в рубаху Кондрата, резко приблизив его лицо к себе.

— Тебе напомнить, дружок, кое-какие мало кому здесь известные факты твоей богатой на приключения биографии? Напомнить?

Не хочешь, — медленно отстранилась она от окаменевшего от злости лица кузнеца.

Правильно, — нежно расправила она у него на груди смятый ворот рубашки. — Правильно, Кондрат. Ты же умный. За молчание надо платить. А кое-какие факты людям ЗДЕСЬ лучше не знать. Поэтому, грузовики СВОИ я у тебя забираю.

— Не думаю, что мне это понравится, — слегка отстраняясь, холодным тоном проговорил Кондрат. — Легко взяла раз, легко захочется и второй. Повадится кувшин по воду ходить…

— Там ему и битым быть, — не менее холодным голосом продолжила за него Галя. — Так что можешь не беспокоиться. Отдашь грузовики, и сделаешь, что скажу, будем считать, что мы в расчёте. Просто вернул одной знакомой должок старый, и всё. А за что и как, та и сама уже не припомнит.

— И слово моё твёрдое, ты знаешь. Как сказала — так и будет.

— Уже лучше, — невозмутимо отозвался кузнец. — Но как-то мало, огорчительно и недостоверно.

А ты не огорчайся и удостоверься. Никто ничего не поймёт и ничего не заподозрит. Почему это ты вот так, даром отдал какой-то нищенке такие ценности.

Потому как размещу ка я у тебя одновременно один небольшой заказик.

Понимаешь, мил друг, — проникновенно склонила она в его сторону голову. — Нужно восстановить мне кое-что из старья. Три старых, но вполне ещё годных для дела грузовика. Не таких роскошных как твои Бенцы, но тоже ничего. Студебеккеры трёхосные, американские. И к твоему большому сожалению в очень плохом состоянии. Но, ремонту и восстановлению подлежат. Особенно если умелые руки приложить. А руки у тебя всегда из нужного места росли. Да и кое-какой специфический опыт, судя по состоянию твоих двух восстановленных Мерседесов,

тоже уже имеется.

— Да куда тебе столько? — даже растерялся от подобной наглости кузнец. — Два у меня забираешь, да ещё три тебе надо восстановить. Куда столько?

— Понимаешь, друг мой. Пробовала я заняться сельским хозяйством, да выяснилось, что ничего у меня кроме петрушки и хрена в огороде не растёт. Ещё укроп, правда, вызревает, метелится родненький. Ну, ещё зелени там всякой разной в избытке. Капустка, морковка, репка неплохая вырастает. А вот чего посерьёзней, пшеничка, рожь, овёс, чтоб денег реальных принести — не растут, заразы. Чего-то им не хватает.

— Ещё бы, — немного отойдя в сторону от бешеной девицы, Кондрат раздражённо пару раз провёл ладонью по груди, расправляя скомканную рубаху. — Чтоб хлеб вырастить, хлеборобом быть надо. А ты со своим нынешним кавалером, если чего хорошо и умеешь, так это душегубством заниматься. Что тот бездельник, ничего кроме ножа и кулака не знающий, что ты. Оба вы друг друга стоите. Два сапога пара.

— Спасибо на добром слове, — с явным одобрением в голосе, согласилась с ним Галя. — Поэтому, решила я бросить свой огород и заняться разъездной торговлей.

Громкий весёлый гогот Кондрата громом разнёсся по двору.

— Где торговать будешь? На большой дороге кастетом по башке и ножичком по горлу? Не смеши. В этих краях и с такими уменьями, такие как ты торговцы долго не заживаются. Конечно, по мне этот исход был бы очень даже неплох, но кто тебя знает, вдруг и выживешь, а потом на дыбе песенки весёлые петь будешь. Нет уж, вот это без моих подарков. Не хочу, чтоб тебя со мной даже тенью подозрения связали.

— Зачем же так. Вот, пример есть перед глазами. Твой же старый друг, некий господин де Вехтор, барон ныне который. Разъездной торговлей в Приморье занимается. Несколько торговых обозов там имеет. Довольно успешных, между прочим. Вот истинное место, где мне с моим с мужем и его «специфическими», как ты их назвал, уменьям достойное место найдётся.

— Чего? — изумился Кондрат. — И тебя в Приморье понесло? Сдурели вы все, что ли? Прям, наваждение какое-то на всех нашло. То Кур на днях прибегал с выпученными глазами, предлагая присоединиться к нему с моим товаром для торговли в Приморье, то ты теперь. Куда вы все лезете? Чего вас всех туда тянет? Да вам что, мёдом там намазано?

— Мёдом не мёдом, а слухами земля полнится. И там, на медяк вложенный, серебро рекой польётся.

— Ничего у тебя не выйдет. Торговать? В Приморье? Тут другие мозги надо иметь. А ты и раньше не отличалась мирным нравом, но как с баронессой связалась, совсем больная на всю голову стала. Правильно она тебя турнула, решпект ей за это.

Хотя, — запнувшись, Кондрат бросил на женскую фигурку деловой оценивающий взгляд. — Может в Приморье, такие как вы с Андрюхой и нужны. Может, именно у вас, что и получится.

Ну, раз так, то да, — негромко рассмеялся Кондрат. — Тогда сделаю тебе твои грузовики в лучшем виде. Дело знакомое, уже опробованное. Тут ты не ошиблась. В правильное место пришла. Так что бери подводу и завтра подвози свои ржавые остовы ко мне в кузню.

— А сегодня? Чего тянуть?

— Сегодня? — растерялся кузнец. — Э-э. Сегодня уж поздновато, — поднял он глаза к синему небу. Да и смету я ещё не прикинул. Так что…

— Смету я прикинула, — холодным бесцветным тоном оборвала его рассуждения амазонка. — За всю работу, штуку, за все три, независимо от их состояния. Запчасти включены, чтоб ты не расслаблялся.

— Сдурела?!

— Плюс мои люди тебе в помощь, — холодным голосом подсластила Галка горькую пилюлю. — Косточка, сахарная. Так уж и быть. Всё равно кабины и борта машин делать будем из чёрной фанеры, а работать с ней ты не умеешь. Да и нет её у тебя

Пусть вопросы работы с фанерой тебя не беспокоят, — криво ухмыльнулась Галочка. — Это мы сделаем сами, чтоб тебя от более важного дела не отвлекать. За тобой монтаж ходовой, движок и пулемётные системы.

— Ого, — оживился кузнец. — Ты уже разжилась и пулемётами. Часом, не у своей ли знакомой баронессы приобрела?

— У неё, — нагло ухмыльнулась Галочка. — Надо? Заказывай! Две цены и завтра они у тебя на заднем дворе.

— Не надо, — даже отшатнулся кузнец. — За такие деньги, точно не надо. Знаю я их аппетиты.

— Ну, так и не удивляйся, что у МЕНЯ они есть.

— Лично я уже ничему не удивляюсь, — сердито проворчал кузнец. — Стёкла, я так понимаю, тоже будете ставить броневые.

— Догадливый. Жить то хотца. Поэтому и денег не жалко. Благо, что они у меня есть.

— Да, Галочка, — медленно протянул кузнец, уже более внимательным, оценивающим взглядом пройдясь по её фигуре. — Ты всегда была девочка непростая, с двойным дном.

Хорошо, решили, но у меня к тебе будет встречное предложение. Купи у меня одну машинку на колёсах. Ничего особенного, но мне почему-то кажется, что ты её купишь. Тебе, с твоим характером она точно подойдёт.

— Поточнее бы.

— Можно поточнее. Есть у меня тут в сарайчике машинка одна, на ходу. Завалялось кое-что, приобретённое по случаю. Так вот, могу тебе её уступить. Тыщ за сто.

— За сто сам на ней катайся, хоть до посинения. А мне даже не предлагай, всё одно не возьму. И даже спрашивать не буду что такое.

— А может, посмотришь?

— Нет, — отрезала Галя. — Таких денег за кусок ржавого железа не дам.

— И всё-таки я тебе его покажу, — лукаво посмотрел на неё кузнец. — Посмотришь, а потом и решение принимать будешь.

— Договоримся, — выставил он вперёд раскрытые ладони. — Договоримся. Будем считать, что с ценой я погорячился.

Пошли, — кивком головы указал он куда идти. — На заднем дворе в сарае стоит.

— Богатый у тебя задний двор, — задумчиво пробормотала Галина, оценивающе бросив косой взгляд в ту сторону.

Поднявшись, она неспешно двинулась следом за кузнецом вглубь двора, к невзрачному кособокому длинному сарайчику, единственному из всех здешних строений покрытому старой, перепревшей соломой.

— Вуаля! — жестом фокусника изобразил поклон кузнец, распахивая перед ней ворота.

— Ну и как это чудо называть?

Застыв сразу за порогом широко распахнутых двупольных ворот невысокого, но какого-то бесконечно длинного сарая, Галина со скептическим видом смотрела на большую груду незнакомого ржавого металла, возвышающуюся перед ней.

— Галинваген.

— А в глаз?

— Правда, Галинваген, — с издевательской ухмылкой подтвердил кузнец. — Зуб даю. В переводе так и называется фургон для вороны. В твоём случае — телега для Галки.

— Ну, виноват я, что ли, что немцы его так назвали? — как бы виновато развёл он широко в стороны руками.

Горящие злобой глаза кузнеца ясно показали Гале, что кузнец не простил ей отобранных машин, и воспользовался первой же возможностью, чтоб поиздеваться.

— А если я обижусь? — заледенел Галочкин взгляд.

— Если серьёзно, то это какой-то панцершпахваген три двойки, — тут же пошёл Кондрат на попятную, — германский лёгкий бронеавтомобиль производства 30-х годов двадцатого века. Использовался в немецких войсках на роль разведывательной или штабной машины. Как раз то, что тебе надо в твоём будущем занятии.

Из оружия. Одна 20-мм автоматическая пушка.

Был ещё один спаренный с пушкой пулемёт МГ-34, но его ещё до меня кто-то с машины спёр. Пушка осталась, пулемёта нет.

Скорострельность пушки — 280 выстрелов в минуту.

Интересно? Ещё расскажу.

— Рассказывай.

— Наведение — ручное. Прицел телескопический. Боекомплект — до 200 снарядов. К пулемёту — до 2000 патрон.

Реально боекомплект взять можно больше, так как в машине полно свободного места. Возможен огонь по воздушным целям.

Дракон налетит, будет, чем отстреливаться, — вдруг громко и грубо заржал Кондрат.

Поперхнувшись, Кондрат громко закашлялся, пытаясь подавить подступающий смех. Увидев реакцию амазонки, поспешно выставил ладони вперёд, как бы защищаясь

— Всё-всё, продолжаю.

Боевая масса — около пяти тонн. Экипаж — 3 человека.

Корпус: Длина — 4800 мм. Ширина — 1950 мм. Высота — 1987 мм. Колея — 1610 мм. Клиренс — 240 мм.

Бронирование — противопульное, металл. Извини, твоей любимой чёрной фанеры тогда ещё и в проекте не было. Крыша башни — открытая

Кстати, если хочешь, можно крышку туда поставить, стеклянную, по типу как для унитаза. Чтоб какой-нибудь дятел тебе на голову с ветки не нагадил.

Крышку лучше всё ж поставить, подумай. Потому как дятлы у нас тут бывают разные и гадят тоже по-разному. Деньги есть, можно заказать у Марка на стекольном. Скажешь от меня, он продаст. Чтоб солнце через стекло макушку не напекло, шторки на полозьях приделаем. Вжик-вжик и твою симпатичную головку не печёт.

Двигатель 8-цилиндровый карбюраторный жидкостного охлаждения Мощность — 75 л. с. Скорость по шоссе, 70 км/ч. Запас хода по пересечённой местности — 180 км.

Колёсная формула 4х4. Тип подвески — на вертикальных пружинах и амортизаторах Преодолеваемый подъём — 20 градусов. Преодолеваемая стенка — 0,25 м. Преодолеваемый ров — 0,25 м. Преодолеваемый брод — 0,60 м.

Как видишь, то, что надо для езды по пересечённой местности. А уж для Приморья — самое то. Там рек глубже полуметра вообще нет.

Колёса родные, резина живая, как ни удивительно. Машина, считай что, на ходу. Заправил и поехал.

Купи — продам.

— Сколько?

— Десять тысяч.

— Чего так мало? Только что было сто.

— Больше ты всё равно не дашь, я тебя знаю. А мне с рук сбыть необходимо, хоть за какие-то деньги. Брал под себя, а ездить мне на нём некуда. Как-то раз захотелось проехаться, так собственные работяги на смех подняли. Трещит, воняет, в лесу издалека слышен. Всех птиц по дороге распугал, всех ящеров с округи приманил. Как-то раз еле отбился.

— И главное, бензин жрёт, зараза, как ненасытное чрево. К тому ж, нет его, бензина. А тот, что есть — плох и дорог. Приходится постоянно мотор промывать. Надоело.

— Не жалко?

— Надо будет, ещё достану, — вдруг нагло ухмыльнулся Кондрат. — Место знаю, тороватое, где этого добра как грязи. Было б время, я б тебе ещё десяток таких пригнал. Как раз на сотню. Да жаль, знаю, что ты торопишься.

— Это куда же? Я вроде не говорила тебе, что куда-то тороплюсь.

Прищурив глаза, Галина глядела на нагло ухмыляющегося кузнеца заледеневшим взглядом.

— О, Господи, Галочка. Тоже мне страшный секрет. Тут и дурак догадается. Да с Колькой вашим малохольным на юг вы собралась. Уговаривать малолетнюю дуру Дашку, чтобы дала малохольному дураку Кольке.

— Ты вообще-то следи за тем, что языком треплешь, — потемнела лицом Галина. — Так ведь можно и в лоб схлопотать. И не только от меня. И не только в лоб.

— А-а-а! — раздражённо отмахнулся кузнец. — Весь город на ушах стоит, обсуждают будущую Колькину поездку на юг. Так что, не удивляйся. Наш городок — большая дружная деревня. Все всё друг о друге знают. И уж тем более о компании двух молодых балбесов Кольке с Васькой и о прибившемся к ним дружке Андрюхе, что покуролесил тут недавно по кабакам.

И вдруг ты тут нарисовалась вся из себя такая деловая, жаждущая заняться разъездной торговлей. И не где-нибудь, и именно в Приморье. Так что сложить два и два и дурак сможет.

Неужто, на самом деле за ум взялась и серьёзным делом

решила заняться? Никак для того и последнюю заначку вскрыла? — насмешливо глянул он на побледневшую от злости амазонку. — Или она у тебя не последняя? — вдруг прищурив глаза, кольнул он её настороженно заинтересованным взглядом.

Или решила воспользоваться удобной оказией? Не самой одной очертя голову неизвестно куда соваться, а в приличной компании знатоков, — чуть склонил он голову к плечу, в упор, глядя на Галину. — Васька с Колькой только с виду такие рохли, а оттуда не раз уже живыми вернулись. Не так, как некоторые из наших общих знакомцев недавно сунулись в воду, не зная броду. А потом их пришлось со скал, словно ласточек выковыривать.

Или боишься мужика одного от себя отпускать?

Не слышу ответа?

— Ну-у, — медленно протянула Галочка, не отвечая сразу на вопрос. — Вот, подумала, почему бы и не совместить приятное с полезным. Тем более что мужика одного я отпускать от себя точно не собираюсь. Кобель он знатный, но глупый. Телок телком. Не успеешь оглянуться, как какая-нибудь вертихвостка из шустрых поморских девиц живо окрутит моего муженька. Только его и видели. А у нас дочь растёт. И ростить дочку сироткой, да при живом то отце, я не хочу.

— Тьфу ты дура баба.

В сильнейшем раздражении Кондрат уже никого не стесняясь, грубо выругался.

— По-моему, у вас баб у всех мозг сосредоточен между ног. Если чем и думаете, то тем местом. Да кому он нужен, кобель твой драный. Ни на что не годен, кроме как кулаками махать. Ни разу не видел его не с битой рожей.

— Мне. Мне нужен.

— Ну, тады ой. На край света за милым потащиться для бабы с малым ребятёнком самое то будет. Только без броневика туда не суйся. Последний раз спрашиваю. Берешь? — повысил он раздражённый голос.

— Беру! — рявкнула на сердитого кузнеца разозлённая Галька. — Только перед тем ты мне скажешь, что с ним не так.

— Ты всегда была умненькая девочка, — холодно глянул на неё кузнец. — Только мне резона нет, тут перед тобой распинаться. Берёшь — скажу. Нет — до свиданья, других клиентов буду искать.

— Ремонтопригоден — беру, нет — извини.

— Вопрос цены. А отремонтировать всё можно.

— Сколько?

— Движок — на выброс. Купить с другой машины, рабочий — штука. Работа — ещё штука. Запчастей в наличие нет. Если

заказать — будут, но надо время, месяц.

— Теперь, по вооружению. Пулемёта нет, пушки тож считай, что нет.

— А это что? Вон же сверху торчит.

— Снарядов к пушке ни в городе, ни во всём крае не найдёшь. Можно попробовать заказать у наших городских оружейников, они персонально для тебя сделают. Но это дорого. Один раз выстрелишь, через минуту домой можешь не возвращаться. Всё за долги будет продано. Один снаряд на чёрном рынке в Приморье от ста золотых и выше. У нас — ещё дороже. Сколько, даже подумать боюсь. Один боекомплект в машину — двести снарядов. Дальше можешь сама посчитать, сколько тебе надо и во что стрельба для тебя выливается. Минимум двадцать тысяч в минуту. Так что, можешь сразу смело на помойку пушку свою выбросить.

Сколько ни искал подешевле, ни одного снаряда так и не нашёл. Если поменяешь на что-либо своё, так я тебе даже бесплатно её установлю.

Колёс, тоже считай что, нет. Резина с виду чудо как хороша, но десять кругов по двору и рассыплется клочьями. Проверено.

Так что думай. Надо тебе эту чудо-таратайку в таком виде как она есть, или обойдёшься.

— Надо, — уверенно кивнула головой Галя. — Уже нравится. Делай, деньги будут.

— Хотелось бы видеть, — вдруг замер неподвижно кузнец. — Извини, Галочка, но дело, прежде всего. Машину купила — расплатись.

Я понимаю, что у тебя сейчас с собой нет. Вот и спрашиваю. Когда? Сама должна понимать, золотом шестерёнки не смажешь, ни одна мельница не завертится.

— У тебя тут не мельница, а ты не шестерёнки, — холодно отрезала Галина. — Завтра!

— Хорошо. Вот завтра, вместе с деньгами и подходи. Мне как раз запчасти закупать надо, — ухмыльнулся Кондрат. — Ладно, всё, хватит собачиться. Когда фанеру свою броневую привезёшь?

— Завтра. Всё завтра. Завтра с утра и начнём.

— Завтра, так завтра.

— Ещё одно, — остановила кузнеца Галя. — Насколько твои слова, что ещё можешь достать такие же машинки серьёзные?

— Настолько же, насколько серьёзны и деньги за них, — прищурил глаза кузнец. — Будут деньги, тогда и поговорим. Завтра, значит завтра. Потом, так потом. Идёт?

— Идёт.

— Вечер красит нежным цветом

— Стены древнего кремля

— Говорила, что с рассветом

— Ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля…

Кондрат Стальнов пребывал в отличнейшем настроении. Галка опоздала. Договаривались с утра, а уже вечер на дворе. Появилась маленькая возможность укусить эту подлую ведьму, и он ею тут же воспользовался. Мелочь, а приятно.

Ничего не мог он с собой поделать. Не смотря ни на какой взаимный интерес, за то, что та отобрала у него его собственность, пусть и когда-то бывшую её, Галина вызывала в душе его глухое злое раздражение, временами переходящее в неприкрытую ненависть.

— Всё поёшь?

— Галочка, ну что мне ещё остаётся. Договаривались же с рассветом, а ты не пришла.

— Чом ты не пришла… Да шоб нэ со сранья… Я ж тэбэ так ждав… — снова фальшивым голосом запел кузнец с совершенно диким издевательским акцентом.

— Заткнись, придурок. Договор был на завтра, завтра ещё не кончилось и я на месте. Вопросы?

— Вопросов нет, — мрачно согласился Кондрат. — Показывай что привезла.

— Фанера, пятёрочка. Полная защита от крупнокалиберного пулемёта. Взяла так, на всякий случай. Да и потому что, было. Они там все просто помешались на усилении защиты и троечку, что подешевле, уже просто не производят. И на складе не было. Пришлось переплачивать.

— Ай-яй-яй, — с фальшивым сочувствием покачал головой кузнец. — Как я тебе сочувствую.

— Кстати, не передумала?

— Что?

— Машинки самобеглые покупать? Десять штук.

— А у тебя что, есть ещё что-то на продажу?

— Ну, я же тебе сказал, Галочка. Готовь деньги, будут.

— Ты также сказал, что через полгода. А через полгода мне не надо.

— Обстоятельства изменились.

— Быстро это у тебя. И сколько?

— Я ещё за то о чём договорились, денежек не видал, а ты уже о новом заказе заикаешься.

— Держи!

Негромкий металлический звон глухо звякнул в руке кузнеца, легко подхватившего на лету небольшой мешочек с чем-то тяжёлым. Распустив завязки горловины, Кондрат с интересом заглянул внутрь.

— Ага, — удовлетворённо констатировал он. — Уже лучше. Но этого мало.

— Это задаток. Пришлось сегодня сильно потратиться, больше чем рассчитывали. Так что остаток завтра. С утра, как ты любишь. Тогда же ещё фанеры подвезу.

— Прекрасно, — расплылся в довольной улыбке кузнец. — Значит, опять завтра, с утра жду тебя с остатком. Тогда и поговорим.

* * *

В этот раз к дому кузнеца Кондрата Стальнова Галина вместе со своим мужем и группой сопровождения подъезжали действительно утром. Ну а что утро было не совсем раннее, так на то у них были веские основания. Причина задержки, четыре довольно объёмистых мешка из плотной мешковины с чем-то тяжёлым и глухо позвякивающим, уютно пристроились сзади на крупах их лошадей. А две высоко гружённые большие телеги с широкими листами чёрной броневой фанеры, тихо поскрипывающие хорошо смазанными осями, были не менее веской причиной для небольшой задержки.

Вооружённые тяжёлыми взведёнными двойными арбалетами две пары молодых парней с серьёзными настороженными глазами на укрытых стеклянными броневыми попонами лошадях спереди и сзади, прикрывали держащуюся в середине настороженную парочку.

— Хозяин! — громко загремел сапогом в ворота подъехавший первый всадник. — Открывай! Мамочка пришла, пирожка принесла.

Тяжёлая створка ворот усадьбы натужно заскрипела, отворяясь, и перед подъехавшими всадниками предстал Кондрат Стальнов в большом, прожжённом местами кожаном фартуке, прикрывавшем его голый торс спереди. Кроме грязных штанов из плотной парусины и стоптанных кожаных сапог на нём ничего больше не было.

Внимательно оглядев подъехавших, он, молча, ни о чём, не спрашивая, распахнул вторую створку, пропуская небольшой обоз во двор.

Оглянувшись, словно проверяя, кто ещё мог бы их видеть, с

натугой прикрыл за последней лошадью тяжёлые неповоротливые воротины.

— Сам кузнец, а ворота твои только воротом крепостным откроешь, — недовольно буркнула подъехавшая к крыльцу девица. — И то, с трудом. Не мог наладить.

— Ты ничего не понимаешь, Галка. Так специально задумано, чтоб чего нужного со двора быстро не вынесли. А небыстро — для того чтоб хозяин помешать успел.

Да и спокойнее мне за такими воротами.

— Ну да, — понимающе усмехнулась девица. — Один раз ящеры на хуторе ворота тебе вынесли с пол пинка, так теперь ты перестраховываешься.

— Не без того, — не стал спорить кузнец. — Привезла?

— Показывай, куда складывать, — буркнула Галина.

— Фанеру в сарай, а сама в дом проходи.

Внимательно глядя, как приехавшая парочка привязывает к коновязи у крыльца дома своих лошадей, перевёл взгляд на настороженно держащихся рядом вооружённых парней.

— Вижу, вы уже и лошадушками разжились. Случаем не у баронессы прикупились?

— У неё лучшие, — неохотно буркнула Галина.

— Ага, — как-то неопределённо отозвался кузнец, не спуская глаз с парочки.

— Помог бы ирод, — прошипела Галка, с трудом взвалив на плечо тяжёлые сумки.

— Мужик твой поможет, — даже не шелохнувшись, равнодушно отозвался кузнец.

Пропустив гостей вперёд, двинулся следом.

— В горницу проходи, прямо, — раздалось из-за спины, зашедшей в тёмную прихожую парочки. — Сапоги можете не снимать, потом приберём за вами.

— Какой заботливый, — сердито зашипела Галка, больно стукнувшись плечом о косяк. — Двери пошире и повыше б сделал, эконом. Или тоже на случай штурма сузил?

— Кому надо — пройдут и боком. Кому не надо — запнутся. А лбом приложишься о косяк, так глядишь, и поумнеешь.

— Какой ты сегодня ла-асковы-ы-ый. Впрочем, как обычно.

Считать будешь? — сердито буркнула Галка, сваливая мешки на стоящий посреди комнаты широкий массивный стол, под стать кузнецу.

Потирая лоб, которым она только что вслед за мужем успела приложиться о косяк, Галка сердито смотрела на кузнеца.

Не отвечая, тот подошёл к столу и ловко распустил завязки горловины, показывая немалый в том опыт.

— Угу, — довольно гугукнул он, заглядывая. — В остальных, я так понимаю, тоже? — равнодушно поинтересовался он, даже не дёрнувшись в ту сторону.

— Ну, — насторожилась Галка.

Поведение кузнеца было более чем странным. Чтоб этот куркуль, да не проверил, что за золото ему привезли? И тут же при тебе пару раз тщательно не пересчитал?

— И как понимать твоё поведение. Ты что, считать не собираешься?

— Потом, — буркнул кузнец, сваливая мешки под стол и ловко прикрывая их какой-то лежавшей там тряпкой. — А сейчас с тобой поговорить хотят уважаемые люди.

— Кем уважаемые? — настороженно прищурилась Галка.

— Мной уважаемые. Пошли, — кивнул он на распахнутую настежь внутреннюю дверь. — А ты останься, — холодно бросил он Галкиному мужу, даже не глянув на того.

— Хозяин вперёд, — улыбнулась одними губами Галина. Насторожённые холодные глаза её внимательно следили за странным поведением хозяина дома.

Хмыкнув неопределённо, тот решительно двинулся вперёд.

— Ещё раз доброе утро, господа, — донёсся уже из другой комнаты его голос. — Позвольте представить вам мою давнюю знакомую Галину. В девичестве Стольная, по мужу — Буян.

— Гей! Галка! Скоро ты там? Замёрзла!?

— Ну, всё, Андрюш, я пошла, — тихо проговорила Галя, бросив последний взгляд на мужа. — Чую, что-то будет.

Дальняя комната, по всей видимости была рабочим кабинетом Стальнова, где тот работал с бумагами, в те редкие дни, когда до того доходили у него руки. И внешне мало чем отличалась от всех подобных рабочих кабинетов.

— Здравствуйте, Галина. Рады с вами наконец-то познакомиться.

— Мастер Дутов, Святослав Игоревич, — медленно проговорила Галя, медленно закрывая за собой дверь в соседнюю комнату. — Неожиданная встреча.

— Вы меня знаете? Вроде бы раньше мы с вами интересами не пересекались.

— Не мудрено, — хмыкнула Галка. — Кто вы, и кто я. Под вами чуть ли не все гильдии кузнецов города ходят, а я — так, бывшая подавальщица в трактире.

— Вы себя недооцениваете. Последнее время в городе вы стали довольно известной личностью.

— Правда?

— Правда, — сухо отрезал мужик. — Но, ближе к делу. У нас

мало времени. С утра торчим здесь, ждём вас.

— Зачем?

— Проверить хотелось. Насколько слухи о ваших возможностях соответствуют действительности.

— Ну и как?

— Соответствуют. Количество привезённой вами броневой фанеры впечатляет.

— Чем же? — неподдельно изумилась Галина.

Не отвечая, глава кузнецов махнул рукой на сидящих рядом людей.

— Позвольте представить вам моих товарищей. Кип Бугров и Мыкола Ржавка. Кондрата, вы знаете.

— Угу, — машинально кивнула головой Галина. — Известные товарищи. Обе, якобы враждующие гильдии оружейников. Хм, как интересно.

— Ну, раз вам они известны, то, полагаю, вы уже поняли, зачем мы здесь собрались. И давайте наконец-то переходить к делу. Полдень уже, а мы всё топчемся на одном месте.

— Может, я мужа позову? — медленно кивнула на дверь Галина.

— Не стоит. Не стоит звать сюда силовую поддержку. Думаю, она вам ещё понадобится, но сейчас и здесь ей не место.

Сейчас и здесь мы будем думать над одной неразрешимой проблемой, и пытаться найти из неё выход.

Не удивляйтесь. О ваших аналитических способностях нас в достаточной мере ознакомил Кондрат Стальнов. Собственно именно он и организовал нашу встречу, после известного вчерашнего вашего к нему визита.

— И чем же обязана?

— Знакомством с баронессой Изабеллой де Вехтор и Марьей Корнеевой.

Галина ощутимо напряглась.

— Не напрягайтесь, — поморщился кузнец. — Мы все с ними обоими в достаточной мере знакомы, но в той мере, что нам сейчас требуется, боюсь вы одна.

— В какой?

— Весь город полон слухами о готовящемся любовном путешествии двух молодых дураков на юг. А вчера появились данные и о вашем самом действенном участии в том приключении. Неожиданное надо признаться известие.

— Однако, наведя кое-какие справки, мы поняли, что это для нас шанс.

— Да в чём?! — вспыхнула Галина. — И может, вы предложите даме присесть? Или я так и буду перед вами тремя

стоять, как дезертир перед трибуналом.

— Перед четырьмя, — машинально поправил её Дутов. — Перед четырьмя, — повторил он. — С этой минуты и господин Стальнов входит в нашу тройку, занятую этим делом, — слегка повернул он голову в его сторону. — Так сказать, в знак признательности за его инициативу с нашим знакомством.

Сорвавшийся с места Кондрат мгновенно притащил из угла комнаты большой удобный стул с подлокотниками и поставил перед тройкой.

По одному только этому сразу стало ясно кто здесь старший. Хотя и было непонятно, с чего бы тот так прогибался.

— Присаживайтесь, — кивнул Святослав Игоревич.

Невозмутимо развалясь на крепком широком стуле, Галка откинулась на крепкую спинку и демонстративно нагло закинула ногу на ногу. Качнув мыском ярко начищенного сапога, она настороженно окинула взглядом собравшихся.

Итак, я вас слушаю. Чё надо, мужики?

— Одну минуту, небольшое извинение, — поправился Дутов. — Галочка, вы не могли б сейчас встать и пройти к боковому окну кабинета. Там кое-что стоит во дворе прямо под окнами. Посмотрите и скажите, что вы о том думаете.

Бросив на мужика внимательный взгляд, Галка, молча, встала и прошла к высокому узкому боковому окну, выходящему на задний двор.

— Угу, — неопределённо отозвалась она. — Ещё два броневика. Точь в точь как вчерашний, что вчера продал мне господин Стальнов.

— Не ошибаетесь. Те же самые. Они ваши. И в отличие от стальновского, полностью на ходу. Единственно что, как и у него, с оружием там небольшая загвоздка. Решение которой, полностью зависит от вас

— Что? — непонимающе развернулась от окна Галка.

— Подарок вам. Не зависимо от того чем кончится наш сегодняшний разговор. Это я сразу вас предупреждаю. Независимо ни от чего, это вам наш подарок.

— Опа на.

Пройдя обратно, Галка медленно опустилась на предложенный ей стул.

— Вот теперь уже действительно интересно. И с чего бы вдруг такие дорогие подарки?

— Ерунда, не обольщайтесь, — поморщился Дутов. — Ни на что не годный старый хлам, найденный в болоте. Нам практически ничего не стоил. Когда-то отремонтированный и приведённый в порядок. Сейчас, ни на что, кроме как на

переплавку не годен. И так, с тех давних пор и пылящийся без надобности по дальним углам.

Был негоден, до вчерашнего дня. Вы же нам подсказали выход, куда мы можем их продать.

— И куда?

— На юг, в Приморье.

— Раньше продавать туда было бессмысленно, потому как, никто б не купил, потому как бензина нет.

— Сейчас за Большим Камнем бароном строится большой нефтеперерабатывающий завод и скоро бензина там будет, хоть залейся. Так что на такие машины там тут же появится спрос. Но этого мало. Надо ещё привлечь к ним внимание. А ничего лучше, чем устраиваемый вами автопробег просто придумать невозможно.

Вы своим автопробегом буквально взорвёте всё местное поморское сообщество.

И мы плавно переходим к главному вопросу, зачем здесь собрались, — улыбнулся Дутов.

Холодная улыбка кузнеца больше походила на оскал какого-то хищника, чем на приветливую улыбку делового человека.

— Нам нужно договориться о встрече с Изабеллой Юрьевной де Вехтор и Марьей Ивановной Корнеевой, — жёстким холодным голосом проговорил Дутов.

Брови Галочки изумлённо поползли вверх.

— Вы, часом, ничего не перепутали, господин Дутов, — неподдельно изумлённая Галина на миг даже растерялась. — Вы просите о встрече меня? — ткнула она себя пальцем в грудь. — Меня?!

Да вы только сравните наше с вами положение в обществе и сразу все вопросы отпадут. Стоит вам только сказать, кто пришёл, и вас тут же встретят у порога. Даже без моего представления.

И даже лучше, если без моего представления, — буркнула она, вдруг сразу помрачнев, и откидываясь обратно на спинку стула.

— Ошибаетесь, уважаемая Галина, — сухим казённым голосом отозвался кузнец.

Принять то примут, тут вы, безусловно, правы. Да только ответ на наше к ним предложение нам уже известен заранее.

— А с моей помощью он естественно будет другим, — саркастическим тоном чуть не рассмеялась Галина.

— Безусловно. Даже учитывая ваши с ними обеими личные разногласия.

— И на чём же вы основываетесь?

— На том, что вы привезли фанеру.

— Ерунда, какая, — растерялась Галина. — Да всяк кто захочет, может её свободно приобрести. Плати только деньги. А уж по двойной то цене, как я, так вообще без очереди.

— Ошибаетесь. Нет никакой очереди. И никому фанеру на сторону не продают. Только своим. Раньше ещё продавали, теперь уже нет.

— А я, по вашему мнению, для них своя? — мгновенно насторожилась Галка. Похоже, все их с баронессой предосторожности пошли псу под хвост.

— Любой, когда-то бывши связанным с этой компанией, для них свой, как показала практика, — сухо отозвался Дутов. — Если, конечно, до того не перебежал им дорогу, — Дутов искоса покосился на сразу помрачневшего Стального.

Потом, эта любовная романтическая история с двумя влюблёнными. Один из которых готов за две тысячи вёрст мчаться к любимой на невиданной в тех краях таратайке, лишь бы снова вернуть любовь.

Очень романтическая история для любой женщины. Для нас — полный бред.

Но! Вам, собравшейся сопровождать юного влюблённого в его путешествии на юг, без звука отпускают то, что другим ни за какие деньги не продаётся.

Бензин, фанера, каучук, для изготовления новых резиновых покрышек на колёса ваших машин взамен поистрепавшихся. Список можно продолжать до бесконечности, включив сюда и то, что представляет уже для нас интерес.

И мы плавно, наконец-то подошли к цели нашей встречи.

Вам в вашем путешествии понадобятся снаряды и патроны.

— Зачем? Проще выкинуть штатные пушки из броневиков и поставить туда пневматические пулемёты. Переделать систему на работу от штатного движка, для такого мастера как Кондрат, думаю, трудностей не составит. Более мощный мотор даже добавит давления в баллонах. А стрельба пневматикой всяко дешевле, чем вашими дорогущими патронами. На которые, кстати у меня нет бюджета.

— Дешевле, кто б спорил. Но у вас уже стоят двадцати миллиметровые автоматические пушки. Готовые. Заряжай и стреляй.

— Чем? Если вы про тот хлам что стоит на МОИХ броневиках, то повторяю, к ним нет снарядов, — саркастически перебила его Галина. — Так что, можно считать, что пушек у меня нет.

— А могут быть.

— Это как же?

— Поговорите с баронессой, пожалуйтесь ей, что у вас

проблема со снарядами к вашим пушкам. Пушки есть, а снарядов нет.

— И она их мне естественно даст, — саркастически рассмеялась Галка. — Да у неё самой ничего подобного нет

— Нет, — согласился Дутов. — Но есть возможность за недорого их получить.

— Понятно, — Галина с ехидно насмешливым видом повернулась в сторону Кондрата. — Вот значит, почему у тебя не оказалось к ней снарядов.

С невозмутимым видом, Кондрат лишь развёл руками. Равнодушный взгляд его если что в тот момент и изображал, то уж никак не вину в обмане.

— Ну и что же вы хотите? — добавила она сарказму в голос.

— Наше предложение, — невозмутимо продолжил Дутов. — Баронесса предоставляет нам всё необходимое для производства патронов, а мы делимся с ней готовым продуктом. В пополаме, естественно. Пятьдесят на пятьдесят.

После вычета всех затрат, половина ей, половина нам. Нас интересуют: медь, цинк, олово, порох с их пороховой мельницы, не покупной, латунь потребной марки, свинец. Всё, что укажем. Всё-всё-всё. Всё, что они или сами добывают, или доставляют сюда своими торговыми обозами из Приморья. По себестоимости, или, в самом крайнем случае, если уж иное невозможно, с минимальной наценкой

И разделяем сферы влияния. Мы не лезем на её рынки сбыта патронов в Приморье. А она не лезет на наши рынки, в Крае и на всём Левобережье. Закупки финансируются из бюджета Территориального Совета, и будет лучше нам друг с другом в данном вопросе не пересекаться.

— И о каком же количестве идёт речь? — вмиг пересохшими губами прошептала Галина. — Если это, конечно, не тайна.

— От вас нам теперь нечего скрывать, — невозмутимо продолжил мастер.

Речь идёт о миллионах. Штук разумеется, — невозмутимо уточнил он. — Калибры разные, но количество каждого калибра примерно одинаково. И исчисляется миллионами штук.

— Думаю, такое предложение обойдётся без моего участия, — сразу равнодушно откинулась на спинку стула Галка.

За такие деньги вы не только сами и с Машкой, и с Белкой договоритесь, но они обе ещё и сами к вам прибегут.

— Вот видите, Галя, вы даже машинально назвали обоих уменьшительными дружескими именами. А насчёт что прибегут, боюсь вы ошибаетесь. С нами она даже не разговаривает.

Почему? Вы удивлены? Объясню.

Им это не надо. Госпожа Корнеева ничего не делает без согласия с баронессой. А та сейчас всецело поглощена подготовкой к свадьбе княжны Подгорной и к торжеству провозглашения Срединной Империи. Той лишней головной боли сейчас не надо. И заниматься какими-то патронами она не будет.

Ей сейчас и некогда, и с нами она дел иметь не желает.

После грандиозного скандала с учениками, необходимости в котором, признаться не было ни малейшей, всё можно было решить полюбовно, если б господин Сидор сразу не пошёл на открытый конфликт, отношения наши с этой компанией сильно испортились. И теперь баронесса ни с кем из нас даже не разговаривает. На все наши предложения продать металлы для производства патронов она отвечает категорическим отказом.

Если ещё до известного конфликта с учениками их компания сама частенько предлагала городским кузнецам на продажу металлы: чугун, сталь, медь, олово, присадки кое-какие, привезённые из-за Большого Камня, лаки, не в богатой номенклатуре, но всё ж, кое-что интересное было. То потом, с категорическим отказом городских гильдий кузнецов вернуть Сидору раньше срока хотя бы часть учеников — как отрезало.

Первоначально нас это не сильно беспокоило, но практически сразу после того скандала, бароны на Басанрогском перевале резко повысили цену на исходные материалы. И производить патроны у нас в городе стало просто невыгодно.

А порох, привезённый оттуда, с перевала, вообще ниже всякой критики. Производить же его здесь у нас не позволяет отсутствие в достатке необходимых ингредиентов. Той же азотной кислоты у нас продаются сущие слёзы. Поставки же из-за Камня — дороги.

Сами же бароны последнее время предлагают нам купить у них патроны их производства, и совершенно не заинтересованы в местном производстве. Отсюда и такое резкое вздорожание исходных материалов и сырья.

Поэтому, производимые компанией землян медь, свинец, латунь, цинк, порох и прочее, ныне представляет для нас несомненный интерес.

Порох же профессора — вообще выше всяческих похвал. Он лучше любого привозного. Это стоит особо подчеркнуть. И артиллерийский, и патронный, и даже охотничий. Последний, кстати, вообще непонятно зачем тот производит. Здесь у нас он не нужен. Но что хорош — этого не отнять.

Мы было и сами делали пороха, но пришлось свернуться. Качество не то. А привозной — как я сказал, ныне очень дорог. Поэтому нам стало невыгодно заниматься производством

патронов. Себестоимость высокая.

А это очень, очень плохо для города.

— Щаз заплачу, — холодно проговорила Галина.

До терзаний кузнецов ей не было ни малейшего дела, а время её тот сейчас занимал. В груди подымалось сильное раздражение и хотелось откровенно нахамить мастеру.

— Со дня на день возможно нашествие ящеров и начало новой войны с ними, — холодным тоном отрезал Дутов. — И в таком положении зависеть от привозных покупных патрон для города смерти подобно.

А в последнее время у нас появились некоторые сомнения в том, что нам продадут всё, что мы попросим, что нам надо. Бароны естественно тут же постарались нас в том разубедить. Но у нас появилось чёткое понимание того, что нам придётся влезть в такие долги и обязательства, что это на долгие и долгие годы закабалит весь наш край.

Поэтому, у нас к вам деловое предложение. Передайте баронессе наши слова и наше предложение.

— Не думаю, что её это заинтересует, — мрачно отозвалась Галка. — Если б подумали, то и сами бы угадали почему.

Если её что серьёзно и интересует, то это её баронство. А ничего по этому поводу вы предложить ей в принципе не можете. А патроны ей не нужны. У неё есть пневматика. Намного более эффективная и гораздо более дешёвая оружейная система.

Потому она с вами и не желает встречаться, что ей это не нужно. А любое новое дело, тем более производство, это в первую очередь большая головная боль.

А уж этого ей теперь тем более не надо.

Поэтому я вынуждена отказаться от вашего щедрого подарка, потому как ничего сделать для вас не смогу. Поэтому вам ни к чему разбрасываться такими дорогими штучками, что стоят сейчас во дворе. Чтобы вы мне тут ни говорили, какие они для вас не нужные, извините, я вам не верю.

— Напрасно. Напрасно вы нам не верите, уважаемая Галина. Этим машинам действительно нет цены, потому как они для нас совершенно бесполезны.

Мы элементарно не можем их отсюда вывезти, чтобы продать. Через перевал их не пускают. Действует запрет на обмен и торговлю оружием. Как от них к нам, так и от нас к ним. Тащить же волоком через горы, по обрывистым скалам и бурным горным рекам, по бездорожью — себе дороже. Если что и дотащишь, то с таким трудом, что потом уже и самому ничего не надо.

А по Лонгаре не сплавишь. Если и можно что-то подобное отсюда перевезти — то только привязанным на палубе. А это

верный шанс для ареста судна Речной Стражей амазонок. Предъявят претензию, что это у них украли и отберут. Словно места для сбора инопланетного материала существуют исключительно у них на Правом берегу.

— А это не так? — саркастически поинтересовалась Галка.

— Поверьте, Галина, это не так. Подобных мест и у нас на Левобережье полно, — качнул головой Дутов. — Пусть не таких злачных и добычливых, как на противоположном берегу, но они есть. Только вот блокада на реке и на суше не позволяет эффективно использовать их. Достать можно, продать ничего нельзя. Если только не контрабандой и то, сущую мелочь.

Но и на этом поприще существуют большие проблемы. Трофейщики! Никому не надо разрушение их монополии.

Поэтому, берите, не думая наш подарок, и поверьте, это не попытка подкупа.

— «Ну да, а то я такая глупая-глупая, наивная-наивная, и не вижу, что тут происходит», — мрачно подумала Галя.

Я попробую, — тихо проговорила Галя.

— Не надо пробовать, — резко оборвал её Дутов. — Сделайте. Договоритесь с баронессой. Любым способом уговорите её. И тогда два процента от сделки ваши.

Вам же нужны патроны к пулемёту и снаряды к пушке. Потрудитесь немного и они вам бесплатно достанутся. А в вашем, не шибко богатом положении, это уже хлеб.

— Если я договорюсь, — вдруг заледенела взглядом Галка. — Двумя процентами вы не обойдётесь. И уж тем более не разовой выплатой. Десять процентов. Подумайте и вы над этим.

— Договоритесь, больших проблем в вашей просьбе я не вижу, можем потом и вернуться к этому обсуждению, — изобразил в ответ холодную улыбку и мастер. — Но это исключительно в том случае, если Вы действительно договоритесь, — подчеркнул он.

Более того, могу уже сейчас обещать вам в подарок ещё десяток таких же броневиков, что и стоящие сейчас здесь под окнами. Полностью восстановленными и готовыми хоть на следующий день отправиться в этот ваш южный поход.

Значит, будем считать, что договорились, — даже не спросил, а просто констатировал Дутов.

— Хорошо, будем так считать. Как и то, что с моей стороны это была не просьба, а обязательное к исполнению требование. Без МОИХ процентов, ВАШЕГО разговора с баронессой не будет.

Надеюсь, это понятно.

Дождавшись молчаливого кивка, поднялась.

— У тебя ко мне есть вопросы? — повернулась она к

Кондрату. — Нет. Хорошо. Фанеру тогда сам сгрузишь, куда тебе удобней. Лошадей и телеги я пока у тебя оставлю. И…, — запнулась она, — я пошла, попробую переговорить с нашей общей знакомой. Глядишь, что и получится.

Но ничего не обещаю.

— Не обещайте, сделайте, — холодным тоном прервал её Дутов. — И ваши проценты у вас в кармане, как и машины. Делайте, Галя, делайте. А за нами не заржавеет.

— В конце концов, у нас ведь есть не только эти броневики, но и многое ещё другое, такое же для вас интересное. Поверьте, вам понравится.

Молча кивнув в ответ, Галина быстро вышла из комнаты.

* * *

Полуденное солнце заливало рабочий кабинет Кондрата Стальнова ярким слепящим светом, а на душе собравшихся в этой комнате людей царила самая настоящая тёмная ночь.

Мастер Дутов стоял у выходящего во внутренний двор окна и с мрачным видом наблюдал как работники Кондрата сноровисто разгружавшими телегу с фанерой. Сидящий на скамейке возле широко распахнутых дверей амбара муж Галины Андрюха Буян, каждый раз, когда мимо него проносили чёрные листы, старательно что-то чиркал в лежащем у него на коленях толстом блокноте, изредка бросая косые взгляды на окна хозяйского дома.

— Дожили, — Мастер Дутов, тяжело опёршись левой рукой на оконный наличник, мрачно наблюдал за деловой суетой двора. — Чтобы элементарно выжить и не разориться, приходится обращаться за помощью к какой-то сопливой девчонке.

— У этой девчонке, единственной из доступных нам людей, есть прямой доступ к уху баронессы. Пусть не такой как нам бы хотелось, но иного у нас нет.

— Что это ты вдруг заговорил, Мыкола? — повернулся к нему мастер Дутов. — То всё молчал, молчал, а тут вдруг рот открыл.

— Чего было губами шлёпать, когда всё шло, как уговор был, — невозмутимо отозвался Ржавка. — Да и девочке не надо показывать наши внутренние свары. Меньше чужие знают, нам же спокойнее.

— Ты по-прежнему считаешь, что мы неправы?

— Ты, ты неправ, — взорвался Мыкола. — Я как считал, так и считаю, что баронессу и всю ту компанию ни в коем разе нельзя допускать до производства боеприпасов. Не забывай, если они не продлят договор на обучение своих обозников, через полгода

придётся отдавать учеников обратно этой баронессе. И мы снова окажемся без дешёвых рабочих. Люди бегут из пограничного города. И в городе реальный дефицит рабочих кадров. Уже даже сезонный наплыв беглецов с границы не спасает. У меня в кузнях некому работать!

— Дешёвых рабочих кадров всегда нехватка. Дорогих то полно, — усмехнулся Дутов. — Плати больше и к воротам твоих кузниц выстроится очередь. Не забывай всегда уточнять этот момент, а то тогда непонятен твой шкурный интерес.

— Да хотя бы и так. Но если мы сейчас на своих площадях и со своим оборудованием, и со своими рабочими начнём производство патронов и снарядов, то потом, с нами обученными рабочими этой баронессе не составит ни малейшего труда воспроизвести весь технологический процесс. Но уже без нас и на своих площадях, со своим оборудованием, и со своими, намного более дешёвыми материалами, чем мы сможем достать. И мы гарантировано вылетам из конкурентной борьбы за поставки патронов Краю.

— Ошибаешься ты, Мыкола, — ледяным тоном отрезал неожиданно отозвавшийся третий из них, Кип Бугров. — Они и так в любой момент могут воспроизвести весь технологический процесс производства патронов. Начиная с добычи руды и кончая крашеными ящиками под готовые изделия.

Ты забыл или старательно не хочешь этого вспоминать, но они уже один раз это сделали. Уже раньше производили патроны! И не самые плохие, чтобы там кто ни говорил, — сердито покосился он на сидящего по левую руку Кондрата. — И только отсутствие заказов на их патроны и привело к тому, что их персональное производство было ими свёрнуто.

Но цеха у них остались, как и кое-какая потребная оснастка. И лично я был бы совсем не против получить ту оснастку, которая одна получше будет всего что у нас есть. А всё дерьмо они сбросили обратно Кондрату.

— Это не так, — подал голос со своего места Кондрат. — И станки, и всю оснастку я от них вывез. Сидор мне сам всё обратно продал. Цеха да, есть, стоят. Но это пустые коробки. Даже то, что из оснастки они сделали сами, и чем ты так восторгаешься, они мне всё продали. Теперь у них нет ничего.

— Не верю. Я им не верю, — набычившись, упорно гнул свою линию Бугров. — К этим пустым коробкам подведены приводы от мельничных колёс на реке и в любой момент, подключившись, они могут запустить уже своё, независимое от нас производство.

— Поэтому и надо сейчас разграничить сферы влияния, — отрезал мастер Дутов. — Сейчас, когда у них ещё нет своего

производства, когда они вернули станки и оснастку Кондрату, но готовы в любой момент начать делать всё заново.

Я тоже не верю Сидору, и не верю тому, что он отказался от мысли перебежать нам дорожку. Это полностью противоречит тому, что мы видим в этой компании и самой логики их развития. Вы все видите, как стремительно они развиваются. Ещё вчера они были пустое место, а уже сегодня нам приходится искать пути, чтобы подобраться к ним поближе. Чтобы уже они не нанесли урон нам. Вчера ещё такого не было. Сейчас — есть.

— А кто тебе мешал самому поискать пути к тому медному месторождению, когда Сидора и их компании и близко от нас не было? — сердито отозвался Мыкола. — Тогда б не пришлось сейчас клянчить у них слитки с медью, свинцом, оловом, и всем прочим.

Ты ж знал что там, в горах есть медь. И все остальные знали. И я знал, и он знал, — начал невольно повышать голос Мыкола. — И что? Никто из нас и пальцем о палец не ударил, чтоб вышибить ящеров с озёр и открыть туда дорогу. И вот вам результат. Мы в роли просителей. Дожили! У пришлых попрошайничаем.

— Именно поэтому и надо договориться с баронессой о разграничении сфер влияния. Чтоб они не лезли к нашей кормушке. Потом будет поздно.

— Ну почему поздно?! — взорвался Мыкола.

— Да потому что не верю я Сидору, — в полный голос заорал в ответ Дутов, всем телом разворачиваясь от окна. — Потому ему я не верю, что знаю! Всеми фибрами души чувствую. Вернув Кондрату его хлам, Сидор на том не остановился.

Не верю я всему тому, во что вы все так старательно делаете вид, что верите! Женившись на баронессе Изабелле де Вехтор, Сидор получил неограниченный доступ к её финансам. А это бездонная бочка! Вы что, не видите!? Оттуда сколько не черпай, не вычерпаешь. И нам таких денег в жизни не видать.

И именно поэтому надо сразу разграничить сферы. Это наше, а то Приморье пусть забирает себе, пусть сам осваивает его, как и свои озёра.

Потом — разграничивать что-либо для нас будет поздно. Надо пользоваться моментом сейчас, когда у них трудности и когда они МОГУТ пойти на соглашение. Потому как не верю я, что Сидор просто так покатился в это своё Приморье, чем-то там торговать. Из Приморья — прямая дорога на Запад, в Торговый Союз. Об этом ВЫ все забыли.

А вам напомнить, ОТКУДА, совсем недавно вернулся Советник баронессы? Из Торгового Союза, между прочим!

Вернулся с полным обозом всякого добра. В котором, есть такие станки, о которых мы раньше даже не слышали.

Вы видели этот гранильный станок, которым на весь город расхвастался этот её недоделанный гранильщик? Урод, привезённый из Торгового Союза Советником баронессы!

Не видели!? А я видел! Нам со своими станками до такой точности обработки, что тот выдаёт, как да столицы Империи Ящеров раком.

И я совсем не удивлюсь, если завтра, аналогичное по уровню оборудование появится в тех пустующих ныне цехах. И которое ни за какие деньги никому из нас там, на Западе не продадут при всём нашем горячем желании. Но МОГУТ продать баронам де Вехтор. И поэтому нам надо перехватить инициативу и первыми разграничить сферы влияния. Чтобы не мы, а они не лезли на нашу территорию.

Пусть они сами откажутся лезть на нашу территорию. Сами! Слово баронессы твёрдое. И, если она скажет «да» — это не будет «да, но…», и не будет «да, если…». Её да — это всегда «да», и никак иначе. И вы это знаете, и я это знаю.

И последнее. Мне самому очень не нравится то, что мы делаем. Очень! Но другого выхода ПОКА я не вижу.

— Ладно, прекращаем спор, — помолчав, выдал Мыкола. — Раз решили, значит, решили. А решили — будем выполнять. У нас нет другого выхода, тут ты прав. Пока нет!

Посиделки на хуторе.

Встреча старых друзей, наконец-то в кои-то веки собравшихся на посиделки в доме одного из своих явных лидеров, была в самом разгаре, когда тихо скрипнувшая входная дверь мигом привлекла всеобщее внимание. Что, без всякого сомнения, прямо указывало на то, что никакого веселья и не было, и собравшиеся в комнате лишь натужно делали вид что веселятся. На самом же деле все только и ждали главного инициатора сегодняшнего сборища, Галку Буян.

— Галочка! — радостный вопль разорвал краткий миг тишины, когда все напряжённо смотрели на входную дверь. — Ну, наконец-то. Я то мы совсем тебя заждались, — тут же сдал он всех с потрохами, ничуть о том не жалея.

Скрывать что-либо, происходящее вокруг, в этой компании было не принято, и все стремились сразу перейти к делу.

— Ну, — поторопил Толян неспешно раскручивающую зимнюю шаль и медленно снимающую верхнюю одежду Галку. —

Чего собрала? Мы Андрюху пытали, пытали и единственное что поняли, сам он ничего не знает.

Не отвечая, Галка медленно прошла к стоящему посреди просторной комнаты неказистому столу и небрежно что-то на него бросила.

Тупой звук глухо звякнувшего металла, словно ножом отрезал все звуки в комнате.

— Это что?

— Это, Толян, золото. На всех. По тридцатке на нос. Плата за этот месяц. Хватит, чтобы покрыть накопившиеся долги.

— Это то, о чём я подумал?

— Мы снова в деле.

— Опять кому-то надо набить морду? Или спалить очередной кабак? Без меня. Я в такие игры больше не играю. Они в итоге слишком дорого обходятся.

— В этот раз кабаков не будет. В этот раз всё гораздо серьёзнее. Это плата за кровь.

— Если за чужую, то мы с Гайратом пас, — глухо отозвался из своего любимого тёмного угла Олег. — Нас дома Лизки не поймут.

— Это плата за свою кровь, — тихо отозвалась Галина. — Дело грозит превратиться в личное. И шанс вернуться обратно живым невелик.

Кто не желает, может сразу отказаться. Никого не принуждаю, никого осуждать не собираюсь. Дело действительно очень серьёзное. Но и куш в конце велик. Вернуться обратно в компанию и заняться серьёзным делом, а не выращиваньем пары пучков редиски на продажу. Даже больше скажу. Независимо от ответа, эти деньги ваши. Можете свободно распоряжаться ими по своему уразумению. Можете пропить, прогулять, покрыть образовавшиеся долги и выбраться из долговой ямы. А можете не брать. Никто вам в том претензий не предъявит. Это ваши деньги. Но потом, лучше ко мне больше не подходите. Обратно не приму.

— А насчёт не вернуться, насколько серьёзно?

— Более чем. Имена Чернухи Николай Иваныча, Бялого Пахома, Серафима Корчаги, вам о чём-нибудь говорят?

— Да вроде бы как мы с ними замирились, — вопросительно глянул на молчаливого Андрюху Толян. — Или что? Мировая пьянка в новом трактире Чернухи — это что тогда было?

— Отмазка, судя по всему, — мрачно буркнул Буян. — Как теперь стало ясно, это была отмазка. Никто не забыт, ничто не забыто. Так что, или мы окончательно решаем эту проблему, или проблема решает нас.

— Рассказывай, — хлопнул ладонью по столу Толян. — Всё

рассказывай, без утайки. А мы думать будем. Раз речь пошла о нашей крови, хочу всё знать.

— Всё ты знать не будешь, — отрезала Галочка. — Но кое-что важное я вам сообщу.

— Итак, дело это началось неделю назад на заднем дворе Юхимкина трактира на Большой Басанрогской дороге, неподалёку от Вязём. Торговала я там с хозяином своей редиской и прочей зеленью, и хорошо расторговавшись, присела погреться на солнышке под тёплой стеной его конюшни…

После часа детального рассказа, в котором, тем не менее, были аккуратно опущены кое-какие немаловажные моменты, Галина наконец-то подошла к концу.

— Вот, ребята, практически и всё.

— Точнее, всё, что ты сочла возможным нам сказать, — задумчиво проговорил Толян, задумчиво глядя на Галочку. — Ну что ж, и то немало.

— А теперь, думайте, — покосилась на чересчур догадливого товарища Галка. — С нами вы или сами по себе? Мы с Андрюхой для себя всё решили, черёд теперь за вами. Дело впереди предстоит кровавое, и лично я в том ни минуты не сомневаюсь. Если этот любовный поход юного романтика состоится в том виде, как это сейчас выглядит, живыми обратно вернуться нам будет очень трудно. Слишком много желающих нас в тех степях навеки оставить, где-нибудь под холмом или в овраге, на прокорм хищникам.

Поэтому, принуждать никого не могу. Решайте сами.

— А что ты говорила про большой куш в конце? — первым подал голос Толян. — Разъясни. Я что-то не понял.

— Куш в том, что если мы вернёмся, то плотно сядем на торговлю оружием.

— В огороде бузина, в Киеве дядька. Это, каким же образом?

— Узнаешь, — тихо проговорила Галка. — В своё время всё узнаешь.

Встреча на водах.

Дома в городе Изабеллы де Вехтор не было, поэтому, справившись у старшей охраны, где её можно найти, Галка отправилась на озёра, рядом с литейным. Там была какая-то нужда у баронессы, с которой та постоянно возилась, не меньше чем раз в неделю на несколько дней посещая те места. Там её и следовало ловить.

Так что уже следующим вечером Галка была на месте. И

угодила сразу к друзьям на праздник. Лёха с друзьями отмечали какую-то юбилейную плавку какого-то редкого сорта стали, которому они все почему-то придавали большое значение. А может и не большое, а просто погулять хотелось. Кто знает. Но встретили Галку на заводе тепло и тут же, потащили за праздничный стол, за которым гуляла вся дневная смена.

— Галка! Какие люди! Иди сюда! Где тебя полгода носило? Сто лет не виделись. Иди сюда, пробирайся.

— Эй, народ, пропустите Галочку. Нам поговорить надо, сто лет не виделись. Сюда-сюда, присаживайся. Вот!

— Ты что, Лёха, — шлёпнулась Галка рядом с ним на лавку, — разве не слыхал, я же разругалась с Изабеллой Юрьевной?

— Разругалась, помиритесь. А, кстати, давно?

— Да, где-то с полгода.

— Ха! До нашего медвежьего угла если что и доходит, то, как раз не раньше чем через полгода. Так что, если ты с ней разругалась на день раньше полугода, то до нас вести пока ещё не дошли, — рассмеялся Лёха.

— Ладно, — махнул он рукой. — Говори, чего явилась. Знаю, что без дела тебя бы здесь не было. Так что, сразу выкладывай, а потом гулять будем. Тут как раз то, что ты любишь: грибочки солёные, огурчики солёненькие…

— Ты, кажется, кое-что перепутал, — тихо рассмеялась Галка. — Огурчики солёненькие уже как-то не актуально.

— А чего тогда приехала? — рассмеялся вслед Лёха.

— Нужна баронесса.

— О, как!? Так чего ты тогда тут с нами делаешь? — удивился Лёха. — Поторопись. Баронесса сейчас на Сытном озере. Кажись, принимает корпус нового монитора и проверяет самоходные баржи. Поторопись, а то можешь и не успеть. Сразу после испытаний она собиралась обратно, и если не перехватишь, придётся ловить уже у Марка. А туда тоже, не ближний свет пилить.

Совет оказался весьма кстати и, главное, вовремя. Галка действительно чуть было не опоздала, едва успев перехватить Изабеллу возле Сытного озера, когда та уже садилась в коляску, собираясь на стекольный.

— Если ты ко мне, то садись ко мне в коляску, в дороге поговорим, — вместо приветствия, затащила та Галку в свой возок. — Рассказывай, — сразу взяла быка за рога баронесса. — Первым делом, как идут дела с подготовкой автопробега, а потом сразу вываливай свои нужды. А то, извини, лясы точить у меня времени нет. Сейчас надо к Марку, потом на литейный, потом в

механические мастерские, потом на пороховой, потом в фанерный цех заглянуть. А потом опять сюда на озёра к монитору с баржами.

Знаешь, Галка, никогда не думала, что материальная заинтересованность может так двигать дело, — довольно ухмыльнулась она. — Стоило подкинуть мастерам интересную идею и пообещать двойную оплату ежедневной переработки, так у них словно второе дыхание открылось. Работают по двадцать часов в сутки. Даже обедают на рабочем месте. Непонятно когда и спят.

Не поверишь, как здорово дело пошло, — весело рассмеялась Изабелла. — А до того постоянно что-то не так всё было. То одно, то другое, то третье. Теперь проблем нет. Теперь приходится уже самой мастеров с верфей выгонять, чтобы хоть поспали.

Зато у нас теперь точно будет второй артиллерийский монитор. И две самоходные баржи, водоизмещением каждая эдак раза в два поболе, чем самая крупная речная лодья.

— Представляешь! Две самоходные баржи и монитор. Чистой грузоподъёмности каждая по двести тонн!

— Это что-то, типа большой десантной лодьи амазонок?

— Ну, не совсем, но близко. Длина — двадцать восемь метров, ширина — шесть, осадка — два. И то, только под полной загрузкой. И на каждую по два дизельных движка. Чудо!

— А зачем?

— Э, — запнулась Белла, непонимающе глядя на Галину. — Не поняла вопрос, — мотнула она головой. Улыбка медленно сползла с её лица. — Что значит, зачем?

— Зачем на реке такая большая торговая баржа? Да ещё чуть ли не вдвое больше обычной речной лодьи! Зачем? Да для неё же товара нет. Да ещё целых две.

— Двести тонн груза. Это же двенадцать тысяч пудов зерна. А две — двадцать четыре!

— Да такие большие речные лодьи бывает неделями простаивают возле причалов в попытке найти фрахт. А бывает, и месяцами не могут набрать товара хотя бы на половину трюма.

Единственный период, когда они действительно востребованы — это осень, сразу после сбора урожая. Но это одна, максимум две ходки за сезон, к устью Лонгары на Устьинскую зерновую ярмарку. И всё. А в остальное время они, как правило, стоят у причала, гниют.

Не выгодно гонять вверх-вниз по реке такую здоровую дуру. Вниз полную, вверх — пустую. Экипаж судна большой, человек что-то под двадцать, а используется оно в лучшем случае пару раз в год. Поэтому у нас такие большие лодьи обычно не строят.

Нерентабельно.

Семь, десять метров длиной, три шириной. И этого обычно достаточно для занятости на весь период навигации.

А если надо разово перевезти очень большой груз, то обычно строят простейший дощаник, который в низовьях Лонгары просто разбирают на доски и продают, или, не разбирая продают на дрова.

Или что, у нас намечается большой десант? — ехидно поинтересовалась Галка. — Уж не в поход ли на Торфяное Плато собралась, Изабелла Юрьевна, над которым у нас в городе кто только не смеётся?

А для моря такое судно тоже мало пригодно. Для тех мест оно мало. Там большие объёмы перевозок и для моря судно грузоподъёмностью в двести тонн мало. На море совершенно другой тип судов ходит. Более приспособленный.

— Плавает, — машинально поправила Галку Белла.

— Ходит, — улыбнувшись, поправила Галка Изабеллу. — И не вздумайте в присутствии речников нечто подобное ляпнуть, сразу уважать перестанут.

— Да, плевать мне на их уважение, — машинально откликнулась Белла, что-то лихорадочно обдумывая. — Так, это что, выходит правда?

— Что именно?

— Ну, то, что ты только что сказала. Про простой больших судов?

— А врать то мне зачем? — удивилась Галка. — Вы у кого угодно спросите, вам каждый ответит.

Я вам даже больше скажу. Такая большая баржа сразу привлечёт к вам повышенное внимание пиратов. Поверьте, такое большое судно в покое точно не оставят. Точно вам говорю. Это для них вроде как лакомый кусок. Словно варенье для ос.

— Или кое-что другое для мух, — мрачно буркнула Белла.

— Ну, я бы так не сказала, но, по смыслу очень близко.

— Угу, теперь многое становится понятным.

— Что?

— Реакция мастеров на моё требование увеличить длину и ширину корпуса строящихся новых барж, их энтузиазм и горение на работе. Рубят бабки, пока хозяйка в сознание не пришла.

— Да, — грустно протянула Галка. — Как ни печально это признавать, но так оно, похоже, и есть. Боятся, что вы опамятуетесь и прекратите работы. А, следовательно, и двойную оплату они потеряют. И денег таких шальных у них больше не будет.

— Значит, ты утверждаешь, что Куницыны мастера уверены,

будто я лопухнулась. Что они меня развели как сопливую лохушку, и с тремя такими большими судами я останусь в прогаре.

— Сто процентов. Даже больше скажу. Без Куницы тут не обошлось. Ничего в его клане не делается без его ведома. На это, безусловно, есть прямое его указание. Можете не сомневаться. И если вы наведёте справки, то вам скажут. Никогда клан Куницы не строил таких больших судов. Никогда.

— Отлично. То, что надо.

— Не поняла, — изумилась Галка.

— Неважно, — отмахнулась Белла. — Ты давай рассказывай, рассказывай дальше. Как там с вашим автопробегом идут дела.

Как-то разом успокоившись, Изабелла поудобнее устроилась на диванных подушках и погрузилась в детальный рассказ Галины обо всём произошедшем с той за последние дни.

— Очень хорошо, — вынесла она вердикт, когда та закончила свой рассказ. — Очень хорошо, — задумчиво повторила она.

— Значит, так. Два броневика подаришь мне, как бы в знак благодарности или признательности, или ещё чего, сама потом придумаешь. К примеру, за то, что тебе с завода отпустили фанеру. Повод не важен, важно мне их получить. А что кто подумает — не имеет значения.

После такого подарка тебе от гильдий кузнецов, в нашу сторону теперь никто и не посмотрит. Для всех ты теперь как бы человек Дутова. Пусть так все и думают, и он в том числе, — ухмыльнулась Белла.

Ну а на свадьбе парочка таких броневиков мне точно не помешает.

С каргами не всё заладилось, как бы хотелось. А твои броневики сейчас прямо спасение.

В самом деле. Не тащить же мне с собой броневик на конной тяге. Не комильфо это. Тем более в столицу княжества, торгующего моторами и позиционирующей себя как центр машиностроения, как промышленный центр, вокруг которого предлагают объединяться всем соседним баронствам.

И тут я с твоими броневиками.

Вот это будет щелчок по носу княжны. Пусть все видят, что и другие сам с усам.

Соседи княжества обеспокоены возникновением Срединной империи. Так пусть увидят альтернативу. Что не только княжество наращивает мускулы, но есть и другие претенденты.

Короче — засветимся мы с этими броневиками по полной. А вот дальше — неизвестно.

Замолчав, Изабелла долго сидела молча глядя прямо перед

собой на пустынную дорогу, о чём-то мрачно раздумывая.

— Значит так, наши кузнечные гильдии ищут рынки сбыта для своих восстановленных машин. Значит, у них есть откуда-то к ним свободный доступ.

— Неплохо бы и нам к нему доступ получить, — повернулась она к Галке. — Попробуй подъехать к ним на кривой козе. Попытка — не пытка. Не получится, ну, ква…

Жаль только что весят твои броневики по пять тонн. Это точно?

— Что?

— Пять тонн веса.

— С полным боекомплектом, экипажем, да полностью залитыми бензином баками, как бы, не все шесть.

— Ну, — задумчиво потёрла подбородок Белла. — Не здорово. Очень не здорово. Но тут, пожалуй, можно кое-что придумать. Сниму ка я штатную бронь, да заменю её на нашу фанеру. На семёрочку, а лучше на десятку. Всё полегче будет. Боюсь, что в гостях у такой стервы, как наша дорогая княжна, никакая толщина броневого листа лишней не окажется. Раскатывать по её столице вместо защищённого броневика в открытой всем стрелкам карете — по-моему, будет не дело.

— Значит, вы принимаете их предложение?

— С кое-какими существенными поправками, да. О чём им и можешь при встрече передать.

— Первое. Ни о какой себестоимости за металл и прочее не может идти и речи. Рудники должны развиваться, а отбирать у других предприятий их прибыль и вкладывать в это совместное производство, чтоб кто-то чужой набил свой карман, я не намерена. Так что цена будет та, что идёт на продажу в Приморье. Естественно без транспортных издержек. Но это всяко дешевле того, что дерут с них бароны.

— Согласны, будет и во-вторых. Нет, разговора дальше не будет.

— Второе. Сейчас у нас очень напряжённое положение с работниками. Очень. Поверь Галочка, это не шутка. Эта свадьба натуральным образом выбила нас всех из нормального рабочего ритма. Поэтому, если они хотят, чтобы что-то меж нас было, они должны досрочно вернуть нам часть учеников, что проходит у них в кузнях обучение по нашему с ними договору. По отношению к общей массе учеников это сущая малость, но сразу говорю, она обязательно должна быть. Иначе у нас с ними никакого разговора не получится.

Нам нужны рабочие. И это не обсуждается. На пороховой завод — сто человек, на литейный — двести человек. В разные

другие места, по мелочи — ещё человек сто, сто пятьдесят надо. И триста человек — на наш патронный заводик. Да-да. На наш собственный патронный заводик. Тот, оборудование из которого мы отдали обратно Кондрату Стальнову и который будем теперь возрождать.

— Да там я слышала, ничего же нет, — удилась Галка. — Или что-то уже есть?

— По счастью нет, — улыбнулась Белла. — Да это сейчас и не надо. Там мы будем пока что просто перестраивать корпуса. Все деревянные строения будем заменять на кирпичные. А для этого потребуется много каменщиков и подсобных рабочих. Насчёт мастеров каменщиков я договорилась с ящерами, а вот подсобников должны будут обеспечить гильдии кузнецов.

— Им придётся досрочно вернуть не менее семисот человек.

— Вот это им точно не понравится, — буркнула Галка.

— Третий момент, — улыбнулась Белла. — С разделением зон влияния. Не имею ничего против. Разделяй, не разделяй, договаривайся, не договаривайся, а как дойдёт до дела, всё одно сделают так, как им самим будет удобней. Натура такая. И если у них из Приморья нарисуется заказчик на более-менее серьёзный объём, ни секунды их наши договорённости не остановят. Поэтому и мы себя так поведём.

Но первой нарушать нашу договорённость мы не будем. Потом — посмотрим, — холодно улыбнулась она. — Но это ты им не говоришь, — кольнула она льдистым взглядом Галку. — Об этом они и сами догадаются, по умолчанию.

Ну, вроде бы всё? Если ты со мной на завод к Марку, милости просим. Мне всё веселее будем. Если торопишься обратно, сейчас самое время расстаться будет. Сейчас как раз будет поворот. Так что если торопишься, тебе туда, — махнула Белла в сторону боковой, идущей в сторону города дороги.

— Я домой, — кивнула Галка. — Не хочу, чтоб нас лишний раз вместе видели. И так слишком много пряников я от компании получаю. Как бы не стали коситься.

— Тогда до встречи, — Белла на прощанье пожала Галке руку.

Проводив взглядом стройную женскую фигурку, пересевшую на свой тарантас и двинувшуюся по боковой дороге к городу, Белла кивнула, подзывая державшуюся чуть в стороне охранницу.

— Проводи, — мотнула она головой в сторону скрывшейся уже за поворотом Галки. — Проверь, не следят ли за ней. Да и вообще, покрутись в округе. А то что-то слишком спокойно вокруг. Аж странно как-то.

А мы сворачиваем в Трошинские мастерские. Проверим, как у

них идут дела с дирижаблестроением.

Дирижабль ДЖ-1.

Теряющийся где-то в высоте потолка одинокий тусклый бензиновый фонарь, неведомо каким образом там зажжённый, еле высвечивал очертания задранных куда-то в поднебесье ажурных ферм ангара, и задранная столь же неудобно вверх шея, казалось, сейчас вывернется.

— Правда, неплохо. Специально туда фонарь повесили, чтоб всем видно было конструкцию, — с гордым видом проговорил Богдан, глядя на потолок. — Ферму стропильную собрали из брусков клееной фанеры. Все стыки на клею. Теперь захочешь — не разберёшь. Сверху укрывной материал — парусина, пропитанная каучуком. Чтоб ветра меньше пропускала и чтоб испытать на прочность, да и вообще, чтоб просто поработать с новым материалом. Но на самом деле, ничего кроме парусины под рукой не нашлось, — улыбнулся кузнец. — Да и торопились, честно говоря, холодно было работать на открытом воздухе.

— Да уж, — поёжилась Белла. — По мне, так без разницы. Что там, что тут.

Действительно, в помещении ангара было не намного теплее, чем на улице. Хотя явно сказывалось ещё и то, что в противоположных углах длинного ангара слабо просматривались небольшие кирпичные обогревательные печурки, высокие узкие трубы которых тянулись куда-то высоко вверх, скрываясь в густой темноте высоко под потолком.

Рядом с дальней от входа печью, под потолком ангара слабо просматривалась неряшливая куча чего-то тёмного и бесформенного.

— А что там за ветошь такая огромная парит в воздухе?

— Баллон аэростата. Недостаточно пока водорода чтобы надуть полностью. Вот, пока только с пола убрали, чтоб не мешал. Поэтому — пока не закончим с гондолой — такой неряшливой кучей и будет болтаться под потолком. А там, как профессор подвезёт недостачу, уж разом всё испытывать начнём.

— А рядом?

— Изба для обогрева работающего здесь персонала. Я ж говорю, холодно. Несмотря даже на то, что работаем под крышей, всё одно, не лето.

Плохо видная в дальнем, плохо освещённом углу небольшая деревянная избушка, только издали казалась небольшой. На самом же деле это был двухэтажный рубленный терем, размером

три на три сажени и не менее пяти полных саженей высоты, на высоком подклете, даже издали производивший впечатление чего-то монументально основательного. Из крыши терема куда-то вверх, в темноту, тянулась высокая печная труба.

— Большую часть времени последних двух недель мы в основном занимались тем, что заканчивали этот ангар и собирали нужный материал. Детали то дирижабля большие, на снегу много не наработаешь. Снег всё же ещё лежит, холодно. Вот мы в первую очередь и озаботились постройкой помещения.

Зато теперь можно работать в относительном тепле. Теперь, за неделю, думаю, закончим.

— Что закончим?

— Как что, баллон конечно. Девочки твои только-только разложились со своими швейными машинками и приступили к работе. Да и то, машинками это так, что-нибудь по мелочи. В основном руками работают. Больно уж прочный материал. Машинка не справляется.

Густой грубый бас Богдана Трошина гулко отражался от далёкого свода высокой кровли.

— Значит, вместо того чтобы быстро построить мне дирижабль, на котором можно было бы быстренько слетать к милому в любовное приключеньице, не заморачиваясь особо на всякую ерунду вроде комфорта, вы всё это время тупо строили этот здоровый ангар. Даже не ставя меня о том в известность. Как мило.

Яду в голосе Изабеллы было столько, что его хватило б, наверное, умертвить сотню боевых имперских слонов. Впрочем, кузнец был не слон. С него довольно наигранное, неискреннее возмущение Беллы скатилось, словно с гуся вода.

— А ты что хотела? Тяп, ляп на коленке? Не получится, — флегматично пропустил кузнец претензию мимо ушей.

Твоё желание за полторы недели сляпать настоящий воздушный корабль — полный бред. Поэтому мы тебя и не стали сразу расстраивать. Ну а поскольку сама твоя мысль о развитии воздухоплавания нам понравилась, то мы и начали с главного, с ангара, — негромко рассмеялся он.

Хорошую штуку ребята придумали, — прогудел Богдан, снова задирая голову вверх. — Это Фома со своими вспомнил, что ерапланы, как и дирижабли, везде и всегда строят в ангарах. И сразу же нас с братом озадачил.

Даже слово мудрёное вспомнил для их обозначения — эллинг, кажись.

Вот мы такой эллинг тут же и соорудили. Повозиться, конечно, пришлось, дело то новое, незнакомое. Но, ничего,

довольно быстро справились. Как говорится: «Глаза боятся, а руки делают».

— Дать бы вам как следует по рукам, чтоб не делали лишнего, — сердито проворчала Белла.

— Белка, не смотри на меня, словно удавить хочешь, — улыбнулся кузнец. — Баллон у дирижабля большой? Большой! Как ты с ним на открытом воздухе работать будешь? Да никак! Его же ветром сносить будет постоянно, дождём мочить, снегом заметать. А внутри ангара, то бишь эллинга, тишь да гладь, да божья благодать. И тепло. Относительно, правда. И сухо.

А на морозе много не наработаешь. Заруби себе это на своём хорошеньком носу.

Тут ещё другой момент. Ещё более важный. В ангаре не видно кто и чем тут занят.

А то с этими вашими мастерами корабелами от Куницы, слишком много кругом посторонних глаз развелось. Так и шныряют, так и вынюхивают, что у нас тут кругом творится.

Кстати о птичках. Я с профессором тут недавно переговорил, тот сказал по всем вопросам охраны обращаться к тебе.

Ты б выделила парочку своих девочек, чтоб на воротах посторожили. Да и вообще, охрану и изоляцию конкретно этого ангара наладили. А то кое-кому из Куницыных людишек давно уже пора нос любопытный оторвать, да ручки шаловливые пообломать.

Так что о том, что ты там думала: за полторы недели или даже за полтора месяца сделать сложнейшую конструкцию, которой в этом мире ещё не существует — забудь.

— Забу-у-у-дь, детка! Забудь, как о страшном сне. Мы только начали. И прими как данность, что такие большие дела быстро не делаются. Вот за полгодика, за год, мы бы тебе его склепали. А то, глядишь, и парочку. А за полтора месяца даже не думай. Забу-у-у-дь!

— Ну, зачем же вот так, сразу. Взять и забыть, — прищурилась Изабелла, с какой-то непонятной мстительно насмешливой искоркой в глазах глядя на буквально лучащегося от понимания своей правоты кузнеца.

— Зачем же так сразу забывать. Хочешь полгода, бери полгода. Но если управишься месяца за три, вообще будет прекрасно.

— Раз не успели к началу свадьбы, сделайте мне дирижабль хотя бы к концу.

— Это как это?

— Вот так это. Неделю мне чтоб собраться, месяц туда, две недели там, месяц обратно, неделю в себя прийти после свадьбы.

Итого у вас на всё про всё три месяца.

И даже поблажку ещё даю. Один дирижабль. Не надо два. Пусть будет хотя бы один, но чтоб точно был.

— Три месяца устроит?

— Не понял?

— Всё-то ты понял, друг мой, — вздохнула Изабелла. — Не успел к первому сроку, значит, чтоб к моему возвращению со свадьбы был готов. А это будет ровно через три месяца.

— Так что, не увиливай и ближе к делу, — резко оборвала кузнеца Белла, мгновенно сгоняя улыбку с лица. — Я пришла сюда не бабьи лясы точить с тобою, а определиться когда дирижабль будет готов.

— К осени! — обречённо констатировал кузнец. — С такими деньгами, никак не раньше, если не вообще к следующей весне.

— А поточнее?

— А поточнее сходи к гадалке Фроське Заречной. Тогда и будет тебе поточнее. А я тебе не Фроська и ничего не могу точно сказать. У нас же ничего нет. Ни газа, ни оболочки, ни каркаса гондолы, ни самой гондолы, ни двигателей. Ни-че-го! Всё приходится начинать с нуля.

— Нет, — ухмыльнулся он, — вру. Двигатели есть. Как раз четыре штуки, по паре на два дирижабля. Хорошие движки, трёхсот сильные майбахи. Ещё остались, не распределённые из Димкиной добычи. Последние. Правда, их ещё перебирать, мыть, чистить, драить от болотной грязюки, капремонт, одним словом им надо делать серьёзный. Но движки есть.

Ну и ещё вот это у нас есть, — махнул он рукой на неряшливую груду тряпья в дальнем углу ангара. — Пробный баллон, для проверки ткани.

Да и тот почти уж весь сдулся. Плохо девочки пошили, опыта не хватает. Тоже та ещё задача. И поддать давления пока нечем, водород кончился. Ну, ещё ангар поставили.

Кстати, — задрал он снова голову, любуясь собственным творением. — Надо будет подумать и сделать сборно-разборную конструкцию. На болтах. Тогда вам там, на свадьбе не надо будет думать о жилье.

Быстро каркас собрал, натянул прорезиненный чехол — и готов дом.

А то поселят вас в какую-нибудь собачью конуру, чести дворянской урон. А так, соберёте где-нибудь в поле захваченную с собой разборную конструкцию и красота! А лучше всего в парке, под носом твоей заклятой подруги. Где-нибудь на поляне, где попросторнее. Птички щебечут, солнышко в окошки светит, воздух чудесный. А кругом листва зелёная. Весна! Красота!

И живите себе, горя не зная. Заодно и рекламу новому товару сделаете. Глядишь, и заказчики сразу денежные у нас появятся.

А то мы тут с ребятами прикидывали, так такую штуку только человек с тугим карманом потянуть сможет. В нашем краю таких богатых нет. А там — может быть. Попробуй, сделай нам рекламу. А мы уж расстараемся, через недельку, как раз к твоему отъезду, сделаем пару сборно-разборных ангаров.

Кстати, насущный вопрос. А как у нас с деньгами. То, что ты первоначально нам выделила, пятьдесят тысяч, давно кончилось. И строить дальше просто не на что. Если только не на свои. Но сколько тех своих, слёзы.

— Ещё полтинника хватит?

— Издеваешься? Мы уже полтинник вгрохали в один ангар этот, в подготовку площадки, в ткань эту прорезиненную, точнее прокаучукенную. В покупку этой дорогущей шёлковой ткани, которая пойдёт на баллон аэростата и которая не три медяшки за рулон стоит.

И вообще непонятно куда деньги ушли, — в полном недоумении, кузнец непонимающе смотрел на растопыренные ладони. — Как вода ушла сквозь пальцы. Сотню давай. И учти. И этого может не хватить. Даже точно не хватит. Дело новое, не проверенное. Сколько на самом деле денег потребуется, никто тебе сейчас не скажет. Так что, жабу свою придави, а калиту готовься развязывать.

О! — вдруг встрепенулся кузнец, расплывшись в какой-то смущённой, дурацкой ухмылке. — Название только что придумал «ДериЖабель»! Или ДЖ-1.

Ну, в смысле, дери жабу, что тебя душит.

— Тогда лучше — Джокер-1, — в лёгкой растерянности пробормотала Белла. — Как в шулерской карточной игре, неожиданный пятый туз в рукаве.

— И не забудь про Марка, — улыбнулся кузнец. — Нам его броневая сетка на баллон или какая-нибудь облегчённая броневая ткань точно понадобится. Это тебе водород, а не безопасный гелий, которого нет и никто, даже не представляет где его взять. Пуля попадёт — пшик, и тебя нету.

Мы тут с мужиками прикидывали, — скупо ухмыльнулся он, — куда ни полетишь, нигде нам особо-то рады не будут. И попытки диверсии, если не банального покушения на убийство, точно стоит ждать. Так что, и разборный ангар, и броневая ткань, и гондола из пуленепробиваемой фанеры, в вашем случае будет самое то.

— Для нас.

Негромкий голос Изабеллы как-то вдруг разом оборвал

гулкий голос Богдана.

— Не понял, — настороженно повернулся к ней кузнец.

— Всё-то ты понял, милейший. Не прикидывайся идиотом. Всё-то ты прекрасно понял.

В первый дальний полёт полетите со мной. Один ты или вы оба два, с братом. Вам решать. Но кто-нибудь один из вас должен быть обязательно.

Должен же быть на борту хоть кто-то один нормальный мастер, кто хоть что-то соображает в этих ваших мужских железках, — с деланно возмущённо рассерженным видом обернулась она к Богдану. — А то вы мужики совсем обнаглели. Мы, бабы, за вас и воюем, мы вам и деньги на ваши развлечения зарабатываем, мы и в гости к друзьям и недругам сами в одиночку ездим. А если что поломается — то что? Тоже мы? Ещё и в моторе копаться? Всё мы, да мы? А вы? Доколе!?

Негромкий смех прервал выспренную речь Изабеллы.

— Всё-всё-всё, дальше не продолжай, — остановил он, набравшую было ещё воздуха в лёгкие Беллу. — Еду. Уговорила. Хотя, я и сам хотел тебе этот вариант предложить. Правда, чуть погодя, в конце разговора. Но будем считать, что ты меня уболтала. Согласен, техника новая, не обкатанная, требует тщательного присмотра.

Пускать вас одних, без технической поддержки, да ещё в такую даль несусветную может лишь самоубийца. И с нашей стороны это было бы чистым преступлением.

Да и не простит мне Сидор, если с тобой случится чего.

К тому же, — ещё шире улыбнулся он. — Я, конечно не Колька, но тоже к морю хочу слетать. Так что я еду, — улыбнулся он, глядя на сразу повеселевшее личико баронессы. — Уговорила. Насчёт Глеба не скажу, а без меня ты к Сидору не полетишь.

— Уф-ф-ф, — с облегчением выдохнула Изабелла воздух. — Не поверишь, аж гора с плеч. А то, как подумаю, что вы нас одних с этой штукой бросите, с этим вашим дирижабелем, аж сердечко заходится.

Итак. Сколько нас летит?

— Ты одна.

— В смысле?

— Летит один дирижабль, — без тени улыбки пояснил кузнец. — Я ж тебе русским языком только что сказал. Дело новое, не обкатанное. Как оно себя там, в воздухе поведёт — неизвестно. Да ещё при таком длительном перелёте. Да и денег, как я понимаю, на два дирижабля у тебя нет. Так о чём говорить?

Хочешь, ещё раз повторю. Дирижабль — один!

— Не надо, — остановила разошедшегося кузнеца Белла. —

Не надо повторять, — тихо проговорила она. — Я просто подумала…

— Найдёшь деньги — будет два, — перебил её кузнец. — Но лучше тебе рассчитывать всё же, на один. И конструкция ещё не отработана, и по деньгам, как я понял, напряжёнка серьёзная присутствует. Так что, рассчитывай лучше на один. Так вернее оно выйдет.

— Как же мы все в один то влезем? — растерянно пробормотала Белла. — Он же маленький.

— Кто? Дерижабель? Да ты чего!? — возмутился кузнец.

Изумлённый донельзя кузнец неверяще смотрел на расстроенную Изабеллу и не мог поверить в то, что видел.

Изабелла! — звонко пощёлкал он пальцами прямо перед расстроенным лицом баронессы. — Ты в своём уме? Первый раз вижу, что ты тупишь, — неверяще покачал головой кузнец. — Дирижабль — это же самое грузоподъёмное судно в мире.

— Устала, — вдруг как-то сразу сникла Белла. — Поверишь, устала как собака. Последний месяц спала, хорошо ещё, если пару часов в сутки удавалось умыкнуть. А то и того не было. С ног уже падаю. Эта свадьба…, — тяжело вздохнула она.

Только сейчас удалось вырвать минутку, чтоб заскочить сюда к вам на полигон и глянуть на этот ваш небесный тихоход. А то профессор с Корнеем насвистели в уши, какая это великолепная штука. Дирижабль то, дирижабль сё. А что такое хотя бы в общих чертах — до сегодняшнего дня даже не представляла. Хоть ты чуток просветил.

Одно, другое, третье, пятое, десятое. После нашего с тобой разговора о воздухоплавании времени не было даже просто поинтересоваться, как тут у вас дела идут. В конце концов, бросила всё и сама приехала. Тем более что и деньги появились, вот, надо распределить.

Деньги — это хорошо, — мгновенно заинтересовался кузнец.

Своё ты считай что, уже получил, — мгновенно ощетинилась Белла. — На сотню можешь смело рассчитывать. Но не больше! Не один твой дирижабль у нас подвешенный в воздухе висит. Другим тоже надо что-то оставить.

Устало подняв на него взгляд, Белла смущённо улыбнулась.

— Извини что наорала, расслабилась. Устала за последний месяц жуть просто как. А тут ещё и это. Денег нет, а везде надо. И торговля в Приморье приносит слёзы одни.

— Это ты нас извини, — тихо проговорил кузнец. — Парни специально тебе ничего не говорили, чтоб не отвлекать от основного дела. Все ж видят, как ты вкалываешь по двадцать часов в сутки, себя не жалея. Небось, и детей то своих

позабросила.

— Каждый день кормлю, — смущённо улыбнулась Белла. — Правда, последнее время больше сплю при том. Единственное время, когда можно хоть немного отдохнуть. В остальное ношусь, как это у вас говорят, как в трату раненая курица. Ни минуты покоя.

Тряпки, драгоценности, подарки. Подарки, тряпки, опять драгоценности. И так по кругу. День за днём.

Устала, с ног падаю. Ужас, — покачала она головой.

Ладно, поедем на свадьбу, отосплюсь в дороге. Время то у меня по любому будет. Почитай, что месяц тащиться в Подгорное княжество будем.

А пока ещё, вот что. Совсем забыла про эти ваши карги, — повинилась она. — Не поверишь, как Советник вернулся, ни разу о них не вспомнила.

А как в этот ваш ангар зашла, прямо по темечку стукнуло. Ведь считай что с того дня как мы с тобой говорили про воздухоплавание, так ни разу ведь и не поинтересовалась как у вас с ними идут дела.

Что у вас, рассказывай. Хотя бы в общих чертах, накоротке.

Понимаю, что тема серьёзная и так, между делом, наскоком, её трогать нельзя, но очень уж хочется услышать, как идёт подготовка к любовному путешествию. Это же так романтично, — смущённо улыбнулась Белла.

— А никак.

— Как это, никак? — улыбка медленно сползала с её губ.

— А вот так!

Затык с моторами. Мотоциклетные откровенно слабы, а для танковых там фактически места нет. Да и не будут они тогда уже лёгкими вёрткими машинками, если поставить туда эти монстры. А ничего другого у нас нет. Изобретать что-то своё — некому, — пожал он плечами.

И заняться производством новых моторов у нас тоже некому и некогда. И станочный парк убогий. Ничего достойного при всём желании не сделаешь. За что, благодарить надо твоего козла Советника, что денежки казённые хоть и не растранжирил, но сроки все сорвал.

Так что, в ближайшее время никаких каргов у нас с тобой не будет.

Можно было б конечно, заказать на стороне. Хотя бы парочку. В городе полно тех, кто в таких делах разбирается. Но это таки-и-и-е деньги, что даже подумать страшно. И тако-о-о-е качество… Хуже, чем было бы даже у нас с нашим убогим станочным парком.

Поэтому, передай парням, Ваське с Колькой, чтоб срочно

искали альтернативу. Мы им ничего предложить не можем.

Если только не свернуть все работы по монитору и по дирижаблю, и снова всем не переключиться на эти их карги. Решение, — с кривой ухмылкой хмыкнул кузнец, — как ты понимаешь, явно не в их пользу будет.

С Куницей больше не поспоришь. И так его мастера зверем на нас зыркают, гавкают на всякий чих и только ищут повод к чему бы придраться. Того и гляди, с кулаками полезут. Им монитор этот кровь из носу к весне надо, а мы, по их мнению, тянем.

Дирижабль тоже в сторону не отложишь. Корней что-то чересчур с этим небесным тихоходом возбудился. Планы на дирижабли большие имеет в своей вечной войне с ящерами. Каких-то наблюдателей он туда собирается сажать и контролировать границу.

— Приехали, — тихо проговорила Белла. — Похоже, что на этой весёлой поездке на юг к милому придётся всё же ставить жирный крест.

— А ты знаешь, — задумчиво глядя на Беллу Трошин вдруг замер, что-то усиленно обдумывая. — А ведь профессор наш прав. Одним дирижаблем лететь нам нельзя, хоть ты тресни. Надо иметь хотя бы два. Для надёжности. Один сломается, так другой завсегда придёт на помощь. А значит, летим мы с брательником вдвоём. Я — на одном, а он — на другом.

Так что придётся нам всем сильно ужать непрофильные траты.

— Ужимайся, сколько можешь, — мрачно отозвалась Белла. — А деньги появятся, я первым делом тебе. Заказывай, что можешь на стороне, но сроки сокращай. У нас главный фактор — время. Я тебе всего не говорю, но поверь мне, дирижабль не только для любовной поездки к милому нужен. Это ещё и транспортное судно, летающее без границ и таможен. Так что, если можешь ускориться, ускоряйся.

Глава 5. Половодье

Ягодный остров.

Вот уж воистину остров. Ягодный, не ягодный, под снегом сейчас не разберёшь. Хотя, какой уж там уже снег. Бурным потоком бегущие под действием жаркого весеннего солнца талые воды грозили уже через считанные часы не оставить от былого белого великолепия ни следа.

Белла не раз уже пожалела, что бросила все дела в городе, бросила подготовку к свадьбе, и понеслась в Ягодный разбираться на месте, как там идут дела. Словно времени другого не нашлось, иначе как накануне половодья отправиться к чёрту на кулички с инспекцией. Следовало неделю, другую подождать, спокойно дождаться, когда сойдёт паводок и проинспектировать Ягодный Остров, раз уж так приспичило.

Белла уже поняла, что влипла. Влипла не меньше чем на две недели, пока не спадёт вода. Непродуманность и поспешность помешали ей правильно оценить последствия своей поездки в такую даль, и теперь её точно грозило надолго застрять в Ягодном учебном центре.

Потому как учебный центр компании Ягодный Остров совсем недаром назвали остров. Он таковым и был в те редкие моменты, когда в лесах быстро таял снег. Вот так как этой бурной весной, когда за одну туманную ночь в лесу сошёл практически весь снег и все окрестные реки внезапно вспухли, намертво отрезав их от дома. И оставив один лишь доступный путь, что вёл прямо к крепости. Назад пути больше не было. Как впрочем, вообще во всём лесу не осталось ни одного сухого пригорка, прям на глазах затапливаемых вешними водами.

— Быстрее, быстрее, — яростно нахлёстывали они лошадей, спеша выбраться на более возвышенные места.

Вода подступала быстро и грозила уже отрезать все пути к спасению.

По счастью схватились они вовремя. Средь ночи разбуженные дежурным часовым, встревоженным резко упавшим вокруг стана туманом, уже через полчаса они неслись галопом по буквально на глазах раскисшей под санками дороге. И лишь укатанный за зиму наст, под которым был толстый слой промороженного грунта, не дал им сразу намертво застрять посреди леса.

Всё же хорошо, что зимой по той дороге часто ездили. Будь иначе, не продержалась бы она до полудня. Так что хватило им

времени вырваться из низин и подняться на водораздел. А там и до крепости было совсем чуть-чуть.

Только вот здесь они застряли намертво. На той смой окончательно раскисшей дороге, что вывела их сюда.

— Всё! лошади выдохлись. Дальше не едем. Отдыхаем до вечера, а потом снова начинаем движение.

Грязная с ног до головы Белла, покрытая комьями густой липкой чёрной грязи, устало сидела на краю своего возка и предавалась грустным мыслям. Отдав необходимые распоряжения, у неё появилась пара свободных минут, чтобы хоть чуточку прийти в себя.

Бегство от воды было столь поспешным, что до того она ни о чём не думала, кроме как вырваться из водяного плена. А теперь можно было и подумать, что дальше делать. До учебного центра было недалеко, и если у них в дороге не поломается ничего, то к полуночи они будут на месте.

— Может гонца послать в Ягодный? Помощь пришлют, всё полегче будет.

Обернувшись, смертельно усталая Белла, без сил едва кивнула головой, соглашаясь с амазонкой из личной охраны.

— Посылайте, — прошептала она. Сил ни на что у неё уже не было.

— И скажите, чтоб лошадей взяли побольше. Наши уже выдохлись. Снова впряжём, окончательно загубим.

Отвернувшись, она ни на что больше уже не реагировала, молчаливо наблюдая, как прямо у неё на глазах паводковые воды стремительно затапливают прозрачный березняк у подножия холма. Зрелище было потрясающее, и Белла замерла, не в силах отвести взгляд.

Из созерцательно умиротворённого состояния её выдернул голос Юрка. Глубокой уже ночью, когда высланная навстречу подмога, только-только добралась до холма по уничтоженной тающим снегом зимней дороге.

Дома в тепле, в гостевом домике учебного центра они были уже лишь под утро, с большим трудом добравшись до крепости по убитой вусмерть дороге. И весь следующий день проспала без задних ног, смертельно вымотанная внезапно пришедшей весной.

* * *

— Ну вы, Белла Юрьевна, нас и напугали.

— Когда Сонька к нам прибежала и принялась орать: «Быстрей, быстрей! Смоет, смоет!» толком ничего не объясняя,

мы, честно говоря, поначалу струхнули. А потом и вовсе эта дура заплакала, что вы все погибли, что вы утонули. Мы подумали что всё, вы действительно утонули.

— Вот жеж дура! Как можно такую дуру посылать за помощью? Как такую дуру вообще можно возле себя держать? Заполошная истеричка! Ведь у неё натуральная была истерика. Ничего толком ведь не сказала. Даже места не назвала. Слава Богу, что сами решили пройти по следам и, слава Богу, догадались захватить с собой чистое тёплое бельё, чтоб было во что переодеться. Иначе б вы так и мёрзли бы в мокром, пока не добрались бы до дома.

— Всё сказал?

— Молчу, — заткнулся Юрась.

— А теперь скажи. Надолго это?

— Что?

— Половодье.

— Дней десять, минимум, — виновато развёл он руками. — Никто и предположить не мог, что весна придёт столь внезапно. Одна ночь и всё. Все реки разом вскрылись. Так что, Белла Юрьевна, застряли вы у нас надолго. Пока вода не схлынет, быть вам у нас в гостях.

— Хорошо, — скупо улыбнулась Белла. — Хоть толком проверю, как идут у вас тут дела. А то всё некогда, да некогда. А хотелось бы самой посмотреть: что сделано, что планируется сделать и определиться, каковы же дальнейшие ваши перспективы.

— Наши? — удивился Юрась. — Пф! — возмущённо выдохнул он воздух.

— Наши — самые лучшие.

— После того как Сидор прислал к нам сюда бульдозер в помощь, дела наши не пошли а полетели. И мы за зиму расчистили столько горельника, сколько не сделали за всё прошлое время.

— А перспективы? — улыбнулась Белла, глядя на возбуждённого парня.

— Пф, — выдохнул воздух Юрась. — Сейчас не очень. В лес не выедешь, топко. Сразу на брюхо сядешь. А только подсохнет, я снова машину в лес погоню. Там уже новый лес на старом пожарище подыматься стал. Так что ещё пару лет потянем, а с нашими предыдущими темпами так бы оно и было, то лет через десять нам этот горельник от нового леса уже чистить пришлось бы.

— Но даже с бульдозером менее пяти лет я вам на расчистку не обещаю.

— Если хотите, — вдруг расплылся он в улыбке, могу вам показать, как мы пеньки корчуем с его помощь. Тут есть неподалёку сухой пятачок до конца не расчищенный. Можно поразвлекаться. Если вам будет интересно.

— Можно, значит, давай, — улыбнулась Белла. — Две недели срок большой и как то занимать дни от безделья надо.

— Тогда прошу за мной, — подхватился Юрась и стремительно двинулся на выход.

— «Похоже, здесь всё делается быстро, — подумала Белла. — Очень хорошо. Не люблю мямлей».

* * *

Огромный, какой-то нереально большой трактор поражал своей несуразностью. С приделанным к нему спереди широким, загнутым внутрь себя металлическим отвалом, он был на удивление неуклюжий. И было непонятно, что он тут вообще делает.

А торчащий сзади несуразный стальной крюк, больше походил на клюв беспомощно барахтающийся в грязи неведомой хищной птицы, чем на рабочий инструмент машины.

— И это у вас называется: «Работает бульдозер?» — в некоторой растерянности Белла растерянно наблюдала как огромная неуклюжая машина, беспомощно ворочается вокруг огромного, чуть ли не полутора метров в диаметре пенька сгоревшего дерева и не может ничего сделать.

— Тут порой попадаются такие монстры, не знаешь куды и бечь, — мрачно повинился Юрась, уже понимая, что с демонстрацией возможностей чудо-машины явно всё пошло наперекосяк. — На прошлой неделе точно такой же дней пять из земли выковыривали. Думали всё, угробим машину. А с этим трактористом что-то дежурный накосячил. Вообще-то я говорил, чтоб такие пни пока не трогали, а выгребали мелочевку по соседству. Да винюсь, не уследил. Дежурный, зараза, похоже новичка за рычаги посадил. А тот, похоже, решил перед вами выпендриться. Показать, на что бульдозер способен.

— Показал, дурак. Смотреть противно.

— А с остальными что, не так?

— Хе, — слегка оживился Юрась. — Спрашиваете. Отвалом мелкие пеньки, где-то так до полуметра в шейке, как ножом стружку снимает. Раз, и чисто. Прибирай потом за ним в кучу выдранные корни, а потом сжигай подсохшие. Красота.

— А раньше на каждый такой среднего размера пень троим

мужикам по целому дню приходилось тратить, такие там корни! Теперь нет. Теперь лишь вот с такими патриархами, как мы их тут называем, проблема. От метра в диаметре и больше. За зиму мы всю мелочёвку тут на ближних делянках повыбрали, а такие вот монстры остались. Теперь возиться приходится.

— И много таких?

— Много, — мрачно констатировал Юрась. — Очень много. Так много, что даже говорить не хочется. Тут вообще, похоже, раньше настоящий коренной бор был. Южный склон, солнце, чернозёмы. Прёт всё, как на дрожжах. И такие огроменные деревья здесь росли, страх Божий. Наверное, красотища была…

Юрась замолчал, видимо мысленно представляя в уме картину былого здесь великолепия.

— Залюбуешься, — тихо проговорил он мечтательно.

Тут возле каждого такого монстра до сих пор по целому огромному стволу лежит, которые даже на пожарище не сгорели. Бульдозером с места стронуть невозможно.

— Приходится жечь на месте. Столько времени зря пропадает, — обречённо махнул он рукой.

Всю картину достижений портят, гады. По бумагам то у нас сотни и сотни десятин уже готовой пашни, а фактически их иначе, чем на лошади и не обработаешь. О машинной пахоте нечего и думать, не проберёшься меж них.

Тысячи десятин прекрасных чернозёмов под нами, а взять нельзя. Такие вот монстры стоят, ни пройти, ни объехать, и никакой техники не применить.

Видали клюв сзади?

Дождавшись утвердительного кивка, с горечью продолжил.

— Уже три раза в кузне сваривали. Он потому и кривой такой, что его попробуй обратно сварить. А ломается — с полпинка. Раз, и готово! Или вообще разогнётся в обратную сторону, или, особенно если перекалить, лопается с таким звоном, что люди на неделю глохнут.

Вот чего хочешь, то и думай. Или техника слабая, или кузнецы такие, криворукие.

— А взрывать не пробовали?

Какое-то мгновение Юрась непонимающе смотрел на Беллу, словно она сказала что-то неприличное.

— Да вы что, Белла Юрьевна, — смущённо улыбнулся он. — Да кто ж мне даст?

— Взрывчатка у нас дефицит, исключительно на учёбу и строго по утверждённому плану. А планов взрывать пни у нас нет. Да и не утвердит мне никто такой план. Я, было, заикнулся как-то Корнею, чтоб выделили нам десяток толовых или динамитных

шашек на расчистку территории. Так он ТАК на меня зыркнул, что с тех пор я о том и заикаться боюсь.

Вся взрывчатка, что у нас производится или иными путями добывается, идёт исключительно ему на озёра, для устройства засек и водных преград — болот и каналов на пути движения ящеров. Он там такую стройку укрепрайонов развернул, что, кажется, половину предгорий уже перепахал. Не пройти, ни проехать.

Было время, жаль короткое, людоеды поуспокоились было, и я уж хотел новую заявку ему подбросить на пару ящичков тротила. Да тут опять слышал, зашевелились. Как после зимней спячки заново проснулись, так снова и бузят.

Потому у нас каждый грамм взрывчатки на счету. Всё на учёбу, только на учёбу. Не до пней.

— А если всё же попробовать совместить?

— Извините Изабелла Юрьевна, — голос Юрася заледенел. — У меня прямой приказ Корнея, запрещающий использовать дефицитную взрывчатку в непрофильных делах. Только учёба и только по плану. И даже вы тут изменить ничего не имеете права. У меня приказ.

— Да и нет её у меня элементарно. О чём тут говорить. Ни взрывчатки нет, ни шнура, ни взрывателей. Всё у Корнея. А как ящер на нерест косяком по весне пошёл, так он прямо озверел, даже на плановую учёбу положенное еле-еле выпросил.

— А планы геодезические какие-нибудь у тебя есть? Чтоб в целом картину посмотреть.

— Обижаете, Белла Юрьевна, — расплылся в счастливой улыбке Юрась. — Вот чего у нас полно, так это планов. Ванечка в своё время напахал столько, что архивной комнаты уже не хватает. Слава Богу, что и в мелком масштабе сделал, можно наши земли в целом посмотреть.

Тут по зиме, дятлы приезжали, — Юрась заговорщицки, чуть склонился в сторону Беллы. — Из этого, Каменска.

— Из Каменск-Польского, — поправила его Белла.

— Ну да, из него. Так как увидели, так обалдели. А потом сразу требовать стали себе и грозить всякими карами, если не дадим, хотя бы копии.

— Послал.

— Правильно сделал, — хмыкнула Белла. — Надо, пусть сами съёмку делают. А потом ещё и у нас уточняют границы. Даром ничего никому не давать. А то обнаглели. Сначала не нарадовались, что зарегистрировали участки как их территории, а теперь начинают претензии выставлять, что налогов мало платим. Мол, такие земли заняли, а не используют. Не

обманываем ли мы их, показывая такую низкую урожайность

— Теперь-то мне понятно, в чём тут дело. А то я и сама не могла понять. Как так? Есть столько земли, вроде бы пашня. А зерна по прошлому году собрали курам на смех.

— Всё понятно, — хмыкнула Белла. — Пеньки.

— Пни и людей нет, — эхом отозвался Юрась.

— Был бы народ, так хоть вокруг этих монстров можно было бы что-то посадить. Картошку, кукурузу, подсолнух. Репу, в конце концов. А то ведь ни сажать, ни собирать некому. Был бы трактор, мы бы тут тысячи три десятин подняли. А так, — виновато пожал он плечами. — Я со своими девчонками и парнями, если что и могу обработать, так пару десятин всего. Да и за теми ухаживать некогда. На мне ещё и питомник шишко-ягоды, если у вас там ещё не забыли, что она у нас ещё есть.

Совсем, я смотрю, забросили вы эту ягоду. Полностью переключились на кедр.

— Малому с Дюжим, по тысяче десятин кедрача обещано. Как рассчитаемся, так и за своё примемся, — как-то неохотно огрызнулась Белла, понимая, что парень-то прав.

Занимайся ка ты своим делом, Юрась, — тяжело вздохнула Белла, — а в дела других не лезь. Особенно в те, которые тебя не касаются, — тихо проговорила она, в упор, глядя на парня.

— Я-то займусь, куда я денусь, — сердито отвернулся тот. — Да кто займётся шишко-ягодой?

— Вот и вы, не успели появиться, как первым делом потребовали выделить вам для какого-то авиадесанта десяток парней

— Не успели хоть чему-то обучить, как сразу отбирают, — совсем расстроился Юрась. — Это разве дело?

— Не дело, не дело, — ободряюще похлопала парня по плечу Белла. — А теперь хватит плакаться, пошли, покажешь карту своих земель. Посмотрим, что и как и что тут у вас можно сделать. А то я вижу тут явный непорядок.

— Пошли-пошли, — подтолкнула она парня в сторону крепости. — Пошли, покажешь.

На то, что за их спинами трофейный Сталинец-65 надрывался в безуспешной попытке свернуть отвалом чудовищных размеров пень, они за своим разговором как-то позабыли, к полному расстройству тракториста.

* * *

Планы, вычерченные рукой городского геодезиста О`Редько,

Белла узнала бы в любом месте с первого взгляда. Чётко, ясно, всё понятно. Недаром те деятели из соседнего города так сразу на них запали. И представленная на них картина мало отличалась от того, что она видела у себя дома. Только оказывается одно дело — там, и другое — здесь.

Когда в натуре смотришь на точки, изображающие пни, реально слабо себе представляешь что это такое. И тут-то становилась понятна настоящая причина того что за всё время как они принялись осваивать эти земли, реальных успехов у них был — кошкины слёзы.

— Понятно.

Тяжело вздохнув, Белла отложила в сторону сводный чертёж земель Ягодного Острова.

— Значит, говоришь, домой пути нет.

— Нет, — мотнул головой Юрась. — Если только вы не самоубийца, то нет.

— Одну то вас, может быть, и можно было бы переправить через все эти разлившиеся протоки Каменки по дороге домой, но с детьми — я отказываюсь. Категорически отказываюсь. И вас не пущу.

Вообще не понимаю, как вы могли с грудными детьми отправиться в такое путешествие. Да в такую даль!

— Не отправилась бы, — обречённо вздохнула Белла, — не имела бы сейчас чёткого и ясного представления, что у тебя тут происходит.

— Ну и хорошо, — вдруг улыбнулась она. — Должен же быть и у Кузи праздник. Вот и я отдохну немного от дел.

— Хотя бы отосплюсь, — тихо рассмеялась она, поняв, что действительно довольна внезапно свалившимся на неё отдыхом.

Гость некаменный, и ладно.

Если кто и мог мечтать об отдыхе, то уж точно, это не относилось к баронессе Изабелле де Вехтор.

Третьего дня утром, после её появления на Ягодном, она уже встречала в воротах крепости спешно посланный ей вдогон отряд егерей на фанерных плоскодонках, с которыми ещё Сидор с Корнеем прошли, истребляя ящеров, чуть ли не все предгорья северных склонов гор Большого Камня.

Беспокойная Маша, только заметив как вздулись половодьем реки, тут же вытребовала из Райской Долины мужа и заставила того послать спасательный отряд ей вдогон. Который, буквально за два дня вытащил Беллу обратно домой.

Так что, нечаянный её отпуск так и не состоялся. О чём Изабелла, кстати сказать, ничуть, не жалела. В крепости по вечерам оказалась такая скука, что не занятой ничем молодой мамаше в первую же ночь натурально захотелось взвыть от скуки или броситься головой на стену.

Выть на луну в её положении было не комильфо, а вот потихоньку сходить с ума от безделья, она начала чуть ли не в первую же ночь. Деятельной натуре Изабеллы совершенно нечем было заняться в той глухомани.

Зато уж дома навалилась просто куча дел. И главным средь них, прогремевшим, словно гром средь ясного неба, было появление в городе Ведуна, и его настоятельная просьба поскорее встретиться с Беллой.

Встретиться с этим человека здесь и сейчас для Беллы было что-то невероятное. По всем её расчётам, да и со слов других, тот в это время года точно должен был находиться не менее чем за тысячу вёрст от этого места, и тут нате вам….

Не успела она вернуться домой, как и этот тут как тут. Воспользовался близким знакомством с хозяевами и ввалился без приглашения. Стоит в дверях и принять просит. Убила бы мерзавца, коль нужен бы не был.

— «В следующий раз надо дать охране строгие указания, чтоб никого без предварительного разрешения даже во двор не пускали. Может хоть это спасёт от навязчивого внимания этого человека».

— Иван Афанасьевич Языков, — несколько растерянно пробормотала Белла, глядя на вошедшего в комнату Ведуна. — Не скажу, что рада вас видеть.

— Чему обязана? — равнодушно полюбопытствовала она.

Белла только что вернулась с Ягодного, устала как собака, и даже просто разговаривать с кем-либо ей было тяжело. И столь навязчивое требование немедленно встретиться, буквально взбесило её.

— Извините, Изабелла Юрьевна, я понимаю как вам сейчас тяжело, после своей поездки, но я сам проездом из Приморья. Прибыл в город вчера вечером, и сразу к вам, как только узнал, что вы вернулись.

— Проезжали мимо, так и ехали бы…. Мимо, — уже на грани откровенной грубости проворчала Бела. — Ну и? Чем вызван ваш столь стремительный визит? — едва сдерживаясь, сердито буркнула она.

Белла страшно устала от своей тяжёлой поездки, и ей хотелось просто отдохнуть. И не было ни малейшего желания с кем-либо вообще разговаривать.

— Да вот, письмишко от вашего мужа привёз, — проговорил Ведун, протягивая Белле запечатанный толстый конверт.

Взяв его в руки, Белла какое-то время с сомнением смотрела на Ведуна.

— Ну, — хмыкнула она. — Проверять вскрывалось ли письмо, не будем. Думаю, вы специалист достаточно высокого уровня, чтоб скрыть все следы.

— Достаточно, — согласно кивнул Ведун. — Тем более что текс письма я сам вашему мужу и надиктовывал.

Молча покосившись на непонятно с чего довольного Ведуна, Белла нахмурив брови, небрежно вскрыла конверт и принялась за чтение, периодически многозначительно похмыкивая.

— Проходите, профессор, не стойте в дверях, — подняла она взгляд на открывшуюся дверь в столовую. — Прочтите, — протянула она ему письмо. — Здесь много для вас интересного.

— Интересно, — Прочитав письмо, профессор поднял на Ведуна хмурый взгляд. — Но что вам от нас-то надо? Как я понял, изумруды и так у вас, и разрешение на продажу вами от Сидора с Димоном получено.

Аккуратно сложив лист письма обратно в конверт, профессор вернул его Белле.

— Так зачем вам надо было привозить ещё и письмо от Сидора? — посмотрел она на Ведуна. — Или вам что, для разнообразия потребовалось ещё и наше личное согласие? Зачем?

— Вы должны знать, — бросил Ведун короткий взгляд на него. — Посредник особо настаивал на скрытности. Чтоб с вашей стороны не просочилось ни малейших сведений у кого и за что были куплены изумруды. Чтоб вопрос работорговли никак не подымался. На этом особо настаивал покупатель.

Покупателю важно чтоб никому не стало известно чьи именно изумруды пошли на Имперскую корону. Что для получения изумрудов на украшение её, княжна идёт на продажу рабов. Сорок — за четыре. И что княжне именно на изготовление имперских регалий: короны, скипетра и державы нужно время.

Они поздно спохватилась. Информация о появлении на рынке изумрудов ювелирного качества изумрудов и об их продаже слишком поздно докатилась до князей Подгорных и именно поэтому они вынуждены были отложить свадьбу. Вот этого им бы и не хотелось чтобы все знали. Это её обязательное условие освобождения нужных вам людей.

— Если это условие не будет соблюдено, у нас будут неприятности.

— У нас, или у вас? — холодно поинтересовалась Белла. — Уточните.

— У нас обоих, — суховатым голосом недовольно отозвался Ведун. — В таком деле не может быть мелочей. Потому я здесь. Решил лично удостовериться что все всё правильно понимают.

Сейчас самое главное, что свадьба откладывается. Надеюсь, это вы понимаете.

Пока что это говорю я, но, думаю, скоро вы и сами получите от княжны официальное письмо с извинениями и сообщением о том, что из-за необходимости изготовления новых имперских регалий, достойных новой Срединной Империи: корона, скипетр, держава, свадьба отложена до октября.

Старые княжеские их не удовлетворяют, а о регалиях герцогства Гарс и речи нет, не по статусу. Из-за этого и весь сыр-бор возник.

Видно было, что встреча с Изабеллой не доставляет Ведуну большого удовольствия, но тот пересиливал себя и тщательно разжёвывал то, что и так было подробно прописано в письме.

— Согласен, — кивнул головой профессор. — Сделка слишком важна для всех нас, чтоб проколоться на какой-нибудь ерунде. Только я всё равно не понимаю, чего тут обсуждать. Всё и так подробно изложено в письме.

— Значит, Лидия уверена, что я распродаю фамильные драгоценности, — задумчиво констатировала Белла.

— Наследство, — поправил её Ведун. — Припрятанное на чёрный день ваше наследство. Которое теперь, как только дошло до провозглашения Империи, включившей ваши земли в свой состав, неожиданно приобрело определённую ценность.

Включение в Имперскую корону четырёх ценнейших поморских изумрудов из тайной сокровищницы баронов де Вехтор, является важным политическим моментом в деле провозглашения Срединной Империи, подчёркивая тем самым, как бы преемственность и добровольность вхождения этого баронства в её состав.

Пусть это и не так, но тем самым повышаются и ваши права на престол.

Чего? — изумилась Белла.

Да-да, — коротко хохотнул Ведун. — Продав княжне свои родовые изумруды, вы тем самым и сами получили на неё определённые права. Точнее, упрочили и ранее существовавшие.

Потому что никто в здравом уме не может представить, что можно такие драгоценности, стоимостью в четыре миллиона злотых, обменять на четыре десятка рабов, красная цена которым у работорговцев десяток, другой серебрушек.

Тут Лидия Подгорная со своим дядюшкой, похоже, сами себя перемудрили.

Хотя, это как посмотреть. При известном цинизме, изумруды то они получили, считай что даром, а то, что у кого-то там появились заодно и неучтённые ранее права, так это, видимо, на её взгляд легко устранимая ерунда.

Только вот, при более серьёзном рассмотрении, права то у вас на имперский трон совсем даже не эфемерные, особенно учитывая порядок и историю вхождения вашего баронства в герцогство Гарс и вашу фактическую независимость от того. И то, что вы имеете право в любой момент выйти из состава баронства, фактически разорвав Срединную Империю надвое. На две не связанные единой территорией части.

Вряд ли это понравится новым её хозяевам.

Так что, когда будете что-либо кушать за столом у княжны, внимательно проверяйте то, что вам подают. А лучше вообще ничего не ешьте и не пейте. А то, как бы вас не отравили. Княжеская семья очень трепетно относится к вопросам престолонаследия.

Собственно, вот ради этого разговора я и дал немалого крюка на обратной дороге, заскочив к вам, предупредить.

— Спасибо за заботу, — скупо улыбнулась Белла. — Но правилам поведения во враждебной агрессивной среде я обучена с детства. Так что ваше предупреждение несколько запоздало.

Ну а теперь говорите правду, — холодно произнесла Белла. — Зачем вам надо было так напрягаться и давать здорового крюка, по вашему же собственному выражению. Весь этот бред с правами на Имперский трон можете оставить при себе. Как и то, что письмо тоже вполне могло бы и подождать.

А вот что-то мне подсказывает, наверное, шестое чувство, что Вам, сударь, от нас опять что-то понадобилось, а не просто так поговорить. Что — опять деньги? Судя по заблестевшим глазам, угадала. А то ведь задушевно поговорить можно было и на расстоянии.

Не бедный же ты мужик, Иван. Купил бы у трофейщиков две, три какие-нибудь старые отремонтированные рации и подарил бы одну из них нам. И спокойно бы общаться на расстоянии, без помощи лошадей, — с кривой усмешкой уточнила она.

Тут как раз недавно некие доброхоты трофейщики у нас в городе появлялись с подобным предложением. Всем предлагали купить пару раций, у кого даже теоретически могли бы быть деньги.

Жаль. Не взял никто, — ханжески вздохнула Белла. — Вот ведь беда, какая. Так и маются до сих пор, бедненькие со своими какими-то телефункенами.

Цену заломили несуразную, три тысячи злотых за один

аппарат. И скидку отказались давать. Да к тому ж, сами обслуживать не желают, говорят, запчастей нет.

— Кто же такой шустрый к вам подвалил со столь интересным предложением? Скажите, глядишь и куплю.

— Трофейщики низовые, кто ж ещё. Некий Нечай Сулим, которого вы наверняка знаете, поскольку большей частью ранее он промышлял в ваших краях. И ведь хватило же наглости мерзавцу заявиться прямо ко мне домой, и, сославшись на знакомство с Димой Петровым, предложить мне такое.

Они с ним водку, видите ли, на брудершафт пили, потому, мол, друзья и приятели. Вот по дружбе и предлагает, — подпустила она яду в голос. — За три тысячи штука. Совсем с ума сошёл.

Хотя, ну да, — саркастически ухмыльнулась Белла. — Я его понимаю. Обслуживать, возиться, да при полном отсутствии запчастей, кому это надо. Выгоднее продать и свалить подальше, чтоб потом претензию не предъявили. Что не прошло и двух дней, а дорогая игрушка сломалась. А чинить некому и нечем.

Никак, опять изумруды понадобились? — на одном тоне задала она вопрос в лоб.

— Экая вы, Изабелла Юрьевна, конкретная, — поморщился Ведун, после недолгого молчания. — Вот так сразу и прямо к делу.

— А чего тянуть? Да и учитель хороший попался. Кстати, вы его знаете. Некий Ванечка, Ведуном тут в Территориальном Совете подрабатывает. Наверняка ведь знаете такого. Ходит тут, ходит, учит нас дураков, учит, а всё наука его не впрок. Каждый раз ловит на пустые обещания. И ведь получается же. Не в этот раз, — холодно отрезала Белла.

— Вы письмо своего мужа читали?

— Читала. И что? Полностью согласна. Можете смело менять четыре изумруда на этого вашего Пашу Ушкуйника. Раз муж с Димоном согласны на такой неравноценный размен, так тому и быть.

— А…?

— А вот «а», не будет. Пока вы полностью не отчитаетесь за каждую медную монетку, вырученную за проданные Вами НАШИ изумруды, и мы с вами не разочтёмся по всем пунктам НАШЕГО договора, ничего больше на реализацию вы не получите.

— Нет проблем. Готов отчитаться хоть сейчас.

— Правда? — Белла даже растерялась от неожиданности. — Что, вот так сразу? Прямо сейчас?

— А чего тянуть? — Ведун равнодушно пожал плечами. — Основная задача, ради которой всё собственно и затевалась, на

сегодняшний день снята. Организация массового набега на Торфяное Плато руководством Левобережного Края признана грубой ошибкой. Набег отменён из-за неприемлемого уровня возможных потерь. Так что ваши деньги на данный момент болтаются без дела, и вы можете смело на них рассчитывать во всех своих начинаниях.

Вам их вернуть сразу, одной суммой, или можно частями?

— Ну, если уж собрались возвращать, то сразу, — оживилась Белла. — А то потом от вас опять ничего не дождёшься.

— Ну, почему ж ничего. Я вот готов вам предложить гелий. За ваши деньги любую вашу прихоть.

— Что?

— Гелий. Газ! Такой летучий инертный газ, негорючий, в отличие от водорода. Который, кстати, тоже, по неожиданному стечению обстоятельств, используется при наполнении баллонов дирижабля. Не имеет цвета, запаха, вкуса, не токсичен, не вступает в реакцию с другими веществами. Примерно в семь раз легче воздуха. Правда, похуже будет, чем водород, второй по лёгкости, но зато обладает главным для вас качеством — в отличие от водорода, невзрывоопасен.

Можно легко использовать в своих целях, обладая лишь минимальными необходимыми знаниями по технике безопасности. В вашем случае, с низко квалифицированными рабочими — просто идеален.

Ведь вас же не устраивает опасный газ водород. Вы б хотели заменить его, на инертный газ гелий? На невзрывоопасный газ гелий?

— Что, вот так прям счас? Легко и непринуждённо? — ядовито ухмыльнулась Белла.

— Сейчас не получится, — с сожалением цокнул языком Ведун. — И совсем, кстати, не легко.

Дело получения гелия довольно непростое, и требует определённых финансовых и временны?х затрат. Причём, больше временны?х, чем финансовых.

В настоящий момент он добывается в одном единственном месте у нас на континенте, на нефтегазовом месторождении Чёрная Грязь в Северо-Западном Герцогстве, недалеко от берега моря. Добывают мало и отнюдь не в промышленных масштабах, потому как спроса на него практически нет. Но если дать денег, сделают довольно быстро. Особенно, если подходы знать.

— Ну, кто б сомневался, — ядовито ухмыльнулась Белла. — Как плавно вы, сударь подошли к главному, к тому, что вам требуется оставить деньги у себя.

Ни за что! Деньги на бочку!

— А гелий?

— Чтоб ты сдох, Ванька. Сволочь! — не сдержавшись, взорвалась Белла. — Опять, думаешь, ускользнул?

— Уверен, Белла Юрьевна. Уверен, — нагло ухмыльнулся тот. — Отчёт готов предоставить немедленно.

— Валяй.

— Итак. Четыре самых ценных изумруда уйдут князьям Подгорным. С этим вы согласны.

— Чтоб ей они вылезли из одного места, да желательно побыстрей. Согласна.

— Остаток от ваших изумрудов, на сегодняшний день даст не более девятнадцати миллионов. После поднятого княжной скандала вокруг их продажи, количество желающих купить ваши изумруды резко упало, и цены естественно соскользнули вниз. Но, если немного подождать, год, два, может быть и три, но не более, то за остаток можно будет выручить и все тридцать миллионов. Может быть. А может, и нет.

Есть у вас время ждать? Согласны вы с такой продажей?

И часть денег обязательно пойдёт на организацию набега на Плато. Пусть и в сильно усечённом виде, но он должен состояться.

— Будет, Белла, — голосом нажал тот на Изабеллу. — Набег обязательно должен состояться. Сказали «а», надо говорить и «б». А вот так или эдак, это уж дело второе.

— И официально озвученный отказ от набега — это лишь прикрытие для того, что он на самом деле будет. Но не так как сейчас, когда всем известно кто, что и когда. Будет тайно, внезапно и максимально разрушительно для Подгорных князей. Цель определена и она будет достигнута. И вам лучше в нём участвовать, Белла Юрьевна.

Щека Беллы раздражённо дёрнулась, но она смолчала. Глядя в холодные равнодушные глаза выжидающе глядящего на неё Ведуна, Изабелла с трудом сдержалась. И смолчала. Уж что-что, а насчёт гелия Фома землянин её первым делом проинформировал, насколько тот важен. И такое предложение было слишком важно, чтобы сейчас, снова, в очередной раз выступать против этого дурацкого набега. Которого, оказывается уже якобы не планируют, но который при том, всё равно состоится. И деньги на его организацию всё равно возьмут из их кармана. А иначе — никак.

Выждав какое-то время, Ведун снова продолжил, словно и не было столь многозначительного напряжённого молчания с обеих сторон.

— Теперь возвращаемся к нашим баранам. Гелий раньше

конца осени, а то и начала зимы не ждите, сразу предупреждаю. Это дело дорогое и многотрудное. И самым трудным, сразу предупрежу, будет даже не добыча, не производство, не покупка, а доставка.

Доставка гелия из Северо-Западного герцогства сюда, к вам в город, будет самым трудным этапом в его приобретении.

— А в чём проблема?

— В торговой блокаде Левобережных земель со стороны поречного дворянства и в запрете на поставки сюда любых высокотехнологичных материалов. А гелий в этом списке если и не стоит, то его моментом включат, как только я выйду на производителя со своим предложением.

Гелий — продукт высоких технологий и к поставкам на Левобережье безусловно будет запрещён.

Нет, вы чего не подумайте, Белла Юрьевна. Вам, как дворянке, его продадут. И мне тоже продадут, хоть я и ни с какого боку не дворянин. Лишь бы у нас с вами были денежки и лишь бы мы их вовремя и аккуратно платили.

Но вот потом, по дороге сюда, постараются максимально надолго, буквально на годы где-нибудь задержать. Не получится, постараются уничтожить судно доставки вместе со всем его содержимым. Вплоть до экипажа.

Собственно, найм конвоя сопровождения, или плата контрабандистам, и является самой большой затратной частью подобного предприятия. Две цены плюс. Всегда. И это самый минимум. Что практически сводит на нет любые желания что-либо там покупать.

И доставка возможно только контрабандой. Что несёт с собой ещё дополнительные риски и естественно, затраты. Так что, во что вам в итоге выйдет литр сжиженного газа, боюсь даже подумать.

Мне очень жаль, но это так. Готовы вы платить такие деньги за безопасность полётов — к началу зимы будет у вас гелий. В любых количествах. Если, конечно, хватит у вас средств. Нет, или думаете, сами обернётесь — что ж, готов в любой момент вернуть вам все ваши денежные средства.

— А по деньгам, поподробнее, что выходит?

— Да собственно сам гелий достаточно дёшев. Обычно поставляется в стальных сорокалитровых баллонах, куда закачен газ. Такой сорокалитровый стальной баллон с газом — стоит около четырёхсот злотых. Вес баллона — пять пудов. Газа там — один килограмм. Один баллон — семь кубометров в баллоне аэростата.

— Дальше уж считай сама, сколько тебе надо этого газа.

— Боже мой, — Белла устало прикрыла ладонью глаза. — Четыреста злотых. И это вы называете дёшево. Плюс доставка и контрабандисты. Тысяча двести, минимум

А Трошины строят дирижабль объёмом двадцать тысяч кубов. Это же, — Белла замерла, лихорадочно производя в уме вычисления.

Боже мой! — схватилась она за голову. — Три тысячи баллонов, минимум на один дирижабль. А на два, если у Трошиных всё получится, так все шесть.

И контрольный запас, — напомнил Ведун. — Хотя бы ещё один такой же объём. Итого двенадцать тысяч баллонов. Девятьсот шестьдесят тысяч пудов одного только веса. Считай, почти миллион пудов. Пятнадцать тысяч тонн.

Это только вес. А по деньгам двенадцать тысяч баллонов — четырнадцать миллионов.

Вот все ваши денежки, Изабелла Юрьевна, туда и ухнут.

Даже на организацию набега на Плато ничего не останется, — ханжески цыкнул он зубом. — Придется калиту снова развязывать.

— Ну а если я предоставлю свои баллоны? Или ещё проще — цистерну?

— Не всё сразу, Изабелла Юрьевна, — голос Ведуна похолодел. — Газ — это вам не игрушка. Сначала научитесь с ним работать, а потом мы с вами и поговорим насчёт цистерн. Что ещё за свои баллоны?

— Тем не менее?

— Ну, — пожал Ведун плечами. — Полтинник золотом на каждом баллоне вы сэкономите.

— Уже плюс, — раздражённо огрызнулась Белла. — А то пойдёшь у вас на поводу, так один баллон в тысячу двести злотых вылетает. И это, как вы говорите, ещё минимум.

Теперь, доставка. Доставка будет своя, то есть наша. Две цены платить каким-то контрабандистам за подобный абсурд я не намерена. И триста пятьдесят злотых — это не тысяча двести. И четыре миллиона — не четырнадцать.

Если уж я за какого-то упёртого, тупого, вонючего козла Пашку вывалила четыре миллиона, то уж на свою маленькую прихоть, денег не пожалею.

Договаривайтесь, — жёстко подвела она черту под разговором. — Но баллоны и доставка наши. И если можно сорокалитровые баллоны заменить на трёх кубовые цистерны, я бы вам была очень признательна.

— У вас есть трёх кубовые газовые цистерны? — с интересом посмотрел на неё Ведун.

— Нефтеналивные, — отрезала Белла. — Переделать их в газовые, думаю проблемы большой не составит. А возиться с таким количеством баллонов…

— Баллон, особенно сорокалитровый баллон весом в пять пудов, намного легче кантовать в условиях необорудованного погрузочно-разгрузочного терминала, чем трёх кубовые, неподъёмные, — резко оборвал её Ведун. — Вынужден вам напомнить, барышня, что официально вы нигде в бумагах фигурировать не будете, хоть о том кто покупатель, знать продавец будет. Он требует чтоб его честно обо всём информировали. Особенно о покупателе. Зачем это ему — пока не знаю, но со временем разберусь.

Так что, официально гелий продадут кому-то другому, совершенно нейтральному человеку. И в его лодью отпустят с завода ему же. И вывезет из страны он же. Официально, при свете дня, чтоб никто ничего не заподозрил. И более чем возможно, что он такой будет не один. Чтоб не было внимания к слишком большой партии. А вот потом все эти суда пропадут где-то в море. И за судно тоже придётся заплатить. Потому как его придётся сжечь, чтоб скрыть все следы. Переделкой мачты и обводов тут не обойдёшься. Сделка слишком важная, чтоб экономить на мелочах.

— Лодья стоимостью в четыреста тысяч золотых для вас уже мелочь, — с горечью проговорила Белла.

— Для вас мелочь, — жёстким голосом холодно уточнил Ведун. — Это вы, Изабелла Юрьевна, покупаете стратегически важное сырьё, запрещённое к поставкам в наш Край. — И платить придётся вам. Поэтому так важно купить сразу много, чтоб стоимость одного баллона с газом не зашкаливала за все разумные рамки.

И перегружать уже на ваше судно придётся каждый баллон вручную. А восемьдесят килограмм одного баллона всяко меньше, чем вес трёхкубовой цистерны. Даже если она и вся из себя бронефанерная, или тонко бронестеклянная. И тем более, если она стальная, когда без мощного портового крана её даже не сдвинешь.

— Но можно установить такую подъёмную стрелу на своём судне, — внимательно посмотрела на него Белла.

— И привлечь к себе лишнее внимание, — поморщился Ведун. — Даже если так, то от больших цистерн вы по любому так просто не избавитесь. А это лишнее внимание, которого нам не надо.

И если вы хоть на миг подумали что предоставите покупателю свои трёх кубовые цистерны, с которыми тот появится на гелиевом заводе, то эту свою дурь сразу забудьте. Это

мгновенно привлечёт к нам ещё большее внимание. А вот этого совершенно не надо. Иначе обратно домой придётся прорываться сквозь плотные ряды пограничных охранных судов всех княжеств по дороге.

И тогда про свой гелий точно можете позабыть. Причём, надолго, если не навсегда.

— Но ведь со временем мы можем и сами наладить собственную его добычу.

— Где? — недоумённо уставился на Беллу Ведун.

— В Кязиме. Там строится наш нефтеперегонный заводик. Наладить там же или рядом, на нефтяных месторождениях попутную добычу гелия, думаю, можно будет.

— Если он там есть, в чём я не уверен, то да, — хмуро бросил Ведун. — Но, если найдут, попробовать стоит. А как оно там дальше пойдёт — там и посмотрим. Эмбарго на поставки продуктов высоких технологий в Левобережный Край никто ещё не отменял. Но! Как в каждом деле, везде есть своё но.

Баронский Совет Перевала — люди деловые. И если будет у них свой интерес в таком деле, то на всё связанное с гелием, глаза они точно закроют.

— Тогда встаёт вопрос покупки оборудования для его производства, — бросила на Ведуна внимательный взгляд Белла. — Провентилируй этот вопрос. Пока, по крайней мере.

— Пока, — с нажимом повторил Ведун. — И свой оговоренный с Сидором процент, я бы хотел получить сразу. Вперёд, так сказать. Как вы понимаете, деньги мне тоже нужны.

— Нет проблем, — холодно проговорила Белла. — Итак, будем считать, что мы договорились. Когда вас ждать?

— Вся партия будет готова к ноябрю, в лучшем случае. Но, лодью на доставку, ищите уже сейчас. Чтоб она в любой момент была готова выйти и перехватить в море груз. И позаботьтесь о своей безопасности. То, что я сказал, это не шутка. На обратном пути у вас будет слишком много желающих отобрать ТАКОЙ груз. Подумайте над этим. Серьёзно подумайте.

— Тем не менее, Вань, — вдруг запнулась Белла. — Раз у нас такая экономия. Ты не мог бы часть денег всё же вернуть. Ну, — замялась она. — Миллион, два, три….

— Пять, — перебил её Ведун. — Пять, без проблем. Больше — уже сильно сложнее. В течение одной недели, начиная с сегодняшнего дня. Если надо всё же больше, то уже не раньше чем через полгода. Да и то, вряд ли. Не знаю, как с продажами дело повернётся.

— Пять устроит?

— Вполне, — оживилась Белла. — В течение одной недели,

жду.

— Жди, — ухмыльнулся Ведун, вставая и собираясь уходить.

— Последний вопрос, — остановил Ведуна в дверях холодный голос Изабеллы. — Почему?

— Почему я вам помогаю?

— Да.

— Потому что разрозненному анархическому союзу вольных Левобережных городов очень не по нутру придётся от близкого соседства с бурно растущей и развивающейся молодой хищной и, что немаловажно, монолитной империей князей Подгорных у себя под боком. Увы, это так. Перспективы для нас самые не радужные.

А вы, молодая баронесса Изабелла де Вехтор, очень весомый фактор, чтобы такая беспокойная личность как княжна больше занималась лично вами, чем делами своей будущей Империи. Да и с монолитностью, от одного лишь факта вашего существования не всё там ладно получается. И такое наше к вам повышенное внимание не вчера началось, и не завтра закончится.

Я ответил на ваш вопрос?

— Более чем.

— Тогда я пошёл, — кивнул тот на прощанье, стоя уже в дверях. — Мне надо торопиться на встречу с посредником. И так я задержался на лишнюю пару дней. Хоть оно того и стоило.

Если ещё что будет надо, обращайтесь, душенька, — расплылся он в довольной наглой ухмылке. — За ваши деньги, любые ваши прихоти.

Изобразив на лице дежурную улыбку, отдалённо напоминающую оскал волка, Ведун поклонился и молча вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

После его ухода, Белла ещё долго молча сидела, задумчиво глядя в стену напротив.

— И всё же, братец лис, много он нам так и не сказал, — медленно проговорила она, внимательно глядя на профессора. — Очень многого. В частности, в чём же истинная причина того, что свадьба отложена на столь продолжительный срок. Да и знает ли он сам это. А если знает, то почему молчит?

В какие ещё свои игры ты играешь, друг ты наш Иван Языков?

Понимаете, профессор, уж слишком хорошо я знаю Лидку Подгорную, свою подругу детства, чтобы понимать одну простую вещь. Создание новой имперской короны, на которую должны будут пойти наши изумруды, и в дополнение к ней создание имперских регалий, никак не могут быть истинной причиной откладывания свадьбы, да ещё на столь долгий срок. Причина должна быть иной и очень весома, чтобы ради неё отложили

дело, которому князья Подгорные служили несколько поколений. И ради которого пролили моря крови. Как чужой, так и своей.

Думается мне, что ответ на это вопрос будет главным вопросом этой свадьбы.

Мы просто обязаны быть на ней, — тихо проговорила Белла, задумчиво глядя перед собой остановившимся рассеянным взглядом. — И обязаны узнать тайну Лидии. Возможно, это будет важным. Впрочем, в политике нет ничего не важного…

Скальный кабинет.

Пришедшее следом после отбытия Ведуна личное письмо баронессе Изабелле де Вехтор от княжны Лидии Подгорной, и известием о том, что первоначально назначенная на первое мая свадьба откладывается на середину осени, на первое жовтня, то есть на первое октября по земному календарю, лишь подтвердило то, что и так уже она знала.

Но что странно, ни извиняться, ни объяснять причин подобного значительного сдвига совсем нерядового события, никто и не собирался. Чем ввергло Изабеллу в нешуточные размышления.

И что теперь было делать с образовавшимся вдруг неожиданно свободным временем, было совершенно непонятно.

Но разгребать эту кучу внезапно навалившихся проблем с неопределённостью, Белла начала с визита в Скальный кабинет к Корнею.

* * *

Рабочий кабинет Сидора в пещерах Райской Долины после его отъезда оказался плотно оккупирован Корнеем с его бандой егерей, воспользовавшихся временным отсутствием хозяина и по достоинству оценившим собранный там, на большом столе подробный макет территории всего Ключёвского Края, и даже кое-какие прилегающие к нему территории.

Поэтому, если уж где было и встречаться всем для серьёзного разговора, то для Беллы в Долине самое удобное место. Можно было не только с друзьями обо всём переговорить, но заодно и уточнить на макете свои новые появившиеся мысли и предположения.

Впрочем, она в очередной раз совсем забыла, с кем имеет дело. Если Корнея что и интересовало, то касалось это

исключительно той области, в которой тот был спец. Остальное он просто отбрасывал, как мешающее сосредоточится и несущественное.

Но что уж касалось его интересов, выполнялось всё безукоризненно.

И бесполезно было с ним ругаться. Он был такой, какой есть, и его уже было не переделать.

Раньше всех с утра заявившись в Долину, Белла первым делом направилась в кабинет Сидора к макету и надолго застряла перед ним, рассматривая тщательно вылепленный из глины и раскрашенный рельеф, старательно разбираясь в налепленных по всему макету непонятных значках и едва видных из-за мелкоты надписях с сокращениями.

Увиденное потрясало.

Это больше не был макет Сидора. Это было нечто уже совершенно другое. Лучшее в десятки, если не в сотни раз.

Но, как и во всём у Корнея, что не касалось его любимого дела — войны, к ложке мёда у него всегда прилагалась здоровущая бочка дёгтя. Прекрасно сформированный и проработанный рельеф озёр, словно в насмешку компенсировался практически полным отсутствием данных по левому берегу реки Каменки, по тому месту, где у них находился егерский полигон и учебная крепость Ягодный Остров.

Детальная проработка интересующего Корнея участка, и полное отсутствие каких-либо проработок по иным местам. Что, впрочем, было понятно. Это был рабочий макет действующего театра военных действий, а не вообще: «План развития компании на ближайшую перспективу», каковым он был ещё полгода до того.

— «Одна детально проработанная граница с людоедами и всё. Даже озёра, в части прилегающей к горам территории, охвачены не полностью, — сердито думала Белла, внимательно рассматривая макет и пытаясь хоть что-то выжать оттуда интересного или хотя бы нужного для себя. Никакой стратегии, одна голая тактика».

Обернувшись на подошедших сзади Корнея с Машей, не сдержалась, и всё же выразила своё неудовольствие.

— А почему нет такого же макета всех наших земель? Тупик, Гуано, Литейный со Стекольным. Пороховой завод, Сытное озеро.

Или хотя бы по одному Ягодному? — бросила она сердитый упрёк Корнею. — Уж это-то точно относится к твоей епархии. Что, трудно было сделать?

Раз уж начали, то делайте всё. Ну а если не всё, то хотя бы, то на что уже есть наработки.

По тому же Ягодному полно всяких планов. Давно можно было сделать хотя бы более детальную проработку рельефа.

— А зачем? — неподдельно удивился Корней. — Тебе что, Белла, заняться нечем? Или одних планов на бумаге недостаточно? На месте была, ситуацию представляешь, так чего тебе ещё надо? Все же твои ненаглядные пеньки нанесены на карту и по пальцам пересчитаны. Планируй, всё что хочешь.

— Взрывчатку хочу.

Ругаться было бесполезно. Чистые, невинные глаза человека, абсолютно уверенного в своей правоте, отбивали всякое желание спорить.

— Не дам

— Что?

— Взрывчатки — не дам. Потому как, дефицит.

Весёлый насмешливый взгляд Корнея проникал буквально в душу, даже не намекая, а отчётливо говоря, что тот прекрасно всё видит, все её мечты и желания. И всё равно, взрывчатки ей не видать как своих ушей.

— Мне без неё труба, а тебе на баловство, — сердито повторил он. — У меня ящер на границе опять косяком полез, проснулись твари поганые, а у тебя какие-то пеньки, которые подождут. Два года до того ждали, и ещё столько же подождут. А ящер — нет. Он ждать не будет. Видимо у ящера это…, как его…, весеннее обострение. Как у этих, у шизофреников. Как весна, осень — так крышу им прям сносит.

Так и эти, зубастые, — помрачнев, сердито буркнул он. — Как пора пришла, как солнышком пригрело, ручейки потекли, так и полезли твари из-под каждого куста, словно подснежники.

— Да мне немного надо, — растерялась Белла. Уж чего-чего, а что у них такого добра как взрывчатка, полно, она была уверена на все сто процентов. А тут нате вам. — Хотя бы с десяток тонн, для начала, — невольно сбилась она на жалобный, просящий тон.

От возмущения Корней даже закашлялся, не зная, что и сказать.

— Сдурела! — завопил он. — Десять тонн! Да мне ж без одной тонны кранты!

— А мне и одной тонны хватит, — тут же пошла Белла на попятную, в слабой надежде, что хоть такое мелкое жульство прокатит. Не помогло.

— Не дам, — отрезал Корней. — Каждая шашка на счету, что толовая, что динамитная.

Было бы у твоего профессора исходного сырья побольше, слова бы против не сказал. А так, я быстрей расходую, чем он производит. Работаем с колёс. И всё равно не хватает.

Половодье началось, так меня тут же ящер к озёрам теснить начал. Жду не дождусь, когда вода схлынет и можно будет по протокам прорваться на границу, помочь блокированным гарнизонам. Пока что, никак.

— Может, покажешь, на макете, куда тебе столько взрывчатки? — раздался со стороны недовольный голос подошедшего профессора. — Ты меня, Корней, заколебал. Я всё работаю, работаю, как пчёлка. Все планы уже перевыполнил десятикратно. А тебе всё мало и мало. Как в прорву уходит. Мне кажется, тебя куда-то не туда занесло. По всем моим расчётам, тонну то Изабелле можно выделить. Если не вообще, отдать всю последнюю партию в тридцать тонн.

— Профессор, — возмутился Корней. — Ну, вы то, что вы-то меня предаёте. Лучше я этой тонной лишний вал на каком-нибудь лесном ручье сделаю, чтоб заболотить ещё десяток гектар тайги. Всё меньше мне беспокойства.

— Ты со своими Змиевыми валами уже всех достал, — рассердился профессор.

— Что ещё за валы?

— Полюбуйся, — ткнул профессор пальцем в макет. — «Творческое» развитие Корнеем Сидорова наследия, — ядовито ухмыльнулся он. — Его вольная, и к слову сказать, довольно дебильная переработка первоначального проекта Сидора по дальнейшему развитию водной системы озёр.

Где плотинку сделать повыше. Взрывом естественно, потому как людей нет. Где чуть подальше гребень продолжить на уже существующей, чтоб новый, более высокий уровень воды в каком-нибудь очередном озере захватил побольше затапливаемой площади и ещё более увеличил площади болот.

То, сё. Вроде всё по мелочи, но от первоначального расчёта по взрывчатке, потратил, чуть ли не вдвое больше уже. И всё ему, как видишь, мало. Исчо хочет.

Как дорвался до халявной взрывчатки, так теперь не остановить. Маньяк взрыватель. Думает все проблемы этим решить.

Формирует одно огромное болото на всём протяжении границы, на подступах к нашим озёрам, которое ни пройти, ни проехать.

— Ну и как? Получается?

— Кое-что, — неохотно признался профессор. — Но пока что извёл вдвое больше взрывчатки, чем планировалось, а ящер, как оказалось, прекрасно приспособился. И по весне снова полез. Радикально проблему решить не удалось. Зато лесов затопил и земель попортил, Францию, наверное, разместить на тех землях

можно было бы.

Так что, моё мнение — довольно. Хватит изводить ценный продукт на дерьмо и надо переходить к иным, более эффективным средствам борьбы. С минами не получается, так хотя бы с тех же воздушных шаров или твоих дирижаблей наладить наблюдение за границей. Тем более, что у Трошиных уже отработана технология производства воздухонепроницаемой ткани. Копеечные затраты на простой воздушный шар, а сразу видимый эффект даёт. Шар, горелка и корзина, обязательно из броневой фанеры. Копеечные затраты. Нет, этому маньяку взрывчатку подавай.

Так что, Беллочка, хватит с него. Можешь свободно рассчитывать на тридцать тонн тротила. То, что этот маньяк вздумал опять утащить на границу, пойдёт вам на пеньки. Я прослежу. У Корнея они уже ничем никому не помогут, а вам, я так понимаю, для дела надо.

Ехидно ухмыляющийся профессор повернулся к внимательно слушающей его Белле, и сердито кивнув на красного, смущённого Корнея, словно припечатал.

— Довольно! Больше ты у меня ни грамма взрывчатки не получишь. Пироманьяк! Ты и так уже вышел за все разумные рамки. Надо теперь хотя бы весну посмотреть что получилось. А не взрывать и взрывать дальше и дальше. Взрывник-самоучка.

Как Марат Баев научил его, в какое нужное место бикфордов шнур вставлять и как его поджигать, так бедняга остановиться не может.

— Значит, у меня теперь есть тротил? — настороженно переспросила Белла, словно сама не веря тому, что слышит.

— Тридцать тонн, — припечатал профессор, снова бросив сердитый взгляд на смущённого Корнея. — И пять тонн динамита. Остатки от предыдущей партии. Будет мало, ещё Беллочка тебе сделаем. Для такого благого дела как наша ягода, никаких трудов не жалко. А этому маньяку — хрен. А ты, золотко, рви свои пеньки, сколько твоей душеньке будет угодно. Хоть по килограмму взрывчатки под пень подкладывай, лишь бы толк был. А то на бумагах у нас одна площадь пахотных земель, а на практике другая. Которой, считай что, и нет. Этому же маньяку, всё пофигу, кроме его границы и ЕГО ящеров. У-у-у! Растратчик.

И вообще! Чёрте что! Работаем, работаем, а воз и ныне там. Из всего возможного, что могло быть — всего тридцать десятин ягодника в Райской Долине. И всё! Безобразие! Ни в какие ворота не лезет.

И другой момент.

Разошедшийся профессор никак не мог остановиться, резко,

махом руки оборвав попытавшегося как-то оправдаться Корнея.

— Помолчи, ирод, не до тебя.

Я тут с твоим Советником поговорил, — повернулся он к Белле. — И вот что я тебе, девочка, скажу. Раз сроки сдвинулись, раз у нас появилось целых полгода на разработку твоего дирижабля, то и у тебя появилась реальная возможность слетать на свадьбу на ДЖ-1, или ДЖ-2 или даже ДЖ-3.

Не в том, однако, главное.

Если ты собралась к княжне на свадьбу лететь, лететь именно на дирижабле, то тебе, детка, потребуются авиабомбы. Это точно, к гадалке не ходи.

— Что мне потребуется? — растерялась Белла. — Что это такое?

— Это почти те же самые снаряды, что и для артиллерийских орудий, только с кое-какими конструктивными отличиями. Сверху бросаешь, при ударе о землю они взрываются. Очень неприятная штука для тех, на чьи головы сбрасываешь.

Вот для этих авиабомб тротил тебе и понадобится. Так что, постарайся сразу всё тебе выделенное на пеньки не тратить. Оставь тонну, две тротила и для подарков с неба. А то мало ли что.

Дирижабль штука по всем параметрам грузоподъёмная. Так что если ты даже пару тонн подобного груза с собой и захватишь, на его лётных качествах это не сильно скажется. А вот факт наличия подобного прибамбаса, будет очень даже к месту.

Не нравится мне эта твоя идея поехать на эту свадьбу. А ещё больше не нравится то, что ты собираешься прилететь туда на дирижабле. Очень не нравится.

— Почему, — растерялась Белла. — Это было бы так здорово. Так красиво. Пролететь над городом и над замком с развивающимися снизу полотнищами со своими гербами и чтоб весь дирижабль был выкрашен в моих геральдических цветах. Это так заденет Лидию, что ничего другого мне уже и не надо. Одного этого будет довольно, чтоб её уязвить. Это моё окончательное решение. И я так хочу! — жёстко выделила голосом она собственное мнение.

Я уже даже девочек своих шить флаги посадила и краску подобрала, — невольно снова сбилась на растерянно-просительный тон.

— Ну, раз ты окончательно для себя решила, что летишь, то смею тебе напомнить то, о чём умолчал, а точнее, не счёл важным сообщить тебе твой мудак Советник. Иначе теперь я его и не назову. Му-дак! Человек, не видящий дальше собственного носа. Скажу то, о чём я лично узнал случайно. Совершенно случайно,

всего на всего мимоходом ознакомившись со списками товаров, предлагаемых на продажу с Торфяного Плато, — посмотрел он честно-честным взглядом Изабелле прямо в глаза.

Такая малость, — раздражённо вскинулся профессор. — Такая малость, что требуется сделать. Просто внимательно прочитать списки товаров, предлагаемых князьями Подгорными на реализацию с Торфяного Плато. Ведь знает же, идиот, чем там княжна занимается. Знает! И всё равно репу не почесал.

— Хватит ругаться, ближе к делу, — перебил его Корней. — Чётче. Сам же постоянно говоришь, чётче излагайте свои мысли, сударь.

— Торговая компания князей Подгорных, — покосился на Корнея сердитый профессор, — торгующая на Западе добытым из болот и восстановленным оружием, предлагает клиентам новый вид товара, зенитки.

Зенитки! — холодным злым голосом повторил профессор.

— И чего? — непонимающе переглянулись Белла с Корнеем.

— М-м-м! — схватился профессор за голову. — Как с вами со всеми тяжело, с неучами. Учишь вас, учишь, а всё бестолку.

Ладно. Этот идиот ПЕРВЫМ схватился за идею полететь вам Белла на свадьбу на дирижабле. И не говорите мне ничего! — громко хлопнул он ладонью по столу перед собой. — Все эти ваши мысли и мечты о геральдических цветах и флагах вашего баронства — это его дурная идея. Я слышал, как он перед вами распинался, восторженно закатив глаза и рисуя перед вами прекрасные перспективы вашего будущего триумфа.

Но о другом он не подумал, кретин. А ты, олух, так даже вообще ещё не знаешь, — ткнул он пальцем в лицо Корнея. — Что зенитки для того и созданы, чтобы бороться с воздушными целями. А дирижабль — это и есть самая настоящая воздушная цель. Тихоходная! Максимальная скорость в сто вёрст которой — это ничто.

Я понимаю, что артиллеристы у княжны аховые. И стреляют они в белый свет, как в копеечку. Но тебе и случайно рядом разорвавшегося снаряда хватит выше крыши, на этом твоём дирижабле.

Я с братьями Трошиными переговорил, и они мне признались, что для облегчения веса и экономии средств, которых ты, Белла, выделила крайне мало, на гондолу они собирались ставить вообще фанеру троечку. Троечку!

Никто из них и мысли не держал, что их могут с земли обстрелять. Чем? Арбалетами? Не смешно. А тут на тебе. Зенитки!

А княжна — может. И не просто обстрелять, а ещё и попасть.

Пусть даже случайно. Ещё по дороге на свадьбу ты можешь проскочить. Но если она захочет, то на обратном пути княжна легко может устроить тебе парочку артиллерийских засад на путях возможного возвращения.

А куда ты полетишь, когда свадьба кончится, любой знает. Это ни для кого не тайна. Тем более для неё. А быть должна, — словно припечатал профессор, звонко хлопнув ладонью по столешнице.

И последнее. Добивать, так уж добивать. Так далеко, за несколько тысяч вёрст ты на своём новеньком, необлётанном дирижабле не улетишь. Это просто опасно. Отсюда — туда — это билет в один конец. И без гарантии добраться до места.

Аппарат ещё сырой, система не отработанна. Да что там сырой, его ещё просто нет. Поэтому, тебе нужно судно подскока. А если Богдан с Глебом успеют сделать и ДБ-2, то потребуется уже два судна. И желательно, какое-нибудь судёнышко для охраны, порезвее.

— Что? Какое судно?

— Судно подскока! Нечто вроде как аэродром подскока для самолётов. Ну, или если хочешь, что-то типа авианосца. Точнее, дирижабленосца, — поправился он. — ДН-1, назовём его так.

Здесь дирижабль разбираем и в сложенном виде, упакованным на лодье, на том самом судне подскока, спускаемся по Лонгаре к устью. Там, кажется по Западному или Малому Стрыю подымаемся вверх по течению. В Волоке Стрыйском, волоком перетягиваем его в бассейн реки, что течёт мимо стольного княжеского города, забыл, как она называется.

— Северный Стрый, — негромко, задумчиво проговорила Белла.

— Пусть так, — отмахнулся раздражённо профессор. — За пару вёрст до столицы, в тихом уютном затоне собираем твой дерибабель. Один, два, как у ребят получится. Но лучше оба и на расстоянии, не более сотни вёрст от столицы, так мне спокойнее будет. А вот там уже! На месте! Ты гордо пролетаешь над головой этой сучки, ставя её на место.

Сто, двести вёрст до столицы — это ерунда на старых моторах, ничего не случится. А все будут думать, что ты пролетела несколько тысяч вёрст по безлюдным местам. И никто ничего не докажет. Потому как за руку не схватили. Потому как не живёт никто по вероятному маршруту твоего полёта. Пустошь там.

— Ничего не выйдет, — хмуро буркнул Кондрат. — Если ты рассчитываешь на монитор, как на судно прикрытия, то волоком его по земле не протянешь. Здоров зело, — с задумчивым видом

перебил профессора Корней — Я те верховья хорошо знаю, как и глубины в них. Шлюзов там нет, а волоком лишь малые речные лодьи таскать можно. А тот монитор, что строится нами для себя — у-у-у, тяжёл будет. Особливо в сборе.

Пока тянули один лишь пустой корпус Куницыного монитора в Южный залив, и то вспотели все. А там — вообще земли чужие. Что там и как — не известно. Слишком много неизвестных величин.

Или же очень много бурлаков привлекать придётся. А тогда про скрытность можно и не мечтать. Ещё понадобятся специальные тележки, которые придётся захватить из дому, которых тоже, кстати, нет. Или вообще отказаться от идеи подлёта за сто вёрст и увеличить подлётное расстояние. Тем более что и таможенный мыт княжества находится гораздо выше по реке, чем твои пресловутые сто вёрст. А таможня — это уже чужие глаза.

Поэтому стартуем из верховий, где-нибудь из укромного местечка рядом от того же волока. Есть там пара, другая интересных мест. Закрытые старицы, в лесу, места глухие. Проверить только надо, сколько оттуда вёрст до столицы, чтоб наверняка.

Если мне не изменяет память, там вёрст восемьсот всего. А у нас до Тупика — шестьсот. Вот тебе практически такой же по протяжённости маршрут, на котором можно и потренироваться.

— Пусть так, — задумчиво покосился на него профессор. — Пусть. Главное. Мы в шоколаде, княжна в дерьме!

Потом, по окончании свадьбы, гордо улетаешь обратно, в любую сторону, говоря всем, что летишь за три тысячи вёрст, или четыре, или пять-шесть, но в Старый ключ. Для всех ты улетаешь на многие тыщи вёрст, а сама за ближайшим пригорком приземляешься и спокойно размонтируешь свой аппарат. Грузим на лодью, и без шума, без гама, без пыли, не привлекая стороннего внимания, спокойно возвращаешься домой.

— И в таком раскладе тайная стоянка где-нибудь в укромном месте Западного Стрыя даже предпочтительней. Места там безлюдные, никто ничего не заметит. А сто вёрст от столицы, как ни крути, места довольно населённые.

Так что, тут ты Корней, безусловно прав. Этот вариант и будем разрабатывать.

— А если возьмём в сопровождение этот свой монитор с пушками, то и в полной безопасности вернёмся, — поддакнул Корней. — А ещё я б на тот дирижабль и пару пулемётиков бы поставил, до кучи. А если и мортирку нашу пневматическую приспособить…, — мечтательно поднял он глаза к потолку.

— А тут ты помолчи, — огрызнулся профессор. — Тебе волю дай, так у тебя скоро и три монитора будет Беллу сопровождать.

— А что, мне нравится. Три, не три, а один точно должен быть. И я на нём главный. В чёрной морской капитанской фуражке с белым кантом, и в кителе с золотыми пуговицами. Чур, я тоже в этом участвую. Ух, я по этой сучке и стрельну! — воодушевился он.

— Участвуешь, участвуешь, — покосился на него профессор. — Особенно когда к одному своему кителю и шапке, ещё и штаны оденешь, срам прикрыть. А пока за тобой, моряк в одной кепке и в кителе, будут авиабомбы. Проконтролируешь производство и испытания. И чтоб взрывались. Бомбить, конечно, мы никого не будем… но…

Не будем! — обрезал он, открывшего было рот что-то сказать Корнея. — Но возможность к тому иметь должны.

И выделишь на дирижабли лучших своих пулемётчиков.

— А ты тротил на мои бомбы, — дурашливо поднял раскрытую ладонь к непокрытой голове Корней. — Чем больше, тем лучше.

Профессор лишь застонал, с ужасом, уже представляя себе, что у него впереди будет за ближайшие полгода подготовки визита на свадьбу.

— Итак, — решительно отбросил профессор все сантименты. — Возвращаемся к нашим баранам. Что мы имеем на данный момент.

— Ничего!

— Дирижабль. В наличии нет, всё в проекте. Несущий газ — водород. Плохо, очень плохо. Но пока ничего с этим поделать невозможно. Значит, оставляем как есть.

Аэростат или несущий баллон — единый прорезиненный баллон из шёлка, пропитанного каучуком. Плохо, очень плохо. Надо единый баллон сразу делить на изолированные секции. В случае обстрела с земли, если какой баллон и будет повреждён, сразу весь газ не уйдёт и дирижабль не упадёт.

Защита баллона аэростата от пули — стеклоброневая мелкоячеистая сеть. Марля — проще говоря. Тоже нет, но Марк обещал, скоро будет. Очень эффективная штука, говорит. Особенно когда сеть не плетёная, а сварная. Но, подумаем, как и её ещё более усилить. Всё в стадии разработок, — тяжело вздохнул профессор. — Ну, ладно. Хорошо что хоть времени прибавилось.

Корпус гондолы — чёрная фанера. Планировалась тройка, но мы уже с Богданом решили, что будет пятёрка, которая держит пулю от крупнокалиберного пулемёта. Глеб полностью нас

поддерживает. Хотя и не прочь поставить и семёрку, и девятку. Но, это будем смотреть по грузоподъёмности. Зенитки у княжны есть и это факт. Так что, будем серьёзно думать.

После того как Сидора под Сатино чуть было не расстреляли в его броневике с фанерой троечкой, меньше пятёрки мы уже ни на что ставить не будем. Так что, тут вроде бы всё ясно и понятно.

Идём дальше.

Вооружение: пулемётные системы — две. Одна сзади, другая — в передней части гондолы. Думали поставить ещё и по бокам, слева, справа, да раздумали, куда столько. Да и вес это дополнительный, лишний. Правда, и нижняя сфера остаётся совсем неприкрытой. Так что, тоже пока думаем. Может, внизу броневой поворотный колпак поставим с пулемётом для кругового обстрела, как на фургонах. Схема отработана, так почему бы и нет. Но, пока не решили.

И одно орудие желательно, спереди. Семидесяти шести миллиметровое танковое орудие. Их у нас полно. Но снарядов к ним мало, сразу говорю, — виновато посмотрел он на Беллу. — Как-то сразу не озадачились, а теперь уже поздно. В городе в продаже нет, а самим делать просто некому. Народ плотно на других объектах занят. Так что есть лишь то, что раньше нашли в городе. Может там и ещё у кого что осталось, но никто ничего не предлагает.

Так что ставить два орудия, спереди и сзади — смысла не вижу. А пневматические пушки у нас кончились. Всё Куница расхватал на свои наливные баржи. Куркуль! Нам на дирижабль уже ничего не досталось. Да и не очень-то удобно из мортир в расположенной под аэростатом гондоле вниз стрелять.

Так что пушка та — чистая декорация. Больше попугать или перед княжной похвастаться. А стрелять из неё я бы никому не советовал. Несущий газ — водород, как бы от одного неудачного выстрела всю гондолу на куски бы не разнесло.

Теперь, бомбы. Фугасные. Уже есть двадцать штук, где-то по двадцать пять кило каждая. Почему я сразу этот вопрос и поднял. Прикупили как-то с Сидором по случаю у наших городских оружейников. Всё что у них было. Откуда у них — без понятия. Молчат, как партизаны на допросе в гестапо. На что способны — никто не знает. Испытаний не проводилось. Бомб мало, поэтому советую их поберечь. Вдруг понадобится тебе устроить там демонстрацию возможностей нашего аэробуса или ещё чего. Вот тогда и поразвлекаешься.

Хотя, — запнулся он. — Глупость какая-то. Испытать надо. А то вдруг не станут взрываться, вот конфуз тогда будет. Лучше уж тогда совсем ничего не иметь, чем так опростоволоситься.

О! — ткнул он пальцем в Корнея. — У тебя на границе на ящерах и испытаем. И как летает, и как бомбит. Сразу разом всё и проверим. Чтоб система работала как часы.

Теперь. Назначение нашего будущего цеппелина?

Думаю — разгонный крейсер. Гонцовый, проще говоря. При случае может взять и серьёзный груз. Но, пока что задачи такой не стояло, вот и не озадачились серьёзной проработкой вопроса.

Скорость, не более ста вёрст в час. По местным меркам скорость будет просто безумная. Но даже если выжмем хотя бы вёрст сорок, шестьдесят в час — уже выше крыши.

Экипаж: капитан, механик, штурман, палубные матросы — пять человек. Всего — восемь.

Охранно-диверсионный отряд сопровождения. Десять человек, не меньше.

Средства борьбы с нашим дирижаблем. На настоящий момент — не имеется. Или, что правильнее сказать, нам не известны. Исключая зенитки княжны, конечно. О которых нам тоже реально ничего не известно.

Но ведь это надо ещё и сообразить, для чего они предназначены. А такие спецы вряд ли у княжны есть. Потому как нужды прежде такой не было. Так что потом — всё может быть. Но пока — средств борьбы можно считать, что нет.

Дальность полёта — до семи тысяч вёрст. Грузоподъёмность, расчётная — да ста тонн. Или шесть тысяч пудов. Полезной нагрузки — тонн пятнадцать, двадцать, по обстоятельствам. Но первый — пока не выше восьми.

Живучесть. Пока что у нас отдельный от гондолы аэростат, защищённый снаружи мелкоячеистой броневой сеткой и броневая фанера на гондолу. Это будет первый этап.

В дальнейшем, как я уже говорил, планируем разбить единый баллон на отдельные мелкие секции и уложить всё это в единый мягкий каркас, чтоб в случае поражения нескольких баллонов или секций, подольше сохранял плавучесть…, — запнулся профессор.

То есть эту, как её, летучесть, — поправился он. — Или сразу секции мелкие делать, — задумался он.

Всё, — развёл он руками, как-то разом оборвав свой рассказ и посмотрев на Беллу. — Вроде всё.

— Хорошо, — устало кивнула Белла. — А сколько человек может с удобством разместиться в вашей гондоле?

Сто, двести, — пожал профессор плечами. — Больше людей — меньше комфорта. Меньше людей — больше комфорта. Зависимость самая прямая.

Так что, сколько скажешь, столько и разместим. Хочешь взять

кого-нибудь из амазонок с озёр? Бери! Бери хоть всех. Всё тебе поспокойней будет в гостях у этой змеюки, княжны Подгорной.

— Вы уверены, профессор? Двести человек? Не много?

— Это как считать. Из ста тонн общей грузоподъёмности вычитаем вес самого аппарата, вооружение, топливо и прочее. Остаётся пятнадцать — двадцать тонн полезной нагрузки. Раздели на средний вес одного человека, сто килограмм, с оружием, получишь — сто пятьдесят, двести человек. Куда тебе больше?

Правда, все эти расчёты сугубо теоретические, но предварительные испытания одного единственного сделанного пока баллона подтверждают. Ну а будет второй аппарат — так вовсе полутысячный десант можешь с собой взять. Устрой в том княжестве дворцовый переворот, и императорствуй сама полегоньку.

— Вы серьёзно?

Переглянувшись с Корнеем, профессор промолчал.

— Более чем, — суховатым голосом включился в разговор Корней. — У нас все парни так думают, не мы одни. Так что, если решишься, за нами дело не станет.

Считай, что мы в штабе уже начали проработку этой операции.

— Пожалуй, я не воспользуюсь вашим любезным предложением, — сердито бросила Белла, отворачиваясь. — Я еду на свадьбу. К людям, что когда-то были мне дороги. У них такое торжество. А вы! Маньяки, прям какие-то, душегубы. На одну доску меня с этой сучкой ставите.

— Угу, с той, которая когда-то, не будем вспоминать, когда именно, пыталась отправить кое-кого на плаху. А потом пару раз ещё пыталась отравить. Или не пару? Или мы ошибаемся?

— Я не…, — запнулась Белла, мучительно покраснев.

— Ты не, а она очень даже да. Так что не спорь. Бери моих егерей и сверни этой сучке шею. И мы тебе в том благом деле поможем. А на свадьбе или после свадьбы — это уж как получится. Можешь хоть прямо за праздничным столом. Я не против.

— Во дворце размещена гвардия. Несколько тысяч высокопрофессиональных воинов. Даже с пятью сотнями там делать нечего, — ледяным тоном отбрила Белла, сверля Корнея бешеным взглядом. — Твоё предложение — путь к самоубийству. Авантюра! И не забывай. В полном распоряжении княжны вся добыча с Торфяного Плато. Так что если нас на отлёте не проводят зенитками, о которых вы мне тут все уши прожужжали, или что-нибудь подобное смертоубийственное, я совсем не

удивлюсь.

Удивлюсь, если их там совсем не окажется. Хотя бы одной, двух, — жёстко отрезала она. — Так что с подобными сырыми предложениями ко мне лучше не подходить.

А что они меня на обратном пути ожидать будут, на путях вероятного маршрута, тут я с вами полностью согласна. Не такая княжна человек, чтоб выпустить из рук то, что, как ей кажется, само в них пришло. Поэтому самое главное на этой свадьбе будет не то, как я там появлюсь, а то, как я оттуда домой возвращаться буду. И в каком виде. В целом, или в расчленённом. Вот что важней всего. И вот о чём в первую очередь думать надо. Не как прийти, а как живым оттуда смыться.

— Спасёт нас лишь то, что обратно мы пойдём противолодочным зигзагом, — невесело рассмеялся профессор.

Э-эх, — сладко потянулся он. — Лодочку б нам подводную. Тогда совсем бы концы в воду и никто б нас из-под воды не достал. И спокойно морем тилип-тилип, и дома.

— Авантюра, — тихо проговорила Белла, прикрыв глаза, словно о чём-то думая. — Сырая, неподготовленная авантюра. Больше, ничего не хочу о ней слышать. Мы едем на свадьбу и этого довольно. А там как кривая вывезет.

— Я к девочкам. Посмотрю как у них тут дела.

Резко развернувшись, Белла стремительно двинулась к выходу из Скального кабинета, звонко стуча каблучками по доскам недавно настеленного пола.

— Ага, — рассеянно проговорил Корней, глядя ей вслед задумчиво оценивающим взглядом. — Кривая, значит. Тогда да, ты старик прав, бомб надо брать больше. Так сказать, щедрый прощальный подарок хозяевам на голову. Понял, не дурак. И без второго дирижабля, пожалуй, мы точно не обойдёмся. И пара сотен десанта нам точно не помешает. Да и защиту гондолы надо бы усилить. Зенитки — это неприятно. Знать бы ещё предметно, что это такое…, — задумчиво полез чесать он пятернёй взлохмаченную голову.

Там, в списках Советника деталей каких-нибудь важных часом не было? — повернулся он к профессору.

— Нет, — грустно качнул тот головой. — Я ж говорю. Советник её, козёл редкостный. Раз уж воруешь важную информацию, так воруй всю, а не только то, в чём сам разбираешься. Или думаешь, что разбираешься.

Одно слово. Ко-зёл!

Второй визит в ангар к братьям Трошиным и к строящемуся дирижаблю, Белла нанесла уже в середине мая, сразу же после визита Ведуна, когда ей в суете будней удалось вырвать наконец-то свободный денёк и накоротке заскочить в мастерские. И первым делом они решительно двинулась к едва проглядывающейся в темноте огромной серой туше сморщенного воздушного баллона под потолком.

— О-о-о, — это были её первые слова, изданные, как только она вошла в ангар. — Ну, конечно же, темнота. Опять темнота! И посреди, как водится, опять груда какого-то барахла. Так, значит, и не убрали. Работнички, — издевательски хмыкнула она.

Добра понатащили, ни пройти, ни протиснуться. А порядка как не было, так и нет. Ни хрена не видно, — поморщилась Белла.

Э-эй, изобретатели, где вы там? — крикнула она в темноту ангара.

— Иди сюда Белка. Сюда, на голос, — донеслось из глубины ангара. — Тут есть на что посмотреть. Не пожалеешь что приехала.

— Я уже жалею, — ворчливо буркнула Белла, осторожно двинувшись на голос кузнеца, доносившийся откуда-то из глубин просторного ангара.

Запнувшись о какой-то мешок под ногами, она замерла удивлённо крутя вокруг головой, с изумлением рассматривая внутренности просторного ранее эллинга, теперь плотно заставленные непонятными какими-то ящиками, большими плетёными корзинами с торчащего оттуда рулонами какого-то незнакомого материала, и вообще непонятно чем.

— Всё нужное, всё нужное, — донёсся голос Богдана Трошина из-за груды какого-то непонятного хлама, прикрытого сверху большим куском старой парусины.

— Что это? — потрясённо выдохнула Белла, не сделав и десятка шагов.

— Дирижабль, натюрлих!

Неимоверно гордый, грязный как чёрт кузнец стоял возле какой-то чёрной, скрывающейся во мраке конструкции и с гордым видом протянув руку назад, указывал на огромное тёмное пятно за своей спиной.

— Да будет свет, — хлопнул он в ладоши.

Вспыхнувший со всех сторон яркий электрический свет залил внутренности эллинга слепящим белым светом.

— Это что? — схватилась Белла за глаза, прикрывая их от слепящего света.

— Это есть генератор, — расплылся в улыбке Богдан. — Полевой дизельный электрогенератор, восстановленный из добычи Димона с Плато и из запчастей, что достали уже здесь, в городе. Денег выкинули жуть просто, возились днём и ночью, но, поверишь, оно того стоило. Лампы — с его же подземного завода. Те, что этот олух не побил по дороге обратно. Перегорят, новых ни за какие деньги не найти. Поэтому редко включаем. Лишь по особым случаям и для особых гостей.

Гордись, ты во главе списка.

— Горжусь, — ворчливо отозвалась растерявшаяся Белла. — Так горжусь, что не знаю, что и сказать. На языке одни матерные слова. Озвучить?

— Не надо, — улыбнулся ещё шире кузнец. — Зато теперь у нас есть свой электрический свет. Правда, ненадолго. Соляры жрёт, гад такой, много, а запасом заранее не озаботились. Промашка моя.

Теперь сидим на голодном пайке и ждём, когда с Басанрога доставят хотя бы пару бочек соляры, чтоб круглые сутки работать.

Свой заводик в Кязиме есть, а толку нет. Пока ещё нормально не заработал, приходится у баронов с перевала одалживаться. А те и рады. Такую деньгу с нас гребут, ужас. Только вот соляра их — дерьмо, доброго слова не стоит.

Так что денежки, что привёз твой Ведун, как нельзя, кстати, придутся, — тяжело вздохнул кузнец. — Не будь их, сейчас бы тут было совсем невесело.

— А нельзя ли как-нибудь притушить свет этот. Слепит больно.

— Можно, — парой громких хлопков чуть притушил кузнец освещение до вполне приемлемого.

— Извини, не подумал. Хотелось впечатление произвести.

— Произвёл, — сердито буркнула Белла. — До сих пор зайчики перед глазами прыгают. Чуть не ослепла. Ладно, показывай, что тут у вас.

— Вот, — снова протянул кузнец руку вперёд, указывая на какую-то неряшливую кучу сморщенного грязного тряпья. — Наш первый дирижабль. ДЖ-1, как мы его назвали.

— По классификации Фомы, признанного нами специалиста по дирижаблям, и единственного нам всем доступного специалиста, дирижабль, так называемого полужёсткого типа. Сверху — баллон надувной, цельный, многосекционный, снизу — рабочая гондола для экипажа и оборудования, ну и всего прочего. Меж собой скрепляются через продольную балку, на которой всё

собственно и держится.

— А это что там за пятно?

— Где? А-а-а. Не обращай внимания. Это так, немного в земле испачкали, когда надували. Но это к делу касательства не имеет, не обращай внимания.

— М-да? — хмуро покосилась на него Белла.

— Не успеем сами отчистить, потом дождичком помоет, — с едва уловимым раздражением в голосе проворчал кузнец, недовольный, что его отвлекают.

Дальше. Внутренности состоят из множества отдельных мелких секций, разделённых между собой броневыми крупноячеистыми сетями из паутинной стропы, внутри которых находятся мешки с газом, так называемые баллонеты. Вот в них-то, собственно и содержится несущий газ водород. А сети — это для того, чтобы баллонеты в процессе движения аппарата не смещались и не тёрлись друг относительно друга, и соответственно, чтоб не рвались. Ну и ещё чтоб не нарушалась продольная устойчивость аппарата при движении.

Баллонеты сшиты из этой, — замялся он, раздражённо щёлкая пальцами в попытке вспомнить забытое слово, — этой заразы…, как её…, а — из имперского шёлка, пропитанного каучуком. Ну, забыл, — виновато пожал он плечами. — Забыл, как он называется. Лёгкий, газ держит и ладно.

Но, не сказать, чтоб совсем уж хорошо. Травит понемногу, падла. Приходится постоянно подкачивать. Зато вес ткани получился небольшой, грамм сто пятнадцать всего на метр квадратный. Так что, мысль есть ещё пару раз хорошенько пропитать. Пусть будет ткань потяжелей, но может, хоть потери водорода уменьшатся.

Баллонеты имеют по два клапана: впускной и выпускной. Соответственно мы можем в любой момент как подкачать, так и спустить баллонет, соответственно набирая или теряя подъёмную силу.

Помимо этого под внешней обшивкой предусмотрены четыре балластные ёмкости под воду. Тонн на пять каждая. Ровно над тем местом, где потом предусматривается установка моторных гондол. Четыре штуки. На две гондолы у нас моторы есть, а ещё две — это так, на перспективу. Моторы появятся — установим.

Вода — это для большей пожарной безопасности, — сразу уточнил кузнец. — Думали первоначально закачивать туда воздух, но потом остановились на воде, так безопасней при пожаре.

Ну, перестраховщик я, перестраховщик, — Богдан дурашливо развёл руками.

Теперь, дальше.

Сверху, внешним гибким каркасом все несущие баллоны держит единая каркасная сеть, сплетённая из тонкой бронированной паутинной нити.

Спасибо Марку — его паутинная бронированная нить — настоящее чудо.

Эта сеть — своего рода ткань. Крепкая и очень лёгкая! Вес квадратного метра где-то в диапазоне от девяносто семи до ста двух грамм. Такая неточность из-за того, что вся сеть сплошь в узелках. Да и работа — не машинная, а практически вся ручная, на ручных-то ткацких станках

Тут твои девочки хорошо постарались. За месяц из Марковой паутинной нити связали такую огромную рыбацкую сеть, на узелках, что ни пуля, ни снаряд её не пробивают.

Жаль только полотна у девочек узкие выходят, приходится их потом меж собой склеивать. Пробовали сшить — никакая игла не берёт. Поэтому — только тепловая сварка, плюс дополнительно проклейка по стыкам. Иначе — никак не соединить.

Приходится много клеить, — тяжело вздохнул кузнец. — А точнее, сваривать меж собой горячей сваркой, а потом ещё повторно по швам и стропы каркасные проклеивать. Так, на всякий случай. Только вот прочность по стыкам неудовлетворительная. Под действием тепла разрушается что-то в паутинной нити и теряется прочность. Поэтому, тут надо быть аккуратней, — задумчиво почесал кузнец макушку, — но пока ничего лучшего не придумали. В случае попадания пули в стык полотен, возможно расхождение материала и потеря сетью защитных свойств.

Утешает то, что для того чтобы разорвало, надо несколько раз попасть в одно и тоже место, а это, как ты понимаешь, уже из области фантастики.

Лучше было бы конечно одним куском сеть на весь баллон дирижабля иметь, но девочки твои пока до такого не наловчились.

Проблема есть, мы её решаем, но…, пока до конца так и не решена.

Я тебе потом, напомни только, покажу наш испытательный стенд, где мы эту сеть испытывали. Тебе понравится. Пулю от крупнокалиберного пулемёта легко держит. Гнётся, но не ломится. Чем сильнее лупишь, тем туже сеть в узелках затягивается.

Снаряд от двадцати миллиметровой автоматической пушки тоже держит. Спасибо Галочке, презентовала нам свои снятые с её броневиков пушки. Но, насколько хорошо — пока точно не

установили, снарядов для испытания было мало.

— Стоп, — остановила разошедшегося кузнеца Белла. — А снаряды к ним, где брали? Галочка же мне сама жаловалась, что нет нигде их в продаже.

— Вопрос только цены, — вдруг смутился кузнец. — С нашими оружейниками в городе поговорил, поднял старые связи, нажал на кое-кого и где надо, они и склепали персонально для нас сотню снарядов к двадцати миллиметровой пушке. Встало нам это в две тыщи, но, ты же сама понимаешь, проверить надо было.

— Бли-и-ин, — схватилась Белла за голову. — Вот куда деньги уходят. — На содержание всех этих гадёнышей.

— Ну, что тут поделаешь, — виновато развёл руками кузнец. — Нас одних на всё не хватает. Приходится заказывать на стороне. Вот с нас и дерут семь шкур, пользуясь моментом.

— Это всё? — недовольно проворчала Белла. — Или ещё собираетесь что-то заказывать?

— Надо бы, — виновато покосился на неё кузнец. — Надо, да жаба душит. Надо бы и тридцать второй, и тридцать седьмой калибры попробовать. Да и вообще хорошо было бы всю номенклатуру снарядов проверить сверху до низу, вплоть до ста пятидесяти миллиметрового. Да где ж столько денег взять то. У них же каждый дополнительный миллиметр диаметра — один золотой в плюс. Никаких денег не хватит.

Так что пока остановились на двадцатимиллиметровой автоматической пушке, что сняли с Галочкиного броневика. А на большее — кошелька не хватило.

Знаешь, забавно было наблюдать, — скупо улыбнулся кузнец. — Дал очередь из пулемёта — а она как живая под пулями зашевелилась. И не пробило. Сначала даже не поверили глазам своим, а потом весь день Марка на руках носили. Ничего не скажешь, молодец мужик. Мастер, настоящий мастер. Такую вещь сделал. Такую нить изобрёл. Чудо!

Теперь, дальше. Сам баллон вместе с баллонетами для прочности окутан сверху стеклянными броневыми стропами, тоже своего рода сетью, только со значительно большей ячеёй. Она тоже склеена с сетью внешней обшивки, и крепится к нижней килевой балке, снизу к которой подвешены три гондолы: основная, и две мотогондолы.

Ну, с мотогондолами всё понятно, — небрежно отмахнулся кузнец. — Они для установки двигателей. Это тебе не интересно.

А вот на основной гондоле остановимся поподробнее.

Основная, или центральная гондола по высоте будет разделена на два уровня.

Верхний уровень — рубка управления и помещения для пассажиров. Планируем человек на двадцать с отдельными каютами, столовую и прогулочные палубы с окнами иллюминаторами вдоль стен.

На нижней палубе будут находиться кухня, туалеты и размещался экипаж. Там же разместим и пять броневых колпаков с пулемётными системами.

Никакого огнестрельного оружия. Только пневматика. Тем более что пулемётные системы у нас достаточно хорошо отработаны и проблем с ними не предвидится. Артиллерии, извини, не планируется. Если только не считать за таковую бомбовый отсек, — скупо улыбнулся он.

Экипаж планируем из…, — смущённо замялся кузнец. — Сколько именно — пока не решили. Тут надо твоё и Корнея волевое решение. Но, предварительно, человек двадцать.

Э, Белла, — виновато посмотрел он на баронессу. — Главный и очень важный вопрос, который надо бы сразу согласовать. Поскольку ты в сроках сильно ограничила, да и до твоего отъезда надо хоть как-то аппараты испытать, то большую часть работ и материалов мы будем не сами делать, а заказывать на стороне и у себя только монтировать. Иначе мы никак не уложимся в сроки.

— Не проблема, — согласно кивнула Белла. — Я тебе с самого начала так и говорила, чтобы всё, что только можно сразу заказывал на стороне. Нам важны сроки. Деньги есть.

— Какие деньги, — осторожно начал кузнец, внимательно глядя на неё. — По нашим с Богданом и Фомой самым предварительным расчётам, только на один первый аппарат понадобится не менее миллиона золотых. Тогда мы по срокам укладываемся. А с учётом того, что ты хочешь два аппарата, А второй у нас уже запланирован значительно большей грузоподъёмности, то хорошо, если уложимся в трёшник. Есть у нас ТАКИЕ деньги?

Ответом ему было долгое, мрачное молчание.

— Есть, — тихо проговорила Белла. — Теперь, есть. Ведун вернул пять миллионов и теперь деньги у нас есть. Так что можешь, смело тратить столько, сколько тебе надо. Только постарайся всё же, хоть что-нибудь после окончания оставить.

— Ну, — растерянно развёл руками кузнец. — Тут уж как получится. Не торопились бы, было б намного дешевле. Дала бы ты нам год, два, тогда бы раза в три, как минимум было бы дешевле. А на таких условиях — сама понимаешь, нас обдерут как липку.

— Трать, — поморщилась Белла. — Сейчас главное в срок до свадьбы уложиться. А деньги ещё наживём, чай не последние.

— Тогда, значит, по предварительным расчётам на выходе мы должны получить аппарат легче воздуха объёмом порядка двадцати тысяч кубов, с полётным весом около сорока тонн и грузоподъёмностью тонн в десять. Скорость он будет развивать порядка сорока вёрст в час. Это из-за того, что всего только два мотора у нас тут стоять будут. Было б четыре, как первоначально планировали, вёрст под сотню давал бы. Но с двумя движками, дай Бог, если сороковник вытянет.

— Да, — запнулся он. — И последнее. Центральную, главную гондолу мы делать будем в два этапа. Слишком уж у нас мало времени, а там с одной отделкой замучаешься. У тебя же будет представительский аппарат. Поэтому, с дизайном придётся повозиться.

— И что? — непонимающе смотрела на него Белла.

— А то, — вздохнул кузнец. — Работаем в два этапа. Сначала цепляем к баллону времянку, по габаритам примерно соответствующую тому, что потом будет установлено, и проверяем собственно баллон. А потом делаем окончательную доводку с шикарной гондолой для пассажиров, экипажа и прочего.

— Вот, полюбуйся, — протянул он руку вперёд. — К слову. Рядом с печкой стоит снятый с колёс цельнофанерный фургон. Прошу любить и жаловать, как говорится. Из тех, что катаются ныне с торговыми обозами по всему Приморью. Пытались первоначально приспособить в виде гондолы снизу, но после того как ты сказала, что у нас появилось дополнительное время, бросили с ним возиться. Будем лепить что-нибудь побольше.

Тем более что при большой грузоподъёмности, нужна и большая гондола. Всяко поболе, чем может вместиться в этот жалкий фургон на десяток человек.

— Если мне не изменяет память, как броневой фургон в торговом караване он весьма был эффективен, — хмыкнула Белла.

— На земле да, в воздухе, куда можно поднять десятки тонн груза — он неуместен. Ни экипажу с удобством разместиться, ни вооружение негде поставить. Ни на что толком не пригоден. Если только не сделать конкретно гонцовый дирижабль, небольшой такой. Чтоб только этот фургон с людьми и поднимал.

— Делай, что считаешь нужным, — поморщилась Белла. — После того как ты меня ценами огорошил, мне уже всё равно. Хоть гонцовый, хоть грузовой, мне уже всё едино. Лишь бы был.

— Ну, раз так, — оживился кузнец, — то делаю разъездной. Корней как раз что-то такое требовал для своих наблюдений сверху на границе.

— Насколько это серьёзно?

— Что?

— Про грузоподъёмность?

— Да, более чем.

— А поконкретнее?

— Конкретнее, — медленно проговорил кузнец, вцепившись рукой в подбородок. — Ну, на сегодня: длина несущего баллона — порядка ста метров, грузоподъёмность — в вилке от десяти до двадцати тонн. Вот это — конкретно этот дирижабль. Но это пока что всё цифры расчётные, нормальных испытаний не проводилось. Не до того нам было, да и некому. Если только самого Корнея к испытаниям не привлечь.

Поговори с ним, — просительно глянул он на Беллу. — Пусть он лично займётся испытаниями. Нам сейчас не до того. Нам бы с двигателями закончить на твоих самоходных баржах и на мониторах. Дел там — выше крыши.

А ты сама понимаешь, что на одних дирижаблях на свадьбу соваться нечего. Надо судна обеспечения. Продукты, оружие, топливо, люди. Да мало ли что ещё потребуется в дальней дороге. Ткань газ травит, и от этого никуда не денешься. По крайней мере — пока. Поэтому надо везти с собой огромное количество металлических баллонов. А это — только на барже. Потому как нагружать ещё и баллонами со сжиженным газом дирижабль — окончательно распроститься с полезной нагрузкой. Да и боюсь я далеко от базы дирижабль отпускать. А баржи — для базы — самое то, что надо.

Так что, поговори с Корнеем. Тебя он послушается. А мы ему всем, чем можем, поможем. Движки смонтировали, гондолу, какую-никакую сделали, баллон надуем. Садись и лети, испытывай.

Кстати. Не желаешь прокатиться? Один рейс всего. До Тупика и обратно.

— Нет. Вот когда вы всё проверите, тогда с удовольствием. А пока всё сырое — без меня. Я не самоубийца соваться в эту вашу подвешенную снизу баллона гондолу, извини за неприличное слово. Один вид её мне страшен. Так и кажется, что в воздухе рассыплется.

— Не рассыплется, — насмешливо улыбнулся кузнец. — Проверено, конструкция крепкая. Но испытать надо.

Так поговоришь?

— Поговорю, — кивнула Белла. — И если Машка меня потом не прибьёт, я её плохо знаю. Но поговорить поговорю. А сейчас всё, поеду домой.

А то у меня от одного вида этого вашего воздушного монстра

мурашки по коже.

Развернувшись уходить, Белла на секунду задержалась, стоя вполоборота.

А вот те зубья дракона, что у вас торчат справа от этого эллинга, это я так понимаю, эллинг под второй дирижабль?

— Правильно понимаешь, — согласно кивнул Богдан.

— Понятно, — грустно вздохнула Белла. — Судя по размерам заложенного каркаса только эллинга, дирижабль раз в пять больше планируете. Ну-ну, — мрачно буркнула она, отворачиваясь.

Двигатель прогресса…

— Деньги — двигатель прогресса.

— Ага, ври больше.

Слышь, подруга, — повернулась к Изабелле Маша. — Ну, мне-то ты про этот двигатель можешь не говорить. У меня он в печёнках уже сидит, двигатель этот. А прогресса как не было, так и нет. Сколько уже прогресса этого вбухали в наши самоходные баржи и мониторы, аж самой страшно. Конца края не видно.

— Ну, почему же нет, — усмехнулась Белла. — Очень даже видно. Сейчас приедем — увидишь. Может и понравится. Осталась лишь небольшая доводка.

— Ну да. С которой месяц уже как возится эта твоя протеже, молодая жена Митьки, а воз и ныне там, — сердито отрезала Маша. — Что-то эта наследница древних родовых секретов кораблестроения оказалась на поверку жидковата. Гонору много, а результат — пшик.

— Гонору заметно поубывало, — улыбнулась Белла. — Как со старыми мастерами схлестнулась, так те из неё спесь быстро выбили и на место поставили. И если б не я, они б её каждый день на конюшне пороли, как своих подмастерьев, что допускают огрехи в работе.

— Наверное, раньше папа с мамой мало пороли, раз ещё и чужим досталось, — улыбнулась Маша, покосившись на Беллу. — А что, много косяков?

— У-у-у! — рассмеялась Белла. — Страшное дело. За что ни возьмись, везде накосячила. И не то чтобы не знала. Знала! И умела. И понимала что делает. Но, в одном месте поторопилась, в другом не додумала, в третьем, не уследила, в четвёртом перепоручила другому и за ним не проверила.

И так во всём, что ни возьми.

Оттого у нас такой ублюдок монструобразный первоначально

и получился, с таким-то горе руководителем. Да ещё и с фанерой не так просто сладить. Работа уж очень кропотливая, усидчивость и усидчивость нужна. Не столько инструмент и знания, как терпение и кропотливость. А этого у девочки нет. Точнее — не было, — ещё шире улыбнулась Белла. — Пару раз мастера на конюшне выпороли, так откуда что и взялось, как заново родилась.

— А Митька что? Он-то куда смотрел? На него, вроде, вся надежда была?

— Была да сплыла. Что с влюблённого парня возьмёшь, — пожала Белла плечами. — Для него, что девочка его ни сделает — всё хорошо. В рот ей смотрит и во всём потакает. Не по Сеньке шапка оказалась.

Знаешь же, есть такие люди, что глупеют, когда влюбляются. Вот и Митька оказался из таких. В рот ей смотрел, а девочке другого надо было. Так и разошлись, как в море корабли. Поэтому я его от руководства всех работ по кораблестроению отстранила и отослала на исправление к Ваське. Помогать с этим их автопробегом. Пусть подумает, как себя с любимой женщиной надо везти.

Как ни странно, помогло. Что-то хоть соображать начал. В глазах какая-то мысль появилась. А то в рот жене глядел и делал все, что та ни скажет. Любую дурь той на ура принимал. Думаю, поживут врозь, окончательно вылечится.

— Если на том юге выживет и не получится как в той поговорке: «С глаз долой, из сердца вон», — отвернувшись, медленно проговорила Маша.

— Если выживет, — неохотно согласилась Белла и замолчала.

Яростное весеннее солнце жарко припекало головы едущих в коляске двух молодых женщин, и даже широкие соломенные шляпки, полностью скрывающие лица от жаркого огнедышащего неба, не спасали. Дорога от города в Южный залив на Каменке, где достраивались вывезенные с Сытного озера корабли компании, далась обеим женщинам тяжело. Последний месяц у обоих был очень напряжённым и сейчас, в пути, до залива, пользуясь удачно подвернувшейся свободной минуткой, обе они, откинувшись на спинку дивана коляски, откровенно наслаждались коротким отдыхом.

— А ты знаешь, Галка была права, — первой заговорила Белла, после долгого продолжительного молчания обеих.

— Какая Галка?

— Галка Буян, та, что сейчас фактически за старшего в караване нашего влюблённого Кольки в этой его безумной поездке на юг, — ухмыльнулась Белла.

— А что, с этой историей ещё не рассосалось? — удивилась Маша, поворачиваясь к Белле. — Извини, но я как-то не в теме. Столько времени идут разговоры, а воз, выходит, и ныне там?

— Потому и не рассосалось, что разговоры всё пустые, — рассердилась Белла. — Реальных дел нет. Все только и говорят, что ехать надо и надо помочь парню. А реально никто ничего не делает. Один лишь наш молодняк колготится, да много ли они могут одни. Но я сейчас не о том.

Поскрипывание рессор коляски и молчание уже утомили её деятельную натуру, и ей страстно хотелось поговорить.

— Я не про поездку, — проворчала Белла. Настроение её сразу испортилось, как только она коснулась больной темы и в голосе её невольно прорезались недовольные нотки. — С той поездкой слишком много сложных вопросов вылезло. Так что там ещё не скоро всё срастётся. Я о другом. Я о наших лодьях. О нашем мониторе и о самоходных баржах.

— Про Куницын монитор речи нет. Это считай что отрезанный ломоть, хоть и числится пока за нами. Пару рейсов в устье Лонгары сделает и придётся окончательно расставаться. Я о другом.

Я тут осторожно навела справки и всё подтвердилось.

— Что?

— Ну, что такие большие лодьи, которые нам Куницыны мастера помогают делать, если где на реке и встречаются, то исключительно в виде больших десантных лодий амазонок, и нигде более. Правда, те, пожалуй, ещё даже поболе будут, чем наши самоходные баржи, но не о том речь.

Так вот, справка. Когда такие большие лодьи купцы пытались использовать для доставки грузов, то, как правило, за сезон, два прогорали. Нет таких постоянных и больших грузопотоков, чтоб окупилось вложения. Так что, Куница может торжествовать, — Белла открыто и насмешливо ухмыльнулась. — Развели его матёрые мастера молодую дурочку на большие денежки. Как лохушку последнюю развели и теперь стоят в стороне и ждут когда та по миру с сумой пойдёт.

— Не поняла, ты-то чему радуешься. Это ж вроде как о тебе речь.

— Я радуюсь человеческой глупости, Маша, — погрустнела Белла. — Похоже, нашему «другу», господину Кунице и в голову не пришло, что у нас на эти три судна свои планы. И что мы планируем их использовать как-то по-иному, а не просто таскать его хлеб в низовья реки.

— Кстати, — перебила Беллу Маша. — А мне-то ты можешь сказать? На что мы собираемся использовать эти три судна:

артиллерийский монитор и две самоходные баржи?

— Для поездки на свадьбу, естественно, — повернулась в ней Белла. — Как вспомогательные судна обеспечения для перевоза припасов. Сжиженный газ, боеприпасы, продукты, горючее. Ну и всё остальное немаленькое хозяйство, включая и сборно-разборную причальную мачту для дирижабля. Мы не можем себе позволить лететь на сырых, не отлаженных толком аппаратах на несколько тысяч вёрст. Это слишком опасно.

— Ну, это-то понятно, — отмахнулась Машка. — Это мы десять раз уже обговаривали. А что потом?

— А потом суп с котом, — рассердилась Белла. — Сколько можно повторять одно и тож. Мы их снова вернём на озёра и будем возить на них руду и каменный уголь из предгорий по системе озёр к нам на литейный.

— Так они же большие, — изумилась Маша. — Я же именно об этом вам всем твержу. Они же в протоки не пролезут.

— А Корней твой на что? С его-то любовью всё взрывать? — улыбнулась Белла.

— Когда закончится вся эта беготня со свадьбой, надо будет серьёзно заняться перестройкой наших транспортных путей на озёрах. Тем более что проект Сидором детально разработан.

Маша, людей у нас мало, и в перспективе ещё большего увеличения не предвидится. Поэтому надо меньшим числом перевозить больше грузов. И для этой цели наши самоходные баржи подходят более чем. Дощаниками амазонок мы больше не обойдёмся.

Если хотим и дальше наращивать объёмы выплавки металлов, нам надо увеличивать объёмы поставок угля и руды. А это — широкие каналы и большие самоходные баржи с малым экипажем.

Одна такая баржа способна перевезти за один рейс до двухсот тонн руды. А дощаник — одну. Плюс охрана. Плюс малая скорость и много времени. Вот тебе и вся экономика.

Выговорившись, Белла замолчала, погрузившись в свои мысли.

— Кстати, о Галке, — нарушила молчание Маша. — Не слишком ли ты ей большую волю дала?

— Нормально. Главное, чтобы никто ничего не понял.

— Ничего — это как?

— Что она работает на нас. Хотя бы первое время чтоб ничего не поняли. Потом-то обязательно всё вылезет наверх, но пока хотелось бы напустить побольше туману.

— А зачем? Что кто-то не должен понять?

— Хотя бы то, что столько бензовозов, сколько пойдёт в той

колонне на юг им совершенно не нужно.

— Как это? Тогда зачем они там?

— Чтобы обратно вернуться.

— Не поняла?

— Очень хорошо, — скупо улыбнулась Белла. — Если даже ты, зная, что делается, не понимаешь зачем, это очень хорошо.

А теперь — поясняю. По дороге туда они будут по дороге в оговоренных местах оставлять бензин, что повезут с собой. Бензин возьмут в Тупике, а то и в Гуано уже. И будут по дороге сливать его частями в заранее подготовленных хранилищах. Там на месте уже другие люди сейчас работают и к моменту их там появления, караван будут ждать пустые бочки, куда они свой бензин с соляркой и сольют. Так что на место, в Плёс, они прибудут пустыми.

Зашибись! А обратно?

А обратно они пойдут по старому маршруту с уже готовыми заправками. Тут-то им бензовозы и не понадобятся.

— А там это где?

— Да во всех наших усадьбах, что есть на той стороне гор. Оттого то и путь такой извилистый проложен, не по прямой. А не из-за желания Кура, поторговать захваченным с собой товаром. Хотя он очень доволен, что его «послушали».

— Зачем?

— Не поверишь, из-за сущей, казалось бы, ерунды, о которой вчера даже не подумала бы. Но это вчера, а сегодня так прижало, что другого выхода мы с профессором не видим.

Им надо на обратном пути захватить сюда в город кислоты разные: солярную, серную, азотную. Любую, до которой руки дотянутся. И чем больше, тем лучше. Тут у нас их вообще нет, а там, хоть и с трудом, но достать можно.

Нам кислоты нужны для производства порохов. А покупать этот товар через перевал Басанрог очень стало накладно. Даже доставка на машинах из портовых городов Юго-Восточного Приморья за две тыщи вёрст и через наш перевал нам выйдет дешевле, чем покупать в западной части Приморья, и везти через Басанрог, платя все их жуткие налоги.

Этой весной они резко увеличили налоги, и всем на Левобережье резко поплохело. Не знаю, что уж там у них на перевале случилось, но это очень похоже на торговое эмбарго. Вот мы и ищем другие пути.

Главное в этом автопробеге, чтобы никто ничего не понял. Внешне — чистые бензовозы. А что везут внутри не бензин, а кислоту — никому и в голову не должно прийти. Вот, даже ты сразу ничего не поняла.

И главное, бароны с Басанрогского перевала знать ничего не будут. Бензовоз он и есть бензовоз. А что внутри у него колба стеклянная, броневая, на всяких случай, для перевоза кислот, знать им совсем необязательно.

— А причём здесь побережье юго-восточного Приморья? Туда же две тыщи вёрст. Взять те же Галчаны на юго-востоке. Практически у подножия гор. К нашему Гуано чуть ли не под носом. Что, там разве нет кислот? У меня же по документам оттуда чуть ли не две тонны азотной кислоты закуплено было профессором полгода назад.

— В том то и дело, что две, — рассердилась Белла. — А надо двадцать две.

— Сколько? — изумилась Маша. — Да куда столько?!

— Для производства пороха и взрывчатки, — посмотрела на неё как на форменную идиотку Белла. — Когда дело касалось только литейного производства и профессорских опытов, то нам и сотни литров хватало в год. Как только вышли на массовое производство взрывчатки — вопрос встал ребром. Нужно много кислот. Разных! И нужна их постоянная поставка, минуя Басанрог.

И мы даже собственным производством воспользоваться пока не можем.

По бензину с соляркой мы с ними договорились, и они к нам не лезут. А вот со всем остальным — проблема.

Баронам с Басанрога не надо чтоб у нас в Ключёвском Крае, да и шире бери, на всём Левобережье было собственное производство порохов и боеприпасов к огнестрелам. У них своё собственное производство имеется в устьевых княжествах. И они всё Левобережье рассматривают, как персональный рынок сбыта, а не как конкурентов себе любимым в производстве дорогущего эксклюзива.

Бароны внимательно следят за нашим заводом в Кязиме, на котором можно было бы легко наладить производство солярной и серной кислот. И нам тут же дадут по рукам, как только мы соберёмся переправить что-либо на Левобережье.

Производи, пожалуйста. Но всю кислоту будь любезен продавать на западе, или в устьевых княжествах.

И мимо любопытного глаза Басанрога муха не пролетит. И наличие собственного подземного туннеля тут ничего не меняет. Сразу заметят, что производить то мы производим, а вот потом куда всё девается — неизвестно.

А конфликт нам не нужен. Только ещё там нам не хватало со всеми разругаться, как будто мало нам местных идиотов.

И продажами в самом Приморье ничего не прикроешь. Там

такие большие объёмы просто никому не нужны. И пока мы там, на Басанроге эту проблему не решим, так и будем бесконечно хитрить и изворачиваться.

И самый простейший выход на настоящий момент — купить кислоты на Западе, в Береговом Союзе или в Северо-Западном Герцогстве. Потом морем тайно, контрабандой доставить её в Солёный Плёс и тайно, или под видом бензина, привезти сюда к нам.

Кстати, мой Советник уже закупил на Западе чуть ли не целую морскую лодью с кислотами, которая как раз к этому времени должна быть уже в Плёсе. И если всё пройдёт хорошо, то следом сразу последует и ещё одна, и ещё. Сколько надо — столько будет, только плати. А у нас с доставкой ещё конь не валялся.

— А в устье Лонгары, на нашем речном торговом пути, у нас плотно сидит Устьевое княжество князей Устьинских, — задумчиво проговорила Маша. — У которых как раз и есть собственное производство боеприпасов к огнестрелам, которыми пытаются столь навязчиво торговать наши бароны с Басанрога. И все они категорически не заинтересованы в попадании к нам сюда стратегического сырья.

— Умничка, — грустно улыбнулась Белла.

— Понятно, — хмыкнула Машка. — А я-то всё голову ломала, куда им столько бензовозов, словно бензином собрались в Приморье торговать. Думала, может это вы собирались оставлять запас на стоянках для наших пневматических пулемётов, что работают от бензиновых движков. А оно вона что.

— Кстати — это мысль, — бросила на Машку короткий взгляд Белла. — Было бы в тех краях машин побольше, можно было бы и торговлю бензином там развернуть. Вот в этом ключе, Колькин автопробег нам просто кровь из носу нужен.

— Кстати о солярке, — перебила её Маша. — Не думала остановиться на чём-нибудь одном. Или-или.

— Не до жиру, — мрачно буркнула Белла. — Так как к нам попадают эти старые грузовики, нам не остаётся выбора. Что случайно пришло, то и есть.

Ты, кажется, забыла, что все эти машины со свалок подобраны и на соплях собраны. Пытаюсь положение исправить, да пока плохо выходит. Запчасти очень дороги, да и мало их. Многого просто нет.

— Кстати, а парни не проболтаются? Стоит, кому то лишнее сболтнуть, так чужие быстро два и два сложат

— Не будут языки за зубами держать, премию не получат. Ни сейчас, ни потом денег им не видать, — мрачно ухмыльнулась

Белла. — А премия такова, что иным путём им вовек не получить таких денег. Это, во-первых.

Ну а во-вторых, кто может проболтаться, знает, чем лично для него это кончится. Стальной болт в голове — трудно усваиваемая для организма пища. Так что, говорунов там нет.

— Э, подожди. А сколько же они тогда привезут?

— Сколько ни привезут, всё хлеб. Десять тонн — хорошо. Двенадцать — ещё лучше. А дальше — как повезёт. Засветимся, ещё что-нибудь ещё новенькое придумаем. Контрабанда дело такое — живое и бурно развивающееся, — грустно пошутила Белла.

— А Советник твой сколько кислоты заказал?

— Говорил, что у него чуть ли не целый корабль под перевоз бутылей с кислотой был зафрахтован, — пожала Белла плечами. — Но, где он сейчас — никто не знает. Как из порта после погрузки два месяца назад вышел, так и пропал. Если в ближайший месяц не появится, будем считать, что потонул или утопили пираты. Или в руки Устьинских князей попал. А это, четыреста тонн азотной кислоты.

А вот придёт он завтра в Плёс, — чуть наклонилась к уху Маши Белла. — И чего? Как ты будешь вывозить оттуда кислоту? Да никак.

Как только заметят бутыли, в которых эту кислоту обычно и перевозят, так сразу слушок пойдёт. И нам тут же крышка. За нас так бароны с перевала возьмутся, что никакие наши умения воевать нам уже не помогут. Всегда есть грань, после которой война экономически невыгодна.

А если у нас есть такие вот «бензовозы», то в глухой бухте слил кислоту в него, бутыли притопил, или обратно вернул, и отпустил корабль в следующий рейс. А дальше на тебя внимания никто и не обращает. К этому времени бензовозы уже должны на дорогах Приморья примелькаться.

При таком раскладе много чего интересного можно придумать, чтоб скрыть контрабанду.

Лесной поход

— Если б я знал что это так далеко, ни за что бы, не пошёл.

— Хватит ныть, Колян, — весёлый, полностью довольный своей жизнью Васька буквально светился от счастья. — Вон, ты на Галку глянь. Баба, а не ноет, как ты. Хотя какая она баба, свой человек, но всё равно. Или даже вот на Синьку посмотри. Вот кто оказался на своём месте.

— Господи, как же хорошо, что наконец-то хоть в лес выбрались, — влюблёнными, счастливыми глазами Васька глядел он окружающие их болота. — А то я в этих мастерских, кажется, уже толстым слоем ржавчины сверху донизу покрылся. Жуть.

Сидящая на верху пулемётной башни укутанная с головой в броневую сетчатую ткань Синька, сквозь оставленную ей узенькую щёлочку в накинутом на голову броневом платке гордо осматривала сверху броневика окрестности.

Васька устало покосился на неё. Все остальные топтали ноги, настороженно всматриваясь в стену леса кругом, а Синька гордо восседала на самом верху пулемётной башенки броневика и внимательно всматривалась в лесной сумрак.

Идея Галки захватить с собой для огневой поддержки её персональный броневик, с движком на бензине, с самого начала была зарублена кузнецом из-за шумности движка. По его мнению, лес шума не любил. А звук работающего мотора как магнитом должен был приманивать людоедов со всех окрестных племён. И в таких раскладах у лошадей не было альтернативы.

И хоть встретить на болотах какого-нибудь заблудшего ящера, по мнению Галки, было весьма и весьма проблематично, потому как нечего им там было делать, пришлось с ним согласиться.

Поэтому Галке с Андрюхой, скрипя зубами, пришлось идти на поклон к Кольке с Васькой, чтоб те выпросили у руководства своей компании хотя бы один броневик им в поддержку. А заодно и пришлось принять их в свою компанию в походе на болота за машинами. Потому как это было категорическое требование обоих.

Тем более что те имели свободный доступ к аппаратам для подводного ныряния и, ещё более важно, умели ими пользоваться. Что в сумме значительно повышало шансы найти в болотах что-нибудь стоящее.

— Слышь, Мыкола!

Васька, оставив тяжело бредущего рядом с броневиком усталого Кольку, поспешил в голову отряда. — Слышь, ты, чего спрашиваю!

Я вот что-то не пойму. А вы сами-то, как оттуда добывали машины? Дорог нет, кругом одна вода и одна единственная тропа по верхушкам островов. И про ту наверняка всё ящерам известно. Не зря же они нас ждали в засаде в самом начале твоей тропы, где ещё леса были.

Я не понял. В какую клоаку ты нас тащишь?

— Теперь и на обратном пути ждать будут, — равнодушно отозвался Мыкола. — Там же.

— И как же вы обходились?

— Прорывались, как же ещё. Их же здесь немного.

— А если их будет много?

— Не будет, — равнодушно отозвался кузнец. — Их тут вообще очень мало. Пара племён всего, не сильно многочисленных. А как вы той осенью по этим землям прошлись… Сидор, этот ваш, да Корней.

— Ладно, не по этим, — усмехнулся он, покосившись на озадаченно глядящего на него Ваську, — прошлись ваши чуть восточнее.

— Ничего себе чуть, — расхохотался Васька, сообразив, что тот шутит. — Две сотни вёрст в сторону, и это ему чуть.

— Тут это без разницы, — равнодушно отмахнулся кузнец. — В этих болотах сто вёрст туда, сто вёрст сюда — не важно. Везде одна хлябь.

— Вот я и спрашиваю. Непонятно. Как вы-то сами выбирались по этой хляби? Дорога то одна и её довольно просто перекрыть даже малым числом.

— Зимой все дороги не перекроешь.

— То зимой, а сейчас лето. Макушка, уже считай что. Если б не этот поход, сейчас бы через костры с девчатами прыгали, а так не знаешь когда и вернёшься.

— Ну, макушка, ну и чего, — покосился на него кузнец.

— Ты не ответил на вопрос.

— Да никак. Ответил? — ухмыльнулся кузнец.

— Всё равно, непонятно.

— Чего тут непонятного. Русским же языком тебе сказано. Летом машины отсюда мы не вывозили. Теперь понятно?

— Теперь, кажется, понятно, — сразу посерьёзнел Васька. — Ты хочешь сказать, что если мы что-то добудем, то вывезти что-либо отсюда сможем исключительно зимой. Мило. Очень мило.

— Ну вот, наконец-то дошло.

— Значит, за то, что наша Белла Юрьевна не пошла у вас на поводу и отказала в халяве с медью, вы решили отыграться на нас. Как это мило с вашей стороны. А я-то всё думал, что произошло? То прям мур-мур был полный, чуть ли не облизывали. А тут на тебе, как отрезало. Только что не рычите. И того стало нет, и другого стало тоже нет. Если что надо — добывайте сами. А у нас, мол, ничего нет. Как это всё мило.

Не отвечая, кузнец отвернулся. Остановившись на краю сухого участка почвы, за которым на многие вёрсты кругом расстилалась ровная гладь закочкаренного верхового болота, он задумчиво уставился куда-то вдаль.

— Недолго уже. За тем леском нужное место.

— Скорей бы уж, — устало остановился рядом Васька. — Который день месим хлябь под ногами, а конца края этому болоту не видно.

— Это я вас ещё короткой дорогой веду, — посмотрел на него кузнец. — Есть ещё одна, дальняя. Она дальним краем обходит все ящеровы деревни, и точно выводит в то ж самое место. Там поспокойнее можно было б добраться. Там уж точно ни одного ящера по дороге не встретишь. Зато плюс неделя по вязкому грунту. А здесь всего три дня и грунт твёрдый. Ну, относительно конечно.

— Ну да, всего три дня, — устало проворчал Васька.

— Здесь ваш фанерный броневик лошади вытащат, а там точно бы загнулись на первых вёрстах. И охота была тащить с собой этакую дурынду, — покосился он назад, на броневик. — Толку от неё. Только что подкладка под тощую попку вашей Синьки.

Говорил же, не берите. Нет же тут никого.

Нет! Вам обязательно надо было взять, опасно, мол. Перестраховщики, — сердито выругался он.

Устало остановившись, Мыкола покосился назад, откуда донеслась до них очередная порция мата, от приставленного к броневику Андрюхи Буяна с дружками, опять с весёлым матерком вытаскивавших ухнувший в очередную водяную яму броневик.

Бросив взгляд на вымотанных вусмерть лошадей из упряжки, Васька только тяжело вздохнул. Взять с собой пулемётный броневик была не самая лучшая Галкина идея, хоть она и позволила им с Колькой принять участие в этом интересном походе.

И хоть сразу же беспокойство Галки оправдалось, когда броневик одним своим появлением разогнал две засады сторожившихся дорогу подгорных людоедов, лошадушек было до слёз жалко. Вымотались лошади за эти дни так, как не выматывались в Приморье и за неделю непрерывной скачки.

Вот что значит вода и хлябь болотная под ногами. Не способствует это поездкам здесь чему-либо на колёсах. Хоть и лёгкий броневик, а местами колеса по ступицы вязли. Еле вытаскивали каждый раз.

Представив только, как на первой же водяной яме застрял бы в болоте Галкин железный броневик, Васька лишь устало усмехнулся. Сил уже не было даже на любимые его подначки, чтобы осадить наглую девицу.

— Значит, зимой вывозили, — продолжил он интересующий его разговор.

— Зимой тут не всё замерзает, — кивнул Мыкола. — И если

знать где самая топь, а где и не очень, то дорогу проложить можно. Только вам же невтерпёж. Вам же надо прямо сейчас, вынь да положь.

Как вытаскивать будете?

— Да есть соображения, — нейтрально отозвался Васька.

— Ну-ну, — покосился на него кузнец. — Если вздумаете тягачи свои сюда с тракторами тащить, то сразу говорю, дохлый номер. Грунт не тот, да и на один это раз. А потом ещё и ящеры набегут и тропу перекроют. Может, ещё другой раз по дальней дороге пройдёте, но это всё.

Ну и много ты утащишь то за два раза.

— Ну…, — замялся Васька.

— Баранку гну. Дурь всё это, весь этот ваш спешный сюда выход. Куда было спешить? Сам же говорил, что у вас есть сухие и тёплые водолазные костюмы для зимнего ныряния. Подождали б до зимы, а зимой тут тысячи дорог. Дождался метели и тащи, что хочешь и куда хочешь. Нет же, вам всё невтерпёж. Вам прям щас надо.

Васька раздражённо отвёл взгляд. Объяснять что-либо кузнецу он не горел желанием. Ну, право слово, не скажешь же ему, что Колька готов хоть завтра бросить всё и пешком отправиться в это своё проклятое Приморье. А это — верная гибель. И срыв всех их планов по автопробегу, в которых влюблённому Кольке отводилась важная роль главного прикрытия.

А тут ещё и сами кузнецы взбрыкнули, отказавшись восстанавливать старые машины. Мол, в городе оказывается, нет всех необходимых для ремонта деталей, и будут только зимой. И если вам надо срочно — сами идите и сами добывайте из болот.

И всё встало.

Потому как взять все недостающие детали можно было в одном единственном месте. В том самом болоте, куда они сейчас и направлялись.

Если там что-то будет, конечно. Потому как гарантий никто никому не даст.

— «И чего каждый раз упрямо перепрашивает, баран. Словно сам ничего этого не знает».

А ящеры чего, не знают про это болото? — раздражённый Васька попытался было увести разговор в сторону.

— Почему не знают, знают, — равнодушно покосился на него кузнец. — Только ничего сделать не могут. Их мало, нас мало, болото большое. Это для вашего броневика дорога одна, а пёхом — тысячи. Что летом, что зимой. Пока они на одном краю, мы на другом. Они ждут на одной дороге, мы на другой. Так и играем в

прятки друг с другом уж сколько лет. Пока перевес на нашей стороне. Оттого, наверное, они к нам больше и не лезут. Надоело, наверное.

А после прошлой осени, вообще присмирели. Рядом с деревней пройдёшь, только посмотрят вслед и больше не лезут. Запугали вы их больно.

Не знаю, — остановился он, вытереть пот с лица. — Может ваш Сидор с Корнеем и правы, что такую резню средь подгорных на границе устроили. После прошлой осени здесь намного спокойнее стало. Да и народ с хуторов, видя такое дело, назад потянулся. Возвращаются помалу до дому.

Гвоздевы вернулись, Хомяковы, Патлатовы. Да и наши многие землю на хуторах своих в этих краях заново подымать стали. А не так как раньше, наскоком и абы как, и тут же бегом отсюда. Потом, в конце лета зерно поспешно собрал, что успел, вывез, что смог, и на всю зиму застрял в городе, в бараках. Этой зимой многие по своим домам остались.

Так как вы вывозить свои машины собрались?

— Достал уже. Увидишь, — устало отмахнулся Васька. — Надо сперва место ваше внимательно посмотреть, а потом уж что-то думать. А то вас послушаешь, так там одни молочные реки с кисельными берегами. Всего, мол, полно, бери — не хочу. А как до дела, так вот даже Кур Белый второй месяц бьётся и не может восстановить наши машины, хотя, обещался сделать всё за десять дней.

Только деньги сосёт, стервец. С каждым днём всё больше и больше. А карман у меня не бездонный.

— Наглые вы, — хмыкнул Мыкола. — Думаешь это легко, машину из ничего собрать? Тяп-ляп и готово? Ничего же нет. Пока найдёшь или сделаешь какую мелочь, годы пройдут. Одна резина на колёса чего стоит. Хорошо, что ваша компания каучук бесплатно выделила. А то бы так и стояли машины разутые.

— Хоть шинники заработали, — сердито пробормотал он.

— А чего тогда брались? Чего тогда мы вообще сюда прёмся? — неожиданно подал злой голос незаметно подошедшего к ним Кольки. — Не проще было нам самим тогда пешком на юг податься? Всё ни от кого не зависеть.

Который месяц одно и то ж. То одного нет, то другого, то третьего. И всё откладываем, откладываем, откладываем выход. То Кур никак не может закончить с нашими машинами, то у Стального чего-то не хватает, то теперь и Галка захотела себе ещё грузовиков до кучи прикупить. Мало ей того хлама что уже есть. Решила ещё и товара разного с собой для торговли прихватить. Чтоб поездочка её окупилась.

Мы что, торговать туда собрались? Нет! Но выход, ещё дальше отложился.

Лето уж кончилось, а мы всё топчемся на одном месте. Может пора остановиться с этой подготовкой и просто пойти туда, куда собрались? Может плюнуть на эти машины, взять пару лошадей, броневик и гайда на юг?

— Май ещё не кончился, а у вас лето прошло, — понимающе хмыкнул кузнец. — Что у этого с попрыгушками и кострами, — насмешливо кивнул он на Ваську. — Что у тебя, Ромео. Лубофф, понимаю.

— Лошадей никто нам не даст, — тяжело вздохнув, сердито покосился на кузнеца Васька. — И броневики тоже никто нам не даст. Броневики все расписаны поимённо и каждый при своём деле. Этот-то с огромным трудом выпросил.

Так что, если мы и можем на чём сразу отправляться, то только на своих двоих. А на своих ногах мы как раз через полгода там и будем. Если вообще дойдём. В чём я лично серьёзно сомневаюсь.

— Правильно сомневаешься, — кивнул кузнец. — Были и у нас такие вот умники, как ты, Колька. Ещё задолго до известного вам приключений Дюжего на скалах.

Сходили как-то раз такие же умники в Приморье, пешком через горы. Одни и без серьёзной силы за собой. Пятеро их было, а может и шестеро, сейчас не упомнишь. Только их и видели, как из города вышли.

Последнего, единственно выжившего, так вообще из рабства выкупать пришлось. Аж из Устьинского княжества через год весточка дошла, чтоб выкуп прислали. От него то и узнали в деталях, что дальше предгорий парни не ушли. Горцы их повязали и в рабство продали.

Ладно, хватит трепаться, — раздражённо проворчал кузнец. — Лучше по сторонам больше смотрите. А то на одну свою Синьку всё наблюдение свалили, а сами балбесничаете. Глядите лучше по сторонам, шкуры целее будут.

— Слышь, Тихон, ты оказывается, балбесничаешь?

Словно только сейчас заметив тихо бредущего рядом большого бурого медведя, неугомонный Васька сразу же переключился на него.

— Слышь, Тихон, это — нехорошо. Это я тебе говорю, Васька, твой друг. А ну живо в боковой дозор, подставка для блох. Бди!

Недовольно рявкнув, тот даже не подумал сместиться в сторону от тропы. Начинающаяся буквально в паре шагов с правой стороны бездонная топь, сразу лишала всякого желания соваться в ту сторону.

— Ну вот, — довольно констатировал Васька. — С той стороны всё чисто. Проверено, никого нет. Осталось лишь проверить левую сторону и можно быть спокойным.

Бросив взгляд налево, он долго рассматривал тянущееся до горизонта ровное и пустынное пространство болот.

— Ну вот, — ещё более довольно констатировал он. — И слева всё чисто. Болото — оно и есть болото. Близко не подберёшься, издалека всё видать.

— Давно ты, видать, на болотах не был, — мрачно заметил держащийся рядом Колька. — В двух шагах от кочки болотной пройдёшь и засаду не заметишь. Тут тебе и конец. Так что смотри лучше на Тихона и на Синьку. Как только забеспокоятся — сразу взводи арбалет, целее будешь.

К вечеру были на месте.

Большой скалистый остров посреди топей, за которым до самого горизонта не было видно ни пяди сухой земли, не впечатлял. И большая ровная удобная поляна, прикрытая с севера от холодных ветров невысокими скальными останцами с чахлыми корявыми сосенками поверху, тоже особого восторга ни у кого не вызвала. Хоть это было и идеальное место под устройство постоянного лагеря, что тут же нашло подтверждение многочисленными следами прошлых кострищ у подножия скал.

Наверное, все слишком вымотались, чтоб хоть как-то проявить свою радость об окончании пути.

До темна, разбили лагерь и выставили охрану. Хотя с этим можно было особо и не заморачиваться. Само присутствие в отряде медведя гарантировало лагерю спокойствие.

Тем не менее, нарушать давно сложившийся порядок поведения в таких вот выходах на границу, не стали. К лени легко привыкаешь, но и дорого потом за неё платишь, коль что-либо пойдёт не так. Поэтому, в помощь Тихону выставили и часовых.

Первые впечатления.

Утро началось с визита в первое же указанное кузнецом водяное окно. И то, что там увидели, ввергло всех в шок.

— Чьи это земли? — был первый вопрос, заданный мрачной Галкой этим утром.

Всё время, считая от дня, когда покинули город, она упорно молчала, думая о чём-то своём, и это были её первые слова за последние дни.

Несмотря на все последние годы жизни её в этом крае, ей, не привычной к местным болотам и лесам амазонке, этот поход

давался особенно тяжело. Да ещё и постоянно беспокоящие мысли об оставленной дома на попечении кормилицы дочери, не позволяли полностью сосредоточиться на работе.

Плюс, отчётливое понимание, что задуманный поход на юг, на результаты которого у всей их группы были большие надежды, находится на грани срыва.

Да ещё и то, что такие, вчера ещё казалось бы, любезные, первоначально так расположенные к ним городские кузнецы, не получив от баронессы чего хотели, вдруг показали истинное своё мурло, повернувшись к ним спиной и разом бросив все работы по восстановлению её машин, не добавляло ей оптимизма. Так перед баронессой подставиться.

Вот теперь становились понятны все проволочки, которыми всё последнее время кузницы оттягивали выполнение своих обещаний.

При всех их громогласных заявлениях и хвастовстве, у них элементарно не было нужных запчастей. Какой же надо было быть идиоткой, чтобы сразу этого не понять. Да были бы у них запчасти, давно бы сами всё восстановили. А как восстановили — так и давно продали бы. А не ждали такой красивой Галочки, чтоб ублаготворить её.

Ну какая же она оказалась дура!

Теперь же, сославшись на нехватку самых необходимых деталей, они сунули им в зубы карту с указанием места свалки машин, дали проводника и предложили самим добыть недостающие для ремонта запчасти. Словно она могла знать, что им надо. И дефектная ведомость у неё на руках не говорила ей ровным счётом ничего.

Что, впрочем, кузнецов совершенно не интересовало.

Галка была не дура, и сразу всё поняла. Пропал главный к ним интерес кузнецов — возможность доступа к дешёвому металлу, к меди и бронзе через людей, близко знакомых с баронессой. И Галка с её группой, как впрочем, и Васька с Колькой, стали гильдиям кузнецов просто не нужны. Много на восстановлении старых машин было не заработать, не смотря на высокую стоимость работ, и интерес к их группе практически пропал.

Даже Кондрат Стальнов, насколько бы казалось, раньше бывши заинтересован в этой работе, и тот стал при встречах рожу кривить, снова старательно избегая любых личных контактов.

Галка отчётливо понимала, сейчас всё висело на волоске. И если поход на болота ничего не даст, всё. На радужных перспективах с интересной работой и безбедной жизнью придётся ставить жирный крест. И придётся возвращаться к опостылевшим

грядкам с хреном.

Переломить мрачную тенденцию могли лишь деньги. Много денег, заплаченных за большую и дорогую работу и за дорогие запчасти. Ни того, ни другого, ни третьего у них не было. Работа была, денег не было. О запчастях и речи не шло. Это вообще оказалось нечто из области воображения.

Серьёзных мастеров им оказалось нечем заинтересовать. А несерьёзная мелочёвка, во множестве вьющаяся рядом и готовая схватиться за любую подработку, даже сама не понимая, что она делает, её не интересовала.

Надеяться же на работу одного лишь Стального, которого она фактически вынудила согласиться на бесплатный труд, не стоило. Как с самого начала рожу кривил и гнал брак, так теперь лишь хуже стало.

Вот и пребывала она последнее время в чёрной хандре и меланхолии, никуда не встревая.

Увиденное под водой сразу выбило её из ставшей привычной унылой колеи последних дней безразличия.

— Это всё земли гильдий, — наконец-то достучался до её сознания равнодушный голос кузнеца.

— Каких? — резко развернулась Галка к нему, мгновенно сбрасывая с себя безразличие. — Каких гильдий?

— Кузнечных, Галочка, кузнечных, — рассмеялся Мыкола. — В частности, моей. Здесь всё в долевой собственности. Да вы ребята и девчата не думайте об этом. Как договорились, так всё и будет. Что возьмёте с болота по договору — всё ваше.

Я сам поначалу, как богатство это первый раз увидел — ахнул. Да что толку. Отсюда если что и вывезти можно, то только по зимнику. А летом по хлябям нечего и думать.

Да перед тем попробуй ещё из болота подыми. Возле твёрдого берега ещё куда ни шло. Да беда в том, что всё интересное, за что можно было бы деньги получить, возле островов большей частью давно повыгребли. Осталось самое неподъёмное, что видит око, да зуб неймёт. Вот вроде того что вы сейчас под водой видели. Двадцати тонные неподъёмные монстры.

А если хотите что полегче взять, искать надо. Там подальше, где даже опереться не обо что, там главное богатство.

А потом ещё одна проблема. Та самая, о которой я вам все уши прожужжал, да Васька всё отмахивался. Невозможно отсюда что-либо летом вывезти. Мы сами от летних доставок давно отказались.

Летом, по теплу, доставали с глубин. Потом до зимы прятали в схронах. И если ящеры до зимы не находили и не портили,

вывозили по зимнику.

И, как понятно, с такой практикой много отсюда не вывезешь. Так что радуйся Галка, что тебе два халявных броневика от наших обломилось.

— Я радуюсь, — нервно дёрнула щекой Галка.

— Причём, ящеры — это самая малая трудность, — вещал дальше кузнец. — Сложней всего дотащить добычу до реки.

— Это докуда? — встрял и Васька в разговор.

— До туда! До истоков Шелони, — бросил на него короткий взгляд Мыкола. — А потом по замёрзшим притокам, по льду и до Каменки. А там — пара недель и ты дома. Если конечно по дороге ни амазонки, ни вездесущие ящеры не пощипают.

— Какие здесь глубины?

— В основном — небольшие, два, три метра. Дно твёрдое, песчаное. Но местами встречаются глубины и до тридцати, до сорока метров с мощным слоем илистых осадков. Но таких мест я знаю всего два. И туда мы не совались. Интересно будет, потом покажу.

Глубже трёх метров никто здесь никогда не нырял. Вода дюже холоднючая. Да и аппаратов, таких как у вас ни у кого из наших нет.

Ну что, будем нырять?

— Будем. Надо самим, своими руками пощупать.

— Вот и отлично. Тогда и я с вами. Дадите возможность попользоваться вашим аппаратом?

— Инструктаж прошёл, так почему бы и нет.

— Ну, мало ли…, — замялся кузнец. — Я собственно только из-за того с вами и напросился, что надеялся вы покажите как это делается.

— Пару пробных погружений сделаешь. А там дальше посмотрим. Может, и вообще работать оставим. До осени, — рассмеялся Васька.

— Что здесь хоть есть то? Поподробнее, а не так как при заключении договора. Много и всё доступно. Поподробнее, желательно б услышать. Тем более что обещано.

Глянув на него с сомнением, кузнец лишь неопределённо пожал плечами.

— Там, — махнул рукой направо. — Там в основном немцы. — Там, — махнул налево. — В основном советы. Посередине — всё вперемешку. Немцы, итальянцы, амеры, чехи, французы, англы. Чего там только нет. Но туда мы не лезли. Там глубины ого-го какие. И до десяти метров встречаются и глубже. Да и твёрдой земли, где можно было б закрепить ворот, и куда можно было б вытащить добычу, там практически нет. Один, два

болотистых небольших островка и всё. Если что интересное найдёшь, то не понятно, как и куда вытаскивать. Хотя, кое-где остались плоты, с которых наши ребята пытались работать. Мелочёвку вытащили, а дальше — бесполезно. Начнёшь воротом тянуть, плот под воду уходит, а находка так в болоте и остаётся.

Бывало что и с плотом вместе. И хорошо еще, если сам потом выберешься. Это — болото парни. Оно шуток не любит.

Я сам с нашими парнями пару раз подобное пробовал, потом бросил. Дальше работали только с сухого берега. А с него здесь много не возьмёшь.

Если присмотреться, то до сих пор нами расчищенные окна на поверхности болота видны.

С другого края этих болот — места побогаче будут. Но там никто никогда даже не пытался что-либо добыть. Там всегда было ящеров полно, и там опасно.

— А броневики, что мне обещали?

— Это, Галочка, там, где немцы, — махнул кузнец направо. — Бери хоть весь свой обещанный десяток, хоть всё что там найдёшь. Там этого добра без счёта. Но на всё что свыше первых десяти штук — цену вы знаете.

— Пятьсот золотых — не много ли? — недовольно проворчала Галка.

— Ну, ты, Галка, и наглая, — мрачно зыркнул на неё кузнец. — Уговор есть уговор. Никто вас за язык не тянул соглашаться. Вам вообще десять машин выделили бесплатно. И то лишь потому, что у нас самих обещанных деталей для ремонта не оказалось, а вроде как обещано.

Вот и бери что дают. Хоть свои так понравившиеся тебе броневики, хоть всё что под руку подвернётся. Всё — на халяву. А пятьсот за штуку — это вообще ничто, халява. Трофейщики за подобное же и по две, и по три тысячи с охочего люда дерут. И ничего — платят кому надо.

— А если танки найдём? Это же, сколько хорошего металла.

— Сказано же. Нет здесь никаких танков, — отрезал кузнец. — Сколько раз можно вам говорить одно и то ж. Нет здесь ни орудий, ни танков, ни какого-либо оружия вообще. Тут нет вообще ничего, кроме грузовых и легковых машин во всех их видах и разновидностях, включая сюда же и твои лёгкие броневики.

Ты молода ещё, Галка, но когда все эти дела с вызовами материи из другого мира только начинались, Имперские маги так и специализировались. В одном месте одно вызывают, в другом — другое.

Это сейчас на Торфяном Плато они князьям Подгорным

тащат из мирового эфира всё что ни попадя, вплоть до самолётов. Наловчились твари, вот и не разбрасываются теперь по разным углам. А раньше такого не было. Поэтому, здесь — только машины.

Но, — поднял он вверх обе руки. — Дело это прошлое и нас не касаемо. Вернемся к нашим баранам.

Повторюсь. На всё, что подымите из воды сверх халявной десятки, цена одна — пятьсот злотых!

— Договорились, так договорились, — равнодушно зевнул Васька. — А вот тащить из болота всякую дрянь — не хотелось бы.

— Ну-у-у, это уж как получится, — развёл руками кузнец. — Если вытащите отдельные разодранные на части останки одной машины — тут вопросов нет. Пусть даже и нескольких. Складываем, получаем одну. А вот большая или малая машинка, мотоцикл там, или грузовик, но целые — тут уж извиняйте. Пять сотен на бочку и забирай.

А вот вывезешь, не вывезешь, нас это уже не касается, — вдруг широко и дружелюбно улыбнулся он. — Из болота поднял — твоё!

А нам, в гильдейскую кассу, будь те любезны пятьсот звонких монет.

Но если вас что-то не устраивает, разворачиваемся и возвращаемся обратно. И будем считать, что друг друга просто не поняли. Нет, парни, и девчонки, — бросил он довольно ехидный взгляд на мрачную Галочку. — Давайте, без обид. Мы всё понимаем. Хотелось халявы, думали, что будет легко? Пришёл, увидел, подобрал, а не получилось, расстроился. Бывает. Не вы такие первые, не вы последние.

Так что, сегодня день отдыхаем, ныряем с аквалангом, смотрим, что тут вокруг есть интересного. Слюни подбираем, и развлечение с лесным походом заканчиваем. Завтра с утречка и домой, детки.

Хотите отдохнуть перед тяжёлой дорогой? Без проблем. Тут неподалёку можно раков половить, если кто хочет. Не одни лишь болота кругом. Есть и чистые речки, там рыбы и раков полно. Так что, отдохнуть здесь можно знатно. Кого интересует охота — дичи кругом полно пернатой. Но тут надо аккуратно смотреть, как бы самому дичью не стать. Помимо диких гусей, тут ещё и на ящера-людоеда можно нарваться.

Ну что, решено? Будем считать, не получилось.

— Нет уж, — отрезала Галка. — Раз забрались в такую задницу, так будем разбираться, что тут имеется.

— Вы как? — вопросительно глянула она на Ваську с

Колькой.

— А что мы? — синхронно пожали оба плечами. — Мы — только за. Тащились, тащились, и тут нате вам, всё бросили и на следующий день же убрались обратно? Как-то нелогично.

— Значит, ныряем, — согласно кивнула Галька. — Посмотрим, что тут под водой сыщется. А то в уши насвистеть всякого можно. Особенно, когда язык без костей. Как у этого, у кузнеца, — мрачно покосилась она на довольную рожу того.

И реки у них тут молочные с кисельными берегами, и яблочки молодильные у них тут растут, и чего только нет. А как до дела дошло: и того нет, и другого нет, и третьего нет. И вывоз у них зимой, а не летом, и ящеры кругом бродят. И тут же собираемся обратно. Совсем бедных деточек запугал.

Спрашивается, зачем тогда было город городить? Зачем сюда припёрлись? Нет. Сначала ныряем, а потом — так сказать, по итогам. Завтра всё решим, вечером. Сегодня ещё целый день впереди и завтра день. А там — видно будет. Но вытаскивать тогда — ничего пока не будем. Чтоб некоторых, шибко вумных тут не провоцировать, — мрачно покосилась она на довольно ухмыльнувшегося кузнеца.

— Ну, потом, так потом, — кузнец вдруг неожиданно хитро подмигнул Галке.

— Колян! — заорал вдруг Васька, словно только и ждал толчка. — Тащи скорей лодку, надувать будем. Заодно и проверим, что получилось.

Не обратив на кузнеца внимания, словно перед ним было пустое место, Колька поспешил в хвост обоза, где хранилось экспедиционное добро.

— Что за лодка? — тут же влез кузнец. — Вроде бы никакой лодки у вас с собой не было.

— Надувная, — отмахнулся Васька. — Отстань! Впрочем, если хочешь чтоб дали тебе понырять, помоги ещё и баллоны для плота надуть. А то у нас насос маленький, замаешься маслать.

Через пару часов возле берега острова на чистой воде болота покачивалась пятиметровая надувная лодка, на носу которой гордо восседала Синька с большим биноклем в руке.

— Чисто! — периодически доносилось оттуда.

И хотя никто ей задания наблюдать за открытым на многие вёрсты вокруг болотом не давал, девочка сама взяла на себя инициативу, доказывая всем свою полезность.

— Слева чисто! Справа — чисто! В лагере — бардак! Толян опять ругается с Мыколой. Ой, он сюда идёт. Злой, как чёрт. Это от того, что Галка на него баллоны навесила, чтоб он успокоился. Значит, ему тоже понырять дадут. А я нырять буду? А когда? —

вцепилась она в проходившего мимо Кольку. — Я тоже хочу. Я тоже инструктаж прошла.

— Ты ещё маленькая, — отрезал Колька.

Посмотрев в мгновенно наполнившиеся слезами чистые глаза малявки, тяжело и обречённо вздохнул.

— Вот репей, — сердито проворчал он. — Завтра, если время останется для баловства, то завтра. А пока, кыш, мелкая! Наблюдай за выделенным тебе сектором болота и не отвлекай меня.

Ещё через полчаса большая надувная лодка уже покачивалась на болоте, над ближним к берегу окном чистой воды. И под воду ушёл первый водолаз, Васька, с боем выбивший себе право первого погружения.

К вечеру, под водой не побывал только ленивый, каковых в отряде не нашлось. Даже Синьке выделили полчаса, поплавать с маской и трубкой возле берега в тёплой, прогретой на мелководье воде. Чем она необычайно гордилась, и с довольным видом, гордо теперь посматривала вокруг, словно кто-либо выражал сомнение в её новых умениях.

Вечером, возле костра только и слышался её звонкий голосок:

— А завтра понырять дашь? Ко-о-о-ль! А аквалангу мне, когда дадут? Я тоже инструктаж прошла. Я что, хуже Миколки? Я тоже понырять хочу!

— Вот же репей, — беззлобно ворчал Колька, вяло отбиваясь от её приставаний. — Завтра. Отстань, Синька. Всё завтра.

Утро завтрашнего дня…

Назавтра первым делом внимательно изучили представленную кузнецом карту сокровищ. Всё утро на неё потратили. И пока все лично с ней не ознакомились, или хотя бы не пощупали, не успокоились. Криво отрезанный от домотканого полотна кусок небольшой, грязной небрежно сложенной мятой тряпки, на которой размытыми бурыми красками грубо намалёваны были какие-то невнятные пятна, в которых с большим трудом можно было определить окружающую местность.

Это был плод многих лет тяжёлых изыскательских трудов всех кузнецов города, использовать который без подробных комментариев проводника в лице Мыколы было практически невозможно.

— Васька, Колька! — Мыкола Ржавка, напрасно искал глазами приятелей в толпе столпившихся вокруг его плана

егерей. Не заметив ни того, ни другого, раздражённо помахал у всех перед носом развёрнутой тряпкой. — Так парни. Давайте кто-нибудь один будет ответственным за сведения с карты, чтобы мне потом не повторяться.

Галочка! Ты куда пошла? — махнул он рукой, подзывая равнодушно отошедшую в сторону амазонку. — Это тебя в первую очередь касается.

— Чего? — презрительно протянула Галка. — Эта твоя тряпка? — изобразила она на лице немалое удивление. — Эта? Не смеши меня. Лучше я пойду с парнями понуряю, пока остальные эту твою «карту сокровищ» рассматривают, — добавила она немалую толику яда в голос. — Всё больше проку, чем тратить на ЭТО своё драгоценное время. Помощь, называется, — фыркнула она. — Да мы за один вчерашний вечер нашли больше, чем там у тебя изображено. Тоже мне, плод многолетних трудов. Пфе!

Убожество, — отмахнулась она от кузнеца.

— А обратный возврат ты тоже на глаз определила? — ядовитым голосом уточнил кузнец. — Интересно как? На ощупь?

— Не поняла? — насторожилась Галка. — Какой возврат?

— Не желаете, барышня, всё же уточнить, в какие места стоит, а куда не стоит соваться? — ухмыльнулся кузнец. — Или вы тут до осени сидеть намерены. Только учти, времени у меня много нет. До места доставил, всё что просили показал, всё рассказал, карту вы видели и завтра я вас покину. Убедились, что со своей стороны мы договор полностью выполнили, всё, мне пора домой.

— А вы, если хотите, оставайтесь. Ныряйте тут, хоть до посинения. Но для особо непонятливых, ещё раз напоминаю. Пятьсот золотых — за ЛЮБУЮ находку, вытащенную на берег сверх первых десяти!

— И чего? — непонимающе глянула на него Галка. — Ты уже раз десять об одном и том же сказал. Что всё это значит?

— Это значит, глупая ты баба, что три полученных тобой от нас броневика на ходу и в комплекте, собраны были именно здесь, на этом самом месте из восьми поднятых из этого болота машин. Останки, от которых сбросили обратно в это же болото. Теперь, понятно?

— Не поняла, — неверяще мотнула Галка головой. — Ты хочешь сказать, что те восемь броневиков, что мы вчера нашли…

— Ну, дошло наконец-то, — удовлетворённо констатировал кузнец. — Всё утро я с вами тут бьюсь, бьюсь, всё пытаюсь до ваших куриных мозгов достучаться, а вы не слушаете. То Васька с Колькой, не дослушав, смылись на свой надувной плот понырять,

то ты теперь собралась идти по их стопам.

Почему я вам постоянно должен что-то разжёвывать? Неужели непонятно. Вывоз отсюда чего-либо, крайне затруднителен. Сто раз уже было сказано! Вывозить битый хлам отсюда никто не будет. Вещь сначала поднимают из воды, отмывают, собирают на месте полностью, до рабочего состояния. Предварительно проверяют, всё ли присутствует, и только потом тащат отсюда на Большую Землю. А всё! Всё, что не пошло в дело, что не может быть разобрано на запасные части, на ремкомплект, на повторное использование, всё сбрасывается обратно в воду, чтоб не привлекать к этому месту лишнего внимания ящеров.

И подобная практика тянется уже, Бог знает, с каких времён. Чуть ли не с самого начала появления в этих краях имперских магов. И большинство таких свалок по этому болоту у меня помечено. Теперь понятно?!

Ну, так как? Будем меня слушать и смотреть карту, или вы сами по себе, такие умные?

— Колян! Васька! — не отвечая, в полный голос заорала Галка.

Увидав, что готовый уже к погружению под воду Колька заметил её махи рукой, ещё яростнее замахала, подзывая обратно. Дождавшись, когда недовольные Колька с Васькой и сидящая на носу надувной лодки сердитой Синькой, подплывут ближе к берегу, сердито бросила всем троим.

— Вы парни явно торопитесь.

— Я не парень, — возмутилась Синька.

— Заткнись, малявка, — осадила маленькую взбешённая Галка. — И в разговор старших не встревай. Иначе, живо розог у меня отведаешь.

— Помолчи, Синька, — сочувственно покосился на малявку Васька. — Ну? — повернулся он к Галке. — Что такого интересного этот дятел рассказал в этот раз, что ты прям сама не своя?

— «Приятная» весть, как и всё здесь вокруг, — мрачно пошутила Галка.

— За дятла, ответишь, — донёсся из-за её спины насмешливый голос кузнеца.

Покосившись на него, Васька промолчал. Слишком довольный вид того недвусмысленно намекал на то что у них очередные неприятности.

— Вы знали, что они отсюда не всё вывозят, что нашли.

— Нет. А что, надо было?

— Надо. Они из нескольких машин собирают здесь одну, более-менее рабочую, и только её по зимнику вывозят.

— А что, толково, — одобрительно проговорил Васька.

— А раскуроченные останки сбрасывают обратно в воду, предварительно вытащив из них всё ценное, что можно продать, — перебила его Галка. — И за пятьсот золотых мы можем вытащить один голый остов, который восстановлению не подлежит. Но за который придётся заплатить пять сотен.

— Блин, — сквозь зубы тихо выругался Колька. — Там же под водой такая муть что ни хрена толком не разберёшь. Во, попали…

— А на практике, из скольких машин можно собрать одну? — повернулся Васька к невозмутимо стоящему рядом кузнецу.

— В среднем, из четырёх одна, — тут же невозмутимо уточнил тот. — Реально — шесть, семь, в зависимости от состоянии. А у вас — пятьсот золотых за любой поднятый на поверхность хлам.

— Две тыщи штука?! — ахнул Колька. — С ума сошли! Да у нас столько денег нет, сколько они нам стоить будут.

— Вот и я говорю, — поддакнул кузнец. — Сегодня ещё понyряете в своё удовольствие, а вечером можно и по домам начинать собираться. Нечего вам тут делать. Это опасно. Да и след за нами от вашего обоза явственный тянулся. Как бы по нему ящеры к нам не наведались.

— Ты наше время не считай, — огрызнулся Васька. — Тебе платят за твою работу, вот и работай!

— Я свою работу сделал, — невозмутимо отбрил кузнец. — Мне здесь вообще больше делать нечего. Я вообще могу….

— Стоп-стоп-стоп, — остановил разбушевавшегося кузнеца Колян. — Ты, Галочка ещё что-то имеешь нам сказать?

— Кроме того, что большинство таких свалок, оказывается, обозначены у Мыколы на его карте, боле ничего.

— Ну что ж, — равнодушно почесал Колька затылок. — Что и следовало ожидать, когда с такими дятлами связываешься. Что, впрочем не отменяет того за чем мы сюда пришли.

— Ну что, Галка, мы пошли нырять дальше? Ты, как? — повернулся Васька к мрачной Галочке, не обращая больше внимания на кузнеца. — Вы с нами, или этого дятла дальше слушать будете?

— Что ты предлагаешь?

— То, что с самого начала и собирались делать. Нырять и доставать из болота всё, что нам нужно. Но по возможности будем теперь более внимательно смотреть, в каком оно состоянии, ещё там, под водой.

— А картой своей пусть подотрётся. Раз они так себя с нами ведут, то пошли они все лесом.

И подъём мы пожалуй начнём с того неподъёмного, что нас

всех вчера так впечатлило. Тем более что это практически рядом с берегом. С этих больших, кажется немецких машин. Проверим что это такое. Такую тяжесть наверняка никто даже не трогал. Вот с неё и начнём.

Ну, вы как?

Переглянувшись с мужем, Галка согласно кивнула головой.

— Идёт. Мы с вами, — хрипло согласилась она. — Говори, что делать надо.

— Ну-ну, — донеслось со стороны кузнеца. — Пробуйте. И не такие как вы зубы пообломали. Это вам не Галкины бронемашины из торфа подымать. Там в каждой под пару десятков тонн веса будет. Пробуйте. И как сказал шкет Васька, флаг вам в руки и барабан на шею.

— Растёшь в его глазах, — одобрительно хлопнул Ваську по плечу Колян. — Теперь тебе от него персональное обращение будет — шкет.

Покосившись на друга, Васька раздражённо смахнул руку с плеча.

— Я перегоню лодку ближе к берегу. А ты ставь остальные баллоны на зарядку. Всё, развлечения кончились, работаем.

Вечером состоялась разборка сделанного за день. И первым делом все друг с другом чуть было не переругались.

— Васечка, — Андрюха Буян с сожалением в который раз развёл руками. — Не знаю, на что ты рассчитываешь и о чем ты думаешь, но достать этих монстров со дна — невозможно. Хотя да, признаю, оно того стоит. Во-первых, их явно там на дне никто до нас не трогал. А во-вторых, это уже практически готовые десятитонные бензовозы для нас. Да ещё и с каким-то битумом внутри. В общем — прекрасной сохранности.

Но там же даже не одна тонна веса, и не две! — в ужасе схватился Андрюха за голову. — Там десятки тонн. Ржавка не солгал, нам такое не вытянуть.

— Даже лебёдкой?

— Даже соплями, — взорвалась Галка, до того молча слушавшая перепалку друзей. — Вы чего полегче присмотреть не могли? Броневиков, типа моих? Они же тут, где-то рядом. Или какой-нибудь нужный нам студебеккер? О котором этот наш проводник целую неделю мне в ухо дудел дятлом.

Вот это нам по силам. У нас же всего десять бесплатных машин, а вы за таких монстров схватились.

— А чё тебе не нравится? Зато в прекрасной сохранности. Сам видел.

— Совсем больной? Я таких здоровых машин в жизни не видела, а вы с Коляном в них словно клещами вцепились. Как вы

их вытаскивать будете?

— Легко. Сказал же, лебёдкой.

— Како-о-о-й лебё-ё-ёдкой!? Идиот! Где ты её у нас ви-и-идел? У нас два ворота всего, и на тех пупок развяжется такую дуру вытащить из болота.

— А кто сказал, что у нас? Попросим у друзей, дадут.

— Ну-ка, ну-ка, — насторожилась Галка. — А поподробнее? У каких друзей?

— Вечер уже, — тяжело вздохнул Васька. — Завтра, Галочка, всё завтра. Как солнышко встанет, так и решать будем.

— Вот значит зачем, ты голубя сегодня днём выпустил, — задумчиво констатировала глядя на него Галка. — Значит, завтра? — понятливо хмыкнула она. — Ладно. Будем посмотреть.

Завтра в полдень случилось то, за что кузнец чуть было там же на месте не набил Ваське морду. С утра тот натаскал к отрядному костровищу большую охапку сырой травы, и, запалив большой костёр, не думая о последствиях, бросил траву туда. Поднявшийся высоко в небо столб густого белого дыма чётко указал место, где они сейчас находились. Идиот!

Впрочем, бить морду этому шкету было поздно. Всё что можно было сделать плохого — тот уже сделал. Место, где они встали лагерем — выдал.

— И что мне с тобой делать теперь? — обречённо спросил Ржавка у невозмутимо стоявшего рядом с затоптанным костровищем стервеца. — Убивать — поздно. Но ты хоть понимаешь, что своим сигнальным столбом ты нас всех здесь выдал? Если ещё вчера можно было отсюда спокойно уйти, даже с добычей, то теперь уже не получится. Все окрестные племена ящеров знают, где мы здесь на этих возвышенностях сидим. И покою теперь нам не будет. Нам? — задумчиво хмыкнул кузнец. — Вам, сударь! Вам!

— А пулемёт на что?

— Дурак ты Васька, — обречённо сплюнул на землю кузнец. — Такой же дурак, как и дружок твой, Колька. Захотелось в войнушку поиграть, пар из задницы не вышел ещё, так предупредили бы сразу. Я б тогда с вами сюда вообще не пошёл, с самоубийцами.

А теперь не знаю, что и делать? — в полной растерянности развёл он руками, не зная, как и реагировать на столь вопиющую глупость.

— Чего тут знать, — равнодушно отозвался Васька. — Утро вечера мудренее. Завтра с утра начнём подготовку к вытаскиванию монстров. А если ящеры набегут — мы их пулемётом покрошим. Вроде помешать не должны.

— Был всю жизнь дураком, дураком и помрёшь. Дать бы тебе по шее, — обречённо проговорил кузнец. — Да вырос уже, поздно. Таких дураков, не учить, таких убивать надо, сразу, ещё в колыбели. Чтоб умных вслед за собой в могилу потом не тянули.

В общем, так парни, — обвёл он всё собравшееся возле костра руководство поискового отряда угрюмым, злым взглядом. — И девчата, — остановил он взгляд на Галке и пристроившейся рядом с ней притихшей Синьке. — Вот вам моё окончательное и бесповоротное решение. Всё, игрища кончились. Здесь вам не место. Здесь не ваши озёра, где вы творите всё что пожелаете. Здесь земли пограничные, к равнинным племенам людоедов близкие. Здесь ваша безалаберность не пройдёт.

— Ой, ли?

— Не собираюсь, Васька, с тобой спорить. Завтра к вечеру здесь будут сотни людоедов, и нам отсюда уже будет не выбраться. Оставаться навеки под этими мхами из-за одного сопляка, я не намерен. Поэтому утром собираемся и уходим. И будем считать, что на этом наши отношения кончились.

— А как же десять халявных машин? — хмуро полюбопытствовала Галка.

— Не свезло тебе Галочка, — криво усмехнулся кузнец. — Нет, у тебя времени их добыть, завтра рано утром уходим отсюда.

— Мы остаёмся, — холодно улыбнулась Галина. — А ты можешь идти, куда угодно. Хоть направо, хоть налево, хоть вообще на…й. Никто тебя не держит.

— Так значит, — задумался кузнец. — Хорошо. Так и решим. Утром я ухожу, а вы оставайтесь. Может быть вы и правы, людоедам тоже кушать надо. Пищевая цепочка не должна прерываться.

На что хоть надеетесь? На пулемёт свой? Напрасно. У пулемёта вашего пули быстро кончатся, а достать вам их здесь неоткуда. На мишку своего клэшэногого? Так в своих землях ящеры их подчистую вывели, так что средства борьбы с ними у них есть. Советую вам поберечь его шкуру, но, не настаиваю. Дураков учить — только портить.

Если утром кто со мной соберётся — гнать не буду, — бросил он напоследок, резко подымаясь с бревна, что во множестве валялись возле костра.

Ещё раз, бросив хмурый взгляд на собравшуюся у костра компанию, обречённо махнул рукой и молча скрылся в своей палатке.

— Та-а-ак, — спустя какое-то время Галка первой нарушила воцарившееся у костра тягостное молчание. — Тебе, Васечка, придётся многое нам объяснить,

— Давай, завтра. Устал как собака, — виновато улыбнулся Васька. — Ей, Богу, полдень уже, время уходит, а мы за всё утро так ничего и не сделали. Даже не поныряли лишний раз. Только с дятлом этим ругались. А завтра я вам всё объясню. Предметно.

— Хорошо, — холодно отозвалась Галка. — Утром поговорим. А сейчас иди, ныряй. Глядишь чего нужного и надыбаешь.

Утро началось не самым лучшим образом. Яркое солнце, чистое голубое небо и громыхание быстро приближающейся откуда-то с запада грозы.

— А вот и белое облачко грозовое на горизонте чернеется. К дождю, видать.

Мрачный Мыкола Ржавка стоял на берегу болота, возле кромки воды и, приставив руку козырьком ко лбу смотрел в сторону, откуда до них доносилось погромыхивание медленно приближающейся грозы.

— Ветер дует в ту сторону, а гроза идёт прямо сюда к нам, против ветра. Странно.

— Наверное, вверху ветры дуют в другую сторону. Так бывает.

Стоящий рядом с кузнецом Андрюха Буян, также как и кузнец, застыв на берегу болота и приставив ладонь ко лбу, наблюдал за приближающейся грозой.

— Странная какая-то грозовая туча, — флегматично констатировал он. — А может это и не туча? Какая-то она больно уж маленькая.

Достав из боковой кожаной кобуры небольшой аккуратный бинокль, приставил его к глазам и принялся внимательно разглядывать тучи на горизонте.

— Зато гром большой, — сердито глянул на увлечённо что-то разглядывающего Андрюху кузнец. — Ну и куда теперь мне переться? — раздражённо поинтересовался он у пустого пространства вокруг. — Хуже нет, чем тащиться куда-либо по болоту в дождь. Пережду грозу в лагере, — обречённо пробормотал он. — Не прогоните? — мрачно покосился он на стоящего рядом молчаливого парня. — А то я свою палатку уже собрал, неохота снова разворачиваться.

— Ты же вроде как торопился только что?

— Летом долгих гроз не бывает, а мокрым идти потом по болоту не здорово. Пережду в твоей палатке. Чай за лишний час ничего не случится.

— Да пережди, — Андрюха равнодушно пожал плечами, не отрываясь от бинокля. — Нас всё равно до вечера никого не будет. Дождь не дождь, — повеселев непонятно с чего, проворчал

он, — а Галка всех в воду погнала, готовить первый подъём.

Вот же упёртая у меня жена, — с проскочившими в голосе едва заметными тёплыми нотками одобрительно констатировал он. — Пока свою десятку из болота не вытащит, не успокоится.

— Так вы так и не сказали, — покосился на него Ржавка. — Раз собрались поднимать, то, как вывозить собираетесь?

— Тебе же сказали. Не твоё дело.

Оторвавшись от своего бинокля, Андрюха что-то необычно вдруг оживился.

— Тебе же Васька русским языком сказал, дядя. Не твоё это дело. Твоё — считать, сколько мы вытащим из болота твоего добра. Но ты иди. Иди, дядя. Не волнуйся. Больше оговоренного всё одно не утащим.

Нам просто больше не надо, — с какой-то непонятной рассеянностью в голосе пробормотал Андрюха себе под нос, снова приставляя окуляры бинокля к глазам.

Во, даёт, — тихо прошептал Андрюха. — Во, даёт!

— Кто даёт? Что?

— Тучка твоя грозовая, — с откровенной насмешкой скосил на него ехидный глаз Буян.

— Но ты, дядя, можешь спокойно собираться и отправляться к себе домой. Никакой грозы не будет. Наша палатка тебе без надобности.

Это не гроза, — снова поднёс он бинокль к глазам. — Это наш дирижабль, — с гордостью констатировал Андрюха. — Точнее — компанейский, но парни там точно наши.

— Какой такой дирижабль? — растерялся кузнец.

От неожиданного заявления Андрюхи, Мыкола Ржавка совершенно растерялся. Что-то вокруг творилось непонятное. И это ему страшно не нравилось. И больше всего не нравилось непонятное спокойствие всего поискового отряда сегодня утром.

Признаться, такого он не ожидал. С ящерами на границе не шутили. И если проводник говорил своему поисковому отряду что надо бежать, его тут же слушались.

Этот же странный молодняк, словно не желал ничего слышать.

Потому ему и пришлось с утра собираться одному, что, признаться, крайне угнетало кузнеца.

Происходящее вокруг этого похода всё больше и больше казалось ему странным. Странным и непонятным. А возвращаться домой одному, оставляя за спиной какие-то непонятки, было не в его натуре. Только поэтому он сегодня утром и задержался, пытаясь уловить хоть какую-то зацепку в объяснении происходящего кругом.

И ещё. Важно. Он не мог вернуться один. Иначе в другой раз никто с ним никуда не пойдёт. Никаким его словам, никаким объяснениям никто в городе не поверит, если он сейчас вернётся один, оставив молодняк на болоте. И тем более не поверят правде, что молодняк сам отказался его слушать. Потому что это немыслимо, чтобы на границе не послушали проводника. Это было немыслимо. До этого дня.

Проще было сейчас сдохнуть вместе с ними, чем потом всю жизнь пытаться что-то людям объяснить.

— Так какой такой дирижабль? — снова потеребил он Андрюху, не дождавшись ответа.

— Ты собрался домой? — повернулся тот к нему. — Вот и вали. Чего ты ещё здесь? Иди, дядя! Иди домой!

— Пожалуй, мне стоит подождать.

Не отвечая больше на подначки, кузнец отвернулся, мрачно наблюдая за всё растущим на горизонте облачком. И уже через пару часов, которые он на берегу пустынного болота так мрачно и простоял, Мыкола Ржавка наконец-то получил объяснения всему странному, здесь происходящему.

Закрывая полнеба, над его головой, мрачной грозовой тучей нависала раскрашенная в тускло голубые в белых разводах туша огромного дирижабля, оказавшегося самым обычным и хорошо знакомым управляемым аэростатом.

Настроение было омерзительнейшее. Не сообразить что дирижабль — простой воздушный шар с мотором и пропеллером, мог только идиот.

Каким же дураком он себя выставил.

На миг бы задуматься над причинами столь странно наглого поведения Васятки, а не отмахиваться сразу от его непонятного поведения, больше проку было бы. Вот он натурально и обделался.

Следующее утро началось, как вчера. Никто с Мыколой не ругался, отношений не выяснял, для всех в лагере его как бы не стало. Он стал изгоем.

Мыкола Ржавка готов был в который раз матерно обругать самого себя. Теперь ему стало понятно, как этот молодняк собирался вывозить отсюда свою добычу. И оснований дальше задерживаться на болоте у него не было ни малейших. Тем более что и находиться в откровенно враждебной стае подростков с парой недалеко от них ушедших более-менее взрослых парней и девчонок, ему было невместно.

Ну а подсчитать количество вынутых из болота ржавых остовов машин вполне могли и без него. Причин не доверять парням, несмотря на все их разногласия, не было. Тем более что здесь неожиданно оказался и старый хороший его знакомый Корней, в честности которого у кузнеца не было ни малейших причин сомневаться.

Мыкола Ржавка стоял под днищем нависавшего над ним чудовищно огромного дирижабля, и, задрав вверх голову, внимательно рассматривал подвешенную снизу гондолу, откуда по верёвочной лестнице быстро спускался его старый друг.

— Здорово, Колян! — весело поздоровался тот, спрыгнув с последних несколько ступеней на землю.

— И тебе доброго утра, старый вояка. Ответь мне, почему я не удивляюсь именно твоему здесь появлению, — флегматично проворчал кузнец. — Потому, наверное, что ты у них в каждой бочке затычка. И без тебя ни одно дело не обходится.

От, я дурак. Мог бы и сразу, ещё по броневику, догадаться, что вы своих парней одних на границе не оставите, и где-нибудь по соседству непременно ты замаячишь.

Почему по соседству, — ехидно ухмыльнулся Корней. — Прямо у тебя над головой и замаячил.

Хлопнув Мыколу по подставленной им ладони, Корней внимательно оглядел разворошенный муравейник, бывший ещё вчерашним вечером вполне приличным и спокойным лагерем поисковиков.

— Чего это они так шустро забегали, как муравьи в развороченном муравейнике? — ухмыльнулся Корней. — Ящеров всех в округе я разогнал, так отчего такая суета? Или вы ещё не позавтракали? Никак с голодухи пробежки решили устроить?

— Первый подъём готовят, — флегматично отозвался

Мыкола. — Слышь, Корней, спросить хотел. Это не ты вчера гремел?

— Ну, я. Пробежался малька по окрестностям, прежде чем к острову подходить, и скажу тебе, что-то много у вас здесь вокруг болота живых ящеров оказалось. Вчера, ещё живых, — ухмыльнулся он.

Вот им на головы я гостинчики свои с неба и свалил, щедрой рукой.

Чтоб не беспокоили меня, пока я тут, — насмешливо глянул он прямо в глаза кузнецу. — Или ты против?

— А глянуть можно?

— Сверху то? Да нет проблем. Как соберусь в очередной раз на патрулирование, так обязательно тебя с собой захвачу. Посмотришь с высоты — лепота! Кстати, ты моих тут не видел?

— Ваську что ль?

— И Кольку.

— Ныряют. Вон, видишь большой резиновый плот в камышах? Это они.

— Далеко.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Корней долго всматривался в еле видимый отсюда буро-коричневый надувной плот, едва различимый на поверхности зеленовато-бурого торфяного болота.

— Неплохо замаскировались, — одобрительно признал он. — Если не знать, куда смотреть, сходу не разглядишь.

— Парни что-то говорили про лебёдку. Часом это не про тебя?

— Ну да, — отвернулся от него Корней, что-то вокруг высматривая.

— Чего головой вертишь?

— Думаю, куда якоря цеплять.

— За скалы. Тут останцев скальных полно, можно хорошо зацепиться.

Ты мне вот что скажи. А эта твоя дура, сколько она может груза поднять?

— Если ты про дирижабль, то сюда я захватил двадцать тонн бомб. Но наверняка можно было взять больше, просто больше не было.

— Ты хочешь сказать, что эта твоя дирижабля подымет двадцать тонн полезной нагрузки? Не верю.

— Вообще-то двадцать две. Но, подожди, будем вывозить с болот твоих монстров, сам увидишь. Что это хоть такое?

— А тебе что, пацаны твои, ничего не сказали?

— Откуда им знать, молоды ещё. А в голубином письме

много не напишешь. Я тебя спрашиваю. Ты ж у нас кузнец-механик.

— Судя по эмблеме, что откуда-то парни оторвали, какой-то Мерседес-Бенц.

— А поточнее?

— Поточнее будет, когда подымут. А тебе зачем?

— Судя по тому, как её Колька расписал, здорова больно. Боюсь, сразу наверх мне её будет не поднять.

— А на берег что, нельзя вытащишь?

— На берег вытащу. Лебёдка у нас мощная, дизельная. Главное покрепче заякорить, час, два и всё что надо — на берегу.

— Ну-ну, — нейтральным тоном хмыкнул кузнец. — Я у вас после твоего эффектного появления в небе уже ничему не удивляюсь. Может, и не врёшь.

А сейчас куда собрался?

— Да надо облететь ближайшие окрестности и ещё разок отбомбиться. Чтоб и близко к лагерю ящеры не подходили. Какие-то они у вас тут наглые, не пуганные, — с невозмутимым видом Корней покосился на Ржавку. — У меня на озёрах, ещё только в небе первый раз заметили, и то уже все по щелям попрятались. Знают, что от нас ничего хорошего ждать не стоит. А у вас тут, прям полное благолепие. Курорт.

— Были б у нас такие аппараты как твой, у нас бы тоже ящеры по кустам прятались.

— В чём проблема? Заказывай, — ощерился белозубой улыбкой Корней. — Поставлю первым в очередь, по блату. Аппарат — зверь. Причём это уже не первый, а второй — ДЖ-2, дирижабель другий. Первый, ДЖ-1, тот раза в два поменьше будет, а этот мы сразу увеличили вдвое, чтоб нагрузки полезной брал побольше.

Двести сорок метров длины, тридцать три высоты. Объём около ста десяти кубометров. Длина гондолы — сорок метров. Хоть пляски устраивай, всем места хватит. Свободно можно разместить человек семьдесят. А если с комфортом, то всего сорок.

Движители — два мотора «Майбах» мощностью 300 лошадиных сил каждый, бензиновые. Скорость до восьмидесяти вёрст в час. И гарантированные двадцать две тонны полезной нагрузки.

И за всё удовольствие, всего на всего, два с половиной мильёнчика. Правда, не серебром, золотом.

Заметив недовольную гримасу кузнеца, понимающе ухмыльнулся.

Я же не предлагаю тебе лично платить. Пусть твои гильдии

заплатят. Скиньтесь и купите. Но, если два с половиной много, возьмите за полтора, ДЖ-1. Но, тот вдвое меньше. Длиной всего сто пять метров, диаметром баллона — метров двадцать. Объём — около двадцати тысяч кубов

Но соответственно и берёт всего восемь тонн полезной нагрузки, и гондола у того, первого, сильно поменьше будет. Хотя, размер гондолы — не главное, его можно и увеличить. Зато скорость больше, где-то под сотню выжимает, видать за счёт меньшего веса и меньшей парусности. Движки то у них одинаковые, Майбахи трёхсот сильные, танковые, бензиновые. Что тоже неплохо, поскольку с солярой то у нас здесь пока напряжёнка, а бензин свободно можно купить у баронов с перевала. Плохонький, правда, вроде того что делал когда-то Голова, но зато хоть завтра бери сколько угодно.

Ну, так как, заказываешь? Представляешь, сколько бомб можно одним разом взять. Все деревни ящеров на границе уничтожите.

— А потом?

— А потом — суп с котом. Потом и думать будете. Но уж точно они к вам больше не полезут. Вот у нас…

— Знаю я как у вас, — с кривой усмешкой перебил его Мыкола. — Помню, как весной на городском Совете ты верещал, словно резанный, просил подмоги?

— Чё ж не дали!? — удивительно равнодушно поинтересовался Корней, глядя прямо ему в глаза. — Нет, даже интересно, почему не помогли? Скажи. Только честно. Почему вы в Совете мне ни одного человека не дали? Ведь я знаю, были охотники нам помочь, были. И немало людей было. Почему не позволили никому нам помочь?

— А ты бы позволил? После того как тебя самого попросили об одолжении, а ты послал.

Просили же вас, русским языкам. Дайте людям ловы на озёрах. Нет! Амазонки у них, видите ли, там работают. Это, мол, их доля.

— А амазонок куда? Побоку? — с искренним любопытством смотрел на него Корней. — Озёра не резиновые, туда всех желающих не всунешь, при всём их горячем желании. Да и ресурс у озёр невелик. Это сейчас там рыбы полно, пока мы жёстко регулируем вылов. А с вашими аппетитами, сколько вы в низовья рыбы гоните со своих клановых ловов, за год все озёра можно обловить. А что потом?

— Амазонок — на хрен, на историческую родину, — жёстко отрезал Мыкола. — Тем более что за них постоянно наш Совет ругает руководство их республики, требуют скорейшего возврата.

Словно мы их тут насильно в цепях держим.

— Ну да, здесь им лучше, чем там, — ухмыльнулся Корней. — И домой они совершенно не собираются.

Или что? — покосился он на него. — Грязную работу сделали, ящеров с озёр турнули, а теперь и их самих можно следом турнуть? Не-е, такое дело не пойдет.

Вот потому-то вам никому и не позволили помочь, — невозмутимо отозвался Мыкола. — Что в первую очередь о чужих интересах думаете, а не о товарищах.

Отвернувшись, он снова принялся что-то внимательно рассматривать на днище дирижабля.

— Вот потому-то и мы обходимся своими силами, а таких как вы на х… посылаем, — невозмутимо отозвался Корней, равнодушно покосившись на него. — Не можешь жить с людьми по-доброму, не удивляйся такого же к себе отношения.

Да что ты там так внимательно рассматриваешь? — наконец не выдержал он.

— Да вот, смотрю, собрано у вас всё там, на живую нитку, — ухмыльнулся злорадно кузнец. — Как всё ещё держится — не понятно. На верёвочках, что ль? Ни хрена себе! Что, очень торопился?

— Не боись, не рассыплется. А рассыплется, снова соберём. Это экспериментальный образец. Лишь бы летало. И ведь летает же. И как летает! — с неприкрытой гордостью проговорил он. — А что торопился…. А ты б не торопился, — раздражённо огрызнулся Корней. — Всю зиму засеки строил-строил, а пришла весна, ящеры как вода сквозь решето сквозь мои засеки просочились. Зато теперь…, — окинул он свой дирижабль влюблённым взглядом. — Теперь от меня ни одна тварь не уйдёт. Сверху всё как на ладони видать. А бомб у меня теперь полно. Профессор наделал. Вот, испытываю у вас здесь, на ящерах, и к себе на озёра вернусь.

— Кстати, о бомбах, — нейтральным тоном отозвался кузнец. — В кузовах обнаруженных на дне машин полно гнилых патронов. Что делать с ними собираетесь? Поднимать будете или там, под водой бросите? Может, продадите? Я б купил, если в цене сойдёмся. Да и труд вам из воды поднять невелик.

— Это не ко мне, — с понимающей ухмылкой покосился на него Корней. — Это ты с Васькой поговори. Или, с Галочкой. Или с Колькой. Это их добыча. Как я понимаю, бесплатная, — ещё шире ухмыльнулся он, заметив, как поморщился кузнец.

— Говорил. Галка сказала, что сама в таких вопросах ничего не решает, и послала, к Ваське. Васька к Андрюхе. Андрюха к Кольке. А Колька уже отослал к вашей баронессе. Сказал,

справиться у неё. Одним словом, не хотят со мной разговаривать.

— Что ж вы так, — наконец не выдержав, открыто заржал Корней. — Крутили, крутили, а о том, что в кузовах доставшихся Галке десяти халявных грузовиков может быть что-то интересное — не подумали. Как же так?

— Кто ж знал. Раньше ничего подобного здесь не встречалось. Вот и не предусмотрели, — глухо отозвался кузнец.

— Ага! Не подумали, что в некоторых кузовах может оказаться ценный груз с патронами, и он бесплатно, то есть даром, достанется тому, кто эту машину поднял. Бывает. Так что, сильно продешевили вы парни. Если Васька не ошибся, а это вряд ли, то в каждом из тех найденных ими грузовиков, что они собираются скоро со дна подымать, по паре тонн патронов точно есть.

— Ну да. Слыхал! — нейтральным тоном отозвался кузнец. — Семь больших американских грузовиков, студебеккеры, кажись, полностью забитых ящиками с патронами. Ориентировочно, не менее четырнадцати тонн груза. Если патроны отстрелить, то это ж…, — запнулся он.

— Сколько-сколько там чистой латуни на выходе? — не сдержавшись, Корней уже откровенно ржал.

— Около трёх тонн, — нейтральным тоном отозвался кузнец.

— Три тонны драгоценной латуни! — в полный голос продолжал ржать Корней. — Ай-яй-яй, как же это вы так лопухнулись то?

— Хватит ржать, — поморщился Ржавка. — Никто на такие глубины, здесь до вас не нырял. А на мелководье такого не было.

Так что вы собрались с ними делать?

— Поднимем вместе с машиной и с собою заберём, — посерьёзнел сразу Корней. — Чтобы потом на заводе безопасно обезвредить, а латунь повторно использовать. Это ж, какие деньги!

А вот снаряды, если попадутся, трогать не будем. Опасно, вдруг какой рванёт. Клочков не останется.

Мы с Глебом перед моим отлётом сюда подобный вопрос специально проговаривали со всех сторон. Так вот. Нет у нас сейчас никакого желания возиться с гнилыми снарядами. Слишком опасно, да и нужды особой нет. Патроны, еще, куда ни шло. Поэтому, если придётся возиться со снарядами, всё найденное будем аккуратно топить там, где поглубже.

— Чего так?

— А чтоб гильзы латунные вам не достались, — без улыбки посмотрел на него Корней. — Халявы чтоб не было, сразу говорю.

— А если без халявы?

— Тогда надо серьёзно разговаривать. Не здесь, не сейчас, и не со мной.

Наклонившись поближе к лицу кузнеца, понизил голос.

Мыкола, поговори с Беллой Юрьевной. Мой тебе совет. Поговори с ней. Помирись.

Такие вопросы она решает. И поговори не так, как в деле с организацией совместного патронного производства. Вам всё — нам ничего.

Покосившись на него Ржавка промолчал.

— Она много хотела, — неожиданно проговорил он, отвернувшись. — Это неприемлемо. Она хотела досрочно вернуть учеников. А они нам нужны.

— Часть, — сухо отозвался Корней. — Всего лишь малую часть. И с вас бы ни убыло.

— И хотела свой патронный завод.

— И чего? Почему нет? Всё равно ведь будет. Только на полгода позже, но будет. Осенью вы учеников возвращаете так и так. Так зачем же было ссориться из-за пустяка?

— Полгода большой срок, — покосившись на него, невозмутимо буркнул кузнец.

— Если всё равно сидишь без дела — без разницы, что полгода, что год.

Ничего сверх самого необходимого она у вас не просила. А вы умудрились с ней поругаться. Добрейшей ведь души человек. Золото, а не женщина. А вы разругались вдрызг.

Теперь не только Сидор, но и она никого из вас видеть не желает. С чем тебя и поздравляю. Теперь ни меди, ни пороха, ни латуни вам для своего патронного производства от нас не видать. Работайте на привозном, по втридорога завышенной цене.

— Втридорога — это ещё хорошо было бы, — тоскливо буркнул кузнец. — Бароны на Басанроге опять цену собираются поднимать на весь цветмет и на свой порох. Теперь это уже в четыре раза дороже будет, чем даже в Юго-Восточном Приморье покупать и везти чёрт знает откуда, через этот ваш Тупик. Совсем не стало смысла работать.

— Займись контрабандой, — посоветовал с ухмылкой Корней. — Тебе, главное, надо только к Гуано, на той стороне гор со своим товаром к нам прорваться, а дальше уже наши законы действуют.

— Чтобы прорваться к твоему Гуано, нужно сначала пройти баронские кордоны. Таможни единой нет, зато полно всякого рода баронских препон вдруг появилось. И чтоб их все пройти, нужно не золото, а патроны. Одной честной сталью уже не обойдёшься. И большой сильный отряд, — мрачно буркнул

кузнец. — Опять всё возвращается на круги своя. Где взять медь?

— Согласись на условия Беллы и у тебя будет полно не только меди, но и латуни, как впрочем и всего остального, — подчеркнул Корней.

— И отдать учеников? А с кем тогда остаться? — мрачно буркнул кузнец. — Опять двадцать пять. Нет.

— Тогда и пороха нет, и меди нет, и ничего нет, — Корней равнодушно пожал плечами. — А учеников всё равно придётся скоро вернуть. Осталось всего несколько месяцев — это не срок.

— Ты не понимаешь, — горестно вздохнул Мыкола. — Дело не в сроках и не в учениках. Дело в монополии. Пока всё производство боеприпасов сосредоточено только в наших руках — мы можем диктовать и Совету, и любому другому купцу любую цену, которая покроет все наши издержки. А издержки у нас ты сам знаешь, о-го-го какие.

Так что, как только появится сторонний независимый производитель, городской Совет нас тут же прижмёт и заставит снизить цены, вплоть до убыточных. И обоснует это — необходимостью обороны города. Ну и на фига нам такое счастье?

А что с Сидором вашим, что с его женой, этой вашей баронессой, договориться, полюбовно не получится. Люди они совсем неуправляемые. И Машка твоя последнее время под стать им стала. Никто не знает чего от вас можно ожидать. Потому и на договор с вами не идут, — мрачно буркнул он. — Так свяжешься с вами, как вон Куница недавно связался, так потом всё на свете проклянёшь.

Ходят слухи, что вы его буквально раздели, — бросил он косой взгляд на невозмутимого Корнея. — И мастеров его корабелов чуть ли не силой на верфях своих держали, заставляя в три смены работать.

— Врут, — равнодушно зевнул Корней. — Всё врут. А мастера сами подрядились на дополнительные заработки, деньгу заколачивали. Так что, все всё врут, а ты чужие враки разносишь. Нехорошо это. А с нами можно легко договориться. Главное, было бы желание.

Ну, так как? Может, насчёт учеников передумаете?

— Даже не заикайся, — мрачно буркнул кузнец. — И вообще, этот вопрос не ко мне. Такими делами у нас мастер Дутов занимается, Святослав Игоревич. Так что, все вопросы к нему.

Эх, — потянулся он, разминая мышцы. — Что-то заболтался я тут с тобой. Так всё-таки, может, что присоветуешь?

— Насчёт груза в машинах? — переспросил Корней.

— Ну да.

— Всё то же. Поговори с Васькой. Он здесь единственный кто может принять хоть какое-то решение. Не гляди, что молод. Это его епархия.

А ко мне больше не подкатывай. Я в их дела не лезу.

Или с Галькой ещё раз попробуй потолковать, — вдруг издевательски ухмыльнулся Корней. — Это же её десять машин вы собирались тащить из болота.

Предложишь ребятам что интересное, глядишь, и договоритесь. Может, и пойдут они с тобой на мировую.

— Такие дела не я один решаю.

— Один, не один, ты главное реши, что тебе надо. Нужна латунь из болот, или нет. А то, гляди, как бы поздно не было. Того и гляди ребята в Приморье своё рванут, плюнув на всё. Колька совсем извёлся. Не успеешь решить, с носом останешься.

Покосившись задумчиво на Корнея, помолчав, кузнец наконец-то пробормотал, придя к какому-то решению:

— Ты прав. А слетаю ка я, пожалуй, с тобой в город. Вот когда вернусь, тогда и поговорим. Ты, кстати, когда домой?

— Сегодня вечером, — пожал тот плечами. — Отбомблюсь по округе, для порядка, лебёдку ребятам оставлю, и можно лететь обратно. Я им здесь пока не нужен.

— Ну а ты, если собрался со мной лететь, иди вещички собирай, — повернулся он к кузнецу. — Сюда сегодня я уже не вернусь. И если хочешь завтра же быть обратно, поторопись. Через час мы вылетаем. С тобой или без тебя.

Arriwel блудного кузнеца.

Торчащий из-под капота грузовика туго обтянутый грязными плотными штанами зад при всём желании нельзя было спутать с мужским. Изящество обводов прямо таки кричало о половой принадлежности копающегося в моторе субъекта.

Ржавка еле сдержался, чтобы с ба-а-альшим удовольствием не провести ласково ладошкой по туго обтянутой материей симпатичной заднице. Да, нельзя было. Могли не так понять. Точнее, не могли, а всё бы правильно поняли, и у него мгновенно образовалась бы немаленькая куча проблем, мало совместимых со спокойной, а главное со здоровой и долгой жизнью. С железными кулаками Андрюхи Буяна, а главное с тем как тот быстро расправлялся с обидчиками своей жены, Мыкола Ржавка хорошо был знаком. Как с первого взгляда разобрался, чей это изящный задок торчит из-под грязного, облепленного кусками мокрого мха и торфа ржавого капота.

— Здравствуй, Галочка.

— И тебе не хворать, пропащий ты наш. Как слетал? Обещался вроде на другой день быть, и уже который день как нет тебя.

— Я вся прям, истомилась, — с издевательски презрительной хрипотцой в голосе сексуальным голосом проворковала она.

Ржавку явственно передёрнуло.

Высунувшись из нутра машины, Галка с довольным видом подобрала лежащую рядом грязную тряпку ветоши и с преувеличенно старательным видом принялась тщательно вытирать грязные руки от машинного масла. Вся она буквально светилась от удовольствия, словно хвастаясь тем, чем сейчас была занята.

Определённо, как только в её руки попало что-то действительно стоящее, бабёнка буквально расцветала. И куда-то сразу пропадала вечная её хмурость и недовольство.

— Ну, как съездил, рассказывай.

— Вижу, всё же вы послушались меня, — хмыкнул кузнец, глядя на стоящую перед ним машину. — Сразу смотрите, что надо подняли со дна, а что нет. Монстра взяли.

— И отличного качества к тому ж. Целёхонький, — с гордым видом согласилась с ним Галка. — Только вот времени вытащить его много занимает. Сутки с первым ковырялись, — слегка помрачнев, всё ж улыбнулась ему Галка. — Да и с остальными не легче. Задал ты нам задачку, Мыкола. Теперь, пока со всех сторон находку на дне не обмацаем, не подымаем.

Как тебе? А?! Работаем! — гордо указала она на стоящие рядом с первым ещё два точно таких же больших, даже на вид мощных немецких бензовоза.

— Немецкие, — гордо проговорила Галка. — Три штуки. На десять тонн грузоподъёмности каждый, если верить тому, что глаза видят. Мерседес-Бенц, как ты и говорил. Ста десяти сильный мотор и десять тонн перевозимого груза. Практически новенький, словно только вчера в болото попал. Мечта идиота! — весело, не сдерживаясь расхохоталась она.

Нам бы ещё парочку таких со дна поднять, чтоб было ровно пять штук, тонн на пятьдесят бензина, и можно больше ни о чём не думать. Сашка Белый, сынок Кура, говорил, что в таком состоянии он никогда ещё машин отсюда не видел. Две недели пошаманит над ними, подправит, подмажет, где надо подтянет, и можно будет смело хоть в Приморье отправляться, хоть куда.

Представляешь! Две недели! И всё это кончится, — Галка, не скрывая своей радости, обвела рукой вокруг. — Как оно всё мне надоело, — покачала Галка головой, — ты, Мыкола, даже не

представляешь.

— Не понял. А патроны что, так и не подымали? Так в воде и бросили?

— А на фига? Они ж гнилые, — безразлично пожала Галка плечами. — Да и мы пока ещё окончательно не решили, надо ли нам это, или стоит остановиться только на бензовозах. Там под водой пока есть из чего выбрать.

Больно у них моторы мощные, — с нескрываемой любовью, Галка нежно провела измазанной в масле ручкой по откинутой вверх боковой крышке капота. — И состояние просто идеальное. Ста десяти сильные дизеля, вся ходовая целая и цистерна, как правило чем-то обязательно залита. Бензин или солярка. Внутри — всё как новенькое, да и снаружи — ничего.

Я сама маркировку на моторах видела. Даже сначала глазам не поверила. А потом сам Фома Аквинский подтвердил, — с непередаваемо гордым видом проговорила Галка. — Он в этих делах дока. Специально к нам сюда прилетал смотреть, что мы тут со дна достали. Времени своего не пожалел, лишь бы точно удостовериться. Он и сказал, что за монстров мы вытащили.

— Ну? — хриплым, давшим лёгкого петуха голосом, невольно проскрипел Ржавка.

— Баранки гну, — довольно ухмыльнулась Галка. — Мерседес-Бенц L10000. Мощность мотора сто десять лошадиных сил, груза берёт десять тонн. Мечта! Ничего другого нам и не надо.

Жаль только мало. Всего пять штук пока нашли. Три подняли, два на дне осталось. Может где и ещё есть, да нас время поджимает. Решили пока ограничиться тем, что уже нашли. Завтра остаток подымем, проверим и уже всё разом домой поволокём.

Потом мне с Васькой надо будет ещё пяток студебеккеров на запчасти поднять, чтоб запас был, и шабаш. Хватит. Ты был прав. Тут много всего интересного найти можно. Тут лет на десять таскать, не перетаскать. Жаль только времени у нас больше на развлечения нет.

— А гильзы? — Мыкола довольно невежливо перебил восторженные вопли Галки.

— Достал уже. Что гильзы? Нам-то они на фига? — раздражённо проворчала Галка. — Ты чё, мужик, забыл? Нам машины нужны, чтобы в Приморье съездить, а не латунь твоя ненаглядная.

У нас любовное приключение, а не коммерческое предприятие. Это только Кур, мерзавец, к нам со своими машинами на шею навязался. А сами то мы торговать по трассе

не собирались. Ну-у-у, пока, по крайней мере.

— А чего?

— Что, чего? — вдруг растерялась Галка.

Совсем невинный вопрос кузнеца неожиданно сбил её с враждебного настроя, и она не знала, что сразу ответить.

— Чего ж вы так, — ухмыльнулся кузнец, почувствовав, что зацепил Галку. — Вроде сама собиралась поторговать в Приморье, а тут взяла и сама же отказываешься. Аль вам денежка не нужна? Кур рядом с вами торговать будет, а вы значит, нет? Странно это.

— Да не думала как-то. Не до того как-то было, — несколько замедленно отозвалась Галка, растеряно уставившись на Ржавку. — А ты что, что-то стоящее предложить готов? Что-то рожа твоя буквально цветом маковым расцвела. Значит, точно что-то задумал.

Выкладывай.

Бросив на мотор под капотом грязную ветошь, Галка пристроилась на край радиатора и, судя по заинтересованному взгляду, собралась внимательно слушать.

— Ну? — поторопила она кузнеца.

— А Ваську с Колькой ваших не подождём? — ухмыльнулся тот.

— Народ в поле, нечего отвлекать, — отрезала Галка. — Будет поздно вечером, когда под водой уже ни хрена не увидишь. Или ты что, думаешь ради такого болтуна как ты, они всё бросят и как собачки к тебе подбегут. Чаз-з-з! У людей дел своих полно и световой день дорог. Поднять целую, в приличном состоянии машину со дна ой как не просто. Так что, придётся тебе до вечера подождать, — хмыкнула Галка. — У костра и расскажешь своё заманчивое предложение. А сейчас вкратце, выжимку. Чтоб до вечера было мне, о чём подумать.

— Вкратце, — внутренне возликовал Мыкола, понимая, что Галка теперь полностью у него в руках. — Вкратце, слушай.

Наше предложение такое. Как выбираете вашу халявную десятку, а потом — одна тонна поднятых со дна боеприпасов с латунными гильзами — нам, десять машин, по вашему выбору — вам. Без всякой платы. Баш на баш.

Обязательное условие — вся найденная латунь, во всех её видах — наша.

— Фи, — поморщилась Галка. — Неинтересно. Так с вами и до зимы тут проторчишь, поднимая со дна всякую дрянь. А нам надо на юг, к морю.

Так что твоё предложение не катит. Это я тебе и без всякого вечера скажу, сразу за всех. Чего-нибудь получше предложи. К примеру, денег заплатить за ныряние. Заплатишь, мы тебе за

оставшуюся пару недель, из-под воды чего-нибудь интересного достанем. К примеру, чёрта лысого. Так сказать, заработаем себе на карманные расходы. А потом — бывай, дядя.

Как тебе встречное предложение?

— Не пойдёт. Две недели нас никак не устроят. Что можно сделать за две недели? Ничего. А нам надо чтоб в итоге у нас вышло десять тонн чистой латуни.

— Сдурел! — ахнула Галка. — Это же, если только по патронам считать, не менее тридцати тонн боеприпасов надо из воды поднять. А где ты их тут столько найдёшь? Это значит, нырять и нырять. Не, Ржавка, лучше мы на солнышке, да на морском тёплом песочке погреемся, чем тут с тобой в холоднючей болотной воде будем талапаться. Да ещё за какие-то ненужные нам ржавые машины. Не-е, такое дело не пойдёт, сразу говорю.

— Это же, — замялась Галка, что-то в уме подсчитывая. — Это же…

Глаза Галки изумлённо распахнулись, в каком-то неприкрытом недоумении глядя на кузнеца.

— Мыкола, у тебя точно крыша съехала. Это же триста машин будет. Куда нам столько? Не-е-е, — растерянно покачала она головой. — Так дело не пойдёт. Нафиг, нафиг, дорогой товарищ. Нам такого не надо.

— Чтобы греться на морском бережку, на чистом морском песочке, надо туда ещё попасть сперва, — холодным деловым тоном оборвал Галку кузнец. — А ни через две, ни через три, ни через пять недель ничего готового к поездке на юг у вас не будет. Никто вам машины ваши не починит и на ход не поставит. Ни я, ни Кондрат, ни даже Кур Белый. Никто. Запрет кузнечных гильдий на работы с вами, до решения в положительном для нас ключе данного вопроса. Считай это ультиматумом.

Мастер Дутов, Станислав Игоревич сказал, что пока вы не подымите из воды потребные нам десять тонн чистой латуни, то есть, тридцать твоих гнилых тонн, никто вам помогать с ремонтом не будет. Ни за деньги, ни за так. Можешь считать это непременным условием нашего дальнейшего плодотворного сотрудничества.

И поверь, Галочка, никто из наших против мастера не пойдёт. Только такие отморозки как ваши Трошины. А те плотно заняты на строительстве баронессового дирижабля, и отвлечься не могут. Не веришь мне, спроси своего Корнея. Он наверняка точно знает плотность загрузки братьев Трошиных, потому как чуть ли не каждый день туда мотается по каким-то своим делам. Он подтвердит. Никто вам не поможет. По крайней мере, в обозримые этим летом сроки. А кроме них и нет никого. Дурных

нет идти против кузнечной гильдии.

Так что, нет у вас выбора. До вечера хорошенько подумайте, и добровольно, с песнями, плясками, и обязательно с улыбочкой, соглашайтесь. Для вас же лучше будет. А мы вам, пока вы таскаете латунь из воды, машинки ваши наладим и подготовим к этому вашему автопробегу. А заодно и потребный двойной комплект запчастей на поход подберём из вашей же добычи. А то много ли целого с этой десятки твоей бесплатной снять можно. Мелочь. А надо вам много, уж поверь мне, я с этим убитым ещё до нас военным старьём не раз уже сталкивался. Так что, если хотите спокойно до моря своего добраться, и так же спокойно ещё и обратно вернуться, соглашайтесь. Выбора у вас нет. Подумай, Галочка над этим, хорошее предложение.

— Свежо предание, да серется с трудом, — грубо выругалась Галка. — Как были вы все кузнецы бл. ди, так ими и остались. У меня встречное, не менее хорошее предложение. Да пошёл ты, сам знаешь куда.

— Я то пойду. А вот вы куда пойдёте? — невозмутимо отозвался кузнец.

— До вечера, — холодно улыбнулся он. — Надеюсь, всё же передумаете. Потому как выбора у вас нет, у сопляков. Тридцать тонн, Галочка. Тридцать! И не пудом меньше.

— Выбор есть всегда, — жёстко отрезала Галка.

Впрочем, сама она в тот момент так уже не думала.

Вечер у костра.

Этот вечер у походного костра на болотном острове если и напоминал что, то скорее свару злых, передравшихся меж собой собак, где все бросались друг на друга. И всё же им хватило одного часа, чтобы прийти к единственному приемлемому для всех решению.

У них действительно не было выбора. Кузнец чётко всё рассчитал. И буквально на глазах наливающиеся синяки в пол лица и мрачные физиономии двух братьев Белых Сашка да Петра, были прямым тому подтверждением.

На прямой вопрос, помогут ли они и их отец до отъезда в ремонте поднятых из болота машин, все получили не менее прямой ответ — нет. За что и огребли по физиономии. Тут же, не отходя далеко от костра.

— Десять тонн…, — задумчивый Васька сидел, вытянув мокрые сапоги к костру и чуть прищурив глаза, внимательно наблюдал за пляшущими язычками пламени в костре. — Десять

тонн чистой латуни. А поднять со дна придётся тридцать. Пипец!

В общую свару и тем более в драку с братьями Белыми он не вступал, всё это время, упорно обдумывая «предложение» кузнеца. И как ни крутил, выбора у них действительно не было.

— Кто-нибудь мне скажет, почему десять? Почему именно десять тонн чистой латуни. Не пять, ни две, а именно десять?

— Тебе не всё равно? — огрызнулся злой как шершень Андрюха Буян.

Сердито дунув на сбитые в кровь костяшки кулака, он с непередаваемым удовольствием наблюдал, как буквально на глазах справа под глазом Петьки Белого наливается синевой огромный синячище. Его работа.

— Нам то что, зачем им латунь, — презрительно сплюнул он в сторону мрачных, жмущихся в стороне братьев Белых с тремя своими работниками. — Понятно, что зачем-то надо, раз на такую подлость пошли. Да ещё и мелочь эту кузнечную к тому принудили.

— А я тебе отвечу, — медленно проговорил Васька. — Просто продав десять тонн латуни, они выручат где-то около сорока двух тысяч золотых.

Хорошие деньги, но можно получить и больше.

Сделав из десяти тонн латуни не менее миллиона патронных гильз, снарядив которые и продав потом на юге или на западе, они заработают уже не менее десяти миллионов золотых. Вот тебе и весь их интерес.

А с нами расплатятся тремя сотнями ржавых грузовиков, которые мы же сами и подымем из этого проклятого болота. Им прибыток, мы в дерьме.

— Спасибо, — поклонился Ваське Андрюха. — Спасибо тебе Васечька, что просветил меня дурака серого. Теперь я точно знаю, в какое дерьмо я окунусь. До этого не знал и был спокоен. А теперь — точно знаю, как нас собираются поиметь. Спасибо тебе, умничка ты наш.

Тебе тоже фонарь под глаз поставить? За правду, — угрожающе сжал он пальцы в кулак. — Так я могу, мне сейчас легко.

— Успокойся, — Галка мягко опустила свою руку ему на плечо. — Васька здесь ни при чём. Это нам мастера Дутова благодарить надо. Не получилось с Изабеллой Юрьевной, он решил через нас действовать. И если мы не хотим здесь до зимы оставаться и отложить на следующий год поход на юг, надо думать, что предпринять.

— Да я уж всё продумал, — мгновенно успокаиваясь, негромко проговорил Андрюха. — Безопасных патронов столько

им надо, под водой нет, а вот снарядов полно. Придётся нам их поднимать. А это опасно.

Я это сразу понял, оттого и взбесился. Приходится жизнью рисковать из-за какой-то жадной сволочи, которая хочет на нашей крови нажиться и заработать много-много денег.

Десять миллионов, — с горечью повторил он. — Понятно теперь их козырной интерес и то, как они извернулись. И понятно, почему Ржавка к костру даже не подошёл. Знал с…ка, что по роже получит, потому и скрылся заранее, пока мы тут не перебесимся. У-у-у, тварь!

— Можете не нырять, никто вас к морю прям счас не гонит, — подал голос один из братьев Белых.

— Заткнись, Петька, — устало отозвался Андрюха. — Заткнись, а то вообще из отряда выгоним и не посмотрим на то, что твой отец нам нужен. Теперь ему есть замена. Согласимся, любой кузнец в городе сделает то, что мы скажем.

А это мысль, — вдруг резко повернулся он к Галке. — Что если нам братьев Белых вообще из отряда турнуть? На кой ляд они нам теперь сдались? Как нужда в них пришла — так оба сразу в кусты, против отца, мол, не пойдём. Ну и пошли тогда они отсюда. Оба!

— Выношу вопрос на всеобщее обсуждение, — обвёл он собравшихся злым, лихорадочно горящим взглядом. — Раз братья Белые пошли против нашего общества, предлагаю выгнать их из отряда и впредь дела с ними не иметь. Кто согласен?

Внимательно оглядев лес поднятых вверх рук, повторно ещё раз пересчитав, медленно, словно замороженный повернулся к побледневшим братьям.

— Вон отсюда. Оба. И работничков своих заберите, всех трёх. С нами в Приморье вы не едите.

Дождавшись, когда грязно ругающиеся братья Белые вместе со своими тремя работниками скроются в темноте, медленно обвёл взглядом оставшихся.

— Ну что? Остались только свои? Раз так, то вопрос ставится на голосование. Кто — за то чтобы поднять из воды тридцать тонн боеприпасов с латунными гильзами в обмен на машины?

Кто против, уже не спрашиваю, — с горечью прикрыл он глаза, подтверждая общее согласие.

Лес поднятых рук подтвердил: у них не было выбора. К морю хотели ехать все. И сейчас, этим летом, а не когда-нибудь потом. Все готовы были рискнуть.

Лесные итоги.

Два! Всего лишь два месяца бешеного напряжённого труда вымотали его больше, чем весь прошедший, богатый на события год. И принёс ему больше, чем предыдущие пять лет.

Но почему-то ничего сейчас Ржавку не радовало.

Тридцать тонн гнилых, покрытых зелёной патиной боеприпасов с латунными гильзами. В будущем — прекрасные десять тонн чистой, драгоценной латуни. И сто десять ржавых машин парням в собственность. Пока сто десять. Остальное, две сотни, — потом, когда у ребят опять появится свободное время, и они смогут вернуться обратно на болота. Десять, что первоначально Галке было бесплатно обещано, и сотня — под разбор на запчасти, в счёт платы за поднятые из воды латунные гильзы. Казалось бы, можно было радоваться, задача выполнена. А вот радости почему-то и не было.

Неравноценный обмен, с какой стороны ни посмотри. Оттого, наверное, и на душе у Ржавки было противно, словно детей обокрал.

Сто десять ржавых, облепленных торфом и грязью, разбитых в войне остовов хороших когда-то машин, из которых эти парни и девчонки в лучшем случае соберут потом полтора десятка хоть на что-то пригодных агрегатов. Остальное же им всё равно придётся бросить. Здесь, или там, куда они собрались весь этот хлам вывозить, без разницы. Потому как, возиться со всем этим хламом никто для них бесплатно не будет. А самим им ремонт и восстановление всей добычи не поднять. Ни денег, ни умений, ни производственной базы, ни у кого из них не было.

Ржавка чувствовал себя откровенной сволочью, обокравшей маленького ребёнка. Особенно на фоне того восторга и безудержного детского энтузиазма, что буквально физически ощущался разлитым вокруг этого молодняка. И это, не смотря на то, что все они прекрасно осознавали, как на самом деле с ними обошлись.

Никогда бы он не подумал, что можно так работать. На что уж сам был до работы злой, но эти щеглы и малявка, даже его переплюнули. И не столько по количеству поднятого из болота ржавого металла, сколько по тому, с каким энтузиазмом они работали.

Такого ненасытного желания днём и ночью вкалывать, Мыкола Ржавка в своей жизни никогда ещё не видел. Двадцать четыре часа в сутки, утром, днём и вечером, в три смены, без перерыва, бегом-бегом-бегом, с короткими перерывами на перекус и оправиться.

И вот, пожал те вам.

Сто десять вытащенных из болота машин всего лишь за два

коротких летних месяца. Больше, чем по машине в день. А у него тридцать тонн старых боеприпасов.

Каждое утро теперь, Ржавка подходил к этому машинному кладбищу и с угрюмым видом наблюдал, как не унывающая группа молодых парней ловко цепляла тросы под днище очередной развалины, и закрепив, утаскивала куда-то к себе на литейный завод. И следующим утром картина повторялась заново. И так каждый день, снова и снова.

И вчера ещё казалось бы безумные расстояния от болота до завода и обратно уже так совершенно не воспринимались. И если бы ещё два месяца назад кто-нибудь сказал кузнецу что подобное вообще возможно, тот рассмеялся бы ему в лицо. Теперь, на его лице улыбки не было и следа.

Потому как Мыкола отчётливо понимал, насколько всё это глупо. Да подняли, да вывезли. Толку то?

Не было в том ни малейшего смысла, что они делали.

Восстановить до рабочего состояния всё, что они подняли из болот — было можно. Только вот смысла в том не было ни малейшего. И он искренне не понимал — зачем. Зачем они это делают? Зачем так надрываются? Ведь это же очень серьёзные деньги будут восстановить всё. Очень большие деньги, которых у них нет. Зачем? Зачем им это надо?

Хотя то, что парни приноровились достать из торфяника, ему серьёзно нравилось. Что ни говори, а парни выбрали лучшее из того что там было:

Судя по маркам, два десятка каких-то незнакомых немцев, тех самых неподъёмных монстров L10000, как их определил Фома. Какие-то десятитонные монструобразные бензовозы, на которые под водой мальцы сразу положили глаз. Плюс три десятка Опель-Блиц, тех, которые Мыкола прекрасно знал по прежним временам, и в кузовах которых первый раз нашлись боеприпасы. Плюс три советские полуторки, которые и подняли из воды единственно потому, что было удобно, быстро и легко доставать. Рядом с островом, мелководье, да и вес небольшой. И, что немаловажно, в удивительно прекрасной сохранности.

И десяток, так понравившихся Галке лёгких немецких броневиков. Лежали, практически рядом с островом на чистой воде в торфянике. Чего, спрашивается было не прихватить.

Остальное, сорок семь штук исключительно американских трёхосных студебеккеров, которые специально выискивали по всему болоту. Те самые, которые Галка со своей бандой особо отбирала под себя.

И теперь на когда-то широкой и такой, казалось бы, раньше просторной поляне острова, ногой некуда было ступить. Каждый

ровный клочок земли был теперь занят остовами машин.

И жалкий клочочек с огромным трудом отбитого у этих щеглов, куска твёрдой землицы под его рассыпающиеся в руках гнилые ящики с патронами и снарядами. Тридцать тонн разносортных боеприпасов. И то, только потому место выделили, что за скалами. Если, мол, рванёт, так чтоб их рухлядь ржавую не потревожило.

Бестолочь мелкая. С чего бы тут рвануть? Сгнило уже всё. Капсюли — сгнили, дырка одна. Порох — промок, считай, что и нет его, пули — проржавели насквозь, одна труха. Чему там рваться, спрашивается?

Ну а если всё же рванёт там что-то, то тем более бояться нечего. Никто и испугаться не успеет. Всё здесь в клочья разнесёт.

Мыкола мог быть доволен. Одной только латуни в гильзах здесь столько, что дурная поездочка эта тысячу раз уже окупилась.

И ещё он совершенно точно знал, где под водой лежит ещё один, не меньший по объёму подобный груз! А если всерьёз заняться поисками, то с одного этого болота озолотиться можно. Одна беда, глубины, где уютно пристроилась его будущая добыча, доступны были лишь при наличии маски с газовым баллоном и компрессором для его подзарядки. И желательно было бы ещё и плоты эти их надувные иметь, составленные из нескольких надувных баллонов, со смонтированной на них мощной дизельной лебёдкой.

Всё это было у этих сопляков и не было у него. Крайне неприятная и жёсткая привязка к сопливой компании.

Однако, что ни говори, а парни серьёзно подошли к делу. Кто б мог подумать. Даже самому Ржавке нашлось чему у них поучиться.

Всё вроде бы должно было быть у него хорошо, а на душе было тяжело. И не было у него больше никакого желания ещё один месяц провести здесь вместе с парнями и с местными комарами. Как ни натирался он защитной мазью, как ни мазался, а крови из него местная мошкара уже ведро, наверное, выпила.

— «Боже, как я устал».

Опустив гудящую от смертельной усталости голову в ведро с холодной ключевой водой, Мыкола Ржавка, яростно замотал ею из стороны в сторону.

— Бр-р-р-р.

— Не спится?

— О! Корней. Извини, не заметил. Откуда?

— Оттуда, — с усмешкой потыкал Корней пальцем в небо. — С облёта территории только что вернулся.

Люблю рано-рано поутру, перед тем как тащить на завод очередную ржавую дуру, промыслить парочку людоедов, — мечтательно улыбнулся Корней, с весёлым прищуром глядя на первые лучи едва поднявшегося над краем болота утреннего солнца.

Солнышко ещё не встало, внизу ещё теней полно, туман по низинам, а на верху — солнце. И облака! Красотища! И тут эти, внизу шмыгают. Как на ладони.

— Ну и каковы успехи?

— Слышь, Колян, — Корней равнодушно пропустил мимо ушей привычный дежурный вопрос, на который никто никогда не ждал ответа. — Давно хотел тебя спросить. Какого чёрта вы церемонитесь со своими пограничными ящерами?

Ваське грандиозный скандал закатил, когда он простой дымарь для меня зажёг, чтоб я знал куда лететь. Таитесь тут постоянно среди болота. Зачем? Не проще ли было просто отогнать пограничные племена подальше от границы, чтоб не мешали спокойно работать, и делать спокойно своё дело? Это же болото — клад. А вы них…на здесь не делаете.

Тщательно вытерев мокрое лицо подолом нижней рубашки, Мыкола насмешливо глянул на Корнея.

— «Вот же здоровая орясина, а мозгов меньше чем у курицы, — сердито подумал кузнец. — И как этакого болвана в такой компании держат, непонятно».

Дураки Ржавку всегда раздражали, а уж когда от них что-то зависело, вот как счас от Корнея, то глухое раздражение просто зашкаливало. Насмотревшись на ловкость, с которой тот каждый день вывозил отсюда по одной, по две машины, он и сам хотел бы подкатить с подобным предложением к этому вояке, чтоб тот помог вывезти и его добычу. Уж больно ловко у того всё получалось. Да и неохота Ржавке было тащиться сюда зимой, корячиться потом с вывозом, подвергать себя лишнему риску встречи с людоедами. Особенно когда прямо перед глазами был столь эффективный пример использования дирижабля.

Вот только после всего произошедшего меж них не знал Ржавка как бы половчей к вояке подкатить. К тому ж компания землян последнее время старалась с кузнецами лишний раз дел совместных не иметь.

— За прошлый месяц, ты, сколько своих бомб израсходовал? — с невозмутимым видом поинтересовался кузнец.

Мысли свои он постарался убрать подальше, чтоб до греха не доводить. Корней, при всей его внешней покладистости, был известный отморозок. Скажешь такому в лицо правду, без зубов ведь останешься. Если, конечно, вовсе голову не оторвёт.

— Помнится, как только ты здесь появился, вы полдня гондолу свою от ящиков с бомбами разгружали. Да и потом ещё не раз сюда бомбы подвозил. Ну и где они все? Ящики на месте, а где бомбы?

— Ну, — полез чесать за ухом Корней. — Точно не помню, поскольку учёта не велось. Но если вычесть остаток из завезённой сюда партии, то…. Иногда в день до полутонны бомб валил ящерам на головы.

Ну, — замялся он. — Где-то так, как-то. Когда больше, когда меньше, но последнее время, уже хватает одного моего появления, чтобы жизнь на земле замерла. Разбежались ящеры по дальним углам и попрятались.

— Прекрасно. А теперь представь, сколько бы стоили потраченные тобой авиабомбы, как если бы ты их покупал через Басанрог. Вот и получишь ответ.

— Пять тыщ?

— О, Господи! — всплеснул Ржавка руками. — Да где ж ты такие цены то видел? Пятьдесят — не хочешь! Но, ладно. Пусть будут твои пять тысяч. И всё равно. Это же целых пять тыщ!

Ты можешь себе представить кого-нибудь в нашем городе, у кого есть столько денег, чтобы просто так взял и высыпал столько золота на головы людоедам? Я — нет.

«Не считая таких дураков, как ваша компания», — машинально подумал кузнец.

Всё очень просто, — продолжил он. — Ни у кого нет на это денег, — пожал он плечами. — Ты-то знаешь, как надо корячиться, чтобы заработать хотя бы один золотой. А тут — тысячи! И на ветер. У людей таких денег просто нет.

— Да и у тебя бы не было, если б не ваша дешёвая взрывчатка.

— Ну, не очень-то она и дешёвая, — раздражённо пробормотал Корней. — Профессор мне уже всю плешь проел, что я вышел за все разумные рамки. И если б не надо было испытать новое оружие и дирижабли, и не прикрыть с воздуха этих огольцов, хрен бы кто мне эти бомбы вообще дал. А с одним пулемётом тут много не навоюешь. Ящеры неплохо маскироваться умеют.

Тут другой момент. Мы их больше распугали, чем уничтожили. И пока я здесь, ты со своими делами поторопись. Потом они наверняка вернутся.

— Не понял. Ты это о чём? — насторожился Мыкола.

— Я о том, чтобы ты до зимы не вздумал спрятать в схроны свои гнилые ящики с патронами и со снарядами с расчётом на вывоз зимой. И чтобы немедленно, завтра же всё вывозил.

Найдут. Точно тебе говорю, найдут ящеры твою добычу. Найдут и сами оприходуют. А на тебя засаду устроят. Или просто заминируют. И тогда тут так рванёт…

— С чего ты взял? — раздражённо перебил его Ржавка.

— С того! Мы тут недавно, пару дней тому, подобрали парочку трупов, по которым до того отбомбились. Так вот что я тебе скажу. Это не местные племена. Это их пограничный Чёрный Легион на болотах объявился. Влипли вы парни.

Видимо заметили мое постоянное здесь присутствие, и решили разобраться, что здесь происходит. А легионеры так просто такое дело не оставят. Поверь мне, мы с ними на озёрах не раз сталкивались. Эти твари мимо твоих схронов не пройдут.

У них самих полно своего огнестрельного оружия, добываемого из болот. И в Чёрном Легионе прекрасно понимают насколько ценно то, что ты заныкал за скалами. Поэтому перероют тут каждую кочку, каждую пядь земли, но мимо твоих схронов точно не пройдут. Волчары те ещё. Поверь мне. Недаром у них и сотни так называются — волчьи.

— Что ты предлагаешь?

— Вывезти твои боеприпасы на дирижабле, пока ещё у меня есть время, и парни ещё заняты подъёмом машин из болота, потому как уверен, тебя одного отсюда легионеры не выпустят.

Если в округе появился Чёрный Легион, поверь, это очень серьёзно. И все дороги отсюда для тебя наверняка уже перекрыты.

И на мою помощь в стычке с ними можешь не рассчитывать. Может у нас, лично с тобой и хорошие отношения, и я лично бы тебе помог, но с нашей компанией ты отношения сам радикально испортил. И задержаться здесь, чтобы тебе помочь, мне не позволят. Белла сама, лично проконтролирует этот вопрос. А ссориться с ней из-за тебя, извини, не буду.

И не спорь, просто поверь. Я её знаю. Так всё и будет. Она лично проконтролирует, чтобы я тебе не помог. Очень уж вы её с этими учениками зацепили.

Поэтому — не обессудь.

— Твои предложения?

— Только одно. Поговори с Васькой. Предложи ему чего, чтобы его заинтересовало. Он может решить вопрос, чтобы я успел отсюда твой груз вывезти. Для меня это — ерунда. Два рейса всего. Заплатишь за прогон. Дорого, сразу говорю. Но зато будешь спокоен, что всю свою драгоценную латунь вывез.

Цена с тебя будет немалая. Тыщ по пять за рейс точно возьму, — хмыкнул Корней. — Не обессудь.

Ну и помимо этого кое-что ещё сделаешь. Захвачу тебя с собой, когда буду вывозить с острова очередную партию машин.

Поговоришь, дома со своими. Возьмёшь с собой обратно кого-нибудь. Бери хоть сто человек. Этому дирижаблю такой груз без разницы. А перед тем, договоришься с Васькой, Галкой или Колькой. И из досок с кузовов их машин соберёшь здесь нормальные ящики, взамен тех, что расползаются под руками. Они всё равно на выброс, так что не пожалеют.

Вот тогда я точно возьму твой груз на вывоз. Но только два рейса, учти. Не больше.

На это, Белка поворчит-поворчит, но глаза закроет. Больше — ни-ни. Больше никто мне не позволит с тобой тут возиться. Очень уж на тебя девочки наши злы.

— Сколько у меня есть времени?

— Неделя, может быть две, — пожал Корней плечами. — Пока отсюда всё не вывезу, что парни из воды подняли, у тебя время есть.

— А если я ещё груза добавлю?

— Я тебе всё сказал, — холодно уточнил Корней. — Сколько ты там реально возьмёшь груза — мне без разницы. Но один рейс — не более двадцати тонн груза. И учти, больше мне никто не позволит возиться с тобой. Ни единого часа. Я и так сильно на этом вашем острове задержался. И то исключительно потому, что к Кольке с Васькой и, особенно к Синьке, особое отношение у Беллы с Машей. Да и профессор к Ваське благоволит. Потому и у тебя есть пока ещё шанс. Не упусти его.

Решайся. Я тебя предупредил — думай.

Проводив отошедшего Корнея тяжёлым, остановившимся взглядом, Мыкола Ржавка серьёзно задумался. Ему было о чём подумать. Он не стал Корнею говорить, но насчёт Чёрного легиона его предупредили ещё в самом начале похода, когда они только сюда собирались.

А недавно из дома, с Корнеем на дирижабле прибыл гонец, лично предупредить его, чтоб был осторожен. Что ящеры уже выставили на лесных тропах плотные заслоны и чтоб тщательно прятал всю добычу и даже не думал пытаться сейчас что-либо вывозить.

Так что Корнею он поверил сразу. Решительно тряхнув головой, Ржавка двинулся на поиски кого-нибудь, с кем можно было б решить его вопрос. Время было ещё раннее и можно было попытаться застать кого-нибудь из поисковиков возле кухни, куда народ только-только потянулся завтракать.

— Очень хорошо, что вы здесь все вместе, — поприветствовал он всё фактическое руководство поискового отряда, завтракавшее за одним из столов.

Присев за стол на жердевую скамейку, Ржавка решительным

жестом отказался от холодной вежливой помощи дежурного принести, чего-нибудь поесть.

— Потом, — кивком поблагодарил он того.

Сразу главный вопрос, — обратился он ко всем сидящим за столом. — Вы все знаете, что под водой можно взять ещё дополнительно тонн с десять старых боеприпасов. И если вы мне поможете их со дна сейчас поднять, я вам заплачу. Много. Тыщи три. И помогу побыстрей разобраться с ремонтом. До отъезда вы ещё сможете дополнительно машины три восстановить. Точно вам говорю. Спать, есть не буду, а три машины у вас будет с тройным ремкомплектом.

У вас сейчас есть из чего выбрать, так что это не голословные обещания.

— Твоё предложение больше похоже на угрозу, чем на предложение по сотрудничеству, — невозмутимо отозвалась Галка, откладывая ложку в сторону.

— Поверьте, это будет намного быстрей и выгоднее для вас, чем, если вы сами будете возиться с другими кузнями. За Кура не говорю, но как работает с вашими машинами Кондрат — вы и сами знаете. Халтура.

Хотите ещё этим летом попасть в своё Приморье — соглашайтесь.

Переглянувшись меж собой, Васька с Колькой оба синхронно глянули на Галку.

Словно в зеркальном отражении, та молча переадресовала взгляд Андрюхе. Получив молчаливое одобрение мужа, развернулась к кузнецу.

— Эко, тебя пробило, — холодно проговорила она. — Чё хоть случилось то?

— Корней обнаружил в округе следы Чёрного Легиона.

— Подумаешь, новость, — пожал Андрюха плечами. — А то ты раньше этого не знал.

— И тебя сразу заколбасило, — понятливо хмыкнул Колька. — Что ж, как я тебя понимаю, — презрительно ухмыльнулся он. — Мы уйдём, и вся твоя добыча достанется ящерам. Столько ценнейшей латуни. Тридцать тонн боеприпасов! А жаба-то душит.

А почему так мало? Если поискать, много чего ещё интересного можно здесь найти. Мы только вчера видели целую колонну машин под водой, словно по линеечке выстроившуюся. Там в кузовах наверняка много любопытного имеется.

— По нашему договору, одна тонна патронов с латунными гильзами идёт за десять пустых машин, — мрачно отозвался кузнец, нервно дёрнув щекой. — А вы уже сворачиваетесь, как я

заметил. И за нами должок к тому ж остаётся. А у меня всего лишь пара рейсов, как мне объяснил Корней. И то только пока вы здесь. Вот я и предлагаю вам договориться.

Вопрос только за вами

— Вспомнила бабка, как девкой была, — презрительно бросила Галка. — Как прижало, так сразу и про договор вспомнил. Интересно, что из тебя выжать ещё можно будет, когда совсем припрёт?

— Пу-пу-пу-пу-пу, — задумчиво выдохнул Васька, рассеянно барабаня пальцами по жердям стола. — Ну, раз пошла такая пьянка, давай немного переиначим наш договор.

Полагаю, лишний десяток машин нам не помешает. Так что и с количеством рейсов мы тебе поможем. Это — не проблема. Заплатишь за свой вес — и за такие деньги летай, сколько хочешь. Хоть свои два рейса делай, хоть десять. Цену только с Корнеем ещё раз уточни. Со временем — тоже поможем. На месячишко, другой можем здесь задержаться. Есть на то у нас предварительное согласие нашего руководства. Но, насколько меня самого предупредили, все работы здесь на болотах должны быть свёрнуты не позже конца августа. Двадцатое число — крайний срок.

И ещё. Мы, лично мы, тут уже сворачиваемся. Неделя, другая и больше ждать мы не можем.

Честно тебе скажу. Нам всё здесь осточертело. И болото это, и машины, и особенно ты, Ржавка со своей латунью. Видеть тебя уже не могу. Нам на юг пора, пока там ещё тепло. Сам понимать должен, что купаться в море при температуре близкой к нулю — удовольствие сомнительное.

И как тогда быть с нашим договором? Времени у нас нет, с тобой здесь сидеть до конца лета.

— А что, заменить вас некем?

— Почему некем, — Васька бросил косой взгляд на невозмутимого молчаливого Кольку. Дождавшись едва заметного молчаливого кивка, продолжил. — Есть интересующийся народ. Можно с парнями из нашей компании поговорить. Если их серьёзно заинтересовать, время они найдут тут для вас понырять. Да и с Белой Юрьевной они договорятся сами, чтоб до середины августа по своим делам отпустила. И чтоб дирижабль дала на это время. Вывозить то кроме как на нём — не на чем.

Но вот по поводу оплаты их работ, тут уже не с нами, тут с нашими парнями из компании придётся тебе дело иметь. Ну и, надо тебе что-то серьёзное им предложить. За так, никто от своих дел отвлекаться на тебя не будет. Кому ты тут нужен со своими боеприпасами. У ребят своих интересных дел полно.

Предложение, значит, наше такое будет.

Ну а нам за наше согласие, премия. Мы подберём с мелководья весь тот хлам, что остался после вас. Те самые ваши свалки, которые никому не нужны и образовались после того как вы тут много лет разбирали машины, вытаскивали из них самое для себя на тот момент ценное, а останки бросая в воду.

Мы тут с ребятами прошлись по этому вашему подводному кладбищу и выяснили, что там есть многое, чем можно было б нам поживиться. По мелочи, но есть. И работы там не на один месяц. Плюс к тому ещё и вы нам кое-чего остались должны. Две сотни машин, к слову сказать. Так что до середины августа ребят можно привлечь. А вот дальше — извини, только по особому распоряжению руководства.

— Почему до середины августа? — насторожился Ржавка. — До октября же тепло ещё. Да и зимой работать в ваших костюмах можно.

— Извини, дорогой, у нас своих дел полно, — холодно отрезал Васька. — И у нас свои ящеры есть, которых надо бомбить. А то вы хорошо тут устроились. Мы бомбим, а вы землицу под нашим прикрытием обрабатываете. Неплохо устроились, на халяву то. Мне лично уже втык Белла Юрьевна за вас сделала. Слишком большой расход бомб на вас получается. Ящеров сюда как магнитом натягивает, всё больше и больше расход бомб на них идёт.

Так вот, когда мы уйдём, дирижабль у парней в пользовании будет только до конца августа. Дальше — извини, подвинься. А тут без него, сам понимаешь, ни вывезти чего, ни привезти. Нас тоже известили, что по земле все пути-дороги перекрыли, и здесь на острове мы фактически отрезаны. А сцепиться с легионерами, из-за куска какого-то ржавого хлама лично у меня желания нет ни малейшего. Как, впрочем, и у всех остальных.

Вы же, можете воевать хоть до посинения.

Так что, соглашайся. Или так, или никак.

— Забирайте, — не думая отмахнулся кузнец. — Наши точно уже это поднимать из воды не будут. Раз уже обратно в воду сбросили, то считайте что оно уже ничейное. Берите. Берите всё, на что глаз ляжет. А с тем что мы вам ещё должны, как-нибудь потом, в другой раз или в другом месте разберёмся. За нами не заржавеет. В конце концов, если нет времени этим летом заняться, доберёте на следующий год.

И по времени я не прочь, чтобы продлить договор. Пусть даже никого из вас тут уже и не будет к концу.

— Договорились, — согласно кивнул головой Васька. — Но, ты понял, эта свалка на мелководье — это лично нам своего рода

подарок. И её уже без нас разбирать будут. Уже после того как мы отсюда уберёмся. Сидеть здесь на острове всё лето, осень и всю зиму у нас нет резона.

— Согласен-согласен, — раздражённо отмахнулся кузнец. — Решено. Если речь идёт только о свалке, то у меня претензий к вам нет. Выгребайте оттуда всё подчистую. А вот если после того пожелаете ещё что новое — это только за латунь.

— Не вопрос, — отмахнулся Колька. — Дополнительно работаем только по вашей свалке. А по боеприпасам — всё как по старому договору. Один к десяти. Значит, решили?

— Договорились, — протянул руку для скрепления договора кузнец.

— Минуточку!

Ледяной злой голос Галины Буян разорвал благостную атмосферу обоюдного согласия. В этот момент она удивительно точно соответствовал своей фамилии, полученной от мужа. Казалось, сейчас она разорвёт обе договаривающиеся стороны в клочья.

— У меня будет несколько иное предложение.

— Насколько я понимаю, латунь вам нужна для производства патронов, — мрачным голосом констатировала она. — А мне для поездки на юг как раз нужны будут двадцати миллиметровые бронебойные снаряды к моим двадцати миллиметровым автоматическим пушкам на броневиках. С пулемётами мы проблемы решим с пневматикой, а вот с пушками так не получается.

А собственно, почему бы и нет, — тут же возразила она сама себе. — Пусть и к моим пулемётам будут патроны. К МГ-шкам.

Лично мне нужны от вас снаряды к пушкам и патроны к пулемётам на моих броневиках. А их у меня будет десять. Думаю, двадцать тысяч штук патронов к пулемётам меня вполне устроит. И двадцать тысяч патронов к пушкам.

— Чего? — растерялся до изумления кузнец. — Сдурела!

— Того, — взорвалась Галка. — Двадцать тысяч снарядов к моим пушкам и двадцать тысяч патронов к пулемётам.

— Делаете патроны на продажу — сделаете и мне. Не обеднеете!

— Сбрендила?

— Урод! Или, вся твоя добыча останется гнить на этом острове и достанется ящерам, или вы мне делаете то, что я сказала, — жёстко отрезала Галка. — Иначе, и одного рейса у тебя не будет. Поверь мне, Ржавка, — чуть склонилась она вперёд, сверля белыми от бешенства глазами кузнеца. — Я достаточно близко знакома с руководством компании, чтобы на неё повлиять.

Надеюсь, в этом ты мне поверишь? А не веришь, справься у своего Дутова. Он меня знает, за мной не заржавеет.

— Надеюсь, — Ржавка на подобии Галки слегка качнулся вперёд, не отводя от её глаз своего бешеного взгляда, — и мне ты поверишь, что если отсюда ваш сраный дирижабль не вывезет мои драгоценные патроны, вам никто не будет восстанавливать ваши сраные грузовики. Даже Кондрат. Тем более, Кондрат. А уж Кур, так вообще встанет по струнке перед руководством гильдии и хрен что будет для вас делать.

Надеюсь, это ты понимаешь.

— А мне плевать. Не сделаете мне мои патроны — не видать вам вашей латуни. Ни грамма. Ты, с. ка, уже все рамки наглостью своей перешёл, гадёныш. С меня довольно. Надеюсь, это тебе понятно?

— Стоп-стоп-стоп, — мгновенно вклинился в ссору Васька, разрывая возникшее напряжение. — Стоп, я сказал, — повысил он голос.

Не будем ссориться, — примирительно положил он руку на плечо кузнеца.

Раздражённо сброшенной с плеча руки он постарался «не заметить».

— Предлагаю, разумный компромисс. Галка немного умеряет свои аппетиты, и мы приходим к взаимному соглашению. Будем рассчитывать по-другому.

Сколько латуни со дна подымим, дополнительно к тем тридцати тоннам боеприпасов, что уже подняли, — столько и снарядов с патронами вы сделаете. Половину из них нам, половину вы возьмёте себе.

Идёт?

— Согласен, — тихо проговорил кузнец, медленно отводя бешеный взгляд от глаз Галины. — Снаряд за снаряд, патрон за патрон. Сто — так сто. Двадцать тысяч — так двадцать тысяч. Как получится, Галочка, — неприятно улыбнулся он.

— Хочешь получить двадцать тысяч — придётся потрудиться, понырять, золотко.

Та сидела, не шелохнувшись, так и не отводя от кузнеца злых, белых от едва сдерживаемого раздражения глаз.

— Согласна, — едва слышно проговорила она. — Пусть будет так. В пополаме.

Не глядя больше на Галку, кузнец пожал Ваське руку и поднялся. Не оглядываясь на сидящих за столом людей, кузнец быстро удалился. Наверное, боясь, что передумает.

Какое-то время после его ухода у костра царило глухое, враждебное молчание.

— Может, объяснитесь? Вы, оба?! Я желаю услышать ваши объяснения! Здесь и сейчас.

Сидящие за столом Галка с Андрюхой в упор, не мигая смотрели на Ваську, молча переглядывающегося с Колькой.

— Что это ещё за продолжение работ и чем это вам так интересна та подводная свалка? И на хрена оно нам всё это надо? Почему вы никак не желаете побыстрей расстаться с этим болотом.

— Как?! — тут же деланно весело изумился Васька, словно только что за столом не висело гнетущее тяжёлое напряжение. — Галочка, ты же вместе с нами там ныряла. Неужели не нашла там для себя ничего интересного? А твои броневики? Их же там ещё не менее пяти штук на дне валяется. И это только то, что я так, навскидку помню.

Наверняка, если ещё поискать, так их там ещё больше будет.

— И что? Что это даёт? Видела я весь тот хлам. Их так раздербанили, что если из десятка там соберёшь один — уже хорошо. А десяти я там что-то совершенно не видела. Ну, может ещё два, три к твоим пяти, не больше. И что, из-за восьми разобранных на части броневиков так подставляться?

— Если из многого собирать малое, то да, подставляться не стоит, — невозмутимо возразил Васька. — А если восстановить всё? Всё что подняли со дна? Об этом ты подумала?

— А кто будет восстанавливать? Ты? Я? Он? — Галка сердито ткнула пальчиком в сторону молчаливого Кольки. — Ты слышал, что сказал этот дятел? Они нам помогать больше не будут. И уж тем более чтобы восстановить всё. А денег у нас на это нет.

— Понимаешь, Га-ля, — вклинился в разговор Колька. С задумчивым видом он почесал пальцем висок, помолчал и продолжил. — Если не упираться в аутентичность восстановленных машин, то с помощью Трошинских мастерских мы фактически можем восстановить все поднятые со дна машины до рабочего состояния. Все!

Это сложно, долго, потребует много труда и больших денежных вложений, но можно. Я с Богданом и Глебом говорил, они подтвердили, что для них это возможно, особенно когда придёт груз из Приморья со станками, и не будем упираться в короткие сроки восстановления. Когда можно будет спокойно работать.

И предварительно, они уже дали своё согласие. Надо только будет вынести этот вопрос на совет руководства и получить окончательное согласие. Что тоже не вопрос. Все как бы предварительно за. И ещё понадобится время. Время и много-много нашего труда. Но даже раскуроченный остов от машины —

для начала уже хорошо. Уже что-то.

И не забывай, что благодаря тебе, мы выдавим из кузнецов даже не сорок тысяч патронов, а много больше. Потому как меди там, на дне — море. И из них, половина — твои снаряды к пушкам. И патроны. Которых иным способом нигде сейчас нам не достать. Ты вообще молодец, Галочка.

— Какие ты слова вумные знаешь, мальчик… Аутентичность…, — медленно протянула Галка, сверля рассуждающего с умным видом Кольку прищуренными холодными глазами. — Где, спрашивается, нахвататься успел. Совсем недавно сосунок сосунком был, а тут — гляньте. Аутентичность… И как умеешь к женщине подлизываться…

— Ребята, — тихо проговорил Васька. — Информация не для передачи кому, лично для вас двоих, и ни для кого более. Даже своим ребятам вы раньше времени ничего не говорите.

У нас уже есть сотня достаточно хорошо сохранившихся остовов машин и разрешение на поднятие из болота ещё не менее двухсот. И всё мелководье с кучами разобранных остовов тоже наше. Плюс ещё ребята из воды что-то поднимут помимо этого. В итоге — имеем сотни три-четыре готовых к восстановлению машин. Так что уже возможно в нашей компании организовать новый сборочный автозавод. Плюс, завод кузовов, без которого никуда и который уже реально существует в виде фанерных мастерских мастера каретника. Плюс сюда же и завод автопокрышек. И плюс, плюс, плюс много ещё чего интересного, которое тоже надо создавать на пустом месте.

И если мы с вами не будем сейчас жевать сопли, то во всех этих делах возможно и наше личное участие. Не возможно, а будет наша личная доля, потому как мы тут зачинатели и всё такое.

Васька, сложив пальцы щепотью, демонстративно пошевелил пальцами в хорошо известном всем жесте.

— Так почему бы за этот будущий хороший куш сейчас не покорячиться?

— Ты так в этом уверен? — внимательно посмотрел на него Андрюха.

— Не на все сто, но думаю, договоримся.

Васька отчаянно и нагло блефовал. Не было у него ни с кем никаких договорённостей. Все эти машины вообще, раньше ни в каких раскладах нигде не участвовали. Но парень отчётливо понимал. Как только они покинут этот остров, окрестные болота можно будем смело и навсегда вычеркнуть из списка добычливых мест. Если тут появились легионеры, если они узнают, что тут в толще болот что-то есть, что заинтересовало людей и что могло

быть и им самим интересно, а они обязательно это узнают, потому как не дураки, про это болото придётся забыть. Навсегда. Хотя бы по той причине, что эти места слишком удалены от населённых людьми земель. И добраться сюда по лесам, зная умения легионеров скрадываться и устраивать великолепно организованные засады, в другой раз уже ни у кого не получится.

А дирижабль на такую ерунду как вывоз из болот ржавого железа, никто из руководства их компании им больше не даст. Если только у них не будет свой козырной в том интерес. И то, что на них до сих пор работает Корней, иначе, как чудом не назовёшь. И если сейчас из сложившейся вокруг болота ситуации не вытянуть всё возможное — ничего больше у них не будет. Ничего! Никаких машин. И никаких патронов. И никаких в будущем дивидендов.

— Ну что ж, — хлопнул Андрюха ладонью по коленке, подымаясь. — Понятно, что мелочь достанется, а всё лучше, чем ничего. Договаривайся, Васька со своими. И не забудь про нашу с ребятами долю.

Глава 6. Конец лета

С бору по сосенке…

Низкие, устроенные «под старину» широкие дубовые плахи нависающего над головой потолка в недавно отремонтированном кабаке Брахуна, создавали удивительно уютный мирок в том уединённом углу, где собралась странная даже на вид компания.

Доносящаяся с невысокого подиума в центре зала тихая печальная музыка очередной заезжей музыкальной труппы, последнее время повадившихся постоянно гостить в ставшем вдруг внезапно очень богатом городе, где за относительно короткое время можно было неплохо заработать, навевало тихое умиротворение. Напрочь отсутствовавшее за столом собравшейся в дальнем тёмном углу компании молодёжи.

Впрочем, таких тихих уютных, укрытых со всех сторон, уголков с молодёжными компаниями в этом кабаке было каждый второй. Вообще создавалось странное впечатление, что недавно отремонтированный кабак, словно специально был приспособлен для проведения тайных встреч, где без длинных ушей можно было обсудить любые интересующие людей темы.

Впрочем, не только людей. Одинокая группка склонивших головы друг к другу и что-то тихо обсуждавших меж собой имперских ящеров, в другом дальнем конце просторного подвального помещения, недвусмысленно намекала на то, что не одни лишь люди с удовольствием пользуются прекрасными возможностями поговорить без лишних ушей, предоставляемых кабаком Брахуна.

За тот месяц, что собравшиеся за этим столом люди не виделись, оба брата Белых сильно изменились. И нельзя сказать, что в лучшую сторону. Оба они как-то осунулись, помрачнели, и на лицах парней легла тень какого-то тяжёлого внутреннего недовольства и смуты. Сам их батька, Кур Белый, выглядел не лучше.

Впрочем, и сидящая напротив компания из Гальки Буян, её мужа и неизменной парочки — Васьки с Колькой Молчуном, выглядела не лучше. Лица всех четырёх заострились, почернели, как-то осунулись, и в складках появившихся возле губ морщин, отчётливо видны были трудности, с которыми они столкнулись последнее время.

Одним словом, за время, когда все они не виделись, обеим группам враждебно посматривающих друг на друга бывших

товарищей, похоже пришлось хлебнуть немало лиха.

— Вижу, Васятка, досталось вам за последнее время, — невыразительным нейтральным голосом проговорил Кур. — Что-то сбледнули вы оба с Колькой. Да и ты, Галка, — на миг прервался он, внимательно всматриваясь в осунувшееся усталое лицо амазонки, — краще в гроб кладут.

Присутствовавшего здесь же за столом Андрюху Буяна он проигнорировал, словно не видя.

— Да и вы, я смотрю, тоже, — поморщился Васька, — не благоухаете свежим внешним видом. Что так?

— Что, неважно. Важен тот вопрос, что меж нас до сих пор не решён. Вы свои машины забирать будете или мне на память оставите?

— А там есть что забирать? Вроде бы при последней встрече ты кричал, что там возиться ещё и возиться. Чуть ли не до конца света. И чтоб эту рухлядь починить, надо ещё дополнительно ахереннную кучу средств, чуть ли не столько же, что уже вложили. А учитывая, что вложили мы на тот момент более чем по десятке в каждую, то перспектива получить неновую, отвратительно отремонтированную машину тысяч за двадцать золотых нас как-то не вдохновила. Поэтому мы решили оставить всё как есть.

Как ты, надеюсь, уже знаешь, у нас появилась возможность подобрать себе лучший вариант и много дешевле. И мы им воспользовались. Так что, извини, Кур, но ты своей жадностью перегнул палку. Так что если ты хочешь выкупить у нас наши машины, тобою же отремонтированные, то мы готовы их продать. Как говорится, не глядя. За те деньги, что ты из нас уже вытянул.

— Всё ж, советовал бы посмотреть, — нейтральным тоном отозвался кузнец. — Это уже не те развалины, что были ещё месяц назад. Последнее время в городе появилась масса отличного качества запчастей с разобранных машин, во многом благодаря вам, кстати. Так что, было из чего выбрать.

— Теперь ваши студера — как новенькие. Можете глянуть.

— Зачем?

— Надо рассчитаться.

— По каким расценкам? — холодно, одними губами изобразил улыбку Васька. — Боюсь, нас твои аппетиты не устроят. Так что тебе придётся снять всё то новое, что ты туда поставил, и вернуть машины к исходному виду, полуразобранное, ни на что не годное ржавое дерьмо. Скажи когда будет готово, и мы с удовольствием заберём. Ты прав. В наших отношениях надо поставить точку.

— А может, отыграем немного назад?

— А зачем?

— Я вот Галине говорил, она должна была вам передать.

Кузнец медленно повернулся к Галке.

— Или что, ты им ничего не сказала?

— Твоё предложение передано, — равнодушно пожала та плечами. — Никого не заинтересовало. Хотя согласна, — нехотя кивнула она головой, — с твоими парнями мы тогда сильно погорячились. Но что сделано, то сделано. И ходу обратно давать, ни у кого желания нет. Да и смысл? Тем более что это было общее решение.

Так что не думаю, что твоё предложение ещё что-то там рассматривать, кого-нибудь здесь заинтересует. Хватит, насмотрелись за это лето. Тошнит уже от ваших выкрутасов. Впрочем, ты можешь своё предложение повторить, что называется лично.

Итак, мы слушаем, — наконец-то подняла она на кузнеца тяжёлый, давящий взгляд.

— Ну что ж, я не гордый, могу и ещё раз повторить, — отвёл глаза в сторону кузнец.

Итак. Что я предлагаю. Мы всё же присоединяемся к вашему каравану, но, поскольку отношения меж нас с самого начала не заладились, уже естественно на других условиях.

— Я всё же хотел бы послать в Приморье свой груз со своим сопровождением. С этим много связано в моих дальнейших планах на тот регион. И если вы возьмёте мои грузовики в свой караван, я вам верну ваши оба студебеккера в полностью отремонтированном виде, бесплатно, плюс обещанная летучка, в том виде как они сейчас есть: после хорошего капремонта, способными без малейшей поломки пробежать до берега моря и вернуться обратно. И если мы договоримся…

— Во что ты реально оцениваешь свою работу по ремонту наших машин, — не дослушав, перебил его Колька. — Понимаешь Кур, давай сначала снимем этот вопрос, а потом будем дальше двигаться. Может статься, что нам с тобой вообще не о чем окажется говорить.

Повторяю вопрос. Во сколько ты реально оцениваешь то, что было сделано тобой до разрыва наших отношений? Подумай. Хорошо подумай. От твоего ответа сейчас всё зависит.

На какое-то время над столом повисло напряжённое выжидающее молчание.

— По материалам, тыщи на четыре, по работе…. Ну, тыщи на три, — удивлённо возмущённые взгляды обоих своих сыновей кузнец с невозмутимым видом проигнорировал.

— Не совсем так, как выходит по всем нашим расчётам, —

хмуро буркнул Колька, — но, достаточно близко. Мы оценивали их реально тысячи в две, две с половиной. Но, пусть будет три.

Значит, ты согласен, что это никак не тридцать две тысячи золотых, как ты первоначально нам насчитал.

— Ну, согласен, — нехотя признал кузнец. — Погорячился немного.

— Ровным счётом на двадцать девять тысяч, — хмыкнул Колька. — Ты, наверное, посчитал, что мы очень богатые. Так вот, уверяю тебя. Все наши деньги заработаны нашим хребтом, а не получены в подарок от доброго дядюшки. И не так, как ты, влёт умудрился слупить с нас десятку за старый мотор, цена которому две сотни.

Так что, решай.

Или ты возвращаешь нам наши, выплаченные тебе ранее лишние деньги, и мы дальше с тобой разговариваем, или мы сейчас же разбегаемся, и впредь дел с тобой иметь никогда не будем.

— Твой выбор.

— Хм, — раскашлялся кузнец. — Вернул бы, кабы они были у меня. Да вот только не сидел я и не ждал у моря погоды, а вложил их в товар, который хотелось бы сначала продать в том самом Приморье, и лишь потом с вами рассчитаться. Рассчитаться не проблема, коль прибыль будет.

— И оставив её естественно себе, — хмыкнул Васька. — Всю.

— Ну почему ж, естественно, — ещё больше помрачнел кузнец, поняв, что и тут его прижали. — Я готов поделиться.

— Со всего своего товара, или только с той части, что куплена на НАШИ деньги? — внимательно посмотрел на него Колька.

За столом опять на какое-то время повисло напряжённое угрюмое молчание. Видно было, что кузнец о чём-то мрачно думал, молча перекатывая желваки на скулах. После продолжительного молчания он наконец-то пришёл к какому-то решению.

— Что вы хотите?

— Мы — ничего. Ты приглашал, ты и предлагай.

— Моё предложение. Вы возвращаете мои машины и моих парней с моим товаром в свой караван, и они торгуют вместе с вами в Приморье, а я вам за это…, — запнулся он, и неохотно с трудом выдавил из себя. — Обычную в таких случаях плату — десятину с прибыли.

— Не густо, — хмыкнул Васька. — Но уже лучше. Ладно, — махнул он рукой. — Не будем тебя окончательно додавливать, хоть и очень хочется за твои выкрутасы, начиная от продажи нам

моторов через Ревяку и кончая вдесятеро завышенными расценками на все последующие работы.

Поймав быстрый внимательный взгляд кузнеца, с кривой улыбкой уточнил.

— Надеюсь, ты больше не будешь считать нас за малолетних идиотов и впаривать собственное барахло под видом чужого. Надеюсь, что нет, — медленно проговорил он, внимательно следя за лицом кузнеца.

Что ж, судя по всему, мы поняли друг друга, — медленно кивнул он головой, не сводя глас с того. — Итак. Завтра ждём твоих парней с машинами в Трошинских мастерских, — перевёл он взгляд на хмурых молчаливых братьев. — Там мы предварительно собираем караван и проверяем состояние всех машин. Там и окончательно решим, чего стоят ваши грузовики.

В отличие от вас, Трошиным мы верим, — окончательно раздавил он совсем помрачневшее семейство. — И завтра, по итогам, и дадим свой окончательный ответ на ваше предложение.

До завтра, — кивком головы попрощался он с хмуро кивнувшей всем на прощание троицей, быстро удалившейся из кабака.

Мрачно посмотрев на захлопнувшуюся за их спинами входную дверь, Васька перевёл взгляд на товарищей.

— Ну и как я был, грозен?

— У-у-у, — многозначительно кивнула Галка. — Суров. Ажно я впечатлилась. Трибунал на выезде. Хвалю.

Не сорвутся с крючка? Нам в караване парочка хороших механиков совсем бы не помешала. А то, что я, что вы оба, мало чего в машинах соображаем.

— Не должны, — усмехнулся немного встревожившийся Васька. — По нашим данным у Кура одного только кованного железа в амбарах не проданным ещё с того года лежит тысячи на четыре серебрушек.

Ни в городе, ни в низовьях Поречья он свой товар за хорошие деньги не продаст. Там своего такого же добра полно. А вот в Приморье, может попытаться. Тем более что там на такой его товар есть хороший устойчивый спрос.

Плюс зерно его: рожь, пшеница, овёс с клановых полей. Амбары ломятся, а скидывать оптовикам цену не хочет. И новый урожай на подходе. Знает, что в Приморье ему за его зерно десять концов дадут. Вот он и мечется. Так что если Кур не попытается втюхать нам в колонну ещё одну, а то и две своих машины, я буду очень удивлён.

Началась война за хлебный рынок Приморья, Галочка, и Кур боится остаться в стороне.

— И для нас это шанс столкнуть кузнечные гильдии лбами меж собой. Потому как Кондрату твоему я совсем не верю. Брак с восстановлением машин гонит, словно надеется, что мы только до гор доедем и там навеки застрянем, — мрачно проворчал Васька.

— Меня не Кур, меня неконтролируемый рост участников автопробега начинает беспокоить, — тяжело вздохнула Галка. — Я тоже не думаю, что обойдётся только двумя братьями Белыми. Как бы нам на шею ещё и работнички его не упали. Те, которых мы выгнали. Потому как с водилами у нас не просто большая, а колоссальная напряжёнка. Нам за руль своих-то машин посадить некого, одни новички. А тут ещё не менее пяти грузовиков. Прям, тоска берёт.

Уже не сдерживаясь, Галя тихо, сквозь зубы грубо выругалась.

Впрочем, все за столом постарались её не услышать. Раздающаяся из соседней залы весёлая громкая музыка приглашённой музыкальной группы заглушала все звуки в зале.

Пацанские дела.

Высоко стоящее над головами двух приятелей уже неслабо припекавшее жаркое августовское солнце недвусмысленно намекало, что прибывшие в Трошинские мастерские Колька с Васькой явно подзадержались.

Раскалившаяся на солнце металлическая бронь немецкого броневика буквально обжигала, стоило только коснуться. Что творилось внутри, страшно было подумать. Даже распахнутые настежь люки и проветривание на быстром ходу не спасали от удушающей жары.

Наверное, именно поэтому, приехавшие в Трошинские мастерские приятели первым делом загнали броневик Беллы Юрьевны под навес, чтоб не так раскалялся на солнце.

— Здесь хреново, а что же на юге будет, — проскрипел никаким голосом Васька, вываливаясь из распахнутой настежь дверцы. — Там пекло ещё хуже. Жуть. Мне уже плохо. Морсу мне клюквенного, — мутными больными глазами уставился куда-то в пространство Васька. — Лучше, жбан. А совсем хорошо — два. Да с ледничка. Чтоб сразу горячку подхватить и помереть. Уф, отдохну тогда. Долго. До следующего перерождения.

— Угомонись, — следом за Васькой из боковой дверцы броневика показалась мокрая голова второго приятеля. — Несёшь, сам не зная чего. Гляди, накаркаешь, дятел. Но что точно до отъезда сделать надо, так это поменять сталь на фанеру. Под

фанерой полегче будет.

Уф-ф-ф! — с трудом выдохнул он из груди воздух, присаживаясь на порожек дверцы и бездумно окидывая таким же как у Васьки мутным больным взглядом просторный двор трошинской кузни. — Ну и пекло.

О! Смотри, куда нас занесло. Это что, сюда, значит, стаскивали всю добычу с болота? — изумился он. — Не фигассе! Слыхал я, что где-то на Земле существует такое место, как кладбище кораблей в каком-то море посреди океана, и туда, мол, нелегко попасть. А попадёшь, так не выберешься.

— Так и мы с тобой, — мгновенно уловил мысль приятеля мрачный Васька, устало опускаясь на землю в тени от небольшого навеса у стены здания. — Хорошо в тенёчке посидеть, — вытер он обильный пот со лба. — Так бы сидел и сидел, ничего не делая.

Мы попали с тобой, Колян. И не где-то там, в дальнем синем море, а можно сказать, прямо здесь, у себя под носом, дома. Вот так запросто взяли и попали на настоящее кладбище машин и ещё неизвестно когда из той трясины выберемся. И выберемся ли вообще. И неважно, что это всё наше собственное.

Видать, плохие мы с тобой организаторы, Колька, — тяжело вздохнул Василий. — Всё копим, копим, копим, и конца края этому не видно.

— Ну, и к чему этот твой бред? У тя чё, Васька, словесный понос? Ты ясно мысли свои излагать можешь? Или тебе помочь? К примеру, дав пару раз по шее. По примеру Буяна. У него со своими здорово получается. Сам пару раз видел, как он кулаками вправлял мозги шибко вумным.

— Что-то братьёв Белых всё нет, — мрачно проворчал Васька, окидывая хмурым взглядом пустынный двор. — Уж полдень близится, а Сашки с Петькой нет. Спрашивается, чего ради срывались и мчались на край света ни свет, ни заря. Могли б хоть нормально выспаться, — сладко, душераздирающе зевнул он. — И Га-а-а-лку я тоже что-то здесь не вижу.

— Ты на месте всего пять минут, а уже ноешь. Может, они все где-то здесь, рядом, за углом.

— Я не ною, я размышляю. Что нам здесь делать? Всё равно, пока не пришли машины Белого, делать нам пока что нечего.

Эх, — грустно покачал головой Васька. — Была у меня мысля заскочить рано с утра в кузню к Белому и приехать сюда на своих грузовиках, да вот, недодумал. А как было б хорошо…

— Братьям Белым сказано было пригнать машины сюда — вот пусть и корячатся, — недовольно отрезал Колька. — И не надо им показывать наш слишком большой интерес в них. Пусть думают, что нам всё равно. Что у нас вот, — небрежно махнул он

рукой в сторону длинного низкого здания механического цеха, — братья Трошины есть. Свой цех механический, настоящий завод. И вообще.

Тем более что и мы сами сюда не на своих двоих притопали, а обкатывали броневик Изабеллы Юрьевны, что подарила ей Галка. Тоже нужное дело.

— Ага, обкатываем, — снова зевнул Васька. — Мне-то хоть не ври. Скажи честнее — в машине удобней в дороге спать, чем на мотоцикле. Вот ты и запихнул меня за руль. Сам выспался по дороге, гад, а я мучаюсь. Глаза, на ходу слипаются.

— А ты спички вставь, говорят, помогает, — ухмыльнулся нагло бодрый, действительно выспавшийся за дорогу Колька. — Кстати, Галка где-то здесь должна ошиваться, — завертел он головой. — Вчера говорила, что решила тоже сегодня с утра прикатить на своём новом броневике и посмотреть, что сделали Белые и стоит ли иметь с ними дело вообще. Никак не может натешиться доставшимся богатством. Как вытащила из воды, этот, как его, двести двадцать второй, кажется, так прям со всех сторон облизывает свою мечту. Никак не натешкается.

Ну-с, — предвкушающе потёр ладони Васька. — Тады лады. Тады ждать будем. А может, пробежимся, посмотрим, как тут у Богдана идут дела?

Я на прошлой неделе здесь всё облазил. Так что, если тебе интересно, готов устроить для вас с Галкой маленькую экскурсию. Богдана с Глебом сейчас лучше не трогать, они оба злые, как шершни. Своей работы полно, а тут мы ещё со своими машинами нагло уселись им на шею. Так что я тебе сам всё расскажу.

Пошли, поищем Галку, и я вас по цехам проведу.

Искать Галину, впрочем, не пришлось. Не успели они подойти к широко распахнутым воротам механического цеха, как оттуда медленно выкатилось на четырёх колёсах что-то чёрное, угловатое и несуразное.

— Это что за чудо-юдо? — растерялись оба приятеля.

Хлопнувшая сбоку чуда внешне неприметная боковая дверь кабины водителя явила двум друзьям радостно улыбающуюся весёлую Галку.

— Что застыли, как просватанные, — засмеялась она, весело глядя на изумлённые лица друзей. — Не узнаёте? Это же наш студебеккер, из болота. Первый красавец.

— Это? Это уё…ще?

— Не ругайся, — улыбнулась Галка. — Ликом не красив, да норовом чуден. И вообще, скажи братьям Трошиным спасибо, что ребята нашли время и склепали хоть такое чудо-юдо. А то и этого бы не было. Пока мы там, на болотах прохлаждались, ныряя в

своё удовольствие, тут люди за нас нашу работу делали. Так что не ругайся, а поблагодари лучше и принимай агрегат.

— Эта коробчёнка на колёсах, если не сказать определённее, гроб, наш прекрасный, красивый, в прошлом, студебеккер? — не слушая Галку, мрачно изумился Васька.

— От студебеккера тут одна лишь внутрянка. Остальное — всё новое, — буркнула недовольно Галька. — Колёса — новые, кабина — новая, кузов — новый. Остов — старый.

Медленно двинувшись вокруг высокого, длинного чёрного короба, который сейчас представляла собой бывшая американская машина, Васька в глубокой задумчивости остановился возле какого-то невразумительный угловатый нароста спереди. Судя по всему, это была кабина водителя. По крайней мере, широкая узкая амбразура спереди, прикрытая толстым броневым стеклом, и два невзрачны прямоугольных окошка с боков, на уровне головы водителя, прямо на это намекало.

— М-да, — задумчиво протянул Васька. — Много я видел в жизни уродцев, но это убоище всех переплюнуло.

Как я понимаю, внутри кузова можно стоять в полный рост, — остановился он сзади, недоумённо рассматривая распахнувшиеся при движении двупольные задние двери.

— Ага, — довольно заметила Галка. — Стоять можно. Даже лежать можно. Что вдоль, что поперёк. А если есть желание, то и сплясать можно. Длина кузова — девять метров, высота, ширина — где-то под три метра будет. Внутренний объём — чистых восемьдесят кубов. Мечта!

— Чья? — сердито буркнул Колька, мрачно покосившись на неё. По всему его виду было видно, что внешним видом машины он совершено, не впечатлён.

— Делового человека мечта, — огрызнулась Галка.

— А ветром не опрокинет? — тут же с усмешкой полюбопытствовал Васька. — Не высоковат ли бочок?

— Не должно, — с независимым видом возразила Галка. — Да и когда грузом забьём, его не так-то просто будет каким-то ветром пошатать.

— Ага, — мрачно буркнул Васька. — А то ты знаешь, какие ветры там, в степях бывают. Жуть. Как бы проблем не было, — мрачно проворчал он.

И подо что эта коробчёнка?

— Ну, ты, Васька совсем тупой, — рассердилась Галка. — Под хлопок, разумеется, под шерсть, подо всё что угодно, объёмное и лёгкое. Практически точная копия фургона, что сейчас работают там, на торговых трассах Приморья. Все основные пропорции сохранены, только что больше. Пойдёт им на замену.

Соответственно по объёму один такой кузов заменит три ваших полноценных фургона. А если сзади на жёсткой сцепке прицепить ещё и прицеп, длиной этак в четыре, четыре с половиной метра, то и все пять фургонов заменит. А при определённом мастерстве водителя, таких прицепных фургонов может быть и два. Целый автопоезд! Тут всё от веса груза зависит и от мастерства водителя.

И главное что не сожгут такой фургон, при всём желании, негорючая фанера не даст. Представляешь, какая экономия и на возчиках, и на лошадях. И сколько мы на этом деле заработаем.

Если, конечно, у нас всё получится, что задумано, — задумчиво почесала она пальчиком висок. — И если нам дадут спокойно довести свой груз обратно до дома.

— Главное, вернуться взад, — мрачно буркнул Колька. — Желательно, живым. Хочется.

— Кузов — фанера пятёрка?

— Сдурел, Васька? Троечка! Специально для нас сделали. Вот кабина — из пятёрочки, а кузов — троечка.

— М-да? И сколько их таких будет?

— Ещё парочка и всё. Пока нам хватит. Остальные машины подо что-то другое будем приспосабливать. Если будем, конечно. И если шофёров где-нибудь найдём.

— Не найдём, из своих рядов выдвинем, добровольцев принудительных, — флегматично заметил Васька. — Обучим. Время ещё есть. Опыта в пути наберутся.

— Покрасить бы, — Колька не сводил с машины холодного, оценивающего взгляда. — Слишком выделяется.

— Краски нет, — тут же спустила его на землю Галка. — Нет, и неизвестно когда будет. Так что, будет у нас теперь Чёрный караван. А что, мне нравится? Галкин Чёрный Караван! Звучит!

Молчаливо переглянувшись, Колька с Васькой лишь улыбнулись. Галка своим стремлением каждый раз подчёркивать собственное лидерство их уже откровенно достала, но они оба молчали. Пока. У них был жёсткий приказ баронессы не идти на обострение. Тем более что у Галки дальше слов дело обычно не шло, поскольку Галка прекрасно понимала от кого зависит. А полгода нищенского существования, похоже, хорошо прочистили ей мозги. Так что сама она тоже старалась палку не перегнуть, всячески подчёркивая, что это их совместное предприятие.

— Кстати, желаете полюбоваться на наших монстров и во что они превратились?

— А что, уже? — оживился Колька. — На прошлой неделе ничего готового ещё не было.

— Как обычно, — расплылась в улыбке Галка. — Ночку

недоспали, утром встали пораньше — нам один бензовоз.

— Один?

— Если бы, — лёгкая тень недовольства набежала на лицо Галки. — Готовьтесь парни развязывать свою мошну. У меня все деньги кончились. Как говорится, дружба дружбой, а за ночные подработки придётся людям приплатить. И платить придётся из своего кармана. Иначе, нам тут будут очень не рады.

— Вот вы где.

Тщательно вытирая руки от машинного масла какой-то ветошью, в распахнутых воротах цеха стоял Богдан Трошин.

— Ну, орлы и орлица, смотреть собираетесь, что Белые пригнали или так и будете дальше у ворот лясы по пол дня точить?

— Когда?

— Что когда?

— Когда это они машины пригнали? Вроде только вчера вечером с ними договаривались и договорились сегодня на полдень, а ты говоришь что уже.

— Я ж говорю, дрыхните долго. Утром ещё пригнали, до рассвета, пока вы по койкам у себя дома дрыхли. До зари встали и рано-рано утречком уже были здесь. А к вечеру снова здесь будут, уже со второй партией машин.

Вот это я понимаю. Деловые люди. С такими приятно дело иметь, а не то, что с вами, оболтусами, которым до сих пор надо носы подтирать.

— Ну! Что я вам говорила, что малым числом эти мелкие жулики не удовлетворятся, — гордо подбоченясь, повернулась Галка к друзьям. — Так сколько, говоришь, машин они пригнали? — требовательно глянула она на кузнеца.

— Не говорил, но скажу, — улыбнулся тот. — Первая партия была из четырёх машин. А вторая — обещались ещё пять штук сегодня вечером подогнать. Всего — девять.

— Ну? — весело улыбаясь, развернулась Галка к друзьям. — Что теперь скажите? Спустим подобное самоуправство мелкому жулью? Или всё ж пожалеем бедных детушек, устрашённых грозным папиком?

— По мне, чем больше, тем лучше, — невозмутимо отозвался Колька. — Я бы и ещё на десяток согласился, только б побыстрей.

— Отлично! Есть предмет для разговора с курвиными детишками, — радостно потёрла Галка ручками. — Ух, я с ними и поговорю. Так! Что стоим? Двинулись? Советую. Там точно есть на что посмотреть. Мастерская работа. Не то убоище, что делает наш Кондрат, которому руки давно пора было пообломать за то, что он творит. Тут сразу видно работу настоящего механика.

Мастер, одно слово. Не чета этому стальному прилипале.

— Ну, пошли, — наконец-то отлип Колька от разглядывания своего кунга. — Веди, Вергилий, точнее, Виргилиха, — тяжко вздохнул он. — Кстати, спросить хотел. А чего вы кабину какую-то уродскую сделали, из одних углов? Да и маленькая она какая-то, толком не развернёшься внутри.

— А у тебя деньги на гнутый каркас есть? — устало усмехнулся кузнец. — А на гнутый профиль? А на большие листы фанеры под больший каркас? На первый сорт, а не на второй, из обрезков? Нет?! Вот и заткнись.

А не нравится, ещё две цены добавляй и будет тебе кабина: и гнутая, и просторная, и без углов. Только не сегодня, не завтра, а месяца через два. Или ты думаешь, что у меня тут заняться нечем, как только тебе, такому хорошему, изящную кабинку под тощую твою задницу мастерить. Да чтоб твой высокий эстетический вкус не пострадал.

У меня первым в очереди стоят две гондолы для дирижаблей, представительского класса, на свадьбу, со всей внутренней начинкой и отделкой по высшему разряду. Чтоб там этот…, — на миг замялся он, — дизайн был на уровне.

Изабелле на свадьбу ехать, а вам на войну. Так что, для вас сойдёт и так. Главное — крепко.

— Кх-м, — закашлялся изумлённый Васька. — Ты это серьёзно?

— А ты думал, что я шучу? — неподдельно изумился кузнец. — Вась! Ты трудозатраты посчитай. Навинтить на шурупах или на болтах скрепить, пусть даже и с проклейкой стыков, прямые листы, или парить их в водяной бане, гнуть по шаблону, да ещё и наклеивать послойно лист шпона один за другим, повторяя причудливые изгибы кабины. Да не просто так, а с перехлёстом, чтоб ни ослабления, ни стыков никаких не было, чтоб единый монолит был. Да потом ещё и обрабатывать готовую кабину особым способом для придания ещё большей крепости.

Бери что дают, а с меня хватит и этого вашего монитора, и куницыных мастеров. Век бы их не видеть, уродов, — выругался он.

— Ну, монитор, положим, Куницын, — ухмыльнулся Васька. — Как спирт перевезём, так ему уродца и отдадим.

— Ты про уродца смотри такое при его мастерах не ляпни, — сильно понизил голос Богдан, недовольно оглядываясь по сторонам. — Они-то в восторге от созданного ими «чуда» и не понимают, что можно было намного лучше построить. Это мы-то с вами знаем, что можно и крепче сделать, и красивей. А они пусть считают, что добились своего. Тем более что пушек у них

вдвое против наших будет. Что не есть хорошо, — тяжело вздохнул он.

— Кстати, как там Митька? — полюбопытствовал Колька.

— А чё, Митька? Чё ему станется, — пожал плечами кузнец. — В отличие от вас, бездельников, Митька работает. С утра и до позднего вечера вкалывает на верфи. Это вы бездельники на юга протрястись намылились и фигнёй всякой маетесь. А серьёзные люди работают. Митька днюет и ночует вместе со своей женой в испытательном бассейне, а потом мчится на завод воплощать в натуре свои задумки.

Как Фома ему подкинул идею с опытным бассейном и масштабным макетированием, так у парня просто крышу снесло. Всё модельки свои клеит. Выискивает, какая форма корпуса лучше.

— Ну и как, получается?

— Да вы и сами могли бы видеть, что у них получается, на примере второго корпуса монитора. А уж про баржи я вообще помолчу, конфетка. Вот тебе самому, какой монитор больше нравится? Первый или второй? Куницын, или наш?

— Наш, конечно, — возмутился Васька. — Наши бесспорно лучше. Да Куницыны мастера и сами это признают. Я тут намедни краем уха слышал их разговор меж собой. Понравилась им идея Фомы. Тоже собираются где-то у себя на клановых верфях строить опытный бассейн. Потому как много неясностей с той артиллерией у них вылезло.

И ещё я слышал, сам Куница говорил, что с первой выручки за спирт будут они закладывать свой собственный монитор. Уже без нас. И без нашей фанеры: металлический каркас с броневым металлическим поясом. Чтоб от нас ни в чём не зависеть. Да и дешевле это им, якобы, выйдет.

Где-то есть у него выход на большие объёмы хорошего оружейного металла, вот Куница хвост и задрал.

И на одном судне останавливаться они точно не собираются. Серию сразу будут закладывать из пяти штук. Уж больно их амазонки на реке достали. Говорит, никакого терпения уже нет, охамели совсем. Как в войну с ящерами ввязались, так семь шкур теперь дерут с каждого, кто мимо проплывает.

И орудия себе ставить они будут другие, огнестрельные. Три версты дальности стрельбы пневматикой его никак не устраивают.

— Флаг ему в руки и барабан на шею, — равнодушно зевнул Богдан. — Думает, денег много за спирт свой получит, так можно и на дорогие снаряды потратиться, — пожал он плечами. — Ну-ну. Его дело.

Ну, так мы идём смотреть работу Белых, — рассердился он, — или вы так и будете возле своего гробика фанерного стоять, любовно оглаживая его по всем выпуклым местам? Вот женись, Васька, и жёнку так свою нежно оглаживай.

— Идём-идём-идём, — заторопился Васька, наконец-то на самом деле отлипнув от так понравившегося ему чёрного корпуса кузова и двинувшись следом за Богданом в цех. — Это ты нас здесь в воротах держишь и баснями кормишь. А мы уже все в предвкушении. Интересно же. Показывай, противный, что парни привезли.

— Чё?! Нарвёшься ты когда-нибудь, Васька, — беззлобно проворчал кузнец, покосившись на наглеца. — Когда-нибудь я тебе точно твой язык без костей вырву и оставлю тебе же на память. Чтоб не забывал и думал что ляпаешь.

Всё же иногда у Васьки включалось в мозгах здравомыслие и ему хватило ума не отвечать на подначку, иначе бы усталый кузнец, недовольный дополнительной неурочной работой, ему точно чего-нибудь оторвал. Язык, не язык, но уж пендаля бы точно влепил крепкого. Уж очень он сердит был на свалившихся ему буквально на голову парней. Точнее, бесцеремонно усевшихся на шею.

По счастью до выяснения отношений дело не дошло и буквально через пять минут, быстро пройдя по длинному, с высокими потолками корпусу механического цеха, они через задние ворота вышли на задворки.

— Упс, — первой отозвалась Галка. — Всего второй раз вижу работу Кура и окончательно убеждаюсь. Мы не на того поставили.

— Согласен, — устало кивнул Богдан. — С какой стороны не посмотри, мастерская работа. А Кондрат Стальнов, ваш основной работник, не стоит того, чтобы на него время своё тратить. Халтурщик. Если он считает, что ему недоплачивают или его в чём-то обманули — хорошей работы от него не жди. Слепит тяп-ляп, лишь бы с рук сбыть. От себя добавлю, что внутреннее содержание Куровских машин полностью соответствует прекрасному внешнему облику. Машины, словно только что с завода. И даже лучше.

— Одна проблема — кабины металлические и с обычными стёклами. Считай что водители — уже покойники. Ну да это не беда. Если не гонитесь за изяществом, за неделю по вечерам я вам все девять кабин переделаю. Не таких красивых, конечно, как эти, но кабина из броневой фанеры пятёрочки будет, а на днище так и семёрку поставлю. Если наедете на мину, что вам «добрые» местные жители обязательно под колёса подсунут, так хоть ноги целыми останутся. За уши ничего не скажу, но ноги по яйца точно

не оторвёт. Да и бронированное лобовое стекло ни стрелой, ни пулей не выбьет. А этот металлический хлам можете сразу выкинуть. Или продайте кому, кто купить пожелает.

— А у нас готовых кабин нет? — повернулся к нему Колька. — Гнутых?

— Что, денег много?

— Да нам же не на один ведь раз. Думаем и дальше их по Приморью гонять. Хотелось бы чтоб был посимпатичней того монстра, что ты склепал на том шерстевозе. И не на все девять, а только на три наших. Куровские обойдутся.

— Перебьёшься, — равнодушно отозвался кузнец. — Вот вернётесь, тогда подумаем. А сейчас получишь то, что успеем. Сейчас времени на ваши изыски у меня нет. Все украшательства на потом, на зиму или даже ещё дальше — на весну.

Вот тогда заплатишь, сколько скажут, если нужно ещё будет, — равнодушно пожал плечами кузнец. — А сейчас, может вам кузов крытым сделать, по подобию шерстевоза? Или ограничиться одной кабиной?

Весь, — перебил Кольку оживившийся Васька. — Кузов делай крытым. И чтобы там ровно на пятнадцать двухсотлитровых Дормидонтовых бочек кузов был рассчитан. Ровно на три тонны. Завтра мы тебе как образец подгоним одну такую, у нас есть. Вот под этот эталон всё и рассчитывай.

— А зачем бочки то укрывать? — изумилась Галка. — Или боитесь, что дождичком намочит? — расплылась она в ехидной ухмылке.

— Достаточно одной отравленной стрелы в бок или днище бочонка, чтоб всё вино пошло на выброс, — хмуро покосился на неё Васька. — Думаешь, самая умная? Думаешь, нам дадут спокойно провезти вино? Щаз! До первых кустов. По простому принципу: или мне, или никому.

— А то и ещё хуже быть может. Там всяких умников полно. Стрельнет такой дятел из духовушки отравленной стрелкой, и хорошо потом будет, если вовремя заметишь на боковине или на днище маленькое чёрное пятнышко-след от отравленной стрелки. Так отравленное вино иной раз заказчику и доставишь.

Он проверяет и тебя за одно место, хвать. Чего привёз?! Яд? Потравить хотел?

Приходилось, бывало такие жуткие неустойки платить, что волосы дыбом вставали. Да ещё раз десять извиняться потом, чтоб зла не держали. Да поминки тащить немалые. Так что лучше подстраховаться лишний раз и везти груз в крытом, защищённом со всех сторон грузовике. Чтоб не знали, что везёшь, куда везёшь, кому везёшь.

— Насчёт вина Дормидонта у нас с ним появилась другая интересная задумка, — перебил Ваську кузнец. — Думаем те стеклянные баки на четверть тонны, что вы под свой бензин планировали, установить на такой вот грузовик и приспособить под перевоз дешёвого столового вина. А бочки оставить дома под элитное вино.

— Ну-ка, ну-ка, поподробней, — оживился Колька. — Это что-то новое. У нас вроде как не было о том разговора. Бочки куда говоришь? А…

— Поподробней, это вы с Беллой Юрьевной поговорите, если интересуетесь. Это её идея, развитая Дормидонтом. А вкратце — делаем на шасси трёхтонного студебеккера не бензовоз, а виновоз. Вот от этого и пляшите.

— Ик, — растерянно икнул Васька….

— Смотреть будете?

— А что, есть на что?

— Есть. Две штуки.

— Будем, — Васька решительно мотнул головой. — Надо разобраться, что вы там задумали с виновозами. Оч-чень интересно.

А потом тебе, Галочка, просили персонально передать, чтоб больше не пряталась и прибыла в землянку для отчёта, как идут дела с подготовкой, — бросил Васька короткий взгляд на Галку. — А то нам с Колькой надоело уже каждый раз всё на свою голову принимать. Не бойся, Белла Юрьевна не страшная и за болото тебя не прибьёт, хотя, честно скажу, очень хочет. Даже Корней боится теперь в городе показаться. Мы своё уже получили, теперь очередь звиздюлей получить за тобой осталась. Так что, готовь шею и чисть уши. Тебе предстоит узнать много нового и о себе и о своих умственных способностях. Уверяю тебя, лекция будет весьма познавательная.

Северный речной порт.

За последние несколько лет северная часть портового залива города, когда-то по совершенно нелепому случаю отошедшая компании землян, если как-то и изменилась, то внешне это было мало заметно. Если не считать, конечно, того, что на этом, пустынном прежде крае просторной сильно заболоченной прежде речной старицы, стало чуть-чуть посвободней от той массы мусорного топляка, прежде буквально устилавшим всю водную поверхность этой части залива. Теперь большая часть прятавшихся под водой древесных стволов была аккуратными

высокими штабелями складирована на берегу, дожидаясь своего часа, когда извлечённая из воды мокрая древесина хорошенько просохнет на солнышке и будет пригодна для дальнейшей утилизации.

Нет, просто так жечь находящуюся буквально под стенами города, оттого и столь ценную, древесину никто не стал бы. Хотя бы потому, что побывав зачастую много лет под водой, горела она неважнецки и потому те, кто имел возможность купить нормальные дрова, предпочитали приобрести пару подвод каменного уголька с озёр или, на худой конец, прикупить с каждым днём дорожавших обычных дровишек, поставлявшихся в город лесорубами. Эта же, ни на что, кроме как на отопление домов не пригодная древесина, давно уже стояла у компании, словно кость в горле, не знавшей, куда бы их утилизировать. И по совсем недавним взаимным договорённостям была обещана Городскому Совету для распределения небогатым жителям этого города для обогрева их домов зимой. В основном тем небогатым жителям городских посадов, кто не мог себе позволить свободно прикупить воз, другой дров на местном рынке возле Дровяных ворот. Цены на дрова, из-за запрета на сплошные рубки в ближайших к городу лесах, стремительно росли день ото дня, а каменный уголёк, которым последнее время всё больше и больше торговала компания землян, заполучившая в тех краях каменноугольные копи, для многих серьёзно кусался. И как компания землян не старалась удешевить добычу и доставку, а близость к границе и постоянные набеги ящеров, сказывались на цене, и довольно серьёзно.

Обычная для любого пограничного города практика поддержки малоимущих. Когда те, кто могут, безвозмездно помогают кому-либо из своих небогатых соседей, в первую очередь кому-то из переселенцев.

Впрочем, переселенцами бедноту называли ещё по старому, давно укоренившемуся обычаю называть так всех тех, у кого не было своего угла в городе, и с нынешними временами не имевшему ничего общего. На сегодняшний день это были в основном те, кто по каким-либо причинам ещё задержался в портовых бараках, и за многие годы, прошедшие со времён массового исхода с Чёрной реки, так толком и не прибился к какому-либо доходному промыслу в городе, превратившись в вечных неудачников.

Впрочем, данный небольшой экскурс в историю Ключёвского Края и взаимоотношениям меж собой разных слоёв местного населения, не относился напрямую к тому предмету, из-за которого баронесса Изабелла де Вехтор, или, для своих, Белла

Юрьевна, этим полднем посетила свою пристань. Скорее всего, сей экскурс являлся некоей флуктуацией ума её, вздумавшего что-то пофилософствовать. Наверное, голову напекло жарким августовским солнцем, вот туда и лезла всякая хрень.

Собственно сюда она явилась по совершенно конкретной, довольно неприятной причине, о каковой и собиралась известить местный люд.

Впрочем, палуба самоходной баржи, которую доводили до ума и окончательно отделывали перед отплытием на свадьбу, в этот полуденный час поражала своей безлюдностью. Словно все вымерли.

— Глеб! Глеб!

— Да чё ты каждый раз орёшь-то, Белка, словно тебя режут. Ажно в ушах от твоего голоса звенит. Молока бы тебе, что ли, холодненького выпить? Всё бы не так в ушах звенело.

Из незамеченного Белой палубного люка у неё под ногами, скрытого наваленной на палубу баржи кучей какого-то неустановленного ещё оборудования, медленно до пояса высунулся Глеб Трошин. Подняв щурящиеся после тёмного трюма глаза к зениту, он поморщился, как человек, внезапно попавший на солнце после долго пребывавший в тёмном помещении, и перевёл недовольный взгляд на стоящую над ним, уперев руки в боки Изабеллу.

— Ну чё те опять надо? — недовольно проворчал он, продолжая щуриться на полуденное солнце. — Виделись же вчера. Вроде как всё решили. Чего ты опять у нас забыла?

— Ласковый ты какой, — сердито проворчала Белла. — С тобой как пообщаешься пять минут, так словно ведро лимонов скушаешь, сплошная кислятина. Докладывай! Что это ещё за история с брёвнами?

— Какими брёвнами?

— Не делай непонимающую физиономию, — рассердилась Белла. — Что здесь делают эти люди?! — ткнула она куда-то в сторону берега обвиняющим перстом.

— Солнце моё…

— Я не твоё солнце, я Сидора солнце. А ты не подлизывайся. Ответствуй мне. Кто эти люди и чем они тут занимаются?

— Какие люди?

Ничего не понимающий кузнец вылез наконец-то из палубного люка, и, захлопнув крышку за собой, чтоб, не дай Бог, кто-нибудь случайно туда не свалился, подошёл неспешно к высокому фальшборту баржи.

— А-а-а, эти…, — смущённо протянул Глеб, — Ну, так эта, — довольно косноязычно попытался он что-то объяснить. — Так это

ж переселенцы из портовых бараков: Потап Сивый со своими односельчанами.

— Я вижу, что это переселенцы и вижу что это Потап. Я не слышу от тебя ответа. Что они тут делают?

— Ну, так эта. Нам залив от топляка расчищают, — сделал честные, непонимающие глаза Глеб.

— А по моему, они у нас дрова воруют, — обличительно ткнула в нос Глебу своим пальчиком разгневанная Белла. — Которые, между прочим, мы обещали Совету, чтоб он скис.

— Да нет, Белла. Какое ещё воровство? Прежние товарищи, которым мы обещали эти дрова, ничего не вывозят, всё тянут. Зимы ждут. А мне надоела эта бодяга и замусоренный берег. Вот я и разрешил Потапу со своими почистить немного залив и берег. И нам хорошо, избавимся наконец-то от ни на что не пригодного мусора, и ему неплохо, не надо дрова на зиму покупать.

— Немедленно прекратить! А если им нужны дрова, то пусть сами вытаскивают топляк из воды, сами пусть его сушат, хоть на солнце, хоть собственным задом, и сами же, хоть на собственной спине, хоть как, доставляют его к своим баракам.

Эти дрова ещё Пашкин Толян вместе с моим Сидором доставали из воды, а ты их за просто так отдал каким-то лодырям.

— Во-во, — невозмутимо отозвался Глеб. — Именно что Толян.

Всё возмущение Изабеллы скатывалось с невозмутимого кузнеца как вода с каменной глыбы, не оставляя на ней ни малейшего следа.

— А ты, Белка, не прикинула, сколько времени прошло с того времени как они тут с твоим Сидором свою поленницу из топляков сложили? Небось, пара лет уж точно прошла, а ничего с ними так и не сделано. Ты подумала об этом, перед тем как на меня бросаться? Они, поди, уж сгнили давно. Я Потапа и нанял то для того, чтоб он нам берег от хлама почистил хоть как-то. И чтоб можно было бы хоть ездить мимо посвободнее. А как уберут то, что там, на берегу валяется уж, сколько лет, так чтоб сразу занялись тем, что осталось ещё в воде.

— И что? Значит из-за того что тебе какое-то брёвнышко мешает проехать спокойно мимо штабеля дров, можно теперь разбазаривать компанейское добро? На то чтобы эти брёвна из воды достать, между прочим, человеческий труд был затрачен. И немалый. И он, между прочим, денег стоит. Люди в ледяной воде работали, а ты просто так взял и отдал его каким-то портовым лодырям.

— Не за просто так, а за работу. Они нам потом залив от

топляка расчистят. А чтоб расчищать, надо ещё место под складирование подготовить. А берег, между прочим не резиновый. Так забит, что там хворостина между стволов лишняя не влезет, свободного места нет.

— М-да? — с издёвкой ухмыльнувшись, сбавила немного напор Белла. — Всю прошлую неделю я здесь наблюдаю эти вялые фигуры и что-то не вижу, чтобы за это время здесь что-либо кардинально изменилось. Где их работа?

— Куда ты гонишь? Нет, так будет, — невозмутимо пожал плечами кузнец. — Не всё сразу. Им надо ещё место возле своих бараков подготовить под дрова, с возчиками договориться, то, сё. Не всё так просто и не так быстро как тебе хотелось бы. И вообще, я тебя не понимаю. Тебе что, это гнильё жалко? Да пусть они возьмут себе хоть весь наш топляк на дрова, лишь нам расчистили перешеек от мусора. Нам же лучше в итоге. Можно будет потом свободно здесь ездить, а не вилять как пьяный грузчик меж сгнивших уже поленниц.

— Сам ты мусор! — взорвалась неожиданно Белла. — Эти уроды и не собирались свои бараки зимой топить, чтоб ты знал. Пока ты тут клювом щёлкал, они продали наши дрова купцам с низовий Лонгары под видом драгоценного морёного дуба. Воспользовались чисто внешним сходством нашего топляка с морёным дубом и втюхали незнайкам ни на что не годные дрова по баснословной цене.

— Что за бред, — изумился Глеб. — Они что совсем слепые? Не видят что покупают? Прежде чем что-то покупать, пусть сперва глаза разуют.

— Значит, не видят. Значит, такие знатоки. Значит, глаза зашоренные. А жулики твои этим и воспользовались. Только единственную ошибку допустили. Не догадались нанять промежуточный склад, который бы засветили перед покупателем. Поленились, или денег решили сэкономить. Отсюда прямым рейсом стали вывозить наши дрова тем придуркам на их лодью. И вот на этом их и застукали.

Кто-то увидел, что творится что-то не то, и стукнул в Совет. И мне сегодня всё утро гадский Голова ездил по ушам, пытаясь с нас содрать неустойку низовым купцам за якобы наш преднамеренный обман. Обрадовался, гадёныш, что может нас хоть чем-то прижать, и тут же воспользовался удобным случаем.

Слава Богу, удалось отбрехаться, — постепенно успокаиваясь, уже более спокойно проворчала Белла. — На очной ставке купцы признали, что лично мы им ничего не продавали и что с нами они даже не знакомы. Вот и пришлось Голове самому отдуваться и уже самому выплачивать купцам поминки за обман. С тех-то

нищебродов чего взять, нищие. Так мерзавец всё утро не мог успокоиться и пытался и с нас хоть что-то вытребовать.

Так что прекращай заниматься благотворительностью и гони этих халявщиков отсюда поганой метлой. Иначе я сама за них примусь, и чем это закончится, ты можешь сам догадаться по моим о-очень горячим к ним чувствам.

А если кому-то действительно нужны бесплатные дрова, то пусть начинают вон оттуда чистить залив, — не поворачиваясь, Белла небрежно махнула рукой куда-то в сторону города. — От примыкающего к стене города берега нашей части залива и дальше вверх по ручью. Пусть оттуда начинают вытаскивать на берег топляк. Там и место для складирования есть в достатке, да и топляка полно. К зиме как раз подсохнет на солнышке и можно будет на дрова использовать.

А наши старые штабеля нечего трогать. Сами их к чему-либо пристроим.

Короче, хотят бесплатные дрова — пусть сами и поработают, а заодно и нам ту часть залива и русло ручья хорошенько почистят. А то у меня всё руки до того угла никак не дойдут, а давно надо было бы почистить.

И ещё. Убирай всех отсюда. Пора. Нечего тут посторонним делать. Пока мы не отплыли, нам не нужны здесь чужие глаза. Никто не должен видеть, что мы собираемся грузить в трюм.

Ну! — требовательно глянула она на смущённого Глеба. — Чего встал, не шеволишься? Шевелись!

— Что ну? Что ну? — растерянно почесал тот затылок. — Откуда ж я знал, что они жуликами окажутся. Вроде прежде за ними такого не водилось. Сказали, что увидели, что мы здесь возимся, вот и пришли, попросили помощи с дровами. Мол, денег у них нет, дрова купить, а зима на носу. Я и дал разрешение, чтоб брали гнильё всякое. Да вишь, не уследил.

— Плакаться потом будешь, а сейчас гони их отсюда, — сухо обрезала разговор Белла.

Развернувшись к берегу, Глеб перевесился через высокий борт баржи, и чуть склонившись вперёд, в полный голос заорал, махом руки подзывая к барже какого-то мужика в драной, грязной одежде, что-то копошащегося возле складированного на берегу бурта топляка.

— Потап!

— Чего?!

— Не чего, а иди сюда!

— Зачем?!

— Иди, кому сказано!

Терпеливо дождавшись, когда тот неторопливо, с ленцой

подбежал к перекинутым на причал сходням, с кривой усмешкой приказал.

— Значит так, Потап. Шабаш. Заканчивайте с тем, что лежит в штабеле, а дальше, если есть ещё нужда в дровах, таскайте уже сами из воды. И можете начать во-о-он с того дальнего края, — протянул он руку в сторону далёкой отсюда крепостной стены города.

Вон там вдоль ручья и вдоль дороги места под новые штабеля вполне хватает. Туда и будете вытаскивать топляк и складировать. Там ваши дрова до зимы и просохнут. А нет, так валите нах… отсюда. На вас жалоба пришла из Совета, что вы приторговываете на сторону нашими дровами. Да ещё под видом морёного дуба купцам с низовий за большие деньги втюхиваете. У нас из-за вас чуть было проблемы не образовались. А проблемы нам не нужны.

— Ты чего Глеб, — возмутился мужик возле сходней. — Да мы… Да… Да брехня всё это!

— Ты считаешь, я лгу?

Медленно подошедшая к высокому фальшборту лодьи Изабелла только в этот момент стала заметна стоявшему на низком берегу мужику, что буквально ввергло того в ступор. Замолчав, явно не зная, что сказать, тот немного помялся с ноги на ногу и, махнув рукой, молча двинулся собирать копошащихся возле штабеля брёвен своих людей.

Судя по косому взгляду, мельком брошенному им на стоящую у борта Беллу, тот не нашёл ничего, чтобы ответить Изабелле. А может и побоялся ей врать.

— Та-а-а-к, — мрачно прокомментировал поведение старого знакомца Глеб. — Смолчал. Значит, ты была права. Вот гад.

— Обалдеть! — возмущённо хлопнула себя по бёдрам Белла. — И перед кем я тут добрых полчаса распиналась? Я, значит, по-твоему, сочинила всё это? Вот делать мне нечего, как сказки сочинять. Ну, ты, блин, даёшь, — даже растерялась она на какое-то мгновение.

— Э-эх, дурак я, дурак, — расстроенно покачал Глеб головой. — Не обижайся, Белка, забыл я. Забыл, что с профессиональными босяками нельзя дела иметь. Лето в разгаре, а они по баракам сидят, лапу сосут и ничем не заняты. Будто в городе работы нет. И как я не сообразил сразу, чем всё кончится.

Нет, — тяжело вздохнул он, — надо с ними, с дармоедами, сразу завязывать, пока опять в какую-нибудь гадость не вляпались.

Потап! — снова заорал он, торопливо замахав рукой, подзывая.

Терпеливо дождавшись, когда тот мрачно зыркая на него снова неспешно, никуда не торопясь подбежал к сходням, сухо бросил, гладя на мужика исподлобья.

— Значит, так, Потап. Я передумал, — мрачно проговорил Глеб. — Раз вы пойманы с поличным, да ещё на воровстве и обмане, то никаких бесплатных дров вам от нас не будет, ни сейчас, ни потом. Короче, собирай своих, и валите отсюда с концами. И чтоб я ни тебя, ни твоих людей больше рядом с нашей пристанью не видел. Увижу, что хоть щепку на нашем берегу подобрал, руки вырву. И я это сделаю, чего бы мне это потом не стоило. Ты меня знаешь.

Понял? По глазам вижу что понял, — зловеще ухмыльнулся кузнец. — А теперь пошёл отсюда, урод.

Проводив взглядом мрачно отошедшего мужика, скосил глаз на Беллу.

— Ну что, довольна?

— Чем?

— Тем, что прогнал.

— Нет. Лучше бы они нам отработали хотя бы половину уже вывезенных дров из штабеля Толяна. Тех, что втюхали купцам с низовий.

— Ну-у-у, — разочарованно протянул кузнец. — И всё-то тебе не так. И так — не так, и эдак — не этак. Тебе не угодишь.

— Вот не надо мне угождать, — рассердилась Белла. — Ты лучше мне скажи, что нам действительно делать с этой кучей дров, что уже столько времени гниёт здесь на берегу? Весь свободный берег захламили. Сегодня нас твой Потап чуть было с ними не подставил, а завтра найдётся кто-то другой, такой же ушлый, только поумнее. И что? Выплачивать каждый раз потом поминки очередным обманутым купцам? Только теперь уже из своего кармана?

— Отдай дрова Митьке, пусть шпона из них нарежет для своей фанеры, — сердито отозвался расстроенный кузнец. — Глядишь, что-нибудь толковое и получится. А не получится, так хоть отвлечётся. А то этот экспериментатор меня уже достал своими фантазиями. То один шпангоут ему не так согнут, то другой — давай согнём по-другому. Экспериментатор, блин. Всё идеальную форму корпуса ищет. Надоело. Пусть теперь вместе со своей женой с морёным деревом поэкспериментирует, и с фанерой. Глядишь, что интересного и получится.

— Э-э, — замялась Белла. — Да как-то вид у топляка какой-то не такой, грязный. Все резаки сразу затупит.

— Затупит — наточит. Сломает — починит. А перед тем от грязи отмоет. Заодно и берег от залежавшегося мусора нам

почистит. И нам хорошо, и парень при деле. А то спасу уже от него нет, достал уже. Всё-то ему с чем-нибудь поэкспериментировать надо. Вот и будет ему поле для очередных экспериментов с новым, перспективным материалом. Глядишь, чего у него и получится.

Женили парня на амазонке, да к тому ж из какого-то заречного рода корабелов, вот и получили на свою голову энтузиаста корабела. Надо было ему нашу, местную девчонку подсунуть, домашнюю, да чтоб потише. Глядишь, не маялся бы сейчас дурью.

— Ладно, — махнув рукой, Белла отошла от борта. — Мысль интересная, и с Митькой я поговорю. Может и заинтересуется наш изобретатель. Но это всё дела будущего, а сейчас я бы хотела знать, как идёт монтаж моторов.

— Туго, — поморщился кузнец. — Людей не хватает. Было б у меня ещё мастеров с пяток, за неделю управились бы. А так, не ранее чем через десять дней. И это при том, что работаем в две смены. Люди с ног валятся от усталости.

— А всё же, пораньше?

— Побойся Бога, Белла, — возмутился кузнец. — Десять дней — крайний срок. Раньше — никак.

— Всё впритык, — тяжело вздохнула Белла. — Всё впритык. Тогда на разбор и погрузку в трюм дирижаблей нам останется одна лишь неделя, а потом — хоть и не езди никуда. Опоздать на начало церемонии я никак не могу. Лучше вообще тогда не приезжать.

— Есть выход, — многозначительно понизил голос кузнец. — Я тут посмотрел карту маршрута и вот что я тебе скажу. Если я не ошибаюсь, а на то очень даже похоже, то тебе не надо будет на лодье огибать весь запад континента и тратить на это целый месяц. И уж тем более не идти тем маршрутом, что первоначально планировал профессор по рекам да потом ещё и по волокам.

По-моему, карта его врёт. И самый короткий путь до столицы Подгорного княжества будет от срединного течения Лонгары строго на север, через пустынные земли западной части Амазонии. Как раз в тех местах, где Димон с трофейщиками как-то схлестнулся. Я прикидывал по времени и по расстояниям, это будет самый короткий и быстрый путь. Надо только место там, на Правом берегу укромное найти, чтоб вышку причальную для дирижабля установить и лагерь временный организовать, пока нас не будет. И оттуда можно здорово путь сократить.

— С профессором говорил?

— Говорил, он подтвердил, что карта его вполне может врать.

Никто её никогда не проверял.

— Ладно, тогда и я подумаю, — мрачно согласилась с ним Белла. — Поговорю с профессором. Как он скажет, так и сделаем. Но меня всё же сроки беспокоят. Можно ускориться?

— Ускориться не получится, — мрачно проворчал кузнец. — Людей катастрофически не хватает. Да и опыта нет. Дело то новое. А тут ещё и Митька со своими вечными придумками.

Ты не представляешь как он меня достал. Прибил бы паршивца с эго экспериментами.

Так что, делать нечего и от дальнего, лёгкого маршрута придётся отказываться. Иначе никак не успеваем на эту твою свадьбу. Сама же видишь. Совершенно новая конструкция баржи, никем до нас не обкатанная. Что и как устанавливать — никто не знает. Да и как она потом себя в дороге поведёт — одному Богу известно. Приходится раз по десять всё проверять и перепроверять. Оттого так и затянулось, — мрачно констатировал Глеб.

— Значит, отплытие точно уже на конец августа, — тихо проговорила Белла.

— Не раньше, — с мрачным видом кивнул кузнец. — Потому я и рассматриваю уже самый короткий маршрут.

— Ладно, — столь же мрачно согласилась с ним Белла. — Тогда не буду вам больше мешать. Халявщиков прогнала, теперь мне надо тут кое к кому в порту заглянуть, и всё, на сегодня — шабаш. Так что, если что будет надо, только свисни.

— Уже свищу. Людей надо, — тяжело вздохнул кузнец. — Лучше всего мастеров, но сойдут и любые другие подать-поднести.

— Десяток горшечников — хоть завтра, — выжидающе посмотрела на него Белла. — Я тут кое с кем из мастеров с Горшечного конца поговорила, и они согласны вернуть нам раньше времени двадцать человек. Но, при условии, что мы не будем требовать обратно неотработанную плату за обучение, и только горшечников. Кузнечные гильдии упёрлись рогом, и ни в какую.

— Давай хоть этих, — обречённо махнул рукой кузнец. — С паршивой овцы…. Ой! — запнулся он, растерянно глядя на удивлённо повернувшуюся к нему Беллу.

— Ну, Глеб, — прошипела разъярённая Белла. — Я тебе эту овцу ещё припомню.

— Да я… эта…, — вконец растерялся кузнец, не зная как выкрутиться.

— Ты! Эта! — слабо улыбнулась Белла. — Работай! Эта! И чтоб к двадцатому числу баржа была как штык! Иначе я тебе

припомню и овцу, и эта….

— Яволь, минхерц, — прижал к сердцу обе руки кузнец, умильно глядя в глаза Беллы.

Тихо рассмеявшись, оба наконец-то расстались.

Встреча с трофейщиком.

Привычную ко многому буйную публику припортового трактира «Весёлый докер» с низкими, удивительно уютными закопчёнными потолками над головой, если кем и можно было удивить, то уж точно не теми, кто поздним летним вечером распахнул её дверь. Точнее, не теми, а той, что спокойно вошла в широко распахнувшуюся дверь и по широким пологим ступеням неспешно спустилась в полуподвальное помещение. Здесь и не к таким гостям местный люд был привычен. Поговаривали даже, что когда-то и сам нынешний Голова не чурался заскочить к местному кабатчику вечерком, после напряжённого трудового дня пропустить стаканчик, другой хорошей, настоянной на кое-каких хитрых травках водочки. Не считая большого числа других, калганная настойка, или иначе калгановка — это был фирменный напиток этого кабака. И хоть рецепт её приготовления был особо не мудрён и всем любителям этой настойки достаточно хорошо известен, но вот у местного кабатчика она получалась почему-то лучше всех.

А после того как тот окончательно перешёл на зерновой спирт высшего качества с баронских заводов, как в городе последнее время стали называть спиртоводочные заводы компании землян под управление некоего Сидора и его друзей, то конкурентов у кабатчика не стало вообще. И хоть это достаточно заметно сказалось на цене, даже те, кто ранее всегда сам настаивал собственный самогон или водочку на корешках, предпочитали не жмотиться, а купить бутыль, другую у местного хозяина. На что тот всегда охотно откликался.

А последнее время, по слухам так вообще, оборудовал под гостевым залом новые рабочие помещения в глубоких подвалах и с утра до вечера каждый день готовил свой божественный напиток. И, как говорили знающие люди, с выросшими объёмами заказов уже не справлялся и думал даже расширяться. Для чего совсем недавно прикупил у города соседний с его трактиром ничейный участок портовых складов, откуда незамедлительно выселил в городские казармы всех обитавших там ранее самовольных вселенцев. После чего принялся ускоренно что-то в старых пакгаузах майстрячить. Видимо, ловил момент и

расширялся, раз слава его калгановки разнеслась столь далеко и у него появилась массовая клиентура.

Впрочем, что там, в старых портовых амбарах происходило на самом деле, никого не интересовало. Занят человек своим делом, никому не мешает, никого не обижает, ничего не нарушает — и ладно. Чего хорошего человека беспокоить. Тем более что тот и сам никогда не лез в чужие дела, удовлетворясь своим небольшим, доставшимся от родителей наследным промыслом.

Поэтому, когда негромко хлопнула входная дверь и три плотно укутанных в тёмные плащи женские фигурки быстро прошла по проходу между столов и одна из них опустилась за стол в углу, где коротала время унылая одинокая фигура Нечая Сулим, трофейщика с низовий, хозяин заведения предпочёл сделать вид, что никого не заметил.

Такой гостье в этом месте были только рады, а с пристрастиями и привычками хорошо знакомой троицы давно были знакомы. Так что, пока те не позовут, сами предпочитали не навязываться.

Впрочем, как и все остальные в кабаке.

Не признать фигуру подошедшего к Сулим человека, в этом городе мог только слепец или последний идиот. Изящную невысокую фигурку баронессы Изабеллы де Вехтор, одну из трёх закутанных в тёмные плащи фигур, ныне жёстко держащую в своих изящных ручках немалое хозяйство землян, а последнее время ещё более развернувшуюся в городе и в порту, невозможно было не признать. Да и бывала она здесь частенько, заскакивая в порт по своим делам и не брезгуя накоротке перекусить чего-нибудь вкусненького в припортовых кабаках, когда задерживалась по какой-либо причине.

Впрочем, причина частых её посещений тоже всем здесь была хорошо известна. Компания землян достраивала в речном порту одно из своих речных судов, которому не хватило места в их Южном заливе выше по Каменке. Так что в районе портовых складов последние дни лета баронесса была частым гостем.

А её хаотические внезапные посещения местных кабаков, перекусить накоротке или выпить стакан другой какого-нибудь безалкогольного напитка, немало способствовали тому, чтобы в портовых кабаках уровень мастерства приготовления блюд взлетел на немыслимую прежде высоту.

Ни сама баронесса, ни её многочисленное сопровождение денег на понравившиеся им блюда не жалели, немало тем обогащая портовых кабатчиков. Наверное, поэтому, стоило лишь ей как-то, случайно зайдя в один из местных кабаков брезгливо сморщить свой изящный носик и бросить мимоходом,

разворачиваясь обратно, что в таком свинарнике приличной публике не место, как на следующий же вечер обеденный зал провинившегося хозяина сверкал невиданной прежде белизной дочиста отскоблённых досок старых столешниц. А новый, нанятый в тот же день повар порадовал завсегдатаев из соседних бараков для переселенцев, прекрасными недорогими блюдами.

И ведь не побежал жаловаться в Совет на самоуправство баронессы, порочащей его «честное имя и достоинство», как мог бы. Хватило ума. А то, может, кто умный и отсоветовал, вовремя напомнив незабытую ещё всеми историю с разгромленными кабаками в центре города.

Тогда, вроде бы для хозяев заведений всё счастливо закончилось, и распоясавшемуся барону дали, в конце концов, по рукам. Только вот осадочек то с тех пор нехороший у многих остался. И хоть с тех пор эта компания землян никого в городе больше не трогала, удовлетворившись тем, что именно их водку прекратили подделывать, веры им не было ни малейшей. Убеждённость в том, что от этой шебутной компании ожидать можно всякого, прилипла к ним намертво.

Так что практически все, даже те, кого не коснулся вал погромов, старались лишний раз не привлекать к себе внимание этой наглой до невозможности группы землян от которой никто не знал чего в любой момент ожидать можно. В полном соответствии с поговоркой: «Не буди лихо, пока оно тихо».

И, что совсем удивительно, не прогадал хозяин. С появлением в порту баронессы, доходы портовых кабаков стремительно поползли вверх.

Однако, возвращаясь к прошедшей в дальний угол фигуре, ничем подобным, никакими такими мыслями, связанными с местным кабаком, она не заморачивалась. У неё, похоже, была другая цель, сугубо деловая.

— Нечай Сулим? — остановилась она возле пустого стола, на котором маячила грубого вида одинокая глиняная кружка и скромный кувшинчик какого-то безалкогольного напитка, если судить по совершенно трезвым злым глазам сидящего за столом человека.

— И вам доброго вечера, баронесса, — невозмутимо отозвался тот. — Каким ветром в наши края? Решили ещё жути на местных нагнать, и проверить какую водку и здесь подают, — не совсем в тему коряво пошутил он.

Однако заметив, как недовольно перекосилось лицо подошедшей женщины, поторопился исправиться.

— Впрочем, о чём это я. Меня ваши местные разборки не касаются. Присаживайтесь, — указал он на лавку напротив,

видимо вспомнив о вежливости.

— Ну, наконец-то, — недовольно проворчала подошедшая. — А то я хотела уж вам попенять, что вы невежливы, господин Сулим. Могли бы, и сразу предложить даме присесть.

— Извините, сударыня, это от растерянности. Был изумлён, увидев вас здесь.

— Отчего же. Я в порту частый гость. У нас тут дел полно. А надолго отвлекаясь от дома, приходится частенько навещать местную сеть общепита.

— Чего? Чего навещать?

— Кабаки! Кабаки местные посещать, чтобы покушать. Не таскаться же каждый раз на другой конец города, домой, — поморщилась баронесса. — А общепит — это кабаки по местному.

— А-а, — неопределённо как-то отозвался мужик. — Очень интересно. И главное — познавательно. Так что? Чем могу быть полезен столь неординарной личности, не брезгующей питанием в местных шалманах.

— Не наговаривайте, питание здесь приличное, — невозмутимо отозвалась Изабелла. — А последние месяцы так одно из лучших мест города стало по части питания. Такие блюда изысканные из речной рыбки подают — м-м-м, мечта! — восторженно закатила она глаза.

— Ну да, — ухмыльнулся понимающе мужик. — Особенно это стало заметно после того как вы начали тут регулярно питаться. Слышал, слышал. Теперь поваров из района порта заманивают даже в столовую Горсовета. А туда не со всякой рекомендацией возьмут. И всё благодаря Вам, Изабелла Юрьевна. Всё благодаря вашим личным усилиям.

— Да полноте вам, — поморщилась Белла.

— А местный кабатчик даже подумывает перестроить свой кабак, — усмехнулся трофейщик. — Собирается нарастить пару венцов над фундаментом, потолки сделать повыше, окна пошире прорубить, чтобы, как он сказал, воздуха было больше, света и не так давило на голову.

— Жаль, — машинально подняла глаза к низкому потолку Белла. — Такой уютный кабачок был. Мне так нравилось здесь обедать.

— Я передам хозяину ваше мнение, — одними губами изобразил улыбку её собеседник. — Думаю, он учтёт его. А то, перестройка это серьёзные траты, а к вашим словам тут серьёзно прислушиваются. Если вам здесь нравится, то хозяин точно ничего менять не будет. Мнение поречной ведьмы в этих краях высоко ценится.

— Прекратите подлизываться, — снова поморщилась

Белла. — Я пришла сюда не меню портовых кабаков с вами обсуждать и не уровень мастерства местных поваров.

Брови её собеседника изумлённо поползли вверх. Вот чего-чего, а подлизываться он и не думал. Впрочем, зачем это говорить собеседнице. Глядишь и расстроится. А расстраивать такую женщину не стоило. Она многое могла, так что с ней лучше было дружить. Или, по крайней мере, находиться в нейтральных ровных отношениях.

— Тогда, — склонил он чуть голову вперёд, — давайте перейдём к делу. Я вас слушаю. Чем моя скромная персона вас заинтересовала?

— Я решила поинтересоваться, не продали ли вы те два телефункена, которые недавно мне предлагали. Если ещё нет, то я готова их у вас купить.

— Не продал, — невозмутимо отозвался Нечай. — Но и вам не продам. Тут мне поведали кучу душераздирающих историй, как вы боретесь за справедливость и как наказываете тех, кто, по сугубо вашему личному мнению, торговал продукцией ненадлежащего качества. Точь в точь, как той, чем и я торгую.

Ну а поскольку я не в силах изменить потребительские качества продукта, которым торгую, то я сделаю проще, я ничего вам продавать не буду. Спина мне моя дорога. Думаю, вожжи, которыми вы по своему обычаю потчуете недобросовестных по вашему личному мнению продавцов, моей спине без надобности. Да и вряд ли я стерплю подобное, в отличие от местных, которые давно уже к вам привыкли и играют с вами в свои какие-то непонятные игры, — кольнул он Беллу ледяным, стылым взглядом. — А гарантировано получить за то от поречной ведьмы пару вершков острой стали в собственное брюхо, вызвав вас на поединок, как-то не хочется. Жизнь мне моя ещё дорога.

Поэтому, вы зря сюда пришли. Ничего я вам не продам. Хотя, честно признаюсь, очень хочется. Товар у меня есть, а вот денег, даже на обратную дорогу — нет. Как нет в этом городе и покупателей на мой товар. Вот и торчу здесь, который уже месяц, не могу домой выехать. Как бы зимовать в вашем городе не пришлось.

Видите, чем питаться приходится, — невозмутимо провёл он над столешницей левой рукой, как бы указывая на одинокий кувшин, стоящий на столе.

— Будет намного лучше, если вы и правую свою руку точно также спокойно и медленно вынете из-под стола, — невозмутимо проговорила Белла. — А то моя охрана последнее время стала чересчур нервная и может не понять такого вашего столь странного однорукого поведения. Убить меня своим кистевым

арбалетом вы всё равно не убьёте, если только несильно пораните. Бронь, всё-таки. А вот вас потом сильно покалечат. Боюсь что, до уровня, категорически не совместимого с самой жизнью.

Так что, выньте, пожалуйста, вашу правую ручку из-под стола и пристройте где-нибудь сверху столешницы, на виду. А потом мы с вами спокойно поговорим.

— Что ни говори, а приятно с профессионалом дело иметь, — невозмутимо проговорил трофейщик. — Сразу видно деловой подход. Не надо крутить вокруг да около, — изобразил он улыбку на губах, осторожно вынимая из-под стола пустую правую руку, и аккуратно пристраивая её на столешнице.

Итак, у вас есть что-нибудь ещё? Если нет, то позвольте мне и дальше наслаждаться в одиночестве столь чудным, а главное дешёвым напитком.

— Жаль, — задумчиво проговорила Белла, медленно подымаясь из-за стола. — Жаль, что вы не желаете продать ваши аппараты. Может, ещё передумаете?

— Может, и передумаю, — неожиданно проговорил трофейщик, заставив Беллу изумлённо замереть возле стола.

— Не поняла, — посмотрела она ему прямо в глаза. — В какие игры вы играете? То вы ничего не продаёте, то вдруг готовы продать. Вас трудно понять.

— Полноте, уважаемая баронесса, — невозмутимо отозвался трофейщик. — Всё очень просто. У меня к вам вдруг появилось деловое предложение.

— Ну, — неопределённо проговорила Изабелла, с каменным лицом усаживаясь обратно за стол.

— Первое. Я вам всё-таки продам так необходимые вам радиостанции. И продам по минимальной цене. Золотых триста за штуку. Это ровно в десять раз ниже тех денег, что обычно берут за подобные аппараты где-нибудь в Береговом Союзе. Но туда ещё добраться надо, да и такого покупателя не так-то легко быстро найти. А обстоятельства у меня, как вы понимаете, поджимают. Полевой сезон в разгаре, а я сиднем сижу в вашем захолустье. И тут вы, рядом.

Поэтому я готов продать вам аппараты по десятикратно заниженной цене. Но с двумя условиями. Первое. Никаких претензий по качеству проданного товара вы мне предъявлять не будете. Ни сейчас, ни потом, ни вообще когда-либо.

— Уже интересно, — кивнула Изабелла. — Продолжайте.

— Дальше, самое главное. Условие второе.

Слышал я, что у вас в городе собирается интересная компания поехать на машинах на юг. Через леса и горы в степи

юго-восточного Приморья. Очень интересный и перспективный для моего товара регион, доступа к которому я, в силу определённых причин и условий, лишён. Я всё же речной торговец, а с реками там беда, — с демонстративным сожалением развёл он руками.

— Вот я бы и хотел, в ответ на мою любезность, получить от вас встречную любезность, место для моего товара в этом вашем автокараване, скоро отправляющимся на юг.

Я слышал, что кое-кто из жителей этого города уже имеет в нём свой собственный торговый интерес, не принимая в том личного участия, а просто предоставив товар для продажи. Вот и я бы хотел нечто в том же роде.

Если подобное принципиально возможно, то готов обсудить с вами условия.

Должен признаться, переоценил я потребности местного рынка в том товаре, которым торгую. Здесь никто и ничего не желает у меня покупать. Прекрасно обходятся своими средствами: луками и арбалетами. Дёшево и в достаточной степени эффективно.

Что впрочем, не означает, что я готов сбросить свой товар, по дешёвке,

— А если прибыль не покроет расходов? — нейтральным тоном невозмутимо поинтересовалась Белла. — Что тогда?

— Тогда — я буду весьма удивлён, — изобразил на лице каменную улыбку трофейщик. — По моим данным, на мой товар в Приморье по нынешним временам существует повышенный спрос, значительно превышающий предложение. И цены там, не чета местным. Так что, остаться совсем без прибыли, торгуя себе в убыток, это надо серьёзно постараться.

Если у вас проблемы с приказчиками, готов поспособствовать и предоставить толковых людей.

— Спасибо, как-нибудь сами, — холодно изобразила улыбку Белла.

— Значит, можно считать договорились?

— Прежде следует определиться в характере и объёме вашего груза. Ну и заодно в каких-нибудь процентах с проданного товара — в доход нашей компании. А то вы, сударь, как-то ловко проигнорировали сей важный момент.

— Значит, по дешёвке купленные рации вас не удовлетворяют.

— Это будем считать предварительным условием, — холодно улыбнулась Белла.

— Три процента с чистой прибыли вас устроит?

— Десять от объёма было бы лучше.

На какое-то время за столом установилось тяжёлое, напряжённое молчание, в течение которого трофейщик буквально сверлил глаза Беллы холодным злым взглядом.

— Хорошо, — ледяным тоном проговорил трофейщик. — Договорились. Теперь по объёмам. Думал обойтись парой тонн, но раз вы так ставите вопрос, то и я от вас потребую принять на реализацию не две, как первоначально собирался, а двадцать две тонны боеприпасов. Все времён второй мировой войны на Земле. Большая номенклатура калибров, и все в прекрасной сохранности. Упакованы в цинки и в стандартные зелёные ящики для хранения и перевозки боеприпасов. Никаких проблем с транспортировкой и хранением у вас не будет. Исключая объём, — мрачно ухмыльнулся он.

Думаю, для вас, двадцать две тонны это мелочь. Всего на всего семь грузовиков из тех, что у вас и так во множестве уже есть. Студебеккеры, кажется.

Ну, так как? Согласны? Я вам по дешёвке две радиостанции и ваш процент, а вы мне — место в своём караване и по возвращении золото за проданный товар.

Получится — дальше продолжим наше сотрудничество к обоюдной выгоде. У меня лодья большая, ёмкая. Груза на ней привезти можно много. Нет, — развёл он руками в стороны. — Ну что ж, будем считать, не получилось.

И, пожалуйста, не говорите мне, что это не ваш караван. Не надо лукавить. Передо мной, не надо лукавить. Может, формально он считается и не ваш, а какой-то там амазонки, но вы принимаете слишком большое участие в нём, чтобы считать иначе. Так что не будем лукавить друг перед другом.

Я вам свой интерес говорю прямо. Того же жду и от вас. Скинув свой балласт, что который месяц меня гнетёт, я смогу тут же отправиться обратно к себе в низовья и приняться заново за своё любимое дело — поиск оружия. Тёплый сезон ещё не кончился и у меня до зимы достаточно времени, чтобы неплохо приподняться. Глядишь, к зиме, к возвращению вашего каравана, и я к вам сюда же вернусь. И было бы очень хорошо сразу же и рассчитаться.

— Ну, так как, по рукам?

— По рукам, — протянула Белла руку для пожатия. — Завтра с утра жду вас к нам в банк, где и подпишем все нужные бумаги. Чтоб толкований разных потом меж нас не было. А уже потом, к вам на судно подойдут наши люди и скажут, что и как делать. А вы к тому времени постарайтесь подготовить всё, что надо. Не будем терять время, которого и так у меня мало.

Тупик.

Ровная, словно по нитке выверенная линия стоящих вдоль крепостной стены самых разнообразных машин произвела на Галку… странное впечатление. Совсем не такое, как она ожидала. Следовало бы честно себе в том признаться. И что самое странное, радости почему-то не было. Ни от того что они новенькие, только что восстановленные, обкатанные и полностью готовые к использованию, ни от того что их было так много. Сорок четыре штуки.

Как подумаешь, представишь себе в мыслях этот стоящий перед глазами длинный ряд машин — сердце обмирает. Это…, какие же деньги. Другому, в жизни столько не заработать.

— «Господи! Почему их так много?» — в отчаянии думала Галка, стоя перед собранными под крепостной стеной машинами.

На какой-то миг ей даже стало страшно. Полгода назад она и подумать бы не могла, что ввяжется в подобное дело. Месяц назад она думала, что машин будет от силы десяток, полтора. Что никаких проблем особых и трудностей не будет.

Сейчас же перед ней стоял длинный ряд машин, насчитывающий ровным счётом сорок четыре штуки, и она уже не знала, что думать.

Из них лично её с Андрюхой были любые три штуки, на выбор, доставшихся им при предварительной делёжке добычи с болот. Сколько именно будет в итоге точно, ни Галка, ни кто-либо другой из их компании пока не знали. Всё так запуталось последнее время, так запуталось…

Только сейчас, когда она попала сюда, в Тупик, на место сбора каравана для отправления в Приморье, ей стало кристально ясно, что всё окончательно вышло из-под контроля. И это был уже не тот милый дружеский автопробег к воссоединению двух любящих сердец, Кольки с Дашкой, который они с ребятами долго планировали, и который так упорно, во многом себе, отказывая, готовили. И таким как задумывался, он уже никогда не будет. Всё пошло наперекосяк.

И ещё одним неприятным открытием оказалось то, что сама она была уже не та, что в начале. Она словно повисла в воздухе, никак не сумев определиться с тем, кто же она всё-таки есть. Часть этой богатой и многолюдной компании, неразменная и составная, или сама по себе. И люди это чувствовали.

Признаться, с того первого дня, когда она оказалась в Тупике, Галка сама чувствовала собственную инаковость и чуждость и этому месту, и делу которым была занята. И этот длинный, безумно длинный ряд машин, тянущийся вдоль крепостной

стены, однозначно сейчас выпятил этот момент. Словно всё кругом было не её, всё — чужое. Что, учитывая весьма настороженное отношение к ней со стороны всех местных, включая сюда же и местного коменданта, и даже работающих здесь знакомых парней из компании, вызывало в душе её с трудом скрываемое раздражение. Словно изнутри её раздирали на части.

И видимо чувствуя это, здесь её явно не любили. Что, впрочем, учитывая историю её прежних непростых отношений с компанией баронессы, было совсем не удивительно. Видимо, слишком многого она не учла и не додумала, когда соглашалась на предложение баронессы заняться организацией и возглавить этот автопробег.

И особенно отчётливо стал заметен этот прискорбный момент совсем недавно, во время устроенной их отрядом дружеской попойки для местного гарнизона в крепостном трактире. Словно местные заранее радовались скорому их избавлению от её здесь присутствия. Словно она их чем-то тяготила.

Вот тогда ей всё стало кристально понятно. Элементарная дискриминация по половому признаку. Она — женщина, и этим всё сказано. А мужики главенства женщины над собой не терпят. И пока что-либо серьёзное не произойдёт, пока она сама не докажет всем свою нужность и право находиться здесь, среди этих людей, быть им равной и руководить, до тех пор она здесь будет чужая. Парней априори считают своими, её — лишь терпят, до времени.

Впрочем, подобное, более чем прохладное отношение к ней ничуть не отражалось на деловой части их взаимоотношений, что в будущем оставляло Галке серьёзную надежду на перемены к лучшему.

— «Так, а здесь что? — остановилась она возле невзрачной советской полуторки, чем-то привлекшей её рассеянное внимание. — Понятно! Похоже, и здесь краски не хватило. Впрочем, чего это я, — окинула она быстрым взглядом выстроившийся перед ней ряд машин, — на все остальные — тож. Стоп, насчёт краски я погорячилась. Здесь её вообще нет. От, дура, какая краска, о чём я вообще думаю».

Все стоящие перед ней машины сияли угольной, чуть ли не антрацитовой чернотой. Фанера! Кругом была одна фанера. Та самая, на которую никакая краска нормально не ложилась, так и, норовя смыться чуть ли не первым дождём. Ну что поделаешь, не было у компании ещё нормальной краски, которой можно было бы покрасить эту фанеру, не было.

Единственным светлым пятном, точнее, буро зелёным, под цвет пожухлой степной растительности, на чёрном фоне

остальных машин выделялся танк БТ-7.

— «Вот ещё, геморрой, — мгновенно вспыхнуло раздражение в груди Галки. — К подружки на танке прокатиться! За две тыщи вёрст! Видите ли пусть будет, якобы для охраны. А на самом деле Белла Юрьевна решила убрать от греха подальше. А то что-то уж слишком много охочих людей до нашего танка появилось. Так и норовят ручки протянуть. То, на границе им наш танк нужен, для защиты рубежей родины, то для памятника удачливости левобережцам на площади в центре города. Чего только не придумают, лишь бы отобрать. Не уследишь, так и уйдёт с концами по какой-нибудь, естественно общественной, сверх надобности.

— Хорошо, что этот то покрашен. Хоть на него краска нашлась».

— «М-да, о чём я сейчас только думаю. Какая ещё краска? Какие машины? Какие танки? Зато ночью хорошо, ничего не видно, — пришла к Галке оптимистическая мысль. Кривая, кислая улыбка слегка тронула её губы. — Ладно, пёс с ним, с танком. Не помешает. Да и его на общем пожухлом фоне незаметно будет. Единственно что снарядов для пушки танка нет, да пулемёт так под пневматику так и не переделали, не успели. Из оружия — одни лишь гусеницы, да общий грозный вид, которым будем распугивать супостата.

А вот машины мы замаскируем сеткой и кустиками с травкой всякой разной, чтоб издалека чёрные пятна на общем сером фоне были незаметны. О! Помнится, ребята хвастались, что там, в степях повсеместно кермек распространён. А сейчас как раз пора его цветения. Украсим цветочками, будет у нас фиолетовый караван. Бред, конечно, а приятно. Женщина я или нет? Имею право на причуды? Имею! Значит, решено. Пусть все знают кто здесь главный».

— Слышь, Андрюш, — повернулась она к молчаливо сопровождавшему её мужу. — Ты, вроде бы, смотрел список везомых нами товаров. Что там насчёт вина?

— Вина? — изумился тот. — Насчёт вина это не ко мне. Это — к Дормидонтовым сыновьям. Они у нас за то отвечают.

— С какого перепугу? А ты? — изумилась Галка. Увидев тень недовольства, промелькнувшую у того на лице, тут же сдала назад. — Ладно, раз тебе так не хочется с вином возиться, почему бы и нет. Но почему я их никого до сих пор не видела?

— Что значит, не видела, — завертел Андрюха головой. — Здесь они где-то были. О! Да вон же они, оба два.

— Гей! — заорал он в полный голос, не сдерживаясь. — Парни! Подь сюды!

Увидев, что те заметили его крики и махи рукой, неспешно двинулись навстречу, не дожидаясь когда подойдут.

— Демьян, слышь. Что у вас по вину?

— А тебе зачем?

— А в глаз?

— Понял, — невозмутимо кивнул старший сыр Дормидонта. — Значит, так.

— Галочке, привет, — галантно слегка поклонился он, будто только что её заметил. — Итак, отчёт. Снежноягодное белое — тридцать бочек, снежноягодное чёрное — тридцать бочек. Плюс смесь всякого разного, ординарное, как мы его назвали, красное столовое и белое столовое. Этих, того и того, по шесть тонн. Это — на разлив.

— Стоп, — остановила разошедшегося Демьяна растерявшаяся Галка. — Ты ничего не путаешь? Шесть тонн чего? Вина?

— Двенадцать, — невозмутимо поправил Галку Гарик.

Младший сын Дормидонта был как никогда серьёзен и старался, чтобы всё было чётко и понятно, во избежание лишних недоразумений в будущем. Потому всегда и везде встревал с уточнениями, даже когда его не просили. Вот как счас.

— Тебе же, Галка, русским языком было сказано, шесть красного и шесть белого, на разлив. В сумме — двенадцать тонн. Чего непонятного?

— Блин, — растерялась Галка. — Куда столько? Я думала, будет бочек тридцать всего.

— Нет. Бочек будет шестьдесят. Ты опять неправильно всё посчитала. Тридцать бочек и белого, и красного. Шестьдесят бочек элитного, выдержанного вина.

— Вина у нас много, — невозмутимо посмотрел на неё Гарик. — Галка, ты чего-то сегодня тупишь? Мы же с Беллой Юрьевной обо всём договорились. Она что, тебе разве ничего не передавала? Часть в бочках, а часть в наливных цистернах, на разлив. В бочках — выдержанное, дорогое, на разлив — ординарное, простенькое, столовое.

Это — для экономии тары. А то у нас последнее время винища полно, а с бочками возник серьёзный затык. Не знаем, что и делать. Хоть выливай.

Новый урожай на носу, а старый ещё не продали. Заказчики уже всю плешь проели, когда будет, да когда будет. А старые караваны уже не справляются с доставкой.

Вы нас просто выручили.

— Мы? — изумилась растерявшаяся Галка.

Мы? — вопросительно развернулась она к мужу с

недоумением в глазах. — Андрюш, я чего-то не понимаю, или он мне мозги пудрит? Куда столько винища? Не было у нас такого разговора. Андрюш, ты куда смотрел? Это же…, — окончательно растерялась она. — Это же ещё четыре грузовика и четыре трёхтонных цистерны. Целых восемь дополнительных машин. Восемь шоферов! Не говоря про машины, у нас нет столько шоферов. Это же просто невозможно. А бензин? Под них надо же запланировать ещё одну цистерну с бензином. И хорошо, если одну.

Может вместо трёх трёхтонных студебеккеров взять один десятитонный Мерседес-Бенц? — растерянно глядя на неё, отозвался Андрюха. — Вроде, в мастерских остались несколько штук, без шоферов.

— Ерунда, — отмахнулся Демьян. — Шофера будут. Восемь, так восемь, десять, так десять. Хоть двадцать пять. Вы нам, главное, машины на ту сторону по туннелю перегоните, и дальше к подножию гор, за Гуано. А там на равнине, мы уж сами.

— Что вы сами? — заледенела лицом Галка.

— Ну, — замялся Демьян. — Сами за руль сядем. Там, где дорога уже поспокойнее, поровнее, и где нет скал с обрывами. А то у меня от них голова кружится.

Молча развернувшись к мужу, Галка какое-то время недоумённо смотрела на точно такого же растерянного Андрюху.

— Что у него, — растерянно переспросил Андрюха, хлопая глазами.

— У него голова кружится, — нейтральным тоном, словно сама себе не веря, проговорила Галка. Развернувшись обратно, она недоумённо посмотрела на невозмутимых братьев, Демьяна с Игорьком.

— Да вы оба в своём уме? — тихо переспросила она, поворачиваясь к ним всем телом и уперев руки в бока. — Да вы хоть представляете себе, за что и за какие рычаги надо хвататься, чтобы машину хотя бы с места стронуть?

— Ты нам покажешь, — невозмутимо отозвался Гарик.

— Галь, Андрюх, — вдруг резко понизил он голос до какой-то жалобной, просящей растерянности. — Ребята, ну, войдите вы в наше положение. У нас — ж…па! Самая настоящая ж…па!

Не поможете вы, нам точно труба. У нас скопилось просто огромное количество непроданного вина ещё старого урожая, а на носу уже новый. А бочек нет. Нет, и не будет. Куда нам деваться? Если вы не возьмёте вино сейчас, нам придётся вино нового урожая выливать на землю.

Не освободим хотя бы часть бочек под новое молодое вино, не сможем ничего заложить на хранение из урожая этого года. А

год ныне чудо — один на двенадцать лет. Нельзя нам потерять этот год. Никак нельзя.

Ну, так получилось, что мы остались без бочек на этот год. Все бондари в компании заняты на строительстве нового монитора и двух барж Изабеллы Юрьевны для поездки на свадьбу. Нам просто некуда деваться.

Мы или выльем вино этого урожая на землю, или обучимся вождению машин. Иного нам не дано. У нас нет выбора.

Мы даже купить ничего не можем на стороне, потому что в компании нет денег. Всё до последней монетки ушло на строительство дирижаблей, монитора и барж. Нам Марья Ивановна так прямо и сказала, чтобы ни на что не рассчитывали. Денег нет, и когда будут — неизвестно.

— Вот что значит, имел в виду Богдан, когда говорил, что они с Дормидонтом что-то замутили, — тихо проговорила Галка, медленно покивав головой.

А теперь давай заново, — обречённо посмотрела она на Демьяна. — Сколько у вас вина и сколько вы можете выделить людей.

— Сколько надо, столько будет. Люди как раз не проблема. Повторяю, Галочка, Андрюх, вы наше спасение. Сколько машин вы дадите, столько вина мы и вывезем. Чем больше, тем лучше. Это я вам назвал самый минимум.

— На сегодня нам главное бочки освободить. Так что речь идёт в первую очередь о цистернах. Если можно больше, чем ты сказал, Андрюх, будем лишь благодарны. А люди есть, люди будут. И на шоферов и для охраны.

— Охранники из вас, — скептически глянул на винодела мрачный Андрюха, — как из г. на пуля. Давай людей на обучение вождению. Чтоб завтра же были. А с охраной мы и без сопливых разберёмся.

— Благодетель, — с умильной рожей прижал руки к груди Демьян. — Спаситель! Вы! Оба! Ребята, вы даже не представляете, какой в этом году виноград. Какая тут дикая урожайность и какие здесь благодатные места. Тут по горам столько брошенных виноградников осталось с прежних времён — жуть. Только виноград собирай и дави вино. И можно будет потом всю жизнь только одно вино и пить, и всё равно всё не выпьешь.

Ну? Мы на вас рассчитываем?

— Что молчишь? — Галка обречённо повернулась к мужу. — Ты ж здесь был, когда приходили машины. Ты их принимал и знаешь, сколько у нас и какие машины есть. Говори. Чего молчишь?

Заметив его внимательный, оценивающий взгляд, с которым

тот холодно смотрел на обоих братьев, в некоторой растерянности замолчала.

— Та-а-а-к, — тихо проговорил Андрюха. — А теперь давайте ещё раз и с самого начала. Сколько вам надо машин? И каких? Я смотрю, вы давно уже возле нашего каравана крутитесь, так что, наверняка уже сами во всём разобрались и всё для себя решили. Так что давайте, выкладывайте. Чего вы от нас хотите?

— Виновозов, если можно, тех самых, десятитонных — шесть штук. И обычных грузовиков, крытых под бочки, с десяток.

— Они сдурели, — невозмутимо констатировал Андрюха, повернувшись и посмотрев на Галку. — У них точно крыша поехала. Это же…. Это же шестнадцать машин?! Дай пальчик, всю руку отгрызут.

Вы чё? Сдурели?! — не выдержав спокойного тона, взорвался наконец-то Андрюха. — У нас здесь столько свободных машин нет, сколько вам надо, — отчаянно замотал он головой, ошарашенно глядя на Галку.

— Ну, одна, две. Ну, восемь, — пожал он плечами. — Но шестнадцать?!

— Нам надо сбыть с рук сто пятьдесят бочек выдержанного и шестьдесят тонн разливного вина, — виновато поправил его Игорёк. — Но если можно, то желательно бы нам набрать машин тонн на девяносто вина. Штук девять на ординарное разливное.

Мы в том году немного промахнулись, надеясь, что уже в этом году поправим положение с новыми бочками. А оно вишь как вышло. Совсем без ничего остались.

А людей для обучения на водителей мы вам дадим, ребята, не сомневайтесь. Люди будут.

Андрюх, Галочка, ребята, ей-ей, по гроб жизни будем вам благодарны.

— Ещё плюс три десятитонных Мерседеса, — помрачнел Андрюха. — Ну и где их взять? Да и благодарность твою в карман не положишь. Что-нить боле весомое готовы предложить? И не потому, что я такой жадный, и мне денег надо, или хочется, а потому что машин готовых под вас реально нет в наличии, и если хотите получить свои уже девятнадцать машин, то придётся идти на поклон к братьям Трошиным. И договариваться с ними. А им надо что-то предложить. И им, и Марку, и мастеру каретнику, чтоб сделал дополнительно кузова и кабины из фанеры. Всем-всем-всем надо будет денег дать, или что-то пообещать. Но так, чтобы люди заинтересовались. Потому что нам больше предложить им нечего. Мы — пустые. Нас уже вывернули до донышка. Дело за вами.

— Э, — замялись братья, обречённо переглянувшись. —

Готовы предложить процент от выручки с проданного вина. Два. Два процента.

— Пять, и договорились, — зло оборвал Андрюха попытавшимся что-то сказать братьев. — Пять и полная оплата всех расходов на ваше место в караване. На все ваши машины, сколько бы их ни было. Это — отдельно.

Как все, — резко оборвал он, замявшегося было Демьяна. — Все платят за место, и мы с Галкой в том числе. И вы заплатите. Нехрен. Халявы не будет.

— Да где ты её видел, халяву ту, — недовольно буркнул младший из братьев. — Ладно, пёс с вами, грабьте.

— Ещё одно подобное слово в том же ключе, и здесь вас не стояло, — тихо проговорил Андрюха, воткнув злой, налившийся бешенством взгляд в глаза Гарика. — Следи за своим языком Игоряня. Иначе вырву. И мне плевать, что и как произойдёт дальше с вашим вином. Учти это. Проживём и без ваших пяти процентов. И пока мы отвечаем за караван, будет так, как я сказал. Высокое начальство далеко, я рядом. Understand?

— Понятно, — недовольно буркнули оба брата, мрачно переглянувшись. — Понятно, что спокойной поездки с вами у нас не будет.

— А про вас никто и не говорил. Лично про вас речи не было. Речь шла о водителях на те машины, что мы вам предоставим. Будет их шестнадцать — хорошо. Будет девятнадцать и как вам надо — совсем отлично. Будет меньше — так получилось.

И нигде у нас речи не шло именно о вас двоих. Так что, прежде чем пасть раскрывать, думай что говоришь, — буркнул Андрюха, отворачиваясь. — Всё. С вами решили. Вечером подойдёте, я вам покажу, что у нас сейчас есть и определимся, как быть дальше. А заодно и с вашим местом в караване уточним.

А пока, до вечера, займитесь своим делом. Нам есть тут, о чём и без вас словом перемолвиться.

Дождавшись, когда братья неспешно отойдут, всем своим видом выражая недовольство, резко, сердито повернулся к Галке.

— Ну? Что ты думаешь? — ещё не отойдя от разговора, грубо буркнул он.

— А сам? — раздражённо огрызнулась Галка. — Я сто раз уже говорила, что безразмерное разрастание нашего каравана начинает меня беспокоить. Что ещё я могу добавить? Только то, что если так дело и дальше пойдёт, то мне лично уже никакие деньги не нужны и никакая поездка. Мы просто не справимся с управлением караваном. У нас уже более сорока машин. А с ними — все шестьдесят три!

Как мы со всем этим справимся?

— Будет шестьдесят три, — невозмутимо уточнил Андрюхе. — Будет, если я договорюсь с Трошиными на дополнительную подработку. А я договорюсь, потому как знаю, что у них ещё есть большие заделы по машинам, которые можно быстро довести до ума. Как раз по тем, что братьям надо. И не шестнадцать, не девятнадцать, а хоть все тридцать, а то и сорок. Так что — думай. Надо ли это нам? И что мы с этого будем иметь? Потому как пять процентов с выручки — это ничто. Это уйдёт всё целиком на восстановление и приспособление машин.

Вино мы доставим. А что потом? Что потом нам делать с этими новыми машинами? Есть на них какие-нибудь планы?

— Ему нужно освободить старые бочки, под вино нового урожая, — Галка, задумавшись, остановила застывший взгляд в той стороне, куда отошли братья. — А нам нужны пустые ёмкости под кислоты. Чем больше, тем лучше. Так что, действуй.

А сколько десятитонников, ты говорил, Трошины могут сейчас восстановить? — бросила она повеселевший взгляд на мужа.

— Не говорил, но скажу, — хмыкнул тот. — Сколько надо, столько будет. Мы вытащили из-под воды столько машин, что хватит на всё вино Дормидонта раз десять. А потом и после нас парни кое-что из-под воды достали. Точно не знаю сколько, но машин с десяток десятитонников там точно должно быть.

Плюс ещё Колян с Васяткой что-то должны будут подогнать чуть попозже, денька через два, из уже готового. Но это простые грузовики, бывшие студебеккеры трёхтонки. Даром что ли они так задержались в Трошинских мастерских. Вот увидишь, ещё десяток машин точно пригонят. Так что просьба Демьяна — для нас не проблема. Проблема — что делать с ними дальше. После того как освободим из-под вина.

В общем, Галочка, ты целиком и полностью оказалась права. Мы влипли. Но, может, это не так уж и плохо. По крайней мере, хоть заработаем денежку какую. А то безденежье и невозможность где-либо у нас в городе заработать приличные деньги меня уже откровенно достало. Кланы все пути перекрыли. И если для них чужой, аль провинился в чём, сиди и соси лапу. Или вкалывай за гроши.

Пусть лучше мы сейчас напряжёмся, зато потом будем при деньгах. Мне такой расклад нравится больше.

Да и с нашими в городе ребятами стало проще. Раньше мы были отморозками, которых все если и не ненавидели, то откровенно презирали. А теперь большинство из тех, кто раньше нос от нас воротил при встрече, сейчас за мною бегают и просят взять с собой груз на продажу.

Так что, если Демьян даст людей на обучение шоферов, а он даст, потому как деваться ему некуда, мы можем много чего с собой взять. Тут, пока тебя не было, и татары местные ко мне подваливали. Просили захватить с собой их кедровый орех. Тоже прошлого года, не проданный. Та же проблема что и у Дормидонта. На носу новый урожай, а не успели распродать. Не могут вывезти. Не на чем. Добывают больше, чем могут реально продать. Им бы тоже пяток трёхтонок не помешал. Так что, думай, Галка, хорошенько думай. Сейчас можно хорошо подняться.

Мы стали вдруг всем нужны, Галка. И такой расклад меня больше устраивает, чем прежний.

Ну, так что, пошли? Выберем парням машины? Из тех, что ещё пока не распределены, — вопросительно глянул он на жену.

— Пошли, — расплылась та в счастливой улыбке. — Чтобы я без тебя делала, милый. А такой расклад меня тоже больше устраивает, чем прежний. Так что я довольна. Пошли!

Насчёт же того чем бы загрузить машины на обратной дороге, даже не думай. Была бы шея, а хомут найдётся. Так что бери парней Дормидонта, Демьяна с Игорьком и всех кого они предоставят, и немедленно отправляйтесь в Трошинские мастерские. И обратно без машин не возвращайся. Заодно и потренируются в пути вождению. Надо каждую минутку использовать из оставшегося ещё времени. Пусть здесь больше тренируются, там зато проблем меньше будет.

Глава 7. Подведение итогов…

Долина.

С удовольствием откинувшись на удобную спинку плетёного кресла из местной болотной лозы, последнего детища недавно сильно увлёкшихся плетёной мебелью Димкиных жён, Лии с Лаей, Белла с облегчением перевела дух. Наконец-то можно было немного отдохнуть после последних суматошных дней.

Прочный полотняный навес на высоких тонких стойках из чёрной клееной фанеры, растянутый у них с Машей над головой, давал здесь у водопада прекрасную защиту от жаркого летнего солнца и обещал приятную прохладу в стремительно приближающуюся полуденную жару. Не хотелось ни о чём думать. Посидеть бы вот так, ничего не делая, здесь у скалы с водопадом хотя бы полдня в тишине и спокойствии, отдохнуть бы от городской суеты, от этих навалившихся на неё дел, как было б хорошо, а нельзя было….

Что ни говори, а ввязавшись в борьбу с кузнечными гильдиями на их поле, попав от кузнецов в прямую зависимость по ремонту поднятых из пограничных болот машин, им крепко досталось. Пользуясь своим чуть ли не монопольным положением и их вынужденной необходимостью соглашаться чуть ли не на все их прихоти, крови кузнецы из Беллы выпили столько, что подумать о том страшно было. А уж как они умело ей руки выкручивали и нервы трепали — не хотелось даже и вспоминать.

А придётся. Сегодня они и собрались здесь на полянке в Райской Долине под водопадом как раз по этому случаю. Ещё раз согласовать всё за последние дни произошедшее и определиться с тем как дальше себя вести.

И как быть с тем, что вчера ещё совершенно случайное, рядовое дело, от которого никто поначалу ничего серьёзного и не ожидал, скорее небольшого развлечения перед дальней дорогой, чем чего-то серьёзного, неожиданно приобрело черты чуть ли не глобального проекта. А если и не глобального, то уж, по крайней мере, весьма и весьма серьёзного и затратного. И как выбираться из той петли, куда они сами же себя загнали, было не совсем понятно.

Были кое-какие намётки у Беллы, и кое-какие серьёзные шаги уже сделаны были, но уж больно далеко они могли их завести. Следовало окончательно решить, двигаться ли им и дальше в том направлении, или резко ударить по тормозам, сдав назад и

вернувшись на исходные позиции.

Только вот так выходило, что сдать назад уже не получится. Лавина, которую они необдуманно стронули, если её не оседлать, погребёт их под собой. И тогда уж не вывернешься и не отойдёшь в сторону. И отсидеться в стороне, как это они делали раньше, уже не получится. Слишком громко они о себе заявили.

— Всегда, когда попадаю сюда, вспоминается любимая Сидорова песня: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте…». Почему — совершенно непонятно. Долина — не ровная, дуба на высоте нет, как нет ни сосны, ни ясеня…. Одни камни вверху. Да и высота…, — грустно констатировала она, кинув беглый взгляд на обветренные голые скалы на ближайшей вершине, прикрывающие от ветров небольшой уютный водопадик с западной стороны долины. — Высота, совсем не гладкая. Разве что — долина. М-да.

— Зато склоны у нас здесь все как один нужной экспозиции, — улыбнулась Машка, ехидно глядя на что-то умствующую Беллу. — Этой, как её там Сидор называет, той самой, самой хорошей — южной. О, амфитеатр! И ягода здесь вызревает — супер, всем на зависть. А какое отсюда ягодное вино получается, — мечтательно закатила она глаза. — Жаль, что землицы всего лишь тридцать гектар у нас здесь есть. А как было б хорошо, если б их было хотя бы десятин сто. А лучше — двести.

Вот рядом с Ягодным есть вроде бы такой же склончик. Есть, да не то.

— Хочешь сказать, что здешняя ягода лучше, чем на тех же южных склонах долины возле Ягодного острова?

— А ты что, не знала? — изумлённо глянула на Беллу Машка. — Ну, ты, мать, даёшь. Конечно! Лучше!

Ты сравнивала виноградную самогонку отсюда и с Ягодного, где мы княжескую ягоду рассадили? Нет?

Много потеряла, — улыбнулась мечтательно Маша. — А вот я — да! И скажу тебе — не сравнить. Ягода отсюда — закачаешься. Сладкая, сочная, ароматная! А уж, какое вино из него получается, какая чача, а бренди, — мечтательно закатив глаза, Маша с умильным видом облизнула язычком сочные губки. — Ни у кого в городе подобного нет. Мы — лучшие.

Вот освободим окончательно склоны от питомника, — Маша, замерев на миг, обвела всю долину перед ней затуманившимся мечтательным взглядом. — Засадим здесь всё нашим кустарником, местным, он лучший. И годика через два, три в лидеры выбьемся. Вот увидишь. Вот тогда мы Лидку твою, заразу эту, на место и поставим. Пусть знает у кого вино и коньяк лучше.

Про коньяк из здешней ягоды, я вообще помолчу, не сравнить

ни с чем.

Помню, были мы как-то с подружкой в Испании…. У-у-у-у! Какие там коньяки! А вина!

Эх, — Машка мечтательно закатив глаза, чуть прикрыла веки. — Плюнуть бы на этот чёртов банк, заняться бы любимым делом, виноделием. Я бы вам таких коньяков накрутила, такого бы вина набодяжила — закачаетесь. На весь мир бы гремели.

Ей-ей. Я бы и Дормидонта за пояс заткнула.

— Так в чём дело? — раздался рядом грубый мужской голос. — Дерзай! Плюнь на свои цифирьки и займись настоящим делом.

Не открывая глаз, Маша медленно выпустила из груди воздух, словно возвращаясь на землю.

— Ты Корнеюшка прекращай неслышно подкрадываться. Сколько раз уже было тебе говорено, — сердито проворчала она. — А то я когда-нибудь точно тебя побью, чтоб так не пугал. Какой-нибудь скалкой. Если, конечно найду дома то место, где находится кухня.

А банк я не брошу, сам знаешь. Вас одних с профессором на пять минут оставить нельзя. Прям, дети малые. За день такого успеете наворотить, что нам с Беллой потом и за два года не расхлебать. Мужики, и этим всё сказано. Никакого умения хозяйствовать, только тратить. И ладно бы на дело какое, нужное, а то всё на свои военные игрушки.

Нет, пока всё не устаканится, пока со всеми врагами не разберёмся, пока это проклятое нашествие ящеров не схлынет, которое даже ещё и не начиналось, мне сидеть и сидеть в этой проклятой банке, как паучихе на яйцах. Так что лучше помолчи, а то ей-ей, покусаю.

Весь кайф обломал, ирод, — окончательно расстроилась она, чуть не плача. — Так и не дал помечтать. У-у-у! И за что, спрашивается, я тебя люблю, ирода такого, сама не пойму.

— За то, что я такой весь из себя грозный, могучий и красивый, — с улыбкой принял величественную позу Корней, в добавок сделав ещё и грозное лицо.

Высокое над его головой маскировочное, под цвет местности зелёное в жёлтых разводах тонкое льняное полотно, растянутое на длинных растяжках далеко в стороны, слабо колебалось под лёгким летним ветерков, защищая компанию от жаркого уже полуденного солнца.

В дальнем от неё углу деловито копошились возле уличной плиты Димкины жёны, тихо меж собой переговариваясь и помешивая готовящееся в казане какое-то блюдо.

Ещё дальше, за водопадом, тихо играли в траве дети, её,

Машины и Димкины, стараясь своими криками не мешать собравшимся под навесом взрослым. Тихая семейная идиллия.

Белла с грустью смотрела на милую семейную сцену и ей взгрустнулось. Сидор окончательно застрял в своём Приморье, и теперь уже было ясно, что это надолго. К отъезду её на свадьбу он уж точно не успеет вернуться. И хорошо еще, если это случится ближе к зиме. А то, как бы и ещё на больший срок не задержался в том проклятом для неё Богом забытом приморском городе.

— Так, ребята, давайте ближе к делу, — решительно остановила милую семейную перебранку Белла. — Корней, что у нас по кузнецам? Давай, докладывай.

— Всё good.

Подойдя к жене, он, нежно обхватил её обеими руками, прижимая к груди.

— Парней в оговоренном месте я подобрал, — поцеловал он Машку в подставленную шейку. — Поставленную задачу они выполнили. Где надо постреляли, куда надо, в кого надо не попали, и, самое главное, вовремя смылись.

Всё прошло тихо, мирно, никто ничего не заметил и не понял. Ни наши, ни ящеры. Хотя, в последнем я не уверен. Есть у ребят серьёзные подозрения, что подгорные ящеры их всё это время пасли. Но, странно как-то, вообще никак себя не проявили.

Этот момент совершенно для меня не ясен. Почему-то не стали с ними связываться и выпустили из мешка. Словно не решились напасть или побоялись. Хотя, по кое-каким неявным признакам были там наши старые знакомые особи из волчьей стаи Чёрного Легиона. И, тем не менее, не стали мешать, издалека посмотрели и фактически отпустили.

Одним словом — мутная какая-то история. Много в том непонятного.

Но, что надо, парни сделали на пять с плюсом. Нужные следы на месте обстрела оставили и кузнецы полностью уверены, что дирижабль был обстрелян с земли ящерами. И что последующая авария полностью лежит на ящерах. В результате под благовидным предлогом оба дирижабля из работы мы вывели.

Все счастливы, живы, здоровы и все уже дома.

Точнее, вся группа, полностью, отправлена прямо за перевал в Гуано, где уже там, на месте присоединится к нашему автокаравану в Приморье. И ранее чем через два года мы их здесь не увидим.

Думаю, пары лет поработать в Приморье им точно хватит, чтобы о них тут все напрочь забыли. А прошлое никому не интересно.

Хотя очень жаль. Парни бы мне здесь совсем не помешали с

их-то подготовкой. Но, для нас же будет лучше всех их отсюда убрать на какое-то время. Мало ли что.

Спасибо Лия.

Повернувшись к подошедшей от плиты Лие, Корней аккуратно принял у неё большую расписную тарелку с огромной горкой жёлтого риса и аккуратной кучкой одуряюще пахнущего бараньего мяса сверху.

— М-м-м! — восторженно закатил он глаза, втягивая носом неподражаемый аромат плова. — Плов. Настоящий плов. Вы чудо, девочки.

— «Вот ещё проблема, — пришла в голову Беллы грустная мысль. — Димкины жёны. Что делать — совершенно не знаю. Никак не хотят делами компании заниматься. Дом — дети, дети — дом. Кухня! Всё! Ничего более. Ну, ещё пригляд за долиной. Но долина — это для них и есть как бы их дом. Хоть и такой большой.

А может так и надо? — грустно подумалось Белле.

Придётся оставить детей здесь, в долине. В городе последнее время стало слишком опасно. Слишком много чужих людей кругом. Каждый день в речной порт приходит одна, две чужие лодьи. Там стало слишком опасно. Пока я ещё здесь, так хоть какой-то пригляд есть. А как уеду, кто за детьми будет смотреть? Профессор? Няньки? Охрана?

Да, будут. Да всё равно, чужие — не свои. А здесь им раздолье. Да и Лия с Лаей, приглядят за ними, как за своими. И охраны здесь поболе. Учебная сотня, внешняя охрана, да полюс к тому невозможность пробраться в долину иначе как со стороны болота. Да и чужого человека здесь за десять вёрст кругом видать. Пусто.

Всё ж, во всём плохом есть что-то хорошее. Пусть девочки так и занимаются детьми. Надо будет и Машке сказать, чтоб своих сюда же притащила. А то Корней всё время на границе, кто за ними присмотрит?»

До отвлёкшейся на свои мысли Беллы донеслось тихое позвякивание посуды со стороны стола.

— Настоящий узбекский плов, — мечтательно вещал Корней, умильно глядя на поднос. — Давно я о нём мечтал. Димон только всё обещал, гад, и обещал. А вы, девочки, не обещали, вы сделали. Вы чудо! Вы осуществили мою самую заветную мечту и вернули мне веру в чудо, — весело посмотрел он на деловито суетящихся возле плиты и стола жён Димона. — Что бы мы без вас делали. Наверное, померли бы с голода, — бросил он лукавый взгляд на возмущённо фыркнувшую Машу, с независимым видом отвернувшуюся в сторону.

Теперь, что по технике, — вернулся он к теме разговора, с предвкушающим видом погружая ложку в горку дымящегося риса.

Как ни грустно это признать, но выстрел наугад попал в самое яблочко, — тяжело вздохнув, Корней грустно глянул на Беллу. — Богдан, как увидал, в каком состоянии находятся движки на обоих наших дирижаблях, лишь после первых трёх месяцев эксплуатации, только головой покачал. А потом выдал такое, что из всех его слов, я понял только буквы: а и б. Ещё — ё. Всё!

Смысл, тем не менее, ясен: удивлен, почему они в таком состоянии вообще ещё работают. Разболталось всё в хлам. Обещал обоим моим механикам руки из одного места вырвать и к другому месту пришить, гвоздями, за то, что они делают, а точнее — что не делают. За то, как ухаживают за механизмами, за то, как они следуют лично им написанным инструкциям по эксплуатации и уходу за агрегатами.

Всё правильно, и я с ними согласен, с обоими, и с Глебом, и с Богданом. Только где других взять? — снова тяжело вздохнул Корней.

Виновато разведя руки в стороны с зажатыми в них большой ложкой и куском белого пшеничного хлеба, Корней с грустью продолжил:

— Ругайся, не ругайся, а других всё одно нет. Работаем с теми, кто есть. А мечтать, что у нас когда-то будет такие же мастера как Кур Белый — можно сколько угодно. Мечтать не вредно, вредно не мечтать.

Потому-то я и не стал ждать, когда и второй наш, то есть наш самый первый малый дирижабль ДЖ-1, по примеру второго, не развалился в воздухе, и сразу отогнал его в Трошинские мастерские на обследование. Потому и пришлось на болотах так поспешно сворачиваться, со скандалом. Вою было — жуть. Мыкола Ржавка чуть весь на дерьмо не изошёл, так ругался.

Признаюсь, сам от себя не ожидал ничего подобного. Думал, недельку, другую он у меня там ещё поработает. Тем более что дел полно. Ещё машин за нами там числится сотни две, не менее, чтоб вывезти. Но после слов Богдана — как отрезало. Пёс с ними, с машинами, главное — аппараты.

Так что, девочки, остались мы теперь без обоих дирижаблей. И скажу вам по секрету, мне это не нравится. С ними было как-то спокойнее. Надёжнее, что ли. Всё же прикрытие с воздуха для наземных операций и независимость от передвижения по земле — дорогого стоит. Про грузоподъёмность — вообще помолку. Слов нет, одни чувства.

И очень хорошо, что у нас было такое напряжённое дело,

связанное с этим болотом. Иначе бы мы никогда не дали такой большой нагрузки на наши аппараты. Всё жалели бы, да берегли. Потому как слишком уж дорого они нам обошлись при строительстве. В такие деньги встали, аж волосы дыбом встают.

Вот такая наша экономия нам бы потом, при случае, боком и вылезла. Точно вам говорю. Хорошо, что так всё вышло, словно по заказу. Оба аппарата в ремонте и до отъезда месяц ещё есть всё починить и наладить.

И ещё нарисовалась проблема, — бросил он взгляд на Беллу. — Кончились бомбы. Как под конец не экономил, а считай что кончились. От вчера ещё колоссальных запасов готовых авиабомб у нас осталась сущая ерунда, два десятка ящиков двадцати пяти килограммовых бомб. А по мне, сорок штук маловато будет для поездки на такую роскошную свадьбу.

И это накануне отъезда в Подгорное княжество, — мрачно констатировал Корней, глядя Белле прямо в глаза. — Извини, Белла, но склады пустые. Что будем делать?

— Снимать штаны и бегать, — глухо отозвалась Белла. — Всё знаю. Но для производства новых авиабомб в ближайшее время нет ни малейших перспектив. Нет кислот. Нет хлопка. Нет и половины того, что надо для производства взрывчатки. И впереди полный тупик. Бароны на перевале наконец-то расчухались, что у нас здесь происходит, и ещё больше ужесточили эмбарго. Введён полный, абсолютный запрет на все ингредиенты для производства взрывчатки и пороха. Даже на нашу компанию запрет распространили по поставкам стратегического сырья.

И самое плохое, что нет Сидора, чтобы с ними разобраться. Его нет, а без него этот вопрос никак не решить. Со мной даже не разговаривают. Женщина — твоё место на кухне и всё, разговор окончен.

Одним словом, нашли, за что зацепиться, и весьма умело этим предлогом воспользовались, не придерёшься. В дворянских семьях делами всегда занимается муж. По крайней мере, официально. А Сидора нет. И они об этом прекрасно осведомлены. То есть, теперь уже окончательно понятно, что нас ни на минутку не оставляют без особого, самого пристального внимания.

И наш перевал нам тоже ничем не поможет. В Восточном Приморье ничего нужного для нас нет. А что есть — не соответствует по качеству.

Попробовать протащить что-нибудь контрабандой, мимо Басанрога? — пожала она плечами. — Можно попробовать. Но прямой дороги мимо Басанрога через южный горный отрог к нам в Гуано с запада нет. Такого крюка придётся делать, что доставка

вылетит просто в безумные деньги, если она вообще будет возможна. В чём я очень и очень сильно сомневаюсь, зная теперь, как бароны с перевала отслеживают свой денежный интерес, и то, что дорог с той стороны гор на настоящий момент просто нет.

Поэтому спешно ищу хоть какую-то замену нашим авиабомбам. Хотя бы даже из старья у трофейщиков. Хотя уже понятно, что ничего из этого толкового не выйдет. Старые бомбы они и есть старые. Тем более, поднятые из болот. Никогда не известно, как они сработают и сработают ли вообще. Больной вопрос всех старых боеприпасов. Никаких гарантий.

Но переговоры веду. Вроде бы, как даже с успехом. Сотню, другую какой-то мелочи мне обещали. Что именно, скажу чуть попозже, когда сама разберусь.

Но во что это нам встанет, сейчас не хочу даже и думать.

Подсуропило нам это болото с бомбами, подсуропило, — мрачно буркнула Белла. — Никто не ожидал таких расходов. Ни я, ни ты, ни профессор. И с чем теперь лететь на свадьбу к моей «заклятой подруге» — я не знаю. Явиться в столицу Подгорного княжества совсем уж без ничего, с жалкими четырьмя десятками полутора пудовых авиабомб? Полный бред!

— Бред не бред, а не достанешь ничего до отлёта, так и полетим, с пустыми карманами, — бросил Корней косой взгляд на Беллу. — Ладно, с этим всё ясно, — махнул он рукой. — Лучше скажи, как у нас там обстоят дела с кузнецами? Как они проглотили то, что мы отказались дальше с ними работать и поставили аппараты на ремонт с неясными сроками восстановления?

Точнее, уже ясно, что до твоего возвращения никто им ничего не даст. Как они это проглотили?

Да и вообще, хотелось бы знать, как тут у вас идёт подготовка к свадьбе. Время то, мало осталось. А то я с Ржавкой поцапаться поцапался, а что происходит в городе и чем дело кончилось, так до сих пор и не знаю. Меня, почитай две недели дома не было.

— А по моему внешнему виду разве не видно? — кисло усмехнулась Белла.

Взяв в руки свою ложку, она вяло поковырялась в стоящей перед ней на столе большой миске с парящим, горячим ещё пловом, и равнодушно отложила её в сторону.

— Спасибо, Лия, — вяло поблагодарила она отошедшую к плите амазонку.

— Судя по тому, что вижу, дела обстоят не очень, — понятливо хмыкнул Корней.

— Ещё мягко сказано, — буркнула в ответ мрачная Белла. — И дня не прошло, как ты прекратил вывоз с болота латуни

кузнецов, и поставил уже и второй аппарат на ремонт, как они хором взвыли. Куда там твоему Ржавке. Почему, мол, прекратили работы и когда снова начнёте? Непорядок! Почему не работаете? И как то так сразу всё вывернули, что то, что прежде было вроде бы как одолжением с нашей стороны, у них уже оказалось нашей прямой обязанностью.

Теперь мы оказывается, обязаны, кровь из носу, но обязаны вывезти с болота их латунь. Что хотите, мол, делайте, но чтоб вывезли. Иначе, мол, они сворачивают ремонт наших машин и прочая, прочая, прочая. Ну, ты знаешь, что они обычно говорят в таких случаях.

Послала. Но чего мне это стоило, не хочу даже вспоминать. Пока ты на своих озёрах сидел и как бы с делами разбирался, пока парней в Тупик отвозил, прятал, я тут с ними всё это время матом ругалась. Утром, днём и вечером. Даже голос чуть не сорвала. Всё пыталась доказать, что в таком виде, в каком наши аппараты сейчас находятся, эксплуатировать их просто нельзя. И по этому, при всём нашем желании сделать ничего просто не можем.

Моторы — в хлам. Все — на переборку и капитальный ремонт. Гондола второго аппарата — рассыпалась в воздухе от перегруза, по их же, между прочим, вине, и подлежит капитальному ремонту и восстановлению как бы ни заново. Как при аварии ещё и люди не погибли — иначе, чем чудом и не назовёшь. Не случится ли того же и с гондолой первого, малого аппарата — не понятно. Ткань баллонов газ травит. Приходится постоянно держать в запасе дополнительные баллоны со сжатым воздухом. Всё это крайне опасно.

Где баллоны газ травят, определить, так и не удалось. Похоже, прямо сквозь ткань. Итог — все швы газовых баллонов придётся повторно проклеивать и дополнительно пропитывать всё полотно ещё раз каучуком. Что неизбежно приведёт к утяжелению аппарата и ещё большему снижению полезной нагрузки.

Куда ни сунешься — везде сплошные проблемы.

Одним словом, надо оба аппарата восстанавливать чуть ли не заново. А для этого нужно время и деньги.

Не слушают ничего. Вынь да положь. Немедленно. И тут же попытались навесить на нас ещё и потерю части своего груза при обстреле с болота и разрушении аппарата. Мол, взялись за доставку, так отвечаете и за сохранность. А что предварительно не обговорено, так это не важно. Практика, мол, такая. И раз пропало чуть ли не пол тонны новеньких, только что из болота боеприпасов, из тех, новых, что были в цинках и прекрасной

сохранности, то заплатите нам штраф. Хотели слупить с нас чуть ли не полмиллиона золотом. Отбодалась лишь тем, что был явный перегруз, а вот этот момент у нас с ними был чётко оговорен. Двадцать тонн и ни килограммом больше. И не по нашей вине авария, а по их прихоти и раздолбайству, и из-за обстрела ящерами с земли. Тишком, мол, лишнего груза в гондолу накидали, вот оно так всё и вышло при резком маневрировании. Не надо было перегружать.

В конце концов, не выдержала, и просто послала их всех на три буквы и потребовала доплатить за ремонт разрушившейся по их вине гондолы. Так не поверишь, у тех словно второе дыхание открылось, два дня лаялись, пока не пришли к общему знаменателю. Ни мы им, ни они нам, никто никому ничего не должен. Зашибись!

И всё равно ушли недовольные. Мол, мы их всё равно где-то да обманули. А где, они ещё пока не разобрались. Вот когда поймут, разберутся, тогда нам и предъяву выкатят. А сейчас, мол, живите, раз вам так совесть позволяет.

Как тебе такой подход? — криво усмехнулась Белла. — Нормально? Можешь представить, что бы было, если б мы сами не организовали той аварии? Если б мы просто отказались с ними работать? Задолбали бы. Дай пальчик, всю руку отхрякают.

— А чего ты хотела, — буркнула Маша. — Когда всё затевали, знали же, чем всё кончится и что нас же и обвинят во всём что угодно, во всех смертных грехах. Особенно в том, что блюдёшь собственный интерес, а не их ж. пу лижешь. Так чему же ты удивляешься.

— Я не удивляюсь. Я насторожена. Знали бы они точно, что обстрел с земли и последующее разрушение аппарата в воздухе с потерей части груза — наших рук дело, так бы легко мы не отделались. А то они что-то подозревают, а ничего доказать не могут. Вот и бесятся от бессилия.

Весь лес на месте аварии носом перекопали, всё искали пропавшие патроны. С концами, — насмешливо развела Белла руками. — Пока они чухались, ящеры всё, до последней ржавой гильзочки подобрали. Только что спасибо сказать забыли.

Что с кузнецами было, — покачала Белла головой. — Не передать. Чуть ли не полтонны пропавших новеньких патронов. Минимум двадцать тысяч прямого убытку.

Но это всё ерунда, — отмахнулась Белла. — Главное, другое. Нам надо срочно восстанавливать собственное производство взрывчатки. Потому что это не дело, и ни в какие ворота не лезет. Сапожник без сапог. Склады забиты пустыми корпусами авиабомб, а взрывчатки нет ни грамма. Потрачено огромное

количество труда, денег, дефицитнейших ресурсов на производство оболочек, а конечного результата — нет.

Так что, Корней, главная задача на тебе, на то время пока нас дома не будет, — прямо посмотрела она на того, — продержаться до того времени, пока Галка не вернётся из Приморья и не доставит сюда закупленные Советником на Западе кислоты, хлопок и прочее всякое разное.

В это столько денег уже вбухано, что и дальше терпеть то что с них нет отдачи — безобразие.

Хотя уже понятно, что взрывчатки раньше зимы у нас не будет. Это точно. А как оно там на самом деле потом выйдет — одному Богу известно. Так что, держись тут без нас.

— Не впервой, — скупо улыбнулся Корней. — Вы, главное, вернитесь со своей гулянки живыми, а со всеми этими мелочами, вроде подгорных людоедов и претензий кузнецов, мы тут как-нибудь сами разберёмся.

— Мы постараемся, — хмуро буркнула Белла отворачиваясь. — Завтра съезжу к Трошиным в мастерские, проверю, как там идут дела с ремонтом машин из болота. А то за всё хватаемся, а ни одного дела до конца так и не довели. Пора с такой практикой завязывать. Сколько готово на данный момент, на том и остановимся. Лучшее — враг хорошему. От этого и будем плясать.

Прибытие.

Только заметив, что мысли опять разбрелись, Белла снова постаралась сосредоточиться. Надо окончательно разобраться с дирижаблями, а потом уже начинать думать обо всём остальном.

Главный вывод из прошедшего лета может быть только один. Хочешь, чтобы всё было дёшево — делай всё сама и делай всё втайне. Пусть будет медленно, пусть не так красиво как могло бы быть, зато будет гарантировано дёшево. И не придётся тогда ежедневно ящеров бомбить. И не вылетит тогда данное предприятие во многие тысячи злотых! И не обогатишь тогда ты в городе всех кого ни попадя, а сама не останешься нищей. И не будешь снова привычно уже выискивать по пыльным пустым сусекам очередные крохи былого богатства, дабы вновь залатать очередную дыру.

От отчаяния Белла чуть было не схватилась руками за голову.

— «Где взять денег на все прожекты?

— Бред! Нормальные женщины ищут деньги на какие-нибудь тряпки или развлечения, а она на заводы. Боже, что я делаю?»

Вот ещё одна идея, с которой последнее время носятся все кому ни лень. На основе восстановления найденных на болотах машин организовать новый автостроительный завод, на котором будут восстанавливаться, и доводиться до ума поднятые из болота остовы машин. А потом торговать ими в Приморье, где им самое место и где их с руками отрывать будут. Тем более что, даже по предварительным подсчётам счёт идёт уже на сотни поднятых из болота машин. Причём большинство поднятых из болота остовов машин в прекрасной сохранности.

Со всех сторон впереди отличные перспективы, особенно учитывая, что скоро из Приморья должны были прийти купленные на Западном побережье новые станки, на которых можно было наладить уже собственное производство.

Одна беда, оставленные Ведуном весной деньги подошли к концу, и ввязываться в очередное масштабное строительство элементарно было не на что. Свободных капиталов в кассе не было.

Это же, фактически новый завод. А у них уже строится огромный спиртовой завод, словно огромный зев, сжирающий всю приходящую прибыль. И в их положении затевать сейчас какое-либо масштабное строительство чего-то нового можно лишь при единственном условии — при очередной продаже крупной партии изумрудов. А это — неизбежное привлечение Ведуна. Что, учитывая его манеру ведения дел с их компанией, было крайне нежелательным. Наглость, и бесцеремонное игнорирование самых насущных требований компании, привели к тому, что сама мысль о подобном союзе вызывала в душах всего руководства открытое его неприятие в качестве посредника.

Нужен был прямой выход на покупателей или, на худой конец, другой посредник, тот, которому можно было бы доверять. Проблема была лишь в том, что никого такого на примете не было. Чем Ведун нагло и пользовался. А значит, на планах дальнейшего развития автозавода придётся ставить жирный крест, как бы ни хотелось обратного.

— «Ну, вот. Опять! Опять все мысли о работе, — мысли Беллы незаметно вернулись в неизменное русло, вокруг которого всё вертелось последнее время. — Не было у бабы печали, так купила порося. Точь в точь про меня. Мало мне проблем с дирижаблем, со спиртом и с монитором с баржами, так теперь ещё и автозавод на шею свалился. До кучи, видать. Чтоб скучно не было.

Вот хочешь не хочешь, а приходилось теперь тащиться куда-то на задворки механических мастерских братьев Трошиных, где была собрана вся добыча с того болота, и лично проверять в каком состоянии и сколько машин вывезли с болот.

Определяться, стоит ли оно того, чтобы разговоры разговаривать. А если стоит, то чего оно будет стоить дальше», — мрачно скаламбурила Белла.

Если судить по Васькиным отчётам, мы в шоколаде. Вывезено с болота много, и оно того стоит. А вот так ли? Васька с Колькой увлекающиеся натуры. Что тому, что другому веры мало, хоть последнее время в их трезвой оценке действительности заметен явный прогресс. Теперь уже не врут, как раньше. Точнее, как Васька сам о себе говорит: «Не фантазирует креативно».

Что это за бред такой, Белла старалась даже не думать, чтоб голову гадостью всякой не забивать. И всё равно, нет-нет, да всплывало очередное мутное, бессодержательное словцо, смысла которого она не понимала.

Широкая, совсем недавно расчищенная от пней просека грунтовой лесной дороги, кое-где ещё с не засыпанными ямами от пней, плавно изгибаясь вправо, открыла прекрасный вид на большую вырубку впереди. В дальнем конце вырубки просматривались маленькие отсюда одноэтажные корпуса многочисленных цехов механического завода братьев Трошиных, с еле-еле видимой за ними вдали голубой полоской далёкого озера. И…, что-то…, нагло лезущее на передний план, резало глаз.

— Что это?

— Подъезжаем, Белла Юрьевна, — повернулся назад егерь, что был сегодня у неё за кучера. — А это перед нами новая вырубка. Расчистка под автозавод. А там, впереди — новые корпуса автосборочного цеха. Расширяемся, Белла Юрьевна, — с гордостью проговорил пацан.

— Я вижу, что мы подъезжаем. И даже куда мы подъезжаем я тоже вижу. Я спрашиваю, что это такое? — протянула она руку вперёд.

— Ах, это. Остовы машин, Белла Юрьевна. С левого по ходу края — это Васькины с Колькой и банды семьи Буянов, остатки от того, что они с собой не забрали. А с правого края, к нам сюда поближе и туда дальше в лес, на ещё не расчищенную площадку, уже наши машины, егерские. Те, что мы по договору с кузнецами взяли.

Как только Колька с Васькой и банда семьи Буянов по вашему приказу покинули болота для подготовки автопробега, так и мы тут как тут. Быстренько к делу этому благому подключились, с их лёгкой руки. Спасибо им за это. И вам тоже, — забывшись, небрежно кивнул он головой куда-то назад. — Вот, — с непередаваемо довольным видом парень гордо указал рукой на просторную вырубку с правой стороны от дороги, где всё

свободное пространство до близкого леса было густо-густо заставлено остовами самых разных машин самой разной степени сохранности.

— Та-а-а-к, — медленно протянула, потрясённая увиденным Белла. — Чувствую, поездочка моя удалась. Сколько здесь?

— А х-х-х… Никто толком не знает, — смущённо пожал парень плечами, густо залившись краской. — Сначала, как сменили ребят, сразу взяли десяток, из того что нам ребята заранее подготовили, с мелководий. А как пришёл приказ окончательно сворачиваться, так потащили всё, до чего только ручки могли дотянуться. Тащили без счёта. За отведённую на сборы пару недель вытащили столько, аж самим дурно стало. Но, потом. А тогда, днём и ночью без роздыху вкалывали. Так что, сколько здесь точно, не скажу. Сами ещё не знаем.

Наверное, это что-то заразное, — рассмеялся парень, обернувшись. — С парней Андрюхи Буяна пример видать взяли. Те днём и ночью вкалывали, вот и мы вслед за ними.

Много здесь, Белла Юрьевна, машин, очень много. Не меньше пары сотен. Почитай же двумя аппаратами с болота добычу вывозили. Гирляндой вешали одну над другой, и так тащили. Много вывезли. И это не считая вывоза латуни. Если б не кузнецы, здесь было бы ещё больше наших машин. И много ещё под водой осталось, чего пока не подняли, но застолбили.

Но только Вы не подумайте, Белла Юрьевна чего худого. Наши метки никто не тронет. Это дело святое. Да и мы сами за этим проследим. А то кузнецы народец ушлый, не углядишь, мигом стырят.

Так что, сколько там на самом деле мы вывезли — никто толком ещё не подсчитывал. Тем более что тут много разукомплектованных остовов со свалки кузнецов с мелководья, которое вообще на халяву досталось. То мы вообще брали без счёта.

— А ручки то у вас, я смотрю, оказались шаловливые, точнее — загребущие, — понимающе, медленно покивала головой Белла, не сводя взгляда с раскинувшейся вокруг свалки. — Вот значит, зачем Корнею вдруг срочно понадобилось туда же и второй дирижабль доставить, который специально для вас сняли с границы на озёрах. Теперь мне понятно как дирижабль угробили. Говна понатащили, а хорошие аппараты в хлам. Очень хорошо.

И всё же, хоть примерно, сколько здесь, подсчитывали?

— Зачем примерно. Братья Трошины тут хозяйничают, они вам точно скажут.

— О! Вот же сам Богдан, стоит возле ворот кузнечного цеха, встречает, — поторопился он перевести внимание на кузнеца. —

Он вам всё подробно и растолкует.

— Ага! — медленно протянула Белла, заметив впереди знакомую фигуру. — Вижу-вижу! Стоит красаве?ц.

Тихо шурша ободьями по отсыпанному мелким речным песочком небольшой выровненной площадке возле широко распахнутых ворот механического цеха, коляска Беллы медленно остановилась перед Богданом.

— Здравствуйте, Белла Юрьевна, — улыбнулся стоящий в воротах богатырь. — Доброго здоровьица вам.

— И тебе не хворать, — улыбнулась многообещающе Белла. — Рада тебя видеть таким довольный. Вот, глянула один раз на тебя и сразу видно что у человека всё хорошо.

— Ну а насколько хорошо, давай колись. И начни с отчёта по болотной эпопее. Что у нас там и как?

— Может, не здесь, у ворот? Может, пройдём в контору и там посидим? Чайку заварим тобой любимого, кипрейного, отдохнёшь пару минут с дороги.

— Не могу, — улыбка пропала с лица Беллы. — Времени нет. Я ведь сюда наскоком, только посмотреть, что здесь и как и тут же обратно. В городе меня этот их главный кузнец мастер Дутов сегодня вечером ждёт. Зачем, не знаю. Опять, наверное, гадость какую-то задумал. Так что, если давай коротко и исключительно по делу. Чем мы на настоящий момент владеем и каковы на твой взгляд наши перспективы?

— А, — понимающе глянул на неё кузнец, — понимаю. Дутов — это плохо. Дутов — это проблемы. Большие проблемы. Для нас. Как-нибудь потом я тебе предметно поясню, что это за тварь.

— Ну, раз вкратце, так вкратце. Слушай и не говори, что не слышала.

Итак, что мы имеем. По латуни. До момента окончательной приостановки работ на болотах, нами для кузнецов в счёт договора добыто из-под воды сто двадцать четыре тонны старых боеприпасов с латунными гильзами. Из них пятьдесят восемь тонн вывезено, остальное до сих пор разными по величине партиями складировано на болотных островах. По самым неблагоприятным для кузнецов прикидкам, латуни из своего гнилья они сумеют выплавить до сорока тонн чистого металла. Это их чистая добыча на сегодняшний день.

— Нам же они за латунь должны — тысячу двести сорок машин. Плюс сто десять Галкиных по особому договору. Итого — тысяча триста пятьдесят машин.

Из них. Восстановлено в новых формах и материалах, и передано Галке с парнями для автопробега — сто сорок четыре машины. Какие конкретно — об этом потом. Там разговор долгий

и разбираться надо серьёзно.

— Здесь же на вырубке перед нашими мастерскими осталось двести двадцать четыре остова машин разной сохранности и разукомплектованности.

— Остаток — девятьсот восемьдесят две, доберём, когда ты вернёшься. Если, конечно, вообще доберём, — флегматично хмыкнул кузнец. — В чём у меня ба-а-альшое сомнение. Моё мнение на сегодняшний день таково. Про остаток машин нам придётся забыть и реально рассчитывать лишь на то, что уже вывезли. И всё. Я считаю, больше машин из тез болот мы не добудет. Почему — объяснять долго и нудно, но если в двух словах…

Богдан замялся, не зная как вкратце и доходчиво описать свои мысли и выводы, к которым он пришёл.

— Во-первых, когда ты вернёшься, ящеры к тому времени уже расчухают, что там происходит и просто сорвут нам все работы. Сама знаешь, есть у нас такая штука как мортира. Так вот у ящеров есть миномёт и есть к нему боеприпас. Дорого, но есть. Как много — не знаю, но нам хватит и пары мин. И если они решат сорвать подводные работы — они сорвут.

— Во-вторых. Самое, на мой взгляд, главное. Не может на тех болотах быть столько машин, сколько они нам уже должны, — вдруг заявил он. — Не может и всё. И хоть кол ты у меня на голове теши, не будет там тысячи машин. Вот увидишь. Им просто взяться неоткуда.

— Поэтому, тратить силы на провальный проект, по-моему, больше не стоит.

— И, на мой опять же взгляд, вести дальнейшие водолазные работы на тех болотах становится уже опасным. Непонятно с чего ящеры вдруг резко активизировались и окрестности болот буквально уже кишат ими. В последний рейс, когда Корней вывозил остатки оборудования и пару тонн старой латуни для кузнецов, он с воздуха заметил несколько движущихся в сторону болот отрядов легионеров. Считает, что мы вовремя ускользнули. А вот кузнецам теперь точно не поздоровится.

Сейчас самый удобный момент. Если подсуетиться, то можно серьёзные деньги с кузнецов снять на вывозе старых боеприпасов. Да и сами они не откажутся на дирижабле оттуда выбраться, а не прорываться с боем по земле.

Если у нас проблема с деньгами, как я понял, то есть неплохой шанс ухватить серьёзный куш и хоть немного заработать денежек на новый аппарат.

Тут у меня идеи новые появились, — вдруг умильно улыбнулся Богдан, как-то неуловимо сразу став вдруг каким-то

приторно сладким. — Можно смайстрячить нехилую конструкцию на основе жёсткого каркаса для дирижабля и намного большей грузоподъёмности, чем нынешние аппараты. Тонн под сотню будет чистого веса. Такие бабки нехилые можно на доставке рубить потом, никому здесь и не снились.

Нашим угольком завалим всё Левобережье. Даже сможем что-нибудь и амазонкам, и баронам за хребет продавать. Перспективы…., — мечтательно закатил он глаза, — у-у-у! Делать не эти твои пассажирские лайнеры двупалубные, класса люкс и полулюкс, а нормальные грузовые платформы. Чтоб груза тонн сто возить одним рейсом, а не пассажиров.

Хотя, если хорошо будут платить, то почему бы и не пассажиров. Тоже заработок.

Так как?

— Как сик, так и как, — вдруг неожиданно жёстко отрезала Белла. — Никаких новых дирижаблей. Забудь! Нет денег. Это всё дела дней грядущих. Сейчас меня интересует исключительно, какие у нас возможности по строительству нового автостроительного завода.

Мы сейчас нацеливаемся на развитие торговли в юго-восточном Приморье, и добавить в нашу довольно скудную номенклатуру товаров для торговли там ещё и машины, было бы совсем неплохо. Грунты там плотные, сухие. То, что дорог нет — проблем там не составляет. Езжай в любую сторону, везде проедешь, не то что у нас. Так что, машины там пойдут. Хорошо пойдут. Тем более, что мы и нефтеперерабатывающий завод с той стороны гор строим. С бензином и соляркой владельцам машин там проблем не будет. А новые потребители на наш бензин нам точно потребуются. Будем формировать новых потребителей под свой новый товар, под продукцию нефтепереработки.

— Вопрос только в новом заводе. Потянем?

— Нет, — вдруг неожиданно жёстко и зло отрезал Богдан.

— Извини, Белла, не хочется тебя огорчать, но новый автостроительный завод — это уже, как тут некоторые из землян говорят: «Головокружение от успехов». Говоря проще, это мы как бы уже не зарвались.

— Я со своими парнями могу поработать сверхурочно. Месяц, два, три. Если надо, то и четыре. Но потом всё, шабаш, мы все просто сдохнем. Нельзя месяцами работать по восемнадцать часов. Резко возросло число ошибок и травм. Люди падают от усталости. Выросло количество брака. А брак, как ты понимаешь, это удорожание изделия. А травмы, бывают и смертельные. Пока ничего подобного, слава Богу, нет, но нам этого точно не надо.

Поэтому — хочешь новый завод, ищи новых людей. Нужны

рабочие. Будут рабочие — будет разговор. Нет — говорить не о чем.

Люди будут. Должны быть, — как-то неожиданно устало и обречённо проговорила Белла. — Мы над этим работаем. Осенью городские гильдии возвращают нам своих учеников, отданных в прошлом году им на обучение и я готова тебе чуть ли не всех отдать, несмотря на их специализацию. Всех, лишь бы у нас был новый автозавод. Это же такие роскошные перспективы.

— Ученики — это хорошо, — медленно и задумчиво протянул кузнец. Тяжело вздохнув, он с жалостью посмотрел на Беллу. — Только, боюсь, это всё химера. Не вернут нам осенью наших учеников гильдии. Не все, но многие. Тот же Дутов и не вернёт.

Белла какое-то время молчала, в задумчивости прохаживаясь перед кузнецом.

— Давай поподробнее. Это совпадает с нашими соображениями, но хотелось бы услышать и тебя. Давай и твоё видение этого дела.

— Нет никакого дела, — угрюмо буркнул кузнец. — И нет моего видения, одни чувства, и по большей части, матерные. И первое среди чувств чёткое понимание того, что за наших учеников нам придётся ещё хорошенько подраться. Это слишком ценный ресурс, чтобы спокойно смотреть, как его у тебя утягивают из-под носа.

А то, что это не твоё, так, когда это кого-либо останавливало.

Белла, Белла, — погрустнел кузнец. — Можешь смеяться, можешь ругаться, можешь плакать, но реально это из-за того, что люди вынуждены идти на подобное. Сама жизнь их к тому вынуждает, если они конечно, хотят сохранить своё дело.

Всё из-за острой нехватки работников. Люди бегут с границы. И с каждым годом положение лишь ухудшается. И хоть народу пришлого в городе вроде бы как полно, в кузнях и в других ремесленных мастерских некому работать. Нет работников. Люди есть, а рабочих нет.

Беженцы предпочитают жить на пособие, но не работать. Пойми, Белла, Совет реально ничего не делает для решения этой проблемы. Потому как слишком многие в нём сами заинтересованы в дешёвых рабочих. Проблема слишком запущена. За последние десять лет гильдейцы уже настолько привыкли, что все пришлые и переселенцы работают за две-три медяшки в сезон и за кусок чёрствого хлеба, что менять чего-либо не намерены. Это выгодно.

А люди не согласны работать за гроши, как того хочется местным ремесленным гильдиям. Вот и выходит, что многие из

переселенцев, что осел и до сих пор пока ещё оседают в городе, предпочитают годами жить на подачки Совета. Проще так, чем реально пытаться что-то заработать. Потому как заработать реальные деньги на восстановление своего порушенного хозяйства невозможно, мало платят.

А у некоторых уже и второе поколение пошло, которое работать уже не то что не хочет, а не может. Отвыкли. Потому что на подачки жить проще. Вот и идёт оскотинивание. А тут ещё и вы со своими учениками, работающими задаром. Да ещё и денег дали гильдиям на обучение, много.

Вот у некоторых мозги и снесло от жадности. Думают, по лёгкому слупили деньгу, так почему бы и дальше не попользоваться удобно сложившимися обстоятельствами. Раз привыкнув к халяве, кто ж захочет с ней расстаться.

— Ну, денежки-то они нам по любому вернут, — помрачнела Белла.

— Гильдии? — изумился кузнец. — С какой стати? Дело своё они сделали? Сделали. Про девок твоих ничего не скажу, не знаю, но пацанов, что в кузни отдали, неумех, ремеслу обучили? Обучили. Особенно после устроенного Сидором скандала серьёзно за это дело взялись. Потому как почуяли свою выгоду. И теперь твои юные вассалы уже не те олухи, что были ещё полгода назад. Теперь они уже знают, с какой стороны за ручку молота браться. Так что с этого боку ты гильдиям никаких претензий не предъявишь.

И с чего бы им тогда деньги тебе возвращать?

Озадаченная Белла задумчиво уставилась на кузнеца.

— Давай ка с этого момента поподробнее.

— Да, Белла, — тихо проговорил кузнец, — это так. Они могут даже экзамен оценочный учинить, чтобы все в городе видели, какие они честные и ответственные, и как они принципиально подходят к порученному им делу. И что они действительно баронских парней чему-то стоящему научили. И готовы дальше учить, потому как нет пределов совершенству.

Так что, со всех сторон с них взятки гладки.

А вот дальше — ваши отношения с этими парнями, это уже ваши отношения.

И вот тут то для нас и начинается самая засада. Увидишь, ученики пожелают остаться на работе в тех мастерских, где проходили обучение.

— Почему?

— Да потому что люди они свободные и принудить их к чему-либо ты не имеешь права. Попытаешься — тебя же и накажут. Они свободные люди.

— Свободные? — неприятно улыбнулась Белла. — Да ты, видать, забыл, что именно свободный человек обязан отвечать по своим обязательствам. И если к гильдиям, тут я вынуждена согласиться, претензий мы предъявить не можем, то в случае отказа ученика отработать плату за обучение, деньги он обязан вернуть. Тому, кто за него заплатил. И это — общепринятая практика.

— Ну и в чём проблема? — усмехнулся кузней.

— Проблема? — изумилась Белла. — Проблемы нет. Как и денег нет ни у кого из учеников. Откуда у них деньги? Им же не платят. Они — ученики! Живут на всём готовом.

— Деньги на выплату тебе компенсации есть у гильдий, — равнодушно пожал плечами Богдан. — Пусть даже это будет и большая сумма, они её найдут.

Совет обяжет тех, кто примет к себе на работу твоих учеников, вернуть тебе потраченные на их обучение средства. Не ты такая первая, не ты такая последняя.

И гильдии виру тебе заплатят, и заплатят сразу, чтоб конфликта не было. А вот людишек обученных постараются оставить у себя. Потому как деньги не заменят молотобойца, что подался в низовья искать лучшей доли, и не заменят углежога, что подался вон с родового хутора, спасая свою семью от уничтожения ящерами.

Людей, без их согласия, никто тебе возвращать не будет. Потому как люди они теперь свободные, не смотря на все прежние и нынешние вассальные зависимости. Баронское право здесь не действует. И более того, Совет специально отследит именно этот момент. Чтобы именно ты, как баронесса, не принуждала никого на себя работать.

Деньги, какими бы большими они ни были, не заменят работника, которого нет.

Извини Белла, — развёл он руками. — Как это у землян говорится: «Ничего личного, только бизнес».

— Ну что ж, — невозмутимо заметила Белла. — Твои соображения полностью согласуются и с нашими с Машей выводами. Да и профессор аналогично думает. Поэтому, остаётся нам одно. Выкручивать кузнецам руки, чтоб они добровольно, без принуждения, — Белла вдруг как-то неприятно, мстительно ухмыльнулась, — сами отказались от дармовой рабочей силы и сами же нам всех вернули. Получится ли — не уверена. Но попробовать стоит.

Задумчиво посмотрев на кузнеца, словно оценивая, стоит ли что-либо ему говорить, Белла со злой усмешкой проговорила:

— Богдан, дружок, а ты никогда не задумывался, откуда там,

на болотах ни с того, ни с сего вдруг оказались легионеры из пограничного Легиона. Да не из простого, а из того самого, Чёрного?

— А что, их там не должно было быть? — насторожился кузнец. — Их, вроде как, везде полно. Вот и Корней давеча как-то жаловался.

— Вокруг ничем не примечательного болота? — сделала деланно удивлённые глаза Белла. — Каких кругом тысячи? Если не десятки тысяч? С чего бы это? Таких болот кругом каждое второе, если не первое.

— Ты никогда не думал, что если специально не привлечь внимание ящеров к тому месту, то ящеры там никогда так и не появятся. Тем более легионеры.

Поэтому, как только нам стало известно, что вместе с машинами в болотах много латуни от старых патрон, которая кровь из носу необходима гильдиям кузнецов для выполнения их обязательств перед заказчиками, там тут же появился Корней с дирижаблем и принялся бомбить окрестности, привлекая к болоту внимание ящеров.

— Надеюсь, ты не подумал, что мы занялись такой глупостью как благотворительность и решили за свой счёт при помощи дорогих бомбёжек отогнать ящера подальше от границы. Чтобы лесовики на своих хуторах могли свободно отсеяться и собрать урожай.

— Признаться, думал, — настороженно глянул на неё кузнец. — Признаться, именно так я и думал. Даже больше скажу. Многие в городе именно так до сих пор и думают.

— Очень хорошо, — удовлетворённо кивнула Белла. — Лучше даже чем я ожидала, раз уж и ты поверил.

Второй вопрос. А ты не подумал, что у ящеров в ответ на странные бомбёжки тут же возникнет мысль: «А что там есть такого ценного, что заставило людей пойти на такие безумные траты?». Они ведь не дураки и прекрасно осведомлены о стоимость бомб. И не забывай. Для всех в городе мы на те бомбёжки потратили не две с половиной тыщи злотых, наши реальные затраты, а пятьдесят тысяч, как они все сейчас думают.

Наверняка и ящеры точно также посчитали наши затраты. И задумались. Отсюда и результат — появление на прежде ничем внешне не примечательном пограничном болоте самого элитного подразделения пограничной группировки — Чёрного Легиона.

Именно отсюда их внимание.

Но надолго им его бы не хватило. Повертелись бы в окрестностях и свалили к себе домой. Далеко и слишком опасно. Много открытого пространства, незаметно не подберёшься.

Соответственно возможны большие потери. И, главное, непонятно из-за чего рисковать. Поэтому, пришлось их интерес подогреть.

Как думаешь, кто обстрелял с земли наш дирижабль, в результате чего у того от якобы большого перегруза и от якобы резкого маневрирования разошлись сцепки каркаса гондолы, и грузовой отсек развалился в воздухе? В результате чего на землю упала часть ценного груза, и чуть было люди не пострадали?

Рассыпавшийся груз, кстати, хозяева так полностью и не собрали. Какая жалость, — издевательски ухмыльнулась Белла. — Часть естественно пропала. Причём, самая ценная часть — хорошие патроны.

Тебя не удивило, что все собранные из болота хорошие патроны собрали в одно место, а потом разом потеряли.

— Дутов именно по этому поводу больше всего и разорялся, — мрачно буркнул кузнец, отворачиваясь. — Так и знал что тут что-то не чисто, Как ни крутил, как ни вертел, а не могли те болты с гайками от тряски разойтись. Там контргайка стояла. А уж когда ты в ультимативной форме потребовала снять с обоих аппаратов вполне рабочие движки и поставить их на капремонт, хотя они могли ещё работать и работать, да ещё устроить перед Корнем и делегацией кузнецов целую комедию, окончательно понял что здесь не чисто.

— Видишь ли, дружочек, — задумчиво проговорила Белла. Тонким указательным пальчиком она почесала висок. — Как бы тебе это объяснить. И раньше вокруг того болота кучковались и ящеры, и кузнецы, особо друг другу не досаждая.

А теперь Чёрный Легион плотно обсел тот край. И как только они окончательно прочухают, что в этом болоте можно взять не гнилые, а вполне даже свежие патроны, они дружину кузнецов вышибут с тез болотных островов в два пинка.

Мы им и дали такие факты в руки.

И если ещё до конца зимы кузнецы слёзно не запросят у нас помощи с вывозом добытого в болотах добра — я буду не я, и ничего в ящерах не понимаю.

Ты даже не представляешь, какая сейчас там свалка начнётся. Тропа, по которой можно вывезти тяжёлый груз одна, и ту уже оседлали легионеры.

Пока они ещё пользуются другой, дальней, но и это ненадолго. Так что увидишь, наше время придёт.

Поверь мне, я людоедов хорошо знаю. Не успею я вернуться с княжеской свадьбы, как Дутов у нас в ногах валяться будет, чтобы мы дали им возможность целыми убрать свои задницы с того острова посреди болот. А уж вывезти свою добычу с острова на нашем дирижабле они за счастье сочтут. Потому как по земле они

никуда там больше не пройдут. Запрут их ящеры на болотах.

Не веришь мне, поговори с Корнеем. Он с этими ящерами не раз сталкивался. За то, что им надо, за нормальные, хорошие патроны, они душу из пограничников вынут.

Но и на остров не полезут, потому как знают, какой крови им это встанет. Будут измором брать. И возьмут, если кузнецам не помочь.

Но мы им помогать не будем, если они нас о-очень хорошо не попросят.

— Уверена? Уверена что попросят?

— Нет, — обречённо выдохнула Белла. — Я ни в чём уже не уверена. Но попробовать стоит.

— Потому как выхода у нас нет, — ещё больше помрачнела Белла. — Новый автостроительный завод с нуля нам не с кем поднимать. Расчёт только на этих наших обозников. И на то, что к зиме кузнечные гильдии так прижмёт, что кузнецы сами нам всех учеников вернут.

По крайней мере, очень хотелось бы на это надеяться. Как там получится — не знаю. Но заранее подготовить строительную площадку безусловно, надо, чтобы времени зря не терять. Корпуса построить, защитный периметр вокруг территории завода возвести.

Которого так до сих пор и нет, — раздражённо обвела она сердитым взглядом пустынную вырубку, без следа какого-нибудь защитного тына. — Казармы нужны для проживания, столовые. Оборудование новое установить надо будет, которое, надеюсь, наконец-то придёт из Приморья. Тем более что по всем расчётам сроки все давно вышли.

Ну и, отладить всё естественно надо, как положено. Дел вам тут до зимы, даже без наших учеников, начать и кончить. Как наладим тут всё, жильё подготовим, я вернусь, так и заберём своё.

— Реально рассчитывай не более чем на пару тысяч рабочих, — хмуро пробормотал Богдан. — Каких-нибудь горшечников, да кожемяк, которые в городе той силы не имеют, что кузнецы. От тех разве что сотню, другую получишь, не более. Если вообще кого получишь.

— И вот тут-то и вступает в силу наш план, — неприятно улыбнулась Белла. — Когда кузнечные гильдии ящер на болотах реально прижмёт, когда юшка кровавая из наглецов брызнет, когда они не будут знать, как вырваться с болота живыми, наплевав на свою драгоценную латунь — вот тогда мы с ними и поговорим. На другом уровне. Тогда, и только тогда мы заставим кузнечные кланы вернуть нам ВСЕХ учеников, вплоть до самого

завалящего. Даже если это будет идти против воли самих учеников.

Замолчав ненадолго, Белла на какое-то время словно выпала из разговора, думая о чём-то своём. Отвернувшись от Богдана, она медленно, словно гуляючи, прошлась до края выстроившийся вдоль подъездной дороги длинного ряда машин, и застыла там, глядя куда-то в стену недалёкого леса.

— А что у тебя там?

— Где? — недоумённо покрутил головой кузнец, не понимая.

— Там, — мотнула Белла головой, как-то неопределённо в сторону леса. — Что-то строится со стороны озера. А что, не пойму.

— Там? — изумился кузнец. Развернувшись, он уставился ровно в противоположную сторону от того, куда они последний час двигались, и растерянно посмотрел ещё раз на Беллу. — Ты бы ещё дальше на пару вёрст от того края поляны отошла, пару раз кивнула бы непонятно куда, а потом также поинтересовалась: «А что вы тут делаете?»

Вообще-то это на том конце поляны, — недовольно проворчал он, ткнув в сторону озера рукой.

— Без разницы, — равнодушно пожала плечами Белла. — Всё одно к озеру не пойдём. Туда тащиться, небось, пара вёрст будет, а дороги, как я заметила, пока нет, не подъедешь.

— Ну почему же, — хмыкнул кузнец. — Мы-то как-то добираемся же.

— По уши в грязи, — флегаматично проворчала Белла. — А мне ещё вечером с Дутовым встречаться. Боюсь, времени не будет привести себя в порядок, вот и не охота туда тащиться. Так что рассказывай. Что у тебя там творится, что столько ящеров там который день копаются и что-то строят.

— Так что они там у тебя делают?

— Работают, — ухмыльнулся кузнец. — Пристань ладят, что литьё с домны позволит сразу к нам доставлять. На барже то его проще и быстрей доставить сюда можно, чем на лошадях тащить столько то вёрст.

— Потом, по весне, запустим землечерпалку, углубим дно, и включимся в нашу общую транспортную систему озёр. Хоть часть затрат на доставке грузов сэкономим. Мелочь, а птичка по зёрнышку клюёт.

— Знаешь что, птичка, — недовольно буркнула Белла. — Занять ящеров, коль они оказались свободны, надо, согласна, но только постарайся всё же без Сидора больше в водные дела не соваться. Вернётся, шкуру ведь спустит. Сам знаешь, насколько он ревностно относится ко всему, связанному с озёрами и тем более

с транспортной системой. Хватит мне одного Корнея с его заболачиванием лесов по границе, чтоб ещё и ты мне хлопот лишних доставлял.

— Не волнуйся, всё в согласованных рамках, — понимающе улыбнулся Богдан. — Всё давно согласовано и делается исключительно в рамках общей доктрины развития. Так что, такого безобразия как у Корнея на границе, у нас не будет, не волнуйся.

— Да что я говорю, — опомнился Богдан. — Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдём в контору, там сама макеты посмотришь, что было, и что будет. И согласованную с Сидором часть проекта. Заодно и чайком на дорожку обратную заправишься.

— А то, может, чего покрепче? — жалостливо глянул он на Беллу. — Супчику грибного, картошечки жареной с солёненькими огурчиками и капусткой квашенной. Ты б чаще на себя в зеркало смотрелась, Белка. Скоро из былого великолепия один нос останется, до чего отощала. Не жалеешь ты себя с этой свадьбой. Плюнь!

— Плюнь на Дутова, пойдём, пообедаем. Полдень уже, — поднял он голову, глядя на солнце, — а мы не жрамши. Не порядок. А Дутов подождёт. Если ему надо, он подождёт.

— Ладно, — смущённо улыбнулась Белла. — Уговорил, чёрт языкастый. Действительно, с утра ничего кроме двух сушек и чашки чая во рту не было. Покушать совсем не мешало бы.

— Вот и чудненько, — оживился кузнец, решительно увлекая Беллу в обратную сторону. — Заодно за обедом я тебе и последние новости расскажу, как наши парни отправились в автопробег.

— Уже?

— Уже-уже, — повеселел кузнец. — Два дня как уже. Ждали тебя на проводы, да потом поняли, что в Тупик тебе при твоей нынешней занятости никак не добраться. Так что, проводили их в крепости торжественно, оркестр музыку поиграл, на том и расстались.

А заодно и о дирижаблестроении поговорим.

— Опять?! — слабо возмутилась Белла.

— Не опять, а снова, — ухмыльнулся кузнец. — Ты сначала послушай, а потом возмущайся. Аппарат оказался слишком хорош, чтоб оставить такую важную тему без развития. Так что, хош не хош, а деньги тебе придётся искать.

— У-у-у, — погрустнела Белла. — Вот так всегда. Теперь я поняла, как с тобой надо общаться. В следующий раз я возьму с собой Машу. Она не я, она быстро тебя окоротит, как только ты

речь о деньгах заведёшь. У неё это намного лучше получается.

А сейчас, давай корми голодную меня и я поеду. А то я женщина слабая, глядишь, так не ко времени и помру от истощения. Тогда Сидор тебя точно прибьёт, и мы останемся без нового дирижабля. Накормишь, и будет тебе щастя.

— Накормлю, накормлю, — широко ухмыльнулся кузнец. — А то ты действительно на меня Машку натравишь, а делать этого категорически не советую. Пошлю я её, далеко и надолго. Извини, Белла, она, конечно, твоя подруга, красавица женщина и вся из себя хорошая, но между нами говоря, дура она, самая натуральная. Умная, а не разумная. А таких лучше ставить перед уже свершившимся фактом, чем что-либо с ними обсуждать.

— Так что, сначала поедим, а потом говорить будем. Долго, — вдруг тяжело и как-то обречённо проговорил он.

Последний штрих. Визит к Степному.

Степной был не мифический минотавр, но почему-то именно визит к нему на Рожайку, на строительную площадку нового, только строящегося спиртово-водочного завода, Белла всеми силами оттягивала до последнего. Вплоть до самых несуразных причин. Почему? Сама не могла понять. Словно чувствовала, что там узнает нечто такое, что ей очень не понравится.

А может, просто страшилась столкнуться и там ещё с чем-то, что потребует от неё ещё больших усилий на всё. На осмысление, на реагирование, на ещё один кусочек души, вырванный из собственной жизни. Сил не было. Белла чётко отдавала себе отчёт, что она смертельно устала, что на осмысление чего-либо нового она сейчас просто не способна.

Нужен был перерыв. История с новыми, ни на что не похожими речными судами, подготовка к свадьбе, с её дикой гонкой, дирижабли, с их проблемами. И особенно устроенный ей напоследок кузнецами грандиозный, безобразный скандал, окончательно вымотали её.

Устала улыбаться и отшучиваться на откровенную грубость. Так и хотелось выхватить саблю и радикально решить все проблемы. И тем поставить жирную окончательную точку на жизни в этом проклятом городе.

Тяжело молодой неопытной девчонке совладать с матёрыми, битыми жизнью мужиками. Одной, да ещё когда муж в отъезде и поддержать некому. Она чувствовала это и понимала, ещё чуть-чуть и сорвётся. Да так, что ничто её не остановит, пойдёт вразнос. А это — слабость.

Очень не хотелось показывать свою слабость перед людьми. Потому, наверное, и тянула с визитом до последнего. И лишь когда оттягивать стало уж совсем неприлично, решилась.

Визит на речку Рожайку к Степному — это было последнее, что она ещё не сделала перед своим отплытием на свадьбу к Лидии Подгорной, и не посетить, хотя бы накоротке, перед отплытием, большую, важную для них стройку она не могла. Многое, очень многое было сейчас на неё завязано, много было уже вложено и ещё больше предстояло вложить. Никак нельзя было оставлять такую большую стройку без внимания. А уж уехать надолго, не проверив напоследок, как там идут дела, мог лишь круглый идиот.

Баронесса Изабелла де Вехтор старалась не попадать в эту категорию крайне ей самой неприятных лиц. Да и погода в конце лета стояла столь чудная, что и дальше оставаться в городе, затягивая с визитом, не было ни малейшего смысла. Безумно тянуло вырваться на природу, в лес, поле, на речку. Рыбку половить хотелось на удочку, безмятежно глядя на прыгающий в воде поплавок. А потом подсечь какую-нибудь жирную плотвичку, где-то грамм на двести, и с визгом радостно тащить её на берег, приятно вибрируя удилищем.

Да и складывалось последнее время всё просто чудесно. К поездке на свадьбу, все были готовы, и оставалось лишь немного подчистить за собой хвосты, чтобы не беспокоили месячишка эдак два, пока она будет на свадьбе «веселиться».

На больший срок — она запретила себе и думать. Наверняка уже через месяц образуется десяток каких-нибудь сверх важных проблем, решить которые без неё, ну никак не возможно будет. Но вот этот-то срок у неё есть. ОНА ТАК РЕШИЛА!

Нос своей «подруге детства» она утрёт качественно. Припомнит этой сучке и трактир в поречном городе, и надменный вид, с которым эта породистая шлюха решала её судьбу, и всё «доброе», что она с тех пор для неё сделала. Крысюков тех ядовитых, по гроб жизни не забудет «старой подруге».

Белла наконец-то призналась себе в том, что долгие последние годы никак не хотела признавать. Знала прекрасно, но всё это время старательно скрывала сама от себя, сознательно закрывая на проблемные вопросы глаза, о чём не хотелось и думать.

«Подруга детства» сознательно, целенаправленно, раз за разом пыталась её убить. С самого детства. А в тот раз, в поречном городе, когда её спас будущий муж — хотела под удобным предлогом прямо отправить на плаху, как мешающую

каким-то её дурным планам по созданию ЕЁ Срединной Империи. Словно Белла ей мешала. Словно Белла претендовала на этот совершенно ей не нужный трон. И всё равно, зная отношение Беллы к вопросу создания будущей империи, это не остановило её «лучшую подругу», как юная княжна сама не раз себя называла.

Белла наконец-то призналась себе в том, что всегда скрывала от себя, что Лидия Подгорная была её враг. Исконный, с самого детства, с первого дня их знакомства, когда семейство князей Подгорных первый раз посетило их баронство. Уже тогда она её ненавидела.

А потом в её семье началась череда странных смертей и несчастных случаев, быстро проредивших многочисленный прежде род баронов де Вехтор.

Может, и не одна она такая была, жаждущая крови де Вехторов, может быть. Но что княжна Подгорная была в числе первых и самых неугомонных, сомнений у Беллы больше не было.

Только сейчас с глаз её словно упали шоры, и вся кровавая грязь прошлого вылезла наверх. Словно до этого дня была детская игра, а теперь она вступила во взрослую жизнь, с её грязью, кровью и паскудством близких прежде людей. Когда с последним загруженным в трюм баржи воздушным аппаратом под её прежней жизнью словно была подведена черта. И, наверное, окончательную точку в том поставили двадцать тяжёлых трёхпудовых ящиков с авиабомбами, на её глазах осторожно погруженных в носовой трюм баржи. Это стало последней каплей. Детство — кончилось.

Но, даже сейчас, когда всё окончательно встало на свои места, когда все подводные камни вылезли на поверхность, когда будущее стало кристально ясно, всё равно думать о грязи не хотелось. Словно мысли вдруг покрывались какой-то липкой мерзкой гадостной слизью.

А тут! Солнце! Река! Воздух! Пронзительно такой прозрачный, что даже мельчайших букашечек видишь в траве и паучков в воздухе. И тонкие паутинки Бабьего Лета, летающие в воздухе.

Лепота!

В этот раз, видимо для разнообразия, или чтоб особо не задирала нос, Степной встречать её на крыльцо своего дома не вышел, занятый видимо какими-то своими сверх важными делами. Белла на него даже слегка обиделась за такое небрежение. Правда, немного, чуть-чуть.

Что впрочем, тут же забылось, смытое яркими впечатлениями от грандиозности развернувшейся перед ней новой величественной стройки. Чему немало способствовал и сам

местный управляющий Степной, догнавший Беллу с группой сопровождения на смотровой площадке одной из двух уже построенных башен крепостной стены, откуда они все осматривали округу.

— Абалдеть, как обычно говорит мой Сидор, — расплылась Белла в счастливой улыбке, радостно пожимая руку поднявшемуся на башню Степному. На его хмурый вид она машинально не обратила внимания. — Ну, Александр Степаныч, ты и силён. Гигант! Ну, ты и развернулся. Аж дух захватывает. Землищи-то, землищи-то, сколько хапнул, конца края не видать.

И это всё наше?! — восторженными сияющими глазами Белла смотрела на расстилающуюся прямо перед ней грандиозную стройку, тянущуюся куда-то к еле видимой там вдалеке стене хвойного леса.

Воздух сегодня был настолько прозрачен и чист, что отсюда, с высоты смотровой площадки крепостной башни, вся стройка была настолько хорошо видна, что казалось, можно было разглядеть даже самого дальнего человечка вдалеке.

— А с медведями проблем нет? — внезапно встревожилась Белла, вспомнив, что давненько что-то ничего о них не слышала. — Почему я никого из них здесь не вижу? Раньше без них ни одна стройка не обходилась, а тут, как вымерли. Что произошло? Может, какие проблемы? Ты с Катенькой нашей давно встречался? Что она по поводу нашего размаха думает? Рыбы на прокорм хватает?

— Катька твоя, бестолочь озабоченная, одно название что королева, — презрительно процедил сквозь зубы Степной. — Клуша клушей. Поругалась с Тихоном и тот умотал в Приморье вместе с нашими парнями. Теперь тихо страдает, мучается, все дела забросила, переживает. Одно слово — бестолочь. Пока был под боком, был не нужен, нос воротила. И то не так, и это не эдак. А как только плюнул на неё и подался на сторону, так сразу хорош стал. А до того был неугоден. Ревёт и ничего кругом слышать не желает.

Шалава. Одно слово — ша-ла-ва! Не ценит что имеет, а потеряла, сразу в панику вдарилась. Сидит в лесу, забилась под выворотень и, видите ли, страдает.

В общем, помощи от неё, с гулькин нос, если не сказать грубее. Словно её и нет совсем. Пустое место. А остальные мишки, глядя на эту шалапутку, тоже на нас плюнули. Занимаются каждый своим делом, а нас словно и рядом нет. Словно ничего во всей округе не происходит. Но, тем не менее, на пруд за рыбой приходят регулярно. Как же, халява. Спрашивается, зачем нам такие соседи? Почему мы должны им пруды рыбные

строить и содержать их за свой счёт, если помощи от них никакой?

Дошло до того, что в окрестностях пару раз были замечены соглядатаи людоедов с границы. Летом! Чего быть в принципе не должно. Что за дела? Народ начинает беспокоиться.

Надо выходить на Совет их медвежьих Старейшин и требовать навести порядок. Чтобы шалаве этой мозги прочистили. Или, пусть тогда убирают её отсюда вообще, как не справившуюся. А то дождёмся, что все накопившиеся проблемы, приобретут нерешаемый вид и разом на нас обрушался. И придётся тогда тебе что-нибудь тут судорожно перестраивать.

Оно тебе надо? — сердито глянул на неё Степной.

Думай. Лучше это сделать сейчас, заранее, пока ещё ничего важного не построено, чем потом, когда действительно ломать по живому придётся. Учти, потом, я ничего ломать или перестраивать не буду, и другим не позволю. Тут каждый камешек на своём месте лежит, продуман и выстрадан. И вообще, что с воза упало — то пропало.

— Ну, месячишко, другой то потерпят твои проблемы? — радостно улыбнулась Белла. Всё раздражение Степного словно обтекло стороной её, настолько у Беллы сейчас было хорошее настроение. — Пока я на свадьбу смотаюсь и вернусь, надеюсь, ничего страшного не произойдёт, — улыбнулась она ещё шире.

Настроение Беллы было прекрасное. Все страхи, с которыми она ехала сюда, вдруг куда-то делись, и настроение было прекрасным. Думать ещё над какими-то посторонними проблемами, ещё и про медведей, сейчас, когда со дня на день ей предстояло наконец-то, после долгой подготовки, отправиться на свадьбу, совершенно не хотелось. И приехала то сюда она лишь для того, чтоб только отметиться, поскольку знала, что у Степного всегда всё идёт как надо, всё по плану.

И ничего более!

А тут мужик сходу принялся грузить её какими-то своими проблемами, будто только того и ждал. Думать, совершенно не хотелось. А уж влезать-то в дела…. Потом. Всё потом.

— Вот вернусь обратно, — мечтательно проговорила Белла. — Отдохну пару деньков, вот тогда и займёмся твоими проблемами. Разберёмся. Всё налад…

— Приедешь, поздно будет.

— Да ладно тебе. Два, три месяца. Что за этот срок случится.

— Пока ещё лето, пока ещё стоят золотые денёчки, пока вёдро, надо бы подумать, что мы делать будем потом? Сроку я взял — пять лет.

— Это лето и пять лет? А что у нас будет через пять лет? —

изумлённо глянула на Степного Белла, ничего уже не понимая. — Стёп, ты в своём уме? Какие пять лет. Какое лето? Ты о чём? Ты часом не заболел? В огороде бузина, где-то там какой-то дядька. Ты бы ещё подумал, что здесь будет через сто лет, — невольно рассердилась она. — Время впереди есть. Вся осень и зима впереди, успеем ещё десять раз всё обдумать до следующего строительного сезона.

Сказала же, вернусь, разберёмся с твоими проблемами. А сейчас, не грузи.

— Я бы не откладывал.

— Ну, ты чего, Саш? Ну, зачем ты мне всё настроение портишь?

Такое прекрасное утро. Воздух! Солнце! Воздух какой прозрачный! Паутинки плавают в воздухе. Кругом — лепота! А с тобой пять минут пообщалась, как кислятины напилась. Бу-бу-бу, да бу-бу-бу. Всё утро бубнишь, словно у тебя запор! — наконец-то всерьёз рассердилась Белла.

Ну всё! Степной её достал. Это же надо. Ей скоро в дорогу, последние прекрасные денёчки перед отъездом остались, когда неизвестно ещё чем вся эта поездочка для неё закончится, а этот чудак, на букву «м», всё настроение ей испортил. И что теперь с ним делать? Убить, гада, чтоб настроение не портил?

— Это всё? — рассерженно зашипела она. — Или ещё что-то есть?

— Меня начинают беспокоить ящеры, — мрачно буркнул Степной.

— Какие ящеры?

— Наши!

— Опять? Опять этот Ли Дуг! — широко распахнула глаза Белла. — Ну, всё! Он меня достал. Урод! Марк на него жалуется, Лёха сталевар на него жалуется. Корней его на дух не переносит. Братья Трошины убить готовы. Сидор велел мне за ним присматривать. Даже Машка на него зуб точит. А теперь и ты ещё ему претензии выдвигаешь.

— Да чего он хоть сделал то?

— Не имперские, подгорные.

— Чего?! — растерялась Белла.

— Как мы стали кормить их пьяным зерном, с ними прям на глазах, произошла какая-то странная метаморфоза.

— Какая ещё метаморфоза? О чём ты? Что за бред? У них что, брюхо от зерна пучит?

— Я бы сам хотел думать, что это бред. Да не выходит, — угрюмо буркнул Степной.

И первое, что меня настораживает, что они перешли

полностью на растительное питание. Все. Поголовно. Это — ненормально. Ящеры и зерно?!

— Ты чего, сбрендил, Стёп? Что значит, ненормально? Это же просто здорово! Это же какая экономия! Жрут они не сравнить с человеком, никаких денег не напасёшься. А тут — пьяное зерно. Это же отлично! До них мы вообще его выбрасывали, не зная, что с ним делать. А тут — такая удача. Такая экономия!

— Согласен, — неохотно, словно сдал немного назад Степной, — сплошная экономия. Тем более что других продуктов питания для них у нас практически и нет, — медленно проговорил он, словно роняя тяжёлые слова. — Кормить их просто нечем. А друг друга, всех кого могли слабых, они сами давно подъели.

Но, тут другое, Белла. Ты не поверишь, но они становятся умнее. Они действительно, прямо на глазах прогрессируют. У них даже речь изменилась. Я тут слышал, как присланные Марком землекопы рассуждали меж собой о максимально эффективном способе выбрасывать грунт из котлована, чтобы лишнего не переработать! У них была речь не тупых землекопов. Да даже просто разработать эффективную систему последовательной перекидки грунта из глубокого котлована, нужны мозги. Хотя, казалось бы, чего там разрабатывать. Бери больше, кидай дальше.

И ведь она действует! Выработка на одного землекопа действительно повысилась. Немного, процентов на десять, но повысилась. Ты можешь себе представить подобное ещё год назад? Ящеры и мозги! Я — нет.

— Да это нормально, — растерянно отозвалась Белла. — Это нормально для любого мыслящего существа думать, как не делать лишнюю работу.

— Не для подгорного людоеда, — отрезал Степной. — Не для того, каким он был полгода, год назад. Сейчас — это словно другие особи. Абсолютно другие. Словно другая раса. У меня порой даже складывается странное впечатление, что они стали умнее многих наших городских имперцев. Не образованнее, заметь, а именно умнее. Быстрее соображают, адекватнее реагируют. Да и вообще поймал их как-то на том, что некоторые особи подгорных, особенно из тех, кто давно у нас в плену, на имперцев посматривают как-то свысока, с оттенком некоего тщательно скрываемого презрения, что ли.

Меня это беспокоит.

— П-ф-ф, — облегчённо выдохнула воздух Белла. — Его это беспокоит. А меня нет! Так и хочется выругаться матом и сказать некоторым шибко умным, что большего бреда я в жизни не слыхала. Но, зная тебя, понимаю, что ты на пустом месте такой

вопрос не стал бы поднимать. Пока могу сказать лишь одно. Вернусь со свадьбы — разберёмся. А сейчас — нагружай их ещё больше работой. Если рассуждают — значит, мало устают. Мало устают — значит, мало работают. Вот и нагрузи их по полной, чтоб от усталости ноги еле таскали. Пусть не работают, а вкалывают. Утром, днём и вечером, от зари до зари. Меньше дурных мыслей приходить в голову будет. Даже ящерам, — буркнула она, сердито отворачиваясь.

Помолчав, Степной мрачным нейтральным тоном проговорил:

— Хорошо, — неохотно пообещал он, решив видимо больше ничего не говорить. — Ты права. Сейчас не время. Приедешь, разберёмся. Но, главное, я сказал что хотел. Ты предупреждена. И передай там своим, Сидору и в первую очередь этому вашему профессору, чтоб задумались. А как вернёшься, где-нибудь под Новый Год, мы вернёмся к этому вопросу.

— Вот и ладно, — облегчённо вздохнула Белла. — Значит, решили. А сейчас пошли дальше, хвались. Что у нас тут ещё хорошего есть.

— Котельную построили, новую, — наконец-то изволил слабо улыбнуться Степной.

Видимо выплеснув на Беллу свои внутренние страхи, он успокоился и перешёл к более конструктивному диалогу.

Дальше уже всё пошло по накатанной. Степной хвалился своими достижениями, Белла в нужных местах ахала и охала, хваля мужика за безусловные достижения, и тем, доставляя тому несомненное удовольствие, но высказанное Степным беспокойство невидимой тучей повисло меж них, отравляя немногие оставшиеся минуты встречи. И оба прекрасно понимали, что к вопросу ящеров, к их странной метаморфозе придётся ещё вернуться.

Глава 8. Пора, друзья, пора…

Проводы

Как провожают пароходы, совсем не так как поезда
Морские медленные воды, не то, что рельсы в два ряда…
Как ни суди волнений больше, ведь ты уже не на земле
Как ни ряди разлука дольше, когда плывёшь, на корабле.
Вода, вода…. Кругом вода….

Только прошлым вечером услышанная в соседском кабаке недавно появившаяся в городе новая легкомысленная песенка расстающихся землян, навязчиво вертелась на языке и никак не давала сосредоточиться, и по достоинству насладиться последними минутами перед долгим расставанием с дорогим ему человеком.

На проводы собственной неугомонной и вдруг ставшей слишком самостоятельной снохи, решившей присоединиться к баронессе в её поездке на княжескую свадьбу, которая, впрочем, обещала стать Большим Событием на все времена, Голова не пошёл. Во-первых, решил показать совсем уж потерявшей супружеский страх снохе своё явное недовольство этим её решением. А во-вторых, да и, как бы это не важней первого оказалось, не захотел толкаться чуть ли не со всем городом в толпе провожающих у причала. Предпочёл проводить сноху своего младшенького издалека, сидя в одиночестве на уютной открытой веранде второго этажа «Гадкого утёнка», закрытой на сегодняшний день для всех остальных посетителей, кроме него и его ближников. И оттуда уже спокойно понаблюдать за предотъездной суетой порта.

Многим Голове обязанный хозяин, предпочёл вообще закрыть своё заведение на спец обслуживание, даже неся при том серьёзные финансовые потери, лишь бы потрафить не любящему суеты и толчеи Городскому Голове.

Казалось бы, мелочь, а ни скажи, подобное уважение, самостоятельно, без принуждения проявленное кабатчиком, льстило самолюбию Косого, во многом за последние годы подутраченное из-за множества произошедших достаточно для него неприятных пертурбаций в Крае.

Сидя в лёгкой полутени под полотняным навесом, овеваемым лёгким влажным ветерком, тянущим со стороны портового

залива, сейчас о прошлых неприятностях не хотелось и вспоминать. Почему-то, глядя на праздничную суету, царящую на пристани, хотелось думать лишь о хорошем.

Хотя бы о том, как громко прозвучит имя его семьи, имя Косых, побывавших на ТАКОЙ свадьбе. И пусть лишь в числе свиты поречной баронессы, но всё же, всё же…

Что ни говори, а уже это одно многого стоило. Хотя бы как знак того, что их край не одно сплошное захолустье, как обычно называли их земля дворяне откуда-нибудь из низовий.

— «Всё же есть от присутствия этой женщины в городе несомненная польза», — пришла в голову ставшая уже даже какой-то обыденной мысль о значении этой молодой женщины для их Края. И даже значения не того золотого дождя, что с её появлением обильным ливнем пролился на деловых людей города, а именно её самой.

Всё-таки, что ни говори, а именно эта женщина, которую сейчас провожал чуть ли не весь город, добилась для домовладельцев из района порта жёсткого запрета на прямой сброс сточных вод напрямую в воды залива. Одно это многого стоило. А уж то, что именно она заставила городские власти за счёт самих горожан при минимальном участии городской казны построить очистные сооружения, там, ниже по течению Каменки, стоило ей при жизни памятник поставить.

Никогда бы прежде Голова не подумал, что простые кухонные стоки, на которые и внимания то не обращаешь, могут ТАК загаживать воду. И что исправить положение можно ТАКИМИ простейшими средствами. Самыми простейшими: солнце, воздух и вода, да плюс ещё трава. Чтобы ему ни говорили, а на подобные разговоры прежде он никогда не обращал внимания, считая их чем-то глупым и несуразным, не стоящим его внимания. Сейчас же, сидя на открытой террасе, наслаждаясь свежим речным ветерком из затона без запахов гнили и разложения, там, где прежде он не выдержал бы и получаса, Голова отчётливо понимал, насколько та оказалась права. Действительно стоило немного поднапрячься и заставить этих бездельников серьёзно разориться на простейшие очистные сооружения. Всем от того стало только лучше.

Всего-то и делов было, канаву прокопать, да проложить под землёй большую керамическую трубу для сбора сточных вод. Ну и вывести её в очень удобно расположенный ниже по течению Каменки заросший рогозом и камышом большой речной затон. Заодно завернув туда и русло небольшой безымянной речки, отсекавшей с севера город от заливных лугов северной стороны. Чтобы разбавленные речными водами бытовые стоки под

действием солнца и водных растений проходили там минимальную очистку перед сбросом уже непосредственно в реку.

Пришлось, конечно, повозиться, в том дальнем заливе и особенно с речкой, но на большее ни местные хозяева, ни город не были готовы тогда раскошелиться. Чисто психологически не были готовы вкладываться большими деньгами в такую, вчера ещё, казалось бы, сущую ерунду.

Теперь же как-то вдруг оказалось, что подобное отношение было где-то в далёком прошлом. Сейчас, отношение к подобным вопросам, под действием явно видимой выгоды, радикально поменялось. Не говоря уж о сегодняшнем дне, когда он на собственном личном примере убедился в действенности использования простых водных растений для наведения порядка.

— «Чистота — залог здоровья. Здоровье — превыше всего», — пришла в голову очевидная мысль.

Голова невольно зевнул. Что удивительно, сегодня свежий ветерок с портового залива навевал почему-то дрёму. Нет, сидеть на открытом воздухе и не нюхать смрад грязных вод портового залива, имело свою несомненную приятность. И для того, действительно стоило раскошелиться.

— «Точнее, заставить это сделать других», — жёстко уточнил для себя Голова.

Стоило мыслям лишь свернуть на деньги, как весь сон словно ветром из головы выдуло. Растраты личных средств на общественные нужды он для себя и в мыслях не допускал. Тем более на то, к чему сам лично был не причастен. За чужие косяки Голова никогда не платил.

— Вот ты где. Так и знал, что тебя здесь застану.

— Проходи, Сила Савельич, присаживайся, — по-хозяйски, как у себя дома, пригласил присоединиться к нему Городской Голова. — Ты один?

— Ну, что ты, Сильвестр, — улыбнулся Староста. — Как я мог один прийти на ТАКИЕ проводы. Со мной увязалась чуть ли не половина городского Совета. Почитай, молодые дочки чуть ли не всей Старшины города отправляются с нашей баронессой на столь значимую свадьбу. Вот и моя сорвалась, как наскипидаренная. Пробовал удержать, да куда там, — безнадёжно махнул он рукой. — Сам знаешь, ураган девка.

И как я выдержал весь этот дурдом с подготовкой, ума не приложу. Сейчас отцы наших делегаток все там, в нижней зале, сдвигают столы. Собираются отмечать, как положено. Кому что, а нашим мужикам повод для веселья искать не надо. Он сам каким-то образом находится.

— Ты баронессу уже называешь нашей? — с ехидцей в голосе подковырнул Голова. — С каких это пор?

— С тех самых, как присутствие этой шебутной личности в нашем городе стало приносить мне несомненную пользу. Хотя бы вот, эта поездка. Когда бы ещё выпал такой удобный случай молодой девчонке посмотреть столицу Подгорного княжества, да ещё на халяву.

— Пожалуй, соглашусь с тобой, — улыбнулся Голова.

Отвернувшись, Голова какое-то время молча наблюдал за прощальной, немного нервной суетой, воцарившейся в этот момент на парадной пристани города. Оттуда, как раз сейчас медленно и осторожно отваливалась неповоротливая туша большой самоходной баржи с представительской делегацией от города на княжескую свадьбу. И хоть персонально никого из них княжна на свою свадьбу не приглашала, прикрываясь присутствием в свите баронессы, которая могла иметь с собой любой по величине и по количеству состав, Старый Ключ мог громогласно заявить своё присутствии на ТАКОЙ свадьбе. Важный политический момент, что ни говори. И пусть их там никто не ждёт, зато теперь все знают, что такой город в Поречье есть!

Вот вчера не было, а сегодня — раз, и есть!

— Спасибо, уважаемый, — благодарно кивнул Голова кабатчику, поставившему поднос с лёгкими овощными закусками на небольшой столик между двух стоящих у перил веранды изящных плетёных кресел.

— И тёмненького нам принеси, — кивнул он ему ещё раз.

— Мне светлого, — уточнил Староста.

— Ключёвского, — бросил он вслед быстро удалившейся спине кабатчика. — И коньячку нам захвати, грамм двести, орехового.

— Сто грамм с утра и весь день выходной? — расплылся в ехидной ухмылке Голова. — С каких это пор?

— Какая сегодня работа, — невозмутимо отбрил Староста ехидный, с подковыркой вопрос Головы. — А если с утра что и пить, то лучшее. В нашем городе, что ни говори, а Сидоров коньячок и пиво — лучшие. Хорошо, что самого этого поганца сейчас в городе нет, как-то спокойнее. А без него они больше не жадничают, и баронесса согласилась хоть что-то из Орехового Нектара оставлять для кабаков города.

— Ваняткино, — недовольно поправил его Голова, отворачиваясь обратно к заливу. — Пиво — Ваняткино.

— По мне, хоть ящерово, — с понимающей ехидцей отозвался Староста. — Я не за тем сюда пришёл, чтобы выяснять с тобой, кому принадлежат пивные заводы, производящие Ключёвское

пиво. Сидору, баронессе де Вехтор или Ваньке твоему.

Кстати, как только этот твой шкет связался с Андрюхой Буяном и его бандой, пиво стало явно хуже. Только старые запасы пока и спасают. Ты б ему мозги всё же прочистил. А то опять без хорошего пива останемся.

— Он не мой.

— Тем более, — негромко рассмеялся Староста, довольный, что уел-таки старого приятеля. — Давай, прекратим этот бессмысленный спор. Это неважно, твой он или чужой. Для нас важно, что мы имеем возможность пить самое лучшее. А я стараюсь брать от жизни всё самое-самое. Всё что можно.

— Поэтому, ты и ждал столько времени? — с усмешкой полюбовался Голова.

— Это ты о чём?

— О водолазах, — ухмыльнулся Голова. — Точнее, о водолазном снаряжении: масках, баллонах, костюмах, шлангах, подающих воздух и прочем. О том, что давно уже скрытно разрабатывается в твоих клановых мастерских. Небось, всю зиму и лето возился, пока начало хоть что-то получаться? Ну и как, «Данила-мастер», вышел у тебя каменный цветок? — негромко, искренне рассмеялся Голова.

— Так и знал, что от тебя ничего не скроешь, — улыбнулся в ответ Староста. — Вышел-вышел. Тогда, раз ты уже всё знаешь, у меня будет к тебе встречное предложение. Давай прекратим это дурацкое соревнование друг с другом и заключим мир. Не хочешь мир, давай заключим перемирие.

— Это ты о чём?

— О том же что и ты. Предлагаю прекратить меряться у кого, что там больше, толще, крепче или ещё что. Вдвоём мы сила, поодиночке, можем оказаться и в пролёте. Предлагаю объединить наши усилия. А цель? — хмыкнул он. — Цель, я думаю, у нас одна — утопленный этими олухами Имперский прокатный стан. Достойная, на мой взгляд, цель.

Ни тебе, ни мне, самим нам поодиночке его не поднять. У каждого из нас по отдельности нет всего для того необходимого оборудования. А вот вместе, скооперировавшись, мы можем если не всё, то многое. Мои водолазные аппараты, плюс твои дизельные лебёдки и надувные плоты. По отдельности ничего у нас не выйдет. Вместе мы сила. Предлагаю объединиться.

— Согласен. Городок у нас маленький. При всём желании ничего друг от друга не утаишь, — Голова, хитро прищурив глазки, покровительственно ухмыльнулся. Кривую гримасу Силы на свою ухмылку он словно бы не заметил. — Чего таиться, да друг с другом тягаться? Одно ведь дело делаем.

— Угу, — как-то неопределённо хмыкнул Староста. — Одно. Пытаемся лишить бывшего собственника его законной собственности.

Хотя, с другой стороны…, — на секунду прервавшись, Староста с многозначительным хитрым видом посмотрел на приятеля. — Умные ведь люди в таких случаях что говорят: «Что с воза упало, то пропало». Вот я и предлагаю, подобрать….

— Что плохо лежит, — покосившись на него, невозмутимо продолжил его мысль Голова. — А я вот другое думаю. Какое в твоих словах слово главное? «От друга» или «не утаишь»? Или совсем уж третье: «Баба с воза, кобыле легче», — с намёком кивнул он сторону портового залива.

— Думаю, и то, и то, и то. И больше третье, чем два первых. Это с Сидором можно было не церемониться, эта же стерва сразу в драку полезет, — поморщился Староста.

Посему, предлагаю союз. Вместе нам будет проще, легче, да и дешевле. По крайней мере, дублировать друг друга не будем. Я не буду изобретать лебёдки, а ты — подводные аппараты. Время — деньги. Тем более что его-то у нас, как я считаю, и нет.

— Ну почему же, — ухмыльнулся Голова. — Времени впереди полно. А вот делиться с кем-либо, чего-то не хочется. До зимы, до крепкого льда, месяца три ещё есть. Можно спокойно подготовиться и подтянуть хвосты. А там быстро, одним рывком добро то и прибрать. Так что мне спешить некуда, можно и спокойно подготовиться. В частности, мне аппараты твои изобрести, — вдруг прямо с неприкрытой насмешкой глянул он на помрачневшего Старосту. — Дело, как оказалось, не хитрое, тем более что и у меня есть кое-какие толковые люди, в сем деле разбирающиеся. Да и заделы кое-какие имеются. Не у тебя одного земляне на службе. Есть, есть знающие люди, — с довольной ухмылкой мотнул он головой.

Поэтому, мне спешить не резон. И время меня не подгоняет. А вот ты без моих лебёдок груз не поднимешь. На лебёдку нужен мотор. А его-то у тебя и нет. И достать тебе их, хотя бы парочку, для изготовления собственных лебёдок не получится. Нет в городе в продаже моторов. Ни в городе, ни вообще. Нет, я проверял. До весны, по крайней мере, не будет. Я этот момент особо отследил, как ты понимаешь.

И как ты сам понимаешь, доставать груз со дна озера, всяко легче со льда, чем с плотов. Наморозь только слой льда потолще, укрепи его хворостом, брёвнами, чтоб не лопнул под тобой, и работай себе спокойно до весны. Хоть лебёдкой, хоть воротом. Я собственно и планировал начать где-нибудь с середины зимы, когда лёд самый прочный.

Зимой и водолазу работать хорошо, вода не такая мутная, всё видно. Баньку только у проруби поставь, чтоб замёрзшие люди сразу отогревались, и работай, сколько тебе влезет.

Вода зимой чистая, прозрачная, без мути, всё видно. И по времени вполне успеваю до возвращения бывших хозяев, чтоб не мешали, — Голова широко, насмешливо ухмыльнулся.

— Думаешь, по времени уложишься? — хмыкнул Староста.

— А ты посчитай. Сейчас — последние дни августа. Пока наша баронесса доплывёт до столицы Подгорного княжества, огибая с запада чуть ли не весь континент, пока там проторчит на этом торжестве, вертясь перед знакомыми и хвастаясь нарядами, баба всё ж, чего с неё взять, пока соберётся обратно, много времени пройдёт. В лучшем случае на обратной дороге она доберётся до устья Лонгары к середине зимы. А дальше, не торопясь, лошадушками, лошадушками, да длинным неспешным обозом, как раз к весне и дома будет.

Куда ей гнать, молодой то девчонке.

Да что я тебе говорю. Сам же знаешь, как такие большие посольства быстро перемещаются, в час по чайной ложке. Так что, время у меня впереди есть.

Помолчав, Голова ещё шире расплылся в ухмылке, видя что Сила никак на его слова не реагирует.

— Как видишь, я от тебя ничего не скрываю. В этом деле ты мне не нужен. И делиться с тобой я не собираюсь.

Заметив, что Сила Савельич опять не отвечает, о чём-то глубоко задумавшись, мгновенно насторожился.

— Иль у тебя есть другие соображения? — кольнул он товарища внимательным, построжавшим взглядом.

Оглянувшись по сторонам, словно проверив, есть ли кто рядом и, лишь удостоверившись, что на веранде кроме них двоих никого, Сила негромко заговорил:

— Я бы на твоём месте не был бы столь самоуверен. И не стал бы рассчитывать чуть ли не на полгода. В лучшем случае будет месяца два, три. И то, на третий, я бы не загадывал. Я потому и подошёл к тебе, что в отличие от тебя понимаю, другого времени у нас нет, и не будет. Не сделаем сейчас, осенью, про добычу можно забыть.

Сейчас самый подходящий момент. Можно сказать, баронесса, своим убытием на княжескую свадьбу сама сделала нам шикарный подарок. В городе из руководства компании землян не останется никого. Один Корней да профессор. Профессор не в счёт, — пренебрежительно махнул он рукой. — А Корней — сам знаешь, что за фрукт. Кругом себя ничего кроме стреляющего и взрывающегося не видит. Словно слепнет и

глохнет. Тетерев на токовище, одно слово. Уж его то…, — Староста многозначительно посмотрел прямо в глаза Головы, и, сделав многозначительную, внушительную паузу, продолжил, — этого тетерева можно плотно занять на границе. Подключив кое-какие твои связи, по ту сторону. И он в двух шагах от себя ничего не увидит и не услышит.

И только рад будет, когда мы «будем вынуждены», может быть даже и по его же просьбе, ввести на озёра свои дружины для охраны поднятого со дна озера драгоценного груза. И ему поможем, и себе.

Ну и, как ты прекрасно понимаешь, раз явившись куда-либо, сложно будет нас, потом оттуда подвинуть. Особенно, если мы сами того не захотим. Сейчас предлога нет, а тогда будет сколько угодно, на выбор. Сам понимаешь, придумать можно всё что угодно, главное, находиться там на месте.

— Интересно, — задумчиво посмотрел на него Голова. — Но не более. Что-то ещё, чего бы я точно не знал?

Внимательно глянув на «старого друга», Староста какое-то время молчал.

— Вижу, ты не понял, Сильвестр, — медленно проговорил он. — Думаешь, мается Сила Савельич дурью, навязывается, потому как, сам слаб в коленках оказался.

Боюсь, ты ошибаешься, мой «старый друг».

Так вот. Информация к размышлению, как любит говорить наш один общий знакомец, Сидор который.

Не более двух месяцев отсутствия баронессы в городе — это не моё преувеличение. Стал бы я иначе огород городить. Баронесса действительно вернётся обратно не позже третьего месяца, считая с сегодняшнего дня. Почему? Отвечаю.

Заметив скептическую, недоверчивую улыбку на губах Головы, Сила Савельич медленно покивал головой, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями.

— Так и думал, что сразу мне ты не поверишь. Тогда вопрос. Тебе сноха твоя не жаловалась на тесноту в каютах на тех новеньких, специально для поездки на свадьбу обустроенных самоходных баржах, на которых они все отправляются в круиз вокруг всего западного берега континента?

— Жаловалась, — непонимающе глянул на него Голова. — Ну и что? При чём здесь это? Ну, тесно бабе в каюте, что дальше? Ей и дома тесно. Сколько комнат ей не дай в тереме, всё мало, независимо от размера. Скоро и меня из моего же угла выживет, а всё одно ей мало. И что?

— А то, что на двух таких больших баржах, да плюс с монитором, вдруг не оказалось достаточно места для размещения

всего лишь пары сотен людей с небольшим по одной единственной причине. Потому, что в носовом трюме у них хранится разобранный летательный аппарат, который собственно и занимает основной внутренний объём баржи.

— А на фига он ей там сдался?! — едва слышно проговорил ничего не понимающий Голова. — Уверен?

— Вопрос на засыпку. Если в обоих эллингах, где, по общеизвестным данным ремонтируются оба якобы разрушенных дирижабля, нет ни того, ни другого, где они, по-твоему, могут быть?

— А там, естественно нет, — задумчиво пробормотал себе под нос Голова, в упор глядя на Силу.

— Ни того, ни другого, — отрезал тот. — Более того, пропали из мастерских и обе пассажирские гондолы, которые братья Трошины делали по какому-то особому спецзаказу Изабеллы. Как пропали и оба лёгких пулемётных броневика, по спец заказу делаемых в Трошинских мастерских для неё же. Зато на обоих баржах на носу и на корме вдруг за одну ночь появились какие-то непонятные, обшитые обычными досками надстройки, куда вообще никого не пускают, даже экипаж. И в обеих же самоходных баржах, при, казалось бы, таком большом внутреннем объёме, почему-то не оказалось в достатке места для размещения всей делегации. Приходится большинству тесниться под навесом на палубе и в немногочисленных маленьких куцых каютках.

Скажешь, что у неё там лежат подарки многочисленной родне? Так извини, но я тебе не поверю. Слишком родни много получается, — скупо улыбнулся он.

Про этот их, так называемый монитор, вообще ничего не скажу. Это — вообще особая статья. О нём абсолютно ничего не известно. Что тоже наводит на не самые приятные размышления. Внешне — совершенно ни на что не похоже, а они его что лишь не облизывают. Тоже непонятно, с чего бы это.

Да и где это видано, чтобы ни ты, ни я не имели, ни малейшего представления о том, что производится в городе. Что за судно такое? Таинственность развели, страшную. Зато, надо признать, итог есть. Никто в городе до сих пор толком не представляет, с чем может столкнуться на реке.

В общем, упустили мы многое за прошедшую пару лет.

— Ну, почему же, упустили, — медленно, немного заторможено возразил Голова. — Всё упущенное можно наверстать. Есть же Куница, наш старый, добрый товарищ и друг. При известном подходе, конечно, от него многое можно узнать.

— Который сам на пушечный выстрел не подпускает никого чужого к своей, так называемой артиллерийской лодье. Которую

ему построили на верфях этой компании, — жёстко отрезал Сила. — Пусть с его мастерами, но на чужих верфях, которых совсем недавно вообще не было. И, кстати, тоже почему-то называет свою лоханку монитором. Почему бы это?

И ещё. Не забывай, на носу выборы. Твои выборы! Так что на Куницу, на то, что тот скажет тебе что-либо по старой доброй памяти, я бы на твоём месте не рассчитывал.

Как тебе такой расклад? Нравится?

— Ровно настолько же, как и тебе, — невольно огрызнулся Голова.

— И это ещё далеко не всё, — снова загадочно ухмыльнулся Староста. — Раз уж я взялся тебя просвещать, то останавливаться на полпути не намерен. Ещё одно у тебя спрошу.

Как ты думаешь, кузнецы, те, что недавно тесно объединились вокруг Мастера Дутова, будут спокойно смотреть на то, как мы у них из-под носа утаскиваем кровь как им необходимую вещь. Тот самый Большой Имперский прокатный стан?

— Малый.

— Не важно. Хоть Средний. Так да или нет?

— Почему бы и нет, — насторожился Голова. — По-моему, сейчас им точно не до какого-то стана, пусть даже и Большого. Сейчас у них на своих болотах самый жор с латунью идёт, как у рыбы. Я этот момент тоже учитывал в своих расчётах.

— Учитывал, да, видать, не учёл, — жёстко отрезал Сила. — У них самих уже готов свой собственный действующий образец дыхательного аппарата. И они его уже испытали. И, думаю, их желание наложить свою лапу на затонувший в озере прокатный стан от этого только возросло. А учитывая приобретённый ими за прошедшее лето немалый опыт по подъёму с глубин самых разных грузов, машин и механизмов, думаю, нам с тобой, они сотню очков вперёд дадут.

Вот кто главный наш конкурент на этот стан. Кузнецы, не баронесса. Не компания Сидора, не я тебе и не ты мне. Кузнецы — главные конкуренты нам с тобой.

Как только они выгребут со дна болот всю свою латунь, а это случится как раз к началу зимы, когда ты сам рассчитывал начать работы по подъёму, они окажутся тут, как тут, у тебя под боком. Нужны тебе такие конкуренты? Мне — нет.

Нравится, не нравится, но нам обоим жизненно необходимо это объединение. Тебе и мне. Думаю, о разделе будущих прибылей между собой мы как-нибудь уж договоримся. А вот с кузнецами — нет. Это их поле и они на нём главные. И уступок тут от них не жди. Упустим момент сейчас, потом можно и не

мечтать.

Ну а раз так, то, надеюсь, я тебя убедил, что ни о каких шести месяцах, ни о какой зиме, на что ты так рассчитываешь, не стоит рассчитывать.

Два месяца осени! Два — и не больше! Имея воздушный летательный аппарат, уже опробованный и показавший прекрасные результаты по быстрому перемещению в воздухе, которые нам раньше и не снились, баронесса так надолго город не покинет.

Потому что никуда далеко она не поедет. Ей это не нужно, — тихо, со значением подчеркнул Сила Савельич, глядя Сильвестр Андреичу прямо в глаза.

Она найдёт где-нибудь в среднем течении Лонгары тихое, уютное местечко, где ей никто не сможет помешать, и соберёт там оба своих летательных аппарата. Потратит на это от силы неделю. А потом по воздуху, дня за два, за три, спокойно доберётся до столицы Подгорного княжества.

И произведёт там фурор.

Для города это, безусловно, хорошо. Имя нашего города, пусть даже и наравне с именем баронов де Вехтор прогремит на весь мир. Это — безусловный для города плюс.

А вот для нас с тобой — минус, — неприятно улыбнулся Сила. — Минус — это князья Подгорные. Они нам этого не простят. Баронессе такого не простят, но и нас не забудут.

Чтобы какие-то там селяне, лесовики, ТАК опустили самих князей Подгорных, да ещё на их же собственной свадьбе в их же доме…. Никогда ТАКОГО они НАМ не простят. И при первой же возможности, постараются отыграться.

— Плевать я хотел на этих князей, — стиснув зубы, презрительно процедил Голова. Глаза его в этот момент полыхнули какой-то лютой, еле сдерживаемой ненавистью. — Кто они такие? Шелупонь! Поднявшиеся на ворованном добре барыги. Упыри, жиреющие на народной крови.

Это мы с тобой каждую медную монетку свою тяжким трудом нажили, потом и кровью. Они же просто воры.

Торфяное Плато, с чего они основной доход свой имеют, раньше было всё целиком и полностью собственностью амазонок. А потом князья подсуетились, воспользовались удобным моментом и лапу на него свою наложили, когда ящеры серьёзно потрепали бабец, и у тех не было сил воевать сразу на два фронта. А теперь и вовсе их оттуда полностью вытеснили. А заодно и на западные районы республики хавалку свою теперь разевают, пользуясь тем, что они с тех давних пор так и не заселены.

Только вот амазонки теперь уже не те, что раньше. Оправились. И «добро» княжеское хорошо помнят, когда те в тяжёлый момент ударили им в спину. Потому и князья нынче осторожничают. Вишь, историю со Срединной Империей затеяли, дворянство подкупают, не лезут так нагло, как прежде. А всё равно порода всё та же, шакалья. Пока к рукам всё не приберут, не успокоятся. Вот увидишь, быть войне.

— И в этой будущей войне нам, то есть нашему городу будет отведена одна из главных ролей. Тыловой базы обеспечения, — невозмутимо согласился с ним Сила. — Зря, что ли, Территориальный Совет столько внимания уделяет нашему городу. И Ведун нас не забывает, и другие, всякие разные, месяцами толкутся в нашем городе.

Да и бабцы последнее время гонор свой смирили, не задираются, так как прежде. Нужны мы им сильно, вот и поутихли. А нам грех тем не воспользоваться.

И этот визит баронессы, ещё больше привлечёт внимания к нашему городу. А внимание это что? Это деньги. Деньги на развитие края, на подъём промышленности и сельского хозяйства, на привлечение новых людей на наши земли. И у территориалов деньги есть. Много. И, главное, они готовы их вкладывать. В нас. Потому как мы, их тыл в будущей войне уже со Срединной Империей, которая у них окажется прямо под носом, в двух шагах. И щит против будущего нашествия ящеров.

Со всех сторон мы в выигрыше.

Так что, учитывая всё вышесказанное, обратно нашу баронессу следует ждать не позже середины декабря. Как раз домой она и заявится, когда ты только-только соберёшься приступать к наращиванию льда над местом, где утоп Имперский Прокатный Стан. И врежет тебе по рукам.

Тебе нужен скандал перед выборами? По мне — так нет.

Одно дело, когда спорный предмет уже лежит у нас на складах, и совсем другое, когда она нас на месте за руку схватит. И борьбу за выборы на место Главы Города мы провалим с треском.

Ты! Ты провалишь.

Такой хай поднимет, что о новом сроке можешь и не мечтать. Знаешь же, какой сволочью может быть обиженная баба. Так что, времени у нас с тобой всего ничего. Два месяца, сентябрь и октябрь. И всё. Может, ещё начало ноября удастся прихватить. Но уже на ноябрь я бы не закладывался. Можем и опоздать.

И вот это — и есть та самая единственная причина, по которой я здесь и сейчас рядом с тобой сижу. И даже готов обсудить дальнейшее использование того оборудования, что нам

достанется. Половина на половину, думаю, справедливо будет.

Нам следует объединять усилия, а не подсиживать друг друга, в надежде выиграть сущие мелочи. Надеюсь, это то ты понимаешь. Вместе мы сила. Порознь, нас любой сломит. Выросло, понимаешь ли, новое поколение. Уже в затылок дышат. И Куница — не самый страшный из них, — тяжело вздохнул Сила.

— Согласен, — невозмутимо кивнул Голова. — Есть в твоих словах зерно истины. Вместе нам легче отбиваться и от конкурентов, и от бывшей собственницы. Большой Имперский Прокатный Стан — не та вещь, на кражу которой бывший хозяин будет смотреть спокойно. Овчинка стоит выделки. Ничего подобного во всём нашем Крае нет.

Что же касаемо того, будут ли бывшие хозяева спокойно смотреть, как мы распорядимся их прежним имуществом, так и что с того. Прошляпили, прозевали, профукали. Не смогли вовремя распорядиться собственным имуществом и достать со дна озера ценный приз — пропадёт же.

Прокатный стан не та вещь, чтобы долго оставлять его без внимания. Вот пусть теперь и пожинают плоды собственного головотяпства.

Было ваше, стало наше. По-моему, так будет справедливо, по-честному.

— Боюсь, наша дражайшая баронесса не оценит по достоинству подобного стремления к справедливости, — буркнул Сила.

— Ей придётся согласиться, — отмахнулся Сильвестр. — Тем более что мы предложим ей альтернативу. Хочет вернуть свой стан — пусть сперва оплатит все наши затраты на работы по поднятию Имперского прокатного стана со дна озера и доставку его в город. Чтоб всё было по закону. И мы тут же вернём ей её собственность. Честно, вернём, — ухмыльнулся Голова. — Честно-честно. Как только оплатит, так сразу и вернём, — подпустил зловещих ноток в голос Голова. — Нам нечего чужого не надо. Пусть только оплатит наш труд.

— На что ты рассчитываешь?

— На то, что работёнка эта не из дешёвых будет. Раньше никто её не выполнял, так что и цен устоявшихся на такую работу нет. Сколько сами себе назначим — столько и будет. И Городской Совет нас в том поддержит.

И ей придётся согласиться.

Думаю, на полученные с неё капиталы, мы сумеем купить себе и два таких стана. Тебе и мне. Да ещё и останется, чтоб взятку сунуть баронам на Басанрогском перевале, чтобы препон не чинили.

Не захочет, можем вернуть ей стоимость оборудования. Естественно с учётом его амортизации и порчи под водой. Тоже чтоб всё было по закону. Если она на эти деньги сумеет купить себе десяток шпилек для своих роскошных волос, я честно скажу, что ей очень повезло.

Суров закон, но это закон!

С деланно суровым видом, Голова поднял верх указующий палец, являя в этот момент всем своим видом неумолимость действующего законодательства.

— В преддверии сложностей, возникших с образованием новой Срединной Империи и надвигающейся войны с подгорными людоедами, мы не можем оставить без внимания такой крайне важный для выживания города предмет, как Имперский Прокатный Стан. Речь идёт о самом нашем выживании. Городу нужен прокат. Городу нужно крепить оборону. Городу нужно строить укрепления и выстоять в надвигающейся войне. И мы не можем себе позволить пустить всё на самотёк. Это — суровая реальность. Это не наша прихоть, это вопрос выживания всех.

— Правильно, — медленно, с достоинством кивнул Сила Савельич. — Абсолютно правильная позиция. Верная! И думаю, весь состав нынешнего Городского Совета нас в том поддержит. Надо крепить оборону города самым решительным образом. Потому как жить все хотят.

А баронессе, ли Сидору ли, любому другому из той компании скажем: общественное — выше личного. Надо чем-то жертвовать для общего блага.

— Но, лучше, всё ж, для нас, будет, компенсацию с них взять, — с кривой гримасой на лице мрачно проговорил Голова. — И купить своё. Деньги не пахнут. В отличие от всего остального, — мрачно пошутил Сильвестр Андреевич Косой, Городской Голова города Старый Ключ.

Отплытие

Отъезд Изабеллы Юрьевны де Вехтор на свадьбу к Подгорной княжне прошёл исключительно чётко, по-деловому и, как-то… обыденно, что ли, не смотря на множество провожавшего народа и праздничное настроение собравшихся. Словно группа из нескольких хорошо знакомых меж собой людей, со своими давно устоявшимися маленькими традициями собралась у пристани на рядовой выезд на природу. Пикник, не иначе.

А то, что две немалого размера тяжело нагруженные лодьи и

артиллерийский монитор чуть ли не по самые борта сидели в воде, приняв в своё нутро все те мелочи, что скрашивают пребывание отдыхающих на природе, на это внимания как бы никто не обратил. Ну, везут гости подарки хозяевам и всякую сопутствующую путешествию мелочёвку, и что такого. Дело обыденное.

Не удивляло и то, что группу из двух хорошо вооружённых самоходных барж прикрывал мощный артиллерийский монитор, со смотрящими с носа и кормы двумя большими, ста миллиметровыми пневматическими орудиями. И не к такому за последние годы привыкли.

У жителей этого Края всегда были довольно непростые отношения с соседями амазонками через реку. И то, что баронесса Изабелла де Вехтор для своей поездки на свадьбу к подруге озаботилась строительством мощного артиллерийского монитора, способного давлением воздуха метать снаряды чуть ли не на полных три версты, тоже особо никого не удивило. При всём миролюбии, последнее время открыто демонстрируемом властями Амазонии к Ключёвскому Краю, веры им не было ни на грош. Слишком уж непростые и неоднозначные отношения были меж них в прошлом. Да и в прошлом ли? Не было ли подобное смягчение нравов лишь ширмой, предназначенной скрыть истинное отношение амазонок к левобережцам. Иной ведь как. Пока у него всё плохо и он в тебе нуждается, так готов чуть ли не в дёсна целовать. А как схлынет крайняя нужда — так нет врага лютее, готового твоей же кровью смыть общее прошлое, и, как он считает, своё унижение, когда ему приходилось перед тобой пресмыкаться. Иные ведь подобного, в собственной голове придуманного унижения, никогда не прощают.

Так что, не было веры амазонкам, ни малейшей. Потому и не вызвало ни у кого лишних вопросов ни пара сорока пяти миллиметровых пневматических орудий, на носу и корме у самоходных барж, ни пулемётные башенки по бокам. Коль есть у баронессы денежки, которые та готова выбросить на собственную безопасность, пусть платит. А в городе ей и не такого монстра сделают, лишь бы платила исправно. А баронесса всегда исправно платила.

За что в городе, при всех её постоянных закидонах, баронессу искренне любили. Да и почему бы не любить набитый золотом кошелёк, готовый неизменно развязываться и щедро оплачивать все свои прихоти, какими бы бредовыми они ни были. И, которая, при всём своём богатстве, не лезла ни в какие местные дела.

Правда, были в городе и понимающие люди, которые прекрасно знали, что подобное положение дел до поры до

времени. И когда-нибудь, возможно уже завтра, а нет, так и послезавтра, всё изменится. Большие деньги всегда рвутся в политику. А вот к чему те изменения приведут — неизвестно. К добру ли, к худу, но что по-старому не будет.

С другой стороны, чего плохого ожидать от неопытной, пусть и обделённой жизнью молодой девчонки, у которой погибли родители и воспитывалась она как сирота.

К тому ж, с какой стороны ни посмотри, а не особенно тот фанерный монитор и впечатлял. Тому, кто серьёзно интересовался вопросами артиллерийского вооружения речных судов, те же трофейщики могли дать сто очков вперёд. Их-то орудия, настоящие огнестрельные орудия, собранные по добычливым местам на правом берегу Лонгары, могли метать свои снаряды и на много большие расстояния.

Там дистанция и в десять вёрст для какой-нибудь ста миллиметровой гаубицы с огнестрельным боеприпасом было обычное дело. Да и калибром были ого-го как поболе. Так что единственно кому мог быть серьёзно опасен сей артиллерийский монстр, так лишь тому, кто потревожил бы это судно вблизи от него. Потому как на расстояния более трёх вёрст, тот монитор не стрелял. Это была его максимальная дальность.

А что цена того снаряда для огнестрельной гаубицы зашкаливала за все разумные пределы, так и что с того. Дешевизна никак не заменяла качественного различия и дальности стрельбы. Пока бы баронский монитор подобрался на дистанцию уверенного поражения, его бы самого уже десятки раз потопили. И что бы там хозяева ни говорили о какой-то невообразимо крепкой броне, из которой якобы сшит был весь его корпус, да с каркасным усилением крученного древесного волокна, разве может пусть даже и проклеенное в несколько слоёв дерево выдержать прямое попадание тяжёлого артиллерийского снаряда. Ответ однозначен — нет. Пустая похвальба со стороны землян, не иначе.

Да и сам боеприпас у землян серьёзно подкачал, хоть те и тщательно это скрывали. Всё норовили простыми железными болванками пострелять, чем серьёзным фугасным снарядом.

Вблизи же, да. Вблизи этот монстр впечатлял. Плоскодонный броненосный корабль, длинной шестьдесят два метра и шириной двенадцать. Осадку имел неполных девяносто сантиметров. Над водой возвышался сантиметров на шестьдесят.

Зато водоизмещение имел целых восемьсот тонн. Вооружение — два пневматических сто миллиметровых орудия, торчащих на носу и корме в глухих поворотных артиллерийских башнях. Плюс четыре пневматические пулемётные системы, в равномерно

распределённых по обоим бортам закрытых башнях.

Вот что было серьёзной силой этого броненосного монитора — пулемёт, действительно грозное, страшное оружие, способное буквально вырезать всё живое в границах зоны поражения. И как охранник для небольшого торгового каравана, способен был обеспечить полную безопасность. Вот в этом качестве — цены ему не было.

О самоходных же баржах, с двумя немецкими шестисот сильными бензиновыми двигателями Майбахами, для экономии дефицитного топлива оснащённых ещё за каким-то чёртом и совершенно несуразным парусным вооружением, совсем ничего нельзя было сказать.

Что же находилось в трюмах этих перегруженных подарками судов, одному Богу было известно. И что было скрыто под двумя большими уродливыми ящиками на корме и на носу обоих барж, никто понятия так же не имел. Даже из свиты самой баронессы, особенно из её привлечённой части, никого и близко к грузам не подпускали. А, установленные на обоих судах по одному пневматическому орудию, да по парочке пневматических пулемётов в выступающих за габарит угловатых башнях по бортам каждого судна, отбивали всякую охоту интересоваться.

Да и команда на баржах подобралась не очень дружелюбная. Видать, под стать самой хозяйке. Как собаки гавкали на всякого невинно поинтересовавшегося, сразу отгоняя всех интересующихся в сторону. Нет, с такой маниакально озабоченной охраной и с такой баронессой, похоже, совсем больной на всю голову, определённо не стоило шутить. Уж слишком внимательно в её окружении относились к вопросам личной охраны и безопасности.

Речной путь.

Имра Косая всегда была высокого мнения о себе. Настолько высокого, что даже после нескольких лет счастливого замужества сама себя до сих пор называла Имра Строгая, тем самым подчёркивая собственную самость. И в том, как окружающие её люди должны были к ней относиться соответствующе, у неё были довольно определённые и весьма чёткие представления.

Наверное, именно это её внутреннее качество и помогло ей в своё время подцепить столь завидного жениха, как младшенький сынок самого Городского Головы известного поречного города Старый Ключ. Пусть жениха не такого богатого, как хотелось бы, но всё ж ей это удалось, и муж её любил по-настоящему. А не так

как в некоторых семьях — одна видимость.

С тех пор Имра Строгая-Косая ещё больше утвердилась в собственном мнении, окончательно для себя определив как окружающие её люди должны к ней относиться: с пиететом, уважительно, внимательно выслушивая все её прихоти. Действительность первого дня путешествия жестоко обломала давно ставшее привычным.

Если до своего восшествия на борт этой роскошной самоходной баржи она думала, что для неё это путешествие выльется в лёгкое, необременительное путешествие, то…., стоило этому корыту отвалить от городской пристани, как в её спокойную устоявшуюся жизнь вторгся ад.

На следующее же утро, как только их небольшой караван вышел на простор большой реки, им объявили, что её саму, как и её свиту, включили в состав экипажа и поставили в очередь на несение вахты. И даже для приличия не поинтересовались её мнением. Удивительно, но никого подобное просто не интересовало. Все, кто был на борту, поступили в полное распоряжение команды.

И если до того дня она думала что знает о порядках на речных судах всё, то вот тут она жестоко ошиблась. Ежедневное лазание вместе со всей свитой баронессы по вантам парусного вооружения самоходной баржи доставляло крайне мало удовольствия. И поражало откровенной тупостью происходящего. У каждой баржи было по два мощных бензиновых мотора, которые уверенно тянули её вниз по реке. Так какого же хрена, спрашивается, нужно ещё и парусное вооружение?

Иначе как откровенной глупостью, тупостью и самодурством баронессы это не назовёшь.

Медленно движемся на одних моторах? Так куда спешить? Времени до начала объявленных торжеств ещё полно. Горючего не хватает на весь путь? Так чего не закупились впрок? Почему вышли из порта с пустыми топливными баками. Того бензина, что нужен, в городе, хоть ж…., хоть на хлеб толстым слоем намазывай. Пусть не такое хорошее горючее, как хотелось бы, или как прежде было, когда ещё работал собственный нефтеперегонный заводик этой компании. Ну, так и что? Ведь есть же. Купи и горя не знай.

Объяснение типа — «Экономия», в голове как-то не укладывалось. Чего его экономить, когда при нужде его можно просто купить. Всё равно идти придётся мимо устьевых поречных княжеств, славных тем, что там чёрта лысого достать можно. А уж самого чистейшего, отличного качества бензина, как и великолепной солярки, там море разливанное.

Там крупные многолюдные княжества, богатеющие на транзитной торговле. Там моторов полно и соответственно с топливом проблем нет.

Да и дальше, в портах берегового Союза проблем с топливом тоже нет. Вот там да, там дорого. Ну, так потому что спрос большой, а доставлять приходится из Поморья. Да, и неизвестно ещё на какого качества бензин там ты нарвёшься.

Но ведь есть же. А что не то купил, так смотреть надо лучше. Голова человеку на то и дана, чтобы не только шапку носить.

Вот именно этот момент Имра знала чётко, как дважды два, поскольку специально перед отплытием у свёкра всё для себя выяснила. А уж тот жук знает такое, что этой баронессе и не снилось.

Так что Имра всё знала чётко. По дороге вокруг континента отличного качества бензин и солярку можно найти где угодно и без особого труда, только плати. А деньги у баронессы есть. Стоит только посмотреть на это чудо, на эту самоходную баржу, на двигатели, на вооружение, на внутреннюю отделку кают, как понимаешь — у этой баронессы не просто есть деньги, а есть о-очень большие деньги. Потому как построить такие суда стоит очень немалых средств.

И таких судов у баронессы было не одно, не два, а целых три.

Нет, почему-то поставили на баржах по две съёмные мачты под косые паруса и заставляют теперь всех на суднах возиться с ними, осваивая нелёгкий труд моряков, точнее, речников. Зачем, совершенно непонятно. Может, самоутверждается за счёт унижения других? Да нет, непохоже. Вроде не такой баронесса человек.

А вот что драться любит, так это плохо.

— «Так и норовит плёткой всю задницу ободрать, коль не послушаешься, — Имра машинально тронула собственное недавно пострадавшее место, и тут же отдёрнула руку. — Больно. Не дай Бог увидит что чешешься, ещё подумает что недовольна. Тогда точно ещё раз выпорет. Тут с этим легко. Чуть что не так, мигом тащат на корму к месту порки.

Да-а-а. Тут не у свёкра на мягких подушках с многочисленной дворней. О-очень напоминает порядки, царившие в курсантском училище. Особенно в части быстроты исполнения наказания».

Мелочность и откровенное скупердяйство урождённой поречной дворянки Имру Строгую откровенно угнетало. Но сделать было ничего нельзя. Не она здесь хозяйка. На судне царила махровая дедовщина. А попробуешь увильнуть, накажут.

И ведь теперь не откажешься от данного ею слова. Сама же согласилась слушаться баронессу во всём. А то, что та имела в

виду именно полное послушание, Ирме и в голову не пришло. Привыкла к неге и полной свободе в доме у свёкра, который с неё только что пылинки не сдувал, вот и забыла, что значит для настоящей поречной дворянки именно полное послушание. И как в их семьях наказывают за неповиновение или лень.

А в категорию лени можно ведь занести всё что угодно, всё, что в голову взбредёт. Вот и получила, что теперь каждый день и косточки все ноют, и задница, чтоб её, чешется.

Впрочем, глядя на то, как сама баронесса каждым утром измывалась над собой, выполняя полный воинский разминочный комплекс, Имра мстительно утешалась. Так себя истязать. Зачем? Вот уж воистину дворянское воспитание. Ведьма. И в этом городские кумушки не солгали. Что ни говори, а баронесса действительно оказалась настоящая поречной ведьмой. Только те ТАК себя не берегут.

Но ладно бы сама, Бог с ней, пусть тешется, чем пожелает. Но других то зачем истязать. Ведь и поспать утром лишний часок порой хочется, и вечерком постоять, полюбоваться на закат над рекой.

Нельзя же всё свободное время посвящать повышению воинского мастерства и наведению на судне порядка. Оказалось — можно. А некоторым, так и обязательно. И хорошо, что ни сама Имра, ни личная её свита не попали в это число. Им было дано послабление. Пусть, как чужим, но то, что вытворяла над собой баронесса, и всё её ближнее окружение, иначе как издевательством точно не назовёшь.

Но всё когда-то кончается. Так и тупые издевательства кончились однажды, ранним осенним утром. Долгие две недели неспешного мирного путешествия по реке внезапно оборвались в неприметном, укрытом со всех сторон просторном речном затоне, где-то в срединном течении Лонгары.

Речной затон.

— «Имея деньги, можно иметь всё».

В правоте этой немудрёной истины Имра Строгая-Косая не сомневалась до того дня, пока не увидела то чего не может быть.

Мутная речная волна тихо толкала в бок разгружаемую компанейскую баржу, на борту которой они сюда добрались, заставляя амазонку привычно покачиваться в такт лёгкой речной зыби. Одуряюще, до зайчиков в глазах слепило глаза осеннее послеполуденное солнце, словно намекая на совсем скорую зиму, в прибрежных кустах шуршали какие-то мелкие лесные зверьки, а

на душе Имры скребли кошки. Что вокруг неё происходит, она не понимала и от того давно уже пребывала в самом отвратном настроении. Обе их баржи и этот пресловутый монитор, длинные пушки которого смотрели куда-то в сторону реки, тихо покачивались в тайном затоне трофейщиков, на их временной базе, и НИКТО ИМ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛ! Словно для них эта чужая база была дом родной!

Мир тронулся с ума. ТРОФЕЙЩИКИ терпели в своих водах КОНКУРЕНТА! И не просто терпели, а всячески привечали. А что баронесса Изабелла де Вехтор была им конкурентом, причём конкурентом серьёзным, учитывая деяния Димона Счастливчика в прошлом году где-то в этих же самых местах, Имра ничуть не сомневалась. Да баронесса и сама не особо скрывала того в разговорах с самими трофейщиками, которые Имра не раз уже краем уха слышала за всё недолгое время стоянки в этом затоне.

И, несмотря на всё это, перед баронессой буквально стелились. Маленький круглый словно колобок хозяин базы, имени которого Имра так до сих пор и не смогла узнать, словно на коньках катался кругом баронессы что-то ей расписывая с самой умильной улыбкой на физиономии. И та снисходительно, словно хозяйка слуге благосклонно кивала в ответ на какие-то его слова.

И это на глазах у всех, и никого не удивляло, и никто не возмущался, словно для всех это было нормально. Незнакомая молодая девчонка, лет двадцати от роду, командует на пиратской базе как у себя дома и никому до того дела нет.

За этим что-то стояло. Что, неизвестно. Но что трофейщики были крайне заинтересованы в баронессе, сомнений у Имры не было ни малейших.

— «Что тут происходит?»

Поселившаяся в душе Имры тревога никак не давала ей спокойно осмыслить происходящее. Сейчас кругом происходило что-то интересное и важное, то, что совершенно не укладывалось в картину её жизни последних нескольких лет на Левобережье. А она была вне всего этого.

— «Давай остановимся и подумаем. Хватит психовать, Имра. Соберись! Что я вижу, и чтобы это могло значить? Два вопроса, ответа на которые у меня нет. Пока нет.

Итак, давай по порядку.

Первое. Что я вижу. Бред. Вижу я бред. Бред сивой кобылы в тёмную сентябрьскую ночь. Да, согласна. Уже середина сентября и ночи действительно уже тёмные. Это так. Кобыла? Ну, условно можно и меня принять за неё. Дитё есть, сама — баба, значит — кобыла. Бог с этим. Хоть горшком назови, только в печь не сажай.

Дальше. Идём дальше.

Боже, что за бред лезет мне в голову?

Второе. Что бы это значило?

Итак, по порядку. Мы здесь уже два дня. Два дня нас никто и пальцем не тронул. А должны были, глядя на ту наглость, с которой себя здесь держат эти так называемые компанейские егеря и девичья охрана этой поречной баронески. Как такое может быть?

Никак.

Но раз оно есть, значит, баронесса о чём-то с ними договорилась и она им, видать, зачем-то крайне нужна. Как договорилась — это потом, а сейчас вспомним, что тут было. Было. Было-было-было.

Два дня назад вечером, точнее, под вечер, часа в три пополудни, как раз когда моя группа собиралась полдничать, мы тихо вошли в этот затон.

Тихо. В этом то всё и дело. Это тайная база трофейщиков. А три вооружённых до зубов чужих судна беспрепятственно входят на тщательно охраняемую территорию.

Стоит только посмотреть на две тщательно замаскированные артиллерийские батареи на мысу затона, как о беспрепятственном прохождении мимо них нечего и думать.

„Стоп, Имра. Стоп-стоп-стоп. Остановись и подумай. Что это ещё за тайная база такая, куда беспрепятственно входят три чужих, хорошо вооружённых речных судна? Свободно! Чужих! Три-и-и!

А мы для здешних хозяев, безусловно, чужие.

Это что же тогда выходит? Что о тайной речной базе трофейщиков теперь будет знать чуть ли не каждая собака на реке? Бред! Не может такого быть. Да чтобы речные пираты, а трофейщики именно таковые и есть, чтобы там кто чего про них ни говорил, да чтоб они позволили кому-то постороннему узнать точное место расположения их тайной базы, откуда они осуществляют свои набеги и на баронства, и на амазонок, да, бывает, и на то же левобережье? Да, быть такого не может!

С какой стороны ни смотри, а они нам не друзья. Не были, не являются и никогда не будут. Это — аксиома!

Значит, судя по моим предварительным рассуждениям, да и по множеству других косвенных признаков, это их временная, разовая база. Здесь — место контактов с чужими, то есть с нами, с ключёвцами, и, что само собой, естественно с баронессой.

Или? Что? Только с баронессой? Да, похоже, что так. Похоже, эта ничем не примечательная база в речном затоне организована конкретно под эту встречу. Ой, интересно то как…“.

На миг ступни ног Имры похолодели, словно с испугу, и защемило сердце. Похоже, она влезла куда-то не туда со своими рассуждениями. Срочно сворачиваем.

Мысли Имры Строгой-Косой, или Косой-Строгой, снова плавно и привычно потекли в нужную сторону.

— „Жаль! Жаль-жаль-жаль, что не удалось побывать на основной базе пиратов, но, может это и к лучшему. Кто знает, как поведут себя эти так называемые „трофейщики“ с теми, кто узнает точное место нахождения их основного логова. До сих пор подобное ничем хорошим для слишком любопытных не кончалось. Так что, и того что она видела, ей уже хватит. По крайней мере, для серьёзного беспокойства у её тестя уже достаточно причин.

Один только мельком промелькнувший в отдалении хорошо знакомый силуэт одного из многочисленных наследных ханов бывшей Сатинской орды, уже о многом говорит. Как о связи поречных татар с пиратами, так и о нигде, и никем не афишируемой их связи с баронами де Вехтор. Ой, к добру ли…“.

— „Значит, настоящее место базы не здесь, а где-то ещё, — ещё раз Имра констатировала явную очевидность. — Умно. Нет, точно умно. Чужих к своим тайнам не пускают, даже если меж ними и есть какие-то дела, а всё неважное демонстративно показывают. Хм“.

— „Оказывается, меж баронессой с трофейщиками есть какие-то свои дела. Какие? Надо бы узнать какие. Иначе тесть живьём съест, если не вызнаю“.

Имре казалось, от всех этих беспокойных мыслей у неё сейчас голова треснет. Сноха Головы одного из важнейших пограничных городов Левобережья Старый Ключ, Имра Строгая, наконец-то задумалась всерьёз. Ещё даже не начавшись, поездка на княжескую свадьбу уже полностью оправдалась.

Да за такие сведения…, — Имра мечтательно закрыла глаза, только представив, ЧТО она выжмет из прижимистого свёкра да за ТАКИЕ сведения. — Есть что рассказать свёкру, внутренне ухмыльнулась она. — Пусть знает, что не зря её отпустил в вольный полёт. Уже есть несомненная польза от этого путешествия.

И пока она здесь, первое, что надо выяснить. Представляет ли этот новый союз никому ранее неизвестной баронессы с трофейщиками, опасность для старых кланов Старого Ключа? А для республики? Или можно не обращать на эту мышиную возню никакого внимания? Мало ли какая надобность может возникнуть у делового человека, вызвавшая необходимость контактов с речными пиратами? Особенно на такой оживлённой торговой

трассе, как центральная река континента.

Опять же, другой вопрос. А ей-то какое дело до интересов республики. Сейчас-то её интерес полностью лежит в области интересов города Старый Ключ и её новой семьи. Чай, она всё ж мужняя жена, а не шалава какая приблудная. А это, уже совершенно иной расклад. Пожалуй, интересы республики всё же вторичны. Надо, надо перестраиваться. А то ведь так можно и многое упустить.

Баронесса имеет дела с трофейщиками. Пф-ф-ф! Свёкор мой тоже. Пф-ф-ф два раза! И что?

И ничего.

Ага! Вот и наша баронеска. Идёт из штаба трофейщиков. Судя по довольному виду, о чём-то договорилась. Интересно бы знать, о чём? Как бы к ней подкатить?»

— Так! Все свободные живо на палубу. Быстро заканчиваем разгрузку! — донёсся до Имры громкий голос баронессы с пристани.

— Э? Что значит все? — встревоженная Имра крепко схватила за рукав пробегавшую мимо амазонку из охраны Изабеллы.

— Плетей захотела? Все, значит все. Шевелись!

Многострадальная нижняя часть спины Имры мгновенно заныла, вспомнив пару преподанных ей за прошедшую неделю болезненных уроков. Да, с плетьми здесь не шутили. Если сказали все, значит все.

Обречённо смирившись, Имра уныло побрела к носовому трюму, где уже торопливо кучковались все пассажиры их баржи, глядя как команда судна сноровисто откидывала в сторону прикрывавший грузовой люк толстый брезент и устанавливает на носу разобранную перед отплытием лебёдку. Распоряжения баронессы ВСЕГДА выполнялись стремительно. Несогласным или ленивым приходилось потом сильно пожалеть о нерасторопности.

— «Ну вот, — пришла к Имре в голову холодная деловая мысль. — Вот сейчас что-то решится. Сейчас я узнаю, что такого странного было в этом трюме, что его всё прошедшее время так усилено охраняли. И чем баронесса на самом деле торгует с трофейщиками, что они ей прямо в рот заглядывают? На чём зиждется её богатство?»

Появившееся из трюма нечто, только добавило головной боли. Разобранный на составные части дирижабль, который Имра сразу узнала по примелькавшимся за лето над городом расцветкам покрывной ткани баллона, и который буквально вверг её в ступор. Торговать с трофейщиками дирижаблями? Продуктом новейших технологий? Бред! Зачем, когда буквально сам факт его обладания приносил немалую, чуть ли не

ежедневную прибыль? Происходящее было выше её понимания. Эта беспокойная компашка землян что, совсем обеднела?

Ладно, она могла бы понять, что баронесса продаёт трофейщикам свои переделанные под броневую композитную фанеру броневики, которые оказались под теми самыми большими несуразными ящиками на корме и на носу обеих барж. Подобного ржавого добра у неё теперь не считано, чуть ли не двадцать штук ещё осталось. А может и ещё больше. Кто ж его знает, чего они за прошедшее лето понатаскали с кузнецами с дальних пограничных болот.

Но дирижабль! Остро необходимый в их городе дирижабль?! На продажу?! Убью стерву!

Вот, значит, откуда такая таинственность и усиленная охрана. Чтоб кузнецы в городе, из тех, кого ящеры этой осенью серьёзно прижали на болотах, и которые напрасно, как оказалось, надеются на помощь со стороны землян, заранее скандал не подняли, увидев подобное непотребство? Вот, оказывается, чем были забиты трюмы обоих самоходных барж — частями от обоих разобранных дирижаблей.

Не свадебными подарками, не топливом для путешествия, нет — разобранными на части и подготовленными к продаже обоими дирижаблями, которые баронесса решила продать трофейщикам.

— «Какой ужас!»

Оказывается, баронесса Изабелла де Вехтор довольно плотно торгует с трофейщиками. И чем? Своими чудными дорогущими дирижаблями, и своими переделанными под броневую композитную фанеру броневиками. И ещё непонятно чем, что во множестве оказалось плотно запакованным в тюках, и сейчас руками самой Имры Строгой выгружалось из удивительно ёмких трюмов.

— «Будь ты проклята, Изабелла, — с тоской думала Имра, глядя на всё происходящее вокруг. — Речные пираты скооперировались с нашей баронессой за спиной у властей моего города и торгуют друг с другом.

— Никого в городе и близко к ним не подпускала, а чужим людям, каким-то трофейщикам — пожалуйста. И никто ведь ни сном, ни духом о подобном безобразии. А эту дворянку даже не беспокоит, что свидетелями есть множество совершенно независимых людей. Вот вроде как она и её девочки. Которые не будут молчать и завтра же расскажут всем о происходящем по всей реке. Скоро каждая собака будет знать об этом союзе.

И её это не беспокоит?!

Выходит, ей нечего бояться. Такая смелая? Ведь за такое дома

по головке не погладят. Ни наши, ни амазонки.

Или, я не знаю чего-то важного. Что сведёт на нет всю важность такой горячей новости, — голова Имры мучительно заболела от навалившихся мыслей. Догадок было — море, а толковых — ни одной. — Что же это могло бы быть? Что?»

Но пока она мучилась неразгаданными тайнами, руки её привычно делали порученное дело. Тяжёлый монотонный труд по разгрузке баржи от всего привезённого, затянувшееся обустройство временного палаточного лагеря рядом с бараками пиратов, и установку «причальной мачты», чтобы это всё ни значило, всё занимало руки, но полностью освобождало голову.

А потом…. Потом, всё стало хуже некуда. К концу первого дня разгрузки для Имры всё встало на свои места.

— «Обман, кругом обман», — с глухой тоской, словно её в чём-то предали, страдала Имра Строгая.

Никогда раньше такое бы ей и в голову не пришло, что можно так ловко всех обдурить, ТАК провести ВСЕХ.

Никуда, ни в какие низовья, ни к каким Устьинским князьям, ни на какую заправку, ни в какой Береговой Союз, к морским торговцам, и ни в какой круиз на роскошной барже по всем морям вокруг всего Западного побережья она не поплывёт. Всё — лажа!

Здесь был конечный пункт их водного маршрута. Здесь было место их выгрузки.

И вот зачем с ними поехали оба брата Трошина, что с самого начала так сильно напрягало и не нравилось Имре.

Не из уважения к кузнечным гильдиям города взяла кузнецов с собой баронесса.

Едва достав из трюма первый ящик с частями дирижаблей, братья Трошины принялись быстро и сноровисто собирать из разрозненных частей дирижабль, выдавая тем самым немалую предыдущую практику.

А вот дальше пришёл настоящий ужас понимания что задумала эта ТВАРЬ, эта подлая баронеска. Дальше к месту свадьбы они должны будут лететь по воздуху. На дирижаблях! На обоих! Над землёй! По воздуху! То ли пятьсот, то ли шестьсот вёрст. А может и всю тысячу?! По воздуху! На высоте то ли двух, то ли трёх вёрст от поверхности земли!

И тут Ирме Строгой в первый раз в её недолгой, но такой насыщенной жизни серьёзно поплохело. Она должна будет лететь на одном из этих монстров.

Страх холодной, ледяной рукой стянул горло, не позволяя пискнуть в протест.

Ей придётся лететь по воздуху! На этом аппарате! На

котором, по слухам, разбились насмерть их городские кузнецы! Те, которые этим летом вывозили с пограничных болот своё ржавое дерьмо! На том аппарате, что этим летом прославился бомбёжками и невиданными успехами по уничтожению ящеровых становищ вдоль границы. Который заправляется горючим водородом, и который в любой момент готов вспыхнуть всепожирающим пламенем.

И ей, с её подругами не предлагали, ей ПРИКАЗАЛИ лететь на ЭТОМ! Не поинтересовавшись её мнением!

Наверное, это был первый случай в её жизни, когда Имра Строгая назвала приближённых к своей особе людей подругами. Ни до того, ни после, ни разу подобного не было. И, наверное, если б не случилось такое непотребство, никогда бы и не было вообще.

Ей не предлагали, ей приказали, что и как делать. Словно она овца какая! И, судя по взгляду, которым баронесса Изабелла де Вехтор мельком наградила Ирму Строгую, когда озвучивала перед всеми свои планы с полётом на свадьбу по воздуху, так оно и было. Чужое мнение баронессу не интересовало ни в большей мере, чем кошку мнение домовых мышей. Удивительно, но именно в тот момент баронесса удивительнейшим образом напоминала ту самую кошку.

Протест так и умер на устах Имры, как, впрочем, и у остальных из свиты, стоило лишь бросить взгляд на баронессу и на эту её, так называемую охрану. Никто не пикнул, приняв всё как должное.

Имра не знала, что делать. С подобным отношением приходилось ей и раньше встречаться, но то раньше, в училище. А чтобы вот ТАК обошлись конкретно с ней, и сейчас, когда она стала совсем не последним человеком в известном на всём пограничье городе Старый Ключ! Когда она стала любимой снохой самого Главы города Косого Сильвестр Андреича! Раньше Имре такое и в голову не могло прийти.

— «Ну, Изабелла де Вехтор, — мысленно дала себе зарок амазонка. — Дай лишь срок, да домой вернуться. За мной не заржавеет».

В этот момент Имра Строгая-Косая пообещала себе, что она что-нибудь, да придумает. Сейчас ещё не знает что, даже в мыслях ничего не держит, но она обязательно что-нибудь придумает. Нечто ТАКОЕ, после чего эта выскочка, зарвавшаяся мелкая поречная дворянка, не раз пожалеет о своих издевательствах над нею, над Имрой. Пожалеет, да поздно тогда будет. Уж Имра то Строгая, сделает всё, что задумала. Дай ей лишь срок. Не зря у её рода фамилия такая — Строгая.

И ещё! Судя по такому «весёленькому» началу, будущая свадьба княжны Подгорной, будущей Императрицы ещё не провозглашённой Срединной Империи, обещала быть весьма-а-а «интересной».

Вздрогнув, Имра словно очнулась, заметив стоящую рядом с собой баронессу, что-то ей говорящую. Так и хотелось сказать ей всё, что она о ней думает, и где она видала её полёты по воздуху, вместе с этими аппаратами. Сердце испуганным зайцем гулко бухало где-то бесконечно далеко внизу. Нет, такого с нею не могло было быть.

— Так, девочки, — вдруг захлопала Изабелла в ладоши, привлекая внимание. — Чего стоим, кого ждём? Дирижабля не видели? Ничего! Ещё насмотритесь и даже нащупаетесь. И даже налетаетесь! Живо-живо-живо за работу! Время не ждёт! Мы опаздываем на мероприятие. Нам ещё пару суток его собирать и лететь Бог знает сколько времени. Пошевеливаемся, пошевеливаемся! Не спим, не спим. Работаем!

Следующие двое суток напоминали Имре какой-то дурдом, но крайне упорядоченный и строго выверенный, в котором все были на своих местах.

А утро четвёртого дня, считая с момента их остановки в речном затоне «тайной базы», Имра встречала уже на высоте одной версты над поверхностью земли, в лично ей выделенной персональной каюте на борту пассажирской гондолы на ДЖ-2 «Громобой». В самой большой гондоле из двух пассажирских аппаратов.

Почему назвали аппарат «Громобой» — было совершенно непонятно, но этим утром она была на его борту, в своей койке и на чистой постели. И пусть каюта маленькая, не развернёшься, койка узкая, постель ещё не застелена, лежит аккуратно сложенной стопкой на табурете в углу возле входной двери, но это была её персональная каюта. Отдельная! И они действительно сейчас летят по воздуху.

Сердце колотилось от страха. И Имра понимала…., что ей это НРАВИТСЯ. Это было так здорово!

Выглянув в иллюминатор, Имра застыла, глядя восторженными глазами на картину земли внизу под собой. Просторный речной затон где-то далеко внизу, и туши застывших на поверхности воды огромных речных судов: монитор, две их разгруженных пустых баржи и рядом — пара небольших судёнышек трофейщиков, малые речные ушкуи. Больше похожие на мелких букашек, чем на что-то стоящее.

И снующие по палубам судов маленькие фигурки команды, торопливо наводящие порядок в развороченном зеве самоходных

барж.

И рядом с затоном множество хаотично разбросанных по краю прибрежного леса безликих одноэтажных строений, где располагались ремонтные мастерские базы.

Убогость страшная.

Имра брезгливо поморщилась от одного этого вида. Вот что значит, пиратская база — никакого порядка. Банальные барахольщики, по какому-то недомыслию названные трофейщиками. Может каждый сам по себе и представлял собой какую-нибудь ценность, как человек, или, на худой конец, как специалист, но все вместе это было стадо. Неуправляемая толпа, заставить которую элементарно прибрать за собой, было из разряда чего-то невозможно запредельного.

Вспомнив строгость фасадов зданий и выверенность, словно по нитке, выстроенных квадратами корпусов цехов на заводе свёкра, царящий там кругом идеальный порядок и чистоту, Имра презрительно скривила губы. Мастерские базы трофейщиков, если эту пару убогих сараев можно было назвать столь громким словом, не впечатляли. Как, впрочем, не впечатляли и сами местные мастеровые из числа пиратов.

Но сам факт их наличия здесь на месте им несомненно помог. Причём, очень здорово. И приходилось признать, что если б не готовые производственные помещения с налаженным оборудованием, если б не своя кузня, если б не обученные, умеющие работать с техникой люди, предоставленные трофейщиками, провозились бы они со сборкой летательных аппаратов намного дольше, даже не смотря на наличие собственных кузнецов.

И уж тремя то сутками они бы точно не отделались. Недели две уж точно провозиться бы пришлось. А так, управились довольно быстро. Трое суток в таком деле — ничто.

Судовая лебёдка это хорошо, но мощный грузовой паровой подъёмный кран, вроде недавно установленного у её тестя на клановом грузовом причале — много лучше.

И становился понятен интерес баронессы к пиратам. Без них. Без готовой базы здесь на месте, они бы и в две недели по сборке аппаратов не уложились. А время действительно поджимало.

Имра встряхнулась, отрываясь от иллюминатора. Надо идти на работу в правый боковой эркер гондолы, собирать до конца ещё не собранные оружейные системы. И лучше идти самой, чем ждать, когда позовут. Ощущать потом спиной раздражённые взгляды товарищей, которым досталось выполнять твою работу, было неприятно. Будь ты хоть какой хорошей снохой самого Головы, а обязанностей твоих с тебя никто не снимал. Все при

деле. Даже сама баронесса не чинится, гайки какие-то вертит. И дел внутри ещё полно. Хоть тонкую работу по наладке пневматических оружейных систем лично ей никто не доверит, за отсутствием должной квалификации. Но всякой подсобной работы по монтажу пневматических трубопроводов ещё было полно. Хватит, до того дня, как доберёмся до столицы княжества.

Имра сама не заметила, что воздушный полёт она уже воспринимает достаточно равнодушно. Видимо, сказалась большая нагрузка последних дней, когда было не до рефлексий и копаний в себе самой. И теперь она даже предвкушала как они гордо и величественно, с развевающимися под днищем флагами, проплывут над флагами княжеского замка. Пусть видят эти…, гордые шляхтянки, что такое Левый Берег! Он себя ещё покажет!

Ха! Уже показал!

— конец 11-й хроники -